

КАЗАНСКИЙ ФИЛИАЛ
ФЕДЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТНОГО
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ПРАВОСУДИЯ»

**ЮРИДИЧЕСКИЕ САНКЦИИ:
ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ**

МАТЕРИАЛЫ V ВСЕРОССИЙСКОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ

г. Казань

УДК 808.5
ББК 83.7
Ю70

Юридические санкции: общетеоретические и отраслевые аспекты: Материалы V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Казань: Отечество, 2018. – 585 с.

ISBN 978-5-9222-1255-7

В сборнике публикуются труды участников V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Юридические санкции: общетеоретические и отраслевые аспекты», прошедшей 27 октября 2017 года в г. Казани.

Для преподавателей и аспирантов юридических вузов, институтов повышения квалификации, работников судебной системы и правоохранительных органов.

Статьи печатаются в авторской редакции.

© ФГБОУВО «РГУП», 2018

ISBN 978-5-9222-1255-7

СУЩНОСТЬ И СОДЕРЖАНИЕ ЮРИДИЧЕСКИХ САНКЦИЙ И МЕР ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРИНУЖДЕНИЯ В ПРАВОВОЙ НАУКЕ И ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ

Валиев Р.Г.,

доцент кафедры теории и истории государства и права Казанского (Приволжского) федерального университета, к.полит.н., доцент

Санкции правовых норм как фактор актуализации правоприменительных дискреционных полномочий

В докладе, исходя из особенностей технико-юридической конструкции санкций правовых норм, обосновывается их институциональная роль в юридической природе дискреционных полномочий субъектов правоприменения.

Ключевые слова: правоприменение; дискреционные полномочия; правовые нормы; санкции правовых норм.

В механизме правового регулирования, как хорошо известно, основополагающим обеспечительным средством выступают санкции правовых норм. Многие из них выражены при помощи таких средств юридической техники, которые обуславливают их общий, относительно определённый либо альтернативный характер. Такой характер санкций правовых норм объективно обуславливает востребованность дискреционных полномочий субъектов правоприменения, так как задачи охранительной правоприменения не могут быть заведомо решены исключительно на уровне правотворчества в порядке формулирования казуальных нормативных предписаний. Очевидно, что правоприменение есть форма и следствие невозможности законодателя охватить исчерпывающей регламентацией всех обстоятельств социальной практики как предмета правового регулирования. Формулируя предписания общего характера, законодатель руководствуется целесообразностью предоставления субъекту правоприменения возможности выбора соответствующих мер наказания исходя из правоприменительной ситуации. Как верно отмечает К.И. Комиссаров, законодатель «предусматривает основное направление регулирования, а точное определение объёма и содержания прав поручает суду»¹. Поэтому нормы права предусматривают возможность их индивидуализации, т.е. «уточнения» на практике (в каждом конкретном случае) в ходе правоприменительной деятельности. Иными словами, реализация правовых норм,

¹ Комиссаров К.И. Задачи судебного надзора в сфере гражданского судопроизводства. Свердловск, 1971. С. 26.

закрепляющих правила общего характера, нуждается в гибком индивидуальном подходе правоприменительных органов, который предполагает дискреционные полномочия субъектов правоприменения. Наиболее востребованы дискреционные полномочия у субъектов судебного правоприменения. Реализация правовых норм с относительно определёнными либо альтернативными санкциями, в конечном счёте, зависит от судьейского усмотрения. Судебное правоприменение как форма учёта конкретного в многообразии социальной практики позволяет реализовать альтернативные и относительно определённые санкции правовых норм дифференцированно, посредством их подведения под конкретные случаи нарушения. И решающая роль в этом процессе отводится правоприменительным дискреционным полномочиям судей. В этой связи представляется возможным заключить, что в институциональной природе правоприменительных дискреционных полномочий важное место занимают санкции правовых норм. Действительно, обзор санкций норм права, технико-юридическая конструкция которых предполагает возможность правореализационного усмотрения субъектов правоприменения, позволяет говорить об их дискреционном характере. Именно в силу альтернативного и относительно определённого характера санкций правовых норм правоприменительное усмотрение институционализируется в качестве органичного компонента властной компетенции субъектов правоприменения и составляет основу дискреционных полномочий, выступающих в качестве судьбоносного фактора правореализации.

Дискреционный характер значительной части правовых норм, санкции которых предполагают дискреционные полномочия субъектов правоприменения, свидетельствует об их идентичности, позволяющей дифференцировать их в качестве разновидностей дискреционных норм права¹. Выступая важнейшим обеспечительным средством реализации охранительной функции права, дискреционные полномочия призваны обеспечивать гибкость применения санкций правовых норм с учетом обстоятельств дела (места, времени, круга лиц и т. п.). В таком аспекте дискреционные полномочия выступают важнейшим ресурсом правового регулирования и правореализации, с помощью которого устраняется объективно существующее противоречие между общим характером санкций правовых норм и индивидуальностью конкретного правонарушения. В этом, как представляется, заключается и проявление аксиологической сущности дискреционных полномочий как судьбоносного фактора развития правовой систе-

1 О дискреционных нормах права более подробно см.: Валиев Р.Г. Дискреционные нормы права и их реализация // Нормы права: теоретико-правовое исследование: монография / Т.В. Губаева, Л.А. Гумеров, А.В. Краснов и др.; отв. ред. Т.В. Губаева, А.В. Краснов; Рос. акад. Правосудия. М.: РАП, 2014. С. 86–114.

мы. Нормативно-правовые предписания с потенциалом дискреционных полномочий субъектов правоприменения присутствуют в системе российского публичного и частного права на уровне как материальных, так и процессуальных норм права. Так, например, согласно п. 2 ст. 39 Семейного кодекса Российской Федерации, суд вправе отступить от начала равенства долей супругов в их общем имуществе, исходя из интересов несовершеннолетних детей и (или) исходя из заслуживающего внимания интереса одного из супругов, в частности, в случаях, если другой супруг не получал доходов по неуважительным причинам или расходовал общее имущество супругов в ущерб интересам семьи. Трудовой кодекс Российской Федерации предусматривает применение дисциплинарных взысканий по усмотрению работодателя. Реализация норм Гражданского кодекса Российской Федерации, предусматривающих возмещение морального вреда, в конечном счёте, зависит от дискреционных полномочий судьи. Судья определяет пределы возмещения морального вреда в зависимости от характера причинённых потерпевшему физических и нравственных страданий, а также степени вины субъекта гражданско-правового деликта.

В Уголовном праве оснований для использования дискреционных полномочий значительно больше вследствие широкого многообразия различного сочетания относительно определённых и альтернативных санкций правовых норм Уголовного кодекса Российской Федерации. Значительно меньше оснований для использования дискреционных полномочий предоставляют нормы Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации. По сравнению с Уголовным кодексом нормы Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации содержат главным образом относительно определённые санкции. Применение санкций правовых норм опосредуется правоприменительным усмотрением субъекта юрисдикционного правоприменения, от которого зависит не только выбор, но и конкретизация соответствующей санкции, т. е. определение конкретной меры ответственности виновного лица, включая назначение наряду с основным и дополнительного наказания. Так, в соответствии со ст. 285 Уголовного кодекса Российской Федерации, наряду с основным наказанием, суд в порядке применения санкции может использовать лишение права занимать определённые должности или заниматься определённой деятельностью. Анализ санкций уголовно-правовых норм показывает, что во многих случаях их содержание включает неоправданно широкий перечень различных по своему характеру мер наказания. Причём выбор каждой из них требует взвешенной дифференциации, что предполагает широкую свободу судьейского усмотрения. Так, например, ст. 292 Уголовного Кодекса Российской Федерации содержит пять альтернативных и к тому же «эластичных» по размеру и срокам мер наказания. Ст. 177 Уголовного кодекса Российской Федерации за совершение одного и того же преступного деяния в качестве возможных к применению вариантов

санкций предусматривает четыре меры наказания. Таким образом, относительно определённый и альтернативный характер санкций правовых норм обуславливает вариативность действий по усмотрению субъекта правоприменения.

Предметом правоприменительных дискреционных полномочий при реализации санкций правовых норм, как хорошо известно, являются такие обстоятельства, как степень вины правонарушителя, характеристика его личности, последствия совершенного правонарушения и др. Нормы, содержащие санкции, присутствуют и в процессуальном праве. Так, например, в Гражданско-процессуальном кодексе Российской Федерации предусмотрены такие санкции, как штраф, принудительный привод, удаление из зала судебного заседания. Приведённые примеры свидетельствуют о дискреционном потенциале санкций процессуально-правовых норм. Однако проблема в том, что дискреционный потенциал санкций правовых норм может иметь не только позитивное правоохранительное значение. В дифференцированно-избирательном подходе к применению санкций правовых норм заложена институциональная предпосылка произвола правоприменительного усмотрения. Под воздействием различных факторов юридически неограниченная свобода усмотрения имеет тенденцию превращаться в свой антипод – произвол правоприменительного усмотрения, если дискреционные полномочия осуществляются с очевидным отступлением от начал законности, разумности и справедливости. Произволом правоприменительного усмотрения, на наш взгляд, может, например, признаваться случай несоразмерного возмещения морального вреда¹. Это обусловлено тем, что в отечественном законодательстве, как известно, нет ни приблизительных тарифов возмещения морального вреда, ни процедурных правил, обеспечивающих более или менее справедливое решение суда по данным делам. Проблема произвола правоприменительного усмотрения закономерно обуславливает актуальность вопроса о пределах его ограничения или преодоления². На зависимость произвола от неограниченности судебского усмотрения неоднократно обращается внимание

1 В юридической науке выделяется понятие судебного произвола, под которым отдельные авторы понимают «совершенное судом процессуальное действие, которое, находясь в формальных рамках закона, по сути, вступает в противоречие его смыслом». См.: Абушенко Б.Д. Судебное усмотрение в гражданском и арбитражном процессе. М.: Норма, 2002. С. 42.

2 Вопросу пределов правоприменительного усмотрения уделяется значительное внимание исследователей. См., например: Березин А.А. Пределы правоприменительного усмотрения: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007. 200 с.; Берг Л.Н. Судебное усмотрение и его пределы: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2008; Грачева Ю.В. Судебное усмотрение в уголовном праве / Отв. ред. Рарог А.И. М.: Проспект, 2014. 103 с.; Кожевников В.В. К проблеме пределов правоприменяющего субъекта в правоохранительной сфере // Пролог: журнал о праве. 2016. № 3. С. 2–9.

Конституционного Суда РФ. В его решениях отмечается, что неопределённость содержания правовой нормы допускает возможность неограниченного усмотрения в процессе правоприменения, что неизбежно ведёт к произволу, а значит – к нарушению принципов равенства, а также верховенства закона¹.

Характеристика дискреционных полномочий как фактора реализации санкций правовых норм будет неполной, если не обратиться к такому аспекту, который касается реализации позитивных санкций правовых норм. Хорошо известно, что в юридической науке санкции рассматриваются как в негативном, так и в позитивном аспекте, так как в обеспечении реализации права задействуются не только меры наказания, но и меры поощрения. Меры поощрения, например, предусмотрены Трудовым кодексом Российской Федерации. В отличие от санкций охранительных правовых норм, перечень которых в законодательстве является закрытым, т. е. приводится исчерпывающим образом и не подлежит расширению субъектом правоприменения, перечень поощрительных санкций является открытым. Аналогичный подход законодателя использован и в отношении перечней отягчающих и смягчающих вину обстоятельств, предусмотренных Уголовным кодексом Российской Федерации. Этот факт значительно повышает роль правоприменительных дискреционных полномочий, равно как и актуализирует проблему произвола их реализации.

Таким образом, исследование санкций правовых норм в аспекте дискреционных правоприменительных полномочий позволяет не только выявить их судьбоносное значение в реализации норм права, но и констатировать их институциональную роль в юридической природе правоприменительных дискреционных полномочий. Детерминированность дискреционных правоприменительных полномочий обусловлена не только общим, неопределённым характером гипотез или диспозиций, но и санкций правовых норм.

Список литературы:

1. Абушенко Б.Д. Судебное усмотрение в гражданском и арбитражном процессе. М.: Норма, 2002. 176 с.
2. Берг Л.Н. Судебное усмотрение и его пределы: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2008.
3. Березин А.А. Пределы правоприменительного усмотрения: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007. 200 с.
4. Грачева Ю.В. Судебное усмотрение в уголовном праве / Отв. ред. Рарог А.И. М.: Проспект, 2014. 103 с.

1 См. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 22.07.2002 г. № 14-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Федерального закона «О реструктуризации кредитных организаций», пунктов 5 и 6 статьи 120 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобами граждан, жалоб региональной общественной организации «Ассоциация защиты прав акционеров и вкладчиков» и жалобой ОАО «Воронежское конструкторское бюро антенно-фидерных устройств» / Собр закон-ва РФ. 05.06.2002. № 31. Ст. 3161.

5. Кожевников В.В. К проблеме пределов правоприменяющего субъекта в правоохранительной сфере // Пролог: журнал о праве. 2016. № 3. С. 2–9.
6. Комиссаров К.И. Задачи судебного надзора в сфере гражданского судопроизводства. Свердловск, 1971. 165 с.
7. Нормы права: теоретико-правовое исследование: монография / Т.В. Губаева, Л.А. Гумеров, А.В. Краснов и др.; отв. ред. Т.В. Губаева, А.В. Краснов; Рос. акад. Правосудия. М.: РАП, 2014. С. 86–114.

Васильев П.В.,

заместитель начальника кафедры теории и истории государства и права
Нижегородской академии МВД России, к.ю.н.

О возможности понимания санкции в качестве правового последствия

В статье раскрывается возможность понимания санкции в качестве правового последствия, изменяющего статус адресата в негативную или позитивную для него сторону в процессе функционирования механизма правового регулирования общественных отношений.

Ключевые слова: правовая санкция; правовые последствия; механизм правового регулирования.

Проблемам понимания правовых санкций уделяли внимание такие видные российские учёные, как С.С. Алексеев, В.К. Бабаев, Б.Т. Базылев, М.И. Байтин, В.М. Баранов, Н.А. Власенко, Н.А. Гранат, С.А. Голунский, В.В. Лазарев, О.Э. Лейст, Д.А. Липинский, А.В. Малько, М.С. Строгович и многие другие. При этом отметим, что санкции рассматривались ранее и продолжают изучаться сейчас как элементы норм права, правовые средства либо отдельные санкционные меры. Однако обращает на себя внимание позиция В.К. Бабаева о том, что «санкция – понятие собирательное, так как включает в себя: а) меры ретроспективной ответственности; б) меры предупредительного воздействия; в) меры защиты; г) неблагоприятные последствия, возникающие в результате действий самого субъекта¹. Интересным представляется то, что ученый указал на саму возможность понимания санкции в качестве правового последствия.

Обратим внимание на то, что санкцию правовой нормы нельзя рассматривать в отрыве от субъекта, которому она адресована (адресата). Дело в том, что структурные элементы норм-правил поведения могут «меняться ролями» в зависимости от ракурса, в котором эти нормы рассматриваются. Так, «санкция для одного адресата может быть диспозицией для другого адресата, причем адресата иного уровня. Например, то, что предусмотрено в уголовно-правовых нормах в качестве санкции для лиц, совершивших преступление, представляет собой диспозицию для правоприменитель-

1 Нормы советского права. Проблемы теории / под ред. М.И. Байтина, В.К. Бабаева. Саратов, 1987. С. 106.

ных, правоохранительных органов и их должностных лиц. При этом следует иметь в виду, что санкция не может быть диспозицией в отношении того лица, для которого она предусмотрена¹. В связи с этим при оценке нормативных суждений как элементов нормы права адресата всегда необходимо указывать чётко, иначе возникает вероятность подмены понятий.

В настоящей работе мы предпримем попытку рассмотреть санкции в качестве правовых последствий². Под правовыми последствиями станем понимать изменения правового статуса адресата, обусловленные наступлением соответствующих юридических фактов, а также действием заменяющих их презумпций или фикций в процессе функционирования механизма правового регулирования общественных отношений. При этом отметим, что представляемый ракурс исследования правовой санкции также основывается и на понимании её в иных ипостасях, то есть в качестве структурного элемента нормы, правового средства и реальной меры воздействия.

К доктринально обоснованным признакам санкций следует отнести: установление их правовыми нормами, гарантирующее реализацию правовой нормы назначения, существование в форме качественно и количественно определенных мер юридического воздействия, обусловленность правовым (противоправным или заслуженным) поведением адресата, способность изменять правовой статус адресата, соответствие по качеству и количеству мер воздействия виду правового поведения, ориентированность на достижение социально положительного и значимого результата. Все эти признаки содержатся в многочисленных имеющихся в науке дефинициях и их обоснованиях³, которые отражают различные позиции авторов по вопросам о характере и юридической сущности изучаемого феномена.

1 Там же. С. 113–114.

2 В данной работе мы не станем подробно касаться дискуссии о возможности или невозможности позитивных (поощрительных) правовых санкций, сообщив лишь то, что понимание санкции в качестве правового последствия позволяет рассматривать её как в негативном, так и о позитивной для адресата смысле.

3 Абдулаев М.И. Теория государства и права: учебник для высших учебных заведений. М., 2004. С. 197; Алексеев С.С. Общая теория права: в 2-х т. Т. 2. М., 1981. С. 57; Лейст О.Э. Санкции и ответственность по советскому праву (теоретические проблемы). М., 1981. С. 7; Мелехин А.В. Теория государства и права: учебник. М., 2007. С. 262; Морозова Л.А. Теория государства и права: учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2010. С. 180; Общая теория права и государства: учебник / под ред. В.В. Лазарева. М., 1994. С. 120; Ожегов С.И. Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеол. выражений / Российская АН. Ин-т рус. яз.; Российский фонд культуры. М., 1992. С. 720; Проблемы теории государства и права: учебник / под ред. В.М. Сырых. М., 2008. С. 268; Соболев М.В. Санкция как элемент юридической ответственности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 37; Теория государства и права: учебник. 2-ое изд., перераб. и доп. / отв. ред. А.И. Королёв, Л.С. Явич. А., 1987. С. 361; Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка. М., 2013. С. 611 и др.

Вместе с тем представляется, что данных признаков недостаточно для выделения санкции в качестве правового последствия, принципиально отличного от других. Так, например, регистрация акта гражданского состояния органами ЗАГС также влечет правовые последствия в виде изменения правового статуса адресатов, совершивших правовые действия в виде подачи соответствующего заявления. Однако санкцией такое правовое последствие в юридическом смысле считаться не может.

Представляется, что возможность возникновения любого правового последствия, в том числе санкции, возникает с момента вступления в силу соответствующей правовой нормы и появления необходимых юридических условий. Следовательно, первой юридической формой правовых санкций является их нормативное установление в качестве потенциально возможного правового последствия. Однако во всех изученных нами дефинициях понятия «правовая санкция» указывается на реализацию ее правового потенциала только в случае отклонения правового поведения лица от допускаемого или требуемого нормой.

Полагаем, что в конструкции правовой нормы санкция является элементом, правового потенциал которого может и не реализоваться при нормальном (обычном) функционировании механизма правового регулирования общественных отношений. Санкция «срабатывает» только при отклонении правового поведения адресата от обычного предписанного (дозволенного или требуемого) правом в отрицательную или положительную для общества сторону. При таком отклонении дальнейшее развитие формы правовой санкции связано с процессуальной (процедурной) деятельностью по реализации ее правового потенциала.

В отечественной и зарубежной правовой науке уделено значительное внимание изучению проблем процессуальных (процедурных) форм реализации правовых санкций. В теориях, посвященных изучению процессуальных (процедурных) правоотношений, сложилось мнение о том, что применение мер юридического воздействия, в особенности уголовно-правовых санкций, к лицу, чье поведение отклоняется от предписания диспозиции правовой нормы, должно осуществляться при условии соблюдения определенной многоэтапной правореализационной процедуры, позволяющей учесть как объективные, так и субъективные обстоятельства совершенного деяния, а также мнения заинтересованных лиц. Так, например, «производство по уголовным делам должно оптимально сочетать возможности для решения государственных задач ограничения преступности, защиты интересов лиц, пострадавших от преступления, с необходимостью обеспечения прав человека»¹.

1 Григорьев В.Н., Победкин А.В., Яшин В.Н. Уголовный процесс: учебник. М., 2005. С. 15–16.

В целом можно сделать вывод о том, что характерной особенностью форм санкций как правовых средств является процессуальный (процедурный) порядок реализации их правового потенциала. Однако в теории права нормы содержащие указание на неблагоприятные или благоприятные для адресата последствия по общему правилу принято относить к материальному праву, а правовые предписания о конкретных действиях по их реализации – к процессуальному (процедурному). Тем не менее диалектическое единство материального права и процесса отмечены еще К. Марксом, согласно которому «материальное право ... имеет свои необходимые, присущие ему процессуальные формы... Один и тот же дух должен одушевлять судебный процесс и законы, ибо процесс есть только форма жизни закона, следовательно, проявление его внутренней жизни»¹. В современной теории права имеется достаточно обоснованная точка зрения А.Р. Корнилова о том, что любая правоприменительная деятельность в сфере регулятивных и охранительных правоотношений – это сложное материально-процессуальное образование, базирующееся на взаимодействии материально-правовых и процедурных норм и соответствующих им правоотношений². Изложенное позволяет заключить, что абсолютно противопоставлять материальные и процессуальные (процедурные) средства правового регулирования не следует. Напротив, они обусловлены общими принципами и целями правового регулирования общественных отношений.

Полагаем, что способность правовой санкции (как элемента нормы) во взаимосвязи с явлениями социальной жизни людей (юридическими фактами, фикциями и презумпциями) порождать правовые последствия в виде изменения правового статуса участников общественных отношений обуславливает форму существования санкции. Данная способность правовой санкции, оставаясь внутренне неизменной и обусловленной ее сущностью, видоизменяется (трансформируется) следующим образом.

С момента начала действия правовой нормы санкция существует в форме правового предписания (элемента правовой нормы) и начинает оказывать информационное и ориентационное воздействие на участников общественных отношений³.

Собственно правовым последствием санкция начинает становиться для адресата только после наступления соответствующего юридического факта в виде противоправного поведения или заслуги. В этот момент возникает относительное правовое отношение между адресатом и лицом,

1 Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 1. М., 1955. С. 158.

2 Корнилов А.Р. Правовые процедуры института юридической ответственности: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2000. С. 14–15.

3 Подробнее см.: Радько Т.Н., Толстик В.А. Функции права. Нижний Новгород, 1995. С. 59–83.

имеющим право применить предусмотренные санкцией меры воздействия. Решение о применении указанных мер осуществляется в процессуальной (или процедурной) форме и представляет собой правовое санкционирование. Отметим, что на всех указанных стадиях правовая санкция существует в форме потенциальной юридической возможности её реализации в отношении конкретного адресата. После обретения санкционирующим правоприменительным актом юридической силы правовая санкция существует в форме реально функционирующего в отношении адресата правового средства, потенциал которого фактически реализуется в конкретных относительных правоотношениях. Обращение правоприменительного акта к исполнению переводит правовую санкцию в реально существующее для адресата правовое последствие, так как с этого момента его статус существенно меняется позитивно (возникает субъективное право на получение награды, прекращается юридическая обязанности, снимаются запреты, ограничения или иные обременения) либо негативно (прекращается или ограничивается субъективное право, возникает юридическая обязанность, налагаются запреты, ограничения или другие обременения).

Обратим внимание на то обстоятельство, что правовая санкция может вовсе не реализоваться в случае функционирования механизма правового регулирования в обычном режиме. Так, например, уголовно- или административно-правовые запреты реализуются в форме соблюдения, трудовые обязанности выполняются без достижения особых заслуг и т. д. Воплощение потенциала санкции в качестве изменения правового статуса ее адресата происходит только в том случае, когда его правовое поведение признается юридическим фактом, качественно изменяющим оценку в социально негативную или позитивную сторону. Таким образом, нам представляется возможным выделить последний отличительный признак правовых санкций – ее факультативность при функционировании механизма правового регулирования общественных отношений.

Таким образом, понимаемые в качестве правовых последствий санкций характеризуются тем, что они:

- 1) установлены правовыми нормами;
- 2) гарантируют реализацию нормы;
- 3) существуют в форме качественно и количественно определенных мер юридического воздействия;
- 4) вызываются особым (противоправным или заслуженным) правовым поведением лица – адресата;
- 5) применимы именно к лицу – адресату, на чей правовой статус оказывают позитивное или негативное влияние;
- 6) по качеству и количеству мер воздействия корреспондируют виду правового поведения;
- 7) факультативны в системе механизма правового регулирования.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что правовая санкция с точки зрения функционирования механизма правового регулирования – это факультативно функционирующее, гарантирующее реализацию юридической нормы правовое последствие противоправного или заслуженного поведения адресата, существующее в механизме правового регулирования общественных отношений в форме качественно и количественно определенных мер юридического воздействия.

Список литературы:

1. Абдуллаев М.И. Теория государства и права: учебник для высших учебных заведений / М.И. Абдуллаев. М.: Финансовый контроль, 2004. 410 с.
2. Алексеев С.С. Общая теория права. Курс в 2-х томах / С.С. Алексеев. Т. 2. М.: Юридическая литература, 1982. 360 с.
3. Григорьев В.Н., Победкин А.В., Яшин В.Н. Уголовный процесс: учебник / В.Н. Григорьев, А.В. Победкин, В.Н. Яшин. М. Эксмо, 2005. 832 с.
4. Корнилов А.Р. Правовые процедуры института юридической ответственности: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / А.Р. Корнилов. Нижний Новгород, 2000. 25 с.
5. Лейст О.Э. Санкции и ответственность по советскому праву (теоретические проблемы) / О.Э. Лейст. М.: Издательство МГУ, 1981. 240 с.
6. Маркс К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. Т. 1. М.: Издательство политической литературы, 1955. 696 с.
7. Мелехин А.В. Теория государства и права: учебник / А.В. Мелехин. М.: Маркет ДС, 2007. 633 с.
8. Морозова Л.А. Теория государства и права: учебник / Л.А. Морозова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Российское юридическое образование, 2010. 288 с.
9. Нормы советского права. Проблемы теории / под ред. М.И. Байтина, В.К. Бабаева. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1987. 248 с.
10. Общая теория права и государства: учебник / под ред. В.В. Лазарева. М.: Юрист, 1994. 348 с.
11. Ожегов С.И. Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеол. выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова / Российская АН. Ин-т рус. яз.; Российский фонд культуры. М.: Азъ Ltd., 1992. 960 с.
12. Проблемы теории государства и права: учебник / под ред. В.М. Сырых. М.: Эксмо, 2008. 528 с.

13. Радько Т.Н., Толстик В.А. *Функции права* / Т.Н. Радько, В.А. Толстик. Нижний Новгород: Нижегородская высшая школа МВД РФ, 1995. 106 с.
14. Соболев М.В. Санкция как элемент юридической ответственности: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / М.В. Соболев. М., 2006. 208 с.
15. Теория государства и права: учебник / отв. ред. А.И. Королев, Л.С. Явич. 2-ое изд., перераб. и доп. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1987. 550 с.
16. Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка / Д.Н. Ушаков. М.: Аделант, 2013. 800 с.

Власенко В.Н.,

заместитель заведующего кафедрой земельного и экологического права
РГУП, к.ю.н.,

Михалева А.Е.,

стажер-исследователь кафедры теории и истории государства и права
Сибирского федерального университета

К вопросу о правовом режиме санкций в отношении адвокатов и частнопрактикующих юристов¹

Обосновывается вывод о том, что сложившаяся неоднородность в правовом режиме санкций, применяемых в отношении адвокатов и частнопрактикующих, юристов должна быть преодолена путем уравнивания правового режима гражданской ответственности адвокатов и частнопрактикующих юристов перед клиентами.

Ключевые слова: адвокатская монополия; юридическая помощь; юридические услуги; правовая политика; правовой режим.

Одной из ключевых проблем, обусловивших подготовку проекта Концепции регулирования рынка профессиональной юридической помощи (далее также – проект), разработчики называют то обстоятельство, что «современный рынок профессиональной юридической помощи в Российской Федерации представлен несколькими группами участников с разными условиями регулирования в части допуска к профессии, требований к субъектам, механизмов корпоративного регулирования, мер ответственности за нарушение правовых норм и этических правил»².

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 15-33-01354.

² См. подр.: Концепция регулирования рынка профессиональной юридической помощи (проект). URL: <http://to39.minjust.ru/node/245568> (дата обращения: 30.09.2017)

Сложившаяся неоднородность регулирования юридической деятельности адвокатов и частнопрактикующих юристов рассматривается как серьезное упущение, существенным образом влияющее на качество оказываемой юридической помощи. Например, отмечается, что различия в правовом режиме ответственности юристов «не отвечают... интересам потребителей, которые лишены гарантий оказания качественных услуг в виде привлечения к ответственности непрофессиональных консультантов», а их преодоление предлагается осуществить путем объединения юридической профессии на базе адвокатуры¹.

Подобный подход, рассматривающий введение адвокатской монополии как наиболее эффективного механизма «выравнивания» правового режима ответственности представителей разных сегментов рынка юридических услуг, представляется достаточно спорным.

Во-первых, российская политико-правовая действительность формировалась в ином (плюралистическом) контексте функционирования системы оказания юридической помощи заинтересованным лицам, в то время как в зарубежных правовых системах с монополистической моделью юридической профессии таковая была исторически отработана в течение десятков лет и имеет под собой собственные закономерности, специфические для конкретных правовых реалий.

С этой точки зрения введение в России адвокатской монополии, с одной стороны, потребует значительных организационных, финансовых и иных затрат. Кроме этого, последствия переориентации на принципы адвокатской монополии, не до конца ясны как для частнопрактикующих юристов, которым может быть закрыт доступ к профессии, так и для клиентов в аспекте реализации их законного интереса свободно выбирать юридического помощника.

Во-вторых, любая монополизация свободного рынка, связанная с установлением административных барьеров, влечет за собой невозможность его экономической саморегуляции, расширяет пределы усмотрения лиц, принимающих решения о присвоении или неприсвоении специального статуса, и тем самым увеличивает поле для злоупотреблений.

При отстранении частнопрактикующих юристов от их практики «в проигрыше» в конечном счете останутся потенциальные получатели юридических услуг, которые могут оказаться перед необходимостью уплачивать монопольно завышенные, а не рыночные цены, а также столкнуться с недоступностью обращения за юридической помощью к фактически высококвалифицированным субъектам, не получившим, однако, по тем или иным причинам соответствующего формального статуса.

¹ См.: Там же.

В-третьих, предлагаемые нововведения едва ли позволят достичь повышения качества юридической помощи. Сам по себе факт сдачи адвокатами квалификационного экзамена не является гарантией высокого качества предоставляемой ими помощи (иначе едва ли в их адрес поступали бы жалобы со стороны граждан, организаций и государственных органов в таком количестве, например, более 4,5 тыс. за 2013 год)¹, а возможность применения мер дисциплинарного воздействия нельзя считать панацеей, особенно с точки зрения удовлетворения интересов клиента, пострадавшего от противоправных или «аморальных» действий (бездействия) адвоката.

Именно поэтому наиболее перспективным представляется совершенствование современного рынка юридической помощи не путем монополизации, а посредством корректировки правового режима ответственности юристов – перехода к принципам клиентоориентированной модели, ставящей во главу угла максимальное обеспечение прав и законных интересов потребителей юридических услуг².

Во-первых, следует обеспечить прозрачность сведений об ответственности юристов путем создания единой открытой информационной системы (интернет-портала), формируемой на основе реестра субъектов оказания юридической помощи», регистрируемых в нем в уведомительном порядке³. Подобные онлайн-сервисы предоставляют клиентам возможность ознакомления с профессиональной историей своего юридического помощника, гарантируя свободу и осознанность выбора наиболее подходящего им специалиста, благодаря максимальной информированности о контрагенте. Похожая система существует, например, в США, где в каждом штате создан информационный банк, в котором по регистрационному номеру или имени и фамилии юриста можно найти интересующие клиента сведения о его квалификации и практике⁴.

Во-вторых, надо использовать потенциал такого юрико-экономического средства обеспечения прав и законных интересов получателей юри-

1 Обзор дисциплинарной практики адвокатских палат субъектов Российской Федерации за 2013 год. URL: <http://www.apno.natm.ru/DocLib8/Обзор%20дисциплинарной%20практики%20адвокатских%20палат%20РФ%20за%202013%20год.aspx>. (дата обращения: 30.09.2017).

2 См.: Поспелов О.В. Гражданско-правовая ответственность адвокатов и адвокатских образований за некачественную юридическую помощь // Проблемы в российском законодательстве. 2008. № 1. С. 407.

3 Панченко В.Ю. Юридическое содействие реализации прав и законных интересов: методология, теория, правовая политика. М.: Орбита-М, 2015. С. 273.

4 See: Attorney Search & Disciplinary History. Available at: <http://www.coloradosupremecourt.us/Search/AttSearch.asp>; Getting Information About Lawyers. Available at: <http://www.in.gov/judiciary/discipline/2333.htm>.

дической помощи, как страхование профессиональной ответственности юристов. В этой связи необходимо также обратить внимание на возможность введения обязательного страхования профессиональной ответственности всех субъектов оказания юридических услуг, а не только адвокатов, поскольку именно такой частно-публичный юрико-экономический механизм способен обеспечить восстановление прав и законных интересов клиентов в случае того или иного нарушения (в отличие от продвигаемых в проекте Концепции мер дисциплинарной и административной ответственности, применение которых к адвокатам никоим образом не компенсирует неудобств, причиненных пострадавшему лицу).

Страхование также косвенно позволяет повысить качество оказываемых юридических услуг, за счет того что страховщик, принимающий на себя чужие финансовые риски, вынужден при их оценке анализировать информацию о потенциальном страхователе по ряду параметров в целях прогнозирования динамики возникновения страховых случаев. Если же страхование ответственности приобретает обязательное значение, у страхователей появляется заинтересованность в продлении страховых договоров, а значит, и экономико-правовые стимулы к минимизации нарушений, осознанному соблюдению установленных стандартов профессиональной деятельности.

В-третьих, на адвокатов следует распространить правила об ответственности перед потребителями юридических услуг.

Так, согласно Постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 года № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей», Закон «О защите прав потребителей» к отношениям по совершению нотариусом нотариальных действий, а также к отношениям по оказанию профессиональной юридической помощи адвокатами не применяется¹. Тем самым клиенты адвокатов лишены возможности при ненадлежащем оказании юридической помощи обращаться в суд с иском по месту своего жительства, не уплачивать при этом государственной пошлины и др.

В то же время юристы, не имеющие специального статуса, подпадают под действие упомянутого выше акта: так, в одном из разбирательств между клиентом и частной юридической фирмой суд, в связи с тем, что ответчик занимается предпринимательской деятельностью, но не имеет отношения ни к нотариусам, ни к адвокатам, привлек последнего к гра-

1 Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.06.2012 № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» // СПС «КонсультантПлюс».

жданско-правовой ответственности в соответствии с Законом «О защите прав потребителей»¹.

Однако все компетентные субъекты оказания юридической помощи располагают аналогичным и достаточно ограниченным набором правовых инструментов для осуществления своей профессиональной деятельности, поэтому радикальным образом юридическая помощь по своим внешним формам не отличается, т. е. услуги предоставляются идентичным образом, а значит, и правовые последствия для ответственных лиц не должны носить разрозненный характер, опираться на отличающиеся друг от друга юридические основания.

Равенство правового режима гражданско-правовых санкций в отношении адвокатов и частнопрактикующих юристов перед клиентами представляется более выгодным и удобным для потребителей юридической помощи.

Список источников:

1. Концепция регулирования рынка профессиональной юридической помощи (проект). URL: <http://to39.minjust.ru/node/245568> (дата обращения: 30.09.2017).
2. Обзор дисциплинарной практики адвокатских палат субъектов Российской Федерации за 2013 год. URL: <http://www.apno.natm.ru/DocLib8/Обзор%20дисциплинарной%20практики%20адвокатских%20палат%20РФ%20за%202013%20год.aspx> (дата обращения: 30.09.2017).
3. Панченко В.Ю. Юридическое содействие реализации прав и законных интересов: методология, теория, правовая политика. М.: Орбита-М, 2015.
4. Поспелов О.В. Гражданско-правовая ответственность адвокатов и адвокатских образований за некачественную юридическую помощь // Пробелы в российском законодательстве. 2008. № 1.
5. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.06.2012 № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Закон о защите прав потребителей не распространяется на деятельность нотариуса и адвоката. URL: <http://www.logos-pravo.ru/page.php?id=2321>. (дата обращения: 30.09.2017)
7. Attorney Search & Disciplinary History. Available at: <http://www.coloradosupremecourt.us/Search/AttSearch.asp>; Getting Information About Lawyers. Available at: <http://www.in.gov/judiciary/discipline/2333.htm>.

¹ Закон о защите прав потребителей не распространяется на деятельность нотариуса и адвоката. URL: <http://www.logos-pravo.ru/page.php?id=2321>. (дата обращения: 30.09.2017)

Гумеров Л.А.,

заведующий кафедрой теории и истории права и государства

Казанского филиала РГУП, к.ю.н., доцент

Меры ответственности в правовом регулировании научной деятельности: общее и особенное

В статье исследуются вопросы юридической ответственности субъектов, связанные с правонарушениями при осуществлении научной деятельности, в том числе меры ответственности и специфика их применения. Предложена классификация мер юридической ответственности, выявлена взаимосвязь норм права и норм научной этики в установлении и применении мер юридической ответственности.

Ключевые слова: меры юридической ответственности; правовые средства; научная деятельность; классификация мер ответственности.

Дальнейший общественный прогресс во многом зависит от развития научной деятельности и внедрения передовых наукоемких достижений в духовное и материальное производство. Вместе с этим применение данных результатов может иметь как положительное, так и отрицательное значение. Необдуманное или злонамеренное использование научных достижений способно в нарушение принципов и норм международного и внутригосударственного права причинить вред правам, свободам и законным интересам как отдельных лиц, так и общества в целом.

В научной литературе на протяжении длительного времени обсуждаются вопросы социальной ответственности ученых, которая возникает во взаимоотношениях науки и общества¹. Следует отметить, что указанные вопросы являются частью более общей проблемы научной этики, которая имеет внутреннюю (добросовестность в исследованиях) и внешнюю (социальную ответственность) составляющие. В связи с тем, что наиболее эффективным регулятором общественных отношений является право, очевидно, что оно не может оставаться в стороне от регламентации такой социально значимой проблемы, поэтому интерес для исследования представляют вопросы юридической ответственности ученых при осуществлении научной деятельности, в том числе меры ответственности и специфика их применения.

Понятие «меры ответственности» достаточно распространено в юриспруденции, несмотря на отсутствие единодушия относительно включае-

¹ Философия и методология науки / Под ред. В.И. Купцова. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 476–477.

мого в данное понятие содержания¹. Не вступая в дискуссию по поводу указанной категории, считаем допустимым использование определения мер юридической ответственности как закрепленных в санкциях юридических норм правовых последствий оценки противоправного деяния субъекта².

Применительно к субъектам научной деятельности все многообразие потенциально применимых мер ответственности может быть подразделено на два вида, которые условно можно обозначить как общие и специальные.

Общие меры ответственности, применяемые в связи с правонарушениями, возникшими при осуществлении научной деятельности, используются, как правило, без учета специфики указанной деятельности и имеют распространение в иных видах правоотношений. К примеру, меры ответственности, налагаемые в связи с невыполнением обязанностей по договору, причинением ущерба имуществу или здоровью третьих лиц и т. п.

В то же время в формах права предусматриваются специальные меры ответственности, которые могут быть применены исключительно в связи с осуществлением научной деятельности, например, лишение ученой степени. В юридической науке высказывалось мнение о том, что применительно к правовому регулированию осуществления научной деятельности могут быть использованы не все правовые средства. В частности речь идет о том, что запрет и наказание как средства правового регулирования несовместимы с природой научного творчества, с той свободой, которую она содержит³.

На наш взгляд, для целей эффективного правового регулирования методологически важно определиться с пониманием науки в целом и научной деятельности в частности. В научной литературе содержится множество определений понятия «наука». Обобщая различные точки зрения, можно сделать вывод, что науку следует рассматривать в нескольких измерениях, в частности, как совокупность идей, гипотез, как вид деятельности и как результат деятельности. Исходя из этого можно предположить, что по

1 Лучков В.В. Юридическая ответственность в механизме правового регулирования. Казань, 2004. 20 с.; Заболотских Е.М. Муниципально-правовые санкции как форма выражения ответственности в системе местного самоуправления: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 26 с.; Черногор Н.Н. Проблемы ответственности в теории муниципального права и практике местного самоуправления: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007. 50 с. и др.

2 См. подробнее: Липинский Д.А., Шишкин А.Г. Понятие меры юридической ответственности // Журнал российского права. 2013. № 6. С. 40-49; Черногор Н.Н. Указ. соч. С. 13.

3 Цит. по: Хабриева Т.Я. Правовое измерение научного прогресса // Журнал российского права. 2009. № 8. С. 17.

мере смещения акцентов с духовных аспектов к материальным (а именно так выглядит процесс научного творчества) будет возрастать потенциальная возможность правового регулирования указанной деятельности.

Таким образом, применительно к науке как совокупности идей, гипотез, которая в данном аспекте в силу объективных причин, а именно отнесения к внутреннему, духовному миру индивида, имеет низкую степень правовой регламентации, возможно применение ограниченного круга правовых средств, преимущественно дозволения и поощрения. Наиболее ярким примером указанного является провозглашение в формах права свободы научного творчества.

Однако если науку рассматривать как вид деятельности и ее результат, т. е., соответственно, как научную деятельность и научный результат, то в данном случае может быть задействован весь арсенал правовых средств, включая обязывание, запреты и наказания.

Федеральный закон от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» устанавливает ряд обязанностей для субъектов, осуществляющих научную деятельность¹. В частности, в п. 7 ст. 4 указанного закона закрепляется, что научный работник обязан осуществлять научную деятельность, не нарушая права и свободы человека. Ярким примером использования такого правового средства, как запрет, является норма, содержащаяся в Федеральном законе от 20 мая 2002 г. № 54-ФЗ «О временном запрете на клонирование человека»², которой устанавливается запрет на клонирование человека впредь до дня вступления в силу соответствующего федерального закона. Вместе с этим нельзя не отметить, что правовой ответственности за осуществление научной деятельности по клонированию человека в России не установлено, в отличие от некоторых зарубежных стран³. Поэтому в связи с отсутствием законодательно закрепленных мер ответственности вряд ли стоит ожидать высокую эффективность реализации отмеченной правовой нормы.

Кроме этого, в законодательстве применительно к осуществлению научной деятельности и ее результатам в случаях, когда нарушаются правовые нормы, устанавливаются такие правовые средства, как меры ответственности, т. е. закрепленные в санкциях юридических норм правовые последствия оценки противоправного деяния субъекта. К примеру, вопросы, связанные с мерами ответственности в научной деятельности, регламентированы в Постановлении Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842 «О порядке присуждения ученых степеней»⁴. В разделе 7 указанного по-

1 Российская газета. 1996. 3 сентября.

2 Российская газета. 2002. 23 мая.

3 Ст. 129 Уголовного кодекса Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V. Режим доступа: <https://online.zakon.kz>, свободный. Дата обращения: 25.10.2017.

4 СЗ РФ. 2013. № 40. Ст. 5074.

рядка во взаимосвязи с другими разделами документа предусматриваются основания для применения такой меры ответственности, как лишение ученой степени, например, если результаты диссертации не обладают достаточной научной новизной либо заимствованы из чужих исследований и др. Также в качестве мер ответственности данным документом предусмотрены: отказ диссертационного совета от приема диссертации к защите (п.п. 19, 20), отказ в присуждении ученой степени (п. 32), отмена решения диссертационного совета о присуждении ученой степени и отказ в выдаче диплома кандидата или доктора наук (п. 45).

Более того, за нарушение авторских, смежных, патентных и изобретательских прав предусмотрены меры гражданско-правовой и административной ответственности, а в случае, если в результате плагиата причиняется крупный или особо крупный ущерб, применяются меры уголовно-правовой ответственности, как это установлено ст.ст. 146 и 147 Уголовного кодекса РФ¹.

Рассматривая меры ответственности применительно к осуществлению научной деятельности, нельзя не упомянуть о специфике их наложения, точнее, об особенностях освобождения от их применения. Речь идет о законодательно установленных основаниях, при наличии которых меры ответственности не применяются.

В связи с тем, что научная деятельность может быть сопряжена с серьезным риском для материальных интересов, здоровья и жизни людей, возникают вопросы о пределах дозволенного научного риска и об установлении ответственности за причинение вреда при дозволенном риске². Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике» гарантировал право на обоснованный риск в научной и научно-технической деятельности, т. е. возможность осуществлять научную и научно-техническую деятельность, не опасаясь за то, что может быть причинен ущерб охраняемым законом интересам³. Однако толкование данного положения должно быть системным, с учетом положений иных нормативных правовых актов: во-первых, научная деятельность должна быть направлена на достижение общественно полезной цели, во-вторых, риск признается обоснованным, если указанная цель не могла быть достигну-

1 Ст.ст. 1250, 1252, 1253, 1301 Гражданского кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 52 (ч. I). Ст. 5496; Ст. 7.12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 1; Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

2 См. подробнее: Пионтковский А.А. Уголовный закон в борьбе с отрицательными последствиями научно-технического прогресса // Советское государство и право. 1972. № 4. С. 37.

3 Российская газета. 1996. 3 сентября.

та не связанным с риском деянием, в-третьих, такое поведение должно осуществляться с учетом достигнутого уровня научных знаний, навыков и умений, с соблюдением требований техники безопасности, в-четвертых, не признаются допустимыми деяния, хотя формально и совершаемые в состоянии обоснованного риска, но заведомо сопряженные с угрозой для жизни многих людей, с угрозой экологической катастрофы или общественного бедствия.

Отмеченное имеет методологическое значение, в частности, позволит выявить критерии обоснованного риска в научной и научно-технической деятельности и определит обстоятельства, исключающие применение мер юридической ответственности.

Учитывая, что научная деятельность направлена на получение результата, который, как правило, изначально не известен и существует потенциальная объективная возможность его неполучения, в гражданском законодательстве предусматривается, что риск случайной невозможности исполнения договоров на выполнение научных исследований несет заказчик¹. Более того, исполнитель несет ответственность перед заказчиком, если не докажет, что такое нарушение произошло не по вине исполнителя². Таким образом, устанавливаются специфические основания для неприменения мер ответственности к исполнителю.

Другим обстоятельством, исключающим применение мер ответственности в связи осуществлением научной деятельности, является предусмотренное законодательством положение о мотивированном отказе от участия в научных исследованиях, оказывающих негативное воздействие на человека, общество и окружающую среду³. Однако на практике возможно возникновение сложностей применения данного положения в связи с отсутствием четкого механизма его реализации.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что меры юридической ответственности, возлагаемые в связи с нарушением норм права при осуществлении научной деятельности, зачастую теснейшим образом связаны с соблюдением норм научной этики. Указанное подтверждает тезис о том, что эффективность правового регулирования, в том числе и применения мер ответственности, зависит от синергетического воздействия на данные отношения права и неправа (иных социальных норм). Задача правовотворческого субъекта и общества в целом состоит в том, чтобы обеспе-

1 Ст. 769 Гражданского кодекса РФ от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

2 Ст. 777 Гражданского кодекса РФ от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

3 Ст. 4 Федерального закона от 23.08.1996 г. №127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» // СЗ РФ. 1996. № 35. Ст. 4137.

чить сочетание правового регулирования как внешнего воздействия с саморегулированием, основанным на индивидуальных внутренних началах. Одним из вариантов решения является принятие Кодекса научной этики, санкционированного правовыми нормами (по примеру применения Кодекса судейской этики).

В завершении можно сделать следующие выводы. Применительно к субъектам, осуществляющим научную деятельность, меры юридической ответственности могут быть классифицированы на общие и специальные. Общие меры ответственности, применяемые в связи правонарушениями, возникшими при осуществлении научной деятельности, используются, как правило, без учета специфики указанной деятельности и имеют распространение в иных видах правоотношений. Специальные меры ответственности могут быть применены исключительно в связи с осуществлением научной деятельности. Такие меры юридической ответственности зачастую налагаются в связи с нарушением норм научной этики.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 52 (ч. I). Ст. 5496.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 1.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
4. Федеральный закон от 23.08.1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» // СЗ РФ. 1996. № 35. Ст. 4137.
5. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V. Режим доступа: <https://online.zakon.kz>, свободный. Дата обращения: 25.10.2017.
6. Лучков В.В. Юридическая ответственность в механизме правового регулирования. Казань, 2004. 20 с.
7. Заболотских Е.М. Муниципально-правовые санкции как форма выражения ответственности в системе местного самоуправления: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 26 с.
8. Липинский Д.А., Шишкин А.Г. Понятие меры юридической ответственности // Журнал российского права. 2013. № 6. С. 40–49
9. Пионтковский А.А. Уголовный закон в борьбе с отрицательными последствиями научно-технического прогресса // Советское государство и право. 1972. № 4. С. 37.
10. Философия и методология науки / Под ред. В.И. Купцова. М.: Аспект Пресс, 1996. 552 с.

11. Хабриева Т.Я. Правовое измерение научного прогресса // Журнал российского права. 2009. № 8. С. 14–24.
12. Черногор Н.Н. Проблемы ответственности в теории муниципального права и практике местного самоуправления: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007. 50 с.

Здунова Д.И.,

доцент кафедры теории и истории государства и права Казанского филиала РГУП, к.ю.н.

Роль и значение поощрительных санкций

Данная статья освещает общую характеристику санкций вообще и поощрительных санкций в частности, рассматривает, что понимается под данным понятием, а также описывает их роль и значение.

Ключевые слова: поощрительная санкция; мера наказания; этимология понятия «санкция»; значение поощрительных санкций; санкция поощрительной нормы.

Zdunova D.I.

The role and importance of incentive sanctions

This article covers the general characteristics of the sanctions in general and incentive sanctions in particular, considering what is meant by this concept, and also describes their role and value/

Keywords: promotional sanction; the penalty; the etymology of the term "sanction"; the value of the incentive of sanctions; the sanction of incentive rules.

Санкция в переводе с латинского означает «строжайшее постановление», «одобрение», «власть», «источник власти», «принудительная мера», то есть слово весьма многозначно¹. Юристам в прошлом, как и нам сегодня, не чуждо было понимать санкцию как часть правовой нормы. Однако во всех значениях санкция рассматривается как нечто властное, исходящее от авторитета, повелительное или даже беспрекословное. С понятием «санкция» чаще всего связано стремление что-то вытеснить и запретить (несправедливое) и, напротив, что-то разрешить, поощрить (справедливое). В нашем словоупотреблении закрепилось тройное понимание санкции. Во-первых, идет речь о предоставлении санкции, санкционировании как о разрешении на какие-либо действия со стороны лица, облеченного специальной властью (например, предоставление прокурором разрешения на обыск, арест). Данное разрешение дается специальным документом или в виде резолюции на документе. Однако можно себе представить

¹ Политология: Энциклопедический словарь. М., 1993. С. 347.

в том числе устное разрешение исполнителю со стороны вышестоящего руководителя, когда без такого указания юридически невозможно совершение соответствующих действий. Санкционирование наблюдается и в области правотворческой работы. Государство в ряде случаев не издает само правовую норму, а уполномочивает на ее издание какие-то иные формирования. Причем санкция может быть не только предварительной, но и последующей (устав конкретного кооператива приобретает силу правового акта после его регистрации в установленном порядке)¹.

Во-вторых, под санкцией понимают ту часть правовой нормы, в которой указываются последствия выполнения или невыполнения самого правила поведения (диспозиции нормы). «Слово санкция, – пишет Л. Фридмен, – предусматривает нечто большее, чем наказание. Оно включает также поощрение. Положительная сторона санкций (поощрения, стимулирование) менее широко известна, потому что литература пугает криминальной стороной... Но стимулирование есть важнейшая составная часть правовой системы»². Правовая норма потеряла бы свое значение, не будь в ней указания на возможные последствия. Правда, не в каждом нормативном акте они указаны напрямую.

На наш взгляд, указанное понятие в целом достаточно адекватно отражает реальную действительность и имеет право на существование. Выскажем некоторые аргументы в защиту такой точки зрения. Во-первых, этимологическое значение слова «санкция» выходит не только на негативные, но и на позитивные последствия. Так, одним из его смыслов является «одобрение», «санкционирование», «разрешение». «Санкция – мера воздействия, важнейшее средство социального контроля. Различают негативные санкции, направленные против отступлений от социальных норм, и позитивные санкции, стимулирующие одобряемые обществом, группой отклонений от норм...»³. Во-вторых, позитивные санкции (благоприятные последствия) присущи всем видам социальных норм. Это их общая черта. Как отмечается в справочной литературе, «наиболее распространено деление социальных санкций на «негативные», пресекающие нежелательное поведение, и «позитивные», стимулирующие желательное... Как негативные (арест, штраф, анафема), так и позитивные (повышение по службе, премии, ордена) формальные социальные санкции осуществляются специально уполномоченными для этой цели лицами»⁴. Поскольку правовые нормы выступают лишь разновидностью норм социальных, на них в полной мере распространяется данная закономерность. Поэтому следует

1 Кудрявцев В.Н. Закон, поступок, ответственность. М., 1986. С. 293.

2 Фридман Л. Введение в американское право. М., 1992. С. 172.

3 Советский энциклопедический словарь. М., 1988. С. 1167

4 Философский энциклопедический словарь. М., 1989. С. 567

согласиться с выводом о том, что «поощрительные санкции встречаются почти во всех отраслях... права».

В чем же значение поощрительных санкций? Не является ли вопрос о соотношении поощрения с санкцией чисто логическим, не имеющим какого-либо практического значения с точки зрения эффективности правового регулирования общественных отношений? Далеко не случайно проблема поощрительных (положительных) санкций была поставлена первоначально в социологической, философской, психологической литературе, где большинство специалистов весьма аргументированно обосновывают существование подобного рода последствий у социальных норм.

Идея поощрительных санкций все больше поддерживается и представителями других наук. «С точки зрения политологической, – подчеркивает, в частности, Л.С. Мамут, – санкция вовсе не есть только наказание. Ее целесообразно толковать как всякую практическую реакцию людей на определенные факты, направленную либо на стимулирование, поощрение желательного, одобряемого поведения (позитивная санкция), либо на пресечение, устранение осуждаемых, нежелательных поступков (санкции негативные)»¹. «Поощрительные санкции (данный вид признается не всеми, поскольку о поощрительных нормах права стали писать совсем недавно) выражают одобрение тщательному выполнению норм и призваны стимулировать правомерное поведение»². Думается, что в юридической науке подобное понимание санкции (при всей условности термина «поощрительная») необходимо. Поэтому следует поддержать мнение тех ученых, которые высказываются за выделение в нормах права специальных поощрительных санкций³.

В зарубежной правовой литературе получила признание также данная точка зрения: «Слово «санкция» предусматривает нечто большее, чем наказание. Оно включает также поощрение. Положительная сторона санкций (поощрение, стимулирование) менее широко известна, потому что литература пугает криминальной стороной... Но стимулирование есть важнейшая составная часть правовой системы». «Иногда право, – отмечает

1 Мамут Л.С. Политический процесс // Политология: Курс лекций. М., 1993. С. 92.

2 Кудрявцев В.Н. Закон, поступок, ответственность. М., 1986. С. 293.

3 См., например: Константинова В.М., Максименко С.Т. Правовые вопросы материального стимулирования деятельности предприятий. Саратов, 1981. С. 51–52; Матузов Н.И. Правовая система и личность. Саратов, 1987. С. 202; Фаткуллин Ф.Н. Проблемы теории государства и права. Казань, 1987. С. 233; Яковлев А.М. Социология экономической преступности. М., 1988. С. 17, 57, 76; Общая теория права и государства / Под ред. В.В. Лазарева. 3-е изд. М., 1999. С. 45, 201 и др.

П. Сандевуар, – использует в качестве санкционирования норм технику вознаграждения»¹.

В-третьих, логика общественного развития, практика подсказывают, что санкция – это не только некий отрицательный результат (наказание), но и положительный результат, который может выражаться в поощрении. Санкции, как последствия, призваны не только оценивать уже совершенное поведение, а также превентивным образом влиять на субъектов. С этой функцией вполне справляются и поощрительные санкции. Награждение добродетельных поступков Ч. Беккариа рассматривал в качестве одного из важных средств предупреждения преступлений².

Наличие поощрительных санкций оправдано задачей права, которая состоит как в сдерживании правонарушений, в наказании лиц, их совершивших, так и в стимулировании правомерного поведения, в поощрении лиц, действующих в интересах общества. Поощрительные меры, совместно с мерами принуждения, обеспечивают устанавливаемую государством модель правомерного поведения. Особенность поощрительной санкции – в гарантировании тех социальных целей (благ), ради достижения которых такая модель поддерживается юридическими средствами, и особенно тех целей, достижение которых иными способами невозможно. И вряд ли есть существенные основания для того, чтобы не считать применением санкционируемой государством меры выдачу премии или других форм поощрений, прямо предусмотренных законом, за выполнение определенных показателей, за конкретные услуги. Это тоже средства государственного обеспечения соответствующих правовых норм и достигнутых с их помощью социальных целей. К тому же любая правовая норма осуществляет прогностические функции, связанные с предвидением субъектом права последствий своих действий. Адресат при этом учитывает разные последствия – и отрицательные, и положительные. Если прогностическая информация «негативного» характера – указание на неблагоприятные последствия определенного поведения для основного адресата – содержится в санкции правовой нормы, то аналогично этому в санкциях (а не диспозиции), но уже противоположного характера (положительного), должна содержаться прогностическая информация о последствиях достижения позитивного результата (возможность получить премию, награду или иное благо). Как считает В.С. Жеребин, «сведение правовых санкций лишь к их отрицательному значению ведет к одностороннему пониманию управленческого воздействия... правовых норм»³.

1 Сандевуар П. Введение в право. М., 1994. С. 235.

2 Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 1939. С. 405–406.

3 Жеребин В.С. Диалектика социальных противоречий при социализме и право. М., 1986. С. 51.

В-четвертых, структура юридических норм поощрительного характера внешне напоминает структуру большинства уголовно-правовых норм, содержащих наказания. В гипотезе и диспозиции, которые в поощрительной норме слиты (как и в уголовно-правовой норме), предлагается модель заслуженного поведения и призыв к его осуществлению. Верно замечено, что «в отличие от обычной обязывающей или запрещающей нормы, где диспозиция становится командой «действуй так-то», диспозиция поощрительной нормы лишь предоставляет право достигнуть поощряемого результата».

В санкции же поощрительной нормы фиксируются благоприятные последствия, меры вознаграждения. В уголовно-правовой санкции – соответственно неблагоприятные последствия, меры наказания, за исключением, разумеется, уголовно-правовых поощрительных санкций. Более того, точно так же, как и в уголовном законодательстве, в поощрительных нормах могут использоваться квалифицирующие признаки стимулируемого поведения. Это, например, хорошо показано в статье 36 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации, утвержденного 23 декабря 1992 г., где сказано, что «за образцовое исполнение обязанностей и достигнутые высокие результаты в службе для сотрудников органов внутренних дел предусматриваются следующие виды поощрений: объявление благодарности; выдача денежной премии; награждение ценным подарком; занесение в Книгу почета, на Доску почета; награждение Почетной грамотой; награждение нагрудным знаком; награждение личной фотографией сотрудника, снятого у развернутого Знамени органа внутренних дел; награждение именованным оружием; досрочное присвоение очередного специального звания; присвоение специального звания на одну ступень выше звания, предусмотренного по занимаемой штатной должности.

За образцовое выполнение служебного долга сотрудники, прослужившие в органах внутренних дел не менее десяти лет, могут быть награждены почетным знаком «Заслуженный сотрудник МВД Российской Федерации»¹.

За мужество и отвагу, проявленные при исполнении служебного долга, другие особые заслуги сотрудники органов внутренних дел могут быть представлены к награждению государственными наградами Российской Федерации».

Анализ данной статьи показывает, что меры поощрения «растут» прямо пропорционально «росту» заслуг, точно так же, как меры наказания в уголовно-правовой норме повышаются пропорционально повышению общественной опасности, тяжести преступного деяния, вины.

1 См.: Петров Г.М. Поощрения в государственном управлении. Правовые аспекты. Ярославль, 1993. С. 51.

В-пятых, поощрительные санкции во многих нормативных актах зачастую расположены рядом с мерами наказания (негативными санкциями). Например, в КЗоТ РФ (соответственно ст. 134 «Поощрения за особые трудовые заслуги» и ст. 135 «Взыскания за нарушение трудовой дисциплины»); в проекте Трудового кодекса РФ (ст. 91 «Поощрения за труд» и ст. 92 «Дисциплинарные взыскания»); в Федеральном законе «Об основах государственной службы Российской Федерации» (ст. 13 «Поощрения государственного служащего» и ст. 14 «Ответственность государственного служащего»); в Положении о службе в органах внутренних дел Российской Федерации (ст. 36 «Поощрения за успехи в служебной деятельности» и ст. 38 «Взыскания за нарушение служебной дисциплины») и т. д. В некоторых же нормативных актах они установлены вообще в одной статье. Так, в Федеральном законе «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» о поощрениях и наказаниях говорится в статье 16, в Положении о прохождении службы в органах налоговой полиции Российской Федерации – в статье 26. Такое рядоположение позволяет говорить о праве сосуществования вместе с негативными и поощрительных санкций.

В-шестых, признание все большим числом ученых поощрительных санкций могло бы, по нашему мнению, способствовать дальнейшему развитию научной мысли и юридической практики по пути расширения позитивных начал в праве, увеличения «стимулирующего веса» его средств, более разностороннему использованию управленческих методов воздействия на субъектов.

Принимая во внимание приведенные аргументы, вряд ли обоснованно игнорировать в юридических исследованиях общенаучное понимание категории «санкция», ссылаясь при этом на сложившиеся терминологические традиции.

Список литературы:

1. Авакьян С.А. Конституционный лексикон: Государственно-правовой терминологический словарь. М.: Юстицинформ, 2015.
2. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 1939.
3. Жеребин В.С. Диалектика социальных противоречий при социализме и право. М., 2006.
4. Крашениников П.В. Зарождение права. М.: Статут, 2016.
5. Кудрявцев В.Н. Закон, поступок, ответственность. М., 2007.
6. Сандеуар П. Введение в право. М., 1994.
7. Мамут Л.С. Политический процесс // Политология: Курс лекций. М., 2003.
8. Матузов Н.И. Правовая система и личность. Саратов, 1997.
9. Общая теория права и государства / Под ред. В.В. Лазарева. 3-е изд. М., 2008.

10. Петров Г.М. Поощрения в государственном управлении. Правовые аспекты. Ярославль, 2010.
11. Политология: Энциклопедический словарь. М., 1993.
12. Советский энциклопедический словарь. М., 1988.
13. Сулейменов М. Право как система. М.: Статут, 2016.
14. Фаткуллин Ф.Н. Проблемы теории государства и права. Казань, 1987.
15. Философский энциклопедический словарь. М., 1989.
16. Фридмен Л. Введение в американское право. Пер. с англ. / Под ред. М. Калантаровой. М.: Прогресс, 1992.

Ковалева В.В.,

доцент кафедры общетеоретических правовых дисциплин
Северо-Кавказского филиала РГУП, к.ю.н.

Эффективность применения юридических санкций: возможность и действительность

В статье рассматриваются проблемы применения юридических санкций в контексте их эффективности. На основе анализа судебной практики сделан вывод о сложности процесса применения санкции нормы права, и обосновывается необходимость выработки критериев его эффективности.

Ключевые слова: юридические санкции; правоприменительная деятельность; эффективность правоприменения.

В настоящее время, которое характеризуется динамизмом, сложностью, многослойностью общественных отношений, появлением новейших технологий, обострением различных противоречий особое значение приобретает применение санкций правовых норм.

В свое время выдающийся советский ученый С.Н. Братусь писал: «Обязанность без ответственности – юридическое ничто, лишь благое пожелание»¹. Как современно звучат эти слова. Другие не менее известные отечественные советские правоведы О.С. Иоффе, М.Д. Шаргородский отмечали, что юридическая ответственность есть, прежде всего, санкция за правонарушение, последствие, предусмотренное нормой права на случай ее несоблюдения. Эта санкция выражается в применении мер принуждения к правонарушителю². Необходимо отметить, что при всем многообразии подходов к пониманию санкции юридической нормы самым распространенным и, соответственно, традиционным является ее понимание как

1 Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность (очерк теории). М., 2001. С. 72.

2 Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. М., 1961. С. 314.

элемента нормы права, содержащего вид и меру юридической ответственности. Из данной интерпретации мы и будем исходить, рассуждая о проблемах эффективности применения юридических санкций.

Санкция является правовым понятием, которое постоянно находится в центре внимания научного юридического сообщества, так как в ней выражено такое свойство права, отличающего его от всех иных социальных норм, как обеспеченность государственным принуждением. Ввиду поиска оптимальных путей реализации адекватных мер юридической ответственности современная юридическая наука и практика пытается решить две основных проблемы: во-первых, определения содержания юридических санкций в процессе законотворчества, а, во-вторых, эффективность их применения. При этом справедливым представляется высказывание А.В. Полякова, согласно которому жесткие наказания и санкции только тогда будут иметь правовой смысл и эффективность, когда они будут легитимированы обществом и будут встроены в систему жизненного мира последнего¹. Уровень легитимации санкций напрямую зависит от деятельности правоприменителей, прежде всего, судей. Любое решение суда, связанное с реализацией мер ответственности, особенно уголовной, находит отклик в душах людей, воспринимается как справедливое либо несправедливое.

В ряде случаев правоприменитель в процессе применения санкций решает очень сложную задачу. В подтверждение данного тезиса можно привести дело И.И. Дадина, по которому Конституционным судом было принято Постановление². Суть данного дела заключается в следующем: в соответствии со статьей 2121 Уголовного кодекса РФ, за неоднократное нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования, если лицо ранее привлекалось более двух раз к административной ответственности по ст. 20.2 КоАП РФ наступает уголовная ответственность. Санкция уголовно-правовой нормы содержит следующие виды наказания: штраф в размере от шестисот тысяч до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от двух до трех лет, либо обязательные работы на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо исправительные работы на срок от одного года до двух лет, либо принудительные работы на срок до пяти лет, либо лишение свободы на тот же срок. И.И. Дадин неоднократно привлекался в административной ответ-

1 Поляков А.В. Эффективность правового регулирования: коммуникативный подход // Эффективность правового регулирования: монография / под общ. ред. А.В. Полякова, В.В. Денисенко, М.А. Беляева. М., 2017. С. 24.

2 Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2017 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 27.11.2017).

ственности и в результате был приговорен к трем годам лишения свободы с отбыванием в исправительной колонии общего режима, затем срок был снижен до 2,5 лет. Верховный Суд Российской Федерации в пересмотре дела отказал. Принимая решение, Конституционный Суд указал, что правоприменительные органы, включая суды, опираясь на формально-догматический подход (курсив наш – В.К.) к уяснению нормативного содержания положений статьи 2121 УК Российской Федерации без учета их места в системе действующего правового регулирования, могут полагать, что для квалификации противоправного деяния по данной статье вовсе не требуется административной наказанности лица за совершенные административные правонарушения, а достаточно установления самих фактов его привлечения к административной ответственности. Между тем указывается в Постановлении, что любое привлечение к уголовной ответственности, безусловно, предполагает, что ее основанием может быть лишь обладающее опасностью для личности, общества и государства деяние, содержащее все признаки состава преступления, предусмотренного уголовным законом, которые должны быть ему присущи в момент совершения. Далее отмечается, что при назначении наказания учитываются характер и степень общественной опасности преступления, и личность виновного, в том числе обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, а также влияние назначенного наказания на исправления осужденного и на условия жизни его семьи; при наличии исключительных обстоятельств, связанных с целями и мотивами преступления, ролью виновного, его поведением во время или после совершения преступления, и других обстоятельств существенно уменьшающих степень общественной опасности преступления, а равно при активном содействии участника группового преступления раскрытию этого преступления наказание может быть назначено ниже низшего предела санкции за совершенное преступление или суд может назначить более мягкий вид наказания, чем предусмотрен санкцией за совершенное преступление. Перечисленные положения уголовного закона направлены на индивидуализацию уголовной ответственности и исключают произвольное усмотрение суда при определении вида и размера наказания, что не позволяет рассматривать включение в санкцию ст. 2121 УК РФ уголовного наказания в виде лишения свободы как предполагающее обязательное применение данного вида наказания ко всем лицам, совершившим соответствующее преступление, и не согласующиеся с требованиями дифференциации уголовной ответственности¹.

1 Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2017 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 27.11.2017).

Таким образом, анализируя данное Постановление Конституционного Суда Российской Федерации, изложенное на 43 страницах, можно прийти к выводу о неоднозначности процесса применения юридических санкций. Судьи в данном случае приняли законное решение, но, как оказалось, несправедливое. И в этом случае возникают известные «российские вопросы»: кто виноват? что делать? Полагаем, и в Постановлении это проходит красной нитью, эффективность применения санкций зависит не только от правоприменителя, но и от субъекта законотворчества, который при определении видов наказания должен задумываться не только о формальной законности, политической целесообразности, но и о справедливости. В этом случае и правоприменители не будут оказываться в ситуации, когда по форме верно, а по существу – нет. При этом следует подчеркнуть, что и правоприменитель должен обладать высокими профессионализмом и нравственностью для принятия законного и справедливого, а соответственно, эффективного решения.

В связи с этим верной представляется точка зрения В.Д. Зорькина: «Главная проблема российского правопорядка как единства права и правоприменения – не технологическая, а идеологическая и культурная. Отсюда следует, что задачи правоприменения и с идеологической, и с прагматической точек зрения исключительно сложны. И если мы ошибаемся методологически, решая эти задачи, то мы не обеспечим приемлемых практических результатов¹.

В заключение хотелось бы отметить, что, так как Постановления Конституционного Суда носят нормативно-доктринальный характер, они представляют безусловный интерес в целях выработки критериев эффективности применения юридических санкций.

Список литературы:

1. Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность (очерк теории). М., 2001. С. 72.
2. Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. М., 1961. С. 314.
3. Эффективность правового регулирования: монография / под общ. ред. А.В. Полякова, В.В. Денисенко, М.А. Беляева. М., 2017. С. 24.
4. Зорькин В.Д. Цивилизация права и развитие России: монография. М., 2016. С. 40.

Краснов Э.В.,

ассистент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета

**Правовая санкция и юридическая
ответственность в правовом государстве**

В данной статье предпринимается попытка определить основные черты и признаки правовой санкции и юридической ответственности, являющихся обязательным атрибутом правового государства. Устанавливается, что многогранный характер юридической ответственности в правовом государстве нашло свое воплощение в таком признаке данного типа государства как принцип взаимной юридической ответственности государства и личности.

Ключевые слова: правовое государство; правовая санкция; юридическая ответственность.

Прежде всего, необходимо определиться с тем, что представляет собой «правовое государство». На этот счет тоже можно найти целый ряд точек зрения известных ученых. Большая полярность мнений во многом связана и с тем, что само «государство» представляет довольно сложный предмет исследования, в различных трудах можно найти гигантское количество определений данного института общества. Так, классическая марксистская концепция представляет государство как орудие господствующего класса, который предназначен подавлять классовых противников.

Помимо приведенной выше позиции можно найти мнение сторонников позиции определения государства как некоего орудия, инструмента, с помощью которого осуществляется справедливость. Примечательным здесь выступает то обстоятельство, что само определение справедливости в различные времена было неоднозначным. Если вспомнить времена античной Греции, то можно найти труды Платона и Аристотеля, посвященные данному вопросу. Каждый раз под понятие справедливости старались подвести некие социальные ценности, будь то власть сильного, власть мудрого, господство элиты, распределение людей по кастам, сословиям, стабильность в равенстве распределения, равенство в выборе, равенство в стартовых возможностях, обеспечение свободы личности и прочие¹. Как мы видим из приведенных выше трактовок, подавляющее их большинство сводилось к употреблению термина «справедливость» и отождествления с ним термина «равенство».

Существует и целый ряд других трактовок и определений понятия «государство». Так, ряд ученых под государством понимают союз, объеди-

¹ Зорькин В.Д. Цивилизация права и развитие России: монография. М., 2016. С. 40.

¹ Венгеров А.Б. Теория государства и права: учебник. 2-е изд. М.: Омега-Л, 2005. С. 46.

нение людей для обеспечения их благоденствия и защиты. В свое время еще Иммануил Кант выступал в поддержку данной теории. «Государство, – писал он, – это объединение множества людей, подчиненных правовым законам».

Другой ученый эпохи Нового времени, Гегель, понимал под государством некую ассоциацию, которая создается публично-властными отношениями и институтами. Отличие его взглядов от предыдущей концепции заключалось в том, что Гегель представлял государство не как какой-то статичный властный механизм, а целый живой общественный организм. Схожие с его точкой зрения были взгляды некоторых ученых, которые рассматривали государство как живой развивающийся организм.

Иная точка зрения представляет нам государство как особый слой людей, призванный управлять другими людьми.

В понимании Карла Поппера, государством является институт, призванный защищать граждан.

Как мы видим из приведенных выше определений, государство является сложным социальным явлением, данные трактовки выражает различные характеристики его социальной сущности.

Для того чтобы ответить на вопрос, что представляют собой принципы правового государства, необходимо, прежде всего, постараться дать характеристику правовому государству как объекту научного исследования. Как правило, большинство ученых сходятся во мнении, что правовое государство представляет собой особую организацию политической власти. Однако каждый из них пытается дополнить это емкое определение теми целями и задачами, которыми, по их мнению, наделено правовое государство. В литературе встречаются следующие трактовки: «правовое государство создает условия для наиболее полного обеспечения прав и свобод человека и гражданина, а также для наиболее последовательного ограничения полномочий государственной власти с помощью права в целях недопущения злоупотреблений»; «в правовом государстве базовым принципом осуществления государственной власти является опора на демократические институты и приоритет личности перед государством» и другие.

Вообще, сама идея о правовом государстве возникла как некий противовес господствующему произволу, как некая реакция на деспотизм и тиранию.

Переходя непосредственно к определению «правового государства», необходимо отметить, что и в отношении данного термина возникает множество дискуссий. Во-первых, из-за того, что сам термин «правовое государство» не является русским, а был позаимствован из немецкого языка. Вместе с тем нельзя не отметить, что языки других наций также включают этот институт: в английском языке ему соответствует словообразование

«господство права», а во французском «господство законов»¹. Концепция правового государства получила свое развитие в немецкой юридической науке, которая либо сводилась к формуле «упорядоченной законом бюрократии» (такую формулировку можно проследить в работах К.Т. Велькера и Р.Г.Ф. Гнейста), либо к субординации исполнительной и законодательной властей, когда в рамках конституционной монархии первая подчиняется второй².

Довольно удачной выглядит попытка В.С. Нерсесянца дать определение правовому государству как «правовой форме организации и деятельности публично-политической власти и ее взаимоотношений с индивидами как субъектами права, носителями прав и свобод человека и гражданина»³. Однако следует заметить, что в условиях современных реалий данная трактовка правового государства нуждается в пересмотре. Говоря о правах и свободах человека и гражданина, нужно непременно обращать внимание и на обязанности, которые адресованы данным субъектам права, поскольку упоминание данного института чревато излишним перегибом в сторону лишь одних благ и развитием коррупционных факторов, которых и так наблюдается довольно большое количество в условиях современности.

Сам смысл выделения правового государства как одного из видов государств заключается в том, что возникла потребность обрисовать такое объединение граждан, в котором бы не допускалась абсолютная власть какого-либо лица и полномочия властных верхов были ограничены и четко прописаны в Основном Законе страны. Важнейшую роль в этой связанности и ограничении государства правом играет заложенная во всяком истинном праве нравственная идея справедливости и иные гуманные принципы, общечеловеческие ценности по вопросам предоставления и гарантии прав и свобод личности⁴. Как мы видим из приведенного выше положения, для правового государства не менее важно быть воплощением правовой справедливости, а не только орудием, с помощью которого эту самую справедливость можно достичь. В этом представляется один из главных нюансов выделения правового государства как одного из самых важных и основополагающих видов государств вообще.

Если говорить о правовой санкции, то, прежде всего, необходимо отметить, что подавляющее большинство ученых выделяют в качестве таковой различной степени негативные последствия для субъекта права. К

1 Нерсесянц В.С. Право-математика. Опыт прошлого и перспективы. М.: Юристъ, 1996. С. 27.

2 Welcker K.T. Die letzten Gründe von Recht, Staat und Strafe. Giesien, 1813. S. 25, 71 u.a.; Mohl R. Die Polizeiwissenschaft nach den Grundsätzen des Rechtsstaates. Bd. 1-2. Tubingen, 1832-1833.

3 Нерсесянц В.С. Философия права. М., 1997. С. 106.

4 Алексеев С.С. Философия права. М.: НОРМА, 1997. С. 56.

примеру, Венгероу указывает на различные физические, психические, моральные, имущественные и иные негативные последствия, возникающие у адресата нормы в результате нарушения им диспозиции, применения адресатом нормы диспозиции в противоречии с гипотезой и т.п. нарушениях.

Тем не менее стоит отметить, что санкция может пониматься и в позитивном смысле. Так, в случае, если глава государства присуждает официальную государственную награду за особые заслуги в какой-либо сфере, это можно считать своего рода выражением признательности или применения мер позитивной юридической ответственности.

Когда мы рассматриваем юридическую ответственность как составную и необходимую часть правового государства, то необходимо подчеркнуть, что ее толкование обладает определенной особенностью.

В юридической науке принято утверждать о принципе взаимной юридической ответственности личности и государства как об одном из основополагающих начал правового государства. Между тем, на наш взгляд, содержание данного принципа не должно ограничиваться взаимоотношениями между личностью и государством. Взаимная юридическая ответственность может проявляться между различными субъектами общественных отношений: между гражданами; между юридическими лицами; между органами государственной власти; между гражданами и юридическими лицами и так далее. Именно в таком понимании необходимо рассматривать принцип взаимной юридической ответственности, а не ограничивать его только отношениями между личностью и государством. Государство может считаться находящимся на пути построения правового только при многообразии проявлений и реализации принципа взаимной юридической ответственности. Именно поэтому его исследование в таком аспекте представляется важным и актуальным как с теоретической, так и с практической точки зрения. Правовое государство и гражданское общество состоят из свободных индивидов, но абсолютной свободы не бывает, поэтому она должна ограничиваться юридической ответственностью субъектов общественных отношений.

Сказанное выше не означает умаления проявления принципа взаимной юридической ответственности между личностью и государством. Принцип юридической взаимной ответственности личности и государства является одним из основополагающих начал, которое обеспечивает функционирование правового государства и гражданского общества. Без его наличия невозможно утверждать о том, что государство находится на пути построения именно правового государства, а права и свободы человека являются защищенными. В данном случае сложно констатировать и факт ограничения государственной власти при помощи правовых норм.

Принцип взаимной юридической ответственности личности и государства находится в плоскости гармонизации взаимоотношений между лич-

ностью и государством, он отражает оптимальное соотношение интересов личности и государства, а также связанность власти требованиями правовых норм. Тем не менее необходимо найти разумный баланс между интересами личности и государства, который должен быть адекватно отражен в существующей системе правовых норм.

Однако в настоящее время в отечественной правовой системе принцип взаимной юридической ответственности личности и государства (несмотря на изменения в действующем законодательстве и наметившиеся позитивные тенденции) реализуется не в полном объеме. Такое положение обусловлено не только необходимостью совершенствования законодательства, но и низкой правовой культурой как самих граждан, так и государственных служащих, коррумпированностью чиновников, резким расслоением общества и другими негативными факторами.

Между тем для оптимального воплощения в жизнь принципа взаимной юридической ответственности личности и государства необходимо не только совершенствование нормативной основы, но и научная база для деятельности законодателя и правоприменителя, которая должна быть разработана с учетом становления данного принципа и зарубежного опыта стран с развитыми институтами демократии.

Полученные в результате такого исследования выводы будут определенным шагом вперед на пути познания сущности и предназначения принципа взаимной юридической ответственности в правовом государстве.

Кроме того, исследование принципа взаимной юридической ответственности, во всех его проявлениях, необходимо проводить исходя из понимания юридической ответственности как целостного правового явления, включающего позитивный и негативный аспекты реализации, когда негативная ответственность (как угроза неблагоприятных последствий) выступает средством обеспечения позитивной юридической ответственности субъектов правоотношений.

Следует отметить, что принцип взаимной юридической ответственности основывается на правовой активности субъектов, реализующих предоставленные им полномочия, и он не ограничивается только обязанностями и запретами. Между тем правовая активность субъектов в нашем государстве находится на недостаточно высоком правовом уровне, а без ее наличия сложно утверждать об ограничении государственной власти при помощи правовых норм. Самого факта закрепления прав и свобод в нормативных правовых актах еще недостаточно для реализации принципа взаимной ответственности. Необходимо, чтобы субъекты реализовывали их и своей правомерной деятельностью ограничивали государственную власть.

Таким образом, исследование направлено на разрешение важной научной проблемы – создания теоретических основ построения правового

государства и формирования гражданского общества, а также практических рекомендаций для органов законодательной и исполнительной власти по воплощению в правовую жизнь принципа взаимной юридической ответственности.

Также следует подчеркнуть, что при рассмотрении принципа взаимной ответственности государства и личности можно вспомнить И. Канта, который сформулировал основную идею данного принципа: каждый гражданин должен обладать той же возможностью принуждения в отношении властвующего к точному и безусловному исполнению закона, что и властвующего в его отношении к гражданину. На практике данный принцип находит свое выражение в том, что не только у государства есть свои рычаги воздействия на гражданина посредством применения к нему мер уголовной, дисциплинарной, материальной, административной и других видов ответственности, но и граждане могут осуществлять свой контроль перед участием в различных общественных организациях. Таким образом, создается некая дополнительная гарантия недопущения злоупотреблений в стране ни с одной из сторон. Интересным представляется точка зрения Протасова, который, выделяя такой признак правового государства как правовую форму взаимоотношений государства и гражданина, включает в данный признак два составных элемента – взаимные права и обязанности государства и гражданина, а также взаимную ответственность государства и гражданина. Представляется, что данная точка зрения заслуживает дополнительного рассмотрения, поскольку очень правильным выглядит попытка отграничить обязанности от ответственности по отношению как к гражданину, так и к государству. Далеко не всегда эти правовые явления означают одно и то же, тем более в ситуации, когда речь идет о правовом государстве, когда неблагоприятные последствия, применяемые к государству, на практике находят свое выражение в виде привлечения к уголовным, административным, дисциплинарным, материальным и другим видам ответственность конкретных государственных чиновников.

Список литературы:

1. Алексеев С.С. Философия права. М.: НОРМА, 1997. 336 с.
2. Венгеров А.Б. Теория государства и права: учебник. 2-е изд. М.: Омега-Л, 2005. 608 с.
3. Нерсесянц В.С. Право-математика. Опыт прошлого и перспективы. М.: Юристъ, 1996. 160 с.
4. Нерсесянц В.С. Философия права. М., 1997. 652 с.
5. Welcker K.T. Die letzten Gründe von Recht, Staat und Strafe. Giesen, 1813. S. 25, 71 u.a.; Mohl R. Die Polizeiwissenschaft nach den Grundsätzen des Rechtsstaates. Bd. 1–2. Tübingen, 1832–1833.

Купцова О.Б.,

доцент кафедры теории государства и права Нижегородской академии
МВД России, к.ю.н., доцент

Топические основания формулирования санкций норм права:

постановка проблемы

Статья посвящена постановке узкой технико-юридической проблемы формулирования санкций норм права, анализу закономерностей построения которых не получили должного освещения в теоретико-правовой доктрине. В исследовании предлагается раскрыть особенности создания санкций норм права через призму использования топов юридического языка, понимаемых как структурно-смысловые модели высказывания.

Ключевые слова: санкции норм права; техника построения санкций норм права; топы юридического языка; структурно-смысловая модель.

Возрастающее внимание к поиску путей решения целого ряда проблем технико-юридического характера в сфере правотворчества составляет уже сложившуюся тенденцию в современном российском обществе. Среди множества положений бесспорно, что специализированный профессиональный язык выступает как средство воплощения права, адаптируясь к требованиям правовой информации и потребностям государственно-правового развития.

Поступательное развитие юрислингвистики предопределяет изучение ряда категорий, которые получили лишь одностороннее освещение или недостаточное внимание, несмотря на богатый методологический и познавательный потенциал, к их числу следует отнести санкции норм права. В современной правовой науке существуют исследования, раскрывающие юридическую природу, особенности и специфику этого правового явления применительно к конкретным отраслям права, и многие другие дискуссионные моменты.

А.В. Краснов справедливо акцентирует внимание на том, что содержательное совершенствование санкций норм права – это одно из важных условий повышения уровня правопорядка в нашей стране¹. Кроме того, в санкциях норм права отражается государственная оценка деяния субъекта, на поведение которого распространяет свое действие норма права, в частности, в уголовно-правовой санкции отражается государственная оценка общественной опасности преступного деяния².

1 Краснов А.В. Содержание санкций норм права в свете информационно-психологического подхода к исследованию правовых явлений // Актуальные проблемы экономики и права. 2013. № 4. С. 230.

2 Густова Э.В. Построение санкций в уголовном праве Российской Федерации: теоретический аспект: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 11.

В современной литературе термин «санкция» употребляется в следующих основных значениях: утверждение, одобрение высшей инстанцией акта, придающее ему юридическую силу; мера воздействия, наказания за нарушение закона, договора, мера принуждения в отношении государства, нарушившего обязательства (в международном праве)¹. В данной работе за основу хотелось бы взять понятие санкции норм права, в соответствии с которым под этим явлением понимается структурная часть правовой нормы, закрепляющая вид и меру государственно-правового воздействия в отношении субъекта, нарушившего или выполнившего диспозицию правовой нормы². При этом не вызывает сомнений тот факт, что санкции норм права представляют собой определенное логическое построение нормативного материала, имеющего качественно-количественные характеристики³. В этом плане важно эффективно и своевременно определить и отразить не только специфику указанных качественно-количественных характеристик нормативного материала, но и технико-юридические составляющие его формулирования.

Примечательно, что в правовой доктрине и практике внимание ученых постепенно возвращается к проблемно-ориентированной, топической модели мышления⁴, к топике как особой системе смыслообразующего пространства⁵, в русле которого хотелось бы позиционировать некоторые технико-юридические аспекты формулирования санкций норм права.

Обращаясь к определению понятия «топ», которое лежит в основе словосочетания «топическое основание», следует отметить, что многообразие всех позиций в риторике и лингвистике можно свести к двум, принципиально различным взглядам:

Во-первых, топы представляются как своеобразные «общие места». Так, например, их значение Ю.В. Рождественский видит в том, что они являются средством установления речевой коммуникации, для которой нужна смысловая общепонятность⁶.

1 Дегтярева Н.И. Санкция недействительности в российском праве (вопросы теории и практики): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов. 2011. С. 15.

2 Мусаткина А.А. Об общем понятии санкции нормы права // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 1 (50). С. 36.

3 Тихонова С.С. Особенности конструирования санкций в уголовном законе: теория и законотворческая практика // Юридическая техника. 2013. № 7 (ч. 2). С. 752.

4 Седова Н.В. Становление топических оснований социально-правового регулирования // Вестник Новгородского государственного университета. Новгород. 2014. № 83. Ч. 2. С. 121.

5 Палатовская Е. Структурно-смысловые модели эпидейктической речи (на материале выступлений академика Д.С. Лихачева) // <https://docslide.org/strukturno-smyslovye-modeli-epideykticheskoy-rechi-na-materiale-vystupleniy-akademika-d-s-lihacheva> (дата обращения: 20.11.2017).

6 Соболева А.К. Топика и аргументация в юридических текстах (на материале текстов судебных решений Конституционного Суда РФ, Конституционного Суда ФРГ и Верховного Суда США): дис. ... канд. филол. наук. М. 1998. С. 37.

Во-вторых, несмотря на распространение первой точки зрения, следует выделить и подчеркнуть иное мнение, которое в своем исследовании обосновывает В.А. Садикова. В соответствии с этой позицией топ представляет собой структурно-смысловую модель порождения высказывания, где структурность относится исключительно к смыслу¹.

Следует отметить, что исследования, посвященные созданию правил конструирования санкций норм права (в частности, уголовно-правовых), в современной правовой доктрине существуют. Например, отмечаются недостатки оформления, свойственные уголовно-правовым санкциям действующего УК РФ: неоднозначность, громоздкость – содержание в одной санкции чрезмерно большого количества наказаний², предлагаются пути устранения данных проблемных моментов. Вместе с тем думается, что данные правила конструирования правовых санкций необходимо расширять, привлекая для этого потенциал новых характеристик и технико-юридических средств и способов, которые или недостаточно разработаны в юридической науке, или подверглись анализу в смежной сфере научных изысканий и нуждаются в экстраполяции на почву юридической материи.

В качестве упоминаемых нами в данной работе структурно-смысловых единиц речи, используемых в процессе формулирования санкций норм права, можно рассматривать явления, начиная от *eiusdem generis* и заканчивая использованием категорий, являющихся максимумами права.

Список литературы:

1. Краснов А.В. Содержание санкций норм права в свете информационно-психологического подхода к исследованию правовых явлений // Актуальные проблемы экономики и права». 2013. № 4.
2. Густова Э.В. Построение санкций в уголовном праве Российской Федерации: теоретический аспект: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015.
3. Дегтярева Н.И. Санкция недействительности в российском праве (вопросы теории и практики): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов. 2011.
4. Мусаткина А.А. Об общем понятии санкции нормы права // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 1 (50).
5. Тихонова С.С. Особенности конструирования санкций в уголовном законе: теория и законотворческая практика // Юридическая техника. 2013. № 7 (ч. 2).
6. Седова Н.В. Становление топических оснований социально-правового регулирования // Вестник Новгородского государственного университета. Новгород. 2014. № 83. Ч. 2. С. 121.

1 Садикова В.А. Топика как система структурно-смысловых моделей (типология инвариантов высказывания): дис. ... д-ра филол. наук. Тверь. 2012. С. 4.

2 Густова Э.В. Построение санкций в уголовном праве Российской Федерации: теоретический аспект: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 22-23.

7. Палатовская Е. Структурно-смысловые модели эпидейктической речи (на материале выступлений академика Д.С. Лихачева) // <https://docslide.org/strukturno-smyslovye-modeli-epideykticheskoy-rechi-na-materiale-vystupleniy-akademika-d-s-lihacheva> (дата обращения: 20.11.2017).
8. Соболева А.К. Топика и аргументация в юридических текстах (на материале текстов судебных решений Конституционного Суда РФ, Конституционного Суда ФРГ и Верховного Суда США): дис. ... канд. филол. наук. М. 1998.
9. Садикова В.А. Топика как система структурно-смысловых моделей (типология инвариантов высказывания): дис. ... д-ра филол. наук. Тверь. 2012.

Малько А.В.,

директор Саратовского филиала Института государства и права
Российской академии наук, д.ю.н., профессор,
заслуженный деятель науки РФ,

Нырков В.В.,

зам. директора по науке Саратовского филиала Института государства и
права Российской академии наук, к.ю.н., доцент

Поощрительные санкции в праве и позитивная юридическая ответственность

Раскрываются актуальные проблемы взаимосвязи поощрения и позитивной юридической ответственности. Отстаивается идея необходимости выделения и разработки понятия «поощрительные санкции». Приводится ряд аргументов в пользу включения поощрения в структуру позитивной юридической ответственности. Анализируется позиция теоретических противников трактовки поощрения на уровне санкции правовой нормы. Рассматриваются философские, общесоциологические знания

Ключевые слова: поощрение в праве; поощрительная санкция; позитивная юридическая ответственность; парные категории.

В современных условиях, когда российская правовая система претерпевает существенные изменения, ориентируясь на изменения, происходящие в нашей жизни, весьма актуален вопрос об имеющихся юридических ресурсах – юридических средствах, о новых приоритетах в их использовании. Среди сильнодействующих правовых инструментов можно выделить два – наказания и поощрения, которые издавна использует власть.

В настоящий момент социально-полезная активность личности становится важнейшим фактором общественного прогресса. В политике

российского государства одним из приоритетных направлений является задача создания условий для обеспечения достойной жизни и свободного развития его граждан. Устанавливая режим, благоприятствующий выбору активного правомерного варианта поведения для личности, в своей деятельности государство все чаще обращается к инструменту правового поощрения.

Разумеется, нельзя сказать, что отечественная юридическая наука не исследовала рассматриваемый феномен. В литературе анализировались многие аспекты названной проблемы: поощрение как метод государственного управления¹ и как метод правового регулирования², поощрительные нормы³, поощрительные санкции⁴, поощрительные правоотношения⁵, эффективность поощрений⁶ и т. п.

Вместе с тем еще немало проблем в данной сфере остается недостаточно изученными. Поэтому все острее встает задача сформировать общую концепцию института правового поощрения, отвечающую современным требованиям, дать фундаментальную теорию этого весьма оригинального юридического инструмента.

Именно в целях дальнейшего развития теоретического знания о поощрении в праве нами активно пропагандируется и отстаивается идея поощрительных санкций. Данная идея возникла достаточно давно. В юридической науке критику понимания под санкциями права лишь наказаний мы можем найти у Н.А. Гредескула, который писал: «Под влиянием господствующего в ней заблуждения, что право достигает своего осуществления только благодаря физическому насилию, наука о праве сосредоточила все свое внимание на угрозах злом нарушителям велений права за их нарушение и только в них и видела, так называемую, санкцию нормы. Конечно, не следует уменьшать важного значения этого средства для достижения повинности праву, но вместе с тем надо признать не только то, что, рядом

1 См., напр.: Петров Г.М. Поощрение в государственном управлении. Ярославль, 1993.

2 См., напр.: Витченко А.М. Метод правового регулирования социалистических общественных отношений. Саратов, 1974; Киселева О.М. Поощрение как метод правового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2000.

3 См., напр.: Баранов В.М. Поощрительные нормы советского социалистического права. Саратов, 1978.

4 См., напр.: Кудрявцев В.Н. Закон, поступок, ответственность. М., 1986. С. 293–294.

5 См., напр.: Скобелкин В.Н. Поощрительные правоотношения // Проблемы совершенствования гражданско-правового регулирования. Томск, 1991. С. 153–161.

6 См., напр.: Никитинский В.И. О повышении эффективности государственных наград за особые трудовые заслуги // Советское государство и право. 1985. № 12. С. 21–30.

с ним, существует еще и другое, но и то, что это другое средство играет по отношению к праву еще более важную роль»¹.

Преобладающая затем и в советский период развития юридической науки трактовка санкции нормы исключительно в качестве наказания, карательной меры, привела к тому, что категории «право», «норма права» и многие другие стали восприниматься исключительно как средства принуждения. Право получить характеристику механизма полного принуждения к исполнению обязанностей, а убеждение в теории юриспруденции считается и сегодня лишь идеологической пропагандой. Но если преувеличение карательного воздействия еще простительно для ученых-криминалистов, то для теоретиков методологической фундаментальной науки правоведения, которой, без сомнения, является теория государства и права, указанный «перекосяк» никоим образом не подлежит оправданию.

Преодолению отмеченного негативного «стереотипа» в мышлении, на наш взгляд, может активно способствовать придание правовому поощрению наряду с наказанием статуса санкции. Такой шаг позволит наконец-то раскрыть богатый поощрительный арсенал права не только в теории, но и на практике.

Несмотря на это, проблема «поощрительных санкций» в отечественной юридической литературе до сих пор рассматривается неоднозначно. Есть как сторонники², так и противники использования данного термина³.

По нашему мнению, указанное понятие в целом достаточно адекватно отражает реальную действительность и органично вписывается в ныне существующую понятийную систему общей теории права. Выскажем некоторые аргументы в защиту данной точки зрения.

Во-первых, этимологическое значение слова «санкция» имеет не только негативные, но и позитивные аспекты. Так, одним из его смыслов явля-

ется «одобрение», «санкционирование», «разрешение». «Санкция – мера воздействия, важнейшее средство социального контроля. Различают негативные санкции, направленные против отступлений от социальных норм, и позитивные санкции, стимулирующие одобряемые обществом, группой отклонения от норм»¹.

Позитивное санкционирование есть своего рода разрешение на какие-либо действия со стороны лица, облеченного специальной властью (предписание приказа о выплате премий, указа о награждении и т. п.). Это же установлено и в ст. 5 УПК РФ:

«Санкция – разрешение (согласие) прокурора на производство дознавателем, следователем соответствующих следственных и иных процессуальных действий и на принятие ими процессуальных решений».

Во-вторых, позитивные санкции (благоприятные последствия) присущи всем видам социальных норм. Это их общая черта. Как отмечается в справочной литературе, «наиболее распространено деление социальных санкций на “негативные”, пресекающие нежелательное поведение, и “позитивные”, стимулирующие желательное. Как негативные (арест, штраф, анафема), так и позитивные (повышение по службе, премии, ордена) формальные социальные санкции осуществляются специально уполномоченными для этой цели лицами»².

Поскольку правовые нормы выступают лишь разновидностью норм социальных, на них в полной мере распространяется данная закономерность. Следует согласиться с выводом о том, что «поощрительные санкции встречаются почти во всех отраслях... права»³.

Далеко не случайно проблема поощрительных (положительных) санкций была поставлена первоначально в социологической, философской, психологической литературе, где большинство специалистов весьма аргументированно обосновывали существование подобного рода последствий социальных норм⁴.

В-третьих, логика общественного развития, практика подсказывают, что санкция – это не только некий отрицательный результат (наказание), но и положительный результат, который может выражаться в поощрении. Санкции как последствия призваны не только оценивать уже совершенное поведение, а также превентивным образом влиять на субъектов. С этой функцией вполне справляются и поощрительные санкции. Награждение

1 Большой энциклопедический словарь. М., 1998. С. 1058.

2 Философский энциклопедический словарь. М., 1989. С. 567.

3 Кудрявцев В.Н. Закон, поступок, ответственность. М., 1986. С. 293.

4 См., напр.: Щипанский Я. Элементарные понятия социологии. Новосибирск, 1967. С. 114–116; Шибутани Т.С. Социальная психология. М., 1969. С. 53; Пэнто Р., Гравитц М. Методы социальных наук. М., 1972. С. 41; Муздыбаев К. Психология ответственности. А., 1983. С. 17.

1 Гредескул Н.А. К учению об осуществлении права. Интеллектуальный процесс, требующийся для осуществления права. Харьков, 1900. С. 32.

2 Одними из первых о необходимости выделения поощрительных санкций в советский период развития отечественной юридической науки заговорили: А.К. Стальевич (О крупных недостатках в советской юридической науке // Советское государство и право. 1949. № 1. С. 35); А.А. Ушаков (Очерки советской законодательной статистики. Пермь, 1967. С. 40–41); А.П. Корнев (Нормы советского административного права // Труды Высшей школы МВД СССР. М., 1971. Вып. 31. С. 57–58) и др.

3 См., напр.: Гакин В.М. Система поощрений в советском уголовном праве // Советское государство и право. 1977. № 2. С. 94; Баранов В.М. Поощрительные нормы советского социалистического права / Под ред. М.И. Байтина. Саратов, 1978. С. 55–58; Баранов В.М., Чернявский А.Г., Девяшин И.В., Пешехонов Д.А. Депоощрение по российскому праву (доктрина, практика, техника): монография. М.: ИНФРА-М, 2017. С. 79–124; Байтин М.И. Сущность права (Современное нормативное право- понимание на грани двух веков). Саратов, 2001. С. 199–206 и др.

добродетельных поступков Ч. Беккариа рассматривал в качестве одного из важных средств предупреждения преступлений¹.

Наличие поощрительных санкций оправдано задачей права, которая состоит как в сдерживании правонарушений, наказании лиц, их совершивших, так и в стимулировании правомерного поведения, поощрении лиц, действующих в интересах общества.

Поощрительные меры, совместно с мерами принуждения, обеспечивают устанавливаемую государством модель правомерного поведения. Особенность поощрительной санкции – в гарантировании тех социальных целей (благ), ради достижения которых такая модель поддерживается юридическими средствами, и особенно тех целей, достижение которых иными способами невозможно.

В-четвертых, позитивные и негативные санкции приводят к прямо противоположным последствиям для субъекта, обладающего юридическими обязанностями. Данное обстоятельство лишней раз свидетельствует о том, что мы имеем дело с двумя сторонами одного и того же явления – санкционированием. В этом смысле совершенно обоснованно подчеркнута Н. Боббио, что «позитивная и негативная санкции порождают два различных отношения, в которых активный и пассивный субъекты меняются местами: в первом случае отношение – обязанность идет от санкционирующего к санкционируемому, во втором случае это же отношение идет от санкционируемого к санкционирующему»².

В-пятых, структура юридических норм поощрительного характера внешне напоминает структуру большинства уголовно-правовых норм, содержащих наказания. В гипотезе и диспозиции, которые в поощрительной норме слиты (как и в уголовно-правовой норме), предлагается модель заслуженного поведения и призыв к его осуществлению. Верно замечено, что «в отличие от обычной обязывающей или запрещающей нормы, где диспозиция становится командой: “действуй так-то”, диспозиция поощрительной нормы лишь предоставляет право достигнуть поощряемого результата»³.

В санкции же поощрительной нормы фиксируются благоприятные последствия, меры вознаграждения. В уголовно-правовой санкции – соответственно неблагоприятные последствия, меры наказания, за исключением, разумеется, уголовно-правовых поощрительных санкций.

В-шестых, вышеперечисленные теоретические положения, обосновывающие существование поощрительных санкций, подтверждаются еще и тем, что меры поощрения и наказания на практике и в теории используются как парные юридические категории.

1 См.: Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 1939. С. 405–406.

2 Право XX века: идеи и ценности. М., 2001. С. 131.

3 Петров Г.М. Указ. соч. С. 46.

Правовое поощрение и правовое наказание взаимосвязаны, они существуют и воздействуют на интересы и поведение субъектов будучи в паре. Совершенно очевидно, что у них наблюдаются определенные сходства и различия. Однако указанные понятия не просто соотносимы, а являются именно парными юридическими категориями.

В таком случае, если меры наказания закрепляются, бесспорно, на уровне санкции нормы, тогда и меры поощрения тоже. Ведь у них один статус. Парность рассматриваемых инструментов обнаруживает себя на следующих уровнях:

- в нормативно-правовом закреплении;
- в информационно-психологическом действии права;
- в рамках юридической ответственности;
- в механизме обеспечения выполнения субъектами возложенных на них юридических обязанностей.

Более пристального внимания, на наш взгляд, требует вопрос о непосредственной связи между идеей поощрительной санкции в праве и позитивной юридической ответственности.

Одним из важнейших уровней проявления единства и взаимодействия поощрений и наказаний выступает юридическая ответственность.

Вопрос о правовых санкциях (поощрениях и наказаниях) тесным образом связан с не менее сложной проблемой осмысления феномена юридической ответственности. От решения вопроса о санкции в праве во многом зависит и трактовка ответственности и наоборот. Признание правового поощрения в качестве санкции с необходимостью влечет утверждение о наличии позитивного аспекта у юридической ответственности. Именно в реализации поощрения как санкции за правомерное поведение и проявляет себя положительная сторона ответственности.

Категория «ответственность» акцентирует внимание на взаимодействии поощрений и наказаний в качестве ответных реакций на заслугу и правонарушение, особо подчеркивает связь с юридически значимым поведением индивидов.

Исследование правового поощрения вне рамок позитивной ответственности приводит к недооценке первого, отрицанию его в качестве ответной реакции на активное правомерное поведение и к «бестелесности» последней. Позитивная юридическая ответственность без наличия в ней реализации поощрения за совершение заслуги или добросовестного поступка так и останется некой теоретической «фикцией», не отражающей никакого реально существующего феномена, либо просто будет дублировать иные юридические категории, что также не имеет смысла.

В принципе, на подобную «бестелесность» позитивной ответственности и указывают в качестве своего главного аргумента ее теоретические

противники. Например, справедлива в этом плане критика Н.С. Малеиным концепций позитивной ответственности как: осознания индивидом долга; обязанности дать отчет; обязанности соблюдать правовые требования; правомерного поведения. При этом он отмечает: «Четкого и однозначного определения позитивной ответственности пока нет, а в имеющихся определениях допускается подмена терминов и объединение различных категорий. Объявление ответственностью обязанности совершать предусмотренные законом действия (долг) ведет, с одной стороны, к удвоению терминологии: одно и то же явление одновременно именуется обязанностью и ответственностью, с другой – вносит неясность в терминологию: ответственностью называется и сама обязанность, и следствие ее неисполнения, при этом допускается смешение двух качественно различных явлений»¹.

Но при этом сами противники позитивной ответственности допускают иную ошибку, аналогичную критикуемой. В частности, Н.С. Малеин отождествляет ответственность с наказанием, чем также дублирует категорию. Отрицание наличия позитивного аспекта ответственности, так или иначе, сводит понимание юридической ответственности: к реализации негативной санкции; к обязанности претерпевать лишения и ограничения, возлагаемые на правонарушителя; к мерам принуждения за совершение правонарушения; к государственному осуждению противоправного поведения и т. д. Поэтому на настоящий момент уязвимы позиции обеих сторон теоретического спора. И противники, и сторонники позитивной ответственности из-за однобокого подхода к проблеме упускают из поля зрения саму «сущность» данного явления.

Отсутствие у категории «позитивная юридическая ответственность» собственного и реально существующего феномена для его отражения в теории, поэтому и позволяет ее противникам делать следующие обоснованные замечания: «Наиболее уязвимым звеном идеи позитивной правовой ответственности является невозможность определить ее юридические свойства и качества, чем-либо отличающиеся от известных понятий “обязанность”, “правомерное поведение”, “правосубъектность”, “деликтоспособность”, “выполнение обязательств»².

Можно найти в юридической литературе и иные аргументы против идеи позитивного аспекта ответственности, вытекающие в основном из приведенного довода, например: растворение юридической ответственно-

1 Малеин Н.С. Правонарушение: понятие, причины, ответственность. М., 1985. С. 131.

2 Лейст О.Э. Методологические проблемы юридической ответственности // Проблемы теории государства и права. М., 1999. С. 480.

сти в иных видах социальной ответственности, некритическое заимствование философских и социологических категорий и т. п.¹

От возражений теоретических противников нельзя отмахнуться, они вполне обоснованы и имеют силу. Но это не означает того, что следует вообще отказаться от концепции позитивной юридической ответственности и поощрительной санкции. Такой шаг был бы большой ошибкой, ибо есть реально существующая связка в правовой жизни – «правомерное заслуженное поведение – поощрение», требующая своего теоретического осмысления. И в данном случае лучше всего для отражения в мышлении указанной пары подходят категории «позитивная правовая ответственность» и «поощрительная санкция».

На настоящий момент, к сожалению, можно констатировать отсутствие должного внимания к столь важной проблеме соотношения правового поощрения и юридической ответственности². Хотя в литературе и отмечается, в той или иной степени, связь между указанными явлениями³, и даже можно найти совершенно справедливые утверждения о том, что «заслуга и соответствующее поощрение – есть естественный итог реализации позитивной ответственности»⁴ или, «позитивная ответственность есть реализация поощрительных санкций»⁵. Однако указанные положения до сих пор не получили своего дальнейшего развития, а следовательно, не были восприняты должным образом их противниками или просто ими не замечаются.

В связи с этим возникает вопрос: если теоретики признают в качестве негативной ответственности связь «правонарушение – наказание», то разве не будет логичным представление противоположной пары «право-

1 См., напр.: Байтин М.И. Сущность права (Современное нормативное правовое понимание на грани двух веков). Саратов, 2001. С. 195–199; Кучинский В.А. Личность, свобода, право. М., 1978. С. 158; Ребане И.А. О методологических и гносеологических аспектах учения об основаниях юридической ответственности // Ученые записки Тарту. гос. ун-та. Тарту, 1987. Вып. 852. С. 9; Самощенко И.С., Фарушкин М.Х. Ответственность по советскому законодательству. М., 1971. С. 43; Сапун В.А. Общесоциальная ответственность и правовое регулирование // Правоведение. 1982. № 3. С. 17; Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. М., 1974. С. 317 и др.

2 См.: Звечаровский И.Э. Указ. соч. С. 5.

3 См., напр.: Гуцин Д.И. Юридическая ответственность за моральный вред (теоретико-правовой анализ). СПб., 2002. С. 33–34; Липинский Д.А. Формы реализации юридической ответственности: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1999. С. 7–9; Матузов Н.И. Правовая система и личность. Саратов, 1987. С. 206; Мелешников А.В. Указ. соч. С. 501; Разгильдиев Б.Т. Задачи уголовного права Российской Федерации и их реализация. Саратов, 1993. С. 152; Сабитов Р.А. Указ. соч. С. 134–135 и др.

4 Кудрявцев В.Н. Правовое поведение: норма и патология. М., 1982. С. 238.

5 Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве. Теоретико-информационный аспект. Саратов, 1994. С. 93.

мерное заслуженное поведение – поощрение» в качестве позитивной юридической ответственности? На наш взгляд, никакие возражения противников не мешают осуществить данный теоретический ход. Кроме того, на наличии у любого вида социальной ответственности двух противоположных сторон (аспектов) настаивают и философы, и социологи. Таким образом, концепция единства позитивной и негативной стороны юридической ответственности имеет мощный методологический фундамент¹. И для того чтобы смело отрицать существование позитивной ответственности и поощрительных санкций в праве, необходимо сначала опровергнуть методологические основы данной идеи, а этого, как известно, осуществлено не было.

В философских источниках под ответственностью единодушно понимается как единство диалектических противоположностей: позитивной и негативной, основывающихся, соответственно, на одобрении-поощрении и осуждении-наказании. И обращение к вопросу социальной ответственности при изучении ее конкретных форм (в том числе и юридической) естественно и необходимо, поскольку именно оно, как отмечает И.Э. Звечаровский, «дает в руки исследователя-юриста необходимый методологический инструментарий»².

Завершая изложение системы аргументов по теоретическому обоснованию и защите идеи «поощрительных санкций», в качестве некоторого итога необходимо отметить следующее.

Признание все большим числом ученых поощрительных санкций могло бы, по нашему мнению, способствовать дальнейшему развитию научной мысли и юридической практики по пути расширения позитивных начал в праве, увеличения «стимулирующего веса» его средств, более разностороннему использованию управленческих методов воздействия на субъектов. Принимая во внимание приведенные аргументы, вряд ли обоснованно игнорировать в юридических исследованиях общенаучное понимание категории «санкция», ссылаясь при этом на сложившиеся терминологические традиции.

На практике же в целом характерным для современного института поощрения остается тенденция расширения сферы его действия, появление

1 См.: Грядунова Л.И. Социальная ответственность личности в условиях социализма. Киев, 1971; Жеребин В.С. Диалектика социальных противоречий и право. М., 1986. С. 109; Косолапов Р.И., Марков В.С. Свобода и ответственность. М., 1969; Плахотный А.Ф. Проблема социальной ответственности. Харьков, 1981; Он же. Свобода и ответственность (социологический аспект). Харьков, 1972; Сперанский В.И. Социальная ответственность в системе общественных отношений (социальный аспект): Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 1990; Черменина А.П. Проблема ответственности в этике: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Л., 1965 и др.

2 Звечаровский И.Э. Указ. соч. С. 11.

и развитие новых видов поощрения, стремление в полной мере использовать стимулирующий потенциал данного юридического средства¹. В настоящее время важно поднять социальную значимость поощрительных норм путем усиления их юридической гарантированности, что уже подтверждается некоторыми нормативными актами, принятыми за последние годы (Гражданским кодексом РФ, законами об основах ценовой политики, о свободных экономических зонах, о банковской деятельности и организации платежной системы, положениями о мерах по государственной поддержке малого предпринимательства и о государственных наградах и премиях). При этом немаловажную роль в данном процессе должна играть и юридическая доктрина, посредством разработки научно-обоснованной стратегии по оптимизации поощрительной политики государства и раскрытию всего потенциала рассматриваемого юридического средства. Сама жизнь настоятельно требует теоретического и практического признания за поощрением статуса санкции норм права.

Генезис института правового поощрения в законодательстве и в юридической литературе показывает, что данный институт эволюционировал от простых форм к более сложным. Первоначально поощрения имели в основном примитивный характер и распространялись лишь на небольшой круг общественных отношений. Затем вместе с усложнением жизнедеятельности общества, с характером социальных связей, с происходящими в государстве изменениями они стали усложняться. За более чем тысячелетний этап своего развития меры поощрения в российском законодательстве из неупорядоченных и отдельных элементов «доросли» до уровня разветвленной системы, межотраслевого юридического института.

Система правовых поощрений в конкретно-исторический период развития России – это своеобразная реакция на актуальные потребности и проблемы, существовавшие в тот или иной момент в российском обществе, ибо институт поощрений является комплексным юридическим средством достижения поставленных государством целей, способом решения соответствующих задач. Следует подчеркнуть, что возникновение и эволюция правовых форм поощрения, их качественное изменение и количественный рост всегда были зависимы, производны от состояния базисных отношений. Объем правового поощрения, как и масштаб принуждения, обусловлены сущностью государства и права. В соответствии с социально-экономическим и политическим развитием общества появлялись и совершенствовались новые формы и виды поощрений. Чем более высоким становился уровень цивилизованности общества, тем более широкие сферы социальной жизни были охвачены поощрительными санкциями.

1 См. подроб.: Малько А.В. Льготная и поощрительная правовая политика. СПб., 2004. С. 161–231.

Список литературы:

1. Байтин М.И. Сущность права (Современное нормативное правовое понимание на грани двух веков). Саратов, 2001.
2. Баранов В.М., Чернявский А.Г., Девяшин И.В., Пешехонов Д.А. Депоощрение по российскому праву (доктрина, практика, техника): монография. М.: ИНФРА-М, 2017.
3. Баранов В.М. Поощрительные нормы советского социалистического права. Саратов, 1978.
4. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 1939.
5. Большой энциклопедический словарь. М., 1998.
6. Витченко А.М. Метод правового регулирования социалистических общественных отношений. Саратов, 1974.
7. Галкин В.М. Система поощрений в советском уголовном праве // Советское государство и право. 1977. № 2.
8. Гредескул Н.А. К учению об осуществлении права. Интеллектуальный процесс, требующийся для осуществления права. Харьков, 1900
9. Грядунова Л.И. Социальная ответственность личности в условиях социализма. Киев, 1971
10. Гуцин Д.И. Юридическая ответственность за моральный вред (теоретико-правовой анализ). СПб., 2002.
11. Жеребин В.С. Диалектика социальных противоречий и право. М., 1986.
12. Киселева О.М. Поощрение как метод правового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2000.
13. Корнев А.П. Нормы советского административного права // Труды Высшей школы МВД СССР. М., 1971. Вып. 31. С. 57–58.
14. Косолапов Р.И., Марков В.С. Свобода и ответственность. М., 1969
15. Кудрявцев В.Н. Правовое поведение: норма и патология. М., 1982.
16. Кудрявцев В.Н. Закон, поступок, ответственность. М., 1986.
17. Кучинский В.А. Личность, свобода, право. М., 1978.
18. Лейст О.Э. Методологические проблемы юридической ответственности // Проблемы теории государства и права. М., 1999.
19. Липинский Д.А. Формы реализации юридической ответственности: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1999.
20. Малеин Н.С. Правонарушение: понятие, причины, ответственность. М., 1985.
21. Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве. Теоретико-информационный аспект. Саратов, 1994.
22. Малько А.В. Льготная и поощрительная правовая политика. СПб., 2004.
23. Матузов Н.И. Правовая система и личность. Саратов, 1987.

24. Муздыбаев К. Психология ответственности. Л., 1983.
25. Никитинский В.И. О повышении эффективности государственных наград за особые трудовые заслуги // Советское государство и право. 1985. № 12. С. 21–30.
26. Плахотный А.Ф. Проблема социальной ответственности. Харьков, 1981
27. Петров Г. М. Поощрение в государственном управлении. Ярославль, 1993.
28. Право XX века: идеи и ценности. М., 2001.
29. Пэнто Р., Гравитц М. Методы социальных наук. М., 1972.
30. Разгильдиев Б.Т. Задачи уголовного права Российской Федерации и их реализация. Саратов, 1993.
31. Ребане И.А. О методологических и гносеологических аспектах учения об основаниях юридической ответственности // Ученые записки Тарт. гос. ун-та. Тарту, 1987. Вып. 852.
32. Самощенко И.С., Фарушкин М.Х. Ответственность по советскому законодательству. М., 1971.
33. Сапун В.А. Общесоциальная ответственность и правовое регулирование // Правоведение. 1982. № 3.
34. Скобелкин В.Н. Поощрительные правоотношения // Проблемы совершенствования гражданско-правового регулирования. Томск, 1991.
35. Сперанский В.И. Социальная ответственность в системе общественных отношений (социальный аспект): Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 1990
36. Стальевич А.К. О крупных недостатках в советской юридической науке // Советское государство и право. 1949. № 1. С. 35–40.
37. Ушаков А.А. Очерки советской законодательной статистики. Пермь, 1967. С. 1058.
38. Философский энциклопедический словарь. М., 1989.
39. Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. М., 1974.
40. Черменина А.П. Проблема ответственности в этике: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Л., 1965
41. Шибутани Т.С. Социальная психология. М., 1969.
42. Щипанский Я. Элементарные понятия социологии. Новосибирск, 1967.

Неякин Д.С.,

преподаватель кафедры теории государства и права
Саратовской государственной юридической академии**Санкции исключительных норм: общетеоретические аспекты**

Санкция – важнейший элемент нормы права, подразумевающий вид и меры государственного обеспечения изложенных в диспозиции вариантов возможного и должного поведения.

Если исходить из традиционного, доминирующего в общей теории права представления о трехэлементной структуре правовой нормы (гипотеза, диспозиция, санкция), то вполне резонно будет предположить, что санкции имеются и у исключительных норм.

Исключительная норма – разновидность специальной нормы, предусматривающая возможность посредством изъятия или дополнения из общего либо специального предписания существования альтернативного варианта регламентации общественных отношений.

Исключительные нормы, как видно из самой их дефиниции, выступают отдельной разновидностью норм специальных. Последние «...потому и называются так, что они при регламентации однородных общественных отношений регулируют те их стороны, элементы, признаки, которые оставляют в этих отношениях специфическое, особенное»¹.

По мнению И.Н. Сенякина, специальные нормы в большинстве случаев содержат в себе санкцию, то есть для них характерен прямой способ изложения нормы в статье нормативного правового акта². При этом только специальным нормам присущи такие санкции, как специальные, кумулятивно-факультативные и специально-профилактические³.

Признавая и во многом разделяя позицию И.Н. Сенякина в отношении сложной природы специальных норм вообще и их санкций в частности, хотелось бы все же отметить, что ученый воспринимает санкции только как неблагоприятные последствия, наступающие вследствие нарушения нормы права.

Между тем наличие поощрительных норм и, соответственно, поощрительных санкций – объективная реальность, признаваемая научной общественностью.

Санкции правовой нормы могут быть как позитивными, так и отрицательными, содержать как меры наказания, так и поощрения. Отрицание поощрительных санкций у юридических норм не может быть оправдано

1 Сенякин И.Н. Специальные нормы советского права. Саратов, 1987. С. 51.

2 Там же. С. 48.

3 См.: Там же. С. 48-50.

даже исходя из лексического значения рассматриваемого слова (одобрение, разрешение).

По нашему мнению, наличие поощрительных (равно как и отрицательных) санкций более чем убедительно можно показать на примере исключительных норм.

Критерием выделения исключительных норм из массива специальных норм служит, прежде всего, то, что «исключительные нормы, делая изъятия из других норм, регламентируют отношения существенно иным образом, зачастую противоположным»¹.

Дело в том, что все специальные нормы содержат специальные правила, а исключительные нормы содержат исключения из правил, как общих, так и специальных².

Исключения, задействованные в сфере правового регулирования, находят свое выражение в создаваемых и охраняемых государством юридических нормах.

С.Ю. Суменков считает, что исключения в праве можно обозначать в качестве таковых лишь при условии воплощения в юридической норме³.

«Исключение в праве, – отмечает С.Ю. Суменков, – закрепленное в нормах права и выражающееся в официально признанных формах, объективированное в специальных терминах предписание, выступающее в качестве юридического средства регламентации общественных отношений, подразумевающее дополнение или (и) изъятие из парного с исключением правила и создающее альтернативный последнему варианту регуляции, необходимый для достижения социально значимых целей»⁴.

Нормы, содержащие исключения, выражаются в двух видах: нормах-дополнениях и нормах-изъятиях.

Нормы-дополнения призваны расширить содержание генерального установления, повысить уровень его эффективности, создать дополнительные гарантии для субъектов соответствующих правоотношений. Данные предписания есть расширительные средства, устанавливаемые сверх, в дополнение к основному. Они не обуславливаются прямо и непосредственно содержанием общей нормы, которая существует и применяется самостоятельно, независимо от функционирования специальной нормы-дополнения⁵. Нормы-изъятия определяют исключения из общего правила, содержат некоторые отклонения из него.

1 Черданцев А.Ф. Толкование советского права. М., 1979. С. 74.

2 См. о разграничении специальных правил и исключений; Суменков С.Ю. Исключения в праве: теоретико-инструментальный анализ. М., 2016. С. 41-43.

3 Суменков С.Ю. Исключения в праве: общетеоретический анализ: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2016. С. 36.

4 Там же. С. 11.

5 Сенякин И.Н., Степин А.Б., Подмошнев В.Д. Судебное усмотрение в частном праве (общетеоретический анализ). Саратов, 2005. С. 140.

В аспекте рассматриваемой темы следует отметить, что в санкциях исключительных норм достаточно часто находит свое отражение такое специфическое средство правового воздействия, как поощрение. «Правовое поощрение есть форма и мера юридического одобрения заслуженного поведения, в результате чего субъект вознаграждается, для него наступают благоприятные последствия»¹.

Логично предположить, что благоприятные последствия как раз и заключаются в предоставлении дополнительных прав и (или) освобождении от каких-либо обязанностей. К примеру, ст. 36 Положения о службе в органах внутренних дел от 23 декабря 1992 г. предусматривает в качестве меры поощрения за успехи в служебной деятельности досрочное присвоение очередного специального звания, что влечет за собой изменение объема прав и обязанностей поощряемого сотрудника². В свою очередь ст. 37 данного Положения устанавливает право лиц, награжденных почетным знаком «Заслуженный работник МВД РФ», на получение ежегодного отпуска в удобное для них время. Подобное право как раз и представляет исключение из общего порядка, в частности, очередности предоставления отпусков, которое появляется вследствие применения поощрения.

Надо подчеркнуть, что речь не идет об отождествлении поощрительных норм и норм, содержащих правовые исключения. Это далеко не однопорядковые понятия, и не всегда исключение исполняет роль поощрения. Более того, исключения могут выступать и в качестве прямой противоположности поощрения, т. е. в форме ограничения.

Ограничение – это сужение возможностей субъектов, стеснение их прав определенными условиями по сравнению с общим, конституционным уровнем.

В юридической литературе правовые ограничения рассматривают как «установленные в праве границы, в пределах которых субъекты должны действовать, исключение определенных возможностей в деятельности лиц»³. В частности можно выделить такие виды ограничений, как запреты, приостановления, обязанности, меры наказания и т. д.

Так, например, защита, охрана и незыблемость права каждого человека на жизнь является общим правилом, из которого, однако, могут быть исключения. В первую очередь к таким исключениям относится смертная казнь, являющаяся согласно ст. 20 Конституции РФ и ст. 59 УК РФ исключительной мерой наказания. Подобное исключение выступает основанием лишения жизни, будучи мерой воздаяния за соответствующий противоправный поступок. Смысл данного исключения заключается в охране пра-

ва на жизнь одних путем (пусть даже в плане превенции) отнятия жизни у других. Как справедливо замечает В.М. Сырых, «отменив смертную казнь за убийство, государство отказывается своим гражданам и в достойной защите их права на жизнь»¹.

Примером несколько иного рода служит ст. 25 Конституции РФ, согласно которой жилище неприкосновенно. Но эта же статья разрешает допустимость проникновения в жилище вопреки воле проживающих в нем лиц в случаях, установленных федеральным законом или на основании судебного решения.

Рассматриваемые положения Конституции РФ оказали непосредственное влияние на формирование норм уголовно-процессуального права. Так, согласно УПК РФ, обыск и выемка в жилище производятся только на основе судебного решения. Вместе с тем законом оговорено, что в исключительных случаях, когда производство осмотра жилища обыска или выемки в нем не терпят отлагательства, они могут быть проведены на основании постановления следователя без получения судебного решения, с уведомлением судьи и прокурора в течение трех суток с момента начала следственного действия (ст. 12, ч. 5 ст. 165 УПК РФ). Право беспрепятственно входить и осматривать жилые помещения граждан имеют сотрудники органов ФСБ РФ при наличии данных полагать, что там совершено или совершается преступление, произошел несчастный случай, а также для обеспечения личной безопасности граждан и общественной безопасности при стихийных бедствиях, катастрофах, авариях, эпидемиях, эпизоотиях и массовых беспорядках (п. «з» ч. 1 ст. 13 ФЗ РФ от 3 апреля 1995 г. «Об органах федеральной службы безопасности в Российской Федерации»²).

Таким образом, конституционное правило неприкосновенности жилища не абсолютно. Оно имеет целый ряд различного рода исключений, содержащихся как непосредственно в Конституции, так и в основанном на ней законодательстве.

Тем самым, как уже было сказано выше, исключения далеко не всегда являются синонимами поощрений. Что же касается поощрений, то они, по нашему мнению, неизбежно влекут возникновение у соответствующего субъекта дополнительных по сравнению с общим уровнем прав или освобождение от обязанностей³.

Таким образом, исключительные нормы – это особые разновидности социальных норм.

1 Сырых В.М. О «естественном» праве государства на смертную казнь // Право на смертную казнь: Сборник статей / Под ред. А.В. Малько. М., 2004. С. 35.

2 СЗ РФ. № 15. Ст. 1269; 2003. № 2. Ст. 167; № 14. Ст. 2880; № 27. Ст. 2700.

3 См. об этом подробно: Суменков С.Ю. Исключительные поощрительные санкции: понятие и сущность // Поощрительные санкции в праве: реальность и юридическая конструкция / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. Саратов, 2008. С. 261–271.

1 Малько А.В. Льготная и поощрительная правовая политика. СПб., 2004. С. 164.

2 Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1993. № 2. Ст. 70.

3 См. подробнее: Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве. М., 2003. С. 91.

Исключительные нормы позволяют посредством изъятия и дополнения предусматривать иной, качественно отличный как от общего, так и специального вариант регулирования.

В санкциях исключительных норм содержатся как ограничения, так и поощрения, позволяющие указанной разновидности норм выполнять свое функциональное предназначение.

Санкции исключительных норм и сами эти нормы нуждаются в дальнейшем теоретическом осмыслении и научном изучении.

Панченко В.Ю.,

профессор кафедры теории и истории государства и права Юридического института Сибирского федерального университета (г. Красноярск), д.ю.н.

О целевом критерии в правовых режимах реализации юридических санкций¹

Рассматривается роль целевого критерия для оценки благоприятности либо неблагоприятности правовых режимов реализации юридических санкций. Обосновывается вывод о необходимости предварительной и последующих оценок правовых режимов действия юридических санкций для обеспечения их эффективности

Ключевые слова: правовой режим; юридические санкции; правовые цели; правовые средства; теория права.

Понятие «правовой режим» следует рассматривать не только как систему (комплекс) нормативно-регулятивных средств, регламентирующих различные сферы общественных отношений и призванных предельно эффективно организовать определенный участок жизнедеятельности людей², но и как содержательную характеристику состояния реализации нормативных установлений, востребованности правовых способов удовлетворения потребностей и интересов участников правовых взаимодействий (реалистическое или функциональное понимание)³. Правовой режим как понятие, отвечающее на вопрос «зачем, для чего и кому он нужен, как мож-

1 Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда проект № 15-33-01354.

2 См.: Малько А.В., Михайлов А.Е., Невважай И.Д. Правовая жизнь: философские и общетеоретические проблемы // Новая правовая мысль. 2002. № 1. С. 4.

3 См.: Панченко В.Ю., Пикулева И.В. Реалистическое понимание правовых режимов: к постановке проблемы // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 7. С. 15–20.

но достичь желаемой цели?»¹, призвано показать, во-первых, как, каким образом правотворческие органы устанавливают баланс целей (интересов) участников общественных отношений в той или иной сфере общественных отношений, определяет приоритеты одних целей и подчиняет им другие; во-вторых, как такой баланс интересов и целей, закрепленный в позитивном праве (прежде всего, в виде юридических прав и обязанностей), воплощается в реальной правореализационной и правообеспечительной деятельности всех субъектов права.

Отсюда, правовой режим реализации юридических санкций представляет собой содержательную характеристику состояния осуществления санкций правовых норм, результативность их воздействия на юридическую деятельность субъектов права, т. е. достижение или недостижение целей, поставленных правотворческими органами при формулировании тех или иных правовых санкций, поскольку «индивид к нормативным положениям государства относится предосудительно и испытывает готовность их исполнять в той мере, в какой они позволяют удовлетворить его потребности и интересы. В пределах свободы, предоставленной политическим режимом, либо вступая с ним в конфликт, индивид весьма успешно находит пути реализации своих экономических интересов в обход государства, используя в этих целях обычаи, деловые обыкновения, иные социальные нормы либо создавая собственные оригинальные нормы права»².

Оценка правовых режимов реализации юридических санкций в телеологическом аспекте предполагает поиск сведений о реальном действии той или иной юридической санкции как инструмента, сдерживающего противоправное поведение (негативные санкции) или стимулирующего поведение правомерное (позитивные или поощрительные санкции), для получения максимально полного и объективного знания о состоянии реализации (1) целей правового регулирования, поставленных при формулировании соответствующей юридической санкции и (2) целей субъектов, которым эти санкции адресованы на конкретном, ограниченном временными и пространственными пределами, участке правовой жизни и сопоставления полученной информации с идеальной моделью.

Как результат, итог соответствующей деятельности, оценка правового режима реализации юридической санкции есть суждение о действительной, реальной благоприятности либо неблагоприятности воздействия юридической санкции на определенном участке правовой жизни, т. е. о соответствии юридической санкции как правового средства той правовой

1 См.: Матузов Н.И., Малько А.В. Правовые режимы: Вопросы теории и практики // Правоведение. 1996. № 1. С. 16–29.

2 Сырых В.М. Материалистическое понимание права и справедливости // Правоведение. 2013. № 2. С. 24.

цели, которую ставил правотворческий орган при его установлении и тем правовым целям, которые преследуют субъекты правореализации в конкретной области правовой жизни, на которую воздействуют юридические санкции.

С этих позиций можно выделить несколько моделей соотношения правовых целей законодателя, субъектов правореализации и юридических санкций как средств их достижения, которые определяют благоприятность или неблагоприятность правовых режимов:

– правотворческие цели отвечают правовым целям субъектов, действующих в соответствующем сегменте общественных отношений, и для достижения последних позитивное право предлагает юридические санкции как адекватные, пригодные правовые средства. Это свидетельствует, при прочих равных условиях, о наибольшей благоприятности правового режима реализации юридических санкций, действие последних в этом случае следует признать эффективным;

– правотворческие цели не отвечают правовым ожиданиям большинства субъектов права, действующих в соответствующем сегменте общественных отношений, но юридические санкции как средства воздействия на субъектов пригодны для достижения целей правового регулирования, несмотря на сопротивление участников общественных отношений, и реализуются в том числе с опорой на эффективное применение мер правового принуждения (свидетельствуют о в целом благоприятном правовом режиме, который, однако, имеет характер постоянного сдерживания неправомерной деятельности. Такой правовой режим реализации юридических санкций неустойчив, и при снижении качества и интенсивности использования принудительных мер способен трансформироваться в неблагоприятный правовой режим);

– правотворческие цели отвечают правовым целям субъектов права, но юридические санкции как предлагаемые позитивным правом средства оказываются непригодными или малопригодными для их осуществления (свидетельствует о неблагоприятном правовом режиме реализации юридических санкций на том или ином участке правовой жизни, поскольку субъекты общественных отношений реализуют свои потребности и интересы в обход их);

– правотворческие цели не отвечают правовым целям субъектов права, и юридические санкции как правовые средства непригодны для их осуществления (свидетельствует о неблагоприятном правовом режиме участка правовой жизни).

Телеологический (целе-результативный) аспект в оценке правовых режимов реализации юридических санкций всегда должен учитываться при исследовании как нормативной, так и фактической составляющих правового регулирования. Поскольку оценка правовых режимов юридических

санкций важна не сама по себе, а ее конечным результатом является моделирование режима наибольшего благоприятствования реализации юридических санкций, ее следует проводить как предварительно, в аспекте оценки регулирующего воздействия до введения соответствующей юридической санкции, так и в последующем для корректировки как самого содержания той или иной юридической санкции, так и правоприменительной деятельности по ее осуществлению.

Список литературы:

1. Малько А.В., Михайлов А.Е., Невважай И.Д. Правовая жизнь: философские и общетеоретические проблемы // Новая правовая мысль. 2002. № 1. С. 4–12.
2. Матузов Н.И., Малько А.В. Правовые режимы: Вопросы теории и практики // Правоведение. 1996. № 1. С. 16–29.
3. Панченко В.Ю., Пикунева И.В. Реалистическое понимание правовых режимов: к постановке проблемы // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 7. С. 15–20.
4. Сырых В.М. Материалистическое понимание права и справедливости // Правоведение. 2013. № 2. С. 18–34.

Поддубный А.О.,

заместитель министра экономического развития и торговли
Республики Адыгея, доцент кафедры конституционного
и административного права Адыгейского государственного
университета, к.ю.н.

Принцип индивидуализации юридической ответственности

Юридическая ответственность во всех ее проявлениях может быть рассмотрена с многих сторон. Она представляет собой возникшее из правонарушений правовое отношение между государством в лице его специальных органов и правонарушителем, на которого возлагается обязанность претерпевать соответствующие лишения и неблагоприятные последствия за совершенное правонарушение, за нарушение требований, которые содержатся в нормах права.

В юридической ответственности должны быть заключены не только карающие, но и предупредительно-воспитательные начала. Репрессивно-карательная, предполагающая осуществление наказания лица, совершившего правонарушение, и компенсационно-восстановительная, подразумевающая под собой приведение потерпевшего в положение, существовавшее до нарушения правовых норм, являются важнейшими функциями юри-

дической ответственности¹. Именно этим юридическая ответственность, наряду с иными социально-правовыми институтами, призвана способствовать формированию социально-активной личности.

Кара представляет собой важнейший элемент юридической ответственности, и она должна соответствовать ущербу, нанесенному противоправным деянием. Основная цель карательного элемента ответственности – наказание за совершенное правонарушение. Однако задача определения простого соотношения (установления эквивалентности) между правонарушением и наказанием не отвечает современным требованиям, предъявляемым к юридической ответственности. Это обусловлено теми изменениями, которые происходят сегодня в социально-экономической жизни общества, переориентированием всех общественных, государственных и правовых институтов на действительную охрану и защиту прав и свобод граждан, обеспечение их законных интересов.

После прекращения правоотношений, связанных с ответственностью человека, в прошлом совершившего правонарушение, он продолжает жить в обществе, когда-то осудившем его поступок и покарвавшем за это. Чтобы не превращать человека в изгоя, в непримиримого врага общества, чтобы предупредить совершение им новых правонарушений, необходимо в каждом конкретном случае карательным мерам придать гуманистическое содержание и социально полезную направленность. Путем воздействия мер юридической ответственности следует изменить антиобщественные установки субъекта, добиться не только внешне демонстративного правомерного поведения, но и осознания им необходимости и полезности в дальнейшем правопослушного поведения.

Наказание является справедливым только в том случае, когда характер применяемых мер принуждения и объем возлагаемой ответственности соответствуют общественной опасности правонарушения, особенностям личности правонарушителя и обстоятельствам, смягчающим либо отягчающим его ответственность, т. е. строго индивидуализированы. Следовательно, индивидуализация юридической ответственности – это, прежде всего, ориентирование ее мер на достижение социально полезных изменений в личности правонарушителя.

Являясь комплексной межотраслевой идеей, имеющей сквозной характер в динамике конкретного правоотношения ответственности, индивидуализация с полным основанием может быть названа в качестве основополагающего принципа юридической ответственности. Сущность принципа индивидуализации юридической ответственности, по

1 Трофимова Г.А. Конституционно-правовая ответственность через призму репрессивно-карательной и компенсационно-восстановительной форм ответственности // Государственная власть и местное самоуправление. 2016. № 3. С. 50.

справедливому утверждению А.А. Иванова¹, заключается в необходимости строгого и последовательного учета всех характерных черт конкретного правонарушения и его субъекта и выбора адекватной меры ответственности в целях достижения оптимальных результатов для воздействия на сознание и поведение правонарушителя и предупреждения совершения им повторных правонарушений. Индивидуализация наказания осуществляется правоприменителем и заключается в избрании конкретной меры воздействия к лицу, совершившему преступное посягательство². Указанный принцип включает в себя соответствие мер юридической ответственности объему и тяжести правонарушения и личности правонарушителя³.

Кроме того, индивидуализация предполагает возложение ответственности на личность правонарушителя и недопустимости ее перенесения на другого субъекта. Должно быть дифференцированное закрепление обязанностей в зависимости от правового статуса субъекта юридической ответственности, от общественной опасности правонарушения и правонарушителя. Этот посыл имеет особое значение при оценке личности лица, совершившего административное правонарушение и при применении к нему административной ответственности.

Административная ответственность – это установленная государством мера принудительного воздействия, направленная на применение определенных санкций в отношении лица, виновного в совершении административного правонарушения⁴. Рассматривая сущность административной ответственности, несложно усмотреть, что ее индивидуализация презюмируется в административно-деликтном законодательстве⁵.

Однако, как справедливо отмечает исследователь⁶, при всей кажущейся очевидности, простоте и доступности для исследования проблема индивидуализации административной ответственности до настоящего времени не нашла достойного отражения в научных разработках. Несмотря на достаточно частое использование в административно-правовых источ-

1 Иванов А.А. Индивидуализация в системе принципов юридической ответственности // Журнал российского права. 2008. № 8.

2 Святенюк Н. Дифференциация ответственности и индивидуализация наказания за преступление, совершенное в соучастии // Уголовное право. 2008. № 3.

3 Иванов А.А. Индивидуализация в системе принципов юридической ответственности // Журнал российского права. 2008. № 8.

4 Дивин И.М. К вопросу об определении понятия «административная ответственность» // Административное право и процесс. 2013. № 10. С. 27.

5 Дугенец А.С. Рецензия на диссертацию Александры Николаевны Ждановой «Индивидуализация административной ответственности граждан» // Административное право и процесс. 2011. № 2. С. 58–59.

6 Жданова А.Н. О концепции индивидуализации административной ответственности граждан // Административное право и процесс. 2009. № 1.

никах терминов «индивидуализация ответственности», «персонификация ответственности», «принцип индивидуализации административной ответственности», «индивидуальный подход к назначению административного наказания» и т. п., авторы порой вкладывают в эти термины совершенно разную смысловую нагрузку.

Хотя весьма очевидно, что индивидуализация как принцип юридической ответственности направлена именно на личность. Однако в настоящий момент практически все законодательство об ответственности, исследуя собственно правовые (характер и степень общественной опасности совершенного правонарушения и правонарушителя) и социально-демографические (в том числе пол, возраст, род занятий, социальные роли и др.) факторы, не учитывает за редким исключением ярких психологических аспектов правонарушения и юридической ответственности. Тем самым закон игнорирует значительные возможности для индивидуализации юридической ответственности, не использует всего арсенала средств для предупреждения правонарушений, что, в конечном счете, негативно отражается на состоянии борьбы с преступностью.

Такое положение в значительной мере объясняется недостаточным вниманием юридической науки к проблеме индивидуализации юридической ответственности. Причем это можно отметить не только в отношении трудового, гражданско-правового институтов ответственности, но и административного, уголовного и других смежных с ним отраслей права, где требования индивидуализации наиболее акцентированы и сравнительно полно и компактно материализованы.

На современном этапе развития науки и потребностей правоохранительной практики становится ясным, что с помощью исключительно правовых и социально-демографических критериев правонарушения и ответственности достичь эффективного (более того, истинного) исправления и перевоспитания правонарушителей не представляется возможным. Нельзя прежними средствами противостоять стремительно растущему рецидиву правонарушений.

Значительную роль в индивидуализации юридической ответственности играют психологические факторы. Они явно либо опосредованно присутствуют во всех элементах состава правонарушения и составляют содержание самой юридической ответственности. Поэтому без компетентного психологического анализа личности правонарушителя, а в некоторых случаях и особенностей правонарушения, трудно обоснованно и справедливо решить вопрос об индивидуализации назначения наказания и его исполнения, а следовательно, достичь поставленных перед институтом юридической ответственности целей. Ведь индивидуализация – предпосылка справедливости и целесообразности применяемой меры юридической ответственности.

Рогожина С.Г.,

старший преподаватель

Адыгейского государственного университета

(филиал в г. Белореченске)

Санкция как структурный элемент правовой нормы, общие вопросы теории

В настоящей статье рассматриваются теоретические вопросы санкции, ее структурный элемент. Основополагающее значение автор придает понятию санкции. Затрагивается проблема применения санкции в праве. Уделяется внимание классификации санкции, значению ее в праве и характеру применения.

Анализируются различные высказывания в научной литературе.

Ключевые слова: санкция; принуждение; право; поощрение; государство.

Под структурой нормы права понимается внутреннее строение нормы и связь ее элементов. Структурными элементами правовой нормы являются гипотеза, диспозиция, санкция. Гипотеза – это часть правовой нормы, в которой содержится условие ее реализации.

Диспозиция – это часть нормы права, которая определяет правило правомерного поведения либо признаки неправомерного поведения. По способу описания различают диспозиции простые, описательные, бланкетные и отсылочные¹.

В последнее время в научном сообществе на первый план выходит теория о самостоятельности института санкций.

Как отмечает профессор И.И. Лукашук, «принуждение, будь то контрмеры или санкции, является самостоятельным институтом, который связан с ответственностью, но ему присущи другие характеристики»².

Проблема санкций в праве имеет особенно большое значение, право устанавливает границы дозволенного поведения, нарушение этих границ должно быть защищено законом.

Правовые санкции включает в себя ряд аспектов: раскрытие его сущности; роль и значение государственного принуждения в системе способов осуществления правовых санкций; многообразие правовых санкций и их роль в осуществлении. Многие отдельные аспекты данной проблематики разрабатывались и разрабатываются отечественными авторами, которые посвящены комплексному исследованию проблемы правовых санкций, что вызывает в рассмотрении ряд вопросов права и государства.

1 Морозова Л. А. Теория государства и права: учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Российское юридическое образование, 2010.

2 Лукашук И.И. Кодификация права международной ответственности // Московский журнал международного права. 2002. № 3.

По своей первичной основе санкции – это всегда государственное принуждение к исполнению требований права. Государственное принуждение – это своеобразный общий «знаменатель», объединяющий две разновидности санкции. Поощрение, закрепленное в санкциях правовых норм, отражает государственное убеждение, а не принуждение, но и оно обеспечивается авторитетом государства и права¹. Норма без санкции перестает быть мерой поведения, если происходит нарушение этой меры, государственное осуждение и государственное принуждение, обеспечивающие в порядке «обратной связи» регулирование нарушенных общественных отношений. Отсутствие собственных санкций не может быть компенсировано санкциями отраслей права, тогда норма останется без действенной защиты².

Слово «Sanctio» в переводе с латыни означает «указание, распоряжение».

Санкции как структурном элементе правовой нормы могут закрепляться: во-первых, меры юридической ответственности, меры государственного принуждения; во-вторых, меры поощрения. Общими признаками для всех разновидностей санкций выступает их формальная определенность, авторитетный, властный характер, неразрывная связь с гипотезой и диспозицией правовой нормы³.

Санкция является ограничением для группы лиц или целого государства, призванные «наказать» правительство какой-либо страны за нарушения международных соглашений и заставить отказаться от них в будущем. Санкции могут вводиться как одной страной в отношении страны-нарушителя, так и целым блоком стран, таким как НАТО или ЕС. Иран, начавший ядерную программу, которая носила отнюдь не мирный характер, попал под санкции США и ЕС, выразившиеся в заморозке активов и запрете на импорт иранской нефти. Россия, отобравшая Крым у Украины и развязавшая войну на Донбассе, попала под санкции западных стран и Японии. Санкции вносят в поведение элемент предсказуемости, это явление системное.

Четыре основных значения: а) меры, применяемые к правонарушителю и влекущие для него определенные неблагоприятные последствия; б) структурная часть общей нормы права, указывающая на возможные меры воздействия на нарушителя данной нормы; в) акты прокурорского реаги-

рования; г) в международном праве – меры воздействия на государство, нарушившее нормы этого права, свои международные обязательства.

В зависимости от характера мер и применяющих их органов делятся на уголовно-правовые, административно-правовые, дисциплинарно-правовые, имущественные. По своему составу санкции подразделяются на простые и сложные. Простая санкция содержит одну меру наказания, сложная – несколько. Сложные санкции могут быть кумулятивными и альтернативными. По степени определенности санкции бывают: абсолютно определенные (имеют фиксированное выражение и не могут быть изменены государственным органом); относительно определенные (содержат в себе границы верхнего и нижнего предела наказания, в рамках которых правоприменительный орган определяет размер наказания)¹.

Санкция всегда выражает реакцию государства в лице его судебных, правоохранительных органов на противоправное поведение. Общеобязательный характер придает праву санкция, существует и развивается как одна из важнейших компонентов сложной и целостной системы права. Сейчас это особенно очевидно при всей специфике объекта исследования и закономерности изменения теоретически обосновывают направления преобразования социальной действительности. Санкция – повторяющийся вид конкретных мер правового принуждения, воздействующих на сознание и волю преступника, считаются мерами, которые восстанавливают и гарантируют правопорядок.

Инструментом внешней политики является санкция. Изучение санкции находится в центре внимания правовых дискуссий. Обсуждение ограничительных мер включает в себя следующие проблемы: эффективность, соотношение издержек, этичность, глобализацию.

Для поддержания правопорядка и обеспечения соблюдения законности большое значение на современной стадии развития государства и общества приобретает правовая санкция. Она определяет конкретные меры правового принуждения, восстанавливает и гарантирует правопорядок, но не только принуждение, а и поощрение, побуждает субъектов права действовать согласно общепризнанным мерам законодательства. Санкция – это неблагоприятные последствия, которые претерпевает нарушитель права. Санкция – элемент правовой нормы, который указывает на правовые последствия несоблюдения установленных требований. Это мера поощрения и наказания, поддерживающая поведение, предписываемое социальной ролью, т. е. механизм деятельности человека, общепринятые и общеизвестные правила поведения. Нарушение норм права приводит к введению санкции.

1 Сатина Э.А. Содержание и виды правовых санкций // Историко-правовой вестник: Сборник науч. Статей. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2010. С. 28.

1 Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права / под ред. В.А. Томсинова. М.: Зерцало. 2010. С. 61.

2 Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность (очерк теории). М.: Юрид. лит., 1976.

3 Лазарев В.В. Общая теория права и государства: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрист, 2001.

Список литературы:

1. Морозова Л.А. Теория государства и права: учебник. 4-е изд., перераб., доп. М.: Российское юридическое образование, 2010. 384 с.
2. Лукашук И.И. Кодификация права международной ответственности // Московский журнал международного права. 2002. № 3.
3. Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права / под ред. В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 2010. 61 с.
4. Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность (очерк теории). М.: Юрид. лит., 1976. 215 с.
5. Лазарев В.В. Общая теория права и государства: учебник 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрист, 2001. 520 с.
6. Сатина Э.А. Содержание и виды правовых санкций // Историко-правовой вестник: Сборник науч. Статей. Тамбов: Изд-во ТГУ им.Г. Р. Державина, 2010. 28 с.
7. Липинский Д.А., Мусаткина А.А. Юридическая ответственность, санкции и меры защиты: монография. М.: ИНФРА-М, РИОР, 2017. 139 с.

Рязанова М.Н.,

доцент кафедры теории и истории права и государства
Казанского филиала РГУП, к.и.н.

Юридические санкции в древнерусском законодательстве

В данной статье автор проанализировал конструкции правовых норм древнерусского законодательства, влияющие на особенности их санкций. Цель проведения исследования заключается в выявлении специфики формулировок последствий нарушения права в юридических источниках Древней Руси и их соотношение с классическими механизмами конструирования санкций. В качестве методологических приемов автор использовал формально-юридический, исторический и структурно-функциональный методы познания права. В результате автор определил зависимость юридических санкций от формы права и предмета правового регулирования, а также предложил классификацию санкций древнерусского законодательства на относительно-неопределенные и абсолютно-неопределенные в дополнение к существующей типологии правовых норм.

Ключевые слова: история государства и права; древнерусское право; древнерусское законодательство; обычное право; каноническое право; Русская Правда; юридические санкции.

Ryazanova M.N.

Legal sanctions in the drevnerussian legislation

In this article, the author analyzed the design of the legal norms of Old Russian legislation that affect the specifics of their sanctions. The purpose of the study is to identify the specifics of the wording of the consequences of a violation of law in the legal sources of Ancient Rus and their correlation with the classical mechanisms for the construction of sanctions. As methodological techniques, the author used the formal legal, historical and structural-functional methods of cognition of law. As a result, the author determined the dependence of legal sanctions on the form of law and the subject of legal regulation, and also proposed the classification of sanctions of Old Russian legislation on relatively uncertain and absolutely indefinite in addition to the existing typology of legal norms.

Keywords: history of state and law; Old Russian law; Old Russian legislation; customary law; canon law; Russian Truth; legal sanctions.

Потребность в сохранении традиционных элементов русского права в настоящее время стало приоритетом в рамках правотворческого процесса. На фоне трансформации российского законодательства ученые акцентируют внимание на конструкции, использовавшиеся на Руси в период IX–XIV вв. применительно к регламентации некоторых групп общественных отношений¹. Поэтому проблематика юридических санкций в нормах древнерусского законодательства представляется актуальной и интересной в сравнении со способами конструирования санкций в современных правовых нормах.

Невзирая на различие источников древнерусского права, в своем общем виде их нормы содержали два типа юридических санкций: штрафные и нештрафные². Отдельные памятники древнерусского законодательства преимущественно содержали общие рамки, в пределах которых формулировалась одна санкция, которая впоследствии конкретизировалась уполномоченным субъектом (например, церковным судом). К числу таковых можно отнести заключительный раздел Устава Владимира Великого, который содержал проклятие всем тем, кто нарушит церковные права, определенные в данном нормативном акте. При этом такое «наказание» дейст-

1 См.: Момотов В.В. Формирование русского средневекового права в IX–XIV вв.: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003. 515 с.; Дювернуа Н. Источники права и суд в Древней России. Опыт по истории русского гражданского права. Санкт-Петербург: Юридический центр «Пресс», 2004. 369 с.

2 См.: Денщикова И.В. К вопросу об источниках древнерусского права // Правоохранительные органы: теория и практика. 2012. № 2. С. 144; Георгиевский Э.В., Кравцов Р.В. Система штрафных санкций в уголовном праве древнерусского государства // Сибирский юридический вестник. 2014. № 3. С. 73–78.

вовало не только в период жизни самого осужденного, но и «в будущий о седми Събор святых отец Вселенских»¹.

Более развернутую систему санкций содержат Устав Ярослава Мудрого, в котором похожее «проклятие» уже адресовалось только двум категориям лиц – будущим князьям и чиновникам на случай нарушения церковных прав. В установительной части данного древнерусского памятника использовались преимущественно штрафные наказания (от 5 гривны золотом до 1 гривны серебром за изнасилование и похищение «девицы», при этом размер виры зависел от происхождения потерпевшей). Собственно, именно с целью проекции светских вир на церковный суд и был разработан анализируемый Устав². Поэтому они во многом адаптируют положения Русской Правды, в которой имущественные санкции имели светский характер и рассчитывались в твердых суммах.

Следствием этой особенности стало комбинирование типичных для того времени санкций с духовно-нравственными. Так, уплата пени и епитимья с закономерным расторжением брака были положены по Уставу Ярослава Мудрого за кровосмешение³. Аналогичные санкции предусматривались за исключительно духовные проступки за тем лишь исключением, что Устав содержал размер пени, а возможность использования епитимьи всецело была возложена на епархиального архиерея, т. е. правоприменителя. В современной теории права данные санкции называются кумулятивными⁴.

При этом чаще всего имущественные санкции в таких случаях заранее не имели правовых ограничений, тем самым оставались на усмотрение уполномоченных лиц. В частности, помимо пени, Устав Ярослава Мудрого содержал такое понятие, как выкуп, размер которого изначально не определялся в рассматриваемых нормах. Его конкретизацией занимался либо судья, либо исполнитель наказания. Например, принудительное помещение женщины в монастырь для покаяния совмещалось с возможностью её семьи осуществить выкуп осужденной⁵. Подобная санкция устанавливалась за «несохранение девственности». Напротив, отсутствие возможности выкупа наблюдалось в нормах, осуждающих отдельные виды прелюбодеяния.

Тем самым прослеживается особенность конструкции норм древнерусского законодательства, при которой отсутствует одно или несколько

1 Церковный устав св. Владимира (пространная редакция) // Мрочек-Дроздовский П.Н. История русского права. Приложение 1. М., 1892. С. 296.

2 Павлов А.С. Курс церковного права. СПб.: «Лань», 2002. С. 185.

3 Павлов А.С. Указ. соч. С. 185.

4 См.: Мусаткина А.А. Понятие и виды санкций правовых норм // Общество и человек. 2010. № 1 (1). С. 9–14.

5 Павлов А.С. Указ. соч. С. 185.

условий применения санкции. В современной теории права такие санкции не встречаются, поскольку в законах Российской Федерации допустимы либо абсолютно-определенные, либо относительно-определенные санкции¹. Исходя из этого, можно сделать вывод, что в древнерусском праве присутствовал третий вид юридических санкций – неопределенный. Примечателен также тот факт, что подобные санкции можно подразделить на две группы: относительно-неопределенные и абсолютно-неопределенные.

К числу относительно-неопределенных санкций следует отнести комбинированные наказания, в рамках которых одно из них – основное – было четко предписано нормами права, а второе являлось усмотрением правоприменителя. Например, за такой вид оскорбления действием, как побои в отношении родителей, предусматривалась смертная казнь с возможностью взыскания пени (ст. 29 Устава Ярослава Мудрого). Однако размер последней определялся самим судьей с учетом имущественного состояния виновного лица. В указанном случае основная санкция носит абсолютно-определенный характер, а дополнительная – относительно-неопределенный.

Примером абсолютно-неопределенной санкции служит обязательное наказание женщины, укравшей что-либо у собственного мужа. Так, помимо уплаты пени размером в 3 гривны, следовала некая кара от самого супруга, которая не определялась судьей. Русская Правда при этом предписывала развод таким лицам, однако по ст. 36 Устава Ярослава Мудрого данная мера была отменена, оставшись на усмотрение мужчины. Вместе с тем до конца непонятно толкование этой нормы. Являлся ли развод второй санкцией, вкладываемой в термин «наказание от мужа», либо выступал третьей составной частью санкции? Скорее всего, данный вопрос решался самим мужчиной, чья жена была осуждена за кражу, совершенную внутри семьи.

В последнем примере наблюдается разграничение правоприменительных полномочий между публичной властью и частным лицом, что можно наблюдать и в современном законодательстве. Первая основная санкция носит карательный характер, поэтому взыскивается в пользу власти. Вторая и потенциально третья санкции имеют восстановительный характер, поэтому всецело зависят от усмотрения потерпевшего.

Абсолютно-неопределенные санкции присутствовали и в рамках Русской Правды. В частности, формально не упоминалось наказание в виде смертной казни, которое на практике все же применялось. В связи с влиянием христианства вопрос лишения жизни как меры юридической ответственности являлся экстраординарным. Поэтому летописи упоминают преимущественное право князя, как ставленника Бога, налагать подобную

1 Соболев М.В. Санкция как элемент юридической ответственности: дис. ... к.ю.н. М., 2006. С. 81.

санкцию в отношении преступников, посягающих на публичную власть (участие в восстании, заговоре, разбойничество и др.)¹. Примечательно, что альтернативной санкцией служило такое наказание, как «поток и разграбление», которое содержалось в Русской Правде относительно разбойника, его жены и детей (ст. 5 Пространственной Правды), конокрадство (ст. 30 Пространственной Правды) и поджог (ст. 79 Пространственной Правды).

Отсюда прослеживается неопределенность в рассматриваемой альтернативной санкции. Она заключается в толковании самого наказания – «поток», которое на разных этапах истории воспринималось неодинаково. Так, изначально в смысл этой санкции вкладывалась высылка виновного, а позднее – возможность обращения его в рабство. И в том, и в другом случае непонятен правовой статус осужденного, поскольку его убийство могло считаться преступлением и санкцией одновременно. Этой неопределенностью руководствовался правоприменитель, следствием чего в период действия Русской Правды из данного наказания выделились отдельные санкции, которые ранее были неизвестны древнерусскому законодательству. Речь идет о заточении, заключении «в железа и погреб», причинении боли и членовредительстве, а также смертной казни².

Альтернативность указанной санкции заключалась в возможности усмотрения суда – светского или церковного – по выбору одного из возможных наказаний, вкладываемых в понятие «поток». Тем самым значение приобретал характер совершённого противоправного поступка, личность преступника и потерпевшего, негативные последствия деяния и ряд других обстоятельств. Однако формальной обязанности правоприменителя придерживаться данных критериев древнерусское законодательство не содержало, переводя этот вопрос всецело в практическую плоскость. Не случайно в Уставе Ярослава Мудрого такая мера, как смертная казнь, предусматривалась как абсолютно-определённая санкция. Например, в ст. 11 прелюбодеяние с сестрой, снохой (свёкром) наказывалось смертной казнью с дополнительным взысканием 100-гривенной пени в доход духовной власти. Аналогичным образом ст. 29 закрепляла схожую меру за побои родителей.

Изменение подхода от относительно-неопределённых санкций к абсолютно-определённым было заимствовано из византийского права. По-

следнее строилось на принципе усечения полномочий правоприменителя по усмотрению в выборе наказаний, особенно в тех вопросах, которые затрагивали публичные правоотношения¹. Вместе с тем стоит учесть и тот факт, что в Древней Руси любое правовое воздействие само по себе являлось фрагментарным регулированием общественных отношений. При этом в аспекте юридических санкций оно приобретало приоритетный характер, вытесняя подавляющее большинство обычаев. Вследствие такой трансформации нормативные акты периода феодальной раздробленности имели субсидиарное назначение, т.е. применялись как бы в дополнение к сложившимся за длительное время традиционным нормам². Данная особенность объясняет столь широкую трактовку отдельных санкций («поток», «наказание от мужа») и их неизбежное уточнение в правовых текстах.

Несколько иначе представлялись акты, принятые государственной и церковной властями, потому что они строились на неукоснительном соблюдении их предписаний³. Это прослеживается на изменении формулировок, используемых в Русской Правде, а затем и в Уставе Ярослава Мудрого, который являлся всего лишь проекцией светских норм на деятельность духовного (церковного) суда, т.е. преследовал цель не систематизировать санкции, а разграничить интересы власти в их назначении за совершённые преступления. Однако даже решение данной задачи происходило в прогрессивном порядке, формой которого стала постепенная абсолютизация отдельных видов юридических санкций. Если в Русской Правде насчитывалось большинство норм, оставлявших определение наказаний на усмотрение правоприменителя, то в Уставе Ярослава Мудрого таких санкций значительно меньше.

Вместе с тем проанализированные примеры из памятников древнерусского законодательства дают основание сделать вывод о выделении такой разновидности юридических санкций, как абсолютно-неопределённые. Они были предусмотрены в нормативном акте в качестве обязательного последствия того или иного правонарушения, однако их содержание и в особенности объём оставался предметом судебного толкования. При этом подобная специфика продиктована характером вреда, причинённого общественным отношениям. Если он носил вполне имущественную окраску,

1 См.: Чемеринская В.В. Влияние византийского права на древнерусское и российское законодательство X–XVII вв. (опыт сравнительного анализа): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 85.

2 См.: Агафонов А.В. Происхождение и источники древнерусского права (VI – XII вв.): дис. на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Тольятти, 2006. С. 91.

3 См.: Ляшенко Е.Н. О некоторых аспектах проблемы Закона Русского как источника древнерусского права // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2009. № 70. С. 130.

1 Жильцов С.В. Смертная казнь в праве Древней Руси и юрисдикция Великого Князя в ее применении // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1997. № 4 (219). С. 47–52.

2 Балакшиев В.Н. Смертная казнь в истории российского государства в период X – первой половины XVII века // Приволжский научный журнал. 2013. № 1 (25). С. 159–162.

то санкция имела абсолютно-определённый или относительно-определённый характер. Напротив, при затрагивании личных прав и интересов требовалась оценка статуса и особенностей взаимоотношений между виновным субъектом и потерпевшей стороной. Поэтому именно последней предоставлялась возможность толкования абсолютно-неопределённой санкции (наказание от мужа).

Впрочем, переход обычно-правовых норм в плоскость княжеского нормотворчества влекло за собой усложнение механизма толкования санкций. Вместо учёта интересов общины в тех или иных правовых конструкциях появлялись императивные элементы. Наиболее наглядно это прослеживается в Русской Правде применительно к механизму реализации «кровной мести». Последняя в своём законодательном виде подверглась существенному ограничению по субъектному составу, несмотря на возможность широкой трактовки данной санкции в прежнее время, когда значение имела пострадавшая сторона, а не усмотрение правоприменителя¹.

Присутствуют примеры не вполне эффективной модернизации норм при переходе от правовых обычаев к позитивному праву Древней Руси. Так, новые особенности при реализации канонического права долгое время строились на положениях византийского права. По ст. 14 Устава Ярослава Мудрого поджог, ранее наказываемый по Русской Правде «потокком», имел двухзвенную структуру санкции. С одной стороны, церковная юрисдикция получала пени размером в 100 гривен кун. С другой стороны, княжеская власть определяла вторую, комбинированную, санкцию по Номоканону. Из этой формулы непонятно, являлось ли установление второго наказания обязательным или оно оставалось усмотрением правоприменителя. В том или другом варианте действие норм светского права к лицам, на которые распространялся Устав Ярослава Мудрого, не допускалось.

В этой связи следует отметить, что переработка византийских Номоканонов в положения Кормчих книг на Руси стала результатом объединения систем церковного и светского права. Следствием такого процесса стало увеличение относительно-определённых санкций на фоне выделения частного права, где преобладали такие способы осуществления норм, как соблюдение и использование². Поэтому в древнерусском законодательстве

1 См.: Дей Т.В. становление и отмирание обычая кровной мести на Руси: причины и последствия // В сборнике: Эволюция государственных и правовых институтов в современной России ученые записки Юридического факультета Ростовского государственного экономического университета. Ответственный редактор Рукавишников И. В. Ростов-на-Дону, 2011. С. 96.

2 Щерба А.А. Генезис древнерусского обычного права // В сборнике: Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики сборник материалов V Международной научно-практической конференции, посвященной Дню юриста. С.Б. Верещак (отв. ред.). 2015. С. 31–35.

прослеживаются санкции, не имеющие обязательного характера либо налагаемые частным лицом без участия суда.

Совершенно иначе представляются нормы, затрагивающие публичные правоотношения, в которых усиливается правоприменительные функции власти. Это наглядно наблюдается при расширении числа санкций и оснований их применения в рамках уголовной ответственности, особенно при нарушении христианской нравственности, что спроецировало усиление процессуальной специфики рассмотрения отдельных категорий дел церковно-гражданскими судами.

Таким образом, первоначальная возможность усмотрения потерпевших при определении вида и размера санкций в древнерусском праве сменилась последовательным переходом к относительно-определённым юридическим санкциям, которые предполагали возможность толкования только одного субъекта - правоприменителя. В одних санкциях доминирование добровольных форм компенсировалось за счёт усиления императивных санкций в рамках публично-правовой сферы. Трансформация обычно-правовых санкций, а затем и санкций из канонического права в древнерусское законодательство катализировало отказ от абсолютно-неопределённых наказаний.

Список литературы:

1. Агафонов А.В. Происхождение и источники древнерусского права (VI–XII вв.): дис. ... кандидата юридических наук. Тольятти, 2006. 167 с.
2. Балакший В.Н. Смертная казнь в истории российского государства в период X – первой половины XVII века // Приволжский научный журнал. 2013. № 1 (25). С. 159–162.
3. Георгиевский Э.В., Кравцов Р.В. Система штрафных санкций в уголовном праве древнерусского государства // Сибирский юридический вестник. 2014. № 3. С. 73–78.
4. Дей Т.В. Становление и отмирание обычая кровной мести на Руси: причины и последствия // В сборнике: Эволюция государственных и правовых институтов в современной России ученые записки Юридического факультета Ростовского государственного экономического университета. Ответственный редактор Рукавишников И.В. Ростов-на-Дону, 2011. С. 94–99.
5. Денщикова И.В. К вопросу об источниках древнерусского права // Правоохранительные органы: теория и практика. 2012. № 2. С. 144–147.
6. Дювернуа Н. Источники права и суд в Древней России. Опыты по истории русского гражданского права. Санкт-Петербург: Юридический центр «Пресс», 2004. 369 с.

7. Жильцов С.В. Смертная казнь в праве Древней Руси и юрисдикция Великого Князя в её применении // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1997. № 4 (219). С. 47–52.
8. Ляшенко Е.Н. О некоторых аспектах проблемы Закона Русского как источника древнерусского права // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2009. № 70. С. 129–132.
9. Момотов В.В. Формирование русского средневекового права в IX–XIV вв.: дис. на соискание ученой степени доктора юридических наук. М., 2003. 515 с.
10. Мусаткина А.А. Понятие и виды санкций правовых норм // Общество и человек. 2010. № 1 (1). С. 9–14.
11. Павлов А.С. Курс церковного права. СПб.: «Лань», 2002. 384 с.
12. Соболев М.В. Санкция как элемент юридической ответственности: дис. на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М., 2006. 208 с.
13. Церковный устав св. Владимира (пространная редакция) // Мрочек-Дроздовский П.Н. История русского права. Приложение 1. М., 1892. 322 с.
14. Чемеринская В.В. Влияние византийского права на древнерусское и российское законодательство X–XVII вв. (опыт сравнительного анализа): дис. на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М., 2003. 186 с.
15. Щерба А.А. Генезис древнерусского обычного права // В сборнике: Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики сборник материалов V Международной научно-практической конференции, посвященной Дню юриста. С.Б. Верещак (отв. ред.). 2015. С. 31–35.

Сим А.В.,

заведующий кафедрой теории и истории права, государства и судебной власти Приволжского филиала РГУП, к.ю.н., доцент

Ограничения и запреты в праве как юридические санкции

Статья посвящена рассмотрению правовых средств ограничительно-го правового регулирования, подходов к их пониманию и соотношению с юридическими санкциями и мерами юридической ответственности.

Ключевые слова: ограничение в праве; запреты в праве; ограничительное правовое регулирование; правовые средства ограничения; юридические санкции; меры юридической ответственности; приостановление; позитивное обязывание.

Право – это такой уникальный регулятор общественных отношений, который предоставляет человеку свободу действий, волеизъявлений и в то же время ограничивает эту свободу, устанавливая определенные рамки поведения в той или иной ситуации. Исходя из этого, право обладает ограничительным воздействием.

Ограничительное правовое регулирование направлено на уменьшение возможностей субъекта в целях охраны и защиты прав и интересов других лиц, общества и государства, а также в целях предотвращения нежелательного поведения субъекта и предоставления ему более приемлемого, компромиссного варианта. Оно может быть как полным, так и частичным, временным и постоянным, материальным и нематериальным и т. д.

Правовые средства ограничительного правового регулирования могут варьироваться и сочетаться в зависимости от той или иной правовой ситуации, вида ограничиваемого права, характера возникаемого правоотношения, источника ограничения и т. д.

По поводу соотношения разных правовых средств ограничения существует несколько точек зрения. Так, по мнению В.И. Гоймана, от сужения объема права, или его ограничения, следует различать используемые в законотворческой практике юридические способы, приемы фиксации границ дозволенной свободы. К их числу относятся оговорки, примечания, запреты, исключения¹. Например, их можно найти в ст. 21, 26, 29, 34, 37 Конституции РФ. Изложенные способы, приемы не сужают объем права, а лишь уточняют его содержание, обозначают границы действия этого права.

По мнению Ф.Н. Фаткулина, ограничение близко к запрету, однако оно рассчитано не на полное вытеснение того или иного общественного отношения, а на удержание его в жестко ограничивающих рамках и т. п.²

Действительно, запрет является одним из самых распространенных способов ограничительного правового регулирования, выражающийся в возложении на то или иное лицо обязанности воздерживаться от совершения определенных действий, что достигается с помощью императивных правовых норм.

Так, например, возложение запрета на правообладателя обязывает последнего воздерживаться от совершения нежелательных с позиции законодателя действий активного характера и требует от него не противодействовать ограничительным нормам, вести себя пассивно. Таким образом,

1 Гойман В.И. Принципы, пределы, основания ограничения прав и свобод человека по российскому законодательству и международному праву // Государство и право. 1998. №7. С. 19.

2 Фаткулин Ф.Н. Проблемы теории государства и права. Казань, 1987. С. 157.

запрет – это способ фиксации правовой свободы и недопущения злоупотребления правом.

Так же запрет тесно переплетается с позитивным обязыванием при ограничительном типе регулирования, однако здесь субъект наоборот должен совершить активные действия в интересах иных лиц или общественного порядка. Так, например, С.С. Алексеев отмечает, что должный результат ограничительного правового регулирования достигается путем сужения дозволений, новых запрещений, дополнительных позитивных обязываний¹.

Так же есть мнение, что реализация правовых ограничений происходит с помощью наказаний, санкций и иных мер юридической ответственности, так как данные нормы запрещают определенное поведение, признаваемое законом правонарушением, содержат государственно-властные веления, основная цель которых состоит в том, чтобы предотвратить возможные нежелательные для отдельных граждан, общества, государства действия. В данном случае ограничения и запреты в праве выступают как юридические санкции и меры юридической ответственности лица, нарушившего нормы права.

Действительно, ограничения и запреты в праве могут носить характер юридических санкций. Ведь даже само название мер юридической ответственности в своей формулировке иногда содержит термин «ограничение», например ограничение свободы, ограничение родительских прав, ограничения по военной службе и т. д.

Следует согласиться с мнением, что, по существу, любые наказания (уголовные, административные, дисциплинарные), юридические санкции (гражданско-правовые, земельно-правовые, семейно-правовые, финансовые и т. д.) тесно связаны с ограничением прав граждан (виновных лиц) имущественного, организационного или личного характера. К примеру, лишение свободы в уголовно-процессуальном порядке ограничивает личную свободу осужденного, его право на свободное передвижение по территории страны. Применение судьей административного наказания в виде приостановления деятельности за правонарушения, предусмотренные отдельными статьями Особенной части КоАП РФ, ограничивает право субъекта предпринимательской деятельности на занятие этой деятельностью в течение определенного срока. Вынесение судом решения об ограничении гражданина в дееспособности за злоупотребление спиртными напитками приводит к временному запрету (до прекращения названного пристрастия) совершать гражданско-правовые сделки (кроме мелких бытовых) без согласия попечителя (ст. 30 ГК РФ). Лишение родительских прав гражданина за уклонение от выполнения своих родительских обязанностей

1 Алексеев С.С. Общая теория права: учебник. М.: ТК Велби, 2008. С. 217.

или за злоупотребление ими, за жестокое обращение с детьми и в иных случаях, предусмотренных законом (ст. 69 Семейного кодекса РФ), влечет за собой потерю всех прав, основанных на факте родства с ребенком, включая право на получение от него содержания (ст. 71 СК РФ)¹.

Также А.В. Малько отмечает, что близким к запрету находится такое правовое ограничение, как приостановление, которое, не являясь юридической ответственностью, временно запрещает должностным лицам использовать свои функциональные обязанности².

Исходя из набора правовых средств, Н.Е. Болвачева дает следующее отраслевое определение ограничений субъективных гражданских прав, что ограничения представляют собой средство, выполняющее в механизме гражданско-правового регулирования регулятивно-системообразующую, охранительно-обеспечительную функции, направленное на обеспечение гарантии реализации субъективного права, осуществляемое путем установления в императивных нормах обязанностей по совершению определенных действий или по воздержанию от совершения определенных действий и обеспеченное силой государства³.

Также можно привести и такие общетеоретические определения, как «ограничение прав – это изъятие из конституционного статуса человека (гражданина) или изъятие из круга правомочий, составляющих нормативное содержание основных прав и свобод»⁴ или «ограничение прав – это уменьшение объема возможностей, свободы, а значит и прав личности, что достигается с помощью обязанностей, запретов, наказаний»⁵.

Таким образом, ограничение и запреты в праве – это правовые средства определения границ дозволенного в императивных законодательных нормах общего характера в целях реализации конституционных положений. Цели (задачи) правового ограничения достигаются благодаря применению определенных правовых средств, предусмотренных законом. Какие-то из них носят характер юридических санкций и направлены на правонарушителя, а какие-то носят характер временного ограничения правовых возможностей правопослушного человека в целях безопасности его самого, а также общества и государства. Согласно ч. 3 ст. 55 Конститу-

1 Андреев Ю.Н. Ограничения в гражданском праве России. СПб.: Юридический центр Пресс, 2011. С. 376.

2 Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве // Общая теория государства и права. Академический курс: в 3 т. М., 2007. Т. 3. С. 363.

3 Болвачева Н.Е. Ограничения как средство гражданско-правового регулирования (философско-теоретический аспект) // Актуальные проблемы гражданского права: Сб. ст. / Под ред. О.Ю. Шилохвоста. М.: Норма, 2003. Вып. 7. С. 6.

4 Эбзеев Б.С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. М., 2005. С. 231–232.

5 Малько А.В. Указ. соч. С. 367.

ции РФ «права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства».

Список литературы:

1. Алексеев С.С. Общая теория права: учебник. М.: ТК Велби, 2008.
2. Андреев Ю.Н. Ограничения в гражданском праве России. СПб.: Юридический центр Пресс, 2011.
3. Болвачева Н.Е. Ограничения как средство гражданско-правового регулирования (философско-теоретический аспект) // Актуальные проблемы гражданского права: Сб. ст. / Под ред. О.Ю. Шилохвоста. М.: Норма, 2003. Вып. 7.
4. Гойман В.И. Принципы, пределы, основания ограничения прав и свобод человека по российскому законодательству и международному праву // Государство и право. 1998. № 7.
5. Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве // Общая теория государства и права. Академический курс: в 3 т. М., 2007. Т.3.
6. Фаткулин Ф.Н. Проблемы теории государства и права. Казань, 1987.
7. Эбзеев Б.С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. М., 2005.

Скоробогатов А.В.,

профессор кафедры теории и истории права и государства
Казанского филиала РГУП, д.и.н., доцент

Санкция как форма правообразования

Статья посвящена исследованию юридической санкции с позиций постклассической методологии. Автор доказывает, юридическая санкция выступает одной из форм правообразования. Она отражает процесс правозакрепления государством тех норм, которые сформировались вне национальной правовой системы, перенесение в правовую систему и официальное предоставление юридической силы нормам, которые сложились вне пределов позитивного правового регулирования.

Ключевые слова: юридическая санкция; правообразование; постклассическая методология; правовая система; правовые заимствования.

Современная гуманитаристика разработала несколько метадисциплинарных правовых категорий, определяющих отношение не только научного, но и обыденного сознания к правовой реальности, стремящихся адекватно объяснить ее содержание и функционирование, показать место

в ней человека, социальной группы, общества и государства. Одной из таких категорий можно считать санкцию как многозначное, собирательное понятие¹.

Неоднозначность употребления этой категории как в литературе, так и в законодательстве обуславливает необходимость ее исследования семиотически, определив смысловое наполнение и социальное употребление. Наиболее развернутое определение санкции дано в энциклопедии Кирилла и Мефодия: «санкция (от лат. *sanctio* – строжайшее постановление), 1) государственно-предохранительная мера воздействия, применяемая к правонарушителю и влекущая для него определенные неблагоприятные последствия; важнейшее средство социального контроля. Различают негативные санкции, направленные против отступлений от социальных норм, и позитивные санкции, стимулирующие, одобряемые обществом... 2) структурная часть общей нормы права, содержащая указание на возможные меры государственного воздействия на нарушителя данной нормы; юридическая гарантия достижения целей правового регулирования, предотвращения и искоренения правонарушений; 3) государственная мера (например, санкция прокурора), содержащая указание на меры государственного воздействия в отношении нарушителя данной нормы; 4) в международном праве – меры воздействия, применяемые к государству при нарушении им своих международных обязательств или норм международного права... 5) утверждение чего-либо высшей инстанцией, разрешение»².

Если четыре первых значения санкции получили достаточно широкое, хотя и неоднозначное, прочтение в юридической науке, то последний смысл санкции изучен недостаточно. Как правило, санкция априори рассматривается как утверждение государством правовых обычаев и разрешение отдельным субъектам осуществлять правотворчество. В этом смысле санкция выступает не столько средством в механизме правового регулирования, сколько формой правообразования³, хотя обозначенные два прочтения, на наш взгляд, имеют существенные различия. В рамках данной статьи будет рассмотрено значение санкции⁴ как утверждения со

1 Подробнее см.: Краснов А.В. Санкция в правовой реальности: уровневое исследование // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 1(33). С. 39–45.

2 <http://megabook.ru/articleСанкция>.

3 Правообразование нами рассматривается в контексте методологического подхода В.В. Трофимова (см.: Трофимов В.В. Правообразование в современном обществе: теоретико-методологический аспект: монография / Под ред. д.ю.н., проф. Н.А. Придворова. Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2009. 308 с.).

4 При таком понимании санкции целесообразно использовать как синонимические понятия «санкция» и «санкционирование», а также «санкция позитивного права» и «юридическая санкция».

стороны государства норм (правил), созданных вне национальной правовой системы.

В основе такой санкции лежит государственное признание и защита определенных отношений и норм. Речь идет о политических, экономических, семейных, личностных, социальных, процессуальных и иных отношениях, юридическим выражением которых становятся соответствующие правовые отношения, приобретающие в результате их повторения нормативный характер, а благодаря признанию государством – общеобязательный, юридический характер.

В отличие от форм своего существования, право как система правил, регулирующих отношения между субъектами для достижения бесконфликтного сосуществования, является объективным явлением, которое возникло на основе многократного повторения (воспроизводства) определенных действий, имеющих позитивный результат и воздержания от поступков, несущих негативные последствия. «Правообразование отражает уровень цивилизованности общества, что проявляется в содержании правовых норм как системы правовых ценностей, имеющих исторический, социальный, гуманный и т. п. характер формирования и развития»¹. При этом социальное и индивидуальное право предшествует позитивному, государственно-установленному². Отсюда следует, что ведущую роль в формировании позитивного права играет не правоустановление, а правозакрепление, которое осуществляется путем государственной санкции определенных правил, уже сложившихся и действующих в обществе.

Позитивное право, являясь порождением государства, по смысловому наполнению отражает правосознание общества, реге локальных сообществ, выступающих в качестве референтных групп, или отдельных индивидов, играющих роль акторов. В качестве последнего можно, например, назвать Президента РФ, который в соответствии с Конституцией РФ³ определяет основы внутренней и внешней политики (ч. 3 ст. 80), а значит, может оказывать непосредственное влияние на формирование позитивного права как нормативно, так и доктринально.

1 Дидыч Т.О. Правообразование как ценность: аксиологический подход к познанию // Алтайский юридический вестник. 2014. № 2(6). С. 24.

2 Глухарева Л.И. Индивидуальное право как регулятор общественных отношений // Вестник РГГУ. Сер. Экономика. Управление. Право. 2015. № 1 (144). С. 23–25; Краснов А.В. Содержание индивидуального правового регулирования: классический и постклассический аспекты // Ученые записки Казанского филиала Российского государственного университета правосудия. 2016. Т. 12. С. 30–40.

3 Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрании законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

Процесс трансформации социального права в позитивное характеризуется рядом принципов и признаков. Главным из них является длительность этого процесса, его непрерывность, постепенность, повторяемость, решающая роль общественной практики, преимущество правозакрепления (юридической санкции) перед правоустановлением (конструированием, созданием новых норм, содержание которых обусловлено исключительно государственными интересами).

В процессе правообразования можно выделить несколько этапов¹. На первом из них формируется нормативная основа права. Решающую роль здесь играет развитие отдельных, естественных для конкретного пространственно-временного хронотопа видов общественных отношений на основе их повторения (воспроизводства), как правило, сакрализованного авторитетом предков, априори выступающих в качестве актора правовой реальности. Результатом постоянного повторения этих действий и появления организационных форм их поддержки обществом становится их трансформация в правоотношения. Правила, регулирующие эти правоотношения, постепенно превращаются из общепринятых в общеобязательные, формируя представление о правомерном поведении как действиях, соответствующих социальным представлениям о правильном и служащих воспроизводству (развитию и функционированию) общества (локального сообщества).

На втором этапе происходит правозакрепление. Решающая роль при этом принадлежит государственной санкции правил, которые сложились на первом этапе, то есть предоставление им официального характера, придания им юридической формы. Именно на этом этапе окончательно складывается и развивается основа правового регулирования общественных отношений – юридические нормы, организованные в систему права. Постепенно появляется способность общества с помощью судов, а впоследствии законодательных органов и других юридических учреждений трансформировать эти правила в правомерное поведение, правоотношения нормативного характера, становящиеся юридическим выражением существующей системы общественных отношений².

Правовая завершенность системы институций, возникших на втором этапе, происходит на третьем, конкретизирующем этапе, который можно назвать правоустановление. Для этого этапа характерно уточнение, дополнение и детализация правового регулирования на основе правил,

1 Подробнее см.: Соколова А.А. Социальные аспекты правообразования. Мн.: ЕГУ, 2003. 160 с.

2 Краснов А.В., Васильев С.В. Категория судебной практики в контексте постклассической методологии // Вестник экономики, права и социологии. 2017. № 2. С. 84–88.

установленных (сконструированных) непосредственно государством. Государственные органы формулируют и предоставляют формальную определенность определенной части правил, которые были санкционированы на предыдущем этапе.

Основополагающей для процесса формирования права, его структурных элементов на всех обозначенных этапах является проверка юридической практикой¹. Последняя складывается как при формировании норм права, так и в процессе правореализации, что, в свою очередь, становится основой для дальнейшего правового развития. Завершение процесса правообразования одновременно является стартовым этапом практики его реализации, порождающей дальнейшее правовое развитие, в т.ч. путем нового правообразования.

Юридическая санкция является основным средством не только возникновения, но и дальнейшего развития права. Оно осуществляется различными путями, в разных формах и относительно разнообразных объектов. Санкционированию, то есть перенесению в действующее позитивное право, подлежат все виды социальных норм, в том числе нормы естественного права, религиозные нормы, зарубежные нормы права, правовая доктрина, положения международно-правовых актов и т. д. Во всех случаях идет речь о государственной санкции правил, сформировавшихся в общественной практике, которая накапливается в сфере как правообразования, так и правореализации. В зависимости от характера этой практики санкция может быть позитивной или негативной². На основе государственной санкции позитивных отношений, которые содействуют общественному развитию, законодатель формулирует государственные дозволения и разрешения, стимулирующие субъекта к совершению правомерных действий и, как следствие, установлению правопорядка. Позитивные отношения становятся основой возникновения регулятивных норм права. В порядке опережающей санкции законодатель может предоставлять защиту тем позитивным отношениям, которые еще не возникли. При этом государство на основе правовых заимствований конструирует юридическую норму, предполагая, что ее реализация в жизнь породит соответствующие правоотношения и общественную практику. Однако в действительности государственное конструирование правовой реальности будет эффективно

1 Скоробогатов А.В. Правоприменение в контексте правовой реальности // *Держава і право: Збірник наукових праць. Серія Юридичні науки. Випуск 75 / Ін-т держави і права ім. В.М. Корецького НАН України. К.: Вид-во «Юридична думка», 2017. С. 11-20.*

2 Подробнее см.: Краснов А.В. Правовая санкция в контексте представительно-обязывающего характера нормы права // *Научный Татарстан. Сер. Гуманитарные науки. Юридические и социально-экономические науки. 2010. № 1. С. 126-133.*

только при условии соответствия создаваемых норм правовой традиции. Достаточно вспомнить неудачный опыт введения в России правовой конструкции доверительной собственности.

Негативная практика свойственна тем отношениям, которые тормозят общественное развитие или являются вредными для общества. Она имеет место в двух случаях: при установлении новых юридических норм вместо устаревших или при запрете определенных действий. Систематическое негативное реагирование на эту практику санкционируется путем официального установления запрещающих норм или внесения изменений в действующее законодательство и отмены его отдельных предписаний. Негативные отношения становятся базой для формирования охранительных норм права.

Юридическая санкция как форма правообразования характерна для всех правовых систем. Наряду с правозакреплением общественных отношений государство санкционирует и правила, которые сложились вне действующей правовой системы. Речь идет об утверждении не только обычаев, но и иных социальных норм: моральных, религиозных, правовых, которые переносятся из другой системы права.

Вопрос о возможности и средствах санкционирования обычаев почти не вызывает споров. В больших или меньших масштабах оно применяется в практике всех правовых семей, на всех этапах их исторического развития, а также в международном праве. Санкционирование осуществляется путем локального или общего восприятия обычаев законодательством, судебной и административной практикой. Оно может иметь не только локальный, но и общий характер¹.

Вызывает интерес вопрос о возможности санкционирования норм морали. Большинство юридических норм фактически являются санкционированной государством моралью, строятся в соответствии с ней. В этом смысле позитивное право по своему содержанию является моральной категорией, которая обеспечивает внедрение в правовую реальность определенного минимума добра². Так, ст. 6 ГК РФ³ указывает на возможность определения прав и обязанностей сторон исходя из «требований добросовестности, разумности и справедливости». Увеличение моральных требований к участникам общественных отношений время от времени требует

1 См. напр.: Бошно С.В. Санкционирование обычаев государством // *Юрист. 2004. № 3. С. 11-14.*

2 Соловьев В. *Право и нравственность*. М.: АСТ; Мн.: Харвест, 2001. С. 34.

3 *Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)*. Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 06.08.2017) // *Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.*

дополнительной санкции государством требований морали¹. Однако при этом необходимо соблюдать баланс между общественной моралью и моралью отдельных социальных групп, в т.ч. политической элиты. Превалирование в праве норм морали отдельных социальных групп может привести к социальному неприятию права. Достаточно вспомнить массовые выступления во Франции по вопросу о легализации однополых браков.

Санкции в позитивное право подлежат также нормы естественного права. Хотя эти нормы имеют прямое действие и не зависят от воли государства, их закрепление в действующем законодательстве обеспечивает более эффективную реализацию. В этом смысле можно согласиться с позицией, что нормы естественного права на территории России имеют юридическую силу только благодаря их включению в текст Конституции РФ².

Достаточно широко в правообразовании применяется санкционирование религиозных норм. Они достаточно часто определяют те стороны общественного бытия, которые впоследствии приобретают юридическое содержание. Заповеди, которые содержатся в Библии, Коране, других религиозных источниках, без каких-либо существенных изменений санкционированы практически всеми государствами. Прежде всего, это касается уголовных отношений³. Однако, как показал Г.Дж. Берман, в не меньшей степени это коснулось сферы договорных отношений, которые в Западной Европе сформировались на основе государственной санкции норм канонического права⁴. Системой санкционированных государством религиозных норм является мусульманское⁵ и иудейское право⁶.

Влияние религиозных норм на позитивное право ощущается и в тех странах, где церковь отделена от государства. Так, после распада СССР Россия санкционировала соблюдение традиционных религиозных праздников, провозгласив важнейшие из них нерабочими днями (ст. 112 ТК РФ)⁷.

1 Подробнее см.: Мелешко Е.Н., Верховский Д.А. Мораль и право как социокультурные регуляции // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. 2014. № 2(14). С. 3–9.

2 Подробнее см.: Конституция Российской Федерации. Проблемный комментарий / рук. авт. кол. и отв. ред. В.А. Четвернин. М., 1997. С. 6–13.

3 См. напр.: Георгиевский Э.В. Религиозные основания уголовно-правовых запретов: от архаического политеизма к русскому православию. М.: Юрлитинформ, 2014. 336 с.; Папаян Р.А. Христианские корни современного права. М.: Норма, 2002. 403 с.

4 Берман Г.Дж. Вера и закон: примирение права и религии. М.: Ad Marginem, 1999. С. 230.

5 См.: Бехруз Х. Исламские традиции права. Одесса: Юрид. лит., 2006. 296 с.

6 См.: Каневский А.А. Место галахи (иудейского права) в национальных правовых системах. М.: Юрлитинформ, 2016. 216 с.

7 Трудовой кодекс Российской Федерации. Федеральный закон от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.

Не последнее место в формировании современных правовых систем занимают правовые заимствования¹. Особенно широки эти процессы в странах переходного типа, в том числе России. Первоочередным для них является заимствование в развитых (по мнению политической элиты) странах накопленного ими правового опыта путем их перенесения в собственную правовую систему. Если такое заимствование производится не в форме трансфера, а в форме рецепции, то последнюю можно рассматривать как своеобразный вариант санкции. Государство при этом утверждает юридические нормы, поскольку эти нормы созданы вне национальной правовой системы, то их использование разрешением государства на применение этих положений различными субъектами права, т. е. санкцией.

Достаточно распространенным в современном мире является государственная санкция в форме правового заимствования из международных документов². Это особенно касается правовых систем архаических и полuarхаических стран, право которых находится в стадии трансформации. Они активно используют международно-правовую практику, где содержится большой массив норм в отрасли защиты прав человека, экологии, интеллектуальной собственности и тому подобное, которые без любых изменений имплементируют в законодательство многих государств. Согласно ч. 4 ст. 15 Конституции РФ частью ее национального законодательства являются общепринятые нормы и принципы международного права.

Особое значение при рассмотрении форм и направлений санкционирования как формы правообразования имеет использование правовой доктрины³. Она является интегрирующим фактором, который действует при применении всех перечисленных средств санкционирующей деятельности. Залогом обеспечения надлежащего качества законов, других правовых актов и эффективности их действия является научный подход к их формированию и, в частности, выбор приоритетных форм санкционирования социального права и отдельных разновидностей нормативных материалов.

В отличие от мусульманского и англосаксонского права, где правовая доктрина может выступать как официальный источник, в России она яв-

1 Подробнее см.: Скоробогатов А.В. Правовые заимствования в России // Связи в праве: проблемы теории, практики, техники»: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (г. Н. Новгород, 19–20 мая 2016 года) / под общ. ред. В.А. Толстика. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2016. С. 356–359.

2 Подробнее о роли международного права в развитии правовой системы России см.: Искевич И.С., Сучкова Е.А. Место и роль норм международного права в правовой системе Российской Федерации // Новый взгляд. Международный научный вестник. 2015. № 7. С. 267–276.

3 Подробнее см.: Полянский Д.А., Пузиков Р.В. Правовая доктрина как особое правовое явление // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2013. № 11 (127). С. 328–337.

ляется лишь фактором, который направляет деятельность законодателя. Степень санкционирования государственной властью положений правовой доктрины зависит от того, насколько эти положения используются и кладутся в основу правовых актов. Именно поэтому крайне желательным является их инициативная разработка в научных учреждениях, отдельными учеными, их группами, участие последних в рабочих группах и государственных комиссиях по подготовке законопроектов, проведения ими экспертиз проектов нормативных правовых актов.

Таким образом, юридическая санкция выступает одной из форм правообразования. Она отражает процесс правозакрепления государством тех норм, которые сформировались вне национальной правовой системы, перенесение в правовую систему и официальное предоставление юридической силы правилам, которые сложились вне пределов позитивного правового регулирования. Именно санкция отражает взаимосвязь социального и позитивного права, легитимируя последнее и обеспечивая достаточно высокую степень его эффективности.

Список литературы:

1. Берман Г.Дж. Вера и закон: примирение права и религии. М.: Ad Marginem, 1999. 432 с.
2. Бехруз Х. Исламские традиции права. Одесса: Юрид. лит, 2006. 296 с.
3. Бошно С.В. Санкционирование обычаев государством // Юрист. 2004. № 3. С. 11–14.
4. Георгиевский Э.В. Религиозные основания уголовно-правовых запретов: от архаического политеизма к русскому православию. М.: Юрлитинформ, 2014. 336 с.
5. Глухарева А.И. Индивидуальное право как регулятор общественных отношений // Вестник РГГУ. Сер. Экономика. Управление. Право. 2015. № 1 (144). С. 23–25.
6. Дидыч Т.О. Правообразование как ценность: аксиологический подход к познанию // Алтайский юридический вестник. 2014. № 2(6). С. 23–27.
7. Искевич И.С., Сучкова Е.А. Место и роль норм международного права в правовой системе Российской Федерации // Новый взгляд. Международный научный вестник. 2015. № 7. С. 267–276.
8. Каневский А.А. Место галахи (иудейского права) в национальных правовых системах. М.: Юрлитинформ, 2016. 216 с.
9. Краснов А.В. Правовая санкция в контексте представительно-обязывающего характера нормы права // Научный Татарстан. Сер. Гуманитарные науки. Юридические и социально-экономические науки. 2010. № 1. С. 126–133.

10. Краснов А.В. Санкция в правовой реальности: уровневое исследование // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 1(33). С. 39–45.
11. Краснов А.В. Содержание индивидуального правового регулирования: классический и постклассический аспекты // Ученые записки Казанского филиала Российского государственного университета правосудия. 2016. Т. 12. С. 30–40.
12. Краснов А.В., Васильев С.В. Категория судебной практики в контексте постклассической методологии // Вестник экономики, права и социологии. 2017. № 2. С. 84–88.
13. Мелешко Е.Н., Верховский Д.А. Мораль и право как социокультурные регуляции // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. 2014. № 2(14). С. 3–9.
14. Папаян Р.А. Христианские корни современного права. М.: Норма, 2002. 403 с.
15. Полянский Д.А., Пузиков Р.В. Правовая доктрина как особое правовое явление // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2013. № 11 (127). С. 328–337.
16. Скоробогатов А.В. Правовые заимствования в России // Связи в праве: проблемы теории, практики, техники»: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (г. Н. Новгород, 19–20 мая 2016 года) / под общ. ред. В. А. Толстика. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2016. С. 356–359.
17. Скоробогатов А.В. Правоприменение в контексте правовой реальности // Держава і право: Збірник наукових праць. Серія Юридичні науки. Випуск 75 / Ін-т держави і права ім. В.М. Корецького НАН України. К.: Вид-во «Юридична думка», 2017. С. 11–20.
18. Соколова А. А. Социальные аспекты правообразования. Мн.: ЕГУ, 2003. 160 с.
19. Соловьев В. Право и нравственность. М.: АСТ; Мн.: Харвест, 2001. 192 с.
20. Трофимов В.В. Правообразование в современном обществе: теоретико-методологический аспект: монография / Под ред. д. ю. н., проф. Н.А. Придворова. Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2009. 308 с.

Степанова В.Е.,
доцент кафедры гражданского права Приволжского филиала РГУП, к.ю.н.,
Силантьева В.Ю.,
преподаватель кафедры гражданского права Приволжского филиала РГУП

Применение интегративного подхода к пониманию санкции

Исследование института санкции, несомненно, привлекает внимание ученых в силу теоретического и практического аспектов данного правового явления. Цель настоящей статьи – рассмотреть действие интегративного метода правопонимания на примере такого правового явления, как «санкция», что, по мнению авторов, позволит более объективно и целостно его изучить и показать недостатки традиционных теорий правопонимания.

Ключевые слова: санкция; ответственность; интегративное правопонимание; система.

В рамках позитивистской теории право рассматривается как единая система (система права, система норм права, системная общность), при этом построение и исследование происходит по принципу от общего к частному: сначала предлагается общетеоретическая разработка правового элемента, а потом выделение особенностей и конкретизация его на отраслевом уровне. Поскольку система должна функционировать сообразно с общими принципами системы, в противном случае утрачивается основной ее признак – единство и взаимосвязь элементов с целым¹. К сожалению, очень часто складывается ситуация, когда сформированные на общетеоретическом уровне общности и ее элементы при применении их на отраслевом уровне выпадают из общеустановленных правил формирования и функционирования системы.

Соответственно, встает вопрос, а правильный ли подход избран к пониманию и исследованию систем или конкретных ее правовых проявлений?

Наиболее ярко нарушение межотраслевых связей прослеживается на примере санкции. Такая ситуация обусловлена тем, что санкция – это порождение нормативизма, методологическая основа которого исходит из принципа государственного принуждения соблюдения норм права. При этом в современном праве санкции – это не только публично-правовой механизм воздействия. Цивилистические отрасли права также содержат нормы, определяющие основания, порядок и условия применения санкции за нарушения, но только в формате, отличном от публично-правовых отраслей. Соответственно, наличие санкции как меры ответственности за правонарушение и в цивилистических, и в публичных отраслях права

1 Подробно признаки системы рассмотрены в работе А.В. Гринь «Системные принципы организации объективной реальности»; М-во образования Рос. Федерации. Моск. гос. ун-т печати. М.: Изд-во МГУП, 2000. 286 с.: ил.; 20 см.; ISBN 5-8122-0200-1.

актуализирует необходимость разработки более гибкого подхода к пониманию санкции, нежели это происходит в рамках позитивистской теории.

Относительно того, что представляет собой санкция, написано немало работ¹. Бесспорно, признается тот факт, что санкция и в законодательстве, и в научной литературе используется как в самом широком смысле, так и в различных значениях. В теории права можно выделить следующие ключевые позиции относительно правовой природы санкции. Во-первых, санкцию определяют как часть нормы юридической ответственности, определяющую последствия правонарушения в виде наказания (кары) правонарушителя². Во-вторых, санкция является мерой юридической ответственности, но не мерой государственного принуждения, так как государственное принуждение связано исключительно с властной деятельностью государства³. И третья теория (обобщающая) сводится к тому, что санкция – это собирательное правовое явление, которому присущи следующие сущностные признаки: мера ретроспективной ответственности, мера принудительного воздействия, меры защиты, неблагоприятные последствия, возникающие в результате действия самого субъекта⁴.

Небезынтересно то, что в последних исследованиях санкция определяется не только как мера (форма) ответственности, то есть с отрицательным значением, но и как позитивная (поощрительная) мера. Например, А.В. Малько последовательно доказывает существование поощрительных санкций. При этом его точка зрения не является единичной. В современной научно-периодической литературе все чаще стали появляться отдельные исследования, посвященные именно «поощрительным санкциям»⁵. В качестве доказательств существования поощрительных санкций А.В. Малько ссылается на этимологическое значение слова «санкция», закономерности развития общества и общественных отношений как предмета правового регулирования, на характерность для социальных норм наличия благоприятных последствий (поощрительная санкция).

В развитие теории А.В. Малько о необходимости признания поощрительных санкций Л.Н. Кабанова отмечает, что санкция – это мера воздействия, ее нельзя рассматривать сегодня отдельно в контексте негативной

1 Мусаткина А.А. Об общем понятии санкции нормы права // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 1. С. 32–37.

2 Томашевский Н.П. О структуре правовой нормы и классификации ее элементов // Вопросы общей теории советского права. М.: Госюриздат, 1960. С. 244–245.

3 Базылев Б.Т. Сущность санкций в советском праве // Правоведение. 1976. № 6. С. 81–88.

4 Нормы советского права Проблемы теории / под ред. М.И. Байтина, В.К. Бабаева. Саратов: Изд-во Саратовского университета. 1987. С. 106.

5 Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2004. С. 72–80.

или поощрительной; это, прежде всего, мера воздействия органов, наделенных полномочиями, не имеющая своего предела, и развивается она вместе с развитием целей, которые ставит перед собой государство¹. При этом она делает акцент, что вышеуказанное проявление функции санкции характерно для публичных отраслей права.

В рамках общей теории права санкция традиционно определяется как часть правовой нормы, где содержатся указания на меры государственного принуждения в отношении правонарушителя. Развивая данное определение, Р.А. Хачатуров и Р.Г. Ягутян в работе «Юридическая ответственность» формулируют понятие санкции как государственную меру, применяемую к нарушителю установленных норм и правил, это форма и мера ответственности, предусмотренная в правовых нормах и носящая карательный характер².

Соглашаясь с тем, что с позиции структуры нормы права санкция представляет собой ее часть, нами не совсем разделяется сужение понятия санкции до меры именно государственного принуждения в отношении правонарушителя. Такой подход обоснован, если говорить о санкции как элементе института ответственности публично-правовых отраслей – уголовного права, административного права, процессуальных отраслей (на чем акцентировала внимание и Л.Н. Кабанова), когда имеет место быть обращение к юрисдикционным органам. Еще раз повторимся, что санкция как мера ответственности присутствует и в частноправовых отраслях.

Следуя традиционному для позитивистской теории подходу от общего к частному, при исследовании санкции на частноотраслевом уровне мы должны явно увидеть проявление общих признаков. Но реалии таковы, что данное правило действует далеко не всегда. Например, в жилищном праве выселение как санкция за нарушение жилищного законодательства далеко не всегда является мерой государственного принуждения.

Так, в пункте 2 статьи 91 ЖК РФ предусмотрено: «2. Без предоставления другого жилого помещения могут быть выселены из жилого помещения граждане, лишенные родительских прав, если совместное проживание этих граждан с детьми, в отношении которых они лишены родительских прав, признано судом невозможным». Исходя из содержания вышеуказанной нормы права, объективная сторона правонарушения – действия или бездействие родителей, лишенных родительских прав, делающие невозможным совместное проживание родителя и ребенка в одном жилом по-

1 Кабанова Л.Н. Имущественные санкции в механизме правового регулирования общественных отношений // Вестник волжского университета. Тольятти. 2015. С. 15–18.

2 Хачатуров Р.А., Ягутян Р.Г. Юридическая ответственность. Тольятти: Международная академия бизнеса и банковского дела. 1995. С. 200

мещении (положения применимы только в отношении жилых помещений, находящихся в пользовании на основании договора социального найма).

Обращает на себя внимание тот факт, что между диспозицией и санкцией стоит словосочетание «могут быть». Возникает вопрос: какие обстоятельства могут повлиять на решение суда в данном случае, если будет иметь место событие, с которым закон связывает возможность применения санкции? Считаем, что к таким обстоятельствам следует отнести естественные права человека: право иметь жилье. Если родитель лишен родительских прав и совместно проживать с ребенком не может, но при этом у него нет никакого другого жилого помещения, то насколько гуманно, справедливо и человечно выселить такого родителя на улицу, поставив в приоритет защиту прав одного человека (ребенка) за счет другого (родителя)?

Получается, что не каждый раз применение санкции ставится в прямую зависимость от наличия обстоятельств, указанных в диспозиции. Немаловажную роль играет «усмотрение» суда. Следовательно, в жилищном праве конструкция санкции несколько выпадает из общеправового понимания санкции и ее функций.

Аналогичным образом складывается ситуация и относительно санкции в гражданском праве. Наиболее яркий пример, это сделки, совершенные с нарушением требований закона. Диспозиция – одна из сторон по сделке или обе совершили действия (допустили бездействие), противоречащие закону. Используя имплекативную связь, по принципу которой в теории права сформулированы условия применения к нарушителю санкции, мы должны увидеть, какие именно негативные последствия, выраженные в мерах государственного принуждения, наступают в данном случае для виновника, чьи действия (бездействие) стоят в причинно-следственной связи с нарушением закона.

Для ответа на этот вопрос обращаемся к статье 167 ГК РФ, где определены последствия недействительности сделки. В пункте 2 настоящей статьи предусмотрено, что при недействительности сделки каждая из сторон обязана возвратить другой все полученное по сделке, а в случае невозможности возвратить полученное в натуре (в том числе тогда, когда полученное выражается в пользовании имуществом, выполненной работе или предоставленной услуге) – возместить его стоимость, если иные последствия недействительности сделки не предусмотрены законом. Полагаем, негативные последствия имеют место быть, но признак государственного принуждения отсутствует.

Согласно пункту 4 статьи 167 ГК РФ суд вправе не применять последствия недействительности сделки (пункт 2 настоящей статьи), если их применение будет противоречить основам правопорядка или нравственности. Таким образом, сформулированные законодателем положения о

наступлении негативных последствий по ничтожным сделкам полностью разрушают общетеоретическую конструкцию санкции и межотраслевую связь – от общего к частному.

Таким образом, применение традиционных подходов к формированию системы далеко не всегда позволяет сделать объективные и полноценные выводы относительно сущности и природы правовых явлений в контексте межотраслевых связей (системы права). Соответственно, мы возвращаемся к вопросу о том, насколько эффективен и жизнеспособен традиционный подход к исследованиям от общего к частному.

С учетом вышеизложенного видится, что восприятие, осмысление и практическое применение такого синтетического правового явления, как санкция, возможно в современной действительности только с использованием метода, позволяющего обеспечить системный подход анализа, отличный от традиционно сложившихся, среди которых выделяют позитивистский, естественно-правовой и социологический. В последнее время наметилась тенденция активного обоснования и внедрения нового типа правопонимания – интегративного в целом и интегративных подходов к исследованию отдельных правовых явлений в частности.

Несколько слов об основных направлениях научной мысли относительно того, что представляет собой интегративное правопонимание (интегративный подход, интегральный метод). Для этого предлагаем обратиться к статьям Р.Р. Палеха «От монистических концепций правопонимания к интегративным»¹, а также А.И. Сидоренко и Ю.Э. Ибрагимов «Интегративное понимание права»², где авторами собраны в обзорной форме точки зрения современников относительно интегративного (интегрального) понимания в праве.

Небезынтересными представляются следующие из них.

В.В. Ершов в качестве преимущества интегрального (интегративного) понимания российского права выделяет возможность рассмотрения права как системы, включающей в себя как нормативные правовые акты, так и иные формы права, прежде всего, принципы права, нормативно-правовые договоры, содержащие нормы права, а также обычаи, содержащие нормы права. В целях более объективного восприятия точки зрения указанного автора следует оговориться, что В.В. Ершов исследует вопросы интегрального правопонимания преимущественно с позиции соотношения и взаимодействия национального (российского) права и международного права³.

1 Палеха Р.Р. От монистических концепций правопонимания к интегративным // Вестник Воронежского института МВД. 2010.

2 Сидоренко А.И., Ибрагимов Э.Ю. Интегративное понимание права // Журнал российского права. № 7. 2017. С. 33–45.

3 Ершов В.В. Анализ интегративного правопонимания с общенаучных позиций // Российское правосудие. 2017. № 5 С. 6–18.

В.Н. Карташов считает, что интегративное правопонимание позволяет право рассматривать как систему общеобязательных нормативно-правовых предписаний, обеспеченных мерами государственного и иного воздействия, внешне выраженных в нормативно-правовых актах, договорах и других формально-юридических источниках, отражающих идею и состояние свободы и ответственности, справедливости и равенство, гуманизм и общественный порядок, служащих особым юстициальным регулятором поведения людей и организаций¹.

М.В. Немытина отмечала, что интегральное (интегративное) правопонимание позволяет сформировать целостное представление о праве, рассматривать право во множестве проявлений и одновременно в его единстве².

Р.А. Ромашов под интегративным типом правопонимания видит не какой-то обособленный подход, а попытку извлечения позитивного содержания, имеющегося в отдельных типах правопонимания³.

Можно и дальше приводить различные взгляды на толкование интегративного (интегрального) правопонимания, но мы пока на этом остановимся. Цель приведения вышеуказанных точек зрения – выделить общее в различном. Все авторы схожи в одном: интегральное правопонимание – это подход к пониманию и структурированию современного права, в рамках которого синтезируются достижения уже существующих концепций правопонимания. В контексте интегрального подхода право рассматривается как системная целостность (общность), элементы которого, обладая индивидуальными признаками, соответствуют общим характерным чертам данной общности.

Следует отметить, что безоговорочная систематизация права в рамках интеграционного подхода может привести к сомнительным заключениям. Основная проблема кроется в правильном понимании таких категорий, как система, системная целостность (общность), суммативное целое.

Видится, что интегративное правопонимание позволяет более объективно и целостно исследовать правовые явления в контексте межотраслевых связей, действуя по принципу от частного к общему. При этом использование во всех случаях понятия «система» чревато недопустимым упрощением отдельных правовых явлений и их совокупностей, а также созданием «искусственных» систем. То обстоятельство, что право как

1 Занина М.А. Теоретические и практические проблемы правопонимания // Российское правосудие. 2008. № 7. С. 101.

2 Немытина М.В. Проблемы современного правопонимания. Современные методы исследования правопонимания / под ред. Матузова Н.И. и Малько А.В. Саратов. 2007. 319 с.

3 Лапаева В.В. Правовой принцип формального равенства // Антология научной мысли: к 10-ю Российской академии правосудия: сборник статей. М.: Статут, 2008. 773 с.

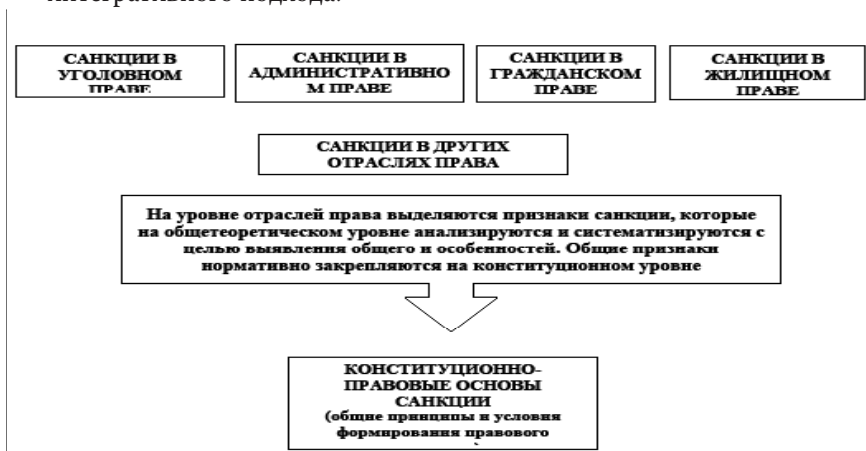
сложное и многоаспектное явление, по своей сути, является системным целостным, еще не свидетельствует о том, что все совокупности правовых явлений, входящие в его состав, тоже образуют системы. В некоторых случаях это могут быть суммативные целые, не обладающие такими признаками системы, как обратная связь и органическая целостность элементов.

Возвращаясь к вопросу допустимости применения интегративного подхода при изучении такого правового явления, как санкция, хотелось бы сразу отметить, что в юридической литературе высказываются суждения о нецелесообразности использования такого подхода при исследовании института ответственности в целом и санкции в частности.

Разделяя точку зрения, что системную целостность возможно полноценно исследовать только с применением системного подхода (интегративное правопонимание основано на принципах систематизации), то санкции как межотраслевое правовое явление допустимо и необходимо изучать именно через призму интегративного правопонимания, действуя от частного к общему.

Применение интегративного подхода позволяет правильно сформировать и объективно исследовать санкции в национальном праве как системную целостность. Постараемся схематично доказать системную целостность санкции как правового явления и ее место в национальной системе права.

На ниже приведенной схеме наглядно показан механизм применения интегративного подхода.

Сохраняют место быть и критические высказывания относительно применимости интегративного подхода к изучению именно института ответственности, составляющим элементом которого является санкция. Так, А.В. Петров и А.В. Зырянов указывают, что в области юридических мер ответственности имеет

место быть трансформация института права из одной отрасли в другую, то есть практическое заимствование, а не интегративный подход¹.

Отрицая возможность применения интегративного подхода в рамках исследования мер ответственности, видится, что авторы несколько сужают пониманием данного подхода. Трансформация – это процесс формирования правовых явлений, а интегративный подход – это совокупность способов и приемов понимания «жизненных» процессов правовых явлений. Поэтому сравнивать и противопоставлять понятия «практическое заимствование» и «интегративный подход» не совсем корректно.

Полагаем, что выше приведенная схема наглядно демонстрирует эффективность и объективность исследования санкции с применением интегративного подхода. В этом случае изучение правового явления становится более глубоким, емким и полноценным, а санкция представляется не просто трансформирующимся отраслевым институтом, а системным целостным в национальном праве.

Список литературы:

1. Базылев Б.Т. Сущность санкций в советском праве // Правоведение. 1976. № 6. С. 81-88.
2. Бабаева В.К., Байтина М.И. Нормы советского права. Проблемы теории. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1987. С. 106.
3. Гринь А.В. Системные принципы организации объективной реальности / М-во образования Рос. Федерации. Моск. гос. ун-т печати. М.: Изд-во МГУП, 2000. 286 с.: ил.; 20 см.; ISBN 5-8122-0200-1.
4. Ершов В.В. Анализ интегративного правопонимания с общенаучных позиций // Российское правосудие. 2017. № 5. С. 6-18.
5. Занина М.А. Теоретические и практические проблемы правопонимания // Российское правосудие. 2008. № 7. С. 101.
6. Кабанова Л.Н. Имущественные санкции в механизме правового регулирования общественных отношений // Вестник волжского университета. Тольятти, 2015. С. 15-18.
7. Лапаева В.В. Правовой принцип формального равенства // Антология научной мысли: к 10-ю Российской академии правосудия: сборник статей. М.: Статут, 2008. 773 с.
8. Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрист, 2004. С. 72-80.
9. Мусаткина А.А. Об общем понятии санкции нормы права // Актуальные проблемы российского права. № 1. 2015. С. 32-37.
10. Немытина М.В. Проблемы современного правопонимания. Современные методы исследования в правоведении / под ред. Матузова Н.И. и Малько А.В. Саратов, 2007. 319 с.

¹ Петров А.В., Зырянов А.В. Интегративный подход в современных юридических исследованиях / Южно-Уральский государственный университет. Челябинск. 2017. С. 90-95.

11. Палеха Р.Р. От монистических концепций правопонимания к интегративным // Вестник Воронежского института МВД. 2010.
12. Петров А.В., Зырянов А.В. Интегративный подход в современных юридических исследованиях / Южно-Уральский государственный университет. Челябинск, 2017. С. 90–95.
13. Сидоренко А.И., Ибрагимов Э.Ю. Интегративное понимание права // Журнал российского права. № 7. 2017. С. 33–45.
14. Томашевский Н.П. О структуре правовой нормы и классификации ее элементов / Вопросы общей теории советского права. М.: Госюриздат, 1960. С. 244–245.
15. Хачатуров Р.А., Ягутян Р.Г. Юридическая ответственность. Тольятти: Международная академия бизнеса и банковского дела, 1995. С. 200.
16. Чельшев М.Ю. Система межотраслевых связей гражданского права: Цивилистическое исследование: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. 40 с.

Суменков С.Ю.,

профессор кафедры теории государства и права
Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., доцент

Теоретические проблемы конструкции норм-исключений

В статье затрагивается проблема норм-исключений, то есть юридических норм, содержащих исключения из общеустановленных вариаций регулирования, не нарушающих последние. Автор отмечает сложность конструкции норм-исключений, имеющей в основном отсылочный и бланкетный характер.

Ключевые слова: норма; исключение; правило; санкция; исключительная норма.

Норма – это образец, эталон, шаблон поведения, модель выполнения каких-либо действий. Человечество на протяжении всей своей истории выработало огромное количество таких норм, ибо без них не могло бы состояться общество, государство, любой коллектив людей.

В общей теории права все существующие нормы традиционно¹ подразделяются на технические² и социальные. Не вдаваясь в подробности та-

1 См., например: Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права (по изданию 1898 г.) // История русской правовой мысли. Биографии. Документы. Публикации. М., 1998. С. 106.

2 По мнению А.Ф. Черданцева, технические нормы – это нормы, «которые определяют меру поведения людей по отношению к природе, орудиям и средствам производства и другим предметам внешнего мира, регламентируют производственные процессы, устанавливают приемы и методы технических действий, требования к конструкциям орудий производства, качественным показателям производимой продукции, сырью, материалам и т.п.» (Черданцев А.Ф. Технико-юридические нормы в советском праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1963. С. 5).

кой стратификации (как думается, критерии вполне очевидны¹), хотелось бы отметить, что главное предназначение как технических, так и социальных норм – это регулирование².

Объективно существующее многообразие (в любой сфере, в том числе и технической) должно учитываться субъектом нормотворчества и для придания нужной эффективности процесса регулирования оформляться нормативно.

Именно поэтому закрепление исключений в технических нормах необходимо для достижения положительного результата, а значит, их существование более чем оправдано³.

В еще большей степени такая оценка применима для так называемых технико-юридических норм. «Государство, – верно пишет А.В. Пчелкин, – при осуществлении своих функций, сталкиваясь с проблемами, вызванными осуществлением технической деятельности, решает их в том числе и правовыми методами, используя при этом юридические нормы различного уровня и содержания»⁴.

Иллюстрацией исключения, внедренного в технико-юридическую норму, может служить п. 145 Правил безопасности морских объектов нефтегазового комплекса⁵, который гласит: «Швартовка судов обслуживания к опорным колоннам и заход судов под МСП, ПБУ, МЭ и ПТК не допускается. Исключение составляет швартовка к МСП и ПБУ, которые при производстве работ опираются на морское дно, где швартовка производится подачей швартовых концов, закрепленных на опорных колоннах, на швартующееся судно» (курсив наш. – С.С.).

1 Вместе с тем заслуживает внимания мнение О.Э. Лейста, отмечавшего по поводу деления норм на социальные и технические буквально следующее: «Такое деление иногда дает почву для ненужных дискуссий, поскольку ряд технических норм (например, правила техники безопасности труда, безопасности движения транспорта, санитарные, ветеринарные нормы) носят социальный характер, а некоторые социальные нормы (нормы рентабельности, нормы языковые, нормы питания и др.) близки к техническим» (Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М., 2008. С. 182–183).

2 В самом общем смысле слово «регулирование» означает упорядочивание, налаживание; направление развития, движения чего-нибудь с целью привести в порядок, в систему (см.: Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1987. С. 549).

3 Аллилуева Е.И., Гаркун А.М. Цемент для гидротехнических сооружений: исключение или правило? // Цемент и его применение. 2007. № 1. С. 68–69.

4 Пчелкин А.В. Технико-юридические нормы в современной России: проблемы теории и практики: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2004. С. 14.

5 Приказ Ростехнадзора от 18 марта 2014 г. № 105 «Об утверждении Федеральных норм и правил в области промышленной безопасности «Правила безопасности морских объектов нефтегазового комплекса» // Российская газета. 2015. 06 февр.

Присутствие исключений, содержащихся в рассматриваемой разновидности норм, не позволяет согласиться с тем, что «техничко-юридическая норма – это правило, выраженное в формально определенных предписаниях, содержанием которого является разрешенное, запрещенное или предписанное техническое действие, установленное или санкционированное государством и обеспеченное мерами государственного убеждения, поощрения и принуждения»¹.

Возражение здесь вызывает однозначное восприятие технико-юридической нормы как правила. Подобные сомнения детерминированы, прежде всего, наличием исключений, имеющих, как только что было отмечено, в технико-юридических нормах. Кроме того, А.В. Пчелкин признает существование специальных технико-юридических норм, которые «в зависимости от их соотношения с общими, могут быть подразделены на нормы конкретизирующие, нормы-изъятия и нормы-дополнения»². Воздействие исключения по отношению к правилу, как уже многократно подчеркивалось, как раз и заключается в изъятии либо дополнении. Тем самым некоторые технико-юридические нормы, выполняющие роль изъятий или, напротив, дополнений, выступают (конечно, при соответствии иным условиям) как исключения, а не как правила.

Проецируя проблему соотношения нормы, правила и исключения на социальную сферу, принципиально подчеркнем: социальные нормы не являются однозначным синонимом правил; нормы выступают внешним выражением как правил, так и исключений. Корреляция здесь такова: с одной стороны, форма – норма, с другой, содержание – правило либо исключение³.

По данному вопросу заслуживает внимания позиция Н.И. Матузова, разделяющего (хотя и в чисто теоретическом плане) нормы и правила⁴.

Таким образом, можно с уверенностью констатировать отсутствие тождества между нормой и правилом. Что же касается возможности «пренебречь некоторыми нюансами», то подобное недопустимо при рассмотрении юридических норм как государственно-властных велений вообще и при сопоставлении правовых норм, правил и исключений в частности. Ведь если не учитывать такой нюанс, что исключение, устанавливая альтернативный правилу вариант регуляции, также облекается в норматив-

ную форму, можно предположить, что исключение – не особый и весьма сложный правовой феномен, а противоправное нарушение правила¹.

В данном контексте заслуживает внимания позиция Г.В. Мальцева: «Сегодня... догма «то, что не является правилом поведения, не может считаться правовой нормой», теряет былую власть над умами юристов... Истина в том, что в виде правил поведения представлены многие юридические нормы, но не все. Точно так же право состоит из норм – правил поведения, но не целиком»².

Утопичность отрицания норм-исключений (их существование надо признавать уже исходя из того посыла, что если есть нормы-правила, значит, не может не быть норм-исключений) вполне очевидна.

Вместе с тем по поводу имплементации исключений в правовую норму достаточно жестко высказался В.М. Баранов. «К числу очевидных свидетелей ложности конкретной юридической нормы, – отмечает автор, – относится наличие у нее многих исключений»³.

Квинтэссенция высказывания В.М. Баранова, если рассматривать проблему в содержательном ракурсе, абсолютно справедлива. Так, если норма содержит правило, из которого существуют исключения, нивелирующие данное правило, парализующие его реализацию, то такую норму однозначно стоит воспринимать как ложную.

При всем несовершенстве отечественной правовой системы о таких нормах можно говорить лишь теоретически. По нашему мнению, современное российское право страдает декларативностью, противоречивостью, но никак не тем, что исключения превалируют над правилами.

Следовательно, юридическая норма может устанавливать и содержать исключения из правил. Подобные исключения обеспечивают требуемую абстрактность и (или) казуистичность правового регулирования, что способствует достижению целей последнего⁴.

Норма, официально закрепляющая исключение из единых, стандартизированных правил, априори должна причисляться к специальным нормам. Это детерминировано, прежде всего, соотношением общего и особенного, целого и части, что как раз и характерно для взаимосвязи правила и исключения, при которой само существование исключения зависит

1 Выше уже приводилось обоснование тому, что исключение не есть нарушение правила. Если бы это было так, то ни теоретических, ни практических вопросов, связанных с наличием в праве многочисленных исключений, просто не возникло бы.

2 Мальцев Г.В. Социальные основания права. М., 2007. С. 646, 647.

3 Баранов В.М. Истинность норм советского права. Проблемы теории и практики. Саратов, 1989. С. 349.

4 См. об этом подробнее: Суменков С.Ю. Целевое предназначение исключений в праве // Вестник Саратовской государственной академии права. 2009. № 5 (69). С. 30–33.

1 Пчелкин А.В. Указ. соч. С. 15.

2 Там же. С. 21.

3 См. об этом: Суменков С.Ю. Исключения в праве: теоретические основы, юридическая оценка, системный анализ. Саратов, 2012. С. 84–90.

4 См. об этом: Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: учебник. 3-е изд. М., 2009. С. 210.

от наличия правила. «Специфический признак специальных норм – их производность от общих предписаний, их функционирование на основе и в связи с общими нормами»¹.

И.Н. Сенякин при классификации специальных норм совершенно справедливо называет среди их разновидностей исключительные нормы, которые выступают дополнением либо к общим, либо к специальным нормам с более высокой степенью абстрактности, причем таким дополнением, которое предписывает изъятие из правил указанных норм².

По нашему мнению, при установлении места исключений в системе специальных норм необходимо учитывать следующее.

Общие нормы устанавливают генеральные единые для всех правила³. Наличие общих норм обуславливает появление специальных по отношению к ним норм. Такие нормы могут содержать как правила, так и исключения⁴. В свою очередь и специальные правила и исключения применительно к общим нормам выступают в виде изъятий либо дополнений⁵.

Тем самым специальные нормы (аналогично общим) учреждают правила и исключения; и те и другие подразумевают изъятия⁶ или дополнения. На этом сходство специальных правил и исключений заканчивается.

Основное различие заключается в том, что если исключения заменяют собой действие общих положений, то специальные правила действуют параллельно основным предписаниям, никоим образом не подменяя их. Выдвинутый тезис равно применим как к специальным правилам-дополнениям, так, и это надо подчеркнуть особо, к специальным правилам-изъятиям⁷.

1 Сенякин И.Н. Специальные нормы советского права. С. 42.

2 Там же. С. 79.

3 В данном случае речь идет сугубо о нормах-правилах поведения; вопросы, связанные с существованием исходных (отправных норм) пока не затрагиваются.

4 См., например: Володин Е. Исключения из правил особенности приема отдельных категорий иностранных работников // Кадровик. 2011. № 7. С. 182–190.

5 Выше уже приводились примеры уникальной природы исключений, позволяющей сочетать изъятие и дополнение.

6 В большинстве случаев изъятие обозначается такой формулировкой: «... положение (правило, установление, предписание, иногда – статья, закон (указ, постановление)), не распространяется...».

7 Этот тезис подтверждается примерами из действующего законодательства. См., в частности: ч. 4 ст. 133 УПК РФ, ч. 5 ст. 35 Земельного кодекса РФ, ч. 3 ст. 74 ФЗ от 16 июля 1998 г. № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)» (СЗ РФ. 1998. № 29, ст. 3400), ч. 3 ст. 1 ФЗ от 24 июля 2002 г. № 102-ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации» (СЗ РФ. 2002. № 30, ст. 3019), ч. 3 ст. 1 ФЗ от 27 декабря 2002 г. № 184-ФЗ «О техническом регулировании» (СЗ РФ. 2002. № 52 (часть I), ст. 5140), ч. 2 ст. 1 ФЗ от 30 июня 2003 г. № 87-ФЗ «О транспортно-экспедиционной деятельности» (СЗ РФ, 2003. № 27 (часть I), ст. 2701), ч. 3 ст. 24 ФЗ от 7 февраля 2011 г. № 7-ФЗ «О клиринге и клиринговой деятельности» (СЗ РФ. 2011. № 7, ст. 904).

Что же касается исключений, то они могут быть как из общих, так и из специальных правил¹; главным для исключения является сам факт существования правила, ибо представляется необходимым подчеркнуть еще раз: если нет правила, значит, нет и исключения. Парадоксом служит не то, что из правил есть исключения, а то, что некоторые правила, в том числе и специальные, возникают и существуют на основе исключений либо служат приложением к ним.

Речь, конечно, идет об исключениях, обладающих предельно высоким уровнем абстрактности. Например, согласно ч. 2 ст. 3.9 КоАП РФ административный арест устанавливается и назначается лишь в исключительных случаях за отдельные виды административных правонарушений.

В свою очередь ч. 1 ст. 3.9 КоАП РФ, регламентирующая условия и порядок отбывания и назначения указанного вида наказания, устанавливает общий срок назначения административного ареста – до пятнадцати суток, а за некоторые правонарушения – до тридцати суток.

По нашему мнению, положение о возможности увеличения срока ареста до тридцати суток является как раз специальным правилом, действующим параллельно с общим² и дополняющим его разрешением повысить продолжительность наказания в два раза.

Абстрактность некоторой части исключений позволяет ставить вопрос об их особом месте среди специальных норм. Последние всегда конкретны по сравнению с генеральными установлениями; сама по себе специальная норма есть результат правовой специализации, устанавливаемая с целью конкретизации и детализации общей правовой нормы³.

Между тем, и об этом уже многократно говорилось, далеко не все нормы, содержащие исключения, имеют конкретизирующую направленность; напротив, некоторые из них предельно абстрактны.

Соответственно, основанием выделения норм-исключений служит не объем⁴ и не сфера⁵ действия, а совершенно иной критерий: закрепление в норме иного (по сравнению с общим правилом) варианта регуляции;

1 См., например, ч. 4 ст. 4 ФЗ от 22 июля 2008 г. № 123-ФЗ «Технический регламент о требованиях пожарной безопасности» // СЗ РФ. 2008. № 30 (часть I), ст. 3579).

2 При этом и само общее правило зависит от существования исключения. Подобное лишнее раз свидетельствует о сложности и неоднозначности соотношения правил и исключений.

3 См.: Сенякин И.Н. Специальные нормы советского права. С. 54.

4 Например, П.Е. Недбайло подразделял юридические нормы по объему их действия – на общие и специальные (См.: Недбайло П.Е. Применение советских правовых норм. М., 1960. С. 73–92).

5 В частности, С. С. Алексеев в зависимости от сферы действия классифицирует нормы права на общие и специальные (См.: Алексеев С.С. Проблемы теории права. Курс лекций: в 2 т. Свердловск, 1972. Т. 1. С. 248).

причем такого варианта, который не просто альтернативен правилу, но и заменяет собой последнее, предлагая, хотя и опирающуюся на правило, но отличную от него вариацию регулирования правом общественных отношений.

Признание существования норм-исключений делает вполне логичным стратификацию всех юридических норм на исходные и регулятивные (нормы-правила и нормы-исключения).

При этом более чем очевидна взаимообусловленность норм, составляющих диалектически единую триаду: исходные нормы подразумевают создание норм-правил поведения, которые в свою очередь детерминируют появление исключений, также выраженных в нормах. «Возникает своеобразный закон связей: сначала формулируется так называемая генеральная, или основная, норма, затем формулируются нормы, призванные либо уточнить какие-то стороны содержания этой нормы, либо предусмотреть вариант поведения для особых условий»¹.

Нормы-исключения и по критерию их выделения и по возможности обладания абстрактным характером отличаются своеобразием среди всех иных специальных норм. По поводу взаимосвязи специальных норм и норм-исключений вполне применимо следующее выражение: каждая норма-исключение является специальной нормой, однако не всякую специальную норму можно считать нормой-исключением².

Аналогично следует оценивать и соотношение норм-исключений и исключительных норм. Исключительные нормы – феномен, известный юридической науке³; в частности, А.Ф. Черданцев, классифицируя юридические нормы по объему действия, различает общие, специальные и исключительные нормы⁴. И.Я. Дюрягин, предлагая стратификацию по сфере или объему регулирующего действия норм права, писал следующее: «Разграничение на общие, специальные и исключительные нормы имеет не только

1 Алексеева Л.Б. Системные свойства уголовно-процессуального закона // Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности. М., 1979. С. 122.

2 В этой связи весьма интересно мнение А.В. Мицкевича: «Особое значение имеют так называемые специальные нормы (jus singulare), предусматривающие определенные законом исключения (изъятия) из общего правила для особых случаев (Мицкевич А.В. Нормы права. С. 568). С подобным умозаключением можно было бы согласиться, но лишь со следующими оговорками: 1) не все специальные нормы содержат исключения; 2) диапазон действия исключения не ограничивается изъятием – исключение может предполагать и дополнение.

3 См., например: Деревнин А.А. Исключительные нормы в праве // Современные проблемы правотворчества и правоприменения: сб. науч. тр. / отв. ред.: А.А. Усачев. М.; Иркутск, 2007. Вып. 4. С. 10–17.

4 См.: Черданцев А.Ф. Теория государства и права. М., 1999. С. 212–213.

познавательное, но и непосредственно практическое значение: при разрешении каждого конкретного дела требуется руководствоваться специальными и исключительными нормами наряду с общими установлениями»¹.

На степень конкретизации как реальный фактор обособления исключительных норм обращали внимание и представители отраслевых наук; при этом исходным положением стратификации юридических норм на общие, специальные и исключительные традиционно выступала сфера их применения².

Тем самым основой подразделения норм на общие, специальные и исключительные служит объем регламентирующего воздействия данных норм. Соответственно, общим, родовым, видовым общественным отношениям корреспондируют общие, специальные и исключительные нормы.

На наш взгляд, подобный подход, основанный на признании исключительных норм в связи с максимальной детализацией правового регулирования, более чем односторонен.

Главным критерием выделения исключительных норм выступает наличие в них (что вполне естественно) исключений, а значит, закрепление не просто иного, а противоположного (внешне даже противоречащего) правилам варианта регуляции. Как верно замечает С.С. Алексеев, исключительные нормы устанавливают «качественно иной порядок, нежели общие и специальные нормы»³.

В свою очередь весьма интересным представляется определение соотношения исключительных норм и норм-исключений. Указанные нормы соотносятся между собой как часть (исключительные нормы) и целое (нормы-исключения). Поэтому исключительные нормы можно трактовать как находящуюся в органическом единстве, но тем не менее автономную разновидность норм-исключений.

Исходя из всего вышеизложенного, можно охарактеризовать нормы-исключения следующими признаками⁴.

Во-первых, нормы-исключения, равно как и иные нормы права, представляют собой властные, общеобязательные, формально определенные

1 См.: Дюрягин И.Я. Нормы советского права // Теория государства и права / под ред. С.С. Алексеева. М., 1985. С. 345–346.

2 См., в частности: А.П. Корнев по сфере применения норм административного права разграничивает их на общие, специальные, исключительные (См.: Корнев А.П. Нормы административного права и их применение. М., 1978. С. 38–41). По такому же критерию В.С. Основин классифицировал нормы советского государственного права на общие, специальные, исключительные (См.: Основин В.С. Нормы советского государственного права М., 1963. С. 52).

3 Алексеев С.С. Общая теория права: курс в 2 т. М., 1982. Т. II. С. 78.

4 См. об этом: Суменков С.Ю. Норма права как выражение юридических исключений // Российский юридический журнал. 2009. № 2 (65). С. 17–21.

вещения, учрежденные или санкционируемые государством и поддерживаемые им силой государственного принуждения.

Во-вторых, данные нормы содержат в себе исключения, а значит, эти нормы устанавливают изъятия и (или) дополнения в правила, создавая альтернативный либо даже противоположный последним вариант регулирования общественных отношений; отличаются предельной конкретностью либо повышенной абстрактностью; могут быть реализованы только уполномоченными на то субъектами.

В-третьих, нормы-исключения являются особой разновидностью специальных норм; при этом отдельной группой норм-исключений выступают исключительные нормы.

В-четвертых, указанные нормы отличаются специфичной терминологией, позволяющей акцентировать их специфическую природу как исключений из правил.

Таким образом, норма-исключение – специальное общеобязательное государственно-властное веление, содержащее отличный от общего правила вариант регулирования, отличающееся особой терминологией и находящее свое внешнее выражение в юридически значимых формах.

ЮРИДИЧЕСКИЕ САНКЦИИ В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ КОНСТИТУЦИОННОГО, МЕЖДУНАРОДНОГО И АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА

Аксенов А.Б.,

доцент кафедры гражданского права Казанского филиала РГУП, к.ю.н.

Международно-правовые санкции: правовая природа и практика применения

В статье рассматривается правовая природа и практика применения международно-правовых санкций, их соотношение с категорией «международно-правовая ответственность», указывается значение их единообразного понимания и применения для обеспечения международного правопорядка.

Ключевые слова: принудительные меры; международно-правовые санкции; международно-правовая ответственность; международная организация; Комиссия международного права ООН; Совет безопасности ООН.

Эффективность международно-правового регулирования международных отношений напрямую зависит от строгого и неуклонного соблюдения международно-правовых норм, поэтому вполне очевидно, что международное право, как и внутригосударственное право, не может существовать без принуждения. По верному замечанию С.В. Черниченко, «в межгосударственной сфере, как и во внутригосударственной, ... принуждение – гарантия осуществления права»¹, хотя к мерам принуждения субъекты международного права обращаются в крайних случаях.

В международной практике и международно-правовой доктрине отсутствует единообразное понимание принудительных мер, и многие отечественные и зарубежные исследователи для обозначения мер принуждения используют термин «международно-правовые санкции», вкладывая в него самое различное содержание, диапазон мнений в отношении которого довольно широк: от обозначения принудительных мер до формы ответственности, от понимания санкции и как принудительной меры, и в то же время формы ответственности до ее оценки в качестве структурного элемента международно-правовой нормы², из чего можно сделать вывод, что одним

1 См.: Черниченко С.В. Теория международного права. В 2-х тт. Том 1. М., 1999. С. 211, 213.

2 См.: Жданов Ю.Н. Принудительные меры в международном праве: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1999. С. 15; Белалова Б.Ш. Место международно-правовых санкций в современном международном праве // Законодательство. 2002. № 12. С. 65; Левин Д.Б. Ответственность государств в современном международном праве. М., 1966. С. 21; Лукашук И.И. Право международной ответственности. М., 2004. С. 83; Василенко В.А. Международно-правовые санкции. Киев, 1982. С. 41; Яковлев В. Ф. О понятии правовой ответственности // Журнал российского права. 2014. № 1.

термином определяются различные по существу, хотя и взаимосвязанные правовые явления.

Помимо определения самой дефиниции и правовой природы международных санкций, их соотношения с международно-правовой ответственностью, в центре внимания ученых-международников находятся и другие аспекты рассмотрения этой проблематики, в частности, вопросы об основаниях и субъектах международного права, правомочных вводить санкции, о пределах и возможности применения силы при реализации санкций, что, безусловно, переводит данную проблематику уже в практическую плоскость. Так, например, актуальность единообразного понимания сущности и правовой природы международно-правовых санкций, исключающего их отождествление с формами международно-правовой ответственности, выходит за пределы терминологических споров, поскольку, как справедливо указывается в литературе, отнесение санкций к формам ответственности может быть использовано объектом-правонарушителем для обоснования отказа выполнить обязанности, вытекающие из его ответственности, ссылаясь на то, что оно уже понесло ответственность, поскольку против него были применены санкционные принудительные меры. Признание за международно-правовыми санкциями качества собственно принудительных мер, а не форм ответственности, лишает государство-правонарушителя возможности сослаться на принцип *non bis in idem* и однозначно предполагает, что, помимо вызываемых этими мерами лишений, государство-правонарушитель должно нести ответственность в объеме, видах и формах, соразмерных характеру правонарушения и его вредных последствий¹.

Осмысление природы международно-правовых санкций, четкое их разграничение с формами международно-правовой ответственности способствует, с учетом особенностей международного права и тенденций современной практики международных отношений, правильному пониманию роли каждого из этих институтов в системе международно-правового регулирования. Позиция тех ученых, которые разграничивают правовые категории «санкции» и «ответственность», представляется вполне обоснованной: «Принуждение, будь то контрмеры или санкции, представляет самостоятельный институт, который связан с ответственностью, но обладает иными характеристиками. На него распространяется действие норм относительно принудительных мер. Контрмеры и санкции являются средством обеспечения реализации правоотношений ответственности»². В.А. Василенко, основываясь на материалах Комиссии международного права

1 Курдюков Г.И., Кешнер М.В. Соотношение ответственности и санкций в международном праве: доктринальные подходы // Журнал российского права. 2014. № 9. С. 103–115.

2 Лукашук И.И. Право международной ответственности // Международное публичное и частное право. 2002. №2. С. 31.

ООН, писал: «Несмотря на тесную взаимосвязь, международно-правовые санкции и международно-правовая ответственность по их юридической природе и функциям представляют собой институционно различные правовые явления, каждое из которых имеет свои собственные формы.... В силу этого международно-правовые санкции не являются формами ответственности за международные правонарушения, так же как формы международно-правовой ответственности не выступают в качестве санкций»¹.

Указанная позиция находит подтверждение и в том, что международные обычаи, нормы уставов международных организаций, в том числе и Устава ООН, содержат не конкретные указания на объем и формы ответственности, а предусматривают право на принуждение, регламентируя условия и порядок применения международно-правовых санкций. Особенностью международно-правового регулирования является то, что вопрос об объеме, видах и формах ответственности решается субъектами международного права в каждом конкретном случае либо по взаимному согласованию добровольно, либо посредством применения международно-правовых санкций, которое может быть реакцией только на совершение международных правонарушений.

Международные правонарушения, как указывается в докладе Комиссии международного права ООН, могут быть сопряжены или не сопряжены с применением вооруженной силы, кроме того, быть единоразовыми или длящимися².

При совершении единоразового международного правонарушения, не сопряженного с вооруженной силой, основанием применения международно-правовых санкций является отказ государства-правонарушителя выполнить обязательства, вытекающие из ответственности. При совершении длящегося международного правонарушения, не сопряженного с вооруженной силой, основанием применения международно-правовых санкций является отказ государства-правонарушителя прекратить международное правонарушение, что равносильно его отказу выполнить обязательства, вытекающие из ответственности. Таким образом, основанием для применения международно-правовых санкций является не само по себе правонарушение, а отказ виновного государства прекратить международное правонарушение и (или) выполнить обязанности, вытекающие из его международно-правовой ответственности³.

1 Василенко В.А. Указ. соч. С. 52–53.

2 Подробнее см.: Доклад Комиссии международного права ООН: Ответственность государств – международно-противоправное деяние государства как источник международной ответственности. Седьмой доклад специального докладчика Р. Аго // А/СК 4/307, 29 марта 1978 г.

3 См.: Василенко В.А. Указ. соч. С. 55–56.

Международно-правовые санкции, предпринимаемые в ответ на международные правонарушения, сопряженные с применением вооруженной силы, например, агрессии, обладают лишь той особенностью, что в этих случаях может иметь место ее немедленное вооруженное отражение, и, таким образом, моменты возникновения международно-правовой ответственности и применения международно-правовых санкций могут совпадать.

Важным вопросом, требующим также безотлагательного решения при рассмотрении заявленной проблематики, является вопрос о субъектах международного права, правомочных вводить санкции как меры принуждения в отношении государства-правонарушителя. В современной отечественной доктрине международного права все больше утверждается убедительный, на наш взгляд, подход к пониманию санкций как принудительных мер, применяемых с использованием институционального механизма международных организаций к государству-делинквенту¹.

Именно такой подход демонстрирует и Комиссия международного права ООН, которая отмечает, что, «используя термины «меры» и «ответные меры» вместо термина «санкции», предложенного... для описания так называемых «односторонних», «горизонтальных» (государство – государство) видов реагирования на противоправные деяния, Комиссия зарезервировала термин «санкция» для описания мер, принимаемых тем или иным международным органом..., в частности, для определения мер, которые ООН имеет право применять в рамках системы, предусмотренной Уставом в целях поддержания мира и безопасности»².

Этот вывод чрезвычайно значим, поскольку отрицает легитимность так называемых санкций, применяемых в одностороннем порядке некоторыми государствами без резолюции Совета Безопасности ООН, который несет главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности и решения которого обладают высшей легитимностью в международной системе, и по этой причине вводимые Советом Безопасности санкции по своему объему и кругу адресатов наиболее адекватны степени угрозы международному миру и международной безопасности,

1 См.: Нешатаева Т.Н. Международные организации и право. Новые тенденции в международно-правовом регулировании. М., 1998. С. 148; Жданов Ю.Н. Принудительные меры в международном праве: монография. М., 1998. С. 38; Лукашук И.И. Право международной ответственности. М., 2004. С. 316–317; Шумилов В.М. Международное экономическое право. М., 2003. С. 250–262; Батршин Р.Р. Ответственность государства и применение контрмер в современном международном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2005. С. 122; Калинин А.В. Экономические санкции ООН и односторонние экстратерриториальные меры экономического принуждения: сравнительный анализ // Юрист-международник. 2005. № 4. С. 34.

2 См.: Ежегодник Комиссии международного права. 1979 год. Т. 2. Ч. 2. С. 162.

тем более что зачастую они являются результатом сложного согласования позиций различных членов Совета Безопасности ООН¹. Кроме того, возможность правомерного применения одним государством санкций в отношении другого государства или группы государств в одностороннем порядке исключается принципом суверенного равенства государств (*par in parem non habet imperium*).

В своих резолюциях «Односторонние экономические меры как средство политического и экономического принуждения развивающихся стран»², «Отказ от применения односторонних экстерриториальных экономических мер принуждения как средства оказания политического и экономического давления»³ Генеральная Ассамблея ООН обращает настоятельный призыв к международному сообществу принять срочные и эффективные меры, с тем чтобы положить конец практике применения против развивающихся стран односторонних экстерриториальных экономических мер принуждения, которые не санкционированы соответствующими органами ООН или несовместимы с принципами международного права, изложенными в Уставе ООН.

Поскольку односторонние санкции нормативно не закреплены в международном праве, Комиссия международного права ООН предложила обозначать меры, применяемые потерпевшим государством к государству, ответственному за международно-противоправное деяние, с целью побудить его выполнить возлагаемые обязательства, термином «контрмеры»⁴, что нашло свое отражение и в международной судебной практике⁵.

Подобного рода меры принимаются и некоторыми международными организациями в отношении государств, не являющихся их членами и не относящихся к соответствующему региону, например, в дополнение к санкциям или во исполнение санкций Совета Безопасности ООН, но с корректировкой их по объему (например, ЕС против Ирана).

Если односторонние меры являются формой реагирования в контексте осуществления международно-правовой ответственности государства-адресата мер, то к ним применимы критерии правомерности контрмер,

1 Более подробно см.: Геворгян К. «Односторонние санкции» и международное право. Заключение международно-правового Совета при МИД России // Международная жизнь. 2012. № 8. С. 93–104.

2 A/56/179, 21 December 2001; A/58/301, 11 September 2003.

3 A/59/266, 16 August 2004.

4 Подробнее см.: Лукашук И.И. Право международной ответственности. М., 2004. С. 5–7, 320–322.

5 См., например: решения Международного Суда по делам о дипломатическом и консульском персонале США в Тегеране (ICJ Reports. 1986. P. 102); о военных и полувоенных действиях в Никарагуа и против Никарагуа (ICJ Reports. 1997. P. 55).

предусмотренные нормами международного права об ответственности государств за международно-противоправные деяния¹.

Что касается самих санкций, то, как отмечается в докладе Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам, они являются жизненно важным, хотя и несовершенным инструментом, представляя собой необходимую середину между войной и словами, когда страны, отдельные лица и повстанческие группы нарушают международные нормы и когда отсутствие реакции ослабляло бы, одобряло бы других нарушителей или истолковывалось бы как согласие².

В арсенал санкций входят такие меры принуждения, как всеобъемлющие экономические и торговые санкции, эмбарго на поставки оружия, блокирование иностранных активов правительств, ограничение доступа на финансовые рынки или прекращение предоставления финансовой помощи, запреты на перемещение за границу своего государства определенных лиц или любых средств сообщения, дипломатические ограничения и др.

Эффективность всеобъемлющих санкций в последнее время все чаще ставится под сомнение, прежде всего, по причине причинения «сопутствующего урона» гражданскому населению страны и материального ущерба для третьих государств, экономические отношения которых с государством, против которого направлены санкции, нарушаются.

Негативные последствия для населения применения всеобъемлющих санкций долгое время считались даже необходимыми для побуждения правительства к действиям, которые обеспечили бы снятие режима санкций, однако данная позиция была подвергнута обоснованной критике, и в настоящее время Совет Безопасности ООН, исходя из того, что режимы санкций должны соответствовать положениям международного гуманитарного права и международным нормам в области прав человека, применяет в своих резолюциях усовершенствованный подход к выработке, применению и осуществлению обязательных санкций: применение целенаправленных, «адресных», «точечных» санкций в отношении конкретных субъектов (замораживание активов и блокирование финансовых сделок представителей политических элит или образований, действия которых и явились причиной введения санкций) и включение в свои резолюции исключений гуманитарного характера. Международная практика свидетельствует, что применение целенаправленных санкций позволяет достичь необходимого результата намного быстрее при минимальных гуманитарных последствиях, что является одним из показателей их эффективности.

1 Геворгян К. Указ. соч. С. 101.

2 Доклад Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам «Более безопасный мир: наша общая ответственность» /A/59/565, 2 December 2004 // <http://www.un.org/Russian/secureworld.htm>.

В то же время нельзя не отметить, что деятельность ООН в последние годы характеризуется стремлением шире и активнее применять санкции и другие принудительные меры, иногда при игнорировании имеющихся политико-дипломатических возможностей, тогда как такие меры должны применяться только в исключительных случаях, когда все иные средства действительно исчерпаны.

В заключение следует еще раз подчеркнуть, что международно-правовые санкции чрезвычайно важны для обеспечения международного правопорядка, и в этой связи во избежание применения под видом санкций каких-либо неправомерных акций большое практическое значение имеет точное и унифицированное понимание санкций, в чем особая роль отводится кодификации и прогрессивному развитию международного права. Практика показывает, что назрела острая необходимость в том, чтобы применение санкций и других принудительных мер осуществлялось на основе четких и единых критериев, и такое совершенствование механизма международно-правового принуждения и повышение эффективности норм, регулирующих осуществление ответственности государств, будет содействовать обеспечению международного правопорядка и упорядоченному развитию международных отношений.

Список литературы:

1. Батршин Р.Р. Ответственность государства и применение контрмер в современном международном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2005.
2. Белалова Б.Ш. Место международно-правовых санкций в современном международном праве // Законодательство. 2002. № 12. С. 65–69.
3. Геворгян К. «Односторонние санкции» и международное право. Заключение международно-правового Совета при МИД России // Международная жизнь. 2012. № 8. С. 93–104.
4. Василенко В.А. Международно-правовые санкции. Киев, 1982.
5. Доклад Комиссии международного права ООН: Ответственность государств - международно-противоправное деяние государства как источник международной ответственности. Седьмой доклад специального докладчика Р. Аго // A/СК 4/307, 29 марта 1978 г.
6. Доклад Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам «Более безопасный мир: наша общая ответственность» /A/59/565, 2 December 2004 // <http://www.un.org/Russian/secureworld.htm>.
7. Жданов Ю.Н. Принудительные меры в международном праве: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1999.
8. Калинин А.В. Экономические санкции ООН и односторонние экстерриториальные меры экономического принуждения: сравнительный анализ // Юрист-международник. 2005. № 4. С. 30–37.

9. Курдюков Г.И., Кешнер М.В. Соотношение ответственности и санкций в международном праве: доктринальные подходы // Журнал российского права. 2014. № 9. С. 103–115.
10. Левин Д.Б. Ответственность государств в современном международном праве. М., 1966.
11. Лукашук И.И. Право международной ответственности // Международное публичное и частное право. 2002. № 2. С. 30–43.
12. Лукашук И.И. Право международной ответственности. М., 2004.
13. Нешатаева Т.Н. Международные организации и право. Новые тенденции в международно-правовом регулировании. М., 1998.
14. Черниченко С.В. Теория международного права. В 2-х тт. Том 1. М., 1999.
15. Шумилов В. М. Международное экономическое право. М., 2003.
16. Яковлев В.Ф. О понятии правовой ответственности // Журнал российского права. 2014. № 1.

Багаутдинов Ф.Н.,

заведующий кафедрой прокурорского надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности и участия прокурора в уголовном судопроизводстве Казанского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, д.ю.н.

Вопросы ответственности за незаконное вознаграждение в интересах юридических лиц (ст. 19.28 КоАП РФ)

В статье рассмотрены актуальные вопросы рассмотрения административных дел о правонарушении, предусмотренном ст. 19.28 КоАП РФ.

Ключевые слова: незаконное вознаграждение в интересах юридического лица; административная ответственность юридических лиц за коррупционные правонарушения; регрессный иск прокурора.

Диспозиция статьи 19.28 КоАП сформулирована следующим образом: незаконные передача, предложение или обещание от имени или в интересах юридического лица должностному лицу, лицу, выполняющему управленческие функции в коммерческой или иной организации, иностранному должностному лицу либо должностному лицу публичной международной организации денег, ценных бумаг, иного имущества, оказание ему услуг имущественного характера, предоставление имущественных прав за совершение в интересах данного юридического лица должностным лицом, лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, иностранным должностным лицом либо должностным ли-

цом публичной международной организации действия (бездействие), связанного с занимаемым ими служебным положением, влечет наложение административного штрафа на юридических лиц в размере до трехкратной суммы денежных средств, стоимости ценных бумаг, иного имущества, услуг имущественного характера, иных имущественных прав, незаконно переданных или оказанных либо обещанных или предложенных от имени юридического лица, но не менее одного миллиона рублей, с конфискацией денег, ценных бумаг, иного имущества или стоимости услуг имущественного характера, иных имущественных прав.

Дело об административном правонарушении, предусмотренном ст. 19.28 КоАП РФ, возбуждает только прокурор. Федеральным законом от 4 мая 2011 г. № 97-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции» объективная сторона данного правонарушения была расширена двумя квалифицирующими признаками – крупный и особо крупный размеры совершенных действий.

В настоящее время за незаконные передачу, предложение или обещание от имени юридического лица или в его интересах незаконного вознаграждения, эквивалентного сумме денежных средств до 1 млн руб., предусмотрен штраф в размере до 3-кратной суммы незаконного вознаграждения, но не менее 1 млн руб.; за те же действия, совершенные в крупном размере (свыше 1 млн руб.) – штраф в размере до 30-кратной суммы незаконного вознаграждения, но не менее 20 млн руб.; действия, совершенные в особо крупном размере (свыше 20 млн руб.) – штраф в размере до 100-кратной суммы незаконного вознаграждения, но не менее 100 млн руб.

Санкция рассматриваемой статьи предусматривает обязательную конфискацию денег, ценных бумаг, иного имущества или стоимости услуг имущественного характера, иных имущественных прав.

Частью 1 статьи 4.5 КоАП РФ за правонарушение, предусмотренное ст. 19.28 КоАП РФ, установлен срок давности привлечения к административной ответственности – шесть лет со дня совершения административного правонарушения. Указанный срок давности введен Федеральным законом № 97-ФЗ от 4 мая 2011 г., данное изменение закона вступило в силу 17 мая 2011 г. До этого срок давности привлечения к административной ответственности за нарушение законодательства РФ о противодействии коррупции составлял один год со дня совершения административного правонарушения.

Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» не содержит специальных норм относительно процедуры возбуждения прокурором дел об административных правонарушениях. С учетом этого на прокурора распространяются общие положения КоАП РФ, включая требова-

ние о принятии процессуального решения в установленные ст. 28.5 КоАП РФ сроки, то есть немедленно после выявления либо в течение двух суток, если требуется дополнительное выяснение обстоятельств дела, сведений о юридическом лице, в отношении которого возбуждается дело об административном правонарушении.

При этом в целях недопущения фактов незаконных (необоснованных) решений о возбуждении дел об административных правонарушениях необходимо до вынесения постановления, используя полномочия, предоставленные Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации», устанавливать все необходимые для принятия этого процессуального решения обстоятельства.

В соответствии с законом рассмотрение административных дел по ст. 19.28 КоАП РФ подсудно мировым судьям. В то же время законодатель предусмотрел, что административные дела по другой антикоррупционной норме – ст. 19.29 КоАП РФ (незаконное привлечение к трудовой деятельности либо к выполнению работ или оказанию услуг государственного или муниципального служащего, либо бывшего государственного или муниципального служащего) рассматриваются федеральными судьями районного, городского уровня.

На наш взгляд, административные дела по ст. 19.28 КоАП РФ представляют для рассмотрения большую сложность, чем административные дела по ст. 19.29 КоАП РФ. Мировые судьи допускают немало ошибок при принятии решений. С учетом сложности административных дел о правонарушениях, предусмотренных ст. 19.28 КоАП РФ, повышения качества судебных решений, предлагаем передать рассмотрение указанных дел федеральным судьям районного (городского) уровня.

Участие прокурора в рассмотрении административных дел по ст. 19.28 КоАП РФ является обязательным с учетом того, что административное производство возбуждается только прокурором. Тем не менее в практике имеются единичные случаи нарушения данного требования. Например, 18 июля 2016 г. мировой судья судебного участка № 3 судебного района г. Новый Уренгой ЯНАО рассмотрел с вынесением постановления административное дело в отношении ООО «Партнер» по ч. 1 ст. 19.28 КоАП РФ, при этом дело было прекращено производством за отсутствием состава административного правонарушения. Как следует из текста постановления по делу, представитель прокуратуры, надлежащим образом извещенный о дате, времени и месте судебного заседания, в судебное заседание не явился.

Работник прокуратуры Заднепровского района г. Смоленска не явился на судебное заседание при рассмотрении административного дела №5-845/2016-4 по ч. 1 ст. 19.28 КоАП РФ в отношении СПК «Новый мир» (по-

становление от 8 июня 2016 г. мирового судьи судебного участка № 4 г. Смоленска).

Полагаем, что в случае неявки прокурора суд должен отложить рассмотрение административного дела. Ведь в судебном заседании прокурор должен подтвердить собственное постановление о возбуждении административного производства в отношении юридического лица. Без выяснения вопроса, поддерживает или нет прокурор свое решение о возбуждении административного производства, дело не может быть рассмотрено судом.

Суд вправе вернуть прокурору постановление о возбуждении административного производства по ст. 19.28 КоАП РФ – при неправильном его оформлении, наличии неполноты, других существенных нарушений. Например, в Красноярском крае такое постановление было возвращено прокурору по следующим основаниям: прокурор в постановлении не указал часть статьи 19.28 КоАП РФ; в материалах отсутствуют сведения об основаниях владения юридическим лицом имуществом, явившимся орудием или предметом административного правонарушения.

Согласно разъяснениям, данным в п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2005 года № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» (в редакции от 19 декабря 2013 года), существенным недостатком протокола об административном правонарушении является отсутствие данных, прямо перечисленных в ч. 2 ст. 28.2 КоАП РФ, и иных сведений в зависимости от их значимости для данного конкретного дела об административном правонарушении.

Недостатки протокола об административном правонарушении, которые могут быть восполнены при рассмотрении дела по существу, признаются несущественными и не являются основаниями для возвращения протокола для их устранения.

Суды в отдельных случаях по ходатайствам прокуроров уточняли место совершения правонарушения. Например, при рассмотрении административного дела по ч. 1 ст. 19.28 КоАП РФ (мировой судья судебного участка № 1 Тальменского района Алтайского края, решение от 16 февраля 2017 г.) прокурор, участвующий в судебном заседании, просил уточнить место совершения правонарушения. При вынесении прокурором постановления о возбуждении административного производства в нем ошибочно был указан адрес банкомата, где с помощью банковской карты получалось незаконное денежное вознаграждение от ООО «Алтай-Форест». Эта ошибка была допущена из-за неверного ответа банковского учреждения. По повторному запросу прокуратуры банк представил другой, правильный адрес банкомата, где получалось незаконное денежное вознаграждение.

Суд согласился с мнением прокурора и признал установленным факт расположения банкомата ОАО «Сбербанк» по уточненному адресу. Тем

самым неправильное указание адреса банкомата суд посчитал несущественным нарушением, и в ходе судебного заседания данное нарушение было устранено.

В другом случае судья Приволжского районного суда г. Казани 3 мая 2017 г. отменил решение мирового судьи по делу об административном правонарушении, предусмотренном ч. 1 ст. 19.28 КоАП РФ, в отношении ПАО «Нэфис Косметикс» и дело направил Татарскому транспортному прокурору для устранения допущенных процессуальных нарушений. В частности, одним из оснований для принятия такого решения явилось неправильное указание места совершения административного правонарушения.

Из обстоятельств дела следовало, что незаконное денежное вознаграждение от ПАО «Нэфис Косметикс» передавалось работнику железной дороги С. путем заключения фиктивного договора и перечисления денег на банковскую карту. При этом прокурор в постановлении о возбуждении административного производства местом совершения административного правонарушения указал офис ПАО «Нэфис Косметикс» в Приволжском районе г. Казани, т.к. именно там заключался фиктивный договор. Однако суд посчитал, что местом совершения административного правонарушения является место получения С. денег – в банкомате на территории Вахитовского района г. Казани.

Полагаем, что в данном случае доводы суда о нарушении мировым судьей правил подсудности являлись несущественными. Административное правонарушение было начато в офисе (заключение фиктивного договора) и закончилось в банкомате (получение денег). Данная неточность ничьих прав не нарушает.

По отдельным делам имели место расхождения между наименованием юридического лица, указанным в постановлении о возбуждении дела об административном правонарушении, и наименованием юридического лица, указанным в Едином государственном реестре юридических лиц. При выявлении таких фактов необходимо принимать меры к устранению подобных расхождений – путем возврата постановления прокурору либо уточнения наименования юридического лица в судебном заседании.

Например, прокурор в постановлении о возбуждении административного производства допустил техническую ошибку, указав в его тексте неверное название юридического лица. В судебном заседании помощник прокурора пояснил, что при составлении постановления о возбуждении административного производства допущена техническая ошибка. Суд согласился с доводами прокурора, уточнил название юридического лица и принял решение по существу дела, в котором указал: «из постановления прокурора следует, что дело об административном правонарушении было возбуждено в отношении ООО «СБ-ТЕХ» (решение № 12-239 от 6 октября

2014 г. судьи Фрунзенского районного суда г. Иваново в отношении ООО «СБ-ТЕХ»).

Согласно п. 3 ст. 4.1 КоАП РФ при назначении административного наказания юридическому лицу учитываются характер совершенного им административного правонарушения, имущественное и финансовое положение юридического лица, обстоятельства, смягчающие и отягчающие административную ответственность.

Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 25 февраля 2014 г. № 4-П было определено, что размер административного штрафа, назначаемого юридическим лицам за совершение административных правонарушений, минимальный размер административного штрафа за которые установлен в сумме ста тысяч рублей и более, может быть снижен, если наложение административного штрафа в установленных соответствующей административной санкцией пределах не отвечает целям административной ответственности и с очевидностью влечет избыточное ограничение прав юридического лица.

С учетом указанного решения Конституционного Суда РФ и внесенных в КоАП РФ изменений судьи при наличии оснований стали назначать юридическим лицам, виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 19.28 КоАП, административный штраф в размере менее 1 млн рублей. К примеру, при рассмотрении административного дела в отношении ООО «Казанский завод ЖБИ» (Московский районный суд г. Казани, 2016 г.) суд назначил юридическому лицу штраф в размере 500 тысяч рублей, приняв во внимание сложное финансовое положение предприятия, указав, что большой административный штраф может парализовать деятельность предприятия.

По конкретным административным делам судьи для смягчения административного наказания принимали во внимание следующие обстоятельства:

уставной капитал предприятия составляет 10000 рублей, штатная численность юридического лица небольшая, что позволяет отнести его к малым предприятиям;

из бухгалтерского баланса следует, что предприятие имеет отрицательный баланс;

расходы юридического лица превышают доходы;

у предприятия нет объемов работы, его сотрудники находятся в вынужденном отпуске;

ранее юридическое лицо к административной ответственности не привлекалось;

единовременная выплата назначенного наказания повлечет существенное ограничение прав общества и приведет к наступлению необратимых негативных имущественных последствий, обусловленных созданием ре-

альной угрозы для дальнейшего нормального ведения хозяйственной деятельности и др.

В качестве смягчающего обстоятельства могут быть учтены характер, вид деятельности юридического лица. Речь идет о социально значимой деятельности, о социально ориентированных общественных и иных организациях, не являющихся коммерческими, оказывающих помощь инвалидам, ветеранам, семьям погибших.

На практике имеются случаи, когда прокурор опротестовывает решение по административному делу по ч. 1 ст. 19.28 КоАП РФ, когда размер назначенного судом административного штрафа составляет менее 500 тыс. рублей. Например, постановлением мирового судьи судебного участка № 1 Фрунзенского района г. Иваново от 19 мая 2015 г. ООО было привлечено к административной ответственности по ч. 1 ст. 19.28 КоАП РФ с назначением наказания в виде штрафа в размере 300 тыс. рублей. Прокурор принес протест на данное решение, указав, что в данном случае размер административного штрафа не может составлять менее половины минимального размера административного штрафа, предусмотренного для юридических лиц соответствующей статей.

Протест прокурора был признан обоснованным и удовлетворен, решение мирового судьи отменено с направлением дела на новое судебное рассмотрение (решение Фрунзенского районного суда г. Иваново № 12-326/2015 от 5 августа 2015 г.).

Практика применения административной ответственности за незаконное вознаграждение в интересах юридических лиц выявила существенные недостатки, относящиеся к соразмерности, справедливости наказания для юридических лиц. Следует отметить негибкость правового регулирования, в результате которого различные юридические лица (и крупные, и мелкие предприятия) за различные незаконные вознаграждения (и мелкое, и достаточно серьезное) получают одно и то же наказание. Представители бизнеса обращают внимание на то, что основная часть административных дел по ст. 19.28 КоАП РФ связана с незначительными подношениями, за которые привлекаются в основном мелкие и средние предприятия. В этой связи предлагаем исключить из статьи 19.28 КоАП РФ нижний предел минимального размера штрафа.

В судебной практике применения ст. 19.28 КоАП РФ практически отсутствуют решения судов о прекращении административного производства со ссылкой на его малозначительность. Отдельные случаи прекращения административных дел по малозначительности имеются по другой категории коррупционных административных правонарушений – по делам по ст. 19.29 КоАП РФ (незаконное привлечение к трудовой деятельности либо к выполнению работ или оказанию услуг государственного или муниципального служащего либо бывшего государственного или муниципального слу-

жащего). Такие решения опротестовываются прокурорами. Мы поддерживаем мнение о том, что наличие или отсутствие негативных последствий не имеет значения применительно к правонарушению, предусмотренному ст. 19.28 КоАП РФ, поскольку состав рассматриваемого правонарушения является оконченным с момента совершения неправомерных действий. Поэтому коррупционные административные правонарушения, предусмотренные статьями 19.28, 19.29 КоАП РФ, ни при каких обстоятельствах не могут быть признаны малозначительными¹.

Еще один интересный нюанс. Прокуроры в предусмотренных законом случаях предъявляют так называемые регрессные иски, когда действиями какого-либо должностного, иного лица причинен ущерб организации. Например, суд взыскал сумму ущерба с организации, а прокурор требует взыскать эту сумму в регрессном порядке с руководителя, который виновен в незаконном увольнении работника. А возможно ли применить такой подход к делам о незаконном вознаграждении от имени юридического лица?

А. работал руководителем ООО «Дортрансстрой». В 2014 г. приговором районного суда он был осужден за покушение на дачу взятки судебному приставу-исполнителю с целью избежать привлечения к административной ответственности возглавляемой им организации. Его уволили с должности по собственному желанию. Прокурор возбудил в отношении ООО «Дортрансстрой» административное производство по ст. 19.28 КоАП РФ, и на ООО судом был наложен административный штраф. Жалоба ООО о пересмотре решения была отклонена.

Новый генеральный директор ООО оплатил штраф и обратился в суд с иском – взыскать с предыдущего руководителя организации сумму штрафа, наложенного на ООО по ст. 19.28 КоАП РФ.

Первоначально в удовлетворении иска судом было отказано. Президиум Санкт-Петербургского городского суда 7 сентября 2016 г. отменил принятое решение и направил дело на новое рассмотрение. В итоге исковые требования ООО «Дортрансстрой» были удовлетворены и с прежнего директора взыскана сумма административного штрафа, взысканного с ООО за совершение административного правонарушения, предусмотренного по ст. 19.28 КоАП РФ.

В обоснование этого решения суд указал, что в результате неправомерных действий А., осуществлявшего в период действия трудового договора функции единоличного исполнительного органа общества, последнему были причинены убытки. Полная материальная ответственность руководителя организации наступает при наличии противоправности его дейст-

1 Бессчасный С.А., Блудов И.М. Опротестование прокурором судебных постановлений о прекращении дел об административных правонарушениях в сфере противоправности коррупции по малозначительности. Законность. 2014. № 5. С. 7-10.

вий или бездействия, наличии прямого действительного ущерба, прямой причинной связи между виновным действием или бездействием руководителя и наступившим ущербом, а также при наличии вины руководителя, выражающейся в форме умысла или неосторожности. Противоправность поведения Л. установлена вступившим в силу приговором суда. Его действиями причинен прямой действительный ущерб в виде излишней выплаты денежных средств.

Таким образом, взыскание выплаченной организацией суммы штрафа по ст. 19.28 КоАП РФ с руководителя этой организации, в том числе и бывшего, является обоснованным.

А может ли предъявить такой регрессный иск прокурор? Очевидно, что в отдельных случаях это возможно, если, например:

- в данном юридическом лице государство имеет долю;
- если это казенное, бюджетное предприятие;
- если уплата крупного административного штрафа по вине руководителя ООО привела к невыплате зарплаты и т.д. То есть при предъявлении такого искового заявления прокурору надо доказывать необходимость защиты государственных, общественных интересов.

Регрессный иск прокурора возможен в интересах государственных органов, органов местного самоуправления, государственных корпораций (компаний), государственных и муниципальных унитарных предприятий, акционерных обществ, в уставном капитале которых доля участия Российской Федерации, субъекта Российской Федерации, муниципального образования превышает 50 процентов.

Бакирова Г.Я.,

доцент Казанского филиала РГУП, к.ю.н., доцент

Актуальные проблемы международного гуманитарного права

Рассматриваются проблемы защиты прав человека в период вооруженных конфликтов.

Ключевые слова: международное право; международное гуманитарное право; права человека; вооруженный конфликт.

Bakirova G.Y.

Actual problems of international humanitarian law

The article considers problems of the protection of human rights in the period of armed conflicts.

Keywords: international law; international humanitarian law; human rights; armed conflict.

В науке международного права международные соглашения, которые содержат систему принципов и норм о правах человека, подразделяют на три группы.

В первую группу входят международные документы, которые содержат принципы и нормы, касающиеся прав человека преимущественно в условиях мира, такие как Всеобщая декларация прав человека 1948 г., Международные пакты о гражданских и политических правах, об экономических, социальных и культурных правах человека 1966 г. Они закрепили ряд важнейших и общеобязательных прав человека. В этой группе можно выделить также специальные акты, регулирующие права отдельных лиц, такие как Конвенция о правах беженцев 1951 г., Конвенция о статусе апатридов 1954 г., Конвенция о запрещении всех форм расовой дискриминации 1965 г., Конвенция о запрещении всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 г., Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных и унижающих достоинство видов обращения и наказания 1984 г., Конвенция о правах ребенка 1989 г.

Во вторую группу входят международные конвенции о защите прав человека в период вооруженных конфликтов. Сюда относятся отдельные положения Гаагских конвенций 1899 и 1907 гг. о законах и обычаях войны, а также четыре Женевские конвенции 1949 г. о защите жертв войны и Дополнительные протоколы к ним, принятые в 1977 г.

Наконец, в третью группу входят международные документы, в которых регламентируется ответственность за преступные нарушения прав человека как в мирное время, так и в период вооруженных конфликтов. К этой группе относятся Нюрнбергский устав 1945 г. и приговоры Международных военных трибуналов в Нюрнберге и Токио, Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 г., Конвенция о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества 1968 г., Конвенция о пресечении преступления апартеида и наказании за него 1973 г., Статут Международного уголовного суда 1998 г.

Права человека как отрасль международного права состоят из совокупности принципов и норм, закрепленных во всех трех группах перечисленных международных документов. Все эти принципы и нормы должны соблюдаться как в мирное время, так и в период вооруженных конфликтов. Действие некоторых из них может быть приостановлено государствами во время войны или в период иного чрезвычайного положения. В то же время ряд основных прав и свобод человека должны соблюдаться каждым государством независимо от ситуации или положения, поэтому гуманитарное право является частью системы принципов и норм, относящихся к правам человека.

Важно обеспечить на международном уровне эффективное функционирование системы контрольных и судебных органов по защите прав человека.

Обязанность государств соблюдать ряд основных прав человека в любых ситуациях, включая периоды вооруженных конфликтов, неоднократно подтверждалось в резолюциях Генеральной Ассамблеи ООН.

Права человека защищаются не только в период вооруженных конфликтов международного характера, но и в ходе вооруженных конфликтов немеждународного характера.

В современных условиях возможные ограничения любых прав и свобод граждан должны соответствовать международно-правовым нормам и осуществляться в строгом соответствии с внутрисударственным законодательством. Указанное положение распространяется и на ограничения прав и свобод граждан в условиях военного положения.

Ограничения прав и свобод в период военного положения, как правило: а) не распространяются на основные права граждан; б) носят ограниченный по объему и времени действия характер; в) применяются только на основании соответствующего законодательного акта.

При введении военного положения основные неотъемлемые права человека (на жизнь, достоинство личности, равноправие и отсутствие дискриминации, неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени, свободу совести, свободу вероисповедания, свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности, право на жилище, право на судебную защиту прав и свобод и др.) должны непременно соблюдаться.

Международное гуманитарное право все больше воспринимается как составная часть права прав человека, применяемая в ходе вооруженных конфликтов.

Подобный подход наметился в 1968 г., когда Конференция Организации Объединенных Наций по правам человека, проходившая в Тегеране¹, не только выступила в поддержку развития гуманитарного права, но и положила начало устойчивой тенденции все более широкого использования его ООН в ходе изучения положения в области прав человека в отдельных странах.

Так, профессор Ж. Пикте высказывает мнение о существовании международного гуманитарного права, состоящего из системы норм, регулирующих законы и обычаи войны и права человека².

1 Резолюция XXIII «Уважение прав человека в период вооруженных конфликтов», принятая Международной конференцией по правам человека. Тегеран, 12 мая 1968 г.

2 Pictet J. *The Principles of International Humanitarian Law*. Geneva, 1966.

Благодаря четкому пониманию важности гуманитарного права для защиты людей во время вооруженных конфликтов, а также все более широкому применению права прав человека в международных отношениях значение этих двух отраслей права заметно возрастает; в результате как международные, так и неправительственные организации регулярно прибегают к ним в своей деятельности¹.

Право прав человека и гуманитарное право имеют различные исторические корни, их кодификация вплоть до самого последнего времени происходила абсолютно независимо. Однако во многих отношениях они все же совпадают и оказывают взаимное влияние друг на друга.

В большинстве договоров общего характера, касающихся прав человека, допускается частичная приостановка действия их положений на время войны или при других чрезвычайных обстоятельствах, угрожающих существованию государства². Гуманитарное право создано специально для таких ситуаций. Международные договоры о правах человека представлены в виде ряда утверждений, где излагается то или иное право, которым каждый обладает в силу того, что является человеком. В этой отрасли права подчеркивается ценность самой личности, которая вправе рассчитывать на предоставление ей определенных свобод и форм защиты.

Договоры в области гуманитарного права указывают на то, как всякая сторона конфликта должна обращаться с людьми, находящимися в ее власти, т. е. основное внимание сосредоточено на правах лиц, с которыми уже обращаются тем или иным образом.

Необходимо отметить, что в праве прав человека наблюдается одновременное существование всеобщих и региональных договоров, а также проводимое в большинстве этих договоров разграничение между так называемыми «гражданскими и политическими» правами с одной стороны, и «экономическими, социальными и культурными» правами – с другой.

Наиболее важное положение, касающееся гуманитарного права, состоит в том, что война более не является законным средством разрешения конфликтов. В настоящее время в гуманитарном праве видят не столько кодекс чести для комбатантов, сколько средство наилучшей защиты некомбатантов от ужасов войны³.

1 Досвальд-Бек Л., Вите С. *Международное гуманитарное право и право прав человека*. М.: МККК, 2001. С. 9.

2 Статья 4 Международного пакта о гражданских и политических правах человека, 1966; статья 15 Европейской конвенции по правам человека 1950 г.; статья 27 Межамериканской конвенции прав человека 1969 г.

3 Основным доводом в пользу постоянства применения гуманитарного права является то, что его нормы имеют своей целью защиту уязвимых групп населения во время вооруженных конфликтов и что на практике эти нормы могут соблюдаться лишь в том случае, если они применимы к обеим сторонам. Кроме того, основной чертой гуманитарного права – равно как и философии прав человека – является его применимость ко всем лицам, вне зависимости от того, считается ли кто-то из них «хорошим» или «плохим».

Если рассматривать проблему строго с точки зрения прав человека, в основе которой лежит уважение к человеческой жизни и благополучию, применение силы само по себе есть нарушение прав человека. Об этом было недвусмысленно заявлено в ходе Конференции по правам человека в Тегеране (1968 г.): «Основным условием полного соблюдения прав человека является мир, тогда как война есть их отрицание»¹.

На конференции также было рекомендовано продолжить развитие гуманитарного права с тем, чтобы обеспечить лучшую защиту жертв войны. Данную рекомендацию можно рассматривать как признание того, что гуманитарное право является действенным механизмом защиты людей во время вооруженного конфликта. Данная защита остается необходимой, поскольку юридический запрет на применение силы на практике не привел к прекращению вооруженных конфликтов.

Большинство договоров, касающихся прав человека, разрешает сторонам во время войны частично отказываться от соблюдения основной массы их положений, за исключением того, что обычно называют «неизменным ядром» прав, то есть тех, которые во всех подобных договорах перечислены как неотъемлемые. Это следующие права: право на жизнь, право не подвергаться пыткам и бесчеловечному обращению, право не быть обращенным в рабство и запрет придавать уголовному законодательству обратную силу.

При этом другие права не упраздняются, а должны соблюдаться в той мере, в какой это позволяют обстоятельства. Современная судебная практика и опыт, накопленный в ходе использования механизмов реализации прав человека, подтвердили важность этого обстоятельства, а также необходимость добиваться постоянной применимости определенных юридических гарантий, существенно важных для обеспечения действенной защиты прав «неизменного ядра»².

Однако большая трудность в применении права прав человека, закрепленного в упомянутых договорах, заключается в чрезвычайно общем характере содержащихся в них формулировок. В этих документах делается попытка регулировать отношения между личностью и обществом даже вне ситуаций вооруженного конфликта при помощи ограничительных оговорок³.

1 Резолюция XXIII «Уважение прав человека в период вооруженных конфликтов», принятая Международной конференцией по правам человека. Тегеран, 12 мая 1968 г.

2 См., в частности, о соответствующих институтах: Комиссия по правам человека: *Lanza de Netto, Weismann and Perdomo v. Uruguay*, Com.No. R.2/8, A/35/40/, Annex IV, paragraph 15.

3 Досвальд-Бек Л., Вите С. Международное гуманитарное право и право прав человека. М.: МККК, 2001. С. 16.

Таким образом, контрольные органы, созданные для выполнения соответствующего международного договора, должны определять, каким образом эти права можно осуществить на практике.

Изучение юридической практики показывает, что, хотя формулировка того или иного индивидуального права может, на первый взгляд, представляться весьма благоприятной для отдельного лица, практическое толкование оспариваемого права, произведенное с учетом потребностей других лиц, значительно уменьшает возможности его реализации¹.

Если перенести это на ситуацию вооруженного конфликта, то защита покровительствуемых лиц в период вооруженного конфликта на самом деле является буквально вопросом жизни и смерти и требует безотлагательного вмешательства.

Поэтому крайне необходимы правовые нормы, заранее четко определяющие поведение соответствующих лиц. Юристы, специализирующиеся в области прав человека, обратились к нормам гуманитарного права, которое, несмотря на иное происхождение и иную кодификацию, защищает, в конечном счете, наиболее фундаментальные права человека, будь то «гражданские» или «экономические и социальные»².

Подобно праву прав человека, гуманитарное право основано на недопустимости какой-либо дискриминации при предоставлении защиты жертвам войны. Значение этой нормы права прав человека столь велико, что она включена не только в Устав ООН, но и во все международные договоры о правах человека. Одним из многочисленных примеров тому в гуманитарном праве является статья 27 Женевской конвенции IV от 1949 г. В ней говорится:

«... состоящая в конфликте сторона, во власти которой находятся покровительствуемые лица, будет со всеми ими обращаться одинаково, без какой-либо дискриминации, в частности по причинам расы, религии или политических убеждений».

В силу существования очевидной угрозы для жизни человека во время вооруженного конфликта многие нормы гуманитарного права посвящены ее защите, что способствует осуществлению права на жизнь. Самым важным является то, что жертв войны, то есть лиц, непосредственно находящихся во власти противника, нельзя убивать, так как это было бы актом бессмысленной жестокости. Эти лица находятся главным образом под защитой Женевских конвенций 1949 г., которая была несколько расширена благодаря Дополнительному протоколу I от 1977 г.

1 См. R. Higgins. *Derogations under Human Rights Treaties*. British Yearbook of International Law, 1976-1977, 281.

2 Досвальд-Бек Л., Вите С. Международное гуманитарное право и право прав человека. М.: МККК, 2001. С. 16.

Кроме того, все военные преступления делятся на две группы. Первую составляют преступления, перечисленные в Женевских конвенциях 1949 года, при условии, что они совершены в отношении тех, кто находится под защитой этих Конвенций, включая раненых солдат, раненых или лиц, потерпевших кораблекрушение, моряков, военнопленных, гражданского населения на оккупированных территориях. Вторая группа содержит широкий спектр нарушений международно-правовых норм, включая признанные таковыми «Гаагским правом», Дополнительным Протоколом I 1977 к Женевским конвенциям и обычным международным правом.

Очевидно, что жизнь комбатантов не может быть защищена, пока они сражаются. Однако гуманитарное право не бездействует и в этом случае, ибо положение, запрещающее применение оружия, способного нанести чрезмерные ранения или причинить излишние страдания, частично направлено на то, чтобы поставить вне закона те виды оружия, которые становятся причиной слишком высокого уровня смертности среди солдат¹.

Таким образом, международное гуманитарное право служит гарантом обеспечения и защиты прав человека.

Список литературы:

1. Досвальд-Бек Л., Вите С. Международное гуманитарное право и право прав человека. М.: МККК, 2001.
2. Pictet J. The Principles of International Humanitarian Law. Geneva, 1966.
3. Higgins R. Derogations under Human Rights Treaties. British Yearbook of International Law, 1976–1977.

Гадельшина Л.И.,

доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Казанского филиала РГУП, к.ю.н.

Санкции за неисполнение решений органов конституционной юстиции в Российской Федерации

В статье исследуется вопрос о правовом регулировании санкций за неисполнение решений Конституционного Суда Российской Федерации.

1 Последняя по времени кодификация запрета на применение оружия, способного причинять излишние страдания, сделана в статье 35(6) Дополнительного протокола I от 1977 г. Однако яснее этот запрет выражен в Санкт-Петербургской декларации 1868 г.: «...единственная законная цель, которую должны иметь государства во время войны, состоит в ослаблении военных сил неприятеля; ...употребление такого оружия, которое по нанесении противнику раны без пользы увеличивает страдания людей, выведенных из строя, или делает смерть их неизбежною, должно признавать не соответствующим упомянутой цели...».

Ключевые слова: санкции; исполнение решений; ответственность; конституционный суд; итоговые решения.

К органам конституционной юстиции относятся Конституционный Суд Российской Федерации, конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации.

В процессе рассмотрения дел на различных стадиях конституционного судебного процесса данные суды принимают различного рода решения.

Так, в частности, Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. от 28.12.2016) «О Конституционном Суде Российской Федерации»¹ (далее – ФКЗ о Конституционном Суде РФ) предусматривает итоговые и иные решения КС РФ. К итоговым решениям относят постановления и заключения, принимаемые по результатам рассмотрения различных категорий дел. К иным же решениям относят определения, принимаемые в ходе конституционного судопроизводства, и решения, принимаемые по вопросам организации и деятельности суда.

В соответствии со ст. 4 ФКЗ о Конституционном Суде РФ решения Конституционного Суда РФ обязательны для всех субъектов права.

Согласно статье 6 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ» решения Конституционного Суда Российской Федерации обязательны на всей территории Российской Федерации для всех представительных, исполнительных и судебных органов государственной власти, органов местного самоуправления, предприятий, учреждений, организаций, должностных лиц, граждан и их объединений.

В силу положений ст. 50 ФКЗ о Конституционном Суде РФ его требования о предоставлении текстов нормативных и других правовых актов, документов и их копий, дел, сведений и других материалов; о заверении документов и текстов нормативных актов; о проведении проверок, исследований, экспертиз; об установлении определенных обстоятельств; о привлечении специалистов; о даче разъяснений, консультаций и об изложении профессиональных мнений по рассматриваемым делам обязательны для всех органов, организаций и лиц, которым они адресованы.

Свойство общеобязательности решений Конституционного Суда Российской Федерации должно проявляться в четком механизме неукоснительного исполнения его решений, а также действенном и непротиворечивом механизме привлечения к ответственности за неисполнение или ненадлежащее их исполнение. Главным звеном в этом механизме выступают санкции за неисполнение или ненадлежащее исполнение решений Конституционного Суда РФ.

1 Собрание законодательства РФ. 1994. № 13. Ст. 1447.

В юридической литературе под санкциями понимается часть правовой нормы, в которой определяются последствия ее нарушения или неисполнения и предусматриваются определенные меры государственного воздействия в отношении ее нарушителей¹.

Законодательством Российской Федерации устанавливаются санкции за неисполнение требований, а также итоговых решений Конституционного Суда РФ.

Так, согласно статье 50 ФКЗ О Конституционном Суде РФ отказ или уклонение от рассмотрения либо исполнения, нарушение сроков рассмотрения либо исполнения, неисполнение или ненадлежащее исполнение требований Конституционного Суда РФ, а также умышленное введение его в заблуждение влекут установленную законодательством ответственность. В настоящий момент действует ст. 19.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – «КоАП РФ»)², устанавливающая административную ответственность в виде штрафа за непредставление, несвоевременное или неполное представление в государственный орган (должностному лицу), осуществляющий (осуществляющему) государственный контроль (надзор) сведений (информации), представление которых предусмотрено законом и необходимо для осуществления этим органом (должностным лицом) его законной деятельности. В соответствии с ч. 1 и абз. 6 ч. 3 ст. 23.1 КоАП РФ дела об административном правонарушении, предусмотренном ст. 19.7 Кодекса, уполномочены рассматривать мировые судьи. Согласно ч. 1 ст. 28.3 Кодекса также мировые судьи составляют протокол об административном нарушении. Статьей 28.3 КоАП РФ составление протокола об административном правонарушении должностными лицами Конституционного Суда РФ не предусмотрено. Возникает вполне закономерный вопрос: как должно осуществляться взаимодействие мировых судей с органами конституционной юстиции в случае неисполнения требований этих органов участниками конституционного судопроизводства? Не препятствует ли действующий процессуальный порядок реализации санкций за нарушение обязанности по исполнению требований КС РФ?

Далее перейдем к санкциям за неисполнение итоговых решений Конституционного Суда РФ.

Ответственности за нарушение порядка исполнения решений Конституционного Суда РФ посвящена статья 81 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ», которая носит отсылочный характер и санкций не закрепляет.

1 Энциклопедический словарь конституционного права / Сост. А.А. Избранов. Мн.: Изд. В.М. Суров, 2001 // Электронный ресурс URL: <http://www.pravo.freecopy.ru/r338.shtml/> Режим доступа свободный. Дата обращения: 09.09.2017.

2 Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 30.12.2015 г.) // Российская газета. 2001. 31 дек.

Конкретные меры юридической ответственности за неисполнение решений Конституционного Суда РФ сформулированы законодателем применительно к высшим органам государственной власти и должностным лицам исключительно на уровне субъекта Российской Федерации.

Так, в силу ст. 9 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации (руководитель высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации) вправе принять решение о досрочном прекращении полномочий законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации за неустранение противоречия Конституции РФ конституции (устава) и закона субъекта РФ, иного нормативного правового акта в течение шести месяцев со дня вступления в силу судебного решения. Кроме того, Президент РФ наделен правом вынесения предупреждения законодательному (представительному) органу государственной власти субъекта Российской Федерации за уклонение последнего от принятия в пределах своих полномочий мер по исполнению решения Конституционного Суда РФ, которым установлена неконституционность нормативного правового акта законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта РФ, и в результате такого уклонения были созданы препятствия для реализации закрепленных конституционных или законодательно закрепленных полномочий федеральных органов государственной власти, органов местного самоуправления, нарушены права и свободы человека и гражданина, права и охраняемые законом интересы юридических лиц (п. 4 ст. 9 ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»).

Пунктом 2 ст. 19 того же Закона установлена возможность законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации выразить недоверие высшему должностному лицу субъекта Российской Федерации (руководителю высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации) в случае издания им неконституционных актов и неустранения соответствующего противоречия в течение месяца со дня вступления в силу судебного решения.

В 2012 году в ст. 21.9 ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» введен пункт 3.2, установивший полномочие Президента РФ по отрешению от должности высшего должностного лица субъекта Российской Федерации (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации).

Федерации) в случае неисполнения им решения Конституционного Суда РФ, принятого в отношении нормативного правового акта данного должностного лица, если указанное решение не исполнено в течение одного месяца со дня его вступления в силу или в иной указанный в решении срок.

Таким образом, несмотря на широкий круг субъектов, обязанных на основании ст. 80 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ» непосредственно исполнять решения Конституционного Суда РФ, санкции за неисполнение или ненадлежащее исполнение решений КС РФ могут применяться далеко не ко всем. Ни в отношении Президента РФ, ни в отношении Правительства РФ, ни в отношении парламента Российской Федерации санкции за неисполнение решений Конституционного Суда РФ прямо не установлены.

Вместе с тем ст. 315 Уголовного Кодекса РФ предусмотрена ответственность за неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта, состоящее в злостном неисполнении представителем власти, государственным служащим, муниципальным служащим, а также служащим государственного или муниципального учреждения, коммерческой или иной организации вступивших в законную силу приговора суда, решения суда или иного судебного акта, а равно воспрепятствование их исполнению. Возможность применения уголовной ответственности за неисполнение решения Конституционного Суда РФ подтверждена правовой позицией самого Суда, сформулированной в абз. 2 п. 5 Определения от 19 апреля 2001 г. № 65-О: «Неисполнение органами государственной власти и должностными лицами субъектов Российской Федерации решения Конституционного Суда Российской Федерации дает, в частности, основания для применения мер уголовной ответственности за неисполнение судебного акта (статья 315 УК Российской Федерации)...»¹.

Мерами уголовной ответственности являются: штраф в размере до двухсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до восемнадцати месяцев, либо лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет, либо обязательные работы на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо принудительные работы на срок до двух лет, либо арестом на срок до шести месяцев, либо лишение свободы на срок до двух лет.

1 Определение Конституционного Суда РФ от 19 апреля 2001 г. № 65-О «По ходатайству полномочного представителя Президента Российской Федерации в Приволжском федеральном округе об официальном разъяснении определения Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 года по запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке соответствия Конституции Российской Федерации отдельных положений Конституций Республики Адыгея, Республики Башкортостан, Республики Ингушетия, Республики Коми, Республики Северная Осетия – Алания и Республики Татарстан» // Вестник КС РФ. 2001. № 4.

Представляется неясным вопрос, кто должен понести уголовную ответственность в случае неисполнения решения Конституционного Суда РФ со стороны органа государственной власти или органа местного самоуправления? Насколько данная норма вообще реализуема в отношении рассматриваемого правонарушения?

Перечисленных мер ответственности явно недостаточно, учитывая, что исполнение решений Конституционного Суда РФ возложено также на высшие федеральные государственные органы и должностные лица, прежде всего Правительство РФ и Президента РФ (ст. 80 ФКЗ о Конституционном Суде РФ), а также на иные судебные органы.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о несовершенстве института санкций за неисполнение решений Конституционного Суда РФ.

В подтверждение данному выводу свидетельствуют и фактические данные. Так, по данным 2016 года, не исполнено 37 решений Конституционного Суда РФ, а это 19 % от объема принятых решений, которыми признаны неконституционными отдельные положения федеральных законов за период с 1992 по 2016 года¹.

Думается, что верным решением было бы закрепление критериев исполненности решений Конституционного Суда РФ, установление последствий неисполнения решения Конституционного Суда РФ для высших органов государственной власти Российской Федерации, включая палаты парламента, определение органа государственной власти Российской Федерации, наделенного надзорными полномочиями относительно процесса исполнения решений Конституционного Суда РФ.

Гарифуллина А.Р.,

доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Казанского филиала РГУП, к.ю.н.

К вопросу об исполнении решений органов конституционной юстиции

В настоящей статье анализируется проблема неисполнения судебных решений органов конституционной юстиции в Российской Федерации, обосновывается необходимость совершенствования и конкретизации механизма ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение решений Конституционного Суда Российской Федерации, конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации.

1 Коновалов А.В. Мониторинг исполнения решений Конституционного Суда Российской Федерации как элемент системы защиты прав и свобод граждан // Журнал конституционного правосудия. 2016. № 5. С. 12.

Ключевые слова: Конституционный Суд Российской Федерации; органы конституционной юстиции; ответственность за неисполнение решений суда.

Garifullina A.R.

On the issue of execution of decisions of the bodies of constitutional justice

This article analyzes the problem of non-enforcement of judgments of constitutional justice bodies in the Russian Federation, justifies the need to improve and specify the mechanism of responsibility for non-fulfillment or improper execution of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, constitutional (statutory) courts of the subjects of the Russian Federation.

Keywords: The Constitutional Court of the Russian Federation; the bodies of constitutional justice; the responsibility for non-enforcement of court decisions.

Конституционный Суд Российской Федерации занимает особое место в системе органов государственной власти. Конституционный Суд Российской Федерации является высшим органом судебного конституционного контроля, обладает независимостью, самостоятельностью. Обеспечивая конституционность актов правотворчества, правоприменительной практики, данный судебный орган особыми свойствами своих решений, а также предоставленными ему полномочиями влияет на качество и эффективность деятельности органов законодательной и исполнительной ветвей власти¹.

Наряду с Конституционным Судом Российской Федерации органами конституционной юстиции в Российской Федерации являются конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации. Конституционные (уставные) суды созданы лишь в некоторых субъектах Российской Федерации: Республики Адыгея, Башкортостан, Дагестан, Карелия, Коми, Ингушетия, Марий Эл, Саха (Якутия), Северная Осетия – Алания, Татарстан, Тыва, Кабардино-Балкарская, Чеченская Республики, город Санкт-Петербург, Калининградская и Свердловская области.

О востребованности Конституционного Суда Российской Федерации свидетельствуют следующие данные: с 1995 по 2017 гг. в Конституционный Суд Российской Федерации поступило 334 096 обращений².

Как справедливо отмечает С.В. Байрамов, «в идеале для исполнения решений Конституционного Суда РФ по вопросам конституционного контроля должно быть достаточно одного только факта его принятия...

1 Гадельшина А.И., Гарифуллина А.Р. Правовые основы взаимодействия Конституционного Суда Российской Федерации с органами государственной власти Российской Федерации // Российский судья. 2017. № 5. С. 52.

2 Обращения в Конституционный Суд Российской Федерации // [

Конституционный Суд РФ, не имея собственного принудительного механизма, оказывает влияние на процесс исполнения своих решений силой и ясностью правовых аргументов, выводов, обосновываемых в решениях, высокой социальной и гуманистической значимостью защищаемых им общедемократических правовых принципов, институтов и ценностей и этим придает большую степень эффективности исполнению решений»¹.

Безусловно, основная часть решений Конституционного Суда Российской Федерации исполняется в установленном порядке. Однако, проанализировав данные за последние пять лет, следует признать, что из общего количества обращений, поступающих ежегодно, более 50 составили обращения о неисполнении решений Конституционного Суда Российской Федерации²:

Год	Количество обращений за год	Количество обращений о неисполнении решений КС РФ
2013	15 101	55
2014	16 005	61
2015	14 622	52
2016	14 031	53
2017	13 423	54

Таким образом, можно сделать вывод о сложившейся ситуации, свидетельствующей о наличии проблемы неисполнения судебных решений. Если судебное решение не исполняется, значит, нарушается право на справедливо судебное разбирательство, а в конечном счете – подрывается авторитет судебной власти.

К тому же следует отметить, что решения конституционных (уставных) судов также не всегда получают надлежащую реализацию. Выделяют следующие виды неисполнения решений органов конституционного контроля на региональном уровне: «1) неоправданное затягивание с исполнением решений; 2) формальное или частичное исполнение решений; 3) полное неисполнение решений»³.

Как справедливо отмечает Л.А. Морозова, «неисполнение вступивших в силу решений судов ведет к следующим негативным последствиям:

1 Байрамов С.В. Непосредственный и опосредованный механизмы исполнения решений Конституционного Суда РФ: проблемы эффективности // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2001. № 1. С. 94.

2 Обращения в Конституционный Суд Российской Федерации // [

3 Габиева С.М., Османова О.А., Габиева М.Ю. Роль конституционных (уставных) судов в обеспечении конституционной законности // Юридический вестник ДГУ. Т. 16. 2015. № 4. С. 50.

- во-первых, к нарушению конституционного права граждан России на судебную защиту их прав и свобод (ч. 1 ст. 46 Конституции РФ¹);
- во-вторых, к незавершенности процесса правосудия: важно не просто получить юридический документ, подтверждающий право на что-либо, но и реально осуществить это право или восстановить нарушенное право;
- в-третьих, к снижению престижа органов правосудия, потере доверия к ним со стороны населения, возникновению правового нигилизма.

Кроме того, неисполнение вступивших в силу решений судов свидетельствует об отсутствии в стране эффективного механизма исполнительного производства, а следовательно, надежной защиты прав, свобод и законных интересов личности и юридических лиц².

Среди причин, вызывающих неэффективность исполнений решений органов конституционной юстиции, выделяют: отсутствие должной законодательной базы, недостаточное участие государственных структур в процессе исполнения решений Конституционного Суда Российской Федерации, отсутствие ответственности за неисполнение решений суда, низкий уровень правовой культуры, неуважение к Конституции Российской Федерации, правовой нигилизм, отсутствие финансовых средств у государства и др. Все это сказывается на уровне эффективности исполнения решений Конституционного Суда Российской Федерации, а также конституционно-контрольной деятельности в целом³.

Рассмотрим вопрос об установлении ответственности за неисполнение решения суда. Так, Федеральным конституционным законом от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации»⁴ (ч. 2 ст. 6) регламентируется, что «неисполнение постановлений суда, а равно иное проявление неуважения к суду влекут ответственность, предусмотренную федеральным законом».

Статья 81 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»⁵ устанавливает: «Неисполнение, ненадлежащее исполнение либо воспрепятствование исполнению решения Конституционного Суда Российской Федерации влечет ответственность, установленную федеральным законом».

1 Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.

2 Морозова Л.А. Исполнение судебных решений или уважение к суду // Lex Russia. 2015. № 11 С. 128–129.

3 Нечаева Ж.В. Эффективность конституционного контроля. Критерии эффективности // Гуманитарные науки в Сибири. 2006. № 1. С. 81.

4 Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 1. Ст. 1.

5 Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 13. Ст. 1447.

Уголовным кодексом Российской Федерации¹ (ст. 315) устанавливается ответственность за злостное неисполнение представителем власти, государственным служащим, муниципальным служащим, а также служащим государственного или муниципального учреждения, коммерческой или иной организации вступивших в законную силу приговора суда, решения суда или иного судебного акта, а равно воспрепятствование их исполнению, предусматривающая наказание в виде штрафа в размере до двухсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до восемнадцати месяцев, либо лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет, либо обязательные работы на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо принудительные работы на срок до двух лет, либо арест на срок до шести месяцев, либо лишение свободы на срок до двух лет.

Возможность применения уголовной ответственности за неисполнение решения Конституционного Суда Российской Федерации подтверждена правовой позицией самого Суда². Однако на практике данная статья Уголовного кодекса Российской Федерации в отношении неисполнения решений органов конституционной юстиции не применялась.

Как отмечается в литературе, многие практические работники аппаратов органов конституционной юстиции рассматривают необходимость установления административной ответственности за неисполнение решений суда: предлагается внести в кодексы об административных правонарушениях и законодательство субъектов Российской Федерации нормы, предусматривающие ответственность за неисполнение решения конституционного (уставного) суда или иного судебного акта в отношении представителя власти, государственного или муниципального служащего, а также служащего государственного или муниципального учреждения, коммерческой или иной организации³.

1 Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

2 Определение Конституционного Суда РФ от 19 апреля 2001 г. № 65-О «По ходатайству полномочного представителя Президента Российской Федерации в Приволжском федеральном округе об официальном разъяснении определения Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 года по запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке соответствия Конституции Российской Федерации отдельных положений Конституций Республики Адыгея, Республики Башкортостан, Республики Ингушетия, Республики Коми, Республики Северная Осетия – Алания и Республики Татарстан» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2001. № 4.

3 Мокосеева М.А. Ответственность за неисполнение решений органов конституционной юстиции в Российской Федерации // Марийский юридический вестник. 2015. № 4 (15). С. 36.

Весьма интересным представляется обращение к региональному законодательству. Так, Законом Республики Башкортостан от 27 октября 1992 г. № ВС-13/7 «О Конституционном Суде Республики Башкортостан»¹ (ст. 83) устанавливается обязанность государственных органов и должностных лиц по приведению законов и иных нормативных актов Республики Башкортостан в соответствие с Конституцией Республики Башкортостан в связи с решением Конституционного Суда Республики Башкортостан.

Законом Республики Татарстан (ч. 4 ст. 68) от 22 декабря 1992 г. № 1708-ХII «О Конституционном суде Республики Татарстан»² установлено, в случае, если при рассмотрении дела Конституционным судом Республики Татарстан выявлены нормативные правовые акты или их отдельные положения, воспроизводящие нормы, признанные его решением не соответствующими Конституции Республики Татарстан либо противоречащими установленному в его решении конституционно-правовому смыслу рассмотренных норм, Конституционный суд Республики Татарстан вправе определить срок и порядок их приведения в соответствие с Конституцией Республики Татарстан.

Для повышения эффективности исполнения решений органов конституционной юстиции считаем необходимым указание механизма исполнения принятого решения в самом решении суда, в котором необходимо указать субъекты исполнения, период времени исполнения и характер осуществляемых действий.

Как отмечает С.В. Байрамов, особой формой повышения эффективности механизма исполнения решений Конституционного Суда Российской Федерации является его право самостоятельно осуществлять контроль за исполнением принятых решений³. В соответствии с Регламентом Конституционного Суда Российской Федерации⁴ эта функция возлагается на Секретариат, который систематически анализирует состояние дел по исполнению решений Суда, причины неисполнения или ненадлежащего исполнения этих решений, представляет информационно-аналитические отчеты об исполнении решений. В случае установления факта неисполнения или ненадлежащего исполнения решений Суда, принятых в ходе осуществления конституционного судопроизводства, Председатель Конституци-

1 Советская Башкирия от 30.01.1997 г. № 19–20.

2 Ведомости Республики Татарстан. 1998. № 11. Ст. 312.

3 Байрамов С.В. Непосредственный и опосредованный механизмы исполнения решений Конституционного Суда РФ: проблемы эффективности // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2001. № 1. С. 95.

4 Регламент Конституционного Суда Российской Федерации (принят Конституционным Судом Российской Федерации в пленарном заседании 24 января 2011 года (с изменениями от 8 июля 2014 г., 2 июля 2015 г., 19 июля 2016 г., 10 ноября 2016 г., 10 октября 2017 г.) // [

онного Суда Российской Федерации либо по его поручению заместитель Председателя Конституционного Суда Российской Федерации вносит на рассмотрение Суда в заседании предложения о мерах, которые могли бы способствовать обеспечению исполнения решений Конституционного Суда Российской Федерации. Кроме того, Секретариат по мере необходимости готовит информацию о состоянии исполнения решений Конституционного Суда Российской Федерации, принятых в ходе осуществления конституционного судопроизводства, для последующего направления указанной информации в государственные и иные органы, а также иным лицам, определяемым Конституционным Судом Российской Федерации.

Таким образом, при необходимости Конституционный Суд Российской Федерации может поставить вопрос о надлежащем исполнении решения, о привлечении лиц к ответственности.

Подводя итог, отметим, что существующие проблемы по неисполнению или ненадлежащему исполнению решений органов конституционной юстиции свидетельствуют о несовершенстве законодательства в сфере организации и деятельности конституционных судов и требуют детальной проработки эффективного механизма исполнения решения суда, поскольку исполнение решения конституционного суда является заключительным этапом конституционного правосудия.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации: принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.: офиц. текст (с учетом поправок, внесенных Законом Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 13. Ст. 1447.
3. Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 1. Ст. 1.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
5. Закон Республики Башкортостан от 27 октября 1992 г. № ВС-13/7 «О Конституционном Суде Республики Башкортостан» // Советская Башкирия от 30.01.1997 г. № 19–20.
6. Закон Республики Татарстан от 22 декабря 1992 г. № 1708-ХII «О Конституционном суде Республики Татарстан» // Ведомости Республики Татарстан. 1998. № 11. Ст. 312.

7. Регламент Конституционного Суда Российской Федерации (принят Конституционным Судом Российской Федерации в пленарном заседании 24 января 2011 года (с изменениями от 8 июля 2014 г., 2 июля 2015 г., 19 июля 2016 г., 10 ноября 2016 г., 10 октября 2017 г.) // [Определение Конституционного Суда РФ от 19 апреля 2001 г. № 65-О «По ходатайству полномочного представителя Президента Российской Федерации в Приволжском федеральном округе об официальном разъяснении определения Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 года по запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке соответствия Конституции Российской Федерации отдельных положений Конституций Республики Адыгея, Республики Башкортостан, Республики Ингушетия, Республики Коми, Республики Северная Осетия – Алания и Республики Татарстан»] // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2001. № 4.
8. Байрамов С.В. Непосредственный и опосредованный механизмы исполнения решений Конституционного Суда РФ: проблемы эффективности // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2001. № 1. С. 94–99.
9. Габиева С.М., Османова О.А., Габиева М.Ю. Роль конституционных (уставных) судов в обеспечении конституционной законности // Юридический вестник ДГУ. Т. 16. 2015. № 4. С. 49–53.
10. Гадельшина А.И., Гарифуллина А.Р. Правовые основы взаимодействия Конституционного Суда Российской Федерации с органами государственной власти Российской Федерации // Российский судья. 2017. № 5. С. 47–52.
11. Мокосеева М.А. Ответственность за неисполнение решений органов конституционной юстиции в Российской Федерации // Марийский юридический вестник. 2015. № 4 (15). С. 34–37.
12. Морозова Л.А. Исполнение судебных решений или уважение к суду // Lex Russia. 2015. № 11. С. 126–133.
13. Нечаева Ж.В. Эффективность конституционного контроля. Критерии эффективности // Гуманитарные науки в Сибири. 2006. № 1. С. 79–82.
14. Обращения в Конституционный Суд Российской Федерации // [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.ksrf.ru/ru/Petition/Pages/Statistic.aspx>.

Давтян В.Р.,

доцент кафедры Конституционного и муниципального права
Волгоградского государственного университета, к.ю.н.**Санкция как элемент конституционно-правовой нормы**

Санкция является важным компонентом в регулировании любых видов правоотношений, поскольку угроза применения неблагоприятных последствий является одним из наиболее эффективных способов поддержания правопорядка в обществе. Анализ российского законодательства бесспорно выявляет наличие особенного вида санкций, которые невозможно отнести ни к одной другой группе санкций (административным, уголовным, гражданско-правовым и т. д.). Наличие рассматриваемого вида санкций, характеризующихся ярко выраженным политико-правовым характером, констатировалось еще в государственном праве второй половины XX века, что подчеркивает актуальность представленной тематики.

Настоящее исследование предполагает анализ понятия и структуры конституционно-правовой санкции, а также их классификацию.

Ключевые слова: конституция; санкция; право; норма.

Конституционно-правовые нормы – это общеобязательные правила поведения, установленные народом или государством в целях охраны и регулирования определенных общественных отношений, которые осуществляются через конкретные права и обязанности и обеспечиваются принудительной силой государства¹.

Нормы конституционного права имеют особое значение, поскольку закрепляют: основные права, обязанности и свободы человека и гражданина, а также гарантируют их соблюдение; основы конституционного строя РФ; вопросы избирательного права и системы РФ; основы правового статуса человека и гражданина; символы РФ; систему органов государственной власти и местного самоуправления, их организацию деятельности; федеративное устройство РФ; основания и порядок внесения поправок в Конституцию РФ и др.²

Структура нормы конституционного права в целом не отличается от структуры норм иных отраслей права: гипотеза, диспозиция, санкция. Вместе с тем именно санкция существенно отличает сущностное строение конституционно-правовых норм.

1 Конституционное (государственное) право зарубежных стран. Общая часть: учебник для вузов / Рук. авт. колл. и отв. ред. Б.А. Страшун. 4-е изд., обновл. и дораб. М., 2005. С. 47.

2 Конституционное право: хрестоматия. Сост. Ганин О.В., Захаров В.В. Тамбов: ТГТУ, 2008. 496 с.

На протяжении длительного периода времени позиция многих ученых сводилась к тому, что конституционно-правовая санкция не является обязательным элементом конституционно-правовой нормы¹. Кроме того, в теории конституционного права было высказано мнение о том, что в структурном составе конституционно-правовой нормы санкция отсутствует².

Действительно, структура конституционно-правовой нормы не совсем соответствует традиционному представлению о «стандартной» триединой структуре нормы, поскольку присутствие в них санкции в качестве структурного компонента не всегда ощутимо. Между тем констатировать ее полное отсутствие также не представляется возможным³.

Следует отметить, что видимое отсутствие в большинстве конституционно-правовых нормах санкции заметно снижает эффективность их действия и не всегда компенсируется с помощью санкций других отраслей права. Более того, в некоторых случаях конституционно-правовая норма даже ограничивает действие санкций других отраслей права и делает их применение невозможным («Депутаты и главы государств имеют «иммунитет», который представляет им дополнительные гарантии от привлечения их к ответственности, в отличие от отсутствия таких гарантий у обычных граждан»)⁴.

В этой связи представляется логичным сделать вывод о том, что конституционно-правовые нормы нуждаются в адекватной систематизации средств защиты собственных предписаний, которые позволили бы наряду с санкциями других отраслей права применять и собственно конституционно-правовые санкции.

Основной целью конституционно-правовых санкций выступает предупреждение отклонения от предписанной диспозиции конституционно-правовой нормы. В иных случаях применение санкции должно быть направлено в первую очередь на восстановление нарушенного конституционно-правового порядка.

Конституционно-правовая санкция обладает своими особенностями, которые отличают ее от санкций иных отраслей права. В частности, рамки конституционной ответственности сформированы по политическому характеру, по субъектам, на которых данная ответственность распространя-

1 Венгеров А.Б. Теория государства и права: учебник для юридических вузов. М.: Новый Юрист, 2008.

2 Демичев Д.М. Классификация конституционно-правовых норм: теория и практика // Вестник Института комплексных исследований аридных территорий. 2013. Т. 2. № 2 (27). С. 55–62.

3 Дмитриев Ю.А. К вопросу об определении предмета отрасли конституционного права // Государство и право. 2002. № 7. С. 13–22.

4 Лазарев Л.В. Правовые позиции Конституционного Суда России. М.: Формула права, 2006. 256 с.

ется, и по основаниям. В противном случае конституционная ответственность может изменить свой характер из правового в политический. Таким образом, конституционная ответственность должна распространяться лишь на конституционно-правовую сферу¹.

Во-вторых, санкция конституционно-правовой нормы имеет широкий круг применения: органы судебной, законодательной, исполнительной власти, а также органы местного самоуправления, должностные лица и т. д. При этом меры конституционной ответственности распространяются на государственные органы и должностных лиц неподчиненных им субъектов, что отличает меры конституционной ответственности от мер дисциплинарного характера.

В-третьих, должностные лица и органы высшей государственной власти самостоятельно определяют свою ответственность. Законодатель при определении конституционно-правовых санкций исходит из системы «сдержек и противовесов», чтобы меры конституционно-правовой ответственности были установлены сбалансировано, и при этом обязанность одних лиц входила в полномочия иных.

В-четвертых, применение к лицам конституционно-правовых санкций не приводит к судебному разбирательству и наличию судимости.

Учитывая изложенное, представляется возможным дать следующее определение понятию конституционно-правовой санкции. Конституционно-правовая санкция – это мера государственного и общественного взаимодействия, установленная нормами конституционного права, в области конституционно-правовых отношений, которая применяется к лицу в том случае, когда происходит несоответствие фактического поведения лица поведению, предписанному законом, который, в свою очередь, определяет поведение в диспозиции конституционно-правовой нормы.

Основной проблемой, с которой сталкивается санкция конституционно-правовой нормы, это ее реализация. Зачастую на практике происходит так, что либо порядок применения санкции не установлен в полном объеме, либо они неприменимы в конкретном случае, либо в принципе не применяются. В связи с этим санкция превращается в абстрактную угрозу. Между тем соблюдение порядка применения санкции имеет огромное значение, поскольку привлечение лица к конституционной ответственности является результатом взаимодействия процессуальных и материальных норм, установленных законодательством.

Анализ нормативно-правовых актов демонстрирует отсутствие строгого и единого порядка применения конституционно-правовой санкции.

1 Конституционное право в Российской Федерации: Курс лекций: в 9 т. Т. 1. Основы теории конституционного права / М.П. Авдеенкова, Ю.А. Дмитриев. М.: Весь мир, 2008. 320 с.

Очевидно, что определение порядка не представляется возможным ввиду разнообразия форм установленных санкций.

Применение конституционных санкций возможно только при следующих условиях: 1) основанием применения санкции является нарушение положений Конституции РФ, тех ее норм, которые гарантируют сохранение целостности государственного строя, единство ее правового пространства, обеспечение государственного управления; 2) применяются только при нарушении норм Конституции РФ и конституционного законодательства.

Вместе с тем позволительно выделить некоторые общие черты.

Во-первых, сроки в течении которых применяется конституционно-правовая санкция, не установлены законодателем, поскольку, как правило, конституционный деликт имеет длящийся характер¹.

Во-вторых, субъектам, к которым применена санкция, не всегда предоставляется право обжалования (как судебное, так и административное).

В третьих, нарушение порядка применения конституционной санкции может являться основанием для применения мер конституционной ответственности.

В юридической доктрине приведено множество принципов классификации конституционно-правовых санкций. Одним из таких примеров является деление мер конституционно-правовой ответственности за ненадлежащее исполнение субъектом власти возложенных на него законом обязанностей и функций и меры ответственности за несоблюдение и нарушение законодательства РФ².

Также приведена классификация по следующим основаниям:

- в зависимости от применения: санкции органов исполнительной власти и санкции, налагаемые несколькими федеральными органами;
- по правовому результату: меры, на основании которых акты органов государственной власти утрачивают свою юридическую силу; меры, которые лишают субъекта своих полномочий; меры, которые способствуют преобразованию правового статуса субъекта права; меры прямого принуждения;
- в зависимости от длительности воздействия: временные и окончательные;
- по степени использования государственного принуждения: меры косвенного принуждения и меры прямого принуждения;
- по функциональному критерию: карательные, восстановительные и меры пресечения³.

1 Лучин В.О. Конституция Российской Федерации. Проблемы реализации. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009. 272 с.

2 Чиркин В.Е. Об объекте конституционного регулирования // Государство и право. 2005. № 4. С. 5-8.

3 Венгеров А.Б. Теория государства и права: учебник для юридических вузов. М.: Новый Юрист, 2008.

Следует отметить еще одну классификацию, которая приводится учеными:

- прекращение полномочий субъектов лицами, которыми данные субъекты были наделены полномочиями;
- прекращение полномочий лиц ввиду несоблюдения ими установленных законодательством ограничений, которые составляют элемент статуса данных лиц;
- прекращение полномочий лиц по воле иных субъектов государственной власти в форме роспуска коллегиального органа власти или их отрешения от должности¹.

Самой распространенной классификацией является деление конституционно-правовых санкций по неблагоприятным последствиям или способам законодательного привлечения к ответственности. Основными критериями данной классификации являются цели и последствия применяемых конституционно-правовых санкций, которые делятся на четыре вида:

1. Правовосстановительные санкции. Главная цель данного вида конституционно-правовых санкций – это воссоздание нарушенного права, а последствие – восстановление понесенного материального и правового урона.

2. Предупредительная санкция. Основная цель – предостережение субъекта конституционного права от отклонения его фактического поведения от предписанного законом, от наступления неблагоприятных для него последствий в случае, если данный субъект не прекратит противоправного поведения.

3. Карательная санкция. Главная цель данного вида санкции – наказание лица, совершившего правонарушение, применение правовых лишений для лиц, не выполняющих обязанностей, предписанных законодательством, а также для субъектов, злоупотребляющих полномочиями.

4. Санкции пресечения. Цель применения данных санкций – предотвращение негативных последствий при бездействии органов, уполномоченных применять конституционные санкции².

Таким образом, представляется возможным сделать вывод о том, что конституционно-правовая санкция – это неблагоприятные последствия посредством применения мер законодательного принуждения в отношении лица, не исполняющего или злоупотребляющего своими правами и обязанностями. Конституционные санкции предполагают устранение

1 Дмитриев Ю.А. К вопросу об определении предмета отрасли конституционного права // Государство и право. 2002. № 7. С. 24.

2 Конституционное право в Российской Федерации: Курс лекций: в 9 т. Т. 1. Основы теории конституционного права / М.П. Авдеенкова, Ю.А. Дмитриев. М.: Весь мир, 2008. 326 с.

нарушения лицом, их допустившим: отмена актов, приостановление действия актов, запрещение применения актов при определенных условиях, лишение силы актов или их отдельных положений, признанных неконституционными, а также недопустимость введения в действие и применение международных договоров РФ, признанных несоответствующими Конституции РФ и др.

При этом сила принуждения конституционно-правовой нормы не всегда ставится в зависимость от наличия санкции в ее структуре. Отсутствие санкции также не означает, что в таких случаях отсутствует государственное принуждение при нарушении конституционно-правовой нормы. Данный факт в большей степени определяет специфику методов государственного принуждения в случае их нарушения посредством иных правовых норм, норм других отраслей права. Вместе с тем для защиты конституционно-правовых норм не может являться достаточным обеспечение их санкциями, содержащимися в нормах иных отраслей права.

Конституционно-правовые санкции являются необходимым элементом структуры конституционно-правовой нормы. Между тем потребность в них возникает лишь при грубом нарушении базовых общественных отношений, урегулированных Конституцией, восстановить которые иными мерами принуждения не представляется возможным. Таким образом, конституционно-правовые санкции – это лишь один из, как правило, крайний из способов обеспечения конституционно-правовых норм, применяемый наряду с другими средствами, что, впрочем, не может умалять их значения.

Список литературы:

1. Венгеров А.Б. Теория государства и права: учебник для юридических вузов. М.: Новый Юрист, 2008.
2. Демичев Д.М. Классификация конституционно-правовых норм: теория и практика // Вестник Института комплексных исследований аридных территорий. 2013. Т. 2. № 2 (27). С. 55–62.
3. Дмитриев Ю.А. К вопросу об определении предмета отрасли конституционного права // Государство и право. 2002. № 7. С. 13–45.
4. Захаров В.В. Решения Конституционного Суда Российской Федерации как источник конституционного права. М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2009. 278 с.
5. Конституционное право в Российской Федерации: Курс лекций: в 9 т. Т. 1. Основы теории конституционного права / М.П. Авдеенкова, Ю.А. Дмитриев. М.: Весь мир, 2008. С. 320–340.
6. Конституционное право: хрестоматия. Сост. Ганин О.В., Захаров В.В. Тамбов: ТГТУ, 2008. 496 с.
7. Лазарев Л.В. Правовые позиции Конституционного Суда России. М.: Формула права, 2006. 256 с.

8. Лучин В.О. Конституция Российской Федерации. Проблемы реализации. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009. 272 с.
9. Чиркин В.Е. Об объекте конституционного регулирования // Государство и право. 2005. № 4. С. 5–8.

Дзыбова С.Г.,

заведующий кафедрой конституционного и административного права
Адыгейского государственного университета, к.ю.н., доцент

Парасюк Е.А.,

судья Арбитражного суда Республики Адыгея, к.ю.н.

Закономерности конституционно-правовой ответственности в современном мире

Конституционно-правовая ответственность – особый вид юридической ответственности, используемый в исключительных, предусмотренных нормами конституционного права случаях. Трудно не согласиться с мнением многих авторов, что ответственность в конституционном праве есть ответственность государственных органов и должностных лиц за нарушения конституционно-правовых норм¹. Однако она не может применяться всегда, когда речь идет о нарушениях конституционно-правовых отношений, поскольку в этом нет необходимости. Ее основное назначение – защита Конституции и других конституционно-правовых норм присущими ей средствами.

Конституционная ответственность распространяется на определенный круг субъектов. В юридической литературе высказано мнение, что этот круг достаточно широк, поскольку соблюдать Конституцию обязаны органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные лица, граждане и их объединения. Самостоятельным субъектом выступает государство в целом. Так, ст. 2 Конституции РФ устанавливает в качестве обязанности государства признание, соблюдение и защиту прав и свобод человека и гражданина. Государство является субъектом конституционной ответственности и в случае возмещения вреда, причиненного лицу незаконными действиями (бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц.

В Российской Федерации субъектами конституционной ответственности являются: Президент РФ, Федеральное Собрание, Правительство РФ, Верховный Суд РФ, Конституционный Суд РФ, органы местного самоуправления, общественные объединения, граждане, должностные лица.

¹ Баглай М.В., Гуманов В.А. Малая энциклопедия конституционного права. М., 1998. С. 295.

Аналогично решается данный вопрос и в других странах (США, Франция, Италия).

Основными формами конституционно-правовой ответственности являются роспуск парламента или досрочный отзыв депутата, вето Президента на принятые парламентом законы, отрешение от должности президента, отставка правительства или отдельного министра и др. Рассмотрим механизм реализации этих форм, применяемый в современных странах.

Право досрочного отзыва депутата (иного представителя, избранного должностного лица) – это досрочное прекращение мандата лица путем голосования избравших его граждан или избравшего его органа (последнее бывает крайне редко, например, при многостепенных выборах в Китае). Оно обычно связывается с опытом тоталитарных социалистических государств. Это право отстаивал В.И. Ленин, считая его выражением подлинного демократизма. Оно было включено в первую и последующие советские конституции, в конституции других стран социализма. Однако это право возникло задолго до образования социалистических государств. Правда, до возникновения социалистических государств оно применялось только на местном уровне и на уровне субъектов федерации (например, в США). Распространение этого права избирателей по отношению к депутатам общегосударственного парламента в капиталистических странах категорически отвергалось, как отвергается и сейчас, в том числе в самых демократических государствах.

Право отзыва дает возможность избирателям осуществлять действенный контроль за своими избранниками. В странах тоталитарного социализма оно связывается с императивным мандатом депутата, с наказами избирателей. Наказы принимаются на общих собраниях избирателей (граждан, других избирательных единиц, например производственных коллективов, нижестоящих представительных органов в Китае при выдвижении кандидата) и становятся обязательными при утверждении их представительным органом, в состав которого входит избранный депутат. Предусматривается, что депутат, не выполняющий наказа избирателей, может быть отозван ими в соответствии с установленной законом процедурой. Вопрос об отзыве может быть поставлен лишь по инициативе определенного числа избирателей (обычно 25 %, в Японии – 20 % при отзыве депутата местного совета)¹. Решение принимается в том же порядке, в каком депутат избирался, но, как правило, тайным голосованием. В некоторых странах решение избирателей, принятое большинством избирателей данного депутата, имеет решающее значение, в других – оно рассматривается тем представительным органом, в состав которого входит депутат. Реше-

1. Енгибарян Р.В. Сравнительное конституционное право. Ростов-на-Дону, 2007. С. 376.

ние принимается этим представительным органом. Оценка выполнения наказов избирателей осуществляется с учетом того, зависело или не зависело такое выполнение от личной деятельности депутата (в подавляющем большинстве стран наказов, в том числе и депутатам местных органов, не существует, и отзыв зависит от оценки деятельности депутата, других обстоятельств).

В демократических странах отзыв парламентария не предусмотрен. Считается, что член парламента имеет свободный мандат. Он рассматривается как представитель всей нации (народа), общегосударственного корпуса избирателей, а не своего избирательного округа. Поэтому избиратели округа не могут давать ему обязательных наказов и не могут досрочно отзываться его, а отзыв одного депутата путем голосования избирателей всей страны (поскольку парламентарий – представитель всего народа) был бы явно нецелесообразным и не соответствовал бы порядку его избрания.

Отсутствие права отзыва парламентария не означает всякое отсутствие контроля избирателей за его деятельностью. Депутаты парламента регулярно посещают свои избирательные округа (в России для этого выделяется особое время в период сессии парламента, но это может осуществляться и осуществляется также в другое время), информируют население о своей работе, о деятельности законодательного органа.

Депутат может быть лишен мандата тем представительным органом, в состав которого он входит (например, за порочащие проступки, за систематическое неучастие в работе парламента). Под давлением прессы, общественного мнения депутат или иное избранное гражданами должностное лицо бывает вынужден уйти в отставку, что тоже является результатом контроля избирателей. Кроме того, считается, что провинившийся депутат будет наказан на следующих выборах: его кандидатура не будет выдвинута партией или поддержана избирателями, не соберет необходимого числа подписей для поддержки или необходимого числа голосов на выборах.

Еще одной формой конституционно-правовой ответственности парламента является отлагательное право президента (главы государства) при поспешных решениях парламента. Во многих странах (США, Германия, Франция, Мексика, Российская Федерация и др.) президент подписывает и обнародует принятые парламентом законы. При этом он может подписать закон, а может отказать это сделать, применив право вето. Этого в некоторых странах не бывает, хотя и по разным причинам. В тех развивающихся странах, где монарх обладает реальной властью, подписание закона становится формальностью: без предварительного согласия монарха в Иордании или Марокко парламента не осмелится принять закон. Эта формальность имеет место также в парламентской монархии и парламентской республике, где глава государства действует по совету правительства, а правительство – это лидеры партии (партий) большинства в парламенте.

Право вето главы государства имеет важное значение лишь в президентской и полупрезидентской республиках и обычно применяется в условиях, когда президент и большинство в парламенте принадлежат к разным партиям. При таких формах правления президент применяет вето довольно часто, так, например, со времени принятия Конституции США в этой стране президентское вето применялось более 1300 раз, в полупрезидентской республике Франции с 1958 г. оно применялось приблизительно один раз в три с половиной года.

Преодолеть право вето можно либо путем вторичного принятия закона абсолютным большинством парламента в каждой из палат на отдельных заседаниях (Чехия), либо таким же большинством на совместном заседании палат (Бразилия), причем в этом случае нужно учесть большое, а то и двух-, четырехкратное численное превосходство нижней палаты, либо квалифицированным большинством каждой из палат на отдельных заседаниях (Россия).

Практика свидетельствует, что нередко президентское вето преодолеть трудно, особенно при двухпартийной системе, да еще когда вследствие этого в парламенте разница между численностью представителей правящей партии и оппозиции сравнительно небольшая и требуемых 2/3 может не набраться. В США из 1300 случаев применения президентского вето оно было преодолено только в 63 (правда, следует учитывать, что использовалось и «карманное вето», когда у парламента вследствие закрытия сессии не было возможности преодолеть президентское вето)¹.

Президент как глава государства также несет ответственность за свои действия. Он отвечает за государственную измену, взяточничество, совершение других тяжких преступлений. Формы ответственности могут быть неодинаковыми.

Во-первых, возможен импичмент. По существу, это политическая ответственность перед парламентом. Импичмент (от англ. *impeachment* – порицание) – это предусмотренный конституционным законодательством ряда стран (как республиканских, например США, так и монархических, например Великобритания, Япония) особый порядок (процедура) привлечения к ответственности высших должностных лиц в государстве и судебного рассмотрения их дел по обвинению в нарушении конституции и совершении преступлений. Обычно нижняя палата парламента выдвигает обвинение, а верхняя палата решает в судебном порядке вопрос о виновности или невиновности. В ряде случаев обвинение выдвигают обе палаты парламента (например, во Франции) или любая из них (например, в ФРГ), а вопрос о виновности или невиновности решают конституционный (в ФРГ

1 Конституционное право США. Основные институты / Под ред. М.Ф. Чудакова. М., 2003. С. 94.

– Федеральный Конституционный суд) или верховный суд (во Франции – Высокий суд правосудия)¹.

Импичмент заключается в парламентском суде над президентом, но ответственность его заключается только в смещении с должности в случае установления вины. В дальнейшем судить президента за преступление будет суд общей юрисдикции как обычного гражданина. В этом случае обычно обвинение против президента возбуждает нижняя палата, а судит – верхняя (США, Россия). Если парламент однопалатный, то оба эти действия совершает одна палата, но решение об отрешении президента от должности (второе решение) принимается особенно высоким процентом голосов (3/4 на Украине). В России импичмент Конституцией крайне усложнен. Требуется создание особой комиссии, обязательно участие Конституционного и Верховного Суда, установлен определенный период (3 месяца) для принятия решения. Если срок истек, импичмент считается несостоявшимся.

Вообще импичмент применяется на практике достаточно редко. Тем не менее можно напомнить о том, что в США в 1974 г. президент Р. Никсон был вынужден уйти в отставку под угрозой применения импичмента в связи с так называемым уотергейтским делом, а в 1998–1999 гг. проходила процедура импичмента президента Б. Клинтона в связи с «делом Левински». Но в Сенате республиканские обвинители не смогли набрать необходимое (2/3 присутствующих) число голосов, и президент остался на своем посту². Проходили импичменты и в Бразилии в 1992 г. (но президент ушел в отставку, не ожидая решения), и в Венесуэле в 1993 г. Неудачной была попытка импичмента Президента в России в 1993 г.

Во-вторых, возможно предание президента суду Конституционного суда. В этом случае речь идет опять-таки только об отрешении от должности, уголовное же наказание затем установит суд общей юрисдикции (Италия, Венгрия, Болгария). Предаст президента суду Конституционного суда опять-таки парламент.

В-третьих, по постановлению парламента президента может судить особого рода суд, создаваемый только для этой цели. Таков Высокий суд правосудия во Франции, рассматривающий обвинение президента в государственной измене.

В-четвертых, президент может быть смещен на основе решения общегосударственного референдума. Эта возможность предусматривается в Австрии, Исландии, но не применялась, в Азербайджане она Конституци-

1 Енгибарян Р.В. Сравнительное конституционное право. Ростов-на-Дону, 2007. С. 411.

2 Конституционное право США. Основные институты / Под ред. М.Ф. Чудакова. М., 2003. С. 99.

ей не предусматривалась, но была применена для смещения президента А. Эльчибея в 90-х гг. В-пятых, президент может быть смещен с должности парламентом, например в Словакии, за действия, направленные против демократического строя, целостности государства большинством в 3/5 голосов. В Румынии, Азербайджане такое решение принимается большинством всего состава парламента, но затем выносится на референдум, который принимает окончательное решение¹.

Кроме того, имелись случаи добровольной (Чехия) и вынужденной отставки президента (США, Югославия, Азербайджан и др.).

Таким образом, досрочное прекращение выполнения своих обязанностей президентом по причине невозможности их выполнения может иметь место как по личному заявлению президента, так и помимо него, но при этом соответствующий орган (парламент, суд или специальная коллегия) должен установить такую невозможность и ее постоянный характер. Ушедший со своего поста президент лишается части своих привилегий, но частично может сохранять их или получать другие. В некоторых странах бывшие президенты становятся сенаторами (например, в Италии), членами конституционного совета (например, во Франции).

Наряду с президентом во многих странах есть вице-президент. Он избирается обычно в паре с президентом (при едином голосовании избирателей) либо в редких случаях назначается президентом (Египет). Иногда президент назначает двух и даже трех вице-президентов (первого вице-президента, второго вице-президента и т. д.). Это, однако, бывает лишь в странах Востока. Вице-президент самостоятельных полномочий по управлению государством не имеет. Он обычно выполняет поручения президента и замещает его при необходимости.

За свою деятельность правительство так же несет ответственность: политическую, гражданскую и уголовную (речь идет об ответственности при исполнении служебных обязанностей, за другие, общеуголовные преступления, проступки, правонарушения члены правительства несут ответственность как обычные граждане в соответствии с законом). Политическая ответственность правительства или отдельных министров состоит в том, что они обязаны уйти в отставку при выражении вотума недоверия, резолюции порицания и т. п. При солидарной ответственности уходит в отставку весь кабинет, при индивидуальной – только тот министр, которому выражено недоверие. Вопрос о том, какая форма ответственности будет применена, в одних странах решает сам кабинет (в Великобритании), в других – парламент (в Италии).

1 Чиркин В.Е. Конституционное право: Россия и зарубежный опыт. М., 1999. С. 285.

Гражданская ответственность означает возмещение ущерба, причиненного гражданам и юридическим лицам в результате деятельности правительства или министров, если при этом были нарушены законы. Возмещение осуществляется по решению суда в результате обращения потерпевшего в суд с гражданским иском. Наконец, существует и уголовная ответственность правительства, его членов за нарушение законов при исполнении служебных обязанностей. Во многих случаях ее формы аналогичны ответственности президента (импичмент, суд, осуществляемые одной из палат парламента, особый суд, специально образуемый парламентом, процесс, проводимый в конституционном суде). Уголовная ответственность всего состава правительства применялась в некоторых странах Африки (Сомали, Экваториальной Гвинеи и др.), правда, лишь после военного переворота и свержения этого правительства. Члены правительства в Италии, Японии подвергались уголовной ответственности за взяточничество и за неуплату налогов.

Правительство несет коллективную ответственность перед Парламентом. Коллективная ответственность предполагает уход Правительства во главе с премьер-министром в отставку при вотуме недоверия, являющемся актом неодобрения палатой общей политики Правительства. Кроме того, Парламент может проголосовать против политики в определенных областях или отдельных мер, предложенных Правительством. В этом случае оппозицией предлагается резолюция порицания, которая вносится довольно часто. Она может быть принята, если часть депутатов от правящей партии проголосует вместе с оппозицией. Вотум недоверия, вынесенный в отношении одного министра, как правило, рассматривается как отказ в доверии Правительству в целом.

Отказ Правительству в доверии, равно как и резолюция порицания, является важнейшим контрольным средством воздействия Парламента на политику Правительства.

Индивидуальная ответственность министров также признается в некоторых странах. В Великобритании исторической традицией является такая форма индивидуальной ответственности перед Парламентом министров, традиционно рассматриваемых в качестве «слуг Короны», как импичмент. Это специальная процедура, в соответствии с которой дела должностных лиц Короны об отставке решались в Палате общин, а затем в Палате лордов как судебной инстанции с соблюдением особой процедуры. В настоящее время этот институт утратил практическое значение. Индивидуальная политическая ответственность члена Правительства диктует необходимость его ухода в отставку в случае вынесения Палатой общин вотума недоверия в отношении данного лица¹.

1 Романов А.К. Правовая система Англии. М., 2000. С. 243.

Парламентская ответственность министра предполагает его ответственность за все действия подчиненных ему должностных лиц. Он ответственен как за ошибки вверенного ему аппарата, так и за действия чиновников, противоречащие его указаниям. Министр обязан согласовывать свою деятельность с политикой Правительства в целом. Если же он не согласен с правительственным курсом, то должен уйти в отставку добровольно.

Таким образом, институт политической ответственности министров и Правительства перед Парламентом представляет собой важнейший инструмент парламентского контроля.

Правительство очень часто несет солидарную ответственность либо перед главой государства, либо перед парламентом, либо перед тем и другим. Первое характерно для президентских республик, абсолютных и дуалистических монархий; второе – для парламентских республик и парламентских монархий; третье – для полупрезидентских республик. Солидарная ответственность правительства означает, что при неодобрении его политики или деятельности его отдельных членов уходят в отставку все члены правительства. Конкретными формами выражения такого неодобрения со стороны парламента является обычно вынесение им вотума недоверия и отказ в доверии, а со стороны главы государства – увольнение им правительства в отставку. Но политическая ответственность может носить и индивидуальный характер, когда в отставку уходит только тот член правительства, которому выражено недоверие или неодобрение. В ряде стран имеет место как солидарная, так и индивидуальная политическая ответственность. В Конституции Италии (ст. 95), например, говорится, что «министры коллегиально ответственны за действия Совета министров, индивидуально – за действия своих ведомств». Члены правительства в парламентских республиках и парламентских монархиях несут политическую ответственность и перед премьер-министром, а в президентских республиках – перед президентом, которые имеют право потребовать от каждого из них ухода в отставку.

В целом конституционная ответственность носит преимущественно политический характер. Только в определенных случаях эта ответственность требует наличия вины того или иного должностного лица, которая должна устанавливаться с соблюдением законных процессуальных правил.

Дивин И.М.,

председатель Арбитражного суда Республики Адыгея, заведующий кафедрой гражданского и арбитражного процесса Адыгейского государственного университета, д.ю.н., доцент

Концепция административной ответственности

Теоретическое осмысление содержания понятия административной ответственности вызывает немало споров и, прежде всего, это связано с отсутствием обособленного понятия административной ответственности в положениях КоАП РФ¹. Именно поэтому юридическая литература «богата» разнообразным количеством мнений и суждений на это счет.

Административная ответственность является одним из видов юридической ответственности. Однако, несмотря на наличие в теории права позитивного и негативного аспектов юридической ответственности, часто, при анализе административной ответственности, акцент делается на только на негативный аспект. Так, например, Е.В. Додин, рассматривая юридическую ответственность, подчеркивал, что позитивная ответственность не включает административную, поскольку она (ответственность) реализуется только как негативная².

В теории административного права имеет место так называемый «санкционный» подход, сторонниками которого выступают Д.Н. Бахрах, О.М. Якуба. В рамках данной точки зрения отмечается, что административная ответственность выражается в ответственность граждан и должностных лиц перед органами государственного управления, а в случаях, предусмотренных законодателем, – перед судом (судьями), общественными организациями за виновное нарушение общественных административно-правовых норм, реализуемое применением к нарушителям установленных санкций³.

Сходные воззрения излагаются и в учебной литературе. Так, административная ответственность рассматривается как реализация предусмотренных административным правом санкций, которая выражается в воплощении уполномоченными государственными органами административных наказаний⁴.

Думается, что подобные выводы делаются исходя из того, что административная ответственностью рассматривается как мера ответственности

1 См.: Звоненко Д.П., Малумов А.Ю., Малумов Г.Ю. Административное право. М., 2007. С. 80.

2 Додин Е.В. Понятие и виды оснований административной ответственности // Сборник научных трудов Киевской высшей школы МВД СССР. Киев, 1982. С. 26.

3 Мелехин А.В. Административное право Российской Федерации: Курс лекций / Подготовлен для системы «КонсультантПлюс», 2009.

4 Административное право: учебник. М., 2005. С. 277.

за прошлое противоправное поведение¹, однако подобная категоричность представляется не бесспорной.

Как нам представляется, позитивный аспект, хоть и не в столь явной форме, но все же присущ институту административной ответственности. И сущность его заключается в том, что сквозь призму первоначального негатива (имеется в виду административное наказание) прослеживается и превентивная цель: предупреждение совершения новых правонарушений. Вменяемая мера принудительного воздействия несет в себе в качестве позитивного аспекта влияние на психологическое отношение лица к совершенному правонарушению, где сквозь призму понесенного наказания формируется иное, «правильное» правосознание. Тем самым, усмотрев наличие позитивного и негативного аспектов при исследовании административной ответственности, предпримем попытку проанализировать подходы к ее (административной ответственности) пониманию.

Известна точка зрения, согласно которой административная ответственность определяется как вид государственного принуждения, выражающийся в применении административного наказания к субъектам права, совершившим административное правонарушение, виновность которых была установлена в процессе производства по делам об административных правонарушениях².

Согласно позиции Г.А. Кузьмичевой, административная ответственность – это способность лица в связи с совершением административного правонарушения претерпеть неблагоприятные последствия личного или имущественного характера, предусмотренные административно-правовой нормой и выраженные в виде административного наказания³.

По мнению А.Б. Агапова, административная ответственность есть мера принудительного воздействия, которая применяется к виновному в совершении административного правонарушения лицу. Сущность данного института выражается в некотором ограничении прав нарушителя или возложении на него дополнительных обязательств⁴.

О.Н. Ефремова административную ответственность рассматривает в качестве вида юридической ответственности, выражающейся в применении уполномоченным органом или должностным лицом административного взыскания к лицу, совершившему правонарушение⁵.

1 Шиндяпина М.Д. Стадии юридической ответственности. М., 1998. С. 6–7.

2 Липатов Э.Г., Филагова А.В., Чаннов С.Е. Административная ответственность: учебно-практическое пособие / под ред. С.Е. Чаннова. М., 2010.

3 Административное право России: учебник / Под ред. А.Л. Попова. М., 2009. С. 306.

4 Агапов А.Б. Административная ответственность. М., 2007. С. 131.

5 Ефремова О.Н. Понятие административной ответственности // Административное право. 2008. № 4.

Сквозь призму положений КоАП РФ Ю.М. Козлов определяет административную ответственность как назначение судьями, уполномоченными органами и должностными лицами предусмотренного КоАП наказания за административное правонарушение¹.

П.П. Серков приходит к выводу, что административная ответственность представляет собой комплексную правовую реакцию государства на проявление административной противоправности, содержащую материально-правовые основания и процессуальный порядок возбуждения, рассмотрения дел об административных правонарушениях, назначения и исполнения наказаний в целях возложения на правонарушителя обязанности претерпевания неблагоприятных последствий, установленных законодателем, или прекращения производства по делу в определенных законом случаях².

В юридической литературе имеет место также позиция отождествления административной ответственности с административным наказанием. Однако, как справедливо отмечают исследователи³, такое толкование существенно сужает границы административной ответственности.

Весьма распространенным в юридической среде является тезис, определяющий административную ответственность в качестве средства «правовой охраны, борьбы с особым видом нарушений – административными правонарушениями, опасность которых заключается в их значительной распространенности⁴».

Исследователи науки административного права наряду с понятием административной ответственности выделяют и ее признаки.

В частности, по мнению А.Л. Попова, данный институт характеризуют следующие отличительные черты:

- она наступает только в результате совершения административного правонарушения;
- данный вид ответственности выступает в качестве средства правоохраны;
- особый субъектный состав;
- цель воздействия – воспитание уважения к закону;

1 Комментарий к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях / Под ред. Ю.М.Козлова. М., 2002.

2 Серков П.П. Административная ответственность в российском праве: современное осмысление и новые подходы. М., 2012.

3 Неретин М.С. Административная ответственность и банковский надзор // Административное и муниципальное право. 2008. № 6.

4 Хаматова С.Х. Административно-правовое регулирование в сфере производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 153.

– порядок ее установления¹.

А.В. Заряев и В.Д. Малков, наряду с изложенными выше признаками, выделяют также урегулированность данного института нормами административного права и реализацию ее в виде государственного принуждения².

Довольно интересную специфику административной ответственности определяет Э.Н. Ренов. По мнению исследователя, данный институт характеризуют следующие специфические черты:

- официальное осуждение субъекта права;
- особый порядок привлечения к ответственности, воспринимаемый автором как «упрощенный»;
- уполномоченными по привлечению к административной ответственности выступают органы функциональной власти³.

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующее определение административной ответственности. Административная ответственность – это установленная государством мера принудительного воздействия, направленная на применение определенных санкций в отношении лица, виновного в совершении административного правонарушения.

Кривенкова М.В.,

заведующий кафедрой гражданского права и гражданского процесса
Набережночелнинского института Казанского (Приволжского)
федерального университета, к.ю.н., доцент

Определение соразмерности применения государством контрмер

Статья посвящена анализу норм международного права, а также практики международных судебных органов, устанавливающих критерии определения пропорциональности контрмер, принимаемых государством в ответ на нарушение иным государством своих обязательств. Аргументируется необходимость руководствоваться критериями, позволяющими объективно оценить характер действий потерпевшего государства, чтобы установить легитимность контрмер. Таковыми критериями следует считать размер причиненного правонарушением ущерба, характер международно-противоправного деяния и характер нарушенных прав.

Ключевые слова: контрмеры; санкции; международно-правовая ответственность; международно-противоправное деяние; государство.

1 Административное право: учебник / Под ред. Л.А. Попова. М., 2005.

2 Ювенальное право: учебник для вузов / Под ред. А.В. Заряева, В.Д. Малкова. М., 2005.

3 Рассмотрение арбитражными судами дел об административных правонарушениях. Обзор практики. Рекомендации / Под ред. Э.Н. Ренова. М., 2003.

Современное международное право допускает применение государством контрмер в ответ на нарушение иным субъектом международного права своих обязательств. Точного определения контрмер не содержится ни в одном международно-правовом акте. В Статьях об ответственности государств за международно-противоправные деяния, разработанных Комиссией международного права ООН, также не содержится определения данной правовой категории, однако, исходя из положений статьи 22, а также Главы второй Части третьей данного документа, можно сделать вывод, что контрмеры – это деяние, которое рассматривалось бы как противоправное в соответствии с международным правом, если бы не принималось в ответ на нарушение иным субъектом международного права своих обязательств.

Стоит особо подчеркнуть, что понятие «контрмера» не тождественно понятию «санкция» и не является ее разновидностью, несмотря на то, что ранее данные термины использовались в качестве синонимов. Между санкциями и контрмерами имеется существенное отличие – контрмеры принимаются непосредственно пострадавшим государством в ответ на противоправное деяние другого государства, в то время как международные санкции являются мерой коллективного воздействия, принимаемой международной организацией, с целью принудить правонарушителя к исполнению своих обязательств из правоотношения ответственности. Контрмеры в литературе также называют «односторонними» и «горизонтальными» ответными действиями, поскольку данное отношение складывается непосредственно между потерпевшим государством и правонарушителем¹. Однако даже в ходе работы над проектом Статей об ответственности Комиссия международного права ООН долгое время использовала термин «санкции» для обозначения всех ответных мер потерпевших субъектов международного права.

С тем, чтобы обеспечить применение контрмер в пределах правового поля, а также с целью ограничения злоупотребления правом государств на контрмеры, в Статьях об ответственности государств были закреплены условия и основания их применения.

Одним из наиболее важных критериев определения законности применяемых потерпевшим государством ответных мер является их пропорциональность. Требование о пропорциональности контрмер, закрепленное в ст. 51 Статей об ответственности государств, появилось в Статьях об ответственности государств, в том числе благодаря практике международных судебных органов. В частности, в рамках международного арбитража 1978 г. по спору между Францией и США о воздушных перевозках

1 Курдюков Г.И. Контрмеры в международном праве и условия их применения // Ученые записки КГУ. Т. 133. 1998. С. 131.

довольно подробно рассматривался вопрос о пропорциональности принятых США запретительных мер¹. Однако в своем решении по данному делу арбитраж подчеркнул, что определение пропорциональности контрмер является довольно сложной задачей и потому может быть лишь приблизительным. Как подчеркивал И.И. Лукашук, в таком выводе арбитража нет ничего удивительного, поскольку многое зависит от обстоятельств конкретного дела, однако такая приблизительность может породить злоупотребление контрмерами².

Следовательно, несмотря на то, что пропорциональность является оценочной правовой категорией, при решении вопроса о правомерности контрмер следует учитывать соразмерность данных ответных мер, основываясь на единых, общих для всех критериях. Учитывая положения Статей об ответственности государств, а также исходя из анализа международной судебной практики, можно сделать вывод о том, что целесообразно основываться на объеме причиненного потерпевшему государству ущерба, а также на характере нарушенных прав и виде международного правонарушения. Такой вывод можно сделать, в частности, из анализа решения Международного суда ООН по делу о проекте «Габчиково-Надьмарош», в котором Суд указал на непропорциональность мер, предпринятых Чехословакией в отношении Венгрии³.

Зачастую возникает вопрос о возможности и целесообразности применения принципа взаимности как критерия пропорциональности контрмер. Взаимность как в международном публичном, так и в международном частном праве играет, бесспорно, важную роль в построении межгосударственных отношений. И применение данного принципа при определении пропорциональности контрмер, возможно, будет эффективным, когда, к примеру, имеет место нарушение двустороннего обязательства. Подобное мнение встречается, в частности, в практике международных судебных органов. Так, по делу о применении временного Соглашения от 13.09.1995 г. (Бывшая Югославская Республика Македония против Греции) судья Зимма выразил отдельное мнение в отношении принятого 05.12.2011 г. Междуна-

1 Air Service Agreement of 27 March 1946 between the United States of America and France // Reports of International Arbitral Awards. Vol. XVIII. Pp. 417-493. URL: http://legal.un.org/docs/?path=../riaa/cases/vol_XVIII/417-493.pdf&lang=О (дата обращения: 24.10.2017).

2 Лукашук И.И. Право международной ответственности. М.: Волтерс Клувер, 2004. С. 340.

3 Решение Международного суда ООН от 25 сентября 1997 года (Венгрия против Словакии) // Краткое изложение решений, консультативных заключений постановлений Международного Суда 1997-2002 года. Нью-Йорк, 2006. С. 1-15. URL: http://legal.un.org/icjsummaries/documents/russian/st_leg_serf1_add2.pdf (дата обращения: 25.10.2017).

родным Судом ООН решения. Он указал на то, что в международном праве принцип взаимности еще держится на плаву и при применении различных способов самозащиты служит главным средством, с помощью которого государства могут добиваться отстаивания своих прав. Этот принцип, по его мнению, особенно наглядно проявляется в сфере функционирования международно-правовых механизмов применения санкций, включая, среди прочего, контрмеры и взаимный отказ от выполнения договора¹.

Однако при решении вопроса о пропорциональности контрмер применение принципа взаимности не всегда приемлемо. В частности, в тех случаях, когда имеет место нарушение прав человека, нарушение императивных норм международного права, норм международного права, регулирующих многосторонние отношения. Нарушение данных норм осуществляется в отношении не одного государства, а группы государств или международного сообщества в целом. Следовательно, применение зеркальных ответных мер потерпевшим государством будет наносить ущерб не только государству-правонарушителю, но и иным государствам, входящим в данную группу.

В зарубежной литературе также обращается внимание на то, что критерий взаимности (или критерии «око-за-око») может быть использован при решении вопроса о пропорциональности контрмер. Однако он прямо противоречит иному критерию «средства-цель», который представляется более адекватным характеру данных правоотношений, т. к. законность контрмер зависит напрямую от целей их применения. На необходимость соизмерения применяемых контрмер с их целями (прекращение противоправного деяния и возмещение) указывается и в отечественной литературе². По сути, критерий «средства-цель» базируется на определении приемлемости средств достижения цели контрмер. Следовательно, вопрос о соразмерности напрямую зависит от законности поставленной цели контрмеры, прибегнуть к которой вполне допустимо, если ее цель законна³.

Полагаю, такой подход является наиболее правильным, поскольку контрмеры не должны носить карательный характер. Они должны применяться не с целью наказания правонарушителя, а для побуждения его

1 Решение Международного Суда от 5 декабря 2011 года по делу о применении временного Соглашения от 13 сентября 1995 года (Бывшая Югославская Республика Македония против Греции) // Краткое изложение решений, консультативных заключений и постановлений Международного Суда 2008-2012 годы. URL: http://legal.un.org/icjsummaries/documents/russian/st_leg_serf1_add5.pdf (дата обращения: 24.10.2017).

2 Кешнер М.В. Контрмеры и санкции как инструменты имплементации международной ответственности государств // Вестник ТИСБИ. 2012. № 1 (49). С. 124.

3 David Kretzmer. The Inherent Right to Self-Defence and Proportionality in Jus Ad Bellum // European Journal of International Law. Volume 24. Issue 1. 1 February 2013. P. 237. URL: <https://doi.org/10.1093/ejil/chs087> (дата обращения: 23.10.2017).

к выполнению своих международных обязательств. Потерпевшая сторона не должна руководствоваться стремлением осуществить возмездие, а принимаемые ею меры не должны наносить ущерб международному миру и безопасности. Поэтому контрмеры ни при каких обстоятельствах не должны сводиться к применению силы, о чем прямо указано и в Статьях об ответственности государств, и в многочисленных комментариях государств к статьям.

Таким образом, при определении соразмерности применяемых государством контрмер в отношении правонарушителя необходимо руководствоваться критериями, позволяющими объективно оценить характер действий потерпевшего государства, чтобы установить легитимность контрмер. В первую очередь необходимо руководствоваться критерием размера причиненного правонарушением ущерба. Помимо данного критерия следует также учитывать характер международно-противоправного деяния (его тяжесть) и права, затронутые правонарушением.

Список источников:

1. Кешнер М.В. Контрмеры и санкции как инструменты имплементации международной ответственности государств // Вестник ТИСБИ. 2012. № 1 (49). С. 122–127.
2. Курдюков Г.И. Контрмеры в международном праве и условия их применения // Ученые записки КГУ. Т. 133. 1998. С. 130–137.
3. Лукашук И.И. Право международной ответственности. М.: Волтерс Клувер, 2004. С. 340.
4. Решение Международного Суда от 5 декабря 2011 года по делу о применении временного Соглашения от 13 сентября 1995 года (Бывшая Югославская Республика Македония против Греции) // Краткое изложение решений, консультативных заключений и постановлений Международного Суда 2008–2012 годы. URL: http://legal.un.org/icsjsummaries/documents/russian/st_leg_serf1_add5.pdf (дата обращения: 24.10.2017).
5. Решение Международного суда ООН от 25 сентября 1997 года (Венгрия против Словакии) // Краткое изложение решений, консультативных заключений постановлений Международного Суда 1997–2002 года. Нью-Йорк, 2006. С. 1–15.
6. URL: http://legal.un.org/icsjsummaries/documents/russian/st_leg_serf1_add2.pdf (дата обращения: 25.10.2017).
7. Air Service Agreement of 27 March 1946 between the United States of America and France // Reports of International Arbitral Awards. Vol. XVIII. Pp. 417–493. URL: http://legal.un.org/docs/?path=../riaa/cases/vol_XVIII/417-493.pdf&lang=О (дата обращения: 24.10.2017).

8. David Kretzmer. The Inherent Right to Self-Defence and Proportionality in Jus Ad Bellum // European Journal of International Law. Volume 24. Issue 1. 1 February 2013. P. 235–282. URL: <https://doi.org/10.1093/ejil/chs087>.

Мезяев А.Б.,

заведующий кафедрой конституционного и международного права УВО
«Университет управления «ТИСБИ», д.ю.н., профессор

Международно-правовые проблемы санкций в отношении Корейской Народно-Демократической Республики

В статье рассматриваются международно-правовые проблемы применения принудительных мер Советом Безопасности ООН, в частности, проблемы применения так называемых «санкций» в отношении Корейской Народно-Демократической Республики. Так, вызывает серьезные вопросы правовые основания для установления ситуации «угрозы миру» и «нарушения мира». Обоснования, приводимые в резолюциях совета Безопасности ООН №№ 825 (1993), 1540 (2004), 1695 (2006), 1718 (2006), 1874 (2009), 1887 (2009), 2087 (2013), 2094 (2013), 2270 (2016), 2321 (2016), 2356 (2017), 2371 (2017) и 2375 (2017), не в полной мере отвечают на вопрос как о фактических, так и международно-правовых основаниях тех мер, которые предписаны государствам-членам ООН в качестве обязательных мер по отношению к КНДР.

Ключевые слова: международное право; Совет Безопасности ООН; принудительные меры; санкции; КНДР; угроза миру; международный мир и безопасность.

В последние годы Совет Безопасности ООН (СБ ООН) все более активно принимает резолюции по применению санкций. Эта «санкционная» политика главного органа ООН по поддержанию международного мира и безопасности (статья 24 Устава ООН), с одной стороны, является необходимой и действенной, однако, с другой стороны, довольно часто вызывает весьма обоснованную критику как политического, так и чисто правового характера.

Так, например, возникают проблемы положения населения страны, подвергающейся санкциям, в том числе наиболее уязвимых его слоев. Особую проблему составляет положение третьих государств, которые испытывают на себе последствия санкций.

В декабре 1999 года Генеральная Ассамблея ООН приняла Резолюцию 54/107 «Осуществление положений Устава Организации Объединенных Наций, касающихся помощи третьим государствам, пострадавшим от

применения санкций». В этой резолюции ГА ООН обратилась к Совету Безопасности рассмотреть вопрос о внедрении в установленном порядке дополнительных механизмов и процедур для проведения в кратчайшие возможные сроки консультаций на основании статьи 50 Устава ООН с третьими государствами, которые сталкиваются или могут столкнуться со специальными экономическими проблемами, вытекающими из осуществления превентивных или принудительных мер, введенных Советом на основании главы VII Устава. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН по тому же вопросу от 2 декабря 2004 года содержит просьбу к Совету Безопасности, его комитетам по санкциям и Секретариату обеспечивать, чтобы как доклады, содержащие предварительную оценку, так и доклады с изложением текущей оценки включали в качестве части их анализа информацию о вероятных и реальных непредвиденных последствиях санкций для третьих государств и рекомендации относительно путей смягчения негативных последствий санкций. В то же время до настоящего времени никаких серьезных решений по данному вопросу не принято.

В то же время влияние санкций на экономику отдельных государств весьма существенно. Так, например, в интервью газете *Die Welt* министр иностранных дел Кипра Иоаннис Касулидис заявил, что «экономические санкции Европейского Союза в отношении России могут уничтожить экономику Кипра»¹. Впрочем, санкции ЕС относятся к иному разряду принудительных мер – явно выходящих за пределы полномочий Европейского Союза и, скорее, нарушающих нормы международного права, нежели соответствующие им. Впрочем, о такого рода санкциях Председатель Правительства РФ высказался следующим образом: «Идет борьба за политическое влияние, за природные ресурсы, за рынки сбыта, за контроль над ключевыми торговыми маршрутами. Более того, некоторые государства используют односторонние санкции для получения конкурентных преимуществ»².

В настоящей статье мы рассмотрим лишь те санкции, которые вводятся в качестве принудительных мер в соответствии с международным правом, а именно договорными обязательствами государств по Уставу Организации Объединенных Наций. В то же время следует подчеркнуть, что право Совета Безопасности ООН на применение таких мер еще не означает, что любые такие меры автоматически соответствуют международному праву.

1 Санкции против России уничтожат экономику Кипра, заявил МИД страны. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://ria.ru/world/20140416/1004129772.html> (дата обращения: 15.10.2017).

2 Медведев объяснил, зачем некоторые государства вводят санкции. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.spb.kp.ru/daily/26765.7/3796478/> (дата обращения: 12.12.2017).

Несмотря на активное применение санкций, до сих пор не решены многие проблемы, связанные с правовыми основаниями для введения и отмены санкций. Особо сложные вопросы ставит целая серия резолюций о введении санкций в отношении Корейской Народно-Демократической Республики (КНДР).

В отношении КНДР был принят целый ряд резолюций Совета Безопасности, в частности резолюции №№ 825 (1993), 1540 (2004), 1695 (2006), 1718 (2006), 1874 (2009), 1887 (2009), 2087 (2013), 2094 (2013), 2270 (2016), 2321 (2016), 2356 (2017), 2371 (2017) и 2375 (2017) и другие, которые вводили принудительные меры («санкции») самого разнообразного характера.

Первоначально Совет Безопасности потребовал от Корейской Народно-Демократической Республики приостановления всех видов деятельности, которая связана с созданием баллистических ракет, а все остальные государства – предотвращать для Северной Кореи передачу «ракет и связанных с ракетами предметов, материалов, товаров и технологий по созданию ракет или оружия массового уничтожения».

Постепенно санкционный режим становился все более жестким. Так, например, Резолюция 2094 (2013) запретила государствам-членам ООН оказание государственной финансовой поддержки торговле с КНДР (включая предоставление экспортных кредитов, гарантий или страхования своим гражданам или юридическим лицам, занятым в такой торговле). Данный запрет был «привязан» условием, «когда такая финансовая поддержка может способствовать ядерной программе КНДР или ее программе по баллистическим ракетам, либо другой деятельности, запрещенной резолюциями СБ ООН». Все государства обязывались досматривать «находящийся на их территории или следующий транзитом через нее груз, который происходит из КНДР, либо который предназначается для КНДР, либо оформлен при брокерстве или посредничестве КНДР, или ее граждан, или действующих от их имени физических или юридических лиц».

Резолюция призвала государства запрещать любому воздушному судну в разрешении на взлет со своей территории, посадку на этой территории или пролет над ней, если у них имеется информация, которая дает разумные основания полагать, что на борту этого судна есть предметы, чья поставка, продажа, передача или экспорт запрещена резолюциями СБ ООН¹.

Наконец, Резолюция СБ ООН № 2321 от 30 ноября 2016 года и Резолюция СБ ООН № 2371 от 5 августа 2017 года установили весьма жесткий режим санкций, который предусматривает, в частности, запрет на продажу

1 Резолюция 2094 (2013), принятая Советом Безопасности на его 6932-м заседании 7 марта 2013 года // <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N13/253/08/PDF/N1325308.pdf?OpenElement> (дата обращения: 15.12.2017).

многих полезных ископаемых (например, железа и железной руды, а также угля) и заморозил счета ряда ведущих банков КНДР.

Однако возникает серьезный вопрос о правовых основаниях, которые стали причиной введения санкций в отношении Корейской Народно-Демократической Республики?

Среди таких оснований называлось испытание КНДР ядерного оружия. В связи с ядерными испытаниями КНДР Совет Безопасности принял четыре резолюции: №№ 1718 (2006), 1874 (2009), 2094 (2013) и 2270 (2016). Анализируя аргументы СБ, можно выделить следующие основания, на основе которых СБ ООН ввел санкции:

- 1) ядерные испытания;
- 2) запуски спутников.

Эти основания были определены как «угроза международному миру и безопасности» (в девятом пункте преамбулы и пункте 1 постановляющей части резолюции 1718 (2006), восьмом пункте преамбулы резолюции 1874 (2009), седьмом пункте преамбулы резолюции 2094 (2013) и одиннадцатом пункте преамбулы резолюции 2270 (2016).

Однако возникает вопрос: каковы правовые основания для такой квалификации испытаний ядерного оружия? Следует обратить внимание на то, что нигде в соответствующих нормах международного права, включая Устав ООН, резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, договоры о нераспространении ядерного оружия, всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, нет ни одного упоминания о ядерных испытаниях как «угрозе международному миру и безопасности». Тем более не удастся найти аналогичных упоминаний в договорах по международному космическому праву (в отношении запуска спутников).

В этой связи интересно отметить, что в своем консультативном заключении о законности применения ядерного оружия Международный Суд ООН заявил, что в современном международном праве нет соответствующей нормы, которая бы прямо запрещала или разрешала такие действия. Обратим внимание: главный судебный орган ООН не сделал вывода о том, что применение ядерного оружия запрещено международным правом. Конечно, важно понимать, каковы были причины, заставившие МС ООН сделать именно такой вывод. Однако для целей настоящего анализа нам важен именно факт отсутствия прямого и недвусмысленного международно-правового запрета на применение ядерного оружия. В этой ситуации сложно говорить о том, что в современном международном праве имеется норма обычного права о противоправности испытаний ядерного оружия.

Даже если предположить, что Международный Суд ошибся в своих выводах (к чему имеются определенные основания), то Совет Безопасности никоим образом не сослался на норму обычного права. Напротив, была подчеркнута применимость именно договорной нормы (в существовании

которой сомнений нет). Однако в этом случае аргумент также не убедителен: выход КНДР из договорной нормы был осуществлен в полном соответствии как с нормами и самого договора, так и положений Венской конвенции о праве международных договоров, и потому вновь юридически не может быть признана в чем-либо виновной.

Вторая проблема, внимание к которой привлек членов Совета Безопасности ООН постоянный представитель Корейской Народно-Демократической Республики при ООН, который в своем письме задал Секретариату ООН вопрос о том, что даже если предположить, что испытания ядерного оружия юридически представляют собой «угрозу миру», то почему СБ ООН «ни разу не признал это проблемой и не ввел санкций в отношении Соединенных Штатов Америки и ряда других государств, которые осуществили более двух тысяч ядерных испытаний»? Постоянный представитель КНДР при ООН отметил, что «если в ответ на данный вопрос не будет дано убедительного юридического разъяснения, то будет сделан вывод о том, что Совет Безопасности превысил свои полномочия ... и прибегнул к двойным стандартам, недобросовестно подводя к применению ст. 39 Устава Организации Объединенных Наций»¹.

Таким образом, следует отметить наличие существенных проблем в правовом обосновании введения санкций в отношении КНДР. Данные проблемы имеют важное значение не только в отношении ситуации вокруг Корейской Народно-Демократической Республики, но и для международного права в целом.

Мифтахов Р.А.,

доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Казанского филиала РГУП, к.ю.н.

Ужесточение и смягчение административной ответственности как способы достижения целей административного наказания (на примере санкций, устанавливаемых для юридических лиц)

Статья посвящена анализу конкретных примеров ужесточения или смягчения санкций за административные правонарушения и исследованию влияния таких инициатив на достижение целей административного наказания. В статье также приводятся данные изменений с момента принятия КоАП РФ по сегодняшний день, касающиеся административной ответственности юридических лиц.

¹ Письмо Постоянного представителя Корейской Народно-Демократической Республики при Организации Объединенных Наций от 23 мая 2016 года на имя Генерального секретаря. Документ ООН: A/70/897-S/2016/465 от 24 мая 2016. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://undocs.org/ru/A/70/897> (дата обращения: 15.10.2017).

Ключевые слова: административная ответственность; ужесточение санкций; смягчение санкций; задачи законодательства об административных правонарушениях; цели административного наказания; привлечение к ответственности субъектов малого и среднего предпринимательства.

Miftakhov R.L.

The tightening and mitigation of administrative responsibility as a means of achieving the goals of administrative punishment

The article is devoted to the analysis of concrete examples of the tightening and mitigation of the sanctions for administrative offences and the study of the influence of these initiatives on achieving the goals of administrative punishment. The article also shows data changes since the adoption of the administrative code of the Russian Federation to the present day, concerning the administrative liability of legal entities.

Keywords: administrative responsibility; the tightening of punishments; easing of punishments; the objectives of the legislation on administrative offences; the goals of administrative punishment; the liability of subjects of small and medium business.

Устойчивое развитие экономических отношений является одной из важнейших функций государства и заключается в создании условий, в том числе общих правил, деятельности основных участников этих отношений. Объективная необходимость государственного регулирования рыночных отношений проистекает из ограниченности возможностей рынка, а также из наличия негативных последствий функционирования рыночной экономики, что в большей степени интересует административистов.

Функционирование рыночной экономики обеспечивает предпринимательское сообщество. Под предпринимательской деятельностью мы понимаем самостоятельную, осуществляемую на свой риск деятельность, направленную на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке. Ключевой характеристикой предпринимательства здесь является деятельность, направленная на систематическое получение прибыли.

«Капитал боится отсутствия прибыли или слишком маленькой прибыли, как природа боится пустоты. Но раз имеется в наличии достаточная прибыль, капитал становится смелым. Обеспечьте 10 процентов, и капитал согласен на всякое применение, при 20 процентах он становится оживленным, при 50 процентах положительно готов сломать себе голову, при 100 процентах он попирает все человеческие законы, при 300 процентах нет такого преступления, на которое он не рискнул бы, хотя бы под стра-

хом виселицы»¹. Высказывание английского публициста XIX века Томаса Джозефа Даннинга остается весьма актуальным.

Таким образом, априори хозяйствующий субъект экономической деятельности, исходя из природы самого предпринимательства, ради извлечения прибыли готов задействовать любые средства. Действуя подобным образом, предприниматели, исходя лишь из собственных интересов, могут причинять ущерб интересам общественным. Более того, кроме предпринимательского сообщества, существуют лица, которые пользуясь либеральными началами рыночной экономики, занимаются псевдопредпринимательской деятельностью, которая еще в большей степени причиняет ущерб другим частным и публичным интересам.

Для защиты различных сфер общественных интересов требуется внешнее регулирование экономических отношений. Такое регулирование является важнейшей функцией государственного управления.

В целом рынок – это саморегулирующаяся система, которая способна эффективно функционировать без прямого вмешательства государства. Однако как и любое социально-экономическое явление рынок противоречив, а поэтому содержит в себе и ряд негативных свойств². Наличие у рыночного механизма существенных недостатков приводит к необходимости его регулирования, главным образом путем вмешательства государства в экономическую жизнь.

Механизм и средства воздействия государства на экономику могут быть самыми разными, а их применение зависит от множества факторов. Одним из главных механизмов обеспечения реализации этих экономических инструментов является институт административной ответственности. И коль скоро мы говорим о субъектах экономической деятельности, эта ответственность главным образом касается юридических лиц.

Под административной ответственностью мы понимаем предусмотренную законодательством правовую ответственность за совершенное административное правонарушение, связанное с применением административного наказания (санкции).

Административная ответственность как институциональное явление призвана обеспечивать защиту личности, охрану прав и свобод человека и гражданина, охрану здоровья граждан, санитарно-эпидемиологического благополучия населения, защиту общественной нравственности, охрану окружающей среды, установленного порядка осуществления государственной власти, общественного порядка и общественной безопасности,

1 Т.Д. Даннинг, цит. соч. С. 35, 36.

2 Экономическая теория (Общие основы): курс лекций / Головачев А.С., Головачева И.В., Лутохина Э.А. 2-е издание. Мн.: Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2005. 144 с.

собственности, защиту законных экономических интересов физических и юридических лиц, общества и государства от административных правонарушений, а также предупреждение административных правонарушений¹.

Понятно, что всякие ограничения должны отвечать задаче обеспечения свободы в сфере экономики и устанавливаться лишь с целью решения задач обеспечения баланса интересов участников рынка и защиты интересов слабой стороны. К сожалению, законодательство формируется в значительной степени бессистемно, что предопределено отсутствием четкой правовой политики, неопределенностью задач и способов их решения, в том числе в области обеспечения свободы предпринимательства, бизнеса. Хотя в последнее время делаются попытки определить единый вектор развития в этом направлении.

В правовой литературе справедливо указывается, что свобода предпринимательской деятельности не безгранична. Она может быть ограничена и ограничивается. Как ограничения можно рассматривать установление любых обязательных правил и требований к предпринимательской деятельности, в том числе предусмотренных законодательством о техническом регулировании, о лицензировании, а также противопожарных, ветеринарных, санитарно-эпидемиологических, экологических и иных. Все эти меры ограничения направлены на защиту общественных интересов. Нарушение таких ограничений влечет за собой юридическую ответственность, как правило, в виде административного наказания. Институт административной ответственности выполняет роль инструмента обеспечения защиты публичных интересов.

В правовом регулировании административной ответственности имеются определенные тенденции, касающиеся оснований и порядка применения административных санкций к юридическим лицам.

Наблюдается существенное расширение оснований административной ответственности организаций, особенно в сфере экономической деятельности, а также усиление административных санкций, применяемых к хозяйствующим субъектам².

Административное наказание, как это предполагает законодательство, применяется в целях общей и частной превенции, т. е. предупреждения совершения новых правонарушений как самим правонарушителем, так и другими лицами³.

1 Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ, статья 1.2.

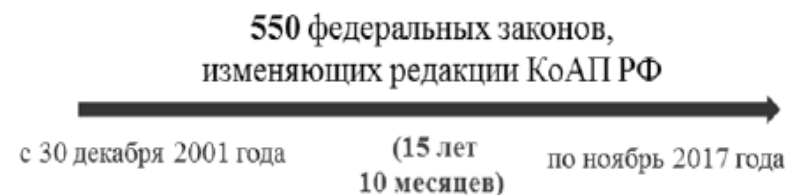
2 Селезнев В.А. Спорные вопросы законодательства об административной ответственности юридических лиц // Журнал российского права. 2014. № 11. С. 121–130.

3 Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ, статья 3.1.

Для законодательства в сфере административных правонарушений характерна динамичность. За период действия Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях принято 550 федеральных законов, изменяющих редакции Кодекса (рис. 1), только за 2016 г. их было 58.

Наибольшее количество федеральных законов, предусматривающих изменения норм КоАП РФ, принято в 2013 г. – 84 федеральных закона. Для сравнения: в КоАП РСФСР 1984 г. изменения и дополнения вносились в общей сложности 165 раз¹.

Рис. 1

Количество статей Раздела II Особенной части КоАП РФ увеличилось с 405 в 2002 году до 708 в 2017 году (рис. 2). Помимо увеличения количества статей важным показателем роли государственного регулирования деятельности хозяйствующих субъектов в этой области является рост числа составов административных правонарушений, предусматривающих ответственность юридических лиц. Их количество возросло с 292 в 2002 году до 1082 в 2017 году. При этом во вновь вводимых составах устанавливаются, как правило, достаточно серьезные санкции для юридических лиц в виде административного штрафа в размере до 60 млн руб. (рис. 2) Такие жесткие меры ответственности для многих хозяйствующих субъектов равнозначны «смертной казни». Налагаемые огромные административные штрафы могут вовсе уничтожить большую часть предпринимательского сообщества, что причинит неминуемый вред и предпринимателям, и экономике, и обществу в целом.

Однако нельзя говорить лишь об ужесточении положения хозяйствующих субъектов в вопросе административной ответственности.

Федеральным законом от 03.07.2016 № 316-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» введена норма о применении предупреждения как безальтернативной

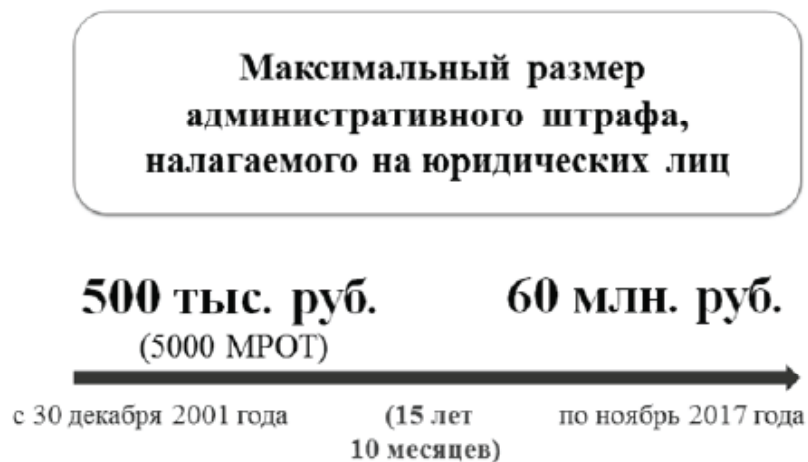
1 Комментарий к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях / Отв. ред. А.Ф. Ноздрачев. 2-е изд. М., 2010. С. 25.

санкции при выявлении административного правонарушения у предпринимателя в ходе проведения контрольно-надзорных мероприятий. Должностные лица уполномоченных государственных и региональных органов власти должны предупреждать хозяйствующего субъекта, если он относится к субъектам малого и среднего предпринимательства и соответствующее нарушение допущено впервые.

Рис. 2

Рис. 3

Норма-принцип, в которой речь идет о принципе равенства перед законом, дополнена частью 3 ст. 1.4 КоАП РФ, предусматривающая особенности административного реагирования на правонарушения субъектов малого и среднего предпринимательства.

Частью 3 дополнена статья 3.4 КоАП РФ «Предупреждение», в которой говорится о том, что, даже если административное предупреждение как мера воздействия на субъектов малого и среднего бизнеса не предусмотрено Разделом II КоАП РФ или соответствующим законом субъекта РФ, административный штраф может быть заменен на административное предупреждение по правилам статьи 4.1.1 в КоАП РФ.

Так, в соответствии со статьей 4.1.1 КоАП РФ являющимся субъектами малого и среднего предпринимательства лицам, осуществляющим предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, и юридическим лицам, а также их работникам за впервые совершенное административное правонарушение, выявленное в ходе осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля, в случаях, если назначение административного наказания в виде предупреждения не предусмотрено соответствующей статьей раздела II настоящего Кодекса или закона субъекта Российской Федерации об административных правонарушениях, административное наказание в виде административного штрафа подлежит замене на предупреждение при наличии обстоятельств, предусмотренных частью 2 статьи 3.4 настоящего Кодекса, за исключением случаев, предусмотренных частью 2 настоящей статьи.

Таким образом, законодатель использует такие методы юридической техники, как ужесточение и смягчение санкций в целях достижения целей административного наказания и решения задач законодательства об административных правонарушениях. Однако на современном этапе, к сожалению, еще нет таких статистических и социологических инструментов, которые могли бы дать объективную картину достигнутых результатов. В связи с этим законодательная деятельность в исследуемой сфере носит лишь экспериментальный характер, а не основан на эмпирическом опыте. Указанное обстоятельство не позволяет достоверно спрогнозировать будущее состояние правопорядка, чутко и своевременно реагировать на поведение субъектов административной ответственности.

Список литературы:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // СЗ РФ. 07.01.2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
2. Алексеев П.В., Панин А.В. Философия: учебник. М., 2015.
3. Губин Е.П. Государственное регулирование рыночной экономики и предпринимательства правовые проблемы. М., 2005.
4. Комментарий к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях / Отв. ред. А.Ф. Ноздрачев. 2-е изд. М., 2010.

5. Косолапов Р.И., Марков В.С. Свобода и ответственность. М., 1969.
6. Селезнев В.А. Спорные вопросы законодательства об административной ответственности юридических лиц // Журнал российского права. 2014. № 11.
7. Экономическая теория (Общие основы): курс лекций / Головачев А.С., Головачева И.В., Лутохина Э.А. 2-е издание. Мн.: Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2005.

Самович Ю.В.,

профессор кафедры государственно-правовых дисциплин
Казанского филиала РГУП, д.ю.н., профессор

К вопросу о санкциях в международном праве

В статье автор в кратком варианте излагает теоретические концепции, касающиеся сути понятия «санкция», и останавливается на практической стороне вопроса – санкциях, предпринимаемых в рамках Устава ООН Советом Безопасности к государству-нарушителю.

Ключевые слова: санкции; международное право; Организация Объединенных Наций; Совет Безопасности.

Современное международное право приобретает в нашем обществе качественно новое содержание в связи с тем, что межгосударственная система является уже несравненно большим, нежели механической совокупностью государств. Необходимым юридическим средством, которое способно в должной мере обеспечивать выполнение норм международного права, является международно-правовая ответственность.

Институт международно-правовой ответственности все еще мало разработан, хотя важность его невозможно было бы отрицать. Отсутствие же возможности предпринять эффективные принудительные меры, а в некоторых случаях – вообще какие-либо меры к нарушителю, способно создать крайне опасную ситуацию даже для государств, не затронутых в конфликтах, не говоря уже о пределах дальнейшего поведения «неправой» стороны.

Дискуссии и конференции по данному вопросу ведутся достаточно долгое время, существует огромное количество различных точек зрения юристов-международников по поводу определений форм и способов ответственности, однако универсального нормативного акта в международном праве нет. Многие специалисты отмечают, что вопрос ответственности страдает слишком большой категоричностью, хотя на практике, при рассмотрении конкретных дел, суды исходят, прежде всего, из фактиче-

ских обстоятельств и часто берут на себя риск самостоятельного определения параметров должного поведения сторон.

В последнее время одним из интенсивно используемых средств воздействия на правонарушителя становятся международно-правовые санкции.

Если углубиться в историю, то понятие и формы санкций претерпели сильную трансформацию. Кельзен писал: «Если репрессалии и войну, типичные меры самопомощи, не рассматривать в качестве санкций... Социальный порядок, который мы называем общим международным правом, не может считаться правом в подлинном смысле этого слова»¹.

В международно-правовой доктрине середины XX века санкции (санкционное принуждение) относили к составляющей института международно-правовой ответственности. Профессор С.В. Черниченко, говоря о санкционных мерах принуждения, писал: «В зависимости от оснований их применений следует различать меры санкционного и несанкционного характера: первые – реакция на нарушение международного права, вторые – реакция на какие-либо обстоятельства, ситуации, действия, не нарушающие международное право»².

Профессор Г.И. Курдюков полагает, что, «в отличие от форм международно-правовой ответственности (материальной и нематериальной), санкции – это ответные принудительные меры, применяемые тогда, когда государство-правонарушитель добровольно и добросовестно не выполнило своих юридических обязанностей. Виды и объем санкций зависят от вида международно-правовой ответственности и, следовательно, от характера совершенного правонарушения и его вредных последствий»³.

Принято считать, что термин – «санкции» употребляется в основном в двух смыслах: во-первых, к санкциям относят любые меры, которые Совет Безопасности ООН предпринимает в рамках раздела VII Устава, а, во-вторых, это меры, которые предпринимаются в соответствии со ст. 41 Устава ООН («полный или частичный перерыв экономических отношений, железнодорожных, морских, воздушных, почтовых, телеграфных, радио или других средств сообщения, а также разрыв дипломатических отношений») и которые носят исключительно мирный характер.

Сама Организация поддерживает вторую трактовку и подчеркивает, что санкции – система невоенных мер, применяемых в отношении государства – нарушителя международного мира и безопасности.

1 Kelsen H. Principles of International Law. N.Y., 1952. P. 33.

2 Черниченко С.В. Теория международного права. В 2 т. Т. 1: Современные теоретические проблемы. М., НИМП, 1999. С. 246.

3 Курдюков Г.И. Международные экономические санкции (применение в практике Совета Безопасности ООН) // Марийский юридический вестник. 2001. № 4. С. 170-171.

За период с 1966 года Совет Безопасности ввел 26 режимов санкций в отношении следующих стран: Южная Родезия, Южная Африка, бывшая Югославия, Гаити, Ирак, Ангола, Сьерра-Леоне, Сомали, Эритрея, Либерия, Демократическая Республика Конго, Кот-д'Ивуар, Судан (2), Ливан, Корейская Народно-Демократическая Республика, Иран, Ливия (2), Гвинея-Бисау, Центральноафриканская Республика, Йемен, и Южный Судан, а также в отношении организации «Аль-Каида» и движения «Талибан» (2)¹.

Смысл санкций в оказании давления на государство или образование для достижения целей, установленных Советом Безопасности, без применения силы. Таким образом Совет Безопасности обеспечивает выполнение своих решений. В.А. Василенко отмечал, что международно-правовые санкции обычно предполагают достижение следующих взаимосвязанных целей: прекращение международного правонарушения; защиту права; восстановление права и обеспечение реализации ответственности субъекта-правонарушителя².

Формы санкций варьируются в зависимости от целей: от всеобъемлющих экономических и торговых санкций до более целенаправленных мер, таких как эмбарго на поставки оружия, запреты на поездки, финансовые ограничения и ограничения на торговлю сырьевыми товарами.

Целенаправленные санкции варьируют от блокирования финансовых активов отдельных лиц или групп в стране, против которой направлены санкции, до введения запретов на поездки для конкретных лиц, введения отдельных ограничений на международную торговлю и другие коммерческие операции, особенно на торговлю оружием и военной техникой, и любых других ограничений, которые, по мнению Совета Безопасности, могут принести желаемый результат. В настоящее время наблюдение за осуществлением санкций ведется независимыми экспертами. Эти эксперты отбираются с учетом их знаний, профессиональных навыков и опыта. Оценки проводятся в рамках поездок на места в страны и регионы, против которых направлены санкции, и путем применения других надлежащих методов расследования. Доклады и рекомендации групп экспертов направляются Совету Безопасности через его комитеты по санкциям³.

Учитывая сложность вопроса, Совет Безопасности создал Неофициальную рабочую группу по общим вопросам, касающимся санкций, которая представила Доклад, содержащий общие рекомендации для разработки, осуществления и оценки санкций и связанной с ними последующей деятельности, методы работы комитетов, методологические стандарты,

1 <https://www.un.org/sc/suborg/ru/sanctions/information>.

2 Василенко В.А. Международно-правовые санкции. Киев, 1982. С. 38.

3 Доклад Генерального секретаря «Осуществление положений Устава Организации Объединенных Наций, касающихся оказания помощи третьим государствам, пострадавшим от применения санкций». 62 сессия ГА. 2007 // http://dag.un.org/bitstream/handle/11176/266049/A_62_206-RU.pdf?sequence=5&isAllowed=y.

касающиеся наблюдения и обеспечения соблюдения, и формат докладов групп экспертов¹.

В частности, по мнению членов Неофициальной рабочей группы, в основные элементы эффективной разработки санкций, включая обеспечение их строго целенаправленного характера, должны входить оценка или оценка на ранних этапах, а также употребление стандартных формулировок и терминов.

В связи с этим Совету Безопасности рекомендовано:

а) при составлении текстов резолюций должным образом учитывать практическую осуществимость целенаправленных санкций и последствия их введения, а также наиболее оптимальное сочетание целенаправленных мер;

б) употреблять стандартные формулировки и термины и учитывать при принятии резолюций о санкциях ряд моментов (например, сферу применения санкций и др.).

При осуществлении режима санкций соответствующий комитет должен повышать эффективность соблюдения режима санкций путем осуществления целого ряда мер в виде сохранения приверженности и обеспечения национальной координации и оказания содействия в создании национального потенциала².

Благодаря такому предпринимаемому контролю, Совет Безопасности периодически находит недостатки в своей работе. В частности, и Совет Безопасности, и большое число государств и гуманитарных организаций выразили обеспокоенность в результате видимого неблагоприятного воздействия санкций на наиболее уязвимые слои населения, а также негативного воздействия на экономику третьих стран.

В этих целях Совет Безопасности рекомендует на регулярной основе собирать и сводить воедино информацию о международной помощи, доступной для третьих государств, пострадавших в результате осуществления санкций, и отмечает, что потребность в изучении практических и новаторских мер помощи пострадавшим третьим государствам существенно уменьшилась, поскольку применение целенаправленных санкций привело к значительному сокращению непредвиденных экономических последствий для третьих государств³.

1 Доклад Неофициальной рабочей группы Совета Безопасности по общим вопросам, касающимся санкций S/2006/997 // <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N06/685/08/PDF/N0668508.pdf?OpenElement>.

2 Там же.

3 Доклад Генерального секретаря «Осуществление положений Устава Организации Объединенных Наций, касающихся оказания помощи третьим государствам, пострадавшим от применения санкций». 62 сессия ГА. 2007 // http://dag.un.org/bitstream/handle/11176/266049/A_62_206-RU.pdf?sequence=5&isAllowed=y.

Оценка фактически имевших место отрицательных последствий санкций, которые испытали на себе третьи государства, была заменена проведением в каждом конкретном случае подробной оценки эффективности целенаправленных санкций и их отрицательных последствий для невинных гражданских лиц в государствах, являющихся и не являющихся объектами санкций¹.

Эффективность реализации режима санкций зависит от четкого мониторинга ситуации, происходящей на территории государства, в отношении которого конкретные санкции были применены.

В настоящее время действует 13 режимов санкций, направленных на поддержку политического урегулирования конфликтов, ядерного нераспространения и борьбы с терроризмом. Каждый режим санкций осуществляется под руководством определенного комитета по санкциям, возглавляемого одним из непостоянных членов Совета Безопасности. В поддержку комитетов по санкциям действуют 9 разнообразных групп по наблюдению².

Учитывая тот факт, что санкции по своим последствиям, как правило, превышают объем и характер причиненного вреда и применяются в одностороннем порядке, без предварительного согласования с государством-правонарушителем, Совет Безопасности уделяет большое внимание процедуре открытости, смягчения и снятия санкций и соблюдения прав тех, против кого они применяются. Для этого был создан контактный центр для приема просьб об исключении из перечня (подробное описание процедуры для петиционеров, которые хотели бы обратиться с просьбой об исключении из перечня, было регламентировано в Резолюции 1730 (2006))³.

Список литературы:

1. Василенко В.А. Международно-правовые санкции. Киев, 1982. 230 с.
2. Доклад Генерального секретаря «Осуществление положений Устава Организации Объединенных Наций, касающихся оказания помощи третьим государствам, пострадавшим от применения санкций». 62 сессия ГА. 2007 // http://dag.un.org/bitstream/handle/11176/266049/A_62_206-RU.pdf?sequence=5&isAllowed=y.
3. Доклад Неофициальной рабочей группы Совета Безопасности по общим вопросам, касающимся санкций S/2006/997 // <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N06/685/08/PDF/N0668508.pdf?OpenElement>.

1 Там же.

2 <https://www.un.org/sc/suborg/ru/sanctions/information>.

3 <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N06/671/33/PDF/N0667133.pdf?OpenElement>.

4. Курдюков Г.И. Международные экономические санкции (применение в практике Совета Безопасности ООН) // Марийский юридический вестник. 2001. № 4. С. 170-176.
5. Резолюция 1730 (2006), принятая Советом Безопасности на его 5599-м заседании 19 декабря 2006 года // <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N06/671/33/PDF/N0667133.pdf?OpenElement>.
6. Kelsen H. Principles of International Law. N.Y. Publishing House Rinehart, 1952. 461 p.
7. Черниченко С.В. Теория международного права. В 2 т. Т. 1: Современные теоретические проблемы. М., НИМП, 1999. 336 с.

неблагоприятные для правонарушителя (меры государственного принуждения, меры юридической ответственности, наказания).

Этимологически понятие «санкция» восходит к латинскому слову *sanctus* («святой, освященный»), семантика которого близка смысловому значению краткой формулы наказания *sacer esto* («Да будет священным»), понять которую, как в свое время заметил еще В.С. Соловьев, современному человеку, «знающему по-латыни, но незнакомому с древностями» «под влиянием новейших понятий», невозможно. По этому поводу в очерке «Право и нравственность» он писал: «Если современный человек... прочтет в законе XII таблиц при обозначении какого-нибудь преступления, например ночной кражи плодов, такую краткую формулу наказания: *sacer esto*, то он... не сразу догадается, что это собственно значит: да будет зарезан, или да подлежит закланию. Во всяком случае, такая омонимия покажется ему очень странной. Между тем тут не было вовсе никакой омонимии, т. е. употребления одного слова для различных понятий, одному слову здесь отвечало одно понятие, так как в известную эпоху под освящением, когда дело касалось живых существ, ничего другого и не мыслилось, кроме предустановленного умерщвления. Вообще освящать значило: из суммы однородных предметов (людей, животных, плодов и т. д.) отделять некоторые, чтобы отдать их божеству. Первоначальный, коренной способ этого отдавания состоял в жертвоприношении, то есть в торжественном истреблении отделенных предметов, что и было их окончательным освящением. Оснований, по которым именно такие и эти, а не другие, предметы подлежали освящению, или истреблению, было много; главные из них были двоякого рода: естественные, каково первородство (приносились в жертву первенцы людей и скота, начатки плодов и т. д.), и социальные, в силу которых приносились в жертву чужеземцы (что было особенно лестно для национального божества), военнопленные и преступники. Так как нормы общежития теснейшим образом связывались с богопочитанием, как прямые выражения высшей воли, то всякое нарушение этих норм понималось как оскорбление божества, которому нарушитель и выдавался головой: *sacer esto!*»¹.

Итак, религиозная форма санкции обеспечивала принудительную силу закона. Однако религиозное содержание санкции закона уже при последних царях, и особенно в эпоху ранней Республики, начинает постепенно уходить на второй план, то есть становится лишь внешней формой. Так произошло, например, с религиозной санкцией *consecratio*, то есть посвящением имущества преступника богам, которое республиканский период

¹ Собрание сочинений Владимира Сергеевича Соловьева / Под ред. и с примечаниями С.М. Соловьева т. Э.Л. Радлова. Том восьмой. С.-Петербург. Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», 1914. С. 576–577.

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ САНКЦИЙ В ЧАСТНОПРАВОВОЙ СФЕРЕ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Аксенова О.В.,

доцент кафедры гражданского права Казанского филиала РГУП, к.ю.н.

Категория «санкция» в римской правовой традиции

В статье рассматривается формирование и развитие категории «санкция» в римской правовой традиции. Сделан вывод о том, что в санкциях римского права отражено единство этико-правовых установлений и норм, освященных авторитетом божества и общества, и лежащих в основе властно-регулятивной деятельности Римского государства, определяющей нормативно-институциональный порядок поведения граждан, направленный на охрану господствующих и общезначимых социально-политических ценностей.

Ключевые слова: римское право; обычай; закон; нормы права; санкция; инфамия.

Своим формированием и развитием юридическая доктрина, ее понятийный аппарат и общетеоретические положения обязаны древнеримской правовой традиции, приспособлению и использованию в новых исторических условиях основных идей, институтов, способов и образа юридического мышления римских юристов.

Это касается и римского понимания закона (*lex*) как прямого и непосредственного выражения общей воли римского народа (*populus Romanus quiritium*), которое стало основой правопонимания в континентальной правовой семье¹. Несмотря на эволюцию в течение всего периода римской истории правовых институтов, затрагивающей и законодательство в силу изменений законодательной власти, когда функции нормотворчества комиций перешли сначала к сенату, а затем императору, признаки и сущность закона оставались на протяжении веков неизменными.

Структурно римский закон состоял из трех частей: первая часть, *praescriptio*, содержала указание на конкретное народное собрание, принявшее закон, авторов законопроекта и иные обстоятельства, сопровождавшие его принятие; вторая часть, *rogatio*, заключала в себе текст закона; и, наконец, третья часть, *sanctio*, устанавливала меру ответственности за нарушение предписаний закона. Современная теория права перенесла название и содержание этой третьей части римского закона на структурный элемент юридической нормы, указывающий на правовые последствия несоблюдения требований, установленных в диспозиции правовой нормы,

¹ Более подробно см.: Кофанов А.Л. Понятия *lex* и *ius* в римском архаическом праве // Древнее право. 2003. № 1 (11). С. 40–53.

стало пониматься как конфискация имущества в пользу народа (*publicatio bonorum*).

Трехэлементная структура, а именно наличие санкции, были присущи не всем римским законам, и по этому критерию Ульпиан в одном из фрагментов своих сочинений, дошедших до нас, приводит следующую классификацию законов¹.

К первому виду законов относились *leges imperfectae* («несовершенные законы») – законы, не содержащие санкции, которые запрещали определенное действие, но не объявляли его ничтожным, как, например, закон Цинция о дарениях, запрещающий подарки свыше определенной суммы, но не предусматривающий недействительность этой противозаконной сделки.

Заслуженный профессор Императорского Казанского Университета Г.Ф. Дормидонтов так объяснял смысл «несовершенных законов»: «Законодатель полагал как бы, что одного его веления достаточно, чтобы остановить неправильное, вредное по его мнению, направление принятое дарственными сделками. Нередко в форме *leges imperfectae* в законы вносятся обыкновенные правила нравственности, например: супруги обязаны взаимно любить друг друга. При таком предписании и немислима какая-либо санкция»². Иными словами, принимая во внимание существовавшую в Риме нерасторжимую связь правовых воззрений с нравственными идеалами, сосредоточенными на долге и обязанностях, что создавало в целом всеобъемлющую систему нормативного контроля, становится вполне понятным, что *leges imperfectae*, не содержа санкции, имели целью указать на недопустимость определённого поведения, что уже имело действительную силу: опорой всех правоотношений в Риме и одним из основных творческих элементов римского правового мышления была *fides*, первоначально находившаяся под сакральной защитой, впоследствии охраняемая цензорами и понимаемая римлянами как нравственная обязанность выполнять свое обязательство. Наряду с общественным идеалом *honestum* («честность, высокая нравственность») стоит и личный идеал *decorum* («достоинство, благородство; то, что подобает делать»), поэтому одно только указание на непозволительность определенных действий удерживало римлянина, особенно знатного, от недостойного поведения. Кроме того, важно, что претенденты на занятие государственных должностей (*cursus honorum*) должны были обладать безупречной репутацией, так как после исследования личных и нравственных качеств кандидата консул мог его

1 См. подробнее: Дождев Д.В. Римское частное право. М.: Норма, 2008. С. 105.

2 Дормидонтов Г.Ф. Система римского права. Общая часть. Казань, 1910 // <http://www.allpravo.ru/library/doc2527p/instrum4145/item4148...>

отвергнуть, записав решение в *nota consularis*, аналогичное списку порицания граждан, составляемого цензорами.

Второй вид законов – *leges minus quam perfectae* («законы менее, чем совершенные»), санкция которых не уничтожала юридические действия, совершённые вопреки закону, но устанавливала штраф за их совершение, что объяснялось тем, что «иногда обстоятельства могут сложиться таким образом, что признание правонарушительного действия ничтожным повлекло бы невыгодные последствия для третьих, ни в чем не повинных лиц»¹.

В третью категорию законов объединялись *leges perfectae* («совершенные»² законы), санкция которых запрещала определенные действия, а если они, вопреки закону, все же совершались, то признавались юридически ничтожными и не влекли никаких правовых последствий, при этом в отношении лица, совершившего это действие, не предусматривалось никакой ответственности.

Постгlossаторы среди римских законов выделили и четвертую категорию – *leges plus quam perfectae* («законы более, чем совершенные»), санкции которых предусматривали признание ничтожными действий, совершенных вопреки предписанию закона, и наложение на нарушителя штрафа.

Содержание санкций – как публично-правовых, так и частноправовых – изменялось на протяжении всей истории Римского государства, демонстрируя присущую римскому праву тенденцию смягчения неблагоприятных последствий для нарушителя. Так, в древнейший период нарушителей обычаев и законов ожидала крайняя суровость наказаний; республиканский период характеризуется уже некоторым смягчением санкций, как, например, в отношении положения должника; к тому же в качестве наказания уже могла предусматриваться не только смертная казнь, но и изгнание, обращение в рабство на рудниках или галерах, денежный штраф, вменение обязанности совершить определенные действия (обыкновенно в пользу потерпевшего) и т. п.

Уделяя особое внимание безопасности своего государства, римляне наиболее важным законом считали закон об «оскорблении величия» (*lex maiestatis*), охватывающий весь спектр преступлений, которые можно было бы квалифицировать как государственная измена и посягательство на существующий государственный строй. Этот закон, представляющий

1 Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 199.

2 Необходимо иметь в виду, что используемое в переводе с латинского название закона «совершенный» следует понимать не как синоним «идеальный, образцовый», а в значении «завершенный, законченный».

собой плод длительного развития, синхронного с социально-экономической и политической историей Римского государства, даже в своем законченном виде, который он приобрел в императорскую эпоху и в котором *lex Iulia maiestatis* дошел до нас в Дигестах Юстиниана, содержит в себе ряд норм более раннего периода, прежде всего, поздней республики, когда на рубеже II–I вв. до н.э. был принят первый известный нам закон о величии. К «величию римского народа и государства» относилось все, что касалось их могущества, власти, чести и достоинства, при этом такое понимание *maiestatis* сохранялось на протяжении всей истории Римской державы, не утрачивая и своего сакрального значения.

Crimina maiestatis, за которые полагалось более суровое наказание, чем за любое другое преступление, включали в себя злоупотребление служебным положением: так, например, в республиканский период умалением и оскорблением «величия римского народа» могло быть признано любое действие магистрата, объявленное вредным для государства – командование войском, закончившееся поражением, выезд наместника из провинции без разрешения сената, самовольное объявление войны и плохое исполнение магистратом его обязанностей. Наказанию подвергались и те, кто знал об этом преступлении, но не сообщил о нем.

Особо преследовались казнокрадство, расхищение или растрата государственных денег или общественного имущества, квалифицируемые как *furtum publicum* («общественная кража»). Кроме самого магистрата, растратившего вверенные ему государственные деньги, уголовному преследованию подвергались и наследники виновного. В различные периоды римской истории санкции этой уголовной нормы были различны: первоначально наказанием была смерть, впоследствии при незначительном ущербе применялся штраф, как правило, возмещение в двух-четырёхкратном размере, а в случае нанесения значительного ущерба, кроме конфискации имущества, применялся запрет совместного проживания со своими соотечественниками, изгнание (*interdictio aquae et ignis*), что, впрочем, для римлян было одним из самых суровых мер наказания, эквивалентом смертной казни: «Изгнание для римлян – это гражданская смерть, свержение человека с почвы права в полную ужаса пустыню, в состояние бесчестия и бесправия»¹.

Достаточно строго охранялась в Риме и частнопредварительная сфера, нарушения которой также рассматривались как посягающие на публичный правопорядок: римляне считали, что не только против личности, но и против общественного порядка совершают проступок должник, продавец, арендатор, нарушившие договор и злоупотребившие доверием контрагента.

1 Зелинский Ф.Ф. Римская республика. СПб., 2002. С. 373.

В случае грубой неосторожности или умышленного причинения вреда, например, при умышленном повреждении депозитарием вещи, находящейся у него на хранении, с целью причинения убытков ее собственнику, или умышленном пренебрежении поверенного своими обязанностями или действующего в своих интересах, удовлетворение иска не ограничивалось взысканием с ответчика возмещения убытков. С целью «удовлетворения оскорбленного правового чувства и устрашения других в предотвращении подобных дурных поступков»¹, применялся целый арсенал средств наказания, самым тяжелым из которых была инфамия – специальный юридический институт, регламентирующий правовое умаление чести и применявшийся при правонарушениях, которые характеризовались особым злоупотреблением доверия. Римские магистраты в пределах своей компетенции обращали внимание на гражданскую беспорочность, честность лица, не допуская к тем или иным функциям людей с сомнительной репутацией.

К категории инфамирующих дел относились, например, нанесение личной обиды, злоумышленный обман при сделках, нарушение договоров товарищества, поручения, хранения, недобросовестного поведения опекуна и т. д. При этом инфамия имела характер пожизненного наказания и могла быть аннулирована только в случае кассационной отмены императором приговора об инфамии. Последствием инфамии было то, что *infamis* (подвергшийся бесчестию) не мог занимать почетных должностей, не мог быть представителем на суде даже при согласии противной стороны. Назначение такого лица наследником давало заинтересованным лицам право оспаривать завещание.

Рассматривая римско-правовой концепт «санкция», представляется уместным указать, что этимология термина *ius* позволяет говорить о таком его однозначном смысловом оттенке, как «принуждение, властное предписание, бремя, обязанность», что свидетельствует о том, что римляне уже на понятийно-языковом уровне выделяли в праве (*ius*), прежде всего, присущие понятию права качества необходимости и долженствования². Таким образом, властно-регулятивная деятельность римского государства, определяя нормативно-институциональный порядок поведения граждан, была направлена на охрану господствующих и общезначимых социально-политических ценностей и идеалов, соответствующих по своей сущности мировоззренческим ценностям и отражающих в правовых санкциях единство этико-правовых установлений и норм, освященных автори-

1 Йеринг Р. Борьба за право / Пер. с нем. В.И. Лойко. СПб.: Изд-во «ВРстника знания», 1912. С. 60.

2 Более подробно см.: Аксенова О.В. Дуализм римского права: проблемы методологии: монография. Казань, НОУ ВПО «Академия управления ТИСБИ», 2009. С. 79–82.

тетом божества и общества и направленных на исполнение гражданином долга и обязанностей перед обществом.

Список источников:

1. Аксенова О.В. Дуализм римского права: проблемы методологии: монография. Казань, НОУ ВПО «Академия управления ТИСБИ», 2009. С. 79–82.
2. Дождев Д.В. Римское частное право. М.: Норма, 2008. С. 105.
3. Дормидонтов Г.Ф. Система римского права. Общая часть. Казань, 1910. // <http://www.allpravo.ru/library/doc2527p/instrum4145/item4148...>
4. Зелинский Ф.Ф. Римская республика. СПб., 2002. С. 373.
5. Йеринг Р. Борьба за право / Пер. с нем. В.И. Лойко. СПб.: Изд-во «ВРстника знания», 1912. С. 60.
6. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 199.
7. Кофанов Л.А. Понятия *lex* и *ius* в римском архаическом праве // Древнее право. 2003. № 1 (11). С. 40–53.
8. Собрание сочинений Владимира Сергѣевича Соловьева / Под ред. и с примѣчаниями С.М. Соловьева и Э.Л. Радлова. Томъ восьмой. С.-Петербург. Книгоиздательское Товарищество «Просвѣщение», 1914. С. 576–577.

Архипов И.В.,

профессор кафедры гражданского права РГУП, д.ю.н., доцент

Объекты гражданско-правовой защиты¹

Вопрос об объектах гражданско-правовой защиты и о том, как они соотносятся с объектами гражданских прав, до настоящего времени не стал предметом цивилистических исследований. Большинство исследователей полагают само собой разумеющимся, что объектом защиты является нарушенное субъективное право, упуская возможность защиты свобод и нарушенных законных интересов. В последнее время, правда, появились исследования, доказывающие существование самостоятельного права на защиту, апеллирующие именно к признанию гражданским процессуальным законодательством в качестве объекта защиты законного интереса².

¹ Материал подготовлен с использованием Справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Рожкова М.А. Несколько замечаний применительно к статье 11 Гражданского кодекса Российской Федерации // Защита гражданских прав: избранные аспекты: сборник статей / Ю.Н. Алферова, Ю.В. Байгушева, Ю.В. Виниченко и др.; рук. авт. кол. и отв. ред. М.А. Рожкова. М.: Статут, 2017. СПС «КонсультантПлюс», 2017.

Со своей стороны отметим нестыковки между ст. 12 ГК РФ и пп. 4 п. 2 ст. 131 ГПК РФ. Проблема заключается в том, что перечень способов защиты субъективных гражданских прав исчерпывающим образом закреплен гражданским законодательством, а способы защиты законного интереса не определены вовсе. Оспаривание в Конституционном Суде положения о допустимости только способов защиты, предусмотренных законом, остается до настоящего времени безрезультатным¹. Получается, что способы защиты законных интересов законодательством не предусмотрены. Более того, материально правовое понимание или интерпретация законного (правового) интереса как объекта защиты отсутствует.

В научной литературе достаточно много исследований, пытающихся выяснить правовое содержание законного (или как некоторые исследователи предполагают – правового) интереса. Представляется, что законный (правовой) интерес с точки зрения применения гражданско-правового способа защиты возникает в следующих ситуациях:

- правовой интерес представлен нематериальным (неимущественным) благом, не поддающимся правовому регулированию в силу его неотчуждаемости (например, честь, достоинство, деловая репутация гражданина);
- правовой интерес возникает в той ситуации, когда еще не возникло правоотношение, но оно с необходимостью может возникнуть в будущем и, соответственно, возникнет необходимость защиты соответствующего субъективного права.

Из тезиса о существовании регулятивных и охранительных правоотношений вытекает предположение о том, что объекты этих отношений должны различаться. Ст. 128 ГК не учитывает различий охранительных и регулятивных отношений, оперируя единым понятием «объекты гражданских прав». Представляется, что объектами гражданских прав являются объекты реальной действительности (объекты материального мира), по поводу которых, по мысли М.М. Агаркова, возможны акты распоряжения. К объектам гражданско-правовой защиты следует отнести нематериальные (неимущественные) блага.

Последние изменения в легальном понимании нематериальных благ в ст. 150 ГК учли замечания некоторых исследователей² о противоречивости содержания этого понятия, включающего как права, так и нематериальные блага. Но свободы (например, свобода передвижения, свобода выбора

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 24.09.2012 № 1773-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Цюкало Владимира Григорьевича на нарушение его конституционных прав абзацем тринадцатым статьи 12 Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс», 2017.

² Егоров Н.Д. Понятие гражданского права // Вестник гражданского права. 2012. № 4. С. 42–65.

места пребывания и жительства) в содержании указанных нематериальных благ сохранились. Не вдаваясь в дискуссию о содержании понятия «свобод» и их отличии от «прав», отметим только, что и те и другие являются нематериальными благами в том значении, которое данному термину придает ГК. Ведь никто не будет утверждать, что они материальные или имущественные блага! Таким образом, основной недостаток ст. 128 и ст. 150 ГК заключался не в том, что в состав нематериальных благ включались права, а в том, что «нематериальные блага» существенно отличаются от иных объектов, указанных в ст. 128 ГК. Ключевое теоретическое положение о том, что нематериальные блага не относятся к объектам гражданских прав, и предложение о том, что из ст. 128 ГК необходимо исключить нематериальные блага, не нашли своего отражения в новой редакции ст. 128. Нам же указанный тезис представляется чрезвычайно важным, так как «нематериальные блага» в действительности являются только объектами гражданско-правовой защиты и введение указанной категории в гражданское законодательство четко укажет их место в системе объектов.

Однако данный тезис требует уточнения. Представляется, что с учетом существования регулятивных и охранительных гражданских правоотношений объекты гражданских прав состоят из объектов гражданского оборота и объектов гражданско-правовой защиты.

В литературе достаточно давно отмечается алогизм термина «личные неимущественные права». Действительно, все права относятся к субъекту, поэтому они личные (в том числе и имущественные). Следовательно, различие может основываться только на характере этих отношений в дихотомической конструкции «имущественный – неимущественный». Традиционно считается, что «личные неимущественные права» возникают по поводу нематериальных благ (на нематериальные блага) и на результаты творческой деятельности.

Вряд ли подлежит сомнению тезис о том, что человек испытывает потребности не только в материальных, но и в нематериальных благах. Разумеется, и то, что человеку присуще стремление к удовлетворению нематериальных потребностей за счет соответствующих нематериальных благ. Но вопрос о том, что входит в эти потребности и соответствующие им блага, требует уточнения.

Формулируя достаточно распространенную позицию о двух видах нематериальных благ, Н.Д. Егоров указывает: что существуют: 1) личные нематериальные блага, которые неотделимы от личности их носителя (жизнь, здоровье, честь, достоинство, деловая репутация и т. д.), и 2) нематериальные блага, которые могут быть отделены от субъекта посредством воплощения их в каком-либо внешнем по отношению к человеку материальном объекте (имя человека, наименование юридического лица,

товарный знак, произведение науки, литературы и искусства, изобретение, промышленный образец и т. п.)¹.

Тезис о том, что наименование юридического лица, товарный знак, произведение науки, литературы и искусства, изобретение, промышленный образец являются нематериальными благами, даже не спорен, а не соответствует действительности. Поскольку все указанные блага воплощаются во «внешнем по отношению к человеку материальном объекте»², то они как минимум имеют двойственную природу: идеальную и вещественную (объективированную), являются объектами внешнего мира по отношению к субъекту. Если мысль материальна, то говорить о нематериальности результата мыслительной деятельности, видимо, не приходится. Представляется, что в дискуссии о «нематериальных благах» юристы, в том числе и сам автор данной статьи, скатываются к подмене понятий. На самом деле речь идет об извечной дихотомической конструкции «имущество – неимущество» и не более того. На неудачность термина «нематериальные блага» в литературе указывается достаточно давно³, но отказаться от него законодатель не осмеливается, в то время как необходимость введения категории «неимущественные блага» нам представляется вполне обоснованной. Но современное легальное понятие «нематериальные блага» в настоящее время не включает результаты творческой деятельности и средства индивидуализации, и это вполне обосновано в части отличия указанных объектов от других «нематериальных благ».

Вопрос о том, необходимо ли выделять из нематериальных благ результаты интеллектуальной деятельности, является спорным. В.А. Тархов, например, полагал, что идеальная основа результатов творческой деятельности и нематериальных благ позволяет их объединить в единый классификационный вид объектов⁴. Однако законодатель пошел по другому пути, выделив результаты творческой деятельности и средства индивидуализации в отдельный классификационный вид. Вопрос о том, относится ли имя гражданина и наименование юридического лица к отдельным нематериальным благам, представляется не таким уж однозначным. С одной стороны, гражданин имеет потребность, чтобы его отличали от других субъектов, но, с другой стороны, все другие субъекты тоже нуждаются в том, чтобы данный гражданин имел имя, был индивидуально определен. Отсюда следует, что «имя» гражданина удовлетворяет не только частный

1 Егоров Н.Д. Указ. соч. С. 44, 65.

2 Там же.

3 Трофименко А.В. Нематериальные объекты в гражданских правоотношениях: монография. Саратов: СГСЭУ, 2004. С. 7-15.

4 Тархов В.А. Гражданское право. Курс. Общая часть. Уфа: Уфимский юридический институт МВД РФ, 1998. С. 108.

интерес конкретного лица, но и публичный интерес общества в целом. То же самое можно сказать и о наименовании юридического лица. Отделимость и неотделимость их от субъекта весьма условна. Представляется, что не признак отделения в виде буквенного выражения имени или наименования имеет значение при классификации указанных благ. Например, ст.ст. 128 и 150 ГК вообще развели указанные блага к различным классификационным группам. Фирменное наименование коммерческой организации отнесено к средствам индивидуализации, а имя гражданина к нематериальным благам. Вопрос о наименовании некоммерческой организации остался открытым¹, оно не отнесено ни к «приравненным средствам индивидуализации», ни к нематериальным благам по ст. 150 ГК, которая распространяется только на граждан. Но это не единственное нематериальное благо юридического лица, которому не нашлось места в классификации объектов гражданских прав. Например, деловая репутация по ст. 150 может принадлежать только гражданину. Заметим попутно, что в соответствии с указанием данной статьи деловая репутация может принадлежать гражданину только от рождения или в силу закона. С рождением, понятно, никакой деловой репутации не появляется. Закон тоже не способен породить никакой репутации, она приобретается как гражданином, так и юридическим лицом без какой бы то ни было связи с законом. Таким образом, с учетом п. 7 ст. 152 ГК имеет значение, не то, что некое благо учтено как объект гражданских прав, а то – защищается ли оно гражданско-правовыми способами защиты, является ли оно объектом защиты.

Средства индивидуализации субъектов права, по нашему мнению, являются нематериальными благами, подлежащими защите. Средства индивидуализации товаров, работ и услуг предлагается считать имуществом. К имуществу необходимо также отнести собственно результаты творческой деятельности.

В предлагаемой концепции выделяются следующие три признака имущества:

- объективная форма;
- способность объекта удовлетворять потребности человека;
- возможность совершения субъектом актов распоряжения по поводу данного объекта.

Конструкция имущества, включающего результаты творческой деятельности, используется, например, в п. 2 ст. 115 Гражданского кодекса Республики Казахстан, которой установлено, что к имущественным благам и правам (имуществу) относятся: вещи, деньги, в том числе иностранная валюта, финансовые инструменты, работы, услуги, объективированные

1 Еременко В.И. О некоторых проблемах правовой охраны наименований некоммерческих организаций // Адвокат. 2012. № 11. С. 20–25.

результаты творческой интеллектуальной деятельности, фирменные наименования, товарные знаки и иные средства индивидуализации изделий, имущественные права и другое имущество¹.

Такой подход позволяет разрешить ряд логических противоречий. Например, в ст. 1226 ГК РФ исключительное право именуется имущественным правом, ориентируясь на допущения, предложенные в свое время Г.Ф. Шершеневичем и В.А. Дозорцевым, о том, что если что-либо можно поменять (оценить) на имущество, то и право становится имущественным. В свое время нами доказывалось, что только объект субъективного права, его классификационный вид может позволить описать само право как имущественное². Такой подход, разумеется, не может считаться новым, так как в свое время С.С. Алексеев, а вслед за ним и другие авторы применительно к общественным отношениям, входящим в предмет гражданского права, указывали на объект как основание для выделения имущественных отношений³. Но это, на наш взгляд, единственно правильный подход. В предлагаемой конструкции исключительное право действительно становится имущественным.

Вопрос о «личных нематериальных правах» на нематериальные блага отпал по сути дела сам собой с учетом новой редакции ст. 150 ГК РФ. Оказалось, что нематериальные блага, как объекты гражданских прав, могут существовать сами по себе, помимо личного нематериального права и соответствующего нематериального отношения. Правда в п. 2 данной статьи сохранилось и упоминание о личных нематериальных правах, но, надо полагать, имеются в виду те, которые установлены в ч. 4 ГК. Таким образом, если признать нематериальные блага объектами защиты, снимаются вопросы относительно п. 2 ст. 2 ГК и схоластической дискуссии о защите и регулировании. При этом конструкция «личных нематериальных отношений» помимо отношений по защите нематериальных (нематериальных) благ становится абсолютно ненужной.

Н.Д. Егоров в уже упоминавшейся статье задается вопросом, почему законодатель в отношении имущества сначала наделяет субъектов правами, а затем защищает права, а относительно нематериальных благ сразу защищает их. В общем-то, уважаемый автор несколько лукавит, когда пишет о том, что адекватного ответа на поставленный вопрос до настоящего

1 URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1006061#sub_id=1150000 (дата обращения: 21.11.2017).

2 Архипов И.В. К проблеме интеллектуальных прав // Тенденции развития частного права в условиях рыночной экономики. Сборник науч. трудов. Саратов, 2009. С. 8–12.

3 Алексеев С.С. Предмет советского социалистического гражданского права. Свердловск, 1959. С. 72.

времени нет. Он есть, и сам автор его приводит: «Как справедливо отметил В.А. Тархов, не может быть субъективных прав на объекты, неотделимые от личности, от субъектов. Представление о таких правах противоречило бы философскому и юридическому пониманию объектов»¹. Тем не менее важной заслугой Н.Д. Егорова является четкое формулирование тезиса о том, что по поводу нематериальных неотчуждаемых благ не могут существовать личные неимущественные отношения.

Действительно, абсолютно бессмысленно наделять субъектов какими-то правами там, где невозможно распорядиться благом, где невозможно урегулировать отношения с помощью правовых средств.

Не следует также забывать, что большая часть нематериальных благ в трактовке ГК урегулирована как соответствующие права и свободы в Конституции РФ и международных актах. Но для гражданского права абсолютно безразлично, сформулировано ли некое подлежащее защите благо как право, свобода или, собственно, как неимущественное (нематериальное) благо.

Конструкция объектов гражданско-правовой защиты позволяет несколько иначе взглянуть и на абсолютные права, особенно в ч. 4 ГК. В число авторских прав включены в настоящее время, например: право авторства; право автора на имя; право на неприкосновенность произведения. Но охраняются, а следовательно, и защищаются уже авторство, имя автора и неприкосновенность произведения (ст.ст. 1266 и 1267 ГК) – то есть нематериальные блага. Поэтому представляется целесообразным вообще отказаться от конструкции личных неимущественных отношений.

Разумеется, вопрос об отказе от конструкции любых абсолютных личных неимущественных прав в принципе требует более детальной проработки. Но сама постановка вопроса уже свидетельствует о том, что данная конструкция имеет явные логические противоречия, отказ же от нее поможет более точно описать сущность складывающихся отношений как отношений по защите неимущественных благ и значительно упростить законодательство.

Таким образом, объекты гражданских прав (с учетом деления гражданских правоотношений на регулятивные и охранительные) состоят из двух видов: объектов гражданского оборота (имущества и эквивалентов имущества) и объектов гражданско-правовой защиты. Имущество – имеющие объективную форму блага, способные удовлетворять потребности человека, по поводу которых физически возможны акты распоряжения (и гражданское законодательство признает такие акты распоряжения правомерными). Заменители (эквиваленты) имущества (в целях гражданского

оборота) – сами по себе не способны удовлетворять потребности человека, но в гражданском обороте заменяют имущество. К имуществу необходимо относить объекты вещественной (вещи) и волновой (электромагнитные излучения, энергия) природы, результаты услуг, результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации товаров, работ и услуг. К заменителям имущества – деньги, ценные бумаги, имущественные права. Значение выделения категории заменителей имущества заключается в том, что традиционные способы защиты прав на них не могут применяться автоматически (например, применение виндикационного иска при нарушении прав акционеров или участников обществ с ограниченной ответственностью и др.).

Вторую группу объектов должны составлять объекты гражданско-правовой защиты, в состав которых желательно включить гражданские права и неимущественные блага граждан и юридических лиц, предусмотренные законодательством, а также неимущественные блага, принадлежащие гражданам от рождения.

Ахметзянова Г.Н.,

доцент кафедры гражданского права Казанского филиала РГУП, к.ю.н.

Гражданско-правовая ответственность за нарушение денежного обязательства: практический аспект

В рамках статьи проводится правовой анализ некоторых практических аспектов гражданско-правовой ответственности за нарушение денежного обязательства в части правовой природы процентов за пользование чужими средствами, механизма расчета процентов, соотношения взыскания процентов за пользование чужими средствами и неустойки, а также судебного порядка уменьшения суммы процентов за пользование чужими средствами.

Ключевые слова: ответственность за неисполнение денежного обязательства; проценты за пользование чужими средствами; неустойка; механизм расчета процентов за пользование чужими средствами; уменьшение суммы процентов за пользования чужими средствами.

Ahmetzjanova G.N.

Civil liability for breach of a monetary obligation: the practical aspect

The article is carried out legal analysis of some of the practical aspects of civil liability for breach of the monetary obligations with respect to the legal nature of interests for use of foreign funds, a mechanism for calculating the interest, the ratio of penalty interest for using foreign media and penalties, as well as the judicial order of reducing the amount of interests for use of foreign media.

¹ Тархов В.А. Ответственность по советскому гражданскому праву. Саратов: Изд. Саратовского ун-та, 1973. С. 384.

Keywords: liable for non-performance of a monetary obligation; the interest for the use of foreign funds; the penalty; the mechanism for calculating the interest for using foreign media; reducing the amount of interest for the use of foreign media.

Правовая природа процентов, предусмотренных ч. 1 ст. 395 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ)¹ состоит в том, что основанием их возникновения является неправомерное поведение должника в части неисполнения или ненадлежащего исполнения денежного обязательства. Проценты за пользование чужими денежными средствами подлежат уплате независимо от основания возникновения обязательства – сделки, причинения вреда, неосновательного обогащения или иных оснований, указанных в ГК РФ. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» указывается на то, что требования данной статьи не подлежат применению к таким отношениям сторон, которые не связаны с использованием денег в качестве средства платежа (средства погашения денежного долга)².

Введение в действие статьи 317.1 ГК РФ положило конец различным научным подходам к определению правовой природы процентов, предусмотренных ч. 1 ст. 395 ГК РФ. С момента принятия ГК РФ в науке гражданского права велись многочисленные споры относительно правовой природы процентов, которые установлены статьей 395 ГК РФ. Сторонники первой точки зрения (в частности, В.В. Витрянский) полагали, что данные проценты представляют собой особый вид ответственности. В то время как представители второй (Е.А. Суханов, М.Г. Розенберг, Л.А. Лунц и др.) указывали на то, что в данном случае необходимо говорить о плате кредитору за пользование его денежными средствами³. С учетом того, что в статье 317.1 ГК РФ четко оговаривается назначение процентов, предусмотренных этой нормой как плата за пользование денежными средствами, проценты, предусмотренные статьей 395 ГК РФ, следует рассматривать как вид (или меру) ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение денежного обязательства. Такая позиция относительно правовой природы процентов, предусмотренных ст. 395 ГК РФ, высказана и в судебной практике. Так, в п. 53 Постановлении Пленума Верховного Суда РФ

от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» изложена следующая позиция Верховного Суда Российской Федерации, в соответствии с которой в отличие от процентов, предусмотренных пунктом 1 статьи 395 ГК РФ, проценты, установленные статьей 317.1 ГК РФ, не являются мерой ответственности, а представляют собой плату за пользование денежными средствами. В связи с этим при разрешении споров о взыскании процентов суду необходимо установить, является требование истца об уплате процентов требованием платы за пользование денежными средствами (статья 317.1 ГК РФ) либо требованием заявлено о применении ответственности за неисполнение или просрочку исполнения денежного обязательства (статья 395 ГК РФ).

Проводя правовой анализ практических особенностей применения статьи 395 ГК РФ, следует остановиться на соотношении взыскания процентов за пользование чужими денежными средствами и неустойки. Согласно изменениям, которые внесены в п. 4 статьи 395 ГК РФ, на сегодняшний день складывается следующая ситуация: в случае, если соглашением сторон предусмотрена неустойка за неисполнение или ненадлежащее исполнение денежного обязательства, проценты, предусмотренные статьей 395 ГК РФ, не подлежат взысканию, если иное не предусмотрено законом или договором. Данное требование законодательства в большинстве своем единообразно реализовано в судебной практике. Основанием для этого является признание со стороны судов отсутствия возможности применения одновременно двух мер ответственности – неустойки и процентов за пользование чужими денежными средствами в силу действующего законодательства. Вместе с тем в судебной практике встречаются решения судов, в которых обосновывается вывод о том, что неустойка за одно и то же нарушение денежного обязательства может быть взыскана одновременно с процентами, установленными данной нормой, в том случае, если неустойка носит штрафной характер и подлежит взысканию помимо убытков, понесенных при неисполнении денежного обязательства. Так, например, в решении № 2-7091/2015 от 1 сентября 2015 года по делу № 2-7091/2015 Кировского районного суда города Уфы Республики Башкортостан взыскание одновременно и неустойки и процентов за пользование чужими денежными средствами обосновывается тем, что неустойка носит штрафной характер за ненадлежащее исполнение страховой компанией своих обязательств по выплате страхового возмещения, а проценты за пользование чужими денежными средствами – это компенсация за невыплату денежных средств в предусмотренный срок¹.

1 Решение № 2-7091/2015 от 1 сентября 2015 года по делу № 2-7091/2015 Кировского районного суда города Уфы Республики Башкортостан // <http://sudact.ru/regular/doc/0uK3iFANAxUv/> [Электронный ресурс].

1 Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая / Федеральный закон Российской Федерации от 30 ноября 1994 года (в ред. от 29 июля 2017 года) /

2 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 (ред. от 07.02.2017) «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // Российская газета. 2016. № 70.

3 См.: Муравьев М.М. Правовая природа процентов статье 395 ГК // <http://www.yurclub.ru/docs/civil/article20.html> [Электронный ресурс].

Вместе с тем, согласно правовой позиции Верховного Суда Российской Федерации, изложенной в определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 22 ноября 2016 года № 24-КГ16-12¹, у судов отсутствуют правовые основания для одновременного взыскания предусмотренной Законом о защите прав потребителей неустойки и процентов за пользование чужими денежными средствами, предусмотренных статьей 395 ГК РФ. Аналогичная позиция содержится в ряде других судебных постановлений, например, в Апелляционном определении судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Республики Коми от 09 сентября 2013 г. по делу № 33-4795/2013².

В рамках анализа практических особенностей применения статьи 395 ГК РФ следует остановиться на механизме расчета процентов, предусмотренных ст. 395 ГК РФ. Согласно пункту 1 статьи 395 ГК РФ в редакции, действовавшей до 1 августа 2016 года, размер процентов за пользование чужими денежными средствами, начисляемых за периоды просрочки исполнения денежного обязательства, имевшие место с 1 июня 2015 года по 31 июля 2016 года включительно, если иной размер процентов не был установлен законом или договором, определяется в соответствии с существовавшими в месте жительства кредитора – физического лица или в месте нахождения кредитора – юридического лица опубликованными Банком России и имевшими место в соответствующие периоды средними ставками банковского процента по вкладам физических лиц. Если иной размер процентов не установлен законом или договором, размер процентов за пользование чужими денежными средствами, начисляемых за периоды просрочки, имевшие место после 31 июля 2016 года, определяется на основании ключевой ставки Банка России, действовавшей в соответствующие периоды (пункт 1 статьи 395 ГК РФ в редакции Федерального закона от 3 июля 2016 года № 315-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»)³.

Положение, изложенное в п. 57 Постановлении Пленума относительно того, что обязанность причинителя вреда по уплате процентов, предусмотренных статьей 395 ГК РФ, возникает со дня вступления в законную силу

1 Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 22 ноября 2016 года № 24-КГ16-12 // СПС «Консультант Плюс».

2 Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Республики Коми от 09 сентября 2013 г. по делу № 33-4795/2013 // СПС «ГАРАНТ».

3 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 (ред. от 07.02.2017) «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // Российская газета. 2016. № 70.

решения суда, которым удовлетворено требование потерпевшего о возмещении причиненных убытков следует толковать во взаимосвязи с п. 50 этого же постановления о том, что проценты, предусмотренные ст. 395 ГК РФ, начисляются со дня просрочки исполнения денежного обязательства. Кроме того, в связи с тем, что изменения, которые были внесены в п. 1 ст. 395 ГК РФ, касаются исключительно порядка определения размера процентной ставки и не связаны с механизмом расчета процентов, на практике по-прежнему следует руководствоваться следующими разъяснениями Верховного Суда РФ относительно порядка расчета процентов: п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 8 октября 1998 г. № 13/14,¹ в котором указано, что при расчете подлежащих уплате годовых процентов по ставке рефинансирования Банка России число дней в году и месяце принимается равным соответственно 360 и 30 дням, если иное не установлено соглашением сторон, обязательными для сторон правилами, а также обычаями делового оборота.

Отдельно следует остановиться на согласовании размера процентов в договоре. Так же как и в случае с неустойкой (статья 330 ГК РФ), стороны вправе согласовать отличный от установленного в законе размер процентов, начисляемых на сумму долга, закрепив его в договоре (п. 1 ст. 395 ГК РФ). Вместе с тем, в отличие от неустойки, законодательно определены пределы договорного усмотрения сторон в части размера процентов, предусмотренных статьей 395 ГК РФ. Во-первых, стороны не должны устанавливать размер процентов, значительно превышающий предусмотренный законом. Если сумма процентов по договору явно несоразмерна последствиям нарушения обязательств, суд по заявлению должника может уменьшить их. Во-вторых, размер процентов, который предусмотрен договором, может быть уменьшен судом не менее чем до суммы, рассчитанной на основании ставки, которая указана в п. 1 ст. 395 ГК РФ (п. 6 ст. 395 ГК РФ).

Кроме того, в отличие от неустойки, суд уменьшает сумму процентов только при наличии заявления должника, даже если последний не осуществляет предпринимательскую деятельность. Данный вывод основан на том, что к размеру процентов, взыскиваемых по ст. 395 ГК РФ, положения ст. 333 ГК РФ об уменьшении размера неустойки по общему правилу не применяются (п. 48 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7).

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая / Федеральный закон Российской Федерации от 30 ноября 1994 года (в

1 Постановление Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 8 октября 1998 г. № 13/14 // СПС «КонсультантПлюс».

- ред. от 29 июля 2017 года) / Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 (ред. от 07.02.2017) «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // Российская газета. 2016. № 70.
2. Муравьев М.М. Правовая природа процентов статье 395 ГК // <http://www.yurclub.ru/docs/civil/article20.html> [Электронный ресурс].
 3. Решение № 2-7091/2015 от 1 сентября 2015 года по делу № 2-7091/2015 Кировского районного суда города Уфы Республики Башкортостан // <http://sudact.ru/regular/doc/0uK3iFANAxUv/> [Электронный ресурс].
 4. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 22 ноября 2016 года № 24-КГ16-12 // СПС «КонсультантПлюс».
 5. Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Республики Коми от 09 сентября 2013 г. по делу № 33-4795/2013 // СПС «ГАРАНТ».
 6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 (ред. от 07.02.2017) «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // Российская газета. 2016. № 70.
 7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 8 октября 1998 г. № 13/14 // СПС «КонсультантПлюс».

Барышев С.А.,

доцент кафедры гражданского права Казанского филиала РГУП,
к.ю.н, доцент

Компенсация как мера ответственности за нарушение исключительного права

Рассматриваются общие проблемы определения размера компенсации в случае нарушения исключительного права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации.

Ключевые слова: право интеллектуальной собственности; компенсация; возмещение убытков; исключительное право.

Baryshev S.A.

Compensation as a measure of liability for violation of the exclusive right

The article deals with general problems of determining the amount of compensation in case of violation of the exclusive right to the results of intellectual activity and means of individualization.

Keywords: intellectual property law; compensation; damages; exclusive right.

Современное российское право интеллектуальной собственности предусматривает различные формы гражданско-правовой ответственности за нарушение исключительного права. Наиболее универсальной формой при этом выступает возмещение убытков, применимое практически во всех сферах гражданских правоотношений¹. При этом в соответствии с нормами Гражданского Кодекса РФ возмещение подлежит как реальный ущерб, так и упущенная выгода. При этом, как российский законодатель, такие судебные инстанции не указывают на возможности ограничения размера взыскиваемых убытков в случае нарушения исключительного права. Таким образом, в случае доказанности их размера такого рода убытки подлежат взысканию в полном объеме. В то же время специфика юридической природы исключительного права, а также самих объектов интеллектуальных прав обуславливает существенную специфику возможных нарушений этого права. Например, в случае незаконного доведения произведения до всеобщего сведения, или контрафактного размещения персонажей произведения на экземплярах товара, либо незаконного использования товарного знака возникает проблема определения размера реального ущерба, а тем более упущенной выгоды. В отношении незаконного использования товарного знака либо распространения творческого произведения на материальных носителях реальный ущерб в принципе может быть определен исходя из стоимости выпущенных в оборот или изготовленных контрафактных экземпляров товаров и материальных носителей. Однако даже при таком нарушении исключительного права крайне сложно рассчитать размер упущенной выгоды.

В том же случае, если имеет место нарушение исключительного права путем использования творческого произведения в телекоммуникационных сетях, то становится непростой задачей и определение реального ущерба, причиненного таким нарушением и тем более упущенной выгоды.

В указанных выше случаях проблема применения мер гражданско-правовой ответственности за нарушение исключительного права может быть решена путем применения компенсации. Данный вид гражданско-правовой ответственности является специфичным, присущим именно сфере правового регулирования отношения в сфере интеллектуальных прав². Специфика данного вида ответственности подчеркивается и тем фактом, что

¹ Добровинская В.А. Понятие и случаи ограничения ответственности в гражданском праве // LEX RUSSICA. № 5. 2017. С. 149.

² Васильева Е.Н. Компенсация за нарушение исключительного права на интеллектуальную собственность // Труды института государства и права РАН. № 6, 2015. С. 105.

ее применение возможно только при нарушении исключительного права на отдельные результаты и средства индивидуализации.

Для гражданско-правовой ответственности в целом характерен компенсационный и имущественный характер. Имущественный характер компенсации не подлежит сомнению, исходя из способа и формы ее выплаты. Выплата «компенсации», исходя даже из самого наименования данного вида гражданско-правовой ответственности, очевидно должна преследовать цели именно справедливой имущественной компенсации за незаконное использование результата или средства индивидуализации.

Таким образом, целью выплаты компенсации является, как и в случае со взысканием убытков, возмещение имущественных потерь, которые правообладатель исключительного права понес вследствие его нарушения, включая как суммы реального ущерба, так и упущенной выгоды. Юридическая природа компенсации в значительной степени определяется указанными в законе способами ее определения. В общем порядке, согласно п. 3 ст. 1252 ГК РФ, при определении размера компенсации должны учитываться требования, установленные Гражданским Кодексом, характер нарушения, иные обстоятельства дела, а также требования разумности и справедливости. В силу этого судебная инстанция при установлении размера компенсации в любом случае должна учитывать факторы справедливости размера компенсации относительно совершенного нарушения исключительного права, а также разумности с учетом возможного размера вреда, причиненного нарушением исключительного права.

Безусловно, ключевым моментом определения размера компенсации является то, что в соответствии со ст. 1252 ГК РФ правообладатель, чьи права были нарушены, не обязан доказывать размер причиненных ему убытков. Именно данное обстоятельство делает компенсацию той мерой гражданско-правовой ответственности, которая наиболее часто применяется при нарушении исключительного права. Однако при ближайшем рассмотрении вопрос о полном отказе от доказывания размера причиненных нарушением исключительного права убытков представляется нам не таким однозначным. Российский законодатель устанавливает различные способы определения размера компенсации в зависимости от вида результата или средства индивидуализации. Например, применительно к объектам авторских прав наиболее распространенным на практике способом определения размера компенсации является ее определение в размере от десяти тысяч рублей до пяти миллионов рублей. При этом размер компенсации в конкретном деле определяется по усмотрению суда с учетом характера нарушения.

В то же время согласно Постановлению Пленума Верховного Суда РФ № 5, Пленума ВАС РФ № 29 от 26.03.2009 «О некоторых вопросах, возникших в связи с введением в действие части четвертой Гражданского кодекса

Российской Федерации» суд обязан обосновать размер устанавливаемой в судебном решении компенсации. При этом в юридической литературе отмечается, что методика расчета компенсации в настоящее время еще не выработана¹. Вышеупомянутое Постановление содержит открытый перечень обстоятельств, учитываемых при исчислении размера компенсации. Суд может учитывать характер допущенного нарушения, срок незаконного использования результата интеллектуальной деятельности, степень вины нарушителя, наличие ранее совершенных лицом нарушений исключительного права данного правообладателя, вероятные убытки правообладателя. В любом случае судебная инстанция должна исходить при этом из принципов разумности и справедливости и, самое главное, соразмерности компенсации последствиям нарушения. Соответственно, при определении размера компенсации в установленных законом пределах суд все равно должен будет учесть возможные или реальные убытки правообладателя, так как без этого практически невозможно будет установить соразмерность компенсации последствиям нарушения исключительного права. С учетом того, что правообладатель не обязан сам доказывать размер убытков, судебная инстанция оказывается в затруднительном положении. Данное обстоятельство применительно к случаям множественного нарушения исключительного права привело к появлению Постановления Конституционного Суда РФ от 13.12.2016 № 28-П «По делу о проверке конституционности подпункта 1 статьи 1301, подпункта 1 статьи 1311 и подпункта 1 пункта 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросами Арбитражного суда Алтайского края».

Указанное Постановление внесло существенные коррективы в порядок определения размера компенсации в случае нарушения одним действием прав на несколько результатов интеллектуальной деятельности или средств индивидуализации. В соответствии с п. 3 ст. 1252 ГК РФ, если одним действием нарушены права на несколько результатов интеллектуальной деятельности или средств индивидуализации, размер компенсации определяется судом за каждый неправомерно используемый результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации. В том случае, если права на соответствующие результаты или средства индивидуализации принадлежат одному правообладателю, общий размер компенсации за нарушение прав на них с учетом характера и последствий нарушения может быть снижен судом ниже пределов, установленных ГК РФ, но не может составлять менее пятидесяти процентов суммы минимальных размеров всех компенсаций за допущенные нарушения.

1 Хлебцова В.Ю. Возмещение убытков и взыскание компенсации за нарушение исключительных прав на объекты авторского права: проблемы применения // Тенденции развития науки и образования. № 29-1. 2017. С. 33.

В своем Постановлении Конституционный Суд указал на то, что при определении размера компенсации, подлежащей выплате правообладателю в случае нарушения индивидуальным предпринимателем при осуществлении им предпринимательской деятельности одним действием прав на несколько объектов интеллектуальной собственности, суд вправе с учетом фактических обстоятельств конкретного дела определить общий размер компенсации ниже минимального предела, установленного п. 3 ст. 1252 ГК РФ. При этом Конституционный Суд установил ряд условий такого снижения, которые должны наличествовать в совокупности.

Первое условие заключается в многократном превышении размера, подлежащей выплате компенсации, исчисленной по установленным законом правилам с учетом возможности ее снижения, над размером причиненных правообладателю убытков (при том что эти убытки поддаются исчислению с разумной степенью достоверности, а их превышение должно быть доказано ответчиком). В соответствии со вторым условием, исходя из материалов конкретного дела, должно быть установлено, что правонарушение совершено индивидуальным предпринимателем впервые, а также что использование объектов интеллектуальной собственности, права на которые принадлежат другим лицам, с нарушением этих прав не являлось существенной частью его предпринимательской деятельности и не носило грубый характер. В своей информационной справке от 05.04.2017 № СП-23/10 Суд по интеллектуальным правам указал, что об отсутствии грубого характера нарушения может свидетельствовать незнание продавца о контрафактном характере реализуемой им продукции.

На наш взгляд, установленные Конституционным Судом основания снижения размера компенсации могут применять и в иных случаях, например единичных нарушений для обоснования снижения размера компенсации по сравнению с размером, заявленным правообладателем. Подобное применение норм о компенсации позволит лучшим образом учитывать принцип соразмерности ее размера, а также компенсационный характер гражданско-правовой ответственности в целом.

Список литературы:

1. Васильева Е.Н. Компенсация за нарушение исключительного права на интеллектуальную собственность // Труды института государства и права РАН. 2015. № 6. С. 105.
2. Добровинская В.А. Понятие и случаи ограничения ответственности в гражданском праве // LEX RUSSICA. № 5. 2017. С. 149.
3. Хлебова В.Ю. Возмещение убытков и взыскание компенсации за нарушение исключительных прав на объекты авторского права: проблемы применения // Тенденции развития науки и образования. № 29-1. 2017. С. 33.

Долинская В.В.,

профессор кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
член Научно-консультативного совета
при Верховном Суде РФ, д.ю.н., профессор

**Особенности соотношения и распределения
ответственности между юридическими лицами,
их органами и членами органов юридических лиц**

Выявлены основные положения об ответственности юридических лиц и проблемы, связанные с ее распределением среди заинтересованных лиц, групп лиц, организаций, органов юридического лица и их членов.

Ключевые слова: орган юридического лица; ответственность; юридическое лицо.

Нормы об ответственности юридического лица (далее – ЮЛ) следует рассматривать с нескольких позиций.

Сохраняется констатация ответственности ЮЛ по своим обязательствам и ее подчеркнута имущественный характер (п. 1 ст. 48, ст. 56 ГК).

Расширен круг ЮЛ, специфика ответственности которых установлена ГК (ч. II п. 1 ст. 56 ГК).

Предусмотрена обязанность ЮЛ возместить убытки, причиненные другим участникам гражданского оборота вследствие непредставления, несвоевременного представления или представления недостоверных данных о нем в ЕГРЮЛ (п. 2 ст. 51 ГК).

Ряд норм об ответственности содержится в статьях о прекращении деятельности ЮЛ.

Изменены основания возложения ответственности по обязательствам ЮЛ на его учредителя (участника) или собственника его имущества, а также возложения ответственности по обязательствам последних на само ЮЛ: исключены учредительные документы, к ГК добавлены другие законы (п. 2 ст. 56 ГК).

Случаи ответственности по обязательствам организации и перед ней других лиц, в первую очередь, имеющих право давать обязательные для нее указания либо возможность иным образом определять ее действия, расширены, качественно изменены и подробнее освещены, при этом основные нормы сведены в ст. 53.1 ГК.

Основные положения выглядят следующим образом:

Субъекты	Условия	Характер
ответственности		
Лицо, которое в силу закона, иного правового акта или учредительного документа ЮЛ уполномочено выступать от его имени (п. 1 ст. 53.1 ГК)	Вина, недобросовестность или неразумность при осуществлении своих прав и исполнении своих обязанностей, в т.ч. несоответствие его действия / бездействия обычным условиям гражданского оборота или обычному предпринимательскому риску	Возмещение убытков
Члены коллегиальных органов ЮЛа кроме тех, кто голосовал против решения, которое повлекло причинение ЮЛу убытков, или, действуя добросовестно, не принимал участия в голосовании (п. 2 ст. 53.1 ГК)	Не указаны. На основании толкования нормы можно предположить недобросовестность или неразумность	Возмещение убытков
Лицо, имеющее фактическую возможность определять действия ЮЛа, в т.ч. давать указания лицам, названным в п.п. 1 и 2 ст. 53.1 ГК (п. 3 ст. 53.1 ГК)	Вина, действие не в интересах ЮЛа (можно предположить как противоречие интересам ЮЛа, так и действие в чужих интересах), неразумность, недобросовестность	Возмещение убытков

Осуществлен переход от субсидиарной ответственности по обязательствам ЮЛа его учредителей (участников), собственника его имущества или других лиц, имеющих право давать обязательные для этого ЮЛа указания либо иным образом определять его действия в случае, если этими лицами вызвана несостоятельность (банкротство) ЮЛа (прежняя ред. п. 3 ст. 56 ГК), к самостоятельной и полной ответственности. В случае сов-

местного причинения убытков ЮЛу эти субъекты несут солидарную ответственность (п. 4 ст. 53.1, ст. 322 ГК). В отсутствие неделимости предмета обязательства мы не рискуем говорить о связи обязательства с предпринимательской деятельностью, т.к. ст. 53.1 ГК распространяется как на коммерческие ЮЛ, так и на некоммерческие. Возможно, повышение ответственности связано со значимостью этих отношений для стабильности гражданского оборота.

Интересна новелла п. 5 ст. 53.1 ГК. Ее часто толкуют как исключаящую соглашения об устранении или ограничении ответственности, но это справедливо только в отношении лица, имеющего фактическую возможность определять действия ЮЛа (п. 3 ст. 53.1 ГК). В отношении же лица, которое в силу закона, иного правового акта или учредительного документа ЮЛа уполномочено выступать от его имени и членов коллегиальных органов ЮЛа (п.п. 1 и 2 ст. 53.1 ГК), такое соглашение ничтожно только применительно к совершению недобросовестных действий, а в публичном обществе – к совершению недобросовестных и неразумных действий. То есть возникает коллизия между понятиями вины в гражданском праве и недобросовестности, неразумности.

Проблему представляет раскрытие понятия «лицо, имеющее фактическую возможность определять действия юридического лица» (п. 3 ст. 53.1 ГК). Сегодня действуют такие легальные понятия, как:

- 1) «аффилированные лица» – ст. 4 Закона РСФСР от 22.03.1991 г. № 948-1 «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках»¹;
- 2) «группа лиц» – ст. 9 Федерального закона от 26.07.2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции»²;
- 3) «взаимозависимые лица» – ст. 20 НК;
- 4) «контролирующее и подконтрольное лица» – ст. 2 Федерального закона от 22.04.1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг»³;
- 5) «аффилированность» – ст. 53.2. ГК.

Эти понятия различаются по содержанию и кругу лиц, используются в различных отраслях. Одно и то же понятие («аффилированность») с различным содержанием используется и в публичном, и в частном праве⁴.

Необходим единый для публичного и частного права термин, обозначающий принадлежность к определенной группе лиц с наличием потенци-

1 Ведомости Съезда Народных Депутатов и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 16. Ст. 499 (с изм.).

2 СЗ РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3434 (с изм.).

3 СЗ РФ. 1996. № 17. Ст. 1918 (с изм.).

4 См. подробнее: Долинская В.В. Аффилированность и цели правового регулирования // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 3.

альной возможности оказывать влияние или быть под влиянием при принятии решений в сфере экономической деятельности. При этом в законе должны содержаться четкие критерии такой группы.

При конфликте интересов в такой группе или конфликте общих интересов такой группы с интересами государства, общества задействуется механизм правовой ответственности. При этом в законе должен быть закрытый перечень правонарушений для подобных ситуаций с однозначными диспозицией и санкцией каждой нормы и возможностью применения аналогии закона и аналогии права исключительно в судебном порядке.

Также необходима определенность с кругом лиц, которые могут обратиться в защиту нарушенного интереса.

Оптимально предусмотреть разный порядок защиты в публичном (презумпция административного порядка) и частном праве (презумпция судебного порядка).

Помимо распределения ответственности внутри группы лиц проблему представляет тенденция к признанию квазиправосубъектности за органами ЮЛ.

Исторически понятие «орган ЮЛ» раскрывалось через теории самого ЮЛ, которые признавали его представителем ЮЛ и, таким образом, самостоятельным субъектом права или рассматривали в качестве составной части последнего¹.

В гражданском праве до недавнего времени превалировала позиция Б.Б. Черпахина (орган представляет ЮЛ, но не представляет от имени ЮЛ²). Ее подтверждали судебные дела, связанные с квалификацией сделок ЮЛ, совершенных с превышением полномочий органов ЮЛ и т. п.³

Эта позиция начала «размываться» в законах о конкретных организационно-правовых формах ЮЛ. Серьезным ударом по ней явились изменения в процессуальном законодательстве 2009 г. (п. 1 ст. 53, п. 1 ст. 225.10 АПК) и просуществовавшая недолго редакция ст. 53 ГК с отсылкой к п. 1 ст. 182 ГК при указании на действия органов ЮЛ от его имени.

1 См.: Долинская В.В. Акционерное право: основные положения и тенденции: [монография]. М.: Волтерс Клувер, 2006. § 1.1.3.

2 См.: Черпахин Б.Б. Органы и представители юридического лица // Ученые записки / Всесоюзный научно-исследовательский институт советского законодательства. М., 1968. Вып. 14. С. 131-140.

3 См.: О некоторых вопросах практики применения статьи 174 Гражданского кодекса Российской Федерации при реализации органами юридических лиц полномочий на совершение сделок: Постановление Пленума ВАС РФ от 14.05.1998 г. № 9 // Вестник ВАС РФ. 1998. № 7 (с изм.); О некоторых вопросах практики применения статьи 183 Гражданского кодекса Российской Федерации: Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 23.10.2000 г. № 57 // Вестник ВАС РФ. 2000. № 12.

Среди традиционных для частного права участников с 2009 г. в АПК в качестве истца / заявителя по некоторым категориям дел указаны «органы»: п. 1 ст. 53 АПК, п. 1 ст. 225.10 АПК. Последнее распространяется на корпоративные споры (ст. 225.11 АПК)¹.

По тексту ясно, что речь идет не об органах публично-правовых образований. Но кроме определенных различий между процессуальным и корпоративным законодательством нерешенными остаются вопросы:

1) о каких именно органах идет речь (любые, только органы управления (далее – У-я), высший орган У-я [общее собрание участников корпорации?!], руководящий текущей деятельностью и т. д.)?

2) если орган коллективный, каким кворумом должно приниматься решение о подаче иска / заявления, или это делает руководитель органа единолично?

3) как эти нормы согласуются с п.п. 2 и 3 ст. 44, п. 1 ст. 45 АПК, согласно которым истцами, ответчиками и заявителями являются организации и граждане?

Проблему также представляет нарушение принципа равенства: если даже в противоречии с п.п. 2 и 3 ст. 44, п. 1 ст. 45 АПК органы ЮЛ могут быть истцами и заявителями, то почему они не могут выступать и в качестве ответчиков?

Гражданское право и ГК по-прежнему содержат закрытый перечень субъектов гражданских правоотношений, в который органы ЮЛ не входят. Применительно к ним удастся вычленивать не все элементы правосубъектности.

Условно у органов ЮЛ есть персонификация: в законе и учредительных документах содержатся их наименования. Устав ЮЛ должен содержать сведения о его наименовании, месте нахождения, порядке У-я деятельностью ЮЛ (п. 4 ст. 52 ГК), т.е. и об его органах (ср. ст. 53 и ст.ст. 65.3, 67.1. ГК).

Государственная регистрация ЮЛ осуществляется, как правило, по месту нахождения его постоянно действующего исполнительного органа (п. 2 ст. 54 ГК).

Сложнее обстоит дело с внешней обособленностью. Такой ее признак, как организационная обособленность, еще прослеживается. По аналогии с признаком ЮЛ «организационное единство» можно говорить о наличии: а) системы существенных социальных взаимосвязей, посредством которых лица объединяются в единое целое; б) внутренней структурной и функциональной дифференциации; в) определенной цели образования и функционирования. В законе, учредительных и иных внутренних докумен-

1 См. подробнее: Долинская В.В. Изменения в арбитражном процессуальном законодательстве и право корпораций // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. № 10.

тах определяется компетенция, а через нее цель органов ЮЛ, содержатся указания на количественный и, в ряде случаев, качественный состав органов, распределение полномочий и ответственности между их членами.

Но отсутствует такой признак внешней обособленности, как имущественная обособленность органов ЮЛ. Вознаграждение и компенсация расходов даже условно не могут быть сюда отнесены, т. к. выплачиваются не органу в целом, а его участникам.

Вместо терминов «правосубъектность», «правоспособность» и т. п. применительно к органам ЮЛ используется понятие «компетенция», которую мы рассматриваем как систему из двух элементов: 1) предмет ведения и 2) полномочия – совокупность прав и обязанностей в сфере отношений, основанных на властном подчинении одной стороны другой (п. 3 ст. 2 ГК); совокупность вопросов, решения по которым полномочны принимать те или иные лица (в нашем случае – органы ЮЛ)¹.

Деликтоспособность практически отсутствует: речь идет об ответственности лица, уполномоченного выступать от имени ЮЛ, членов коллегиальных органов ЮЛ (ст. 53.1 ГК); отдаленным аналогом выступает принудительное досрочное прекращение полномочий некоторых органов У-я ЮЛ.

Ответственность лица, уполномоченного выступать от имени ЮЛ, членов коллегиальных органов ЮЛ, также имеет несколько аспектов.

Природа такой ответственности: в зависимости от характера правонарушения и типа органа, осуществляющего защиту права, можно условно выделить несколько «степеней» защиты прав. Следовательно, в отношении одного и того же субъективного права могут быть задействованы различные меры защиты. Так, член органа ЮЛ может нести административную, гражданско-правовую, дисциплинарную и уголовную ответственность.

Последствия правонарушения члена органа ЮЛ касаются не только его самого, но также ЮЛ и иных заинтересованных лиц.

В связи с этим во внутренних отношениях (ошибочно приравняемых часто к корпоративным)² член органа ЮЛ несет ответственность сразу перед организацией.

В иных отношениях, где вовне выступает само ЮЛ, неблагоприятные последствия (например, возмещение убытков) сначала претерпевает эта организация, а затем в регрессном порядке она может взыскать свои убытки с члена органа ЮЛ.

1 См.: Долинская В.В. Правовой статус и правосубъектность // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 2.

2 См. подробнее: Долинская В.В. Корпоративные отношения в предмете гражданского права // Всероссийский научный журнал Вопросы правоведения. 2015. № 5.

Ряд проблем связан со сделками, совершенными такими членами от имени ЮЛ, и их последствиями. В основном речь идет о ст. 174 ГК.

Сейчас эта статья объединяет 2 состава правонарушений:

п. 1 – сделки с выходом за пределы полномочий, которые ограничены договором или положением о филиале или представительстве ЮЛ, учредительными документами ЮЛ или иными регулирующими его деятельность документами,

п. 2 – сделки, совершенные в ущерб интересам ЮЛ (вне зависимости от соблюдения или нарушения пределов полномочий).

Последний содержит два самостоятельных основания недействительности.

Оба состава объединяют основание недействительности (порок условия действительности) – порок субъектного состава – и последствия – оспоримость.

Но они различаются по характеру условий и доказательственной базе.

Для 1-го состава значимы:

- наличие ограничений полномочий, оформленных закрытым перечнем документов;
- выход за пределы полномочий,
- иск лица, в интересах которого установлены ограничения,
- информированность (реальная или презюмируемая) другой стороны сделки об этих ограничениях.

Время доказывания возлагается на истца (ч. 6 п. 22 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела первой части первой Гражданского кодекса РФ»¹ (далее – Постановление № 25)). При этом, согласно ч. 3 п. 22 Постановления № 25, по общему правилу закон не устанавливает обязанности третьего лица, – не входящего в состав органов ЮЛ и не являющегося его учредителем или участником, – по проверке учредительного документа ЮЛ с целью выявления ограничений или разграничения полномочий единоличного исполнительного органа ЮЛ или нескольких единоличных исполнительных органов, действующих независимо друг от друга либо совместно.

Ч. 4 п. 22 Постановления № 25 устанавливает презумпцию неограниченности этих полномочий для третьих лиц, полагающихся на данные ЕГРЮЛ о лицах, уполномоченных выступать от имени ЮЛ.

Положения учредительного документа, определяющие условия осуществления полномочий лиц, выступающих от имени ЮЛ, в т.ч. о совместном осуществлении отдельных полномочий, не могут влиять на права третьих лиц и служить основанием для признания сделки, совершенной с

1 Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.

нарушением этих положений, недействительной, за исключением случая, когда будет доказано, что другая сторона сделки в момент совершения сделки знала или заведомо должна была знать об установленных учредительным документом ограничениях полномочий на ее совершение (ч. 5 п. 22 Постановления № 25).

Устанавливать, повлекла ли сделка неблагоприятные для истца последствия и нарушает ли она его права и законные интересы каким-либо иным образом, не требуется (п. 92 Постановления № 25).

Для 2-го состава значимы:

- ущерб интересам ЮЛ,
- иск ЮЛ, а в случаях, предусмотренных законом, иск, предъявленный в его интересах иным лицом или иным органом¹,
- информированность (реальная или презюмируемая) другой стороны о явном ущербе для ЮЛ или
- наличие обстоятельств, которые свидетельствуют о сговоре либо об иных совместных действиях органа ЮЛ и другой стороны сделки в ущерб интересам ЮЛ.

О наличии явного ущерба свидетельствует совершение сделки на заведомо и значительно невыгодных условиях (например, встречное предоставление, полученное по сделке, в несколько раз ниже стоимости предоставления, совершенного в пользу контрагента). При этом подразумевается очевидность для любого участника сделки в момент ее заключения (ч. 3 п. 93 Постановления № 25).

В ч. 4 п. 93 Постановления № 25 предпринята попытка разграничения явного ущерба в силу умысла и хозяйственного риска.

При сговоре или иных совместных действиях члена органа ЮЛ и другой стороны сделки ущерб интересам организации может заключаться как в любых материальных потерях, так и в нарушении иных охраняемых законом интересов (например, утрате корпоративного контроля, умалении деловой репутации) (ч. 5 п. 93 Постановления № 25).

В судебной практике сложился подход, в соответствии с которым лицо, в интересах которого установлены ограничения, вправе впоследствии одобрить сделку, совершенную с рассмотренными выше пороками. Пленум Высшего Арбитражного Суда РФ в п. 7 Постановления от 14.05.1998 г. № 9 «О некоторых вопросах применения статьи 174 Гражданского кодекса Российской Федерации при реализации органами юридических лиц полномочий на совершение сделок»² указал на необходимость применения правила п. 2 ст. 183 ГК, регулирующего сходные отношения (аналогия

1 В данном случае в ГК орган фигурирует как субъект права.

2 Вестник ВАС РФ. 1998. № 7 (утрат. силу в связи с принятием Постановления № 25).

закона). Это Постановление утратило силу, а в ч. 6 п. 93 Постановления № 25 специально подчеркнута, что «наличие решения общего собрания участников (акционеров) хозяйственного общества об одобрении сделки в порядке, установленном для одобрения крупных сделок и сделок с заинтересованностью, не препятствует признанию соответствующей сделки общества, совершенной в ущерб его интересам, недействительной, если будут доказаны обстоятельства, указанные в пункте 2 статьи 174 ГК РФ».

Отдельного исследования¹, выходящего за пределы настоящей темы, заслуживает Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30.07.2013 г. № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица», после принятия которого более чем в два раза увеличилось количество дел о привлечении к ответственности директоров².

В целом же при росте числа и изменении характера норм об ответственности ЮЛ проблемы соотношения и распределения ответственности между ЮЛ, их органами и членами органов ЮЛ еще остаются и требуют разрешения.

Список литературы:

1. Бычкова Е.Н., Калининченко К.С. Судебная практика по спорам, связанным с привлечением к ответственности единоличного исполнительного органа юридического лица // Арбитражные споры. 2015. № 3.
2. Габов А.В. Об ответственности членов органов управления юридических лиц // Вестник ВАС РФ. 2013. № 7.
3. Долинская В.В. Акционерное право: основные положения и тенденции. М., 2006.
4. Долинская В.В. Аффилированность и цели правового регулирования // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 3.
5. Долинская В.В. Изменения в арбитражном процессуальном законодательстве и право корпораций // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. № 10.
6. Долинская В.В. Корпоративные отношения в предмете гражданского права // Всероссийский научный журнал Вопросы правоведения. 2015. № 5.
7. Долинская В.В. Правовой статус и правосубъектность // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 2.

1 См., например: Габов А.В. Об ответственности членов органов управления юридических лиц // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2013. № 7.

2 См.: Бычкова Е.Н., Калининченко К.С. Судебная практика по спорам, связанным с привлечением к ответственности единоличного исполнительного органа юридического лица // Арбитражные споры. 2015. № 3.

8. Черепяхин Б.Б. Органы и представители юридического лица // Ученые записки / Всесоюзный научно-исследовательский институт советского законодательства. М., 1968. Вып. 14. С. 131–140.

Иванова Т.В.,

главный бухгалтер ООО «Сервисавтоматика»

Некоторые виды скрытых санкций в отношении малого и среднего бизнеса

Санкции обычно закреплены в норме права и придают юридическую силу норме права, позволяют реализовать норму права в виде применения неблагоприятных последствий к нарушителям нормы права.

Некоторые авторы считают, и с ними можно согласиться, что «... норма права на самом деле одноэлементна, представляет собой правило поведения, т. е. диспозицию, а гипотеза и санкция представляют собой лишь атрибуты правовой нормы»¹. Атрибуты правовой нормы в виде санкций могут иметь скрытый характер. Иногда неблагоприятные последствия от той или иной нормы права накладываются не на нарушителей, а на совсем других лиц, Неблагоприятные последствия наложены в виде определенной денежной суммы, но наложены не на нарушителей. От санкции остается только одно – возложение неблагоприятных последствий, она как бы устремлена не на нарушителей, а на неопределенный круг лиц, например, которые волей случая оказались рядом. Такие санкции стоило бы называть скрытыми санкциями, так как, во-первых, они создают неблагоприятные последствия, они связаны с применением нормы права, неблагоприятные последствия, но наступают не для нарушителей норм права, а для других лиц. Санкция как бы возникает из неоткуда, а так как она возникает из неоткуда, то и применяется к тем, кто случайно оказался рядом и не является нарушителем. Можно было бы назвать их случайными скрытыми санкциями. Такого рода санкции должны быть исключены из права, государственная политика должна быть направлена на ясное четкое законодательство, на ясные четкие правила, на возложение меры ответственности на нарушителя, на устранение в праве случайных скрытых санкций.

Правовая политика есть составная часть общегосударственной политики, это деятельность уполномоченных субъектов (прежде всего государственных и муниципальных органов власти) по созданию эффективного механизма правового регулирования. Правовая политика основана на принципах права, имеет нормативно-правовые организационные формы, осуществляется правовыми средствами и обеспечена аппаратом прину-

ждения. Структурными элементами правовой политики являются определение стратегии правотворческой деятельности государства в указанной сфере, выработка принципов правового регулирования и оптимизация действующего механизма.

В.В. Трофимов писал, что «правовая политика создает основу правовым реформам, обозначает их характер, пределы, сроки и эффективность»¹.

Принятая всенародным голосованием в 1993 году новая Конституция РФ заложила принципы построения нашего государства, как правового демократического государства, основанного на частной собственности, что в последующем определило направления реформирования нашей страны.

Основанная на частной собственности, наша страна стала на путь развития предпринимательства. Малый и средний бизнес стали составной частью экономической основы нашей страны. Развитие малого и среднего бизнеса в нашей стране есть результат правовой политики государства. Особенно в последние годы в нашей стране наблюдается рост малого и среднего бизнеса.

Для организации малого и среднего бизнеса в основном используется форма юридического лица в виде общества с ограниченной ответственностью. Общество с ограниченной ответственностью чаще всего создается из 2 или 3 членов-учредителей и с небольшим уставным капиталом, чаще всего в 10 тыс. руб.

Но для создания и развития бизнеса, как правило, этого не достаточно. Бизнес сам по себе это сложный механизм по получению прибыли, сопряженный со значительными затратами. И здесь хотелось бы сказать, что затраты бизнеса очень зависят от вида деятельности, который будет лежать в основе бизнеса. Например, общество с ограниченной ответственностью, видом деятельности которого является производство продукции, отличается от общества с ограниченной ответственностью, осуществляющего оптовую торговлю или с видом деятельности, например, в бизнесе от сдачи имущества в аренду. Получение прибыли при производстве продукции связано с затратами на материалы, с затратами на производственный персонал в виде заработной платы и отчислений на нее в фонды, с услугами на содержание здания, где осуществляется производство продукции и т. д. Основная статья затрат на производство продукции – это чаще всего заработная плата производственного персонала, отчисления на нее и стоимость материалов. К сожалению это пока сказка, что вместо производственных рабочих работают роботы круглосуточно и без света и отопления, в настоящий момент на производстве трудятся конкретные люди с конкретными жизненными планами и целями.

1 Нохрин Д.Г. Государственное принуждение в гражданском судопроизводстве: монография. Волгерс Клаувер, 2009 // КонсультантПлюс.

1 Трофимов В.В. Правовая политика как научная основа правовых реформ // Государство и право. 2010. № 6. С. 101.

Бизнес производственного предприятия, где в доли затрат производственный труд наемных рабочих составляет около 50 %, имеет социальную окраску, предоставляя рабочие места, производя выплаты заработной платы и отчисления на заработную плату. Создавая организацию, учредители не имеют цель ликвидировать ее, поступая на работу в частное предприятие, работники не имеют целью уволиться, а имеют цель получения постоянной работы и стабильного получения дохода. Итак, в обществе с ограниченной ответственностью с уставным капиталом в 10 тыс. руб. с видом деятельности производство есть еще такой участник общества как рабочий коллектив или производственный персонал, который своим трудом за заработную плату способствует развитию бизнеса, осуществляет непосредственную деятельность организации, без коллектива в виде производственного персонала предприятие не работоспособно. Иногда зависимость деятельности производственной организации от деятельности персонала выше, чем от деятельности учредителей. Но дело не в прибыли, которая распределяется между учредителями и не распределяется между членами коллектива, вопрос в источнике для выплаты доли учредителю. Для производства продукции требуются производственные площади, любая производственная организация стремится минимизировать затраты на производство и, прежде всего, приобрести собственные производственные площади, чтобы уйти от арендной зависимости. Проработав некоторое время, производственные предприятия, накопив некоторые средства на счетах или же взяв кредит или заем, приобретают производственные площади или же строят. Производственными площадями может быть отдельное здание, и часть здания или отдельное помещение и т. д.

Но на практике иногда возникает такой момент, когда один из учредителей решает выйти из состава учредителей и требует своей доли.

Согласно п. 1 ст. 26 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» участник общества вправе выйти из общества путем отчуждения доли обществу независимо от согласия других его участников или общества, если это предусмотрено уставом общества¹.

П. 2. ст. 15 ФЗ № 14-ФЗ указывает, что размер доли участника общества в уставном капитале общества определяется в процентах или в виде дроби. Размер доли участника общества должен соответствовать соотношению номинальной стоимости его доли и уставного капитала общества.

Действительная стоимость доли участника общества соответствует части стоимости чистых активов общества, пропорциональной размеру его доли.

1 Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Собрание законодательства РФ. 16.02.1998. № 7. Ст. 785.

П. 3 ст. 15 ФЗ № 14-ФЗ: Уставом общества может быть ограничен максимальный размер доли участника общества.

Конечно, заложить в уставе общества ограничение максимальной доли участника общества было бы предусмотрительно, чтобы в дальнейшем избежать возможность непредвиденных обстоятельств, вызванных недобросовестными действиями участников общества, но, создавая общество, участники не считают кого-то недобросовестным участником, так как тогда такое общество просто напросто не создается. Первоначально все учредители – добросовестные участники.

Расчет чистых активов для определения доли участника общества рассчитывается согласно Приказу Минфина России от 28.08.2014 № 84н «Об утверждении Порядка определения стоимости чистых активов» (Зарегистрировано в Минюсте России 14.10.2014 № 34299) по правилам:

«Стоимость чистых активов определяется как разность между величиной принимаемых к расчету активов организации и величиной принимаемых к расчету обязательств организации».

«Принимаемые к расчету активы включают все активы организации, за исключением дебиторской задолженности учредителей (участников, акционеров, собственников, членов) по взносам (вкладам) в уставный капитал (уставный фонд, паевой фонд, складочный капитал), по оплате акций».

«Принимаемые к расчету обязательства включают все обязательства организации, за исключением доходов будущих периодов, признанных организацией в связи с получением государственной помощи, а также в связи с безвозмездным получением имущества».

В соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда РФ № 90, Пленума ВАС РФ № 14 от 09.12.1999 «О некоторых вопросах применения Федерального закона "Об обществах с ограниченной ответственностью"»:

в) общество обязано выплатить участнику, подавшему заявление о выходе из общества, действительную стоимость его доли, размер которой определяется на основании данных бухгалтерской отчетности общества за год, в течение которого подано указанное заявление¹.

Исходя из пункта 2 статьи 14 Закона, действительная стоимость доли участника должна соответствовать части стоимости чистых активов общества, пропорциональной размеру его доли.

Если говорить упрощенно, стоимость ЧА характеризует величину собственного капитала компании, включающего сумму уставного, резервного, добавочного капитала и нераспределенной прибыли за вычетом задолженности учредителей по взносам в уставный капитал.

1 Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 90, Пленума ВАС РФ № 14 от 09.12.1999; «О некоторых вопросах применения Федерального закона "Об обществах с ограниченной ответственностью"» // Российская газета. 27.01.2000. № 19.

В состав чистых активов для определения доли участника при выходе его из состава учредителей входит добавочный капитал.

Если рассмотреть чистые активы с точки зрения их образования, то можно увидеть насколько это противоречивые активы. Например, актив в виде основного средства, такое как здание, помещение или сооружение или часть здания или помещения.

При приобретении ОС в виде здания бухгалтер на 01 (через 08) счет поставит все затраты по приобретению данного здания, которое затем будет отражено в балансе организации.

Судебная практика показывает, что доля участника, если участник не согласен с данными бухгалтерского баланса, может быть определена судом по его заявлению на основании данных экспертизы. Экспертиза назначается судом, и экспертиза проверяет рыночную стоимость основного средства. Так, например, было в деле Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 01.08.2012 по делу № А32-10064/2011¹. Расчет доли судом производится на основании рыночной оценки.

Но что такое рыночная оценка?

В соответствии со ст. 3 Федерального закона от 29.07.1998 № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации»², ст. 26 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»: «Для целей настоящего Федерального закона под рыночной стоимостью объекта оценки понимается наиболее вероятная цена, по которой данный объект оценки может быть отчужден на открытом рынке в условиях конкуренции, когда стороны сделки действуют разумно, располагая всей необходимой информацией, а на величине цены сделки не отражаются какие-либо чрезвычайные обстоятельства, то есть когда:

- одна из сторон сделки не обязана отчуждать объект оценки, а другая сторона не обязана принимать исполнение;
- стороны сделки хорошо осведомлены о предмете сделки и действуют в своих интересах;
- объект оценки представлен на открытом рынке посредством публичной оферты, типичной для аналогичных объектов оценки;
- цена сделки представляет собой разумное вознаграждение за объект оценки и принуждения к совершению сделки в отношении сторон сделки с чьей-либо стороны не было;
- платеж за объект оценки выражен в денежной форме.

1 Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 01.08.2012 по делу № А32-10064/2011/Право/(с) 1992-2017 // КонсультантПлюс / <http://www.consultant.ru/cons>.

2 Федеральный закон от 29.07.1998 № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 03.08.1998. № 31. Ст. 3813.

Таким образом, рыночная цена определяется путем представления объекта оценки на открытом рынке посредством публичной оферты, типичной для аналогичных объектов оценки.

Итак, рыночная цена определяется исходя из предположения, что такой то объект может быть продан по такой то цене, так как на рынке аналогичный объект выставлен на продажу по такой же цене. И здесь возникает вопрос: цена по которой подано предложение на продажу и цена по которой куплен объект – это одна и та же цена? Как узнать цену, по которой был продан объект? Цена, по которой был продан объект, указана в договоре между продавцом и покупателем и доступна только продавцу покупателю и государственному регистратору сделки, который не обязан отчитываться перед обществом о цене, указанной в договоре на продажу того или иного объекта. Обязанности соответствовать цене, указанной в предложении, и цене, указанной в договоре на продажу, нет, поэтому говорить, что рыночная цена – это цена, указанная в предложении на продажу, можно с натяжкой. В случае если бы объект был переоценен и поставлен в баланс по рыночной цене, то сумма дооценки в случае увеличения стоимости объекта была бы отнесена на добавочный капитал. Добавочный капитал, как известно, имеет промежуточное расположение между уставным капиталом и прибылью.

Согласно Инструкции по применению Плана счетов бухгалтерского учета финансово-хозяйственной деятельности организаций, утвержденной Приказом Минфина России от 31.10.2000 № 94н (далее – Инструкция по применению Плана счетов)¹, суммы, отнесенные в кредит счета 83 «Добавочный капитал», как правило, не списываются. Дебетовые записи по нему могут иметь место лишь в случаях:

- погашения сумм снижения стоимости внеоборотных активов, выявившихся по результатам ее переоценки. В данной ситуации списание сумм со счета 83 производится в корреспонденции со счетами учета активов, по которым определено снижение стоимости;
- направления средств на увеличение уставного капитала – в корреспонденции со счетом 75 «Расчеты с учредителями» либо счетом 80 «Уставный капитал»;
- распределения сумм между учредителями организации (счет 83 корреспондирует со счетами 75 и 70 «Расчеты с персоналом по оплате труда»).

В случае если судом принято решение выплатить учредителю при его выходе из ООО доли исходя из рыночной стоимости объекта, то какую проводку должен сделать бухгалтер в бухгалтерском учете? Добавочный

1 Приказ Минфина РФ от 31.10.2000 № 94н «Об утверждении Плана счетов бухгалтерского учета финансово-хозяйственной деятельности организаций и Инструкции по его применению» // Экономика и жизнь. 2000. № 46.

капитал в балансе не сформирован, основания для формирования добавочного капитала у бухгалтера нет, а как же производить выплаты, исходя из каких источников?

В действительности, учредителю надо выплатить долю намного больше, чем он внес в уставный капитал, намного больше, чем может оказаться прибыль на предприятии, намного больше, чем учредитель внес в развитие бизнеса и в развитие предприятия, намного больше, чем он сделал для предприятия. Тогда исходя из каких источников должна быть осуществлена выплата учредителю, пожелавшему через суд взыскать долю исходя из рыночной стоимости объекта?

Добавочный капитал – это не реальные деньги, это даже не деньги, а только предполагаемая разница между рыночной ценой, по которой может быть продан объект, и учетной стоимостью объекта на 01 счете за минусом амортизации.

В таком случае возникает вопрос: а как быть всем остальным участникам бизнеса, начиная от оставшихся учредителей в ООО до производственного персонала, что им делать в этом случае? Немедленно продавать объект по рыночной стоимости?

Но в таком случае надо останавливать деятельность и продавать объект, а это может быть здание помещения, в котором работает все предприятие. Может, нужно взять кредит, чтобы выплатить стоимость доли учредителю? И весь коллектив будет работать в 5-6 раза быстрее или больше, чтобы рассчитаться с учредителем?

Как же так учредитель, который на предприятии не принимал никаких решений по развитию бизнеса, а внес только уставный капитал в размере 3300 руб., получает долю при выходе из состава участников общества в размере 10 000 000 руб.!

Таким образом, запросы учредителя при выходе его из состава ООО с требованием через суд выплатить ему долю исходя из рыночной оценки объекта, а не балансовой нельзя назвать добросовестными действиями, так как в данном случае деятельность предприятия, в котором осуществляют бизнес остальные участники общества, становится затруднительной, если не говорить невозможной. При этом сам учредитель не доказал, насколько его вклад в деятельность предприятия соизмерим с требуемой долей.

Для коллектива, который должен отработать кредит, который возьмет ООО для выплаты доли участнику общества, является ни что иное, как санкцией. Санкция, которая не установлена законом, скрытая санкция.

Было бы целесообразно суду учитывать тот факт, что учредитель добровольно выходит из состава ООО, поэтому у него было право, когда он находился в составе ООО, принять решение о добровольной ликвидации ООО и распределить стоимость объекта по рыночной стоимости и получить за это денежные средства. А также хотелось бы, чтобы суд при опре-

делении рыночной стоимости доли участника при выходе из состава ООО учитывал и личный вклад участника в предприятие в виде принятых им решений по развитию бизнеса, которые могут быть подтверждены протоколами собрания общества, внутренними документами общества (приказами, положениями т. д.).

Правовая политика в отношении малого и среднего бизнеса для нашей страны находится в самом начале своего развития и является совершенно новым направлением в общегосударственной политике. Думаю, что многое, что сегодня определяет правовое положение малого и среднего бизнеса, есть результат перекачывания зарубежных правовых норм в наше законодательство. Но за рубежом бизнес прошел долгий вековой путь своего развития, а наша страна только последние 30 лет живет в условиях частной собственности и бизнеса. Наш бизнес еще находится в зачаточном состоянии, бизнес только еще учится и совершенно не обязательно, что бизнес в нашей стране должен пройти путь зарубежных стран, вполне возможно собственное развитие нашей страны в этом направлении. Наемные работники, которые трудятся в частном бизнесе, не должны подвергаться санкциям из-за желаний участников общества получить свою долю в бизнесе в случае отсутствия реальной возможности выплаты доли и отсутствия оценки личного реального вклада в бизнес участника, пожелавшего выйти из состава ООО. На сегодняшний день законодательство не оценивает личный вклад участника общества при определении выплаты его доли в случае выхода из состава ООО, все риски остаются за оставшимися участниками и коллективом, который состоит только в трудовых отношениях. Но когда требуется произвести выплату участнику общества, на наемный персонал накладывается не трудовая ответственность, а санкции, которые заставляют работников трудиться с повышенной производительностью труда, а это может превысить допустимую норму, что неблагоприятно может отразиться на здоровье персонала, создать напряженность в отношениях и даже привести к потере работы.

Кроме того, коммунистическое воспитание придает нашему обществу свои неповторимые черты, которые также надо учитывать, разрабатывая общегосударственные стратегии в области права. Развитие и усиление малого и среднего бизнеса должно превалировать на начальном этапе развития нашей страны над частной собственностью, иначе страна будет отброшена в своем развитии еще на долгие годы. «Эффективность хозяйственно-экономической деятельности корпорации находится в прямой зависимости от индивидуального состава ее участников-членов и их активности»¹.

1 Юридические лица в российском гражданском праве: монография. В 3 т. Гл. 4. Виды юридических лиц в российском законодательстве (том 2) (Аюрова А.А., Беляева О.А., Вильданова М.М. и др.) (отв. ред. А.В. Габов) (ИЗиСП, ИНФРА-М, 2015) // КонсультантПлюс.

Измайлов В.В.,

председатель Центральной окружной коллегии адвокатов г. Москвы

Расторжение брака как способ охраны прав супругов

Существует необходимость выявления и обоснования правового значения государственной регистрации расторжения брака в зависимости от того, расторгнут он был в органах записи актов гражданского состояния или в суде.

В настоящей статье рассматривается расторжение брака как способ охраны прав супругов.

Ключевые слова: брак; расторжение брака; государственная регистрация; органы ЗАГС; охрана прав супругов.

Расторжение брака, выполняя функцию одного из оснований прекращения супружеского союза, может быть произведено в органах записи актов гражданского состояния или в суде. Основания и порядок расторжения брака предусмотрены в главе 4 «Прекращение брака» Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ)¹. Однако, поскольку в соответствии со ст. 47 Гражданского кодекса Российской Федерации² (далее – ГК РФ) расторжение брака входит в перечень актов гражданского состояния, подлежащих государственной регистрации, при регулировании соответствующих отношений надлежит руководствоваться и специальным Федеральным законом № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния»³ (далее – закон об АГС).

В юридической литературе вопросы правовой регламентации оснований и порядка расторжения брака, правовых последствий расторжения брака исследованы на достаточном уровне с точки зрения числа научных работ. Следует признать, что, как правило, исследователи обращают внимание на две сферы правоотношений: между супругами, которые намерены расторгнуть свой брак и реализуют это намерение в административном или судебном порядке, и между бывшими супругами, то есть мужчиной и женщиной, брак между которыми уже прекращен. Заметим, что среди субъектов семейных правоотношений выделяются супруги и бывшие су-

1 Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 01.05.2017 № 94-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16; Собрание законодательства РФ. 2017. № 18. Ст. 2671.

2 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 29.07.2017 № 259-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 29.07.2017.

3 Федеральный закон от 15.11.1997 № 143-ФЗ (ред. от 18.06.2017 № 127-ФЗ) «Об актах гражданского состояния» // Собрание законодательства РФ. 1997. № 47. Ст. 5340.

пруги, согласно нормам СК РФ последние имеют ряд прав и обязанностей по отношению друг к другу.

Однако, на наш взгляд, не менее значимым является вопрос правового регулирования отношений между супругами, брак которых расторгнут, но государственная регистрация расторжения брака еще не произведена. Представляется, что этот период взаимоотношений мужчины и женщины (парадокс, но их нельзя уже называть супругами и еще нельзя называть бывшими супругами!) отличается правовой неопределенностью, что может послужить предпосылкой для нарушения прав и интересов данных лиц.

Согласно ст. 3 закона об АГС: «Акты гражданского состояния – действия граждан или события, влияющие на возникновение, изменение или прекращение прав и обязанностей, а также характеризующие правовое состояние граждан».

Анализ данного понятия позволяет ученым выявить признаки, раскрывающие правовую природу актов гражданского состояния. Так, И.П. Бахтиаров пишет: «Во-первых, это могут быть как действия (очевидно, только правомерные) граждан, так и события, то есть обстоятельства, как правило, не зависящие от воли физических лиц. Во-вторых, акты гражданского состояния являются правовым институтом, близким к юридическим фактам, однако, имеющим самостоятельное значение. Сущность актов гражданского состояния состоит в том, что они не влекут возникновение, изменение или прекращение прав и обязанностей физических лиц, а оказывают влияние на возникновение, изменение или прекращение прав и обязанностей. В-третьих, значение актов гражданского состояния определяется и тем, что они характеризуют правовое состояние лица»¹.

Кроме того, в соответствии с п. 1 ст. 6 этого же закона «Государственная регистрация актов гражданского состояния устанавливается в целях охраны имущественных и личных неимущественных прав граждан, а также в интересах государства».

В связи с этим исследование государственной регистрации расторжения брака как акта гражданского состояния представляется интересным и значимым как с точки зрения науки семейного права, так и с позиции правоприменителя.

Как правило, для цивилистики характерно деление актов гражданского состояния на правообразующие, правоизменяющие и правопрекращающие. Некоторые авторы с такой классификацией не согласны. Так, О.В. Фетисова обосновывает свои сомнения следующим образом: «...поскольку регистрация одних актов гражданского состояния как порождает, так и

1 Бахтиаров И.П. Физические лица как субъекты семейных правоотношений: монография. М., 2011. С. 97–98.

одновременно прекращает те или иные права и обязанности гражданина, а в ряде случаев с моментом регистрации закон не связывает наступление каких-либо правовых последствий, поскольку они наступают независимо от этого»¹.

В связи с этим данному автору представляется возможным деление актов гражданского состояния на имеющие смешанный и удостоверительный характер. «Так, с момента регистрации расторжения брака в органах ЗАГС, с одной стороны, прекращается правовой статус супругов, а с другой – появляются новые обязанности, в частности, алиментные, по отношению к несовершеннолетним детям, а также бывшему супругу»². Как считает О.В. Фетисова, в названных ситуациях акты гражданского состояния имеют смешанный характер.

К актам, имеющим удостоверительный характер, О.В. Фетисова предлагает относить расторжение брака по решению суда, усыновление и рождение. «Согласно п. 1 ст. 25 СК РФ моментом прекращения брака при его расторжении в суде считается день вступления решения суда в законную силу. Аналогичная формулировка содержится и в п. 3 ст. 125 СК РФ, где установлено, что с момента вступления решения суда в законную силу возникают взаимные права и обязанности между усыновителем и усыновленным ребенком, равные тем, которыми обладают кровные родители и дети. Хотя регистрация обязательна и в том, и в другом случае, но сам момент регистрации не имеет значения для изменения правового статуса граждан»³.

С таким подходом к определению правовой значимости регистрации актов гражданского состояния, в том числе и государственной регистрации расторжения брака, не согласен И.П. Бахтиаров. Вступая в дискуссию с О.В. Фетисовой, данный автор утверждает: «Представляется, что предложенная О.В. Фетисовой классификация актов гражданского состояния может быть признана обоснованной с точки зрения характеристики динамики изменений правового статуса физического лица. Согласимся, непосредственно государственная регистрация названных актов гражданского состояния не влечет за собой изменения правового статуса гражданина.

В то же время такое деление не соответствует второму признаку, определяющему суть актов гражданского состояния. Речь идет об оказании влияния на возникновение, изменение или прекращение прав и обязанностей физических лиц»⁴.

1 Фетисова О.В. Государственная регистрация актов гражданского состояния в Российской Федерации // Гражданин и право. 2008. № 9. С. 20.

2 Там же. С. 21.

3 Фетисова О.В. Указ. соч. С. 25.

4 Бахтиаров И.П. Указ. соч. С. 99.

Как считает указанный автор, исключительный характер такое влияние имеет именно в сфере семейных правоотношений. Обратимся к п. 2 ст. 25 СК РФ, который предусматривает императивную норму: «Супруги не вправе вступать в новый брак до получения свидетельства о расторжении брака в органе записи актов гражданского состояния по месту жительства любого из них».

Поскольку закон не обязывает супругов, брак которых расторгнут в суде, зарегистрировать расторжение брака в органах записи актов гражданского состояния, неопределенность правовой ситуации может иметь длительный характер. С одной стороны, брак расторгнут в суде, и правовые отношения между супругами прекращены, то есть расторжение брака как акт гражданского состояния оказало непосредственное влияние на изменение правового статуса супругов – они стали бывшими супругами. Однако, с другой стороны, до того момента, пока не будет произведена государственная регистрация соответствующего акта гражданского состояния (при этом супругу, подавшему заявление о регистрации развода, выдается свидетельство), физические лица – бывшие супруги не смогут реализовать свое прав на вступление в новый брак.

Государственная регистрация расторжения брака, независимо от того, был он расторгнут в органах записи актов гражданского состояния или в суде, выполняет охранительную функцию. Правовое значение имеет момент прекращения брака, поскольку именно с этого момента изменяется правовой статус супругов, но не прекращаются правоотношения между ними. Кроме того, как было установлено, именно государственная регистрация расторжения брака подтверждает не только исполнение воли супругов (одного из них), но и решение государства в лице уполномоченных органов о невозможности сохранения данного брачного союза.

Список литературы:

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 01.05.2017 № 94-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16; Собрание законодательства РФ. 2017. № 18. Ст. 2671.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 29.07.2017 № 259-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 29.07.2017.
3. Федеральный закон от 15.11.1997 № 143-ФЗ (ред. от 18.06.2017 № 127-ФЗ) «Об актах гражданского состояния» // Собрание законодательства РФ. 1997. № 47. Ст. 5340.
4. Бахтиаров И.П. Физические лица как субъекты семейных правоотношений: монография. М., 2011.

5. Фетисова О.В. Государственная регистрация актов гражданского состояния в Российской Федерации // Гражданин и право. 2008. № 9. С. 20–29.

Каримуллина А.Э.,

доцент кафедры гражданского права Казанского филиала РГУП, к.ю.н.

**К вопросу о гражданско-правовой ответственности
в правоотношениях, возникающих из договоров
обязательного страхования гражданской
ответственности владельцев транспортных средств**

В статье рассматриваются отдельные вопросы гражданско-правовой ответственности субъектов правоотношений, возникающих из договоров обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств.

Ключевые слова: страховщик; потерпевший; обязательное страхование; гражданско-правовая ответственность.

Karimullina A.E.

**The civil liability in legal relations arising from contracts of
compulsory insurance of civil liability of owners of vehicles**

The article deals with some issues of civil liability of subjects of legal relations arising out of contracts of compulsory insurance of civil liability of vehicle owners.

Keywords: insurer; victim; compulsory insurance; civil liability.

Ежедневно на дорогах Российской Федерации происходят тысячи дорожно-транспортных происшествий.

По данным Департамента ОБДД МВД РФ за 2016 год в Российской Федерации произошло 173694 дорожно-транспортных происшествия, в результате которых погибло более 20 тысяч человек, а более 220 тысяч человек получили ранения¹. Необходимо учитывать и то, что общестатистические официальные данные могут расходиться с реальными показателями аварийности на дорогах.

Общая стоимость ущерба от дорожных аварий и социальная значимость последствий дорожно-транспортных происшествий (ДТП) для общества достаточно велика. Кроме того, стоит помнить о постоянно нарастающих темпах автомобилизации населения. Этим обуславливается не-

1 Статистические данные о количестве дорожно-транспортных происшествий за 2016 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http://www. http://stat.gibdd.ru/](http://www.stat.gibdd.ru/) свободный.

обходимость создания эффективного механизма, способного обеспечить оперативное и полное возмещение вреда потерпевшим в ДТП.

В этой связи невозможно переоценить значение института обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств (далее – ОСАГО или автогражданская ответственность) как для потерпевших, так и для страхователей. Особенно важным представляется рассмотрение вопросов гражданско-правовой ответственности за неисполнение либо ненадлежащее исполнение договора ОСАГО.

Нормативно-правовую основу правоотношений по ОСАГО составляет, прежде всего, глава 48 Гражданского кодекса РФ. Однако стоит отметить, что глава 48 не содержит подробного правового регулирования отдельных видов и форм страхования. Поэтому особое значение при рассмотрении вопроса об ответственности в правоотношениях, вытекающих из договоров ОСАГО, имеет специальный Федеральный закон от 25 апреля 2002 года № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств»¹ (далее – Закон об ОСАГО) и Положение Банка России 19 сентября 2014 года № 431-П «О правилах обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств»² (далее – Правила ОСАГО).

Под гражданско-правовой ответственностью следует понимать санкцию, применяемую к правонарушителю в виде возложения на него дополнительной гражданско-правовой обязанности или лишения принадлежащего ему субъективного гражданского права³. В свою очередь, меры гражданско-правовой ответственности в общей системе правовых средств необходимо относить к средствам обеспечения прав и реализации обязанностей⁴.

Причем субъектами гражданско-правовой ответственности в правоотношениях, вытекающих из договоров ОСАГО, могут выступать страховщики, страхователи, потерпевшие и лица, причинившие вред. Поэтому, прежде всего, рассмотрим особенности ответственности страховщиков ОСАГО.

Следует отметить, что довольно часто в литературе можно встретить ошибочное мнение о том, что ответственностью страховщика является обязанность по осуществлению страхового возмещения. Очевидно, что осуществление страхового возмещения – это не ответственность страхов-

1 Российская газета. 2002. № 80.

2 Вестник Банка России. 2014. № 93.

3 Сергеев А.П., Толстой Ю.К. Гражданское право. В 3-х томах / Под ред. Сергеева А.П., Толстого Ю.К. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2005. Т. 1. 765 с.

4 Пугинский Б.И. Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях. М.: Юрид. лит., 1984. 224 с. С. 129–138.

щика, а его действия по исполнению одной из основных обязанностей по договору страхования. А ответственностью страховщика выступают те дополнительные гражданско-правовые обязанности, которые возлагаются на него в связи с несвоевременным осуществлением страхового возмещения либо отказом в страховой выплате.

В Законе об ОСАГО наиболее подробно и развернуто раскрываются правовое регулирование такой меры гражданско-правовой ответственности страховщика, как неустойка. Применение остальных мер гражданско-правовой ответственности (взыскание убытков, компенсация морального вреда) производится с учетом общих положений гражданского законодательства о гражданско-правовой ответственности.

Согласно п. 1 ст. 330 ГК РФ неустойкой признается определенная законом или договором денежная сумма, которую должник обязан уплатить кредитору в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства, в частности, в случае просрочки исполнения. В отношениях, вытекающих из договора ОСАГО, неустойка может быть взыскана как в виде пеней, так и в виде штрафа.

Размер пени по Закону об ОСАГО зависит от вида неисполненного своевременно обязательства:

1) при несоблюдении срока осуществления страховой выплаты или срока выдачи потерпевшему направления на ремонт транспортного средства – в размере одного процента от размера страхового возмещения;

2) при несоблюдении срока проведения восстановительного ремонта – в размере 0,5 процента от страхового возмещения. Причем размер пени не может превышать стоимость страхового возмещения;

3) при несоблюдении срока возврата страховой премии в случаях, предусмотренных правилами обязательного страхования, – в размере одного процента от страховой премии, но не более размера страховой премии по такому договору. Данная неустойка предусмотрена только в пользу страхователя – физического лица.

Однако Закон об ОСАГО использует неустойку в виде пеней не только в вышеперечисленных случаях, но и устанавливает особую разновидность неустойки в виде финансовой санкции. Основанием взыскания финансовой санкции в размере 0,05 процента от страховой суммы является несоблюдение страховщиком срока направления потерпевшему мотивированного отказа в страховом возмещении.

Условиями взыскания штрафной неустойки Закон об ОСАГО указывает следующие:

Потерпевшим выступает физическое лицо;

Страховщик допустил неисполнение в добровольном порядке требований потерпевшего, которые суд признал подлежащими удовлетворению.

Размер штрафа определяется в виде пятидесяти процентов от разницы между совокупным размером страховой выплаты, определенной судом, и размером страховой выплаты, осуществленной страховщиком в добровольном порядке.

При этом размер подлежащей уплате неустойки, финансовой санкции и штрафа может быть уменьшен судом в силу статьи 333 ГК РФ, когда подлежащие уплате неустойка, финансовая санкция и штраф явно несопоставимы последствиям нарушенного обязательства. Уменьшение неустойки, финансовой санкции и штрафа допускается только по заявлению ответчика¹.

Таким образом, ответственность страховщика ОСАГО в основном выражается в виде возложения на него дополнительной гражданско-правовой обязанности в виде уплаты неустойки. В отношении потерпевшего законодатель избрал иной механизм возложения гражданско-правовой ответственности, который преимущественно выражается в виде лишения принадлежащего потерпевшему субъективного гражданского права.

Основным субъективным правом потерпевшего в рамках правоотношений по ОСАГО является право на страховое возмещение, для осуществления которого потерпевший также должен исполнить ряд обязанностей: предоставить предусмотренный законом перечень документов, а также представить поврежденное имущество к осмотру страховщика. При неисполнении названных обязанностей страхователь лишается возможности требовать осуществления и защиты своего права на страховое возмещение.

Так, в силу п. 11 ст. 12 Закона об ОСАГО потерпевший обязан в согласованную сторонами дату предоставить поврежденное имущество к осмотру страховщика для осмотра и (или) независимой технической экспертизы, независимой экспертизы (оценки). В случае неисполнения названной обязанности потерпевший не может самостоятельно организовывать проведение независимой экспертизы, а страховщик возвращает без рассмотрения заявление потерпевшего о страховом возмещении.

Кроме того основанием для отказа страховщика в страховом возмещении служит то обстоятельство, что проведенный потерпевшим ремонт поврежденного имущества или утилизация его остатков, осуществленные до осмотра страховщиком и (или) проведения независимой экспертизы, не позволяют достоверно установить наличие страхового случая и размер убытков.

Право на отказ страховщика в страховом возмещении не является единственным последствием неправомерного поведения потерпевшего.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 января 2015 года № 2 «О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» // Российская газета. 2015. № 21.

Страховщик также может быть освобожден от обязанности уплаты неустойки, финансовой санкции, штрафа, если докажет, что нарушение сроков произошло вследствие непреодолимой силы или вследствие виновных действий (бездействия) потерпевшего.

Ответственность лица, причинившего вред, в правоотношениях по ОСАГО, в первую очередь, связана с закрепленными в Законе об ОСАГО основаниями для предъявления страховщиком регрессного требования к страхователю. В силу закрепления в законе императивной нормы возникновение регресса не зависит от волеизъявления сторон¹, а лицом, причинившим вред, может быть как сам страхователь, так и лицо, допущенное к управлению транспортным средством, либо лицо, не включенное в договор ОСАГО, в качестве лица, допущенного к управлению транспортным средством

Так, согласно ст. 14 Закона об ОСАГО право регрессного требования страховщика к причинителю вреда возникает лишь при определенных основаниях, если:

а) вследствие умысла указанного лица был причинен вред жизни или здоровью потерпевшего;

б) вред был причинен указанным лицом при управлении транспортным средством в состоянии опьянения (алкогольного, наркотического или иного);

в) указанное лицо не имело права на управление транспортным средством, при использовании которого им был причинен вред;

г) указанное лицо скрылось с места дорожно-транспортного происшествия и др.

Кроме регрессной ответственности причинителя вреда Закон об ОСАГО называет и еще одного субъекта регрессной ответственности. Так, в случае, если страховой случай наступил вследствие неисправности транспортного средства и такая неисправность выявлена или могла быть выявлена в момент проведения технического осмотра, но сведения о ней не были внесены в диагностическую карту, субъектом регрессной ответственности может выступить и оператор технического осмотра, который выдал диагностическую карту, содержащую сведения о соответствии транспортного средства обязательным требованиям безопасности транспортных средств.

Таким образом, субъектами гражданско-правовой ответственности в правоотношениях по ОСАГО могут выступать не только стороны договора (страхователь, страховщик), но и третьи лица: потерпевший, лицо,

¹ См.: Светличный А.Д. Соотношение регресса и суброгации в обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 54. С. 199.

причинившее вред, а также оператор технического осмотра, который выдал диагностическую карту. При этом если ответственность страховщика ОСАГО проявляется преимущественно в виде возложения на него дополнительной гражданско-правовой обязанности, то ответственности потерпевшего – в виде лишения принадлежащего ему субъективного гражданского права. В свою очередь, в отношении лица, причинившего вред (в том числе страхователя), а также оператора технического осмотра установлены те или иные случаи регрессной ответственности.

Список литературы:

1. Гражданское право. В 3-х томах / Под ред. Сергеева А.П., Толстого Ю.К. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2005. Т. 1. 765 с.
2. Положение Банка России 19 сентября 2014 года № 431-П «О правилах обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств» // Вестник Банка России. 2014. № 93.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 января 2015 года № 2 «О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» // Российская газета. 2015. № 21.
4. Пугинский Б.И. Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях / Б.И. Пугинский. М.: Юрид. лит., 1984. 224 с. С. 129–138.
5. Светличный А.Д. Соотношение регресса и суброгации в обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств / А.Д. Светличный // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 54. С. 199.
6. Статистические данные о количестве дорожно-транспортных происшествий за 2016 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.stat.gibdd.ru/свободный>.
7. Федеральный закон от 25 апреля 2002 года № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» // Российская газета. 2002. № 80.

Карягина В.С.,

доцент кафедры гражданского права Казанского филиала РГУП,
к.ю.н., доцент

Межотраслевые аспекты применения мер гражданско-правовой ответственности в жилищных правоотношениях

Рассматриваются вопросы применения мер гражданско-правовой ответственности в жилищных правоотношениях в аспекте межотраслевого

исследования, прослеживается влияние отраслевых особенностей жилищного права на применение мер гражданско-правовой ответственности за правонарушения в жилищной сфере, анализируются позиции ученых по вопросам юридической ответственности, межотраслевых связей и межотраслевого взаимодействия.

Ключевые слова: жилищные правоотношения; межотраслевые связи; меры гражданско-правовой ответственности; договорная ответственность; деликтная ответственность; ответственность за причинение вреда жилому помещению; договор управления многоквартирным домом; договор социального найма; договор участия в долевом строительстве; ответственность за нарушения при оказании жилищно-коммунальных услуг.

Karyagina V.S.

Inter-branch aspects of the use of measures of civil liability in housing legal relations

The questions of application of measures of civil liability in housing legal relations in the aspect of inter-branch research are considered, the influence of branch features of the housing law on the use of measures of civil liability for offenses in housing sphere is traced, positions of scientists on questions of legal responsibility, inter-branch connections and inter-branch interaction.

Keywords: housing legal relations; inter-branch connections; civil liability measures; contractual liability; tort liability; liability for causing harm to a housing unit; contract for managing an apartment building; contract of social hiring; contract for participation in shared construction; responsibility for violations in providing housing and communal services.

Одним из перспективных направлений современной цивилистической науки в настоящее время стали исследования межотраслевых связей гражданского права, выступающие разновидностью межотраслевых исследований в юридической науке¹. Значимость подобных исследований обусловлена целым рядом причин, к числу которых следует отнести значительное усиление комплексного, межотраслевого правового регулирования, выразившееся в стремительном развитии комплексных отраслей права, а также необходимость устранения коллизий между разноотраслевыми законодательными актами при использовании идентичных понятий и категорий. Межотраслевой подход позволяет всесторонне изучить исследуемое правовое явление и проследить его трансформацию под влиянием факторов иной отраслевой природы. Вместе с тем такое научное рассмо-

1 Чельшев М.Ю. Система межотраслевых связей гражданского права: цивилистическое исследование: дис. ... докт. юрид. наук. Казань, 2008; Сафиуллина Д.Р. Межотраслевые связи договорного права: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2015.

трение юридических явлений позволяет дать обоснованные рекомендации о возможности использования средств одной отрасли права внутри другой, позволяют разграничивать смежные сферы правового регулирования, требующие применения одноотраслевых средств. В цивилистической науке отмечается большое практическое значение межотраслевого подхода к исследованию правовой действительности, связанного, в первую очередь, со сферой правореализации и приближающего научный анализ к реальной практике, требующей учитывать межотраслевые взаимосвязи в правовой сфере. Отмечается также, что межотраслевой подход позволяет обратить внимание не только на область правореализации, но и на эффективность используемых правовых норм.

По мнению М.Ю. Чельшева, «в самом общем виде межотраслевое исследование следует рассценивать как процесс рассмотрения соответствующего юридического явления (договора, субъективного права и др.) с позиций одновременно нескольких отраслей права»¹. Для каждой отрасли права характерно наличие довольно устойчивой системы межотраслевых связей. Не является исключением и сфера жилищного права. Однако следует заметить, что подобных межотраслевых исследований в науке жилищного права не предпринималось. Вместе с тем комплексный характер самой отрасли жилищного права, регулирующим воздействием норм которой охватывается значительный массив гражданско-правовых по своей природе общественных отношений, предопределяет широкое использование правовых средств гражданского права. Однако межотраслевые связи жилищного и гражданского права присутствуют не только на уровне предметного единства регулируемых общественных отношений, но и проявляются в виде гражданско-правовой составляющей метода правового регулирования жилищного права как комплексного правового образования с использованием в рамках такой отрасли приемов, способов межотраслевого правового регулирования. В этой связи наибольшую практическую значимость приобретает исследование особенностей применения института гражданско-правовой ответственности в жилищной сфере. Обязанности, неисполнение или ненадлежащее исполнение которых является основанием гражданско-правовой ответственности в жилищной сфере, существуют либо в рамках обязательственного правоотношения, либо вещного правоотношения. В жилищном праве может иметь место как договорная, так и деликтная гражданско-правовая ответственность. Гражданско-правовая ответственность наступает за использование жилого помещения не по назначению, бесхозяйственное содержание жилого помещения, его порчу и разрушение, несвоевременное внесение квартирной

1 Чельшев М.Ю. Понятие, формы и виды межотраслевых связей гражданского права // Бизнес, менеджмент и право. 2005. № 3.

платы и платы за коммунальные услуги, за причинение вреда соседним жилым помещениям и другие правонарушения. Важно заметить, что институт ответственности занимает особое место и в структуре самой отрасли гражданского права. Он концентрирует большое число охранительных и восстановительных гражданско-правовых норм, обеспечивающих действие отраслевых правовых принципов - восстановления гражданских прав и их судебной защиты. В то же время, межотраслевое исследование позволяет проследить обратный процесс трансформации института гражданско-правовой ответственности под влиянием жилищной сферы.

Цель настоящей статьи состоит в комплексном исследовании межотраслевых аспектов применения мер гражданско-правовой ответственности в жилищных правоотношениях.

Прежде чем непосредственно обратиться к анализу межотраслевых аспектов применения мер гражданско-правовой ответственности в жилищных правоотношениях, необходимо обратить внимание на использование в современных научных исследованиях наряду с рассматриваемой категорией «межотраслевые связи» смежных правовых понятий. По мнению М.Ю. Чельшева, «следует различать правовые категории «межотраслевые связи» и «межотраслевое взаимодействие». При этом первая категория является более широкой и охватывает вторую. Межотраслевое взаимодействие можно определить как взаимную динамическую связь различных частей системы права, которая последовательно отражается на всех стадиях правового регулирования и во всех элементах его механизма. Межотраслевые связи, кроме того, включают в себя и связи статического характера, проявляющиеся во внешней форме права, в его источниках. Наряду с этим, допустимо выделять и такую правовую категорию как «взаимное влияние». Это процесс воздействия правовых образований друг на друга, в результате чего происходит известная трансформация пересекающихся (в предметном отношении) правовых образований. Кроме межотраслевых связей нужно указать и на существование внутриотраслевых связей, когда речь идет о взаимосвязях частей одной отрасли права между собой»¹.

Представляет научный интерес исследование основных форм проявления межотраслевых связей гражданского и жилищного права в регулировании вопросов применения мер гражданско-правовой ответственности в жилищной сфере. Следует согласиться с А.В. Хисамудиновой в том, что «применение мер гражданско-правовой ответственности – это юридическая процедура, представляющая собой совокупность последовательно совершаемых действий, порождающих динамику отношений по

1 Чельшев М.Ю. Понятие, формы и виды межотраслевых связей гражданского права // Бизнес, менеджмент и право. 2005. № 3.

восстановлению имущественного положения потерпевшего и (или) его неимущественных прав, существовавших до нарушения прав, компенсации причиненного морального вреда, по возложению на правонарушителя дополнительных обязанностей либо по лишению правонарушителя принадлежащего ему субъективного гражданского права»¹.

В зависимости от стадии правового регулирования и элементов его механизма межотраслевые связи гражданского и жилищного права в регулировании гражданско-правовой ответственности за правонарушения в жилищной сфере могут выражаться в следующем.

Во-первых, они проявляются в нормативных правовых актах жилищного законодательства в виде прямых и косвенных отсылок к нормам гражданского права. Например, норма ст. 68 ЖК РФ, в соответствии с которой «наниматель жилого помещения по договору социального найма, не исполняющий обязанностей, предусмотренных жилищным законодательством и договором социального найма жилого помещения, несет ответственность, предусмотренную законодательством», носит отсылочный характер, отсылая к иным отраслям законодательства, положения которых предусматривают определенную ответственность. Поскольку речь идет о договорной ответственности, то можно сделать вывод о применении в данном случае гражданско-правовой ответственности. Гражданско-правовая ответственность нанимателей, предусмотренная ЖК РФ, состоит, в частности, в том, что лица, несвоевременно или не полностью внесшие плату за жилое помещение и коммунальные услуги (должники), обязаны уплатить кредитору пени. Предусмотренные п. 14 ст. 155 ЖК РФ пени имеют гражданско-правовую природу и по своей сути являются предусмотренной мерой ответственности за ненадлежащее исполнение обязательств, то есть являются формой предусмотренной законом неустойки. Пени взыскиваются по правилам и в размере, определенном п. 14 ст. 155 ЖК РФ. Однако если основанием для иска являются нормы о неосновательном обогащении, в таком случае начисляются проценты за пользование чужими денежными средствами (ст. 395 ГК РФ), размер которых меньше, чем размер законной неустойки по ЖК РФ. Если же задолженность с обязанных лиц взыскивается как убытки, штрафы не начисляются. Нарушение нанимателем или членами его семьи правил пользования жилым помещением в связи с порчей (разрушением) жилого помещения может повлечь обязанность нарушителя возместить убытки, причиненные наймодателю.

Аналогичным образом установлена статьей 66 Жилищного кодекса РФ и ответственность наймодателя по договору социального найма. Напри-

1 Хисамудинова А.В. Гражданско-правовая ответственность за нарушения при оказании жилищно-коммунальных услуг и практика ее применения: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 22 с.

мер, наймодатель может нести гражданско-правовую ответственность, одновременно являющуюся и жилищно-правовой, за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по проведению капитального ремонта жилого помещения, а также общего имущества многоквартирного дома в установленный срок. ЖК РФ предоставляет нанимателю право выбора в виде предъявления требования об: уменьшении платы за пользование жилым помещением, а также общим имуществом многоквартирного дома; возмещении своих расходов на устранение соответствующих недостатков; возмещении убытков, причиненных ненадлежащим исполнением или неисполнением указанных обязанностей наймодателя. При этом гражданско-правовая ответственность наймодателя наступает при наличии его вины (в виде умысла или неосторожности), а также убытков нанимателя, причиненных неисполнением или ненадлежащим исполнением наймодателем своих обязанностей (т. е. посредством действия или бездействия). Освобождение от гражданско-правовой ответственности, согласно ст. 401 ГК РФ допускается в том случае, если невыполнение или ненадлежащее выполнение обязанностей было вызвано обстоятельствами непреодолимой силы. Перечень мер гражданско-правовой ответственности наймодателя, предусмотренный ч. 2 ст. 66 ЖК РФ, не является исчерпывающим, договором социального найма жилого помещения могут быть установлены другие меры ответственности. Несмотря на то, что среди мер гражданско-правовой ответственности, установленных п.2 ст.66 ЖК РФ не указана компенсация морального вреда, данная мера также применима к рассматриваемым правоотношениям. Согласно разъяснениям, содержащимся в Апелляционном определении СК по гражданским делам Забайкальского краевого суда от 19 февраля 2014 г. по делу № 33-619-2014, «в соответствии с ч. 1 ст. 66 ЖК РФ, наймодатель, не исполняющий обязанностей предусмотренных законом, несет ответственность, предусмотренную законодательством, такая ответственность возможна и в форме компенсации морального вреда, в том числе, по Закону «О защите прав потребителей». Данный Закон распространяется на отношения, возникшие из договора найма жилого помещения, в том числе социального найма, в части выполнения работ, оказания услуг по обеспечению надлежащей эксплуатации и ремонта жилого помещения. В силу ст. 15 Закона РФ «О защите прав потребителей» моральный вред, причиненный потребителю вследствие нарушения исполнителем прав потребителя, подлежит компенсации причинителем вреда при наличии его вины. Размер компенсации не зависит от размера возмещения имущественного вреда и понесенных потребителем убытков»¹.

1 Апелляционное определение СК по гражданским делам Забайкальского краевого суда от 19 февраля 2014 г. по делу № 33-619-2014 // СПС «Гарант».

Во-вторых, межотраслевые связи жилищного и гражданского права усматриваются в отношении юридических фактов, являющихся основанием возникновения жилищных правоотношений, однако влекущих применение мер гражданско-правовой ответственности. Например, к числу договорных конструкций, предусмотренных Жилищным кодексом РФ, отнесен договор управления многоквартирным домом, который согласно п. 1 ст. 162 заключается с управляющей организацией, которой предоставлена лицензия на осуществление деятельности по управлению многоквартирными домами. Однако в рамках данной статьи, посвященной правовому регулированию договора управления многоквартирным домом, отсутствуют нормы об ответственности его сторон. Гражданско-правовая природа обязательства, возникающего из договора управления многоквартирным домом, предопределяет возможность применения в отношении его участников мер ответственности, предусмотренных нормами гражданского права. Иными словами, общие положения об основании, условиях и размере ответственности за нарушения гражданско-правовых обязательств распространяют свое действие и на правоотношения, вытекающие из договора управления многоквартирным домом. Нарушение обязательств, возникших из договора управления многоквартирным домом, может повлечь за собой не только возмещение должником причиненных убытков, но и уплату им неустойки. В тех случаях, когда контрагентом управляющей организации является гражданин-потребитель, взыскание неустойки производится по правилам, предусмотренным законодательством о защите прав потребителей. Так, закон «О защите прав потребителей» устанавливает взыскание неустойки в виде пени в размере трех процентов цены выполнения работы (оказания услуги) за каждый день (час) просрочки в предусмотренных им случаях. Участие гражданина-потребителя в договоре управления многоквартирным домом создает возможность применения такого способа защиты нарушенных прав, как компенсация морального вреда. Эта возможность вытекает из положений, содержащихся в статье 15 Закона «О защите прав потребителей», в соответствии с которыми «моральный вред, причиненный потребителю вследствие нарушения изготовителем (исполнителем, продавцом, уполномоченной организацией или уполномоченным индивидуальным предпринимателем, импортером) прав потребителя, предусмотренных законами и иными правовыми актами Российской Федерации, регулирующими отношения в области защиты прав потребителей, подлежит компенсации причинителем вреда при наличии его вины»¹. Следовательно, вина исполнителя является необходимым условием применения данной меры ответственности, а ее степень

1 Закон РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» // «Российская газета» от 7 апреля 1992 г.

наряду со степенью физических и нравственных страданий потерпевшего подлежит учету при определении размера компенсации (статьи 151, 1101 ГК РФ).

В-третьих, межотраслевые связи жилищного и гражданского права присутствуют на стадии правоприменения, когда при помощи судебных органов происходит принудительное привлечение к ответственности за нарушение жилищных прав или неисполнение обязанностей. Вынося решение, суд реализует не только процессуально-правовые нормы, но и соответствующие материально-правовые предписания, иногда носящих разноотраслевой характер. Следует согласиться с Л.В. Хисамудиновой, что «юридическая процедура применения мер гражданско-правовой ответственности за нарушения при оказании жилищно-коммунальных услуг носит межотраслевой характер, выраженный в применении как частноправовых (в частности, уплаты неустойки в добровольном порядке), так и публично-правовых норм (например, принудительного исполнения)»¹. Ответственность исполнителя и потребителя коммунальных услуг установлена как актами гражданского, так и жилищного законодательства. Например, согласно п. 149 Постановления Правительства РФ от 6 мая 2011 г. № 354 «О предоставлении коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов» «исполнитель несет установленную законодательством Российской Федерации административную, уголовную или гражданско-правовую ответственность за: а) нарушение качества предоставления потребителю коммунальных услуг; б) вред, причиненный жизни, здоровью и имуществу потребителя вследствие нарушения качества предоставления коммунальных услуг, вследствие непредоставления потребителю полной и достоверной информации о предоставляемых коммунальных услугах; в) убытки, причиненные потребителю в результате нарушения исполнителем прав потребителей, в том числе в результате договора, содержащего условия, ущемляющие права потребителя по сравнению с настоящими Правилами; г) моральный вред (физические или нравственные страдания), причиненный потребителю вследствие нарушения исполнителем прав потребителей, предусмотренных жилищным законодательством Российской Федерации, в том числе настоящими Правилами»².

Другим примером может служить применение мер гражданско-правовой ответственности при рассмотрении судами дел о возмещении вреда,

1 Хисамудинова Л.В. Гражданско-правовая ответственность за нарушения при оказании жилищно-коммунальных услуг и практика ее применения: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 22 с.

2 Постановление Правительства РФ от 6 мая 2011 г. № 354 «О предоставлении коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов» // СЗ РФ. 2011. № 22. Ст. 3168.

причиненного заливом квартиры. В частности, при доказывании по спорам о возмещении вреда, причиненного заливом квартиры, могут применяться гражданско-правовые положения. Ответственность за вред, причиненный заливом соседней квартиры, наступает при наличии условий: вреда в установленном размере, противоправности поведения причинителя вреда, причинно-следственной связи между наступлением вреда и противоправным поведением причинителя вреда, а также его вины. Сам факт залива квартиры подтверждается специальным документом – актом обследования жилого помещения (актом о заливе), составляемым в произвольной форме по результатам осмотра жилого помещения представителями ЖЭУ с участием собственников квартир. Родовая подсудность данной категории дел определяется по правилам, установленным п. 5 ч. 1 ст. 23 Гражданского процессуального кодекса РФ. Используемое в данном случае процессуальное средство – иск о возмещении ущерба, причиненного заливом квартиры, может дополнительно включать требование о компенсации морального вреда, расходов по оценке ущерба и по уплате государственной пошлины. Размер ущерба, причиненного заливом квартиры, устанавливается с помощью составления отчета об оценке организацией, имеющей право осуществлять оценочную деятельность, в том числе оценку поврежденного имущества, а не только оценку строительных материалов и отделки квартиры. В случае несогласия с рассчитанным оценщиком размером ущерба может быть назначена судебная экспертиза. Залив квартиры может быть обусловлен разными причинами, в том числе – по причине ненадлежащего исполнения управляющей компанией обязанностей по содержанию систем отопления, при выполнении работ по капитальному ремонту крыши и др. Однако, причинителем вреда может быть и физическое лицо. Например, ответственность нанимателя жилого помещения наступает по правилам гражданского и жилищного законодательства. Согласно п. 1 ст. 1064 ГК РФ «вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред». Наниматель жилого помещения по договору социального найма обязан использовать жилое помещение по назначению и в пределах, которые установлены ЖК РФ, обеспечивать сохранность жилого помещения, поддерживать надлежащее состояние и проводить текущий ремонт жилого помещения (п.п. 3 п. 3 ст. 67 ЖК РФ). Противоправное поведение причинителя вреда (нанимателя) может выражаться в том, что им не обеспечено надлежащее техническое состояние водоснабжения и канализации, оборудование установлено с нарушением правил монтажа, халатное отношение нанимателя к сантехническому оборудованию, неконтролируемое техническое состояние инженерного оборудования в квартире. Средствами доказывания противоправности поведения причинителя вреда мо-

гут служить акты проверок технического состояния оборудования, акты о заливе, свидетельские показания, заключения эксперта. В силу ст. 1064 ГК РФ наличие вреда и его размер доказываются потерпевшим, при этом вина причинителя вреда предполагается, из чего следует, что отсутствие вины доказывается лицом, причинившим вред. Как было указано выше, в случае залива квартиры, могут быть заявлены требования о компенсации морального вреда. Согласно ст. 1101 ГК РФ размер компенсации морального вреда определяется судом в зависимости от характера причиненных потерпевшему физических и нравственных страданий, а также степени вины причинителя в случаях, когда вина является основанием возмещения вреда.

В то же время отраслевые особенности жилищного права оказывают обратное воздействие на применение мер гражданско-правовой ответственности за правонарушения в жилищной сфере. Если субъекты гражданского правоотношения, как правило, обладают свободой усмотрения в установлении мер ответственности, что проявляется в предоставленной сторонам гражданским законодательством возможности устанавливать договорную ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств по договору, причем в отношении не только определенных форм ответственности, но и ее размера, то данный признак гражданско-правовой ответственности в жилищном праве не всегда применим. Довольно часто ответственность сторон договорного жилищного правоотношения устанавливается императивно на уровне закона. Например, согласно п. 2 ст. 6 ФЗ от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости ...», «в случае нарушения предусмотренного договором срока передачи участнику долевого строительства объекта долевого строительства застройщик уплачивает участнику долевого строительства неустойку (пени) в размере одной трехсотой ставки рефинансирования Центрального банка Российской Федерации, действующей на день исполнения обязательства, от цены договора за каждый день просрочки. Если участником долевого строительства является гражданин, предусмотренная настоящей частью неустойка (пени) уплачивается застройщиком в двойном размере»¹. На подобный характер ответственности по договору участия в долевом строительстве обращено внимание и в «Обзоре практики разрешения судами споров, возникающих в связи с участием граждан в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости», согласно п. 21

1 Федеральный закон от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2005. № 1 (часть I). Ст. 40.

которого «неустойка, уплачиваемая в случае нарушения предусмотренного договором участия в долевом строительстве срока передачи участнику долевого строительства объекта долевого строительства в соответствии с ч. 2 ст. 6 Федерального закона «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости», является законной, в связи с чем ее размер не может быть уменьшен соглашением сторон»¹.

Другим примером могут выступать правоотношения из договора социального найма. Действующее жилищное законодательство также не предоставляет сторонам право самостоятельно в данном договоре определять вид и размер ответственности, поскольку условия заключения, изменения или прекращения договора социального найма установлены Жилищным кодексом РФ, права и обязанности сторон утверждены Постановлением Правительства РФ от 21 мая 2005 г. № 315 в типовом договоре². Следует согласиться с С.А. Салтановой, которая справедливо отмечает, что «жилищно-правовая ответственность за нарушения жилищных обязательств реализуется в рамках охранительного правоотношения. При этом, указывает автор, отличительной особенностью ответственности за нарушение жилищных обязательств является ее императивный характер, установление форм и объема ответственности исключительно на уровне закона, что представляет собой исключение из свойственного гражданскому праву принципа диспозитивности»³. Императивно установлены и нормы об ответственности при нарушении обязанности по внесению платы за жилое помещение и коммунальные услуги в отношении не только нанимателя по договору социального найма, но и членов его семьи. Согласно п. 24 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2017 г. № 22 «О некоторых вопросах рассмотрения судами споров по оплате коммунальных услуг и жилого помещения, занимаемого гражданами в многоквартирном доме по договору социального найма или принадлежащего им на праве собственности» «внесение платы за жилое помещение и коммунальные услуги является обязанностью не только нанимателя, но и проживающих с ним членов его семьи (дееспособных и ограниченных судом в дееспособности), имеющих равное с нанимателем право на жилое помещение, независимо от указания их в договоре социального найма жилого помещения (п. 5 ч. 3

1 Обзор практики разрешения судами споров, возникающих в связи с участием граждан в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 4 декабря 2013 г.) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2014. № 3.

2 Постановление Правительства РФ от 21 мая 2005 г. № 315 «Об утверждении Типового договора социального найма жилого помещения» // СЗ РФ. 2005. № 22. Ст. 2126.

3 Салтанова С.А. Гражданско-правовая ответственность за нарушения жилищных обязательств: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1995. С. 8.

ст. 67, ч. 2, 3 ст. 69 и ст. 153 ЖК РФ). Названные лица несут солидарную с нанимателем ответственность за невыполнение обязанности по внесению платы за жилое помещение и коммунальные услуги»¹.

На основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1) Межотраслевые связи гражданского и жилищного права в регулировании гражданско-правовой ответственности за правонарушения в жилищной сфере могут выражаться в виде прямых и косвенных отсылок к нормам гражданского права. Таким образом установлена, например, ответственность нанимателя и наймодателя по договору социального найма.

2) Межотраслевые связи жилищного и гражданского права усматриваются в отношении юридических фактов, являющихся основанием возникновения жилищных правоотношений, однако влекущих применение мер гражданско-правовой ответственности. Гражданско-правовая природа обязательства, возникающего из договора управления многоквартирным домом, предопределяет возможность применения в отношении его участников мер ответственности, предусмотренных нормами гражданского права. Тем самым восполняется пробел в законодательном регулировании вопросов ответственности сторон по данному договору.

3) Межотраслевые связи жилищного и гражданского права присутствуют на стадии правоприменения, когда при помощи судебных органов происходит принудительное привлечение к ответственности за нарушение жилищных прав или неисполнение обязанностей. Вынося решение, суд реализует не только процессуально-правовые нормы, но и соответствующие материально-правовые предписания, иногда носящие разноотраслевой характер. Межотраслевой характер носит юридическая процедура применения мер гражданско-правовой ответственности за нарушения при оказании жилищно-коммунальных услуг, применения мер гражданско-правовой ответственности при возмещении вреда, причиненного заливом квартиры.

4) Отраслевые особенности жилищного права оказывают обратное воздействие на применение мер гражданско-правовой ответственности за правонарушения в жилищной сфере. Если субъекты гражданского правоотношения преимущественно обладают свободой усмотрения в установлении мер ответственности, что проявляется в возможности устанавливать договорную ответственность, причем в отношении не только определения формы ответственности, но и ее размера, то данный признак гражданско-правовой ответственности в жилищном праве не всегда применим. Довольно часто ответственность сторон договорного жилищного правоотношения устанавливается императивно на уровне закона. Таковым яв-

ляется характер ответственности по договору участия в долевом строительстве в случае нарушения предусмотренного договором срока передачи участнику долевого строительства объекта долевого строительства. Действующее жилищное законодательство также не предоставляет сторонам договора социального найма жилого помещения право самостоятельно в данном договоре определять вид и размер ответственности.

Список литературы:

1. Жилищный кодекс Российской Федерации [Текст]: [от 29 декабря 2004 № 188-ФЗ] // СЗ РФ. 2005. № 1 (Часть 1). Ст. 14.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) [Текст]: [от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ] // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации [Текст]: [от 14 ноября 2002 г. №138-ФЗ] // СЗ РФ. 2002. №46. Ст. 4532.
4. Федеральный закон от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2005. № 1 (часть 1). Ст. 40.
5. Закон РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» // «Российская газета» от 7 апреля 1992 г.
6. Постановление Правительства РФ от 6 мая 2011 г. № 354 «О предоставлении коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов» // СЗ РФ. 2011. № 22. Ст. 3168.
7. Постановление Правительства РФ от 21 мая 2005 г. № 315 «Об утверждении Типового договора социального найма жилого помещения» // СЗ РФ. 2005. № 22. Ст. 2126.
8. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2017 г. № 22 «О некоторых вопросах рассмотрения судами споров по оплате коммунальных услуг и жилого помещения, занимаемого гражданами в многоквартирном доме по договору социального найма или принадлежащего им на праве собственности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 8.
9. Обзор практики разрешения судами споров, возникающих в связи с участием граждан в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 4 декабря 2013 г.) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2014. № 3.
10. Апелляционное определение СК по гражданским делам Забайкальского краевого суда от 19 февраля 2014 г. по делу № 33-619-2014 // СПС «Гарант».

1 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2017. № 8.

11. Салтанова С.А. Гражданско-правовая ответственность за нарушения жилищных обязательств: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1995.
12. Хисамутдинова Л.В. Гражданско-правовая ответственность за нарушения при оказании жилищно-коммунальных услуг и практика ее применения: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 22 с.
13. Чельшев М.Ю. Система межотраслевых связей гражданского права: цивилистическое исследование: дис. ... докт. юрид. наук. Казань, 2008; Сафиуллина Д.Р. Межотраслевые связи договорного права: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2015.
14. Чельшев М.Ю. Понятие, формы и виды межотраслевых связей гражданского права // Бизнес, менеджмент и право. 2005. № 3.

Ковалькова Е.Ю.,

доцент кафедры гражданского права Казанского филиала РГУП,
к.ю.н., доцент

Особенности применения мер гражданско-правовой ответственности в сфере закупок по контрактной системе

В статье рассматриваются особенности применения мер гражданско-правовой ответственности в сфере закупок по контрактной системе. Исследуются особенности государственного, муниципального контракта, закрепленные в законодательстве о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, анализируется содержание контракта и применения мер гражданско-правовой ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение поставщиком (подрядчиком, исполнителем) обязательств, предусмотренных контрактом.

Ключевые слова: контрактная система; закупки; государственный, муниципальный контракт; государственные и муниципальные нужды; гражданско-правовая ответственность; формы и меры ответственности; неустойка; штраф; пени.

Peculiarities of application of measures of civil liability in the sphere of procurement under the contract system

The peculiarities of application of measures of civil liability in the sphere of procurement under the contract system are considered in the article. The peculiarities of the state, municipal contract, fixed in the legislation on the contract system in the sphere of procurement of goods, works and services for provision of state and municipal needs, are analyzed, the content of the contract and application of measures of civil liability for non-fulfillment or improper fulfillment by the supplier (contractor, executor) of obligations, stipulated by the contract.

Keywords: the contract system; procurement; state, municipal contract; the state and municipal needs; civil liability; forms and penalties; penalty.

Институту ответственности уделяется традиционно большое внимание в гражданском праве. Особенное значение приобретает гражданско-правовая ответственность в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд. Это связано, прежде всего, с тем, что неисполнением поставщиком обязательств, предусмотренных контрактом, нарушается публичный интерес¹.

Созданная не так давно контрактная система направлена на создание эффективного механизма, способного надлежащим образом обеспечить государственные и муниципальные нужды². Под контрактной системой в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд следует понимать – совокупность участников контрактной системы в сфере закупок и осуществляемых ими, в том числе с использованием единой информационной системы в сфере закупок, в соответствии с законодательством Российской Федерации и иными нормативными правовыми актами о контрактной системе в сфере закупок действий, направленных на обеспечение государственных и муниципальных нужд³.

Следует отметить, что вопрос о сущности гражданско-правовой ответственности рассматривался в работах многих отечественных ученых: С.С. Алексеева, С.Н. Братуся, В.П. Грибанова, О.С. Иоффе, О.Э. Лейста, Н.С. Малеина, В.А. Тархова, В.А. Хохлова, Г.Ф. Шершеневича, Е.А. Павлодского, Ю.К. Толстого, Е.А. Суханова, Н.Д. Егорова и др. Вместе с тем единства в определении гражданско-правовой ответственности и до сих пор не существует. По нашему мнению, наиболее соответствующее определение гражданско-правовой ответственности сформулировал О.С. Иоффе: «гражданско-правовая ответственность есть санкция за правонарушение, вызывающая для нарушителя отрицательные последствия в виде лишения субъективных гражданских прав, либо возложения новых или дополнительных гражданских правовых обязанностей»⁴. Выделение такого важно-

1 См., напр.: Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 11.04.2016 № 15АП-4361/2016 по делу № А53-33917/2015. Режим доступа: <http://ras.arbitr.ru/>

2 См.: Ковалькова Е.Ю. Реформа закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд // Ученые записки. Том X. Сб. ст. преп. КФ ФГБОУВПО «РАП». Казань: Отечество, 2014. С. 144–150.

3 Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

4 Иоффе О.С. Ответственность по советскому гражданскому праву. Л.: Изд-во ЛГУ, 1955. С. 95, 97.

го признака гражданско-правовой ответственности, как дополнительный характер, выражающийся в наложении на нарушителя новых, дополнительных обязанностей (дополнительных обременений), на наш взгляд, и раскрывает сущность гражданско-правовой ответственности.

В ракурсе рассматриваемой темы категории «санкция», «ответственность», «меры защиты», «формы» и «меры» ответственности до сих пор вызывают среди правоведов разногласия. Данная дискуссионность во многом предопределяется тем, что «в гражданском праве многие понятия употребляются в самых различных целях». Так, форма гражданско-правовой ответственности в виде возмещения убытков является общей мерой гражданско-правовой ответственности, которая применяется во всех случаях нарушения гражданских прав, если законом или договором не предусмотрено иное, тогда как другие формы гражданско-правовой ответственности именуются специальными мерами гражданско-правовой ответственности, поскольку применяются лишь в случаях, прямо предусмотренных законом или договором для соответствующего вида гражданского правонарушения¹.

Отождествление форм и мер ответственности прослеживается в работах большинства авторов, о чем свидетельствует, например, то, что в одних случаях убытки, неустойку и т.п. называют формой ответственности, а в других – ее мерой².

Вопросам гражданско-правовой ответственности в контрактной системе уделяется достаточное внимание. Так, в соответствии со ст. 34 ч. 4 Закона о контрактной системе в контракт включается обязательное условие об ответственности заказчика и поставщика (подрядчика, исполнителя) за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств, предусмотренных контрактом.

В случае просрочки исполнения заказчиком обязательств, предусмотренных контрактом, а также в иных случаях неисполнения или ненадлежащего исполнения заказчиком обязательств, предусмотренных контрактом, поставщик (подрядчик, исполнитель) вправе потребовать уплаты неустоек (штрафов, пеней). Пеня начисляется за каждый день просрочки исполнения обязательства, предусмотренного контрактом, начиная со

1 Гражданское право. Часть 1: учебник / Под ред. Ю.К. Толстого, А.П. Сергеева. М.: Издательство ТЕИС, 1996. С. 481–482.

2 См., например: Карапетов А.Г. Неустойка как средство защиты прав кредитора в российском и зарубежном праве. М.: Статут, 2005. С. 60; Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. Изд. 2-е, стереотип. М.: Статут, 2001. С. 348; Богдановская Г.Н. Ответственность за неправомерное пользование чужими денежными средствами: учебное пособие. Челябинск: НТЦ-НИИОГР, 2004. С. 5; Чельшев, М.Ю. О понятии гражданско-правовой ответственности и ее межотраслевых элементах // в кн.: Проблемы юридической ответственности. Казань, 2003. С. 17 и др.

дня, следующего после дня истечения установленного контрактом срока исполнения обязательства. Такая пеня устанавливается контрактом в размере одной трехсотой действующей на дату уплаты пеней ставки рефинансирования Центрального банка Российской Федерации от не уплаченной в срок суммы. Штрафы начисляются за ненадлежащее исполнение заказчиком обязательств, предусмотренных контрактом, за исключением просрочки исполнения обязательств, предусмотренных контрактом. Размер штрафа устанавливается контрактом в виде фиксированной суммы, определенной в порядке, установленном Правительством Российской Федерации (ст. 34 ч. 5 Закона о контрактной системе).

В случае просрочки исполнения поставщиком (подрядчиком, исполнителем) обязательств (в том числе гарантийного обязательства), предусмотренных контрактом, а также в иных случаях неисполнения или ненадлежащего исполнения поставщиком (подрядчиком, исполнителем) обязательств, предусмотренных контрактом, заказчик направляет поставщику (подрядчику, исполнителю) требование об уплате неустоек (штрафов, пеней) (ст. 34 ч. 6 Закона о контрактной системе).

Пеня начисляется за каждый день просрочки исполнения поставщиком (подрядчиком, исполнителем) обязательства, предусмотренного контрактом, начиная со дня, следующего после дня истечения установленного контрактом срока исполнения обязательства, и устанавливается контрактом в размере, определенном в порядке, установленном Правительством Российской Федерации, но не менее чем одна трехсотая действующей на дату уплаты пени ставки рефинансирования Центрального банка Российской Федерации от цены контракта, уменьшенной на сумму, пропорциональную объему обязательств, предусмотренных контрактом и фактически исполненных поставщиком (подрядчиком, исполнителем) (ст. 34 ч. 7 Закона о контрактной системе).

Штрафы начисляются за неисполнение или ненадлежащее исполнение поставщиком (подрядчиком, исполнителем) обязательств, предусмотренных контрактом, за исключением просрочки исполнения поставщиком (подрядчиком, исполнителем) обязательств (в том числе гарантийного обязательства), предусмотренных контрактом. Размер штрафа устанавливается контрактом в виде фиксированной суммы, определенной в порядке, установленном Правительством Российской Федерации (ст. 34 ч. 8 Закона о контрактной системе).

Сторона освобождается от уплаты неустойки (штрафа, пени), если докажет, что неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства, предусмотренного контрактом, произошло вследствие непреодолимой силы или по вине другой стороны (ст. 34 ч. 9 Закона о контрактной системе).

В сфере контрактной системы нарушение обязательств в ряде случаев влечет за собой не столько применение общей меры гражданско-правовой ответственности в виде возмещения убытков, как применение ряда специальных мер, важнейшей из которых является уплата неустойки. Согласно ст. 330 ГК РФ она представляет собой определенную законом или договором денежную сумму, которую должник обязан уплатить кредитору в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства, в частности в случае просрочки исполнения.

Сравнивая возмещение убытков и взыскание неустойки, отметим следующее. Во-первых, назначение неустойки проявляется в ее обеспечительном характере. Убытки могут быть взысканы лишь при их причинении, а для взыскания неустойки достаточно самого факта неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства. Поэтому по требованию об уплате неустойки кредитор не обязан доказывать наличие убытков. Во-вторых, размер неустойки сторонами согласуется заранее, а величина убытков выявляется лишь после совершения правонарушения. Кроме того, неустойка является дополнительным обязательством, действие и исполнение которого зависят от действительности основного обязательства.

Особой мерой ответственности, свойственной исключительно контрактным правоотношениям, является расторжение контракта.

Меры ответственности заключаются в дополнительных обременениях должника, связанных либо с лишением его имущественных прав, либо с возложением дополнительных обязанностей, то есть не требуется их одновременное применение. Кроме того, рассматривать прекращение права и лишение права как абсолютно разные категории не уместно. Конечно, прекращение права – более широкая категория, чем его лишение, поскольку прекращение может носить как добровольный, так и принудительный характер, а говорить о добровольном лишении права затруднительно. Подчеркнем, что жилищное законодательство устанавливает возможность именно принудительного выселения нанимателя-должника, поскольку данная категория не применяется, когда речь идет о расторжении договора по соглашению сторон.

На практике также применяется и устранение дефектов после ненадлежащего исполнения обязательства, представляющее собой дополнительное обременение должника, возникающее после того, как он исполнил основное обязательство, которое следует отнести к специальным мерам гражданско-правовой ответственности.

Как представляется, устранение дефектов может рассматриваться и как восстановление нарушенного права (мера защиты) и как возложение дополнительной обязанности на правонарушителя, например, повторное выполнение работы (мера гражданско-правовой ответственности). Как

мера гражданско-правовой ответственности устранение дефектов выполняет такие функции, как компенсационная, карательная, превентивная (снижение случаев причинения подобного вреда как правонарушения в будущем).

В то же время, как отмечает К.Р. Нигматуллин, не все правовые последствия нарушения договора являются мерами ответственности, например, к ним не относится односторонний отказ от исполнения договора¹.

А.Г. Карапетов так же отмечает, что, как правило, расторжение нарушенного договора в качестве меры гражданско-правовой ответственности в нашей правовой доктрине не признается, а одностороннее расторжение договора является сделкой². Вместе с тем такое доктринальное толкование имеет признаки противоречия с толкованием норм о расторжении договора арбитражными судами. В частности, суд исходил из того, что расторжение договора является мерой ответственности, а ее применение предполагает наличие нарушающего условия договора³. К сходному выводу пришел Президиум ВАС в Постановлении от 12.04.2011 № 12363/10, указав, в частности, на необходимость исследования при расторжении контракта причин несвоевременного исполнения обязательств, а равно характера неблагоприятных последствий неисполнения обязательств⁴.

Таким образом, следует согласиться с ныне преобладающей точкой зрения на гражданско-правовую ответственность как на дополнительную к основному обязательству обязанность нарушителя выплатить по требованию кредитора (в нашем случае, как правило, государственного, муниципального заказчика) определенную сумму в виде компенсации.

Следует отметить, что в соответствии с законом о контрактной системе неустойка поставщика стала законной, заказчик в любом случае обязан направить поставщику соответствующую претензию об уплате неустойки (ч. 6 ст. 34). В настоящее время изменен порядок расчета пени. В отличие от ранее действовавшего Закона № 94-ФЗ размер пени высчитывается не от суммы контракта, а от суммы неисполненного объема работ (поставок). Первоначально пени рассчитывались по формуле, изложенной в постанов-

1 См.: Нигматуллин К.Р. Договор бытового подряда: Автореф. дис. ... к.ю.н. Казань, 2005. С. 11–12.

2 Карапетов А.Г. Расторжение нарушенного договора в российском и зарубежном праве. М.: Статут, 2007. 876 с.

3 См. Постановление ФАС Северо-Западного округа от 23.11.2012 по делу № А56-33552/2011. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ase=ASZ&n=139839#0>.

4 Постановление Президиум ВАС от 12.04.2011 № 12363/10. Режим доступа: http://www.arbitr.ru/bras.net/f.aspx?id_casedoc=1_1_afc4fe54-8ee7-4d2e-9cb8-2c51f943db1f.

лении Правительства РФ от 25.11.2013 № 1063¹, в настоящее время пеня начисляется за каждый день просрочки исполнения поставщиком (подрядчиком, исполнителем) обязательства, предусмотренного контрактом, в размере одной трехсотой действующей на дату уплаты пени ставки рефинансирования Центрального банка Российской Федерации от цены контракта, уменьшенной на сумму, пропорциональную объему обязательств, предусмотренных контрактом и фактически исполненных поставщиком (подрядчиком, исполнителем). При этом общая сумма начисленной неустойки (штрафов, пени) за неисполнение или ненадлежащее исполнение поставщиком (подрядчиком, исполнителем) обязательств, предусмотренных контрактом, не может превышать цену контракта². Полагаем, что данное положение является справедливым и направлено на привлечение большего количества поставщиков к участию в закупках, что способствует росту конкуренции между участниками и положительно отражается на удовлетворении нужд публичного заказчика.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». URL: <http://www.pravo.gov.ru>.
2. Постановление Правительства РФ от 25.11.2013 № 1063 (ред. от 15.05.2017) «Об утверждении Правил определения размера штрафа, начисляемого в случае ненадлежащего исполнения заказчиком, поставщиком (подрядчиком, исполнителем) обязательств, предусмотренных контрактом (за исключением просрочки исполнения

1 Постановление Правительства РФ от 25.11.2013 № 1063 (ред. от 15.05.2017) «Об утверждении Правил определения размера штрафа, начисляемого в случае ненадлежащего исполнения заказчиком, поставщиком (подрядчиком, исполнителем) обязательств, предусмотренных контрактом (за исключением просрочки исполнения обязательств заказчиком, поставщиком (подрядчиком, исполнителем), и размера пени, начисляемой за каждый день просрочки исполнения поставщиком (подрядчиком, исполнителем) обязательства, предусмотренного контрактом» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 48. Ст. 6266.

2 Постановление Правительства РФ от 30.08.2017 № 1042 «Об утверждении Правил определения размера штрафа, начисляемого в случае ненадлежащего исполнения заказчиком, неисполнения или ненадлежащего исполнения поставщиком (подрядчиком, исполнителем) обязательств, предусмотренных контрактом (за исключением просрочки исполнения обязательств заказчиком, поставщиком (подрядчиком, исполнителем), и размера пени, начисляемой за каждый день просрочки исполнения поставщиком (подрядчиком, исполнителем) обязательства, предусмотренного контрактом, о внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 15 мая 2017 г. № 570 и признании утратившим силу постановления Правительства Российской Федерации от 25 ноября 2013 г. № 1063» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 36. Ст. 5458.

обязательств заказчиком, поставщиком (подрядчиком, исполнителем), и размера пени, начисляемой за каждый день просрочки исполнения поставщиком (подрядчиком, исполнителем) обязательства, предусмотренного контрактом» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 48. Ст. 6266.

3. Постановление Правительства РФ от 30.08.2017 № 1042 «Об утверждении Правил определения размера штрафа, начисляемого в случае ненадлежащего исполнения заказчиком, неисполнения или ненадлежащего исполнения поставщиком (подрядчиком, исполнителем) обязательств, предусмотренных контрактом (за исключением просрочки исполнения обязательств заказчиком, поставщиком (подрядчиком, исполнителем), и размера пени, начисляемой за каждый день просрочки исполнения поставщиком (подрядчиком, исполнителем) обязательства, предусмотренного контрактом, о внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 15 мая 2017 г. № 570 и признании утратившим силу постановления Правительства Российской Федерации от 25 ноября 2013 г. № 1063» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 36. Ст. 5458.
4. Постановление ФАС Северо-Западного округа от 23.11.2012 по делу № А56-33552/2011. Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
5. Постановление Президиум ВАС от 12.04.2011 №12363/10. Режим доступа: http://www.arbitr.ru/bras.net/f.aspx?id_casedoc=1_1_afc4fe54-8ee7-4d2e-9cb8-2c51f943db1f.
6. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 11.04.2016 № 15АП-4361/2016 по делу № А53-33917/2015. Режим доступа: <http://ras.arbitr.ru/>
7. Богдановская Г.Н. Ответственность за неправомерное пользование чужими денежными средствами: учебное пособие. Челябинск: НТЦ-НИИОГР, 2004.
8. Гражданское право. Часть 1: учебник / Под ред. Ю.К. Толстого, А.П. Сергеева. М.: Издательство ТЕИС, 1996. С. 481–482.
9. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. Изд. 2-е, стереотип. М.: Статут, 2001.
10. Иоффе О.С. Ответственность по советскому гражданскому праву. Л.: Изд-во АГУ, 1955.
11. Карапетов А.Г. Неустойка как средство защиты прав кредитора в российском и зарубежном праве. М.: Статут, 2005.
12. Карапетов А.Г. Расторжение нарушенного договора в российском и зарубежном праве. М.: Статут, 2007. 876 с.
13. Ковалькова Е.Ю. Реформа закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд // Ученые запи-

ски. Том X. Сб. ст. преп. КФ ФГБОУВПО «РАП». Казань: Отечество, 2014. 296 с.

14. Нигматуллин К.Р. Договор бытового подряда: Автореф. дис. ... к.ю.н. Казань, 2005.
15. Чельшев М.Ю. О понятии гражданско-правовой ответственности и ее межотраслевых элементах // в кн.: Проблемы юридической ответственности. Казань, 2003.

Краснов А.В.,

доцент кафедры теории и истории права и государства
Казанского филиала РГУП, к.ю.н., доцент

Понятие юридической санкции в современном методологическом контексте

С позиций постклассической научной рациональности санкция выступает как правовое явление, имеющее множество значений. Исследование санкций, его процесс и результаты, зависит от выбора соответствующих средств методологии. В юридическом позитивизме санкция предстает как мера принуждения за правонарушение. В рамках информационного психологического подхода санкция трактуется шире, как правовое средство, обеспечивающее поведение через принуждение и поощрение. Постклассическая методология дает возможность утверждать, что санкция есть явление, характеризующее не право как таковое, а его внешнюю силу. При этом санкция требует легитимации. Она выступает нормативным фактом, в соответствии с которым происходит выбор вариантов поведения.

Ключевые слова: санкция; норма права; методология; юридический позитивизм; ценность права; меры принуждения; легитимация права; постклассическая методология.

Krasnov A.V.

Concept of the legal sanction of a modern methodological context

From positions of postclassical scientific rationality the sanction acts as the legal phenomenon having set of values. Research of sanctions, its process and results, depends on a choice of corresponding means of methodology. In legal positivism the sanction appears as a compulsion measure for an offence. Within the limits of the information psychological approach the sanction is treated more widely, as the legal means providing behaviour through compulsion and encouragement. The postclassical methodology gives the chance to assert, that the sanction is the phenomenon, characterising is not law as that, and its external force. Thus the sanction demands legitimation. It acts as the standard fact according to which there is a choice of variants of behaviour.

Keywords: the sanction; norm of the law; methodology; law positivism; value of the law; a compulsion measure; the legitimation of law; postclassical methodology.

Определяющее значение для уяснения сущности и содержания санкций имеет, безусловно, выбираемая методология. Следует отметить, что в последние десятилетия мы сталкиваемся с использованием в исследовании юридических санкций разных методологических подходов.

Так, традиционным является позитивистский подход, который акцентирует внимание на анализе действующего законодательства и практики его применения. Несмотря на критику позитивизма, следует признать, что такого рода исследования остаются весьма авторитетными в юриспруденции. Без исследования законодательства с помощью формально-юридического, сравнительно-правового, методами толкования норм права, а также без использования социально-правовой методологии в области практики применения норм права невозможно вообще представить себе юридическую науку. При этом следует различать позитивизм как концепцию понимания права и позитивистскую методологию как акцентирование внимания исключительно на действующем законодательстве, что на самом деле представляет собой далеко не одно и то же.

В таком ракурсе санкция традиционно рассматривается как меры принуждения, применяемые к правонарушителю как последствия совершенного им деяния. В то же время следует иметь в виду, что представление об исключительной роли принуждения при обеспечении исполнения норм права достаточно преувеличено. Санкция – это по существу лишь один из множества факторов, которые оказывают воздействие на мотивацию субъектов права. Естественно, что это один из наиболее значимых факторов, но и преувеличивать его значение не стоит.

Важное место в этом плане занимают убеждение и поощрение. В связи с этим представляется весьма важным в методологическом плане так называемый информационно-психологический подход к исследованию механизма правового регулирования, а в частности – к санкциям. В рамках этого подхода механизм правового регулирования предстает как система правовых средств, направленных на удовлетворение интересов участников правоотношений¹. При этом санкция оказывает мощное мотивационное воздействие.

¹ См.: Орзих М.Ф. Личность и право. М.: Юридическая литература, 1975. 112 с. С. 61; Новик И.Б. Кибернетика. Философские и социологические проблемы. М.: Госполитиздат, 1963. 208 с. С. 35; Кудрявцев Ю.В. Нормы права как социальная информация. М.: Юридическая литература, 1981. 144 с.; Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве. 2-е изд., перераб. и доп., науч. М.: Юрист, 2005. 250 с. С. 11, 13.

В рамках информационно-психологического подхода принято подразделять санкции на негативно-правовые (неблагоприятно-правовые) и поощрительные. Несмотря на критику такого подхода, тем не менее следует отметить аргументированность и убедительность доводов сторонников такой классификации санкций¹.

В области трудовых, целого ряда гражданско-правовых отношений востребованными становятся исследования проблем стимулирования человеческой деятельности. В данном случае в центре внимания вновь оказывается свобода, так как поощрение расширяет возможности человека, делает его более ответственным с позитивной точки зрения.

Информационно-психологический методологический подход может быть дополнен использованием аксиологического анализа санкций. Следует оговориться: понятия «ценность права» и «ценность в праве» не являются тождественными и раскрывают по существу два разных явления. Если говорить о первом понятии, возникает закономерный вопрос: можно ли отнести санкцию непосредственно к ценностям права? Думается, что ответ должен быть скорее отрицательным. Дело в том, что санкция нормы права в классическом своем понимании как мера принуждения характеризует не свойства права как такового, а ту силу, которая за ним стоит, а именно государство.

Что касается ценностей в праве, то актуальным представляется исследование того, на какие блага преимущественно оказывают влияние санкции норм права и каково соотношение этих благ с общепринятыми общественными ценностями. В этом плане вопрос о ценностях в праве позволяет поставить проблему адекватности санкций.

Адекватность санкций, по нашему мнению, может пониматься в разных аспектах. Во-первых, и это наиболее известное понимание адекватности применительно к санкциям, они должны соответствовать тяжести противоправного деяния, особенностям личности правонарушителя, сложившейся ситуации (соответствующие нормы, как было отмечено, закреплены в действующем законодательстве). Во-вторых, адекватность может обозначать наличие корреляции между противоправными интересами, ради которых совершалось противоправное деяние, и теми интересами, которые ущемляются в результате применения соответствующих санкций, то есть защищаемыми соответствующими санкциями. В-третьих, адек-

1 См., например: Малько А.В. Указ. соч.; Гущина Н.А. Поощрение в праве: Теоретико-правовое исследование: Автореф. дис. ... д.ю.н. СПб., 2004. 38 с.; Тарханов И.А. Поощрение позитивного поведения и его реализация в уголовном праве: Вопросы теории, нормотворчества и правоприменения: Автореф. дис. ... д.ю.н. Казань, 2002. 55 с.; Мирошник С.В. Теория правового стимулирования: Автореф. дис. ... д.ю.н. Ростов-на-Дону, 2003. 40 с. и др.

ватность санкции, с нашей точки зрения, должна трактоваться и через их способность защитить интерес потерпевшей стороны – восстановить или компенсировать нарушенное состояние. «Высший пилотаж» для законодателя – это умение вовремя обнаружить необходимость в изменении правового средства и (или) в его отмене и использовании нового. При этом важно не опоздать и не ввести новеллу раньше времени, обеспечив при этом её соответствие объективно сложившейся необходимости. В своих исследованиях мы уже ставили вопросы в рамках указанной проблематики¹.

Можно выделить и массу иных актуальных вопросов, которые возникают в связи с исследованием юридических санкций. В частности, отсутствует единое мнение по поводу структуры нормы права: является ли санкция нормы права обязательным элементом, либо выступает в качестве ее атрибута. Кроме того, возникает вопрос и о том, можно ли рассматривать санкцию содержательно через правила поведения, связь соответствующих субъективных прав, полномочий и юридических обязанностей. Во многом указанные вопросы опять-таки упираются в методологический момент: как мы определяем норму права и какие её признаки выделяем в качестве существенных.

Наконец, интересным представляется исследование санкции в связи с предлагаемым в науке различием нормы права и правовой нормы: если правовая норма охватывает естественно-правовые и обычно-правовые нормы, то встает закономерный вопрос об их обеспечении, а прежде всего о том, какие санкции должны в этом случае работать.

Современная гуманитарная наука в целом и юриспруденция в частности сталкиваются с новыми методологическими подходами, приходящими прежде всего из философии, а также социологии, которые позволяют совершенно иначе исследовать природу санкции нормы права.

В настоящий момент ведутся научные разработки, в рамках которых новые методологические подходы, а именно феноменологический, диалогический, социально-культурно-антропологический и иные, применяются для исследования права и его составляющих.

В частности, в рамках социально-культурного антропологического метода выдвигается постулат о контекстуальной обусловленности права обществом. Последнее для права – это определенная мегасистема. Правовая сфера обладает лишь относительной самостоятельностью по отношению

1 Краснов А.В. Адекватность санкций норм права как фактор повышения эффективности борьбы с коррупцией // Диалектика противодействия коррупции: материалы II всероссийской научно-практической конференции. Казань: «Познание», 2012. 304 с. С. 90–94; Краснов А.В. Содержание санкций норм права в свете информационно-психологического подхода к исследованию правовых явлений // Актуальные проблемы экономики и права. 2013. № 4. С. 226–233.

к обществу в целом. Отметим, что во многих классических теориях (будь то позитивизм, естественно-правовая) упор делается именно на поиск так называемой собственной ценности или силы права. Однако постклассическая наука, в свою очередь, исходит из того, что право неразрывно связано с иными общественными подсистемами – экономической, социальной, культурной и иными – и тем самым во многом детерминирована не собственными, а внешними факторами. Поэтому и исследование права исключительно в формально-юридическом русле не дает необходимых результатов, не объясняя внешние связи права и правовых явлений, их детерминированность экономикой, политикой, культурой и иными социальными факторами.

С точки же зрения социально-культурной антропологии, право есть определенный тип массового поведения, причем его отличием от других социальных норм выступает лишь более высокая функциональная значимость. При этом следует учитывать, что массовое поведение зачастую выражается в форме реализации установок, стереотипов поведения. В обыденном поведении субъект далеко не всегда напрямую задумывается о правовой составляющей его поведения. Даже профессиональный юрист, покупая простой товар, не вспоминает в данный момент о том, какими конкретно нормами из действующего законодательства опосредствуется его поведение¹.

В связи со сказанным иначе представляется и сущность санкции нормы права. Санкция выступает лишь одним из средств в формировании мотивации субъекта как внешней принудительная сила. Санкция нормы права не выражает некий внешний незыблемый закон природы. В таком плане она, как часть нормы, предстает как определенный нормативный факт, текст, с которым сталкиваются субъекты, намеревающиеся вступить в правоотношения. Содержание нормы обязательно интерпретируется в сознании сообщества с учетом сложившегося менталитета, правовых мифов и пр. Этот нормативный факт воздействует на их сознание, однако далеко не всегда предопределяет выбор поведения².

Субъект порой выбирает из возможных вариантов поведения, высчитывает более полезный, экономически выгодный из них. Скажем, любитель быстрой езды рассматривает штрафы как дополнительную плату за быстрый проезд. В сфере предпринимательской деятельности порой намного дешевле заплатить штраф, но получить прибыль. Таких примеров

1 Социальная антропология современного общества: монография / И.А. Честнов, Н.В. Разуваев, Л.А. Харитонов, А.Э. Черноков: Под ред. Л.И. Честнова. СПб.: ИВЭСЭП, Знание, 2006. 248 с. С. 78–79.

2 Поляков А.В. Общая теория права. Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода: учебник. 2-е изд. М.: Проспект, 2016. 1350 с. С. 643.

достаточно много, и они сами по себе уже говорят о том, что абсолютизация роли санкций вряд ли целесообразна.

Однако тем не менее даже несмотря на свою принудительность, санкция требует легитимации, которая происходит различными способами. Прежде всего, легитимность санкции зависит от легитимности органов и лиц, которые ее вводят, от силы государственной власти. Причем нельзя недооценивать указанный момент. В самом деле, в критические моменты истории (наиболее ярким является пример 100-летней давности) происходит отказ от сложившихся правил поведения именно под маркой того, что государство, установившее эти правила, разрушается или находится в неуравновешенном состоянии. Сила санкций в таком случае существенно снижается. На таких этапах меры воздействия, предусмотренные так называемым обычным правом, которое не связано напрямую с принудительной силой государства, оказываются более эффективными, так как состояние государственного механизма не оказывает на них существенного влияния.

Вообще в бесконфликтной ситуации стороны правоотношений фактически руководствуются некими своими внутренними установками, особенно если регулирование не носит слишком глубокого и сложного характера, а прибегают к санкциям только в том случае, если возникает конфликт. И по существу именно санкция норм действующего законодательства и будет ассоциироваться в сознании с позитивным правом, исходящим от государства.

Вычислить эффективность санкций далеко не просто в силу амбивалентности любого социального явления. Скажем, порой снижение преступности может быть вызвано не совершенствованием санкций, а иными факторами (экономическими, демографическими и пр.). В связи с этим зачастую некие корректировки санкций могут использоваться чиновниками при «жонглировании» фактами.

Давно ставится проблема, в соответствии с которой санкция нормы права рассматривается лишь как определенный атрибут, а не элемент нормы. В современных методологических подходах также можно столкнуться с такой трактовкой. Как было отмечено выше, санкция действительно во многом связана с акциденциями, то есть внешними привходящими обстоятельствами. При нормальном развитии обстоятельств, при отсутствии правового конфликта санкция как таковая не понадобится. Более того: при наличии конфликта негативная реакция участника правоотношения может присутствовать, но не носить правового характера (презрение, демонстративное неодобрение, осуждение и пр.). А правовая санкция как таковая закреплена в соответствующем тексте и «освящает» норму, ее обеспечивает, придает силу. В этом плане санкция предстает более как явление со-

циально-культурное, имеющее и психологические черты¹. В узком смысле она предстает как принудительная мера, тогда как в более широком плане санкция обеспечивает поведение и может быть рассмотрена не только как наказание, а как негативные правовые последствия разного характера (в том числе ничтожность, организационные меры, поощрительные и пр.).

Если когнитивно санкция есть структурный элемент единой нормы, то в коммуникативном плане она представляет собой уже совсем иную систему взаимоотношений, которые возникают далеко не всегда, а лишь в случае конфликта².

Таким образом, в целом санкция как чрезвычайно многообразное явление не может исследоваться исключительно с помощью нормативистских средств. Опыт научных исследований говорит о необходимости подключения иных методологических средств, которые заставляют выйти за рамки исключительно анализа действующего законодательства и проследить связи санкций с социальными и ментальными явлениями и процессами.

Список литературы:

1. Гушина Н.А. Поощрение в праве: Теоретико-правовое исследование: Автореф. дис. ... д.ю.н. СПб., 2004. 38 с.
2. Краснов А.В. Адекватность санкций норм права как фактор повышения эффективности борьбы с коррупцией // Диалектика противодействия коррупции: материалы II всероссийской научно-практической конференции. Казань: «Познание», 2012. 304 с. С. 90–94.
3. Краснов А.В. Содержание санкций норм права в свете информационно-психологического подхода к исследованию правовых явлений // Актуальные проблемы экономики и права. 2013. № 4. С. 226–233.
4. Кудрявцев Ю.В. Нормы права как социальная информация. М.: Юридическая литература, 1981. 144 с.
5. Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве. 2-е изд., перераб. и доп., науч. М.: Юристъ, 2005. 250 с.
6. Мирошник С.В. Теория правового стимулирования: Автореф. дис. ... д.ю.н. Ростов-на-Дону, 2003. 40 с.
7. Новик И.Б. Кибернетика. Философские и социологические проблемы. М.: Госполитиздат, 1963. 208 с.
8. Орзих М.Ф. Личность и право. М.: Юридическая литература, 1975. 112 с.
9. Поляков А.В. Общая теория права. Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода: учебник. 2-е изд. М.: Проспект, 2016. 1350 с.

1 Поляков А.В. Указ. соч. С. 661.

2 Там же. С. 671–672.

10. Социальная антропология современного общества: монография / И.А. Честнов, Н.В. Разуваев, А.А. Харитонов, А.Э. Черноков: Под ред. Л.И. Честнова. СПб.: ИВЭСЭП, Знание, 2006. 248 с.
11. Тарханов И.А. Поощрение позитивного поведения и его реализация в уголовном праве: Вопросы теории, нормотворчества и правоприменения: Автореф. дис. ... д.ю.н. Казань, 2002. 55 с.

Лакоценина Н.М.,

преподаватель Северо-Кавказского филиала Российского государственного университета правосудия

Институт недействительности сделок и применение мер гражданско-правовой ответственности (дискуссионные аспекты)

В статье идет речь об актуальной для российского гражданского права проблематике, непосредственно связанной с таким важным его институтом, каким является институт недействительности сделок.

Автор рассматривает различные научные позиции относительно обозначенной проблематики, уделяя повышенное внимание ключевым дискуссионным ее аспектам, в том числе применению мер гражданско-правовой ответственности.

Ключевые слова: гражданское право; сделка; недействительная сделка; недействительность сделки; оспоримая сделка; ничтожная сделка; юридический факт; юридические последствия; гражданско-правовая ответственность; применения мер гражданско-правовой ответственности; реституция; защита гражданских прав.

Стремительное развитие рыночных отношений в нашей стране в течение последних двадцати пяти лет вызвало возрастающий рост числа рассматриваемых судами дел, непосредственно связанных с недействительностью сделок, о чем наглядно свидетельствует и соответствующая статистика. Однако для современного этапа развития гражданского оборота характерна неоднозначность подходов судебной практики к вопросам квалификации недействительных, в частности, оспоримых сделок, что детерминировано противоречивостью и эклектичностью базовых теоретических воззрений, на которых основывается правоприменительная практика в процессе выработки своей позиции в отношении недействительных сделок¹.

1 См.: Голобородкина Е.В. Совершение оспоримой сделки как гражданское правонарушение: дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2014. С. 5.

Это обстоятельство, в свою очередь, обусловило всплеск научного интереса исследователей-цивилистов к анализу проблематики, сопряженной с недействительностью сделок, что нашло свое отражение в существенном массиве литературы монографического и диссертационного характера, а также в научной периодике¹.

В то же время относительное обилие литературы, посвященной недействительным сделкам, не снижает уровень актуальности обозначенной проблематики, тем более что на настоящий момент существует целый ряд дискуссионных аспектов, которые требуют углубленного и комплексного научного анализа. Среди таких аспектов, прежде всего, нужно назвать следующие:

- отсутствие у представителей научного и экспертного сообщества единства в понимании сущности и ключевых детерминант понятия «недействительная сделка»;
- дефицит консолидированной научной позиции на соотношение воли и волеизъявления;
- отсутствие единого понимания всех вопросов и проблем, связанных с недействительностью сделок и их правовой природой;
- наличие диссонанса в том, что российским законодателем признание сделок недействительными и применение последствий такой недействительности определено исключительно в качестве способа защиты гражданских прав (ст. 12 ГК РФ), в то время как общепризнанным подходом в раскрытии их природы является отнесение недействительных сделок к правонарушениям как основаниям для применения мер гражданской ответственности².

Как справедливо замечает в данной связи Е.В. Голобородкина, в недостаточной мере исследован вопрос о соотношении мер защиты и мер ответственности применительно к оспоримым сделкам. Неоднозначно, с точки зрения названного автора, в литературе правового характера разрешена и проблема признания совершения оспоримых сделок в качестве гражданских правонарушений и определения их состава³.

Нужно особо подчеркнуть, что анализ значительного количества научных работ, посвященных рассматриваемой проблематике, показал, что доминирующая часть российских цивилистов придерживается институционального подхода к пониманию и квалификации недействительных сделок. Так, например, Р.Н. Шалайкин считает, что «нормы, относящиеся

1 См.: Список литературы к данной публикации.

2 См.: Голобородкина Е.В. Совершение оспоримой сделки как гражданское правонарушение: дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2014. С. 5.

3 Там же.

к недействительности сделок, составляют отдельный институт гражданского права»¹. Данную точку зрения разделяет также целый ряд авторов².

В частности, Д.И. Мындря полагает, что «институт недействительности сделок как структурный элемент охранительной системы в целом направлен на пресечение поведения, отклоняющегося от правовых запретов, и аннулирование его последствий путем восстановления (эквивалентной компенсации) первоначального состояния. Такая цель предопределяет в основном императивный характер норм института... Право суда применять последствия недействительности сделок по собственной инициативе (п. 2 ст. 166 ГК), возможность взыскания полученного по сделке в доход государства (ст. 169 ...ГК) иллюстрируют публично-правовую значимость института недействительности сделок»³.

Следует заметить, что содержанию ст. 169 ГК РФ, которая, по мнению не только Д.И. Мындря, но и большинства российских цивилистов, наглядно отражает публично-правовую значимость института недействительности сделок, посвящено, наш взгляд, достаточное число научных публикаций⁴.

1 Шалайкин Р.Н. Правовая характеристика недействительных сделок: учебное пособие. Белгород: Белгородский юридический институт МВД России, 2010. С. 5.

2 См.: Мындря Д.И. Недействительность сделок, не соответствующих закону и иным правовым актам: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2003. С. 13; Матвеев И.В. Правовая природа недействительных сделок. М.: ООО Издательство «Юрлитинформ», 2002; Павлова И.Ю. Недействительность сделок в российском гражданском праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 4; Мелконян Д.А. Недействительность сделок в российском гражданском праве // Евразийская адвокатура. 2017. № 3(28). С. 63; Савельева О.Ю. Недействительность сделок в гражданском обороте: теория и практика: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2003. С. 6.

3 Мындря Д.И. Недействительность сделок, не соответствующих закону и иным правовым актам: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2003. С. 13.

4 См., например: Ельцов В.Н. Некоторые проблемы практики применения норм о последствиях сделки, совершенной с целью, заведомо противной основам правопорядка или нравственности // Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина. 2015. Вып. 8(148). С. 140–144; Каменщиков А.В. Недействительность сделки, совершенной с целью, противной основам правопорядка или нравственности: проблемы правового регулирования и способы их решения // Вестник экономики, права и социологии. 2011. № 2. С. 110–114; Малофеев А.А., Желонкин С.С. Юридическая характеристика конфискационной санкции за совершение сделок, предусмотренных ст. 169 и ст. 179 Гражданского кодекса Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета МВД России. 2010. № 4(48). С. 91–97; Тузов Д.О. Конфискация полученного по сделке, противной основам правопорядка или нравственности в судебно-арбитражной практике и проекте изменений Гражданского кодекса России // Вестник томского государственного университета. Серия «Юридические науки». 2011. № 1. С. 36–50; Угурчиева Х.О. Противоречие цели сделки «основам нравственности» как основание ее недействительности по ст. 169 ГК РФ // Вестник экономики, права и социологии. 2011. № 3. С. 145–148 и др.

В действующей редакции Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) содержится следующее определение недействительной сделки: «Недействительная сделка не влечет юридических последствий, за исключением тех, которые связаны с ее недействительностью, и недействительна с момента ее совершения»¹.

Краткость приведенного легального определения понятия «недействительная сделка», с точки зрения автора настоящей публикации, веское основание не только для формулировки разных дефиниций рассматриваемого понятия, но и для генерации различных точек зрения относительно правовой природы недействительных сделок. Как замечает Н.Д. Шестакова, «некоторые авторы выражают сомнение в том, можно ли вообще говорить о недействительности сделок: если сделка недействительна, значит, сделки нет»².

Совокупность изложенного ранее наглядно свидетельствует о том, что большинство исследователей вопросов недействительности сделок ставят во главу угла проблему правомерности употребления термина «недействительная сделка». Д.В. Параскевова считает правомерным использование указанного термина, поскольку легальное определение понятия «сделка» (ст. 153 ГК РФ) говорит о том, что «...сторонам достаточно надлежащим образом выразить волю на направленность своих действий на достижение определенных правовых последствий. И лишь при отсутствии такой направленности у обеих (всех) сторон сделки можно назвать последнюю правонарушением»³.

В качестве правонарушения считают недействительные сделки такие авторы, как Д.В. Параскевова⁴; М.А. Блинова⁵; В.А. Демидюк⁶ и др. Точку зрения, согласно которой недействительные сделки не являются правонарушениями, разделяют Н.В. Лиманский, И.Ю. Павлова, А.Ю. Бежецкий, И.А. Данилов⁷ и др.

1 Ст. 169 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 28.03.2017, с изм. от 22.06.201). URL: <http://base.garant.ru/10164072/> (дата обращения: 12.10.2017).

2 Шестакова Н.Д. Недействительность сделок. 2-е изд. испр. и доп. СПб: Издательство Р. Асламова «Юридический центр Пресс», 2008. С. 14.

3 Параскевова Д.В. Указ. соч. С. 12.

4 См.: Там же.

5 Блинова М.А. Указ. соч. С. 7, 16.

6 См.: Демидюк В.А. Анализ правовой природы недействительных сделок // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2016. № 1. Т. 22. С. 203–205.

7 См.: Бежецкий А.Ю. Недействительность мнимых и притворных сделок: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013; Данилов И.А. Вопросы совершенствования гражданского законодательства, регулирующего отношения в сфере недействительности сделок. М.: Изд. «Юрист», 2008; Лиманский Н.В. Недействительность сделок по законодательству Кыргызской Республики: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Бишкек, 2006; Павлова И.Ю. Недействительность сделок в российском гражданском праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.

Как правило, в работах цивилистов, посвященных рассматриваемой проблематике, подвергается анализу соотношение следующих ключевых понятий: недействительная сделка; юридический факт; сделка. Кроме того, исследуется целесообразность классификации недействительных сделок на ничтожные и оспоримые.

Расширенное толкование статей 9-й главы ГК РФ осложняет судам вынесение обоснованных решений, и, прежде всего, до сих пор в науке гражданского права остается нерешенным вопрос о том, является ли недействительная сделка собственно сделкой. В частности, с точки зрения Б.Х. Габоева, недействительная сделка должна рассматриваться как сделка, поскольку она является юридическим фактом, а он недействительным быть не может¹.

Весьма оригинальный подход к пониманию сущности понятия «недействительная сделка» демонстрирует В.А. Демидюк, предлагая термин «недействительность» заменить на понятие «неправомерные действия». Как считает названный автор, в таком случае вполне «можно включать в этот смысл и неправомерный сговор на совершение преступления, за который наступает уголовная ответственность», поэтому термин «недействительность сделки», используемый и законодателем, и учеными, представляется В.А. Демидюку некорректным. Он считает целесообразным употреблять понятие «недействительность соглашений», поскольку, по его мнению, недействительные сделки представляют собой противоправные действия, изначально нацеленные на нарушение закона (например, незаконное соглашение на похищение чужого имущества в уголовном праве квалифицируется как предварительный сговор)².

На наш взгляд, предложение В.А. Демидюка употреблять понятие «недействительность соглашений» (взамен устоявшегося и легального термина «недействительные сделки») уязвимо для конструктивной критики, поскольку в данном случае налицо подмена ключевых понятий: «сделки» заменяются «соглашениями». Сделку как «волевое, правомерное юридическое действие субъектов, обладающих гражданской правосубъектностью, направленное на достижение результата, который должен не противоречить действующему законодательству и выражаться в установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей»³, предлагается заменить на соглашение (договор). То есть действие (содержание)

1 Габоев Б.Х. Признание оспоримых сделок недействительными: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владикавказ, 2010. С. 14.

2 Демидюк В.А. Указ. соч. С. 205.

3 Соколова Н.В. Недействительные сделки в процедурах несостоятельности (банкротства): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2008. С. 14.

субъектов предлагается заменить на соглашение (форму), в которой будет закреплено указанное действие.

С точки зрения автора данной статьи, одним из наиболее дискуссионных аспектов рассматриваемой проблематики является аспект, связанный с применением мер гражданской ответственности¹ в качестве последствий недействительных сделок, квалифицируемых как правонарушение. Представляется, что дискуссионность указанной тематики (наряду с другими не менее важными факторами) обусловлена не достаточной ее изученностью.

Так, в частности, профессор О.А. Кузнецова считает, что применение мер гражданско-правовой ответственности является наименее изученным аспектом последней. По мнению названного автора, акцент современных цивилистических исследований в рассматриваемой области сделан, в первую очередь, на широком спектре вопросов и проблем понятия ответственности, перечня мер ответственности, оснований и условий их применения. В то время как теоретически обоснованная концепция механизма применения мер ответственности в гражданском праве отсутствует. Нормы гражданского законодательства о применении мер ответственности разрозненны, непоследовательны, казуистичны².

В данной связи нужно заметить, что, например, С. Коновалов является сторонником тезиса, согласно которому «в настоящее время признано, что ответственность является одним из способов защиты гражданских прав. Статья 12 ГК РФ такие меры ответственности, как возмещение убытков, взыскание неустойки, компенсация морального вреда, относит к способам защиты гражданских прав»³.

Как было отмечено ранее, в российском действующем законодательстве признание сделок недействительными и применение последствий такой недействительности определено лишь как способ защиты гражданских прав (ст. 12 ГК РФ), в то время как общепризнанным подходом в раскрытии их природы является отнесение недействительных сделок к правонарушениям как основаниям для применения мер гражданской ответственности⁴.

1 Более подробно о проблематике, непосредственно связанной с понятием и ключевыми детерминантами гражданско-правовой ответственности, см.: Коновалов С. Понятие гражданско-правовой ответственности // Право и Жизнь. 2006. № 95(5). С. 30–36; Кузнецова О.А. Применение мер гражданско-правовой ответственности // Вестник Пермского университета. 2012. Вып. 4(18). С. 97–103; Мильков А.В. К вопросу о характеристике гражданско-правовой ответственности // Закон. 2016. № 9. С. 131–139 и др.

2 Кузнецова О.А. Применение мер гражданско-правовой ответственности // Вестник Пермского университета. Серия «Юридические науки». 2012. Вып. 4(18). С. 97.

3 Коновалов С. Понятие гражданско-правовой ответственности // Право и Жизнь. 2006. № 95(5). С. 33.

4 См.: Голобородкина Е.В. Совершение оспоримой сделки как гражданское правонарушение: диссертация... канд. юрид. наук. Уфа, 2014. С. 5.

С. Коновалов пишет о том, что «только при одновременном наличии всех ключевых составляющих (противоправное поведение, вредное последствие, причинная связь между противоправным поведением и вредным последствием, вина) наступает гражданско-правовая ответственность. Эти составляющие в своей совокупности образуют состав гражданского правонарушения, являющегося основанием гражданско-правовой ответственности»¹.

Российским законодателем в п. 2 ст. 167 ГК РФ определены последствия недействительности сделок – двусторонняя реституция – восстановление сторон в первоначальное положение: обязанность каждой из сторон возратить другой стороне все полученное по сделке, а в случае невозможности возратить полученное в натуре (в том числе тогда, когда полученное выражается в пользовании имуществом, выполненной работе или предоставленной услуге) возместить его стоимость, если иные последствия недействительности сделки не предусмотрены законом. Исключение установлено ст. 169 ГК РФ.

В данном контексте следует отметить, что вопросам, сопряженным с понятием реституции, ее юридической природой, а также с природой реституционных правоотношений, российскими цивилистами уделяется серьезное внимание².

В частности, известный российский цивилист О.Д. Тузов считает, что современные представления о реституции в гражданском праве РФ «... сводятся к тезису об общем последствии недействительности сделок. В качестве законодательного обоснования данного утверждения можно привести ч. 2 ст. 167 ГК РФ, определяющую, что при недействительности сделки каждая из сторон обязана возратить другой стороне все полученное по такой сделке. Современная арбитражная практика при поддержке некоторых ученых часто расценивает иски о применении последствий недействительности ничтожных сделок в виде истребования имущества в качестве гражданско-правового средства защиты интересов собственника и иных титульных владельцев»³.

1 Коновалов С. Указ. соч. С. 36.

2 См., например: Джанаева А.М. Понятие реституции: сравнительно-правовой анализ института в российской и англо-американской системах права: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015; Егоров А.В. Реституция по недействительным сделкам при банкротстве // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2010. № 12. С. 10–27; Лоренц Д.В. Юридическая природа реституции // Законы России: опыт, анализ, практика. 2009. № 12. С. 112–116; Сеницын С.А. Реституционные правоотношения: понятие, содержание, проблема классификации // Юрист. 2015. № 19. С. 32–39; Тузов Д.О. Природа реституционных правоотношений // Вестник Томского государственного университета. Серия «Юридические науки». 2003. № 279. С. 35–43; Тузов Д.О. Реституция и виндикация. Проблемы соотношения // Вестник ВАС РФ. 2002. № 3. С. 115–135 и др.

3 См.: Тузов Д.О. Реституция и виндикация. Проблемы соотношения // Вестник ВАС РФ. 2002. № 3. С. 119.

Следует акцентировать внимание на том важном обстоятельстве, что, наряду с двухсторонней реституцией, ГК РФ предусмотрено дополнительное последствие недействительности сделок, представляющее собой меры гражданской ответственности:

1) возмещение дееспособной стороной реального ущерба, если она знала или должна была знать о:

- недееспособности другой стороны (ст. 171 ГК РФ);
- совершении сделки несовершеннолетним, не достигшим 14 лет (ст. 172 ГК РФ);
- совершении сделки несовершеннолетним в возрасте от 14 до 18 лет (ст. 175 ГК РФ);
- совершении сделки гражданином, ограниченным судом в дееспособности (ст. 176 ГК РФ);
- совершении сделки гражданином, не способным понимать значение своих действий или руководить ими (ст. 177 ГК РФ);
- совершении сделки под влиянием заблуждения, имеющего существенное значение (ст. 178 ГК РФ);

2) возмещение потерпевшему убытков стороной, действовавшей умышленно и недобросовестно по сделке, совершенной под влиянием обмана, насилия, угрозы или неблагоприятных обстоятельств (ст. 179 ГК РФ).

Надо акцентировать внимание на том весьма существенном обстоятельстве, что часть авторов в своих научных работах поддерживают позицию разработчиков Концепции совершенствования гражданского законодательства, направленную на сокращение легальных возможностей признавать сделки недействительными во всех случаях, когда недействительность сделки как гражданско-правовая санкция является неоправданной и явно несоразмерной характеру и последствиям нарушений, допущенных при совершении сделки.¹

Следует особо отметить, что в итоге реформирования ГК РФ правила о недействительных сделках в значительной степени изменились. При этом, по мнению некоторых цивилистов², новое правовое регулирование не вполне адекватно отражает те основные идеи, которые выдвигались в процессе разработки Концепции развития гражданского законодательства³.

1 См.: Гутников О.В. Деление недействительных сделок на ничтожные и оспоримые: основные идеи и результаты реформирования Гражданского Кодекса Российской Федерации // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 2. С. 48–67; Параскевова Д.В. Указ. соч. С. 12–13.

2 См.: Гутников О.В. Указ. соч. С. 48.

3 Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 7 октября 2009 г.). URL: <http://base.garant.ru/12176781/> (дата обращения: 12.10.2017).

Принимая во внимание столь важное обстоятельство, в настоящее время представители научного и экспертного сообщества выдвигают конкретные предложения, направленные на дальнейшее совершенствование нормативно-правовой базы, регулирующей заключение сделок. В частности, О.В. Гутников предлагает отказаться от законодательного деления недействительных сделок на ничтожные и оспоримые, установить единый правовой режим для всех недействительных сделок (и ничтожных, и оспоримых, и несостоявшихся)¹.

На наш взгляд, приведенные конкретные предложения имеют весьма конструктивный характер, так как их главный вектор направлен на дальнейшее совершенствование гражданского оборота и гражданско-правовых отношений в современной России.

Список литературы:

1. Бежецкий А.Ю. Недействительность мнимых и притворных сделок: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013.
2. Габоев Б.Х. Некоторые особенности деления недействительных сделок на ничтожные и оспоримые // Современное право. 2008. № 6. С. 88–95.
3. Габоев Б.Х. Признание оспоримых сделок недействительными: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владикавказ, 2010.
4. Голобородкина Е.В. Совершение оспоримой сделки как гражданское правонарушение: дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2014.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 28.03.2017, с изм. от 22.06.201). URL: <http://base.garant.ru/10164072/> (дата обращения: 12.10.2017).
6. Гусенкова Ю.А. Недействительность сделки, совершенной с целью, противной основам правопорядка и нравственности: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013.
7. Гутников О.В. Деление недействительных сделок на ничтожные и оспоримые: основные идеи и результаты реформирования Гражданского Кодекса Российской Федерации // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 2. С. 48–67.
8. Гутников О.В. Недействительные сделки в гражданском праве (теория и практика оспаривания). 3-е изд., испр. и доп. М.: Статут, 2008.
9. Данилов И.А. Вопросы совершенствования гражданского законодательства, регулирующего отношения в сфере недействительности сделок. М.: Изд. «Юрист», 2008.
10. Данилов И.А. Порок воли в качестве основания недействительности сделок: монография. М.: ООО «Издательство «Юрист»», 2010.
11. Джанаева А.М. Понятие реституции: сравнительно-правовой анализ института в российской и англо-американской системах права: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015.

1 См.: Гутников О.В. Указ. соч. С. 48.

12. Егоров А.В. Реституция по недействительным сделкам при банкротстве // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2010. № 12. С. 10–27.
13. Ельцов В.Н. Некоторые проблемы практики применения норм о последствиях сделки, совершенной с целью, заведомо противной основам правопорядка или нравственности // Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина. 2015. Вып. 8(148). С. 140–144.
14. Илюшина М.Н. Реформа института недействительности сделок: современное состояние и нерешенные проблемы // Мониторинг правоприменения. 2014. № 2. С. 4–10.
15. Кагальницкова Н.В. Теоретико-правовые проблемы разграничения ничтожных и оспоримых сделок в гражданском праве // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2015. № 1. С. 104–107.
16. Каменщиков А.В. Недействительность сделки, совершенной с целью, противной основам правопорядка или нравственности: проблемы правового регулирования и способы их решения // Вестник экономики, права и социологии. 2011. № 2. С. 110–114.
17. Киселев А.А. Актуальные вопросы правового регулирования недействительности сделок: монография. М.: Юрист, 2007.
18. Киселев А.А. Недействительные сделки: теоретические и практические проблемы составов, квалификации и правовых последствий: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2004.
19. Коновалов С. Понятие гражданско-правовой ответственности // Право и Жизнь. 2006. № 95(5). С. 30–36.
20. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 7 октября 2009 г.). URL: <http://base.garant.ru/12176781/> (дата обращения: 12.10.2107).
21. Коршакова К.В. Проблемность злоупотребления правом (шиканы) как основания недействительности сделок. Краснодар, 2005.
22. Кузнецова О.А. Применение мер гражданско-правовой ответственности // Вестник Пермского университета. 2012. Вып. 4(18). С. 97–103.
23. Лиманский Н.В. Недействительность сделок по законодательству Кыргызской Республики: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Бишкек, 2006.
24. Лоренц Д.В. Юридическая природа реституции // Законы России: опыт, анализ, практика. 2009. № 12. С. 112–116.

25. Маймескул К.Н. Проблемы недействительности сделок // Science Time. 2015. № 1 (13). С. 316–319.
26. Малофеев А.А., Желонкин С.С. Юридическая характеристика конфискационной санкции за совершение сделок, предусмотренных ст. 169 и ст. 179 Гражданского кодекса Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета МВД России. 2010. № 4(48). С. 91–97.
27. Матвеев И.В. Правовая природа недействительных сделок. М.: ООО Издательство «Юрлитинформ», 2002.
28. Мелконян Д.А. Недействительность сделок в российском гражданском праве // Евразийская адвокатура. 2017. № 3(28). С. 63–65.
29. Мильков А.В. К вопросу о характеристике гражданско-правовой ответственности // Закон. 2016. № 9. С. 131–139.
30. Мындра Д.И. Недействительность сделок, не соответствующих закону и иным правовым актам: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2003.
31. Павлова И.Ю. Недействительность сделок в российском гражданском праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.
32. Параскевова Д.В. Последствия недействительности части сделки // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2016. № 2. С. 238–241.
33. Параскевова Д.В. Признание сделки недействительной и(или) применение последствий недействительности сделки как способ защиты гражданских прав: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2010.
34. Савельева О.Ю. Недействительность сделок в гражданском обороте: теория и практика: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2003.
35. Савченко Е.Я. Проблемы правового регулирования недействительных сделок // Правопорядок: история, теория, практика. 2016. № 2(9). С. 12–16.
36. Сеницын С.А. Реституционные правоотношения: понятие, содержание, проблема классификации // Юрист. 2015. № 19. С. 32–39.
37. Соколова Н.В. Недействительные сделки в процедурах несостоятельности (банкротства): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2008.
38. Суфиянова Т.И. Недействительные сделки: гражданско-правовые и налоговые последствия. М.: ООО ИИА «Налог Инфо», ООО «Статус-Кво 97», 2007.
39. Тузов Д.О. Конфискация полученного по сделке, противной основам правопорядка или нравственности в судебно-арбитражной практике и проекте изменений Гражданского кодекса России //

- Вестник томского государственного университета. Серия «Юридические науки». 2011. № 1. С. 36–50.
40. Тузов Д.О. Природа реституционных правоотношений // Вестник Томского государственного университета. Серия «Юридические науки». 2003. № 279. С. 35–43.
 41. Тузов Д.О. Реституция и виндикация. Проблемы соотношения // Вестник ВАС РФ. 2002. № 3. С. 115–135.
 42. Тузов Д.О. Теория недействительности сделок: опыт российского права в контексте европейской правовой традиции. М.: Статут, 2007.
 43. Угурчиева Х.О. Противоречие цели сделки «основам нравственности» как основание ее недействительности по ст. 169 ГК РФ // Вестник экономики, права и социологии. 2011. № 3. С. 145–148.
 44. Хвостецкий М.В. Правовое регулирование недействительных сделок, совершенных с целью, противной основам правопорядка или нравственности: юридические ошибки и способы их решения // Юридические исследования. 2017. № 2. С. 60–67.
 45. Черярин А.В. Правовые проблемы недействительности сделок и их последствий в российском законодательстве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2006.
 46. Чесная П.В. Развитие учения о сделках и недействительных сделках // Международный журнал гражданского и международного права. 2016. № 1. С. 67–70.
 47. Шалайкин Р.Н. Правовая характеристика недействительных сделок: учебное пособие. Белгород: Белгородский юридический институт МВД России, 2010.
 48. Шестакова Н.Д. Недействительность сделок. 2-е изд. испр. и доп. СПб: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2008.

Левушкин А.Н.,

профессор кафедры гражданского права РГУП, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры гражданского и предпринимательского права Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), д.ю.н., профессор

**Отказ от семейно-правового договора и имущества
после смерти супруга как односторонние
волеизъявления, юридические факты и меры защиты семейных прав**

В настоящей статье рассмотрено право на отказ от семейно-правового договора и имущества после смерти супруга как односторонние волеизъя-

явления, которые направлены на защиту семейных прав. Анализируется правовая природа и особенности применения данных односторонних действий.

Ключевые слова: защита семейных прав; юридические факты; односторонние волеизъявления; право на отказ; семейно-правовой договор; имущество супругов.

Семейный кодекс Российской Федерации (далее – СК РФ)¹ предусматривает, что участники семейных правоотношений могут заключать различные сделки: договоры и односторонние сделки.

Согласно п. 33 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.05.2012 № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» в состав наследства, открывшегося со смертью наследодателя, состоявшего в браке, включается его имущество (п. 2 ст. 256 ГК РФ, ст. 36 СК РФ), а также его доля в имуществе супругов, нажитом ими во время брака, независимо от того, на имя кого из супругов оно приобретено либо на имя кого или кем из супругов внесены денежные средства, если брачным договором не установлено иное (п. 1 ст. 256 ГК РФ, ст. 33, 34 СК РФ). Исходя из вышеуказанного Постановления, переживший супруг вправе подать заявление об отсутствии его доли в имуществе, приобретенном во время брака.

Таким образом, получается парадоксальная ситуация, исходя из которой, получается, что после смерти одного из супругов другой вправе посредством своего одностороннего волеизъявления отказаться от своего имущества, правовой режим которого подпадает под совместно нажитое. Т. е. после смерти супруга возможно изменение правового режима имущества супругов (законного режима) в результате одностороннего акта – заявления об отсутствии доли.

Вместе с тем, согласно ст. 1150 ГК РФ, принадлежащее пережившему супругу наследодателя в силу завещания или закона право наследования не умаляет его права на часть имущества, нажитого во время брака с наследодателем и являющегося их совместной собственностью.

При смерти одного из супругов другой становится наследником по закону при отсутствии завещания, но в любом случае совместно нажитое имущество супругов включается в наследственную массу, претендовать на которое может и переживший супруг в определенной ему законом или завещанием доле.

¹ Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 01.05.2017 № 94-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16; Собрание законодательства РФ. 2017. № 18. Ст. 2671.

Следует согласиться с высказанным в науке мнением С.Ю. Чашковой, что «если распространять действие п. 33 Постановления Пленума № 9 на нотариальную практику, то складывается лишенная логики ситуация: при жизни никто из супругов не вправе на основании одностороннего заявления опровергнуть или изменить правовой режим общей собственности, тогда как, согласно разъяснениям Верховного Суда РФ, смерть одного из супругов неожиданно делает это возможным»¹. Действительно, каким образом переживший супруг может изменить сложившийся в силу закона режим совместной собственности? Такого права действующее гражданское и семейное законодательство ему не предоставляет.

Таким образом, анализируемое Постановление Пленума предоставляет супругу путем одностороннего волеизъявления – подачи заявления об отсутствии его доли в имуществе изменять режим совместной собственности супругов. Полагаем, что здесь такого рода заявление по правовой природе может рассматриваться как односторонний отказ от права собственности.

Судебная практика признает подачу заявления пережившего супруга об отсутствии его доли в нажитом в браке имуществе вполне законными односторонними действиями, если в материалах наследственного дела имеется такое заявление. Законность действий нотариуса суды обосновывают ссылкой не на норму права, допускающую такую возможность (так как она отсутствует), а на п. 33 Постановления Пленума № 9². Представляется, что позицию судов можно обосновать трактовкой вышеуказанного волеизъявления бывшего супруга цивилистической конструкцией отказа от права собственности. При этом необходимо подчеркнуть, что прекращение права собственности у одного лица и его возникновение у другого лица выступает как необходимое условие такого перехода (п. 2 ст. 223 ГК РФ), а также сохранения существующих ограничений и обременений (п. 1 ст. 275, п. 1 ст. 586, п. 1 ст. 617 ГК РФ).

В юридической литературе справедливо отмечается, что «при отказе от права собственности (в отличие от отчуждения имущества) собственник

1 Чашкова С.Ю. Значение одностороннего волеизъявления пережившего супруга при определении нотариусом состава наследственной массы: проблемы правоприменения и позиции судебной практики // Семейное и жилищное право. 2017. № 3. С. 22–25.

2 См., напр.: Определение ВС РФ от 14 июля 2015 г. № 18-КГ15-62; Апелляционное определение Верховного суда Республики Башкортостан от 30 мая 2016 г. по делу № 33-10082/2016 // Документы официально опубликованы не были. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». Пример приведен Чашковой С.Ю. в статье «Значение одностороннего волеизъявления пережившего супруга при определении нотариусом состава наследственной массы: проблемы правоприменения и позиции судебной практики» // Семейное и жилищное право. 2017. № 3. С. 22–25.

выражает волю на прекращение права собственности без указания правопробретателя, а приобретение права собственности в случае отказа от права собственности является первоначальным способом приобретения права собственности»¹.

В качестве еще одного одностороннего волеизъявления в семейном праве следует рассматривать такой способ расторжения (изменения) семейно-правового договора, урегулированный ст. 450.1 ГК РФ, как односторонний отказ от договора. Он уравнивается с правом на односторонний отказ от исполнения обязательства со ссылкой на ст. 310 ГК РФ. Право на односторонний отказ от семейно-правового договора может быть осуществлено управомоченной стороной, например, супругом в брачном договоре, путем уведомления другого супруга об отказе от исполнения брачного договора при неисполнении имущественной обязанности одной из сторон брачного договора.

Случаи возможного отказа от договора могут быть сформулированы в императивных нормах или следовать из договорных условий, которые определены исходя из правил диспозитивной нормы, например, могут быть определены в брачном договоре, алиментном соглашении, соглашении о порядке участия в воспитании ребенка и других.

Случаи предоставления законом права на односторонний отказ классифицируются, если осуществление права на отказ от договора (исполнения обязательства) обусловлено нарушением договора или иными (определенными) обстоятельствами². В особую группу выделяются случаи, в которых осуществление права на отказ не связывается законодателем с какими-либо обстоятельствами и отказ может быть совершен по желанию управомоченного лица в любой момент после возникновения обязательства, например, при заключении брачного договора без указания срока его действия.

По мнению О.М. Родионовой, отказ от договора – это действия по реализации дозволения воспользоваться договорной свободой, «действия по осуществлению обязательственных прав, влекущих прекращение отношений»³.

Считаем возможным рассматривать право на отказ от семейно-правового договора как способ защиты семейных прав, вторичное право, реализация которого осуществляется в форме одностороннего волеизъя-

1 Иमेкова М.П. Отказ лица от права собственности на земельный участок в системе оснований прекращения права собственности на землю // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 11. С. 1423–1428.

2 См.: Оболонкова Е.В. Односторонний отказ от исполнения обязательства: Научно-практическое исследование. М.: Юридическая фирма «Контракт»; Волтерс Клувер, 2010. С. 32–49.

3 См.: Родионова О.М. К вопросу о так называемых «вторичных правах» // Социально-политические науки. 2012. № 3. С. 121–122.

явления (односторонней сделки). Если оно реализуется с целью защиты субъективного семейного права вследствие неправомерного поведения одной из сторон, например, супругом как стороны брачного договора, то односторонний отказ от брачного договора выступает в качестве меры оперативного воздействия для лица, допустившего правонарушение, оставаясь секундарным правом для другого супруга.

Современная система семейного законодательства РФ предусматривает исчерпывающий перечень юридических фактов, не отвечает реальной действительности и нуждается в совершенствовании путем закрепления открытого перечня юридических фактов¹.

В литературе справедливо отмечается, что «односторонний отказ от договора следует рассматривать как реализацию секундарного права, влекущего за собой расторжение договора и прекращение обязательств сторон, если иное не предусмотрено законом, договором или не вытекает из существа обязательства»². Таким образом, ГК РФ, другие законы, иные правовые акты или семейное соглашение предоставляют право на односторонний отказ от исполнения семейно-правового договора, которое может быть осуществлено управомоченной стороной по основаниям, не предусмотренным законом. Например, заказчик вправе отказаться от исполнения договора возмездного оказания услуг при условии оплаты исполнителю фактически понесенных им расходов (п. 1 ст. 782 ГК РФ).

Интересы супруга должны быть защищены в случае, когда очевидно доказана недобросовестность как бывшего супруга в результате совокупности сделок передавшего долю третьему лицу, так и контрагента³.

Современная система семейного законодательства РФ, предусматривающая исчерпывающий перечень юридических фактов, не отвечает реальной действительности и нуждается в совершенствовании путем закрепления открытого перечня юридических фактов, как и перечня способов защиты семейных прав.

Итак, в семейных правоотношениях достаточно часто возможно применение одностороннего волеизъявления, которое рассматривается как односторонняя семейно-правовая сделка, акт семейного волеизъявления (юридический факт), влекущий возникновение, изменение, прекращение семейных прав и обязанностей, направленного на защиту семейных прав.

Список литературы:

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 01.05.2017 № 94-ФЗ) // Собрание законодательства РФ.

1 Левушкин А.Н. Юридические факты в семейном праве России и других государств – участников СНГ // Российская юстиция. 2013. № 10. С. 11–14.

2 Сорокина С.Я. Отказ от договора в свете новелл обязательственного права // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 4. С. 92–101.

3 Левушкин А.Н. Реализация прав супругов при осуществлении деятельности юридического лица // Журнал российского права. 2016. № 3. С. 47–55.

1996. № 1. Ст. 16; Собрание законодательства РФ. 2017. № 18. Ст. 2671.
2. Имекова М.П. Отказ лица от права собственности на земельный участок в системе оснований прекращения права собственности на землю // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 11. С. 1423–1428.
3. Левушкин А.Н. Юридические факты в семейном праве России и других государств – участников СНГ // Российская юстиция. 2013. № 10. С. 11–14.
4. Левушкин А.Н. Реализация прав супругов при осуществлении деятельности юридического лица // Журнал российского права. 2016. № 3. С. 47–55.
5. Оболенкова Е.В. Односторонний отказ от исполнения обязательства: Научно-практическое исследование. М.: Юридическая фирма «Контракт»; Волтерс Клувер, 2010.
6. Родионова О.М. К вопросу о так называемых «секундарных правах» // Социально-политические науки. 2012. № 3. С. 121–122.
7. Сорокина С.Я. Отказ от договора в свете новелл обязательственного права // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 4. С. 92–101.
8. Чашкова С.Ю. Значение одностороннего волеизъявления пережившего супруга при определении нотариусом состава наследственной массы: проблемы правоприменения и позиции судебной практики // Семейное и жилищное право. 2017. № 3. С. 22–25.
9. Определение ВС РФ от 14 июля 2015 г. № 18-КГ15-62; Апелляционное определение Верховного суда Республики Башкортостан от 30 мая 2016 г. по делу № 33-10082/2016 // Документы официально опубликованы не были. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Мальшева Е.Ю.,

заведующий кафедрой гражданского права
Приволжского филиала РГУП, к.ю.н., доцент

К вопросу о дифференциации МПР и выделении охранного МПР (цивилистический аспект)

В статье исследуется выделение охранного механизма правового регулирования как автономного правового явления на основе телеологического подхода.

Ключевые слова: методология права; телеология; дифференциация механизма правового регулирования; охранительные правоотношения, механизм защиты, охранный механизм.

«Право – это осуществленное в принудительной форме государственной властью обеспечение жизненных условий общества, "защищенный государственный интерес"»

Иеринг Р.¹

Традиционная структура механизма правового регулирования соответствовала общей функциональной характеристике права, представленной двумя основными правовыми функциями – регулятивной и охранительной.

Родоначальником классификации гражданских правоотношений на охранительные и регулятивные в отечественной юриспруденции является известный дореволюционный юрист С.А. Муромцев².

Об обособленном от регулятивного и «новом» охранительном правоотношении писали в свое время О.С. Иоффе и М.Д. Шаргородский³, Е.Я. Мотовиловкер⁴.

Более того, Е.Я. Мотовиловкер пошел еще дальше, считая, что только охранительное правоотношение способно «привести правоотношение к цели». Именно последний тезис позволил нам применить телеологический подход при исследовании как МПР в целом, так и охранного механизма в частности.

Развивая концепцию самостоятельного существования регулятивных и охранительных правоотношений, С.С. Алексеев в свое время пришел к выводу о том, что указанные два вида правоотношений отличаются друг от друга не только по основанию возникновения, но и по содержанию субъективных прав и обязанностей, их соотношению между собой⁵.

Одним из первых исследователей, рассмотревших механизм защиты субъективных прав с позиций механизма правового регулирования, является В.В. Бутнев⁶.

Необходимость обращения к проблеме МПР и выделению охранного МПР обоснована рядом объективных и субъективных факторов.

Первая группа факторов расположена в плоскости временной – механизм правового регулирования социалистического права вряд ли может и должен совпадать с механизмом правового регулирования в современном

1 Иеринг Р. Борьба за право. СПб, 1912. С. 15.

2 Муромцев С.А. Определение и основное разделение права / Вступ. ст. Ю.И. Гревцова. СПб, 2004. С. 78, 84.

3 Иоффе О.С. Правоотношение по советскому гражданскому праву // Избранные труды по гражданскому праву. М., 2000.

4 Мотовиловкер Е.Я. Теория регулятивного и охранительного права. Воронеж, 1990.

5 Алексеев С.С. Общая теория социалистического права: Курс лекций. Вып. 2. Свердловск, 1964. С. 60.

6 Бутнев В.В. Понятие механизма защиты субъективных прав // Механизм защиты субъективных гражданских прав. Ярославль, 1990.

праве России. Основой указанного МПР являлся тезис о единстве правового регулирования и единстве его механизма, который требует безотлагательного пересмотра и отраслевых доказательств обратного.

Можно также констатировать, что указанные в литературе наиболее известные подходы в исследовании МПР (инструментальный, социологический, психологический, системно-структурный) в основном обусловлены причинно-следственным методом исследования общественных явлений.

Они рассчитаны исключительно на позитивное право и признают, в соответствии с последним, неизменным элементом МПР юридическую норму (юридический нормативный правовой акт) и не могут избежать при исследовании МПР обращения к теории правоотношения.

Однако до сих пор в большинстве современных источников указывают на четыре стадии правового регулирования: регламентация общественных отношений; возникновение субъективных прав и субъективных юридических обязанностей; реализация субъективных прав и субъективных юридических обязанностей, воплощение их в конкретном фактическом поведении; применение права. Соответственно этому выделяются и четыре элемента механизма: нормы права; правоотношения; акты реализации прав и обязанностей; акты применения права.

Негативное отношение вызывает и факт продолжения исследований отраслевых МПР на базе старых нормативистских подходов.

Так, в одной из последних работ, посвященных механизму гражданско-правового регулирования, читаем: «Механизм гражданско-правового регулирования представляет собой единство основных (нормы гражданского права) и вспомогательных (ненормативные регуляторы и цивилистическо-догматические конструкции) элементов, при помощи которых обеспечивается воздействие на имущественные и личные неимущественные отношения. Основными элементами механизма гражданско-правового регулирования выступают нормы гражданского права»¹. Указанные высказывания показательны, но не удивительны, так как автор в качестве методологии исследования честно заявил себя сторонником деятельностно-догматического подхода.

Иной методологический подход при рассмотрении механизма уголовно-правового регулирования в сфере преступных посягательств на объекты интеллектуальной собственности демонстрируют представители науки уголовного права².

1 Родионова О.М. Правовые формы реализации волевых отношений в механизме гражданско-правового регулирования: Автореф. ... докт. юрид. наук. М., 2017. С. 11; Родионова О.М. Механизм гражданско-правового регулирования в контексте современного частного права. М.: Статут, 2013. 336 с.

2 Долотов Р.О. Механизм уголовно-правового регулирования в сфере преступных посягательств на объекты интеллектуальной собственности: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009.

Мы, в свою очередь, полностью солидарны с позицией Р.О. Долотова, который при анализе понятия и структуры механизма уголовно-правового регулирования применяет коммуникативный подход, считая его разновидностью интегральной теории правопонимания.

В частности, он пишет: «Решить все проблемы в рамках одного методологического подхода нереально. Данное положение является постулатом постнеклассического типа научной рациональности, опровергающего методологический фундаментализм»¹.

В работе Ю.Н. Андреева «Механизм гражданско-правовой защиты»² дается следующее определение механизма гражданско-правовой защиты: «Под механизмом гражданско-правовой защиты понимается динамичное, согласованное взаимодействие гражданско-правовых способов, средств, форм и иных элементов в целях достижения положительных целей (результатов) защиты. Механизм защиты субъективных гражданских прав является частью механизма правового регулирования и строится на его основе», а в качестве основных элементов механизма защиты гражданских прав названы: способы защиты гражданских прав, средства защиты гражданских прав и формы защиты гражданских прав».

В одной из последних работ предложено следующее определение: «охранительное правоотношение является формой, позволяющей обеспечивать реализацию всех мер правового воздействия (способов защиты гражданских прав) механизма защиты» и далее «именно в рамках охранительных правоотношений реализуется охранительная функция гражданского права, охранительное правоотношение является средством реализации охранительных норм в имущественном обороте, в динамике и статике. Гражданско-правовое принуждение – это способ исполнения охранительного обязательства и осуществления права на защиту»³.

Таким образом, известная научная литература до сих пор предопределена исключительно позициями нормативизма, что не может удовлетворить запросы современной доктрины.

Считаем, что в рамках отраслевого регулирования существуют разнообразные механизмы правового регулирования, наличие которых определено в первую очередь (и в противовес традиционному представлению) неоднородностью предмета регулируемых соответствующей отраслью

1 Долотов Р.О. Механизм уголовно-правового регулирования в сфере преступных посягательств на объекты интеллектуальной собственности: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009.

2 Андреев Ю.Н. Механизм гражданско-правовой защиты. М.: Норма, Инфра-М, 2010.

3 Кархалев Д.Н. Охранительное гражданское правоотношение. М., 2009. С. 79.

права общественных отношений, а также наблюдающейся дихотомией отраслевых субъектов и объектов, в том числе и самих субъективных прав.

Полагаем должен быть поставлен вопрос (особенно для отраслей частного права, основанных на общем посыле об их диспозитивной методологии) о разграничении МПР внутри самого отраслевого регулирования.

Полагаем, что логическая цепочка «цель – средство – результат», известная большинству наук, вполне может сочетаться с обозначенными выше основными предпосылками выработки нового подхода в исследовании современного МПР, который условно назван как «целевой».

С учетом телеологического подхода наше общее видение структуры модельного МПР представлено следующими соображениями:

1. Объявляя цель первым элементом модельного МПР, мы не можем не учитывать ее собственной сложной структуры: целевой субъект; особые целепостановочные субъективные права; непротивоправные интересы; защита прав, интересов и благ.

Полагаем, что в каждой отрасли права только один целевой субъект, который может ставить отраслевые цели. Следует также обратить внимание на связь между концентрацией цели в основном разделе соответствующей отрасли права и возможным главным (единственным) целевым субъектом. Действительно, если признать за истину, что цели уголовного права расположены в его основном институте – уголовно-правовом институте наказания, то единственным целевым субъектом уголовного права будет являться государство.

2. Средства являются вторым связующим элементом модельного МПР.

Мы понимаем их как исключительно фиктивные отраслевые законодательные конструкции, обеспечивающие юридико-техническую трансформацию правовой цели в отраслевой правовой результат. Они в свою очередь представлены в виде: средств-субъектов; средств-объектов; средств-действий.

3. Результат является заключительным и самым методологически сложным (спорным) элементом модельного МПР. Однако смеем предположить, что это в любом случае исключительно правовая материя, искусственно созданная правом. А если принять верным наш тезис о горизонтальном и вертикальном взаимодействии в праве и дифференциации МПР, то при целевом МПР правовой результат, что бы им не было, обратно возвращается в правовую материя и проверяется в рамках другого МПР.

В рамках гражданского права можно выделить и исследовать следующие специальные МПР:

- Статутный МПР
- Договорный МПР
- Охранный МПР

Смеем предположить, что каждый из перечисленных выше МПР обладает собственным целевым субъектом, присущими только ему особыми (целестановочными) субъективными правами, которые и влияют главным образом на все дальнейшее построение отраслевого механизма правового регулирования.

К логическому продолжению этого предположения стоит отнести и тезис о том, что набор конкретных отраслевых правовых средств, способствующих наступлению какого-либо правового результата, для каждого МПР различный.

Ранее нами был предложен компромиссный вариант, который мы склонны отстаивать и сейчас – это замена единого МПР на модельный МПР с дальнейшей его дифференциацией как в общетеоретическом так и в отраслевом аспектах¹.

Список литературы:

1. Алексеев С.С. Общая теория социалистического права: Курс лекций. Вып. 2. Свердловск, 1964. С. 60.
2. Алексеев С.С. Общая теория права: В 2 т. Т. 2. М.: Юрид. лит., 1982.
3. Андреев Ю.Н. Механизм гражданско-правовой защиты. М.: Норма, Инфра-М, 2010.
4. Бутнев В.В. Понятие механизма защиты субъективных прав // Механизм защиты субъективных гражданских прав. Ярославль, 1990.
5. Долотов Р.О. Механизм уголовно-правового регулирования в сфере преступных посягательств на объекты интеллектуальной собственности: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009.
6. Иоффе О.С. Правоотношение по советскому гражданскому праву // Избранные труды по гражданскому праву. М., 2000.
7. Кархалев Д.Н. Охранительное гражданское правоотношение. М., 2009.
8. Малеин Н.С. Правонарушение: понятие, причины, ответственность. М., 1985.
9. Малышева Е.Ю. Телеология в праве (общетеоретический и гражданско-правовой аспекты): монография. НФ ИБП, 2009.
10. Мотовиловкер Е.Я. Теория регулятивного и охранительного права. Воронеж, 1990.
11. Муромцев С.А. Определение и основное разделение права / Вступ. ст. Ю.И. Гревцова. СПб, 2004.
12. Родионова О.М. Механизм гражданско-правового регулирования в контексте современного частного права. М.: Статут, 2013. 336 с.

¹ Малышева Е.Ю. Телеология в праве (общетеоретический и гражданско-правовой аспекты): монография: НФ ИБП, 2009. С. 165-180.

13. Родионова О.М. Правовые формы реализации волевых отношений в механизме гражданско-правового регулирования: Автореф. ... докт. юрид. наук. М., 2017.

Павлова О.Г.,

доцент кафедры гражданского права
Приволжского филиала РГУП, к.ю.н.

Особенности семейно-правовых санкций в современной России

Настоящая статья посвящена правовым особенностям санкций в современном семейном праве, а также обоснованию наличия особых семейно-правовых санкций и их отграничения от гражданско-правовых санкций.

Ключевые слова: семейно-правовые санкции; санкции в семейном праве; недействительность брака; лишение родительских прав; отмена усыновления; убытки; неустойка; моральный вред; материальный вред.

Общеизвестным является то факт, что санкция – это часть правовой нормы, указывающая на неблагоприятные (в основном) последствия, которые наступают вследствие диспозиции, то есть правил поведения, установленных правовой нормой. Вместе с тем для каждой отрасли права характерны свои особенные санкции, и с этой точки зрения санкции в семейном праве также имеют свои специфические особенности.

Обратимся к характеристике семейно-правовых санкций. Анализ содержания Семейного кодекса РФ¹ позволяет выделить, в частности, такие имущественно-правовые санкции, как возмещение убытков, взыскание неустойки, возмещение морального и материального вреда. Следует отметить, что указанные неблагоприятные последствия могут применяться при нарушении как имущественных, так и неимущественных обязанностей одной из сторон. Так, при образовании задолженности по вине лица, обязанного уплачивать алименты по решению суда, виновное лицо уплачивает получателю законную неустойку в размере 0,2 % от невыплаченных сумм за каждый день просрочки. Указанная неустойка является зачетной, поскольку получатель алиментов также вправе взыскать убытки в части, не покрытой неустойкой (ст.115 СК РФ).

Также требование о возмещении убытков вправе предъявить сторона договора о приемной семье, если основанием для расторжения указанного договора послужило существенное виновное нарушение своих обязательств другой стороной (ст. 153.4 СК РФ). В данном случае речь идет о нарушении обязанностей любой из сторон, и если для органа опеки и попечительства логично предположить возможность нарушений имуще-

¹ Собрание законодательства РФ. 01.01.1996. № 1. Ст. 16.

ственного характера (в частности, неоплата услуг приемных родителей), то со стороны приемных родителей могут быть нарушения как имущественного, так и неимущественного характера.

Возмещение морального и материального вреда в качестве семейно-правовой санкции предусмотрено для недобросовестного супруга в случае признания брака недействительным (ст. 30 СК РФ). При этом, поскольку данная статья содержит прямое указание на применение гражданского законодательства, материальный вред будет также возмещаться по правилам для возмещения убытков (ст. 15 ГК РФ¹), моральный вред – по правилам для его компенсации (ст. 151 ГК РФ).

Однако следует отметить, что указанные санкции носят исключительно гражданско-правовой характер и не отражают особенностей лично-доверительного характера семейных правоотношений. В силу ст. 4 СК РФ к их реализации будут применяться соответствующие нормы гражданского законодательства, хотя в случае применения убытков и неустойки прямого указания об этом не имеется.

Вместе с тем имеют место и особые неблагоприятные последствия (курсив мой – Авт.), которые наступают вследствие нарушения норм семейного права. К таковым, в частности, следует отнести признание брака недействительным, лишение родительских прав, отмену усыновления по вине усыновителя. Рассматривать указанные последствия в качестве особых семейно-правовых санкций позволяют, на наш взгляд, следующие обстоятельства:

Указанные последствия влечет нарушение таких норм семейного законодательства (курсив мой – Авт.), как несоблюдение требований к условиям и порядку заключения брака, неисполнение либо ненадлежащее исполнение родительских обязанностей либо обязанностей опекунов. Данные нарушения в подавляющем большинстве случаев носят виновный характер, при этом вина нарушителя в основном представлена в форме прямого или косвенного умысла (злостное уклонение от уплаты алиментов, нарушение условий заключения брака). Исключением из умышленных действий может являться, по нашему мнению, заключение брака между близкими родственниками, в частности, между неполнородными братом и сестрой, поскольку не исключена ситуация их незнания о наличии кровного родства. Кроме того, следует отметить, что отмена усыновления, не связанная с нарушениями со стороны усыновителя, не может рассматриваться в качестве семейно-правовой санкции.

Указанные последствия являются неблагоприятными, имеют негативный характер (курсив мой – Авт.), поскольку не только прекращаются по-

1 Собрание законодательства РФ. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.

ложительные права нарушителя, на которые первоначально было направлено правоотношение:

- действительный брак не порождает прав и обязанностей супругов (ст. 30 СК РФ);
- родители, лишённые родительских прав, теряют все права, основанные на родстве с ребенком (ст. 71 СК РФ);
- при отмене усыновления взаимные права и обязанности усыновленного ребенка и усыновителей прекращаются (ст. 1143 СК РФ), но и сохраняются, а в некоторых случаях возникают дополнительные обязанности, в основном имущественного характера:
 - добросовестный супруг вправе требовать возмещения причиненного ему материального и морального вреда (ст. 30 СК РФ);
 - лишение родительских прав не освобождает родителей от содержания своего ребенка (ст. 71 СК РФ);
 - суд вправе обязать бывшего усыновителя выплачивать средства на содержание ребенка (ст. 143 СК РФ), что, несомненно, является дополнительной мерой ответственности для нарушителя.

Семейный кодекс РФ предусматривает процедуру применения рассматриваемых неблагоприятных последствий (курсив мой – Авт.), в том числе указывает на возможности их неприменения (ст. 29 СК РФ – обстоятельства, устраняющие недействительность брака) либо снятия (ст. 72 СК РФ – восстановление в родительских правах), что также характеризует рассматриваемые обстоятельства как санкции.

Рассматриваемые неблагоприятные последствия можно соотнести с такими способами защиты гражданских прав (ст. 12 ГК РФ), как применение последствий недействительности ничтожной сделки (недействительность брака) и прекращение или изменение правоотношения (лишение родительских прав, отмена усыновления). Указанное соотношение и возможность применения к семейным правоотношениям гражданского законодательства, по нашему мнению, также характеризуют рассматриваемые неблагоприятные последствия в качестве особых семейно-правовых санкций.

Принимая во внимание вышеизложенное, можно говорить о том, что семейно-правовые санкции в современной России могут быть условно разделены на две группы:

- гражданско-правовые санкции имущественного характера, заимствованные Семейным кодексом РФ из гражданского законодательства в силу указания на возможность его применения к семейным правоотношениям;
- семейно-правовые санкции смешанного характера, в целом представляющие собой лишение нарушителя положительных личных неимущественных прав и сохранение за ним имущественных обязанностей в пользу потерпевшей стороны.

Список литературы:

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 14.11.2017) // Собрание законодательства РФ. 01.01.1996. № 1. Ст. 16.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 06.08.2017) // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.

Савина Т.В.,

старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Ульяновского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Лишение права наследовать как основание признания недостойным наследником

Статья посвящена анализу нормы о признании лица недостойным наследником по пункту 1 ст. 1117 ГК РФ. Рассмотрены обстоятельства, при которых лицо лишается права наследовать, а также проанализировано законодательство ряда зарубежных стран, в котором закреплены основания для признания лица недостойным наследником.

Ключевые слова: наследование; наследство; наследодатель; наследник; недостойный наследник; лишение права наследовать.

Savina T.V.

Deprivation of the right to inherit as the basis of recognition unworthy heir

The article analyzes the norms on recognition of the person of an unworthy heir by paragraph 1 of article 1117 GK the Russian Federation. Considered the circumstances in which a person loses the right to inherit, and analyzed the laws of some foreign countries, which establishes grounds for recognition of the person of an unworthy heir.

Keywords: inheritance; inheritance; the testator; the heir; the unworthy heir; deprivation of the right to inherit.

Основания для отстранения наследника от наследства закреплены в гражданском законодательстве России. В данной статье хотелось бы более подробно остановиться на одном из оснований признания лица недостойным наследником.

Гражданский кодекс РФ в статье 1117 закрепляет возможность отстранения от наследования лиц на основании «недостойности». Пункт 1 указанной статьи посвящен недостойным наследникам, лишенным права наследовать, то есть недостойным наследникам по закону. Законодатель

определяет их как «граждан, которые своими умышленными противоправными действиями, направленными против наследодателя, кого-либо из его наследников или против осуществления последней воли наследодателя, выраженной в завещании, способствовали либо пытались способствовать призванию их самих или других лиц к наследованию либо способствовали или пытались способствовать увеличению причитающейся им или другим лицам доли наследства, если эти обстоятельства подтверждены в судебном порядке»¹.

При этом определяются условия отстранения данных лиц от наследования.

Во-первых, действия лица должны быть умышленными. До принятия Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о наследовании» от 29.05.2012 г. (далее – Постановление) судебная практика не признала недостойным наследником лицо, виновное в убийстве наследодателя, смерть которого наступила по причинам, не связанным с увеличением наследственной доли наследника в общей массе и открытием наследства². На основании отсутствия умысла у лица другая судебная инстанция также отказала в признании лица недостойным наследником³.

При рассмотрении данного вопроса стоит обратиться к гражданскому законодательству Австрии, которое устанавливает основания ограничения права наследовать определенными категориями лиц. Гражданский кодекс Австрии содержит указание на умысел в деянии лица, но при этом оно дополняется условием о сроке наказания («лицо отстраняется от наследования, если ему в судебном порядке назначено наказание более одного года лишения свободы за умышленное деяние против наследодателя»⁴).

Во-вторых, действия лица должны быть противоправными. Верховный Суд РФ со ссылкой на конституционные нормы отменил постановления низших судебных инстанций по делу о признании недостойным наследником, разъясняя при этом, что «установление родственных связей в судебном порядке является способом защиты своих прав и интересов и не пред-

1 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 28.11.2001 № 224-ФЗ (в ред. 28.03.2017 № 39-ФЗ) // Парламентская газета. 28.11.2001; <http://www.pravo.gov.ru> 10.10.2017.

2 Определение Санкт-Петербургского городского суда от 21 марта 2012 г. № 33-4074/12 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=SO;n=190437>.

3 Определение Московского городского суда от 21 февраля 2012 г. по делу № 33-5512/2012 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=SO;n=196650>.

4 Всеобщий гражданский кодекс Австрии от 01.06.1811 (с изм. и доп. по состоянию на 27.07.2010) 2012 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=56057#0>.

полагает противоправности»¹. К тому же Постановлением дается пояснение, что «для признания недостойности наследника необходимо судебное подтверждение противоправности действий лица»².

При этом двойственность подходов к вопросу о противоправности в виде деяния наблюдается не только в доктрине³, но и в судебной практике.

Ответчик по делу не сообщил нотариусу о других наследниках, указав себя в качестве единственного наследника. При этом истец знал о смерти наследодателя, но в права наследования не вступил, поэтому наследство принял только ответчик. Данное событие было признано незаконным, выданное ответчику свидетельство на наследство – отменено. В данной ситуации в действиях лица отсутствовала противоправность, так как в законе отсутствует обязанность лица извещать нотариуса о других наследниках⁴. Подобные доводы приводят в своих решениях и суды Ульяновской области, отказывая гражданам в исках о признании недостойным наследником⁵.

Но в некоторых случаях суды признают наследников недостойными по указанному основанию, считая данные действия намерением увеличить свою долю в наследстве⁶.

Такой подход представляется неверным, поскольку увеличение доли наследника зависит не от его действий, а скорее от бездействия других наследников, выражающееся в необращении последних с заявлением к нотариусу. При заполнении заявления о принятии наследства / заявления о выдаче свидетельства о праве на наследство наследник указывает в нем сведения, известные ему о других наследниках⁷.

1 Определение Верховного Суда РФ от 18.06.2013 № 18-КГ13-53 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=347910>.

2 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» // Российская газета. 2012. 6 июня.

3 Огнев В.Н. Институт недостойных наследников в российском гражданском праве: прошлое и настоящее // История государства и права. 2007. № 5. С. 29.

4 Апелляционное определение Верховного суда Республики Саха (Якутия) от 26.06.2013 по делу № 33-1982/13 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=SO;n=629689>.

5 Решение Майнского районного суда Ульяновской области от 24.02.2015 по делу № 4/9-1/2015 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rospravosudie.com/court-majnskiy-rajonnyj-sud-ulyanovskaya-oblast-s/act-487683665/>

6 Зайцева Т.И. Судебная практика по наследственным делам. М.: Волтерс Клувер, 2007. С. 71-74.

7 Методические рекомендации по оформлению наследственных прав (утв. Правлением ФНП 28.02.2006) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=71348&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.681953329789164#0>.

Некоторые авторы считают, что термин «действия» необоснованно употребляется в указанном основании, так как и бездействие может служить основанием для признания наследника недостойным¹.

Вопрос бездействия наследника более корректно рассматривается в законодательстве Франции. В соответствии с Французским Гражданским Кодексом «кто осужден за умышленное бездействие при совершении другим лицом либо тяжкого, либо менее тяжкого преступления, посягнувшего на физическую неприкосновенность умершего, в результате чего наступила смерть, при условии, что бездействовавший мог воспрепятствовать такому деянию без риска для себя или третьих лиц»².

В третьих – обязательная направленность действий в трех вариантах:

- против наследодателя;
- против кого-то из наследников наследодателя;
- против выражения последней воли наследодателя.

В Постановлении разъясняется, что «противоправные действия, направленные против осуществления последней воли наследодателя, выраженной в завещании, могут заключаться, например, в подделке завещания, его уничтожении или хищении, понуждении наследодателя к составлению или отмене завещания, понуждении наследников к отказу от наследства»³.

В законодательстве зарубежных стран подобная трехвариантная направленность действий недостойного наследника прослеживается не везде. В Республике Молдова, например, отсутствует положение об адресности действий недостойного наследника против кого-то из наследников наследодателя⁴.

В четвертых, лица способствовали (пытались способствовать) призванию их (третьих лиц) к наследованию и увеличению их наследственной доли.

До опубликования Постановления в доктрине существовали различные точки зрения по вопросу нацеленности действий наследника.

По мнению А.Е. Казанцевой, «цель совершения противоправного действия имеет значение. Убийство потенциального наследодателя из ревности»

1 Тычинская Е.В. Юридические аспекты медицинских манипуляций с человеческими эмбрионами, созданными искусственным путем // Медицинское право Украины: проблемы помощи и медико-социального обслуживания населения: Материалы IV Всеукр. научно-практ. конф. из медицинского права. Львов: ЛОБФ «Медицина и право», 2010. С. 267.

2 Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона) / Пер. с фр. [Захватаева В.Н.]. М.: Инфотропик Медиа, 2012. С. 231.

3 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» // Российская газета. 2012. 6 июня.

4 Гражданский кодекс Республики Молдова от 6 июня 2002 года № 1107-XV [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=3244.

сти, в результате ссоры и т. п. не может служить основанием признания возможного наследника недостойным»¹.

Т.И. Зайцева утверждала, что «лицо должно отстраняться от наследования независимо от целей его (мечь, ревность, хулиганские побуждения и т. п.). Важно лишь, чтобы эти действия каким-либо образом способствовали призванию лица к наследованию или увеличению его доли в наследстве»².

О.Ю. Шилохвост полагал, что «от наследования должен отстраняться не только наследник, совершивший противоправное деяние, но и само третье лицо»³.

В Постановлении разъясняется, что «противоправные действия являются основанием к утрате права наследования независимо от мотивов и целей совершения (в том числе при их совершении на почве мести, ревности, из хулиганских побуждений и т. п.), а равно вне зависимости от наступления соответствующих последствий»⁴.

И, наконец, указанные выше обстоятельства должны подтверждаться в судебном порядке. Наследник является недостойным «если перечисленные обстоятельства, указанные в п. 1 ст. 1117 ГК РФ, подтверждаются приговором суда по уголовному делу или решением суда по гражданскому делу (например, о признании недействительным завещания, совершенного под влиянием насилия или угрозы)»⁵. Подобный порядок предусмотрен и законодательством зарубежных стран, к примеру, в Республике Азербайджан⁶ и Республике Молдова⁷.

Но при этом в указанных странах субъектный состав лиц, имеющих право подачи иска об отстранении лица по критерию недостойности, отличен от российского. В Азербайджане иск вправе подать «лицо, которое от лишения недостойного наследника права на наследство приобрета-

1 Казанцева А.Е. Наследственное право: учебное пособие. М.: Норма, 2009. С. 66.

2 Зайцева Т.И. Судебная практика по наследственным делам. М.: Волтерс Клувер, 2007. С. 71-74.

3 Шилохвост О.Ю. Наследование по закону в российском гражданском праве. М., 2006. С. 34-35.

4 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» // Российская газета. 2012. 6 июня.

5 Там же.

6 Гражданский кодекс Азербайджанской Республики от 28 декабря 1999 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30420111#pos=0;0.

7 Гражданский кодекс Республики Молдова от 6 июня 2002 года № 1107-XV [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=3244.

ет определенные имущественные результаты»¹, в Республике Молдова – «лицо, для которого такое отстранение порождает определенные имущественные последствия»².

Лицо, которое претендует на получение наследства, а также на увеличение своей наследственной доли, должно обратиться к нотариусу, который ведет наследственное дело с заявлением и имеющимся приговором / решением суда о признании лица недостойным наследником. Нотариус фиксирует факт отстранения от наследства недостойного наследника в свидетельстве о наследстве, точнее сказать, не включает данное лицо в указанное свидетельство. При наличии вступившего в силу решения или приговора суда по гражданскому или уголовному делу вынесение «дополнительного» решения суда о признании наследника недостойным не требуется»³. Судебная практика свидетельствует о том, что отсутствие приговора суда является основанием отказа в признании лица недостойным наследником⁴.

Лицо, признанное недостойным наследником, уже ни в каком случае не сможет наследовать по закону, но сможет наследовать по завещанию, которое будет составлено уже после признания лица недостойным наследником. При этом наследник получает лишь завещанную ему часть наследства, прав на иную, завещанную часть имущества, он не имеет ни при каких обстоятельствах.

Список литературы:

1. Всеобщий гражданский кодекс Австрии от 01.06.1811 (с изм. и доп. по состоянию на 27.07.2010) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=56057#0>.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 28.11.2001 № 224-ФЗ (в ред. 28.03.2017 N 39-ФЗ) // Парламентская газета. 28.11.2001; <http://www.pravo.gov.ru>, 10.10.2017.
3. Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона) / Пер. с фр. [Завхватаева В.Н.]. М.: Инфотропик Медиа, 2012. 624 с. С. 230.

1 Гражданский кодекс Азербайджанской Республики от 28 декабря 1999 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30420111#pos=0;0.

2 Гражданский кодекс Республики Молдова от 6 июня 2002 года № 1107-XV [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=3244.

3 Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о наследовании» от 29.05.2012 № 9 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 7.

4 Решение Димитровградского городского суда Ульяновской области от 10.12.2014 по делу 2-2933/2014 ~ М-2918/2014 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rospravosudie.com/court-dimitrovgradskij-gorodskoj-sud-ulyanovskaya-oblast-s/act-463115392/>

4. Гражданский кодекс Азербайджанской Республики от 28 декабря 1999 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30420111#pos=0;0.
5. Гражданский кодекс Республики Молдова от 6 июня 2002 года № 1107-XV [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=3244.
6. Зайцева Т.И. Судебная практика по наследственным делам. М.: Волтерс Клувер, 2007. С. 71–74.
7. Казанцева А.Е. Наследственное право: учебное пособие. М.: Норма, 2009. 352 с.
8. Методические рекомендации по оформлению наследственных прав (утв. Правлением ФНП 28.02.2006) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=71348&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.681953329789164#0>.
9. Отнев В.Н. Институт недостойных наследников в российском гражданском праве: прошлое и настоящее // История государства и права. 2007. № 5. С. 28–30.
10. Тычинская Е.В. Юридические аспекты медицинских манипуляций с человеческими эмбрионами, созданными искусственным путем // Медицинское право Украины: проблемы помощи и медико-социального обслуживания населения: Материалы IV Всеукр. научно-практ. конф. из медицинского права. Львов: ЛОБФ «Медицина и право», 2010. 332 с.
11. Шиловост О.Ю. Наследование по закону в российском гражданском праве. М., 2006. 272 с.
12. Апелляционное определение Верховного суда Республики Саха (Якутия) от 26.06.2013 по делу № 33-1982/13 [Электронный ресурс] // Официальный сайт компании «КонсультантПлюс». <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=SO;n=629689> (дата обращения: 10.10.2017).
13. Определение судебной коллегии по гражданским делам Свердловского областного суда от 06.05.2003 по делу № дело № 33-3541 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ekboblsud.ru/bsr.php> (дата обращения: 10.10.2017).
14. Определение Санкт-Петербургского городского суда от 21 марта 2012 г. № 33-4074/12 [Электронный ресурс] // Официальный сайт компании «КонсультантПлюс». <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=SO;n=190437>, (дата обращения: 10.10.2017).
15. Определение Московского городского суда от 21 февраля 2012 г. по делу № 33-5512/2012 [Электронный ресурс] // Официальный сайт

- компания «КонсультантПлюс». <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=SO;n=196650> (дата обращения: 10.10.2017).
16. Определение Верховного Суда РФ от 18.06.2013 № 18-КГ13-53 [Электронный ресурс] // Официальный сайт компании «КонсультантПлюс» <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=347910> (дата обращения: 10.10.2017).
17. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» [Электронный ресурс] // Официальный сайт компании «КонсультантПлюс». http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_130453/ (дата обращения: 10.10.2017).
18. Решение Димитровградского городского суда Ульяновской области от 10.12.2014 по делу 2-2933/2014 ~ М-2918/2014 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rospravosudie.com/court-dimitrovgradskij-gorodskoj-sud-ulyanovskaya-oblast-s/act-463115392/> (дата обращения: 10.10.2017).
19. Решение Майнского районного суда Ульяновской области от 24.02.2015 по делу № 4/9-1/2015 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rospravosudie.com/court-majnskij-rajonnyj-sud-ulyanovskaya-oblast-s/act-487683665/> (дата обращения: 10.10.2017).
20. Решение Ленинского районного суда г. Тюмени от 29.03.2012 по делу № 2-1786/2012 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rospravosudie.com/court-leninskij-rajonnyj-sud-g-tyumeni-tyumenskaya-oblast-s/act-104626173/> (дата обращения: 10.10.2017).

Салиева Р.Н.,

профессор кафедры гражданского права Казанского филиала РГУП,
заведующий лабораторией Института проблем экологии и
недропользования АН РТ, д.ю.н., профессор

Особенности гражданско-правовых санкций в договорах о снабжении энергетическими ресурсами

Проведен анализ законодательства, регламентирующего отношения в сфере снабжения энергетическими ресурсами, а также правоприменительной практики по договорам о снабжении энергоресурсами. Выявлены особенности санкций в договорах снабжения энергоресурсами. Такими особенностями являются: а) установление законной неустойки как меры гражданско-правовой ответственности наряду с договорными санкциями; б) применение санкции как меры защиты (например, в целях защиты интересов энергоснабжающей организации в случае реализации права абонента изменять количество принимаемой им энергии); в) начисление

процентов за пользование чужими денежными средствами, предусмотренных ст. 395 ГК РФ, за фактически принятое, но не оплаченное получателем количество энергии за месяц лишь при наступлении срока окончательного расчета; г) размер неустойки определяется в зависимости от ставки рефинансирования Центрального банка Российской Федерации, действующей на дату уплаты пеней на не выплаченную в срок сумму. Сформулирован общий вывод о целесообразности развития специального энергетического законодательства, его систематизации.

Ключевые слова: гражданско-правовые санкции; энергетические ресурсы; договоры снабжения энергетическими ресурсами; законная неустойка; энергетическое законодательство.

Договоры о снабжении энергетическими ресурсами многообразны: это и договоры купли-продажи (поставки) электрической энергии (мощности) и других видов энергоресурсов; это и договоры энергоснабжения; а также договоры водоснабжения, водоотведения, к которым применяются нормы об энергоснабжении, это и другие виды договоров энергоснабжения. Энергетические ресурсы, по поводу которых заключаются указанные договоры, представляют собой специфичные объекты. Понятие «энергетический ресурс» содержится в Законе РФ «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹. Согласно ст. 2 названного закона энергетический ресурс – носитель энергии, энергия которого используется или может быть использована при осуществлении хозяйственной и иной деятельности, а также вид энергии (атомная, тепловая, электрическая, электромагнитная энергия или другой вид энергии). Данное определение охватывает все виды энергии: и первичные источники энергии (такие носители энергии, как нефть, газ, уголь и др.), и виды энергии, полученные в результате использования первичных источников (электрическая, тепловая энергия, моторное топливо). В ГК РФ содержатся нормы, регулирующие отношения, связанные с энергоснабжением – снабжением электрической энергией (ст.ст. 539–548 ГК РФ). В ст. 548 ГК РФ оговорено, что правила, предусмотренные статьями 539–547 ГК РФ, применяются также к отношениям, связанным со снабжением тепловой энергией через присоединенную сеть, если иное не установлено законом или иными правовыми актами. В ст. 539 ГК РФ также оговорено, что к отношениям по договору снабжения электрической энергией правила параграфа 6 главы 30 ГК РФ применяются, если законом или иными правовыми актами не установлено иное. Кроме того, указанные нормы применяются и

1 Федеральный закон от 23.11.2009 № 261-ФЗ «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 30.11.2009. № 48. Ст. 5711.

к отношениям, связанным со снабжением через присоединенную сеть газом, нефтью и нефтепродуктами, водой и другими товарами, если иное не установлено законом, иными правовыми актами или не вытекает из существа обязательства.

В настоящее время экономические отношения, связанные со снабжением энергоресурсами, в том числе и отношения, связанные со снабжением товарами через присоединенную сеть (газом, нефтью и нефтепродуктами, водой и др.), регламентируются в основном нормами специальных законов¹. В имущественном обороте в зависимости от вида энергетического ресурса, по поводу которого заключается договор снабжения энергоресурсами, можно выделить договоры снабжения электрической энергией, тепловой энергией, а также договоры снабжения первичными источниками энергии (газом, нефтью). Указанные договоры, как правило, являются публичными договорами, права и обязанности сторон в этих договорах определяются в соответствии с нормами специального законодательства. В случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязанностей по договорам снабжения энергоресурсами применяются не только установленные в договоре меры гражданско-правовой ответственности, но также могут применяться санкции, предусмотренные в специальном законодательстве².

По общему правилу гражданско-правовые санкции имеют имущественный характер и направлены на имущественную сферу лица, которое не исполняет своих обязанностей перед контрагентом по договору, либо злоупотребляет своими правами, либо нарушает чужие абсолютные права³. В юридической литературе также отмечается, что «категории "санкция" и "юридическая ответственность" – не синонимы. Понятие санкции

1 Федеральный закон от 31 марта 1999 года № 69-ФЗ «О газоснабжении в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 14. Ст. 1667; Федеральный закон от 26 марта 2003 года № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 13. Ст. 1177; Федеральный закон от 27 июля 2010 года № 190-ФЗ «О теплоснабжении» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 31. Ст. 4159; Федеральный закон от 7 декабря 2011 года № 416-ФЗ «О водоснабжении и водоотведении» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 50. Ст. 735 и др.

2 Так, ст. 25 Федерального закона от 31 марта 1999 г. № 69-ФЗ «О газоснабжении в Российской Федерации», ст. 26 Федерального закона от 26 марта 2003 г. № 35-ФЗ «Об электроэнергетике», ст. 15 Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 190-ФЗ «О теплоснабжении», ст. 13 Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 416-ФЗ «О водоснабжении и водоотведении», ст. 155 Жилищного кодекса Российской Федерации установлена законная неустойка за просрочку исполнения обязательства по оплате потребления соответствующих энергетических ресурсов.

3 Гражданское право: учебник: в 3 т. Т. 1 / Е.Н. Абрамова, Н.Н. Аверченко, Ю.В. Байгушева [и др.]; под ред. А.П. Сергеева. М.: «РГ Пресс», 2009. С. 943–947.

шире понятия мер ответственности и включает также меры защиты»¹. При рассмотрении санкций в договорах о снабжении энергоресурсами будем исходить из сложившихся представлений об имущественном характере гражданско-правовых санкций, а также из того, что понятие санкция включает не только меры ответственности, но и меры защиты.

В специальном законодательстве установлены санкции, направленные на укрепление платежной дисциплины в сфере снабжения энергоресурсами. Так, Федеральным законом от 3 ноября 2015 г. № 307-ФЗ² (далее – ФЗ № 307-ФЗ) внесены изменения в основные законы, определяющие правовые, экономические и организационные основы отношений, связанных с производством, передачей и потреблением разных видов энергоресурсов: газа, электроэнергии, тепловой энергии, а также в сфере водоснабжения и водоотведения.

На случаи несвоевременной и (или) неполной оплаты энергоресурсов (газа, электрической энергии, коммунальных ресурсов) в ФЗ № 307-ФЗ закреплена возможность применения следующих санкций:

1. Взыскание пени в твердоустановленном размере. Размер законной неустойки установлен в зависимости от потребителя³.

2. Уменьшение или прекращение поставки энергоресурсов в порядке, установленном Правительством Российской Федерации⁴.

3. Предоставление потребителями, которые подпадают под специальный перечень критериев, установленных Правительством РФ, обеспечения исполнения обязательств по оплате энергоресурсов, поставляемых по договорам поставки⁵.

1 Белых В.С. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России. М.: Проспект, 2009. С. 221.

2 Федеральный закон от 3 ноября 2015 г. № 307-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с укреплением платежной дисциплины потребителей энергетических ресурсов» // Собрание законодательства Российской Федерации от 9 ноября 2015 г. № 45 ст. 6208.

3 См., например, п. 14 ст. 155 ЖК РФ.

4 Например, в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 25.11.2016 № 1245 «О порядке ограничения подачи (поставки) и отбора газа, об изменении и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации» (вместе с «Правилами ограничения подачи (поставки) и отбора газа») одним из оснований для полного ограничения подачи (поставки) и отбора газа является полное или частичное неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств по оплате поставляемого газа и (или) услуг по его транспортировке в установленный срок, допущенное потребителем более 3 раз в течение 12 месяцев.

5 Так, в Постановлении Правительства РФ от 04.02.2017 № 139 установлены критерии, при соответствии которым у потребителей энергоресурсов возникает обязанность предоставлять обеспечение исполнения обязательств по их оплате.

Как указано в статье 8 ФЗ № 307-ФЗ, внесенные изменения распространяются на отношения, возникшие из заключенных до дня вступления в силу данного закона договоров купли-продажи (поставки) электрической энергии (мощности), договоров энергоснабжения, договоров горячего водоснабжения и других видов договоров энергоснабжения.

Практика применения ФЗ № 307-ФЗ обсуждалась на Парламентских слушаниях¹.

В материалах судебной практики также отражаются особенности гражданско-правовых санкций в договорах снабжения энергоресурсами. Так, в п. 54 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7² дано разъяснение о том, что «в случае, когда покупатель своевременно не оплачивает товар, переданный по договору купли-продажи, в том числе поставленные через присоединенную сеть электрическую и тепловую энергию, газ, нефть, нефтепродукты, воду, другие товары (за фактически принятое количество товара в соответствии с данными учета), к покупателю в соответствии с пунктом 3 статьи 486, абзацем первым пункта 4 статьи 488 ГК РФ применяется мера ответственности, установленная статьей 395 ГК РФ: на сумму, уплата которой просрочена, покупатель обязан уплатить проценты со дня, когда по договору товар должен быть оплачен, до дня оплаты товара покупателем, если иное не предусмотрено ГК РФ или договором купли-продажи». В связи с этим Верховным Судом РФ в Определении № 305-ЭС16-8210 указано, что «проценты за пользование чужими денежными средствами, предусмотренные ст. 395 ГК РФ, могут быть начислены за фактически принятое, но не оплаченное получателем количество энергии за месяц лишь при наступлении срока окончательного расчета»³.

Материалы практики также свидетельствуют об особенностях учета поставляемых энергоресурсов, особенностях расчетов за поставленные

1 Решением Комитета ГД по энергетике № 3.25-5/35 от 21 июля 2017 года утверждены Рекомендации парламентских слушаний на тему «Платежная дисциплина в ТЭК. Практика применения Федерального закона от 3.11.2015 г. № 307-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с укреплением платежной дисциплины потребителей энергетических ресурсов», в которых отмечается, что по информации Минэнерго России, несмотря на реализацию мер нормативного и организационного характера, уровень задолженности на оптовом и розничных рынках электрической энергии продолжает оставаться достаточно значительным // 13.km.duma.gov.ru/Rabota/Rekomendacii-po-itogam-meropriyatij/item/6278255/

2 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // Бюллетень Верховного Суда РФ. Май, 2016. № 5.

3 Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2016) // Бюллетень Верховного Суда РФ. Октябрь, 2017. № 10 (начало), Бюллетень Верховного Суда РФ. Ноябрь, 2017. № 11 (окончание).

энергоресурсы и установления санкций в сфере расчетов. Так, Верховным Судом РФ дано разъяснение, что «ресурсоснабжающие организации вправе использовать показания коллективных приборов учета, установленных ими в ветхих и аварийных объектах с соблюдением требований законодательства, для определения объема и стоимости потребленных энергоресурсов на общедомовые нужды. Однако размер обязательств собственников и управляющей компании по оплате потребленных энергоресурсов на общедомовые нужды ограничен утвержденными нормативами потребления»¹.

По общему правилу в соответствии со статьей 544 ГК РФ оплата энергии производится за фактически принятое абонентом количество энергии в соответствии с данными учета энергии, если иное не предусмотрено законом, иными правовыми актами или соглашением сторон. Иные правила установлены в специальных законах²,

и в иных правовых актах³, а также могут устанавливаться в договорах о снабжении энергоресурсами. Порядок расчетов за энергию определяется

1 Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2016) // Бюллетень Верховного Суда РФ. Март, 2017. № 3 (начало), Бюллетень Верховного Суда РФ. Апрель, 2017. № 4 (окончание).

2 Ст. 57 ЖК РФ; ст. 20 Федерального закона от 07.12.2011 № 416-ФЗ «О водоснабжении и водоотведении»; ст. 19 Федерального закона от 27.07.2010 № 190-ФЗ «О теплоснабжении»; ст. 13 Федерального закона от 23.11.2009 № 261-ФЗ «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

3 П. 74 Постановления Правительства РФ от 29.12.2011 № 1178 «О ценообразовании в области регулируемых цен (тарифов) в электроэнергетике» (вместе с «Основными ценообразования в области регулируемых цен (тарифов) в электроэнергетике», «Правилами государственного регулирования (пересмотра, применения) цен (тарифов) в электроэнергетике»); п. 22 Постановления Правительства РФ от 04.05.2012 № 442 «О функционировании розничных рынков электрической энергии, полном и (или) частичном ограничении режима потребления электрической энергии» (вместе с «Основными положениями функционирования розничных рынков электрической энергии», «Правилами полного и (или) частичного ограничения режима потребления электрической энергии»); п. 42 Постановления Правительства РФ от 06.05.2011 № 354 «О предоставлении коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов» (вместе с «Правилами предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов»); п. 31 Постановления Правительства РФ от 21.07.2008 № 549 «О порядке поставки газа для обеспечения коммунально-бытовых нужд граждан» (вместе с «Правилами поставки газа для обеспечения коммунально-бытовых нужд граждан»); п. 14 Постановления Правительства РФ от 04.09.2013 № 776 «Об утверждении Правил организации коммерческого учета воды, сточных вод»; п. 112 Постановления Правительства РФ от 08.08.2012 № 808 «Об организации теплоснабжения в Российской Федерации и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» (вместе с «Правилами организации теплоснабжения в Российской Федерации»).

также законом, иными правовыми актами или соглашением сторон. Соответственно, могут быть установлены и санкции за нарушение порядка расчетов – законом, иными правовыми актами, соглашением сторон.

В договорах о снабжении энергоресурсами возможно также установление сторонами неустойки за невыполнение обязательств по внесению платежей за отдельные периоды до окончания расчетного периода. По этому вопросу Верховным Судом РФ дано разъяснение о том, что «условие договора оказания услуг по передаче электрической энергии, предусматривающее начисление неустойки на случай просрочки внесения заказчиком платежей, подлежащих уплате до окончания расчетного периода, не противоречит законодательному регулированию соответствующих обязательств и является действительным» (Определение № 305-ЭС16-4576)¹.

Согласно Обзору судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2016)² размер неустойки определяется в зависимости от ставки рефинансирования Центрального банка Российской Федерации, действующей на дату уплаты пеней на невыплаченную в срок сумму.

В договорах о снабжении энергоресурсами применяются санкции не только как мера ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение условий, но так же и как мера защиты интересов участников. Так, в статье 541 ГК РФ установлено, что договором энергоснабжения может быть предусмотрено право абонента изменять количество принимаемой им энергии, определенное договором, при условии возмещения им расходов, понесенных энергоснабжающей организацией в связи с обеспечением подачи энергии не в обусловленном договором количестве. А в том случае, если абонентом по договору энергоснабжения выступает гражданин, использующий энергию для бытового потребления, он вправе использовать энергию в необходимом ему количестве. Так, показательно в этом отношении Определение Верховного Суда РФ от 19.01.2015 № 308-ЭС14-6690 по делу № А32-42367/2013³, согласно которому в передаче дела в Судебную коллегия по экономическим спорам ВС РФ отказано, поскольку ответчик приобретает энергию в рамках спорного договора для нужд граждан, проживающих в многоквартирных жилых домах. Суд исходил из того, что в данном случае общество не имеет самостоятельных экономических интересов, отличных от интересов граждан-потребителей, а, следовательно, его обязательства перед организациями, осуществляющими поставку соответствующих ресурсов, не должны быть большими, чем в случае заключения этими организациями прямых договоров с населением.

1 Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2016) // Бюллетень Верховного Суда РФ. Май, 2017. № 5 (начало), Бюллетень Верховного Суда РФ. Июнь, 2017. № 6 (окончание).

2 Там же.

3 Определение Верховного Суда РФ от 19.01.2015 № 308-ЭС14-6690 по делу № А32-42367/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

В целом, как показал анализ законодательства и правоприменительной практики в договорах о снабжении энергоресурсами, санкции имеют следующие особенности:

а) с точки зрения определения санкции как меры гражданско-правовой ответственности наряду с договорными санкциями применяется законная неустойка (например, законная неустойка, направленная на укрепление платежной дисциплины потребителей энергоресурсов); также отдельные санкции могут быть предусмотрены в специальных законах (например, ЖК РФ, Закон РФ «О теплоснабжении»), в иных нормативных правовых актах (например, в Постановлениях Правительства) и в договорах;

б) с точки зрения определения санкции как меры защиты санкции установлены в целях защиты интересов энергоснабжающей организации (например, п. 2 ст. 541 ГК РФ, предусматривающей право абонента изменять количество принимаемой им энергии, определенное договором, при условии возмещения им расходов, понесенных энергоснабжающей организацией в связи с обеспечением подачи энергии не в обусловленном договором количестве);

в) особенности имеются также и при применении положений ст. 395 ГК РФ за пользование чужими денежными средствами. Проценты за пользование чужими денежными средствами, предусмотренные ст. 395 ГК РФ, могут быть начислены за фактически принятое, но не оплаченное получателем количество энергии за месяц лишь при наступлении срока окончательного расчета;

г) размер неустойки определяется в зависимости от ставки рефинансирования Центрального банка Российской Федерации, действующей на дату уплаты пеней на невыплаченную в срок сумму.

В целом следует отметить, что особенности гражданско-правовых санкций в договорах о снабжении энергетическими ресурсами наряду с другими имеющимися особенностями правового регулирования общественных отношений в сфере энергетики, охватывающей топливно-энергетические ресурсы, производство, передачу, преобразование, аккумулирование, распределение и потребление энергии различных видов¹, свидетельствуют о целесообразности развития специального энергетического законодательства, его систематизации.

Сергеева Е.С.,

старший преподаватель кафедры гражданского права
Приволжского филиала РГУП

Санкции за нарушение условий корпоративного договора

В статье анализируется сущность корпоративного договора, иллюстрируются примеры отдельных условий корпоративного договора, выявляет-

1 ГОСТ Р 53905-2010. Национальный стандарт Российской Федерации. Энергосбережение. Термины и определения. М.: Стандартинформ, 2011.

ся возможность возмещения потерь в зависимости от понимания корпоративного договора, приводятся примеры судебной практики применения штрафной неустойки при нарушении условий корпоративного договора.

Ключевые слова: корпоративный договор; возмещение потерь; неустойка.

В соответствии со ст. 67.2 Гражданского кодекса РФ корпоративный договор представляет собой соглашение участников хозяйственного общества об осуществлении своих корпоративных прав, в соответствии с которым они обязуются осуществлять эти права определенным образом или воздерживаться (отказаться) от их осуществления, в том числе голосовать определенным образом на общем собрании участников общества, согласованно осуществлять иные действия по управлению обществом, приобретать или отчуждать доли в его уставном капитале (акции) по определенной цене или при наступлении определенных обстоятельств воздерживаться от отчуждения долей (акций) до наступления определенных обстоятельств¹.

Следует отметить, что на доктринальном уровне вопрос о сущности корпоративного договора вызывает жесткую дискуссию², в частности, о том, можно ли его в полной мере отнести к группе гражданско-правовых договоров.

Некоторые относят корпоративный договор к числу организационных договоров, который сам по себе пока легитимно в законодательстве не закреплен³. Е.Б. Подузова относит корпоративный договор к договорам по организации совместной деятельности⁴, которые признаются ей основанием возникновения организационного обязательства, но организационным договором не обозначаются.

В.К. Андреев справедливо корпоративный договор не признает полноценным обязательственным договором, указывая, что в п. 1 ст. 67.2 ГК РФ речь идет всего лишь об осуществлении корпоративных прав, а законодательная модель договора представляет собой соглашение сторон, на-

1 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 06.08.2017) (далее – ГК РФ) // Российская газета. 08.12.1994. № 238–239.

2 См.: Андреев В.К. По поводу одной статьи, претендующей на правильное восприятие новых положений ГК РФ о корпоративных отношениях // Юрист. 2016. № 9. С. 33–38; Степанов Д.И. Новые положения Гражданского кодекса о юридических лицах // Закон. 2014. № 7. С. 31–55.

3 См.: Козлова Е.Б. Система договоров, направленных на создание объектов недвижимости. М., 2013.

4 Договорное право России: реформирование, проблемы и тенденции развития: монография / Е.Е. Богданова, Л.Ю. Василевская, Е.С. Гринь и др.; под общ. ред. Л.Ю. Василевской. М.: Норма, Инфра-М, 2016. 192 с. (Автор главы 2 – к.ю.н. Подузова Е.Б.).

правленное на установление, изменение и прекращение гражданских прав и обязанностей. Поэтому указывается, что общие положения о договорах к корпоративному договору можно применять, если это не противоречит характеру этого договора¹. Ученый рассматривает корпоративный договор как инструмент корпоративного управления, который не имеет имущественного содержания и заключается не любыми участниками гражданского оборота, а только участниками хозяйственного общества².

Отмечается, что корпоративный договор есть акт осуществления корпоративной правоспособности участниками хозяйственных обществ договорной формы, направленный на организацию, упорядочение использования последними корпоративных прав (прав голоса, имущественных прав и т. п.) в целях сохранения или перераспределения корпоративного контроля. Возникнув как договор «*sui generis*», непоименованное соглашение участников компании о порядке осуществления прав на акции и прав голоса по акциям, корпоративный договор в силу специфики предмета порождает корпоративные последствия – изменение соотношения корпоративного контроля³.

В целом подчеркивается, что корпоративные договоры регламентируют процедуру осуществления корпоративных прав, при этом могут касаться, в частности, как совместных действий акционеров, так и самого общества в лице его органов⁴.

Существует и другая точка зрения, сторонники которой рассматривают корпоративный договор как институт обязательственного права. Так, А.И. Масляев определяет корпоративный договор как «общецелевой, предпринимательский гражданско-правовой договор, по которому стороны (участники данного акционерного общества) обязуются согласованно осуществлять принадлежащие им имущественные и неимущественно-организационные права на акции, а также права, удостоверенные этими акциями, в целях удовлетворения их общего интереса в управлении обществом»⁵. В этой связи в науке гражданского права наметились две основные тенденции, объясняющие природу корпоративного договора как института

1 Андреев В.К. О характере корпоративного договора // Юрист. 2015. № 3. С. 4–10.

2 См.: Андреев В.К. Существо корпоративного договора // Модернизация гражданско-правового регулирования договорных отношений. М.: РАП, 2014. С. 9–10.

3 Алиев Т.Т. О сущности правовой природы корпоративного договора // Гражданское право. 2015. № 1.

4 Ломакин Д.А. Договоры об осуществлении прав участников хозяйственного общества как новелла корпоративного законодательства // Вестник ВАС РФ. 2009. № 8. С. 14.

5 Масляев А.И. Акционерное соглашение в международном частном праве: Автореф. дис. ... к.ю.н. М., 2010. С. 10.

обязательственного права с возможностью применения присущих данной подотрасли принципов (свободы договора, диспозитивности и др.) и в качестве особого института корпоративного права, который может лишь включать в себя по аналогии закона отдельные положения, регулирующие обязательственные отношения¹.

По мнению Е.В. Богданова, предметом корпоративного договора является совместное осуществление корпоративных прав². Предмет корпоративного договора ограничен, действия участников общества направлены на согласованное голосование по управлению обществом, включая приобретение или отчуждение долей в уставном капитале (акций) по определенной цене или при наступлении определенных обстоятельств либо воздержание от отчуждения долей (акций) до наступления определенных обстоятельств³.

Объектом правоотношений, возникающих из корпоративных договоров, признаются действия участников в рамках организуемых правоотношений, например возникающих в процессе голосования на общем собрании акционеров, реализации права преимущественного приобретения долей участия в уставном капитале (акций) и т. п. Следует отметить, что на уровне правового регулирования заложены лишь общие положения, регламентирующие отдельные корпоративные отношения, например, по внесению вопросов в повестку дня собрания, в том числе о кандидатах в органы управления хозяйственного общества⁴; по присутствию на общем собрании, участию в обсуждении вопросов повестки дня⁵; по направлению своего представителя для участия в общем собрании акционеров⁶; по голосованию на общем собрании⁷; по избранию в совет директоров общества, ревизионную, счетную комиссии; по раскрытию и предоставлению

1 Суханов Е.А. Уставный капитал хозяйственного общества в современном корпоративном праве // Вестник гражданского права. 2012. № 2. С. 4–35.

2 Богданов Е.В. Корпоративный договор как соглашение о коллективном осуществлении (неосуществлении) субъективных корпоративных прав // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 7.

3 Андреев В.К. По поводу одной статьи, претендующей на правильное восприятие новых положений ГК РФ о корпоративных отношениях // Юрист. 2016. № 9. С. 33–38.

4 Ст. 53 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «Об акционерных обществах» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017) // Российская газета. № 248. 29.12.1995 (далее – Закон об АО); Ст. 36 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «Об обществах с ограниченной ответственностью» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017) // Российская газета. 17.02.1998. № 30 (далее – Закон об ООО).

5 Ст. 51 Закона Об АО; ст. 36 Закона об ООО.

6 Ст. 57 Закона Об АО; ст. 37 Закона об ООО.

7 Ст.ст. 31, 32, 59–61 Закона Об АО; ст. 36 Закона об ООО.

информации об обществе¹, а также касающейся контролирующих и подконтрольных лиц (организаций)². А конкретизация и уточнение порядка осуществления предоставленных законом корпоративных прав может осуществляться в корпоративном договоре. Например, согласно пп. 7 п. 3 ст. 66.3 ГК РФ по решению участников непубличного общества, принятому единогласно, в устав общества может быть включено положение о порядке осуществления преимущественного права покупки доли (части доли) в уставном капитале общества или преимущественного приобретения акционерным обществом акций, а также о максимальной доле участия одного участника общества с ограниченной ответственностью в уставном капитале общества. Исходя из содержания п. 4 ст. 66.3 ГК РФ иной порядок осуществления преимущественного права покупки долей (акций) или иной размер максимальной доли участия участника в обществе с ограниченной ответственностью могут быть предусмотрены корпоративным договором, сторонами которого являются все участники этого общества.

Корпоративным договором может быть установлена обязанность его сторон голосовать на общем собрании участников общества за включение в устав общества положений, определяющих структуру органов общества и их компетенцию, если в соответствии с ГК РФ и законами о хозяйственных обществах допускается изменение структуры органов общества и их компетенции уставом общества (абз. 3 п. 2 ст. 67.2 ГК РФ). Можно предусмотреть в корпоративном договоре обязанность участников общества проголосовать на общем собрании участников за включение в устав положения о закреплении функций коллегиального исполнительного органа общества за коллегиальным органом управления полностью или частично.

Что касается последствий нарушения условий корпоративного договора, корпоративное законодательство не содержит специальных уточняющих правил по данному вопросу. В этой связи вызывает интерес новая охранительная норма ст. 406.1 ГК РФ, появившаяся в результате реформирования института обязательственного права и касающаяся возмещения потерь в случае наступления определенных в договоре обстоятельств³.

Так, законодатель целенаправленно распространил возможность возмещения потерь и установленные ст. 406.1 ГК РФ правила для стороны

1 Ст.ст. 88–93 Закона Об АО; ст. 36, 49, 50 Закона об ООО.

2 Права акционеров (участников) на информацию регулируются помимо норм законов о хозяйственных обществах, также другими нормами: в частности, ст. 30 Федерального закона от 22 апреля 1996 года № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг», а также Положением о раскрытии информации эмитентами эмиссионных ценных бумаг, утвержденным Приказом Федеральной службы по финансовым рынкам от 10 октября 2006 года № 06-117/пз-н.

3 Введена Федеральным законом от 08.03.2015 № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 13.03.2015. № 52.

корпоративного договора (п. 5 ст. 406.1 ГК РФ). Т. е. участники корпоративного договора могут в корпоративном договоре предусмотреть обязанность одной стороны возместить имущественные потери другой стороны, возникшие в случае наступления определенных обстоятельств, и не связанные (как указано в п. 1 ст. 406.1 ГК РФ) с нарушением обязательства. При этом в силу п. 1 ст. 406.1. ГК РФ в корпоративном договоре должен быть определен размер возмещения таких потерь или порядок его определения. А в соответствии с п. 2 ст. 406.1. ГК РФ «суд не может уменьшить размер возмещения потерь, предусмотренных настоящей ст., за исключением случаев, если доказано, что сторона умышленно содействовала увеличению размера потерь».

В этой связи затруднительно говорить о возможности возмещения потерь в качестве последствия нарушения условий корпоративного договора, если изначально обозначенное законодателем условие возникновения потерь не должно быть связано с нарушением обязательства. Иной подход позволит рассматривать возмещение потерь в качестве санкционного института.

В то время как в целом возмещение потерь не признается мерой ответственности, а считается новым способом защиты гражданских прав (в широком понимании данного института)¹, относится к мерам охраны гражданских прав, которая представляет собой совокупность мер, обеспечивающих нормальный ход реализации права (в регулятивных и охранительных правоотношениях)².

Позиция Верховного суда РФ, изложенная в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7, позволяет устранить неопределенность. В частности, в п. 17 Постановления разъясняется: «Применяя положения статьи 406.1 ГК РФ, следует учитывать, что соглашение о возмещении потерь должно быть явным и недвусмысленным. По смыслу статьи 431 ГК РФ, в случае неясности того, что устанавливает соглашение сторон – возмещение потерь или условия ответственности за неисполнение обязательства, положения статьи 406.1 ГК РФ не подлежат применению»³. Таким образом, возмещение потерь нельзя признать санкцией за нарушение корпоративного договора, но тогда остается сомнение по поводу законо-

1 См.: Подузова Е.Б. Возмещение потерь при неисполнении организационного обязательства: проблемы теории и практики // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 7. С. 63.

2 Кархалев Д.Н. Возмещение потерь по правилам статьи 406.1 Гражданского кодекса Российской Федерации // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 2. С. 75–79.

3 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 (ред. от 07.02.2017) «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // Российская газета. 04.04.2016. № 70.

дательного понимания природы корпоративного договора как «необязательственного» договора.

Анализ судебной практики позволяет обозначить штрафную неустойку в качестве наиболее распространенной санкции за нарушение условий корпоративного договора, в частности, когда имеют место споры из корпоративного договора в связи с нарушением одной из его сторон обязанности голосовать определенным образом на общем собрании участников (акционеров). При этом, на наш взгляд, намечается тенденция по укреплению позиции корпоративного договора в отношении размера применяемых санкций.

Так, в одном из дел корпоративный договор предусматривал обязательство его сторон определенным образом голосовать на общем собрании участников ООО по вопросу его реорганизации и устанавливал в качестве санкции уплату штрафа в размере 5 млн рублей в пользу не нарушавшего договор участника. Суд первой инстанции удовлетворил иски о взыскании, взыскав с участников по 50 тыс. рублей, то есть уменьшил размер штрафа в соответствии со ст. 333 ГК РФ. Суд апелляционной инстанции не согласился с таким решением, признав применение ст. 333 ГК РФ необоснованным, и удовлетворил требования истца в полном объеме, взыскав по 2,5 млн рублей с каждого нарушителя¹.

Неустойка может устанавливаться также в размере процента от рыночной стоимости активов общества или вида активов (например, недвижимого имущества). Так, Решением Арбитражного суда г. Москвы от 02.09.2016 по делу № А40-65834/2011 с ответчика за двукратное нарушение акционерного соглашения, предусматривающего обязательство участника по всем вопросам голосовать согласованным образом на общем собрании акционеров, было взыскано 100 % рыночной стоимости недвижимого имущества, принадлежащего обществу, по 50 % за каждое нарушение².

Таким образом, соблюдение условий корпоративных договоров должно быть обеспечено возможностью применения четких и разумных санкций. Учитывая, что закон не может регламентировать все возможные ситуации, связанные с нарушениями корпоративных соглашений, важнейшее значение в этом направлении приобретает индивидуальное регулирование и подходы, выработанные судебной практикой. На сегодняшний день использование штрафной неустойки остается наиболее эффективной санкцией в случае нарушения условий корпоративного договора. В целях научного обсуждения возможного совершенствования института ответствен-

1 Определение ВС РФ от 03.10.2016 по делу № А45-12277/2015 // СПС «Консультант плюс».

2 Материал из ЮСС «Система Юрист»: <http://budget.ljur.ru/#/document/189/538216/c94b91c1-be86-4eb6-afab-a1c2d252d9e8/?of=cory-6508b45791>.

ности за нарушение условий корпоративного договора сначала требуется достигнуть определенного единогласия по поводу природы и сущности самого корпоративного договора.

Список литературы:

1. Андреев В.К. О характере корпоративного договора // Юрист. 2015. № 3. С. 4–10.
2. Андреев В.К. По поводу одной статьи, претендующей на правильное восприятие новых положений ГК РФ о корпоративных отношениях // Юрист. 2016. № 9. С. 33–38.
3. Андреев В.К. Существо корпоративного договора // Модернизация гражданско-правового регулирования договорных отношений. М.: РАП, 2014. С. 9–10.
4. Богданов Е.В. Корпоративный договор как соглашение о коллективном осуществлении (неосуществлении) субъективных корпоративных прав // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 7.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 06.08.2017) // Российская газета. 08.12.1994. № 238–239.
6. Договорное право России: реформирование, проблемы и тенденции развития: монография / Под общ. ред. Л.Ю. Василевской. М.: Норма, Инфра-М, 2016. 192 с.
7. Кархалев Д.Н. Возмещение потерь по правилам статьи 406.1 Гражданского кодекса Российской Федерации // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 2. С. 75–79.
8. Козлова Е.Б. Система договоров, направленных на создание объектов недвижимости. М., 2013.
9. Ломакин Д.А. Договоры об осуществлении прав участников хозяйственного общества как новелла корпоративного законодательства // Вестник ВАС РФ. 2009. № 8. С. 14.
10. Масляев А.И. Акционерное соглашение в международном частном праве: Автореф. дис. ... к.ю.н. М., 2010. С. 10.
11. Определение ВС РФ от 03.10.2016 по делу № А45-12277/2015 // СПС «КонсультантПлюс».
12. Подузова Е.Б. Возмещение потерь при неисполнении организационного обязательства: проблемы теории и практики // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 7. С. 63.
13. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 (ред. от 07.02.2017) «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // Российская газета. 04.04.2016. № 70.
14. Степанов Д.И. Новые положения Гражданского кодекса о юридических лицах // Закон. 2014. № 7. С. 31–55.

15. Суханов Е.А. Уставный капитал хозяйственного общества в современном корпоративном праве // Вестник гражданского права. 2012. № 2. С. 4–35.
16. Алиев Т.Т. О сущности правовой природы корпоративного договора // Гражданское право. 2015. № 1.
17. Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «Об обществах с ограниченной ответственностью» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017) // Российская газета. 17.02.1998. № 30.
18. Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «Об акционерных обществах» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017) // Российская газета. 29.12.1995. № 248.

Тагаева С.Н.,

заведующий кафедрой гражданского права
Университета управления «ТИСБИ», д.ю.н., доцент

К проблеме семейно-правовых санкций

Соотнесены понятия «семейно-правовая ответственность» и «семейно-правовая санкция». Автор делает вывод, что понятие юридической ответственности не тождественно понятию «санкция» – первое включает в себя квалификацию правонарушения, основания для освобождения от ответственности. Автором сделан обзор семейно-правовых санкций действующего законодательства, в частности, в сфере брачных, родительско-детских отношений и отношений, приравненных к родительско-детским.

Ключевые слова: семейно-правовая санкция; признание брака недействительным; лишение родительских прав; ограничение родительских прав.

Иногда юридическую ответственность отождествляют с санкцией, применяемой к правонарушителю¹. При реализации юридической ответственности компетентный орган применяет санкцию (диспозицию правоохранительной нормы), выражающуюся в претерпевании правонарушителем негативных последствий в виде лишения и ограничений права, а также в дополнительных обременениях личного и имущественного характера. Понятие «юридическая ответственность» немыслима без разрешения вопроса о квалификации правонарушения, оснований освобождения от ответственности. Понятие санкции связано с последствиями нарушения норм права. Справедливо отмечено М.К. Сулейменовым, что «термин «санкция» следует понимать в том значении, в котором он употребляется в общей теории, т. е. для обозначения элемента нормы, указывающей на пра-

1 См.: Гражданское право: учебник. Т. 1 / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. М.: Проспект, 1999. С. 533.

вовые последствия ее нарушения, и для обозначения самих этих последствий¹». При широкой интерпретации понятие «санкция» отождествляется с реализацией ответственности.

Вопросы семейно-правовых санкций поднимались в юридической литературе Л.М. Звягинцевой и З.В. Ромовской, Г.И. Вавильченковой которые справедливо считают, что «применение санкции является средством защиты нарушенных субъективных прав»².

Применение семейно-правовой ответственности немыслимо без вины правонарушителя, а для применения санкций вина не имеет значения, достаточно наличия противоправности, нарушающей права и интересы члена семьи. Санкции могут применяться при необходимости защиты семейных прав, например при отобрании ребенка у родителей, при отсутствии вины последних.

Семейно-правовые санкции применяются в сфере брачных, родительско-детских отношений и отношений, приравненных к родительским.

В сфере брачных отношений санкцией за нарушение семейно-правовых норм выступает признание брака недействительным. Основанием для применения санкций в виде признания брака недействительным может служить нарушение объективных предпосылок заключения брака, то есть недостижение одним из лиц, вступающих в брак, 18-ти летнего возраста, при отсутствии условий для его снижения; отсутствие взаимного согласия брачующихся, заключение брака без намерения создать семью; нарушение принципа моногамии; наличие между брачующимися запрещенных степеней родства и наличие связей, приравненных к родительским, в частности, вытекающих из усыновления; наличие душевной болезни или слабоумия или ограничения дееспособности, злоупотребление спиртными напитками или наркотическими веществами, а также сокрытие одним из лиц, вступающих в брак, наличия у него венерической болезни или заболевания синдромом приобретенного иммунодефицита. Кроме семейно-правовой санкции, отдельные действия виновного супруга, влекущие признание брака недействительным, могут повлечь применение к нему санкций и других отраслей права, в частности, уголовно-правовой.

Кроме того, закон предоставляет добросовестному в признанном недействительным браке супругу право требования возмещения материального и морального вреда.

1 Сулейменов М.К. Ответственность в гражданском праве [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.zakon.kz/203608-otvetstvennost-v-grazhdanskom-prave.html> [Дата обращения: 06.05.13].

2 Ромовская З.В. Санкции в советском семейном праве / Проблемы социальной законности. Вып. 4. Харьков, 1979. С. 113; Звягинцева Л.М. Особенности семейно-правовых санкций // Правоведение. 1980. № 5. С. 54.

В качестве санкции за недостойное поведение супруга, когда супруг не получал доходов по уважительным причинам, расходовал общее имущество в ущерб интересам семьи, следует признать отступление судом от начала равенства долей при разделе общего имущества супругов.

Семейно-правовые санкции применяются также за ненадлежащее исполнение родительских обязанностей.

Реализация прав на воспитание, обучение, на защиту ребенком осуществляется в прямой зависимости от исполнения обязанностей родителей по обеспечению условий для физического, психического, духовного и нравственного развития ребенка.

За уклонение от родительских обязанностей к родителям могут быть применены не только санкции, закрепленные в Семейном кодексе, в частности, отобрание ребенка при непосредственной угрозе жизни и здоровью ребенка; ограничение родительских прав; в исключительных случаях – лишение родительских прав, но санкции других отраслей права.

Так, Кодекс об административных правонарушениях предусматривает санкцию за неисполнение родителями обязанностей по воспитанию, обучению и содержанию ребенка (ст. 5.35, 5.35.1 КоАП); Гражданский кодекс предусматривает санкцию в виде возложения ответственности за вред, причиненный несовершеннолетними, если поведение ребенка, повлекшее причинение вреда, было следствием неисполнения родительских обязанностей надлежащим образом (ст. 1073, 1075 ГК), Уголовный кодекс предусматривает санкции за неисполнение обязанностей по воспитанию и при неуплате средств на содержание детей (ст. 156, 157 УК).

В качестве санкции за противоправное и виновное поведение родителей следует признать немедленное отобрание ребенка, при реализации которой родители ограничиваются в праве совместного проживания с ребенком и непосредственного его воспитания, в праве представлять интересы своего ребенка, получать причитающиеся на ребенка пособия и другие денежные выплаты, в праве решать иные вопросы, связанные с воспитанием и образованием ребенка. В данном случае неблагоприятные последствия личного и имущественного характера, возлагаемые на виновных родителей, налицо. В специальной литературе высказана точка зрения об отнесении немедленного отобрания ребенка к мерам защиты, которая, на наш взгляд, ошибочна¹. Так, Г.И. Вавильченкова разграничивает семейно-правовые санкции на меры защиты (немедленное отобрание ребенка), меры предупредительного воздействия (ограничение родительских прав), меры

1 См.: Вавильченкова Г.И. Семейно-правовые санкции, применяемые к родителям за ненадлежащее осуществление прав и исполнение обязанностей по воспитанию детей в Российской Федерации: Автореф. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 27.

ответственности (лишение родительских прав)¹. Немедленное отобрание ребенка может быть как мерой ответственности, так и мерой защиты.

Постановление о немедленном отобрании выносят органы опеки и попечительства, а решение об отобрании ребенка – суд. Решение о немедленном отобрании является предпосылкой для отобрания ребенка без лишения родительских прав или лишения родительских прав, поскольку органы опеки и попечительства после составления акта об обследовании и заключения об отобрании ребенка вправе в семидневный срок обратиться в суд с иском о лишении родительских прав или об ограничении их в родительских правах. Ограничение родительских прав как семейно-правовая санкция применяется в интересах ребенка в случаях, когда оставление ребенка с родителями (одним из них) вследствие их поведения является опасным для него, но не установлено достаточных оснований для лишения родителей (одного из них) родительских прав. Данная санкция в отличие от лишения родительских прав является временной мерой. Максимальный срок ее действия ограничен шестью месяцами. Так, если родители (один из них) в течение шести месяцев после отобрания ребенка судом не изменят свое поведение, органы опеки и попечительства обязаны предъявить иск о лишении родительских прав. Кроме того, в интересах ребенка органы опеки и попечительства вправе предъявить иск о лишении родителей (одного из них) родительских прав до истечения этого срока. Отобрание ребенка является превентивным механизмом для виновных родителей. Ограничение в родительских правах предшествует лишению родительских прав, что позволяет родителю переосмыслить свое поведение и вместе с тем защитить интересы ребенка².

В качестве санкции за воспрепятствование осуществлению прав на воспитание, образование и защиту ребенка отдельно проживающему от него родителю другим родителем следует признать применяемую судом санкцию в виде отобрания ребенка у совместно проживающего с ним виновного родителя и передачи его отдельно проживающему родителю.

В данном случае противоправность в поведении родителя проявляется в нарушении субъективных родительских прав и невыполнении решения суда о порядке осуществления родительских прав родителем, проживающим отдельно от ребенка.

Самой серьезной санкцией, предусмотренной в Семейном кодексе, следует признать лишение родительских прав, так как она направлена на прерывание правовой связи между родителями и детьми. Основанием для ли-

1 См.: Там же. С. 11.

2 См.: Фаддева Т.А. Гражданское право / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. Т. 3. М.: Статут, 1999. С. 431.

шения родительских прав являются серьезные семейные правонарушения, отдельные из которых одновременно содержат признаки преступлений.

Исключительное применение лишения родительских прав связано с тем, что родители лишаются как прав, так и обязанностей по отношению к своим детям, порожденных происхождением детей от них. Несмотря на то, что осуществление родительских прав является составляющей семейной жизни, которая находится под защитой принципа невмешательства в семейные дела, в случае противоречия частных интересов отдельных членов семьи с публичными государство обязано вмешаться в дела семьи. Как справедливо отмечает Т.В. Шершень: «Допуская законную возможность вмешательства в дела семьи, законодатель тем самым стремится обеспечить соблюдение интересов «слабого» участника семейных отношений¹». Так, нередки случаи и жестокого обращения родителей с детьми, их эксплуатации, унижения их человеческого достоинства, которые не только способны причинить физические и нравственные страдания ребенку, но и, как правило, негативно влияют на будущую социализацию ребенка, деформируют его психику, формируют у ребенка неверное представление о семейных отношениях². Поэтому неприменение санкции – лишение родительских прав компетентными органами к виновным родителям означает неисполнение своих обязанностей, закрепленных Конституцией по защите детства. Реализация санкций к виновным родителям влечет последствия, в соответствии с которыми ребенок становится сиротой при живых родителях. Получается, что государство, нарушая одно из основополагающих начал семейного права о невмешательстве в дела семьи, одновременно защищает несовершеннолетнего члена семьи. Принцип приоритета семейного воспитания кровными родителями нарушается в целях обеспечения ребенка нормальным физическим, психическим и нравственным воспитанием. В дальнейшем его правовой статус позволит применить к нему предусмотренные законодательством формы устройства детей, оставшихся без попечения родителей.

К семейно-правовым санкциям за неисполнение обязанности по алиментированию относится лишение родительских прав в случае злостного уклонения от уплаты алиментов; лишение права на алименты родителей, в прошлом уклонявшихся от выполнения своих обязанностей и лишенных родительских прав; лишение права на алименты супруга, который вел себя недостойно как в браке, так и после его расторжения, злоупотре-

1 Шершень Т.В. О допустимости и пределах вмешательства в частную жизнь семьи / Пермский конгресс ученых-юристов. Пермь: ПГУ, 2010. С. 377.

2 См.: Михеева Л.Ю. Ответственность родителей за воспитание детей: направления реформы законодательства [Электронный ресурс]. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс» [Дата обращения: 3.11.11].

блял спиртными напитками, наркотическими средствами или совершил умышленное преступление, лишение права на алименты фактических воспитателей, отчимов и мачех, которые в прошлом ненадлежащим образом воспитывали и содержали детей. Так же суд вправе отказать во взыскании алиментов совершеннолетнему дееспособному лицу, если будет установлено, что оно совершило в отношении лица, обязанного уплачивать алименты, умышленное преступление, или в случае недостойного поведения совершеннолетнего дееспособного лица в семье.

К семейно-правовым санкциям за несвоевременную уплату алиментов относят уплату неустойки алиментоплательщиком, если задолженность образовалась по его вине. Размер неустойки зависит от соглашения об уплате алиментов, если виновное лицо несет ответственность в порядке, предусмотренном этим соглашением. Если основанием для взыскания алиментов служит решение суда, то виновное лицо уплачивает неустойку в размере 0,1 % от суммы невыплаченных алиментов за каждый день просрочки.

Разновидностью семейно-правовых санкций выступает отмена усыновления за уклонение от выполнения возложенных на них родительских обязанностей, за злоупотребление своими родительскими правами, за жестокое обращение с усыновленными детьми либо за наличие хронического алкоголизма или наркомании.

За ненадлежащее исполнение опекуном (попечителем) опеки (попечительства) лежащих на нем обязанностей, в том числе использование им опеки (попечительства) в корыстных целях, а также в случае оставления подопечного без надзора и необходимой помощи органы опеки и попечительства могут отстранить опекуна (попечителя) от исполнения обязанностей и обязаны передать прокурору необходимые материалы для решения вопроса о привлечении лица к установленной законом ответственности и применения санкций других отраслей права.

Список литературы:

1. Гражданское право: учебник. Т. 1 / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. М.: Проспект, 1999. 776 с.
2. Сулейменов М.К. Ответственность в гражданском праве [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.zakon.kz/203608-otvetstvennost-v-grazhdanskom-prave.html> [Дата обращения: 06.05.13].
3. Ромовская З.В. Санкции в советском семейном праве / Проблемы социалистической законности. Вып. 4. Харьков, 1979. С. 113–114.
4. Звягинцева Л.М. Особенности семейно-правовых санкций // Правоведение. 1980. № 5. С. 53–56.
5. Вавильченкова Г.И. Семейно-правовые санкции, применяемые к родителям за ненадлежащее осуществление прав и исполнение

- обязанностей по воспитанию детей в Российской Федерации: Автореф. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 29 с.
6. Фаддева Т.А. Гражданское право / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. Т. 3. М.: Статут, 1999. С. 431.
 7. Шершень Т.В. О допустимости и пределах вмешательства в частную жизнь семьи / Пермский конгресс ученых-юристов. Пермь: ПГУ, 2010. С. 374-377.
 8. Михеева Л.Ю. Ответственность родителей за воспитание детей: направления реформы законодательства [Электронный ресурс]. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс» [Дата обращения: 3.11.11].

Татаренко Л.А.,
преподаватель кафедры гражданского права
Приволжского филиала РГУП

К вопросу об ответственности в биомедицинской деятельности

В статье рассматривается гражданско-правовая, административная и уголовная ответственность в биомедицинской деятельности.

Ключевые слова: биомедицинская технология; вспомогательные репродуктивные технологии; генно-инженерная деятельность; административная ответственность; уголовная ответственность; гражданско-правовая ответственность.

Для определения видов и объемов ответственности в исследуемой биомедицинской деятельности нам необходимо определить, что мы понимаем под объектом биомедицинских правоотношений.

Сам термин биомедицинская технология в законодательстве не закреплен. Данное понятие находится лишь в Комплексной программе развития биотехнологий в Российской Федерации на период до 2020 года, где биомедицинские технологии трактуются довольно широко – как технологии, используемые в биомедицине¹.

Биомедицинская технология является более узким понятием, чем биотехнология (которая охватывает биотехнологии не только в медицине, но и в сельском хозяйстве) и более широким понятием, чем биомедицинский клеточная технология. Биомедицинская технология включает в себя биомедицинский клеточную технологию и иные технологии в медицинской сфере, а именно разработку и производство биотехнологических продук-

¹ ВП-П8-2322. Комплексная программа развития биотехнологий в Российской Федерации на период до 2020 года (утв. Правительством РФ 24.04.2012 № 1853п-П8) // Документ опубликован не был.

тов для диагностики заболеваний человека, их лечения и предупреждения вредного влияния факторов внешней среды на здоровье человека.

К биомедицинской технологии относится и генная инженерия – совокупность методов и технологий, в том числе технологий получения рекомбинантных рибонуклеиновых и дезоксирибонуклеиновых кислот, по выделению генов из организма, осуществлению манипуляций с генами и введению их в другие организмы.

Под биомедицинскими правоотношениями мы понимаем имущественные и личные неимущественные отношения между субъектами биомедицинской деятельности, возникающие при использовании биоматериалов человека в процессе созданий биомедицинских изобретений и оказания медицинских услуг.

В рамках данного исследования мы будем рассматривать ответственность субъектов таких биомедицинских правоотношений, как генно-инженерные и донорские правоотношения в репродуктивных технологиях.

Основным регулятором генно-инженерной деятельности является Федеральный закон РФ «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности»¹. Сферой применения указанного закона являются: природопользование, охрана окружающей среды, обеспечение экологической безопасности и охраны здоровья человека, возникающие при осуществлении генно-инженерной деятельности, а также в сфере генодиагностики и генной терапии (генотерапии). При этом отмечается, что порядок осуществления генно-инженерной деятельности и применения ее методов к человеку, тканям и клеткам в составе его организма не является предметом регулирования рассматриваемого федерального закона.

Учитывая тему нашего исследования, наиболее подходящими из указанных в статье правоотношений, связанных с биомедициной, являются отношения по охране здоровья человека, возникающие при осуществлении генно-инженерной деятельности, генодиагностике и генной терапии (генотерапии).

Объектом генно-инженерных правоотношений могут быть медицинская услуга, нематериальные блага, исключительные права как в отдельности, так и в совокупности. Но в любом случае, нематериальные блага будут являться обязательным объектом во всех комплексных генно-инженерных правоотношениях.

Субъектами генно-инженерных правоотношений являются: человек, чей геном подвергается медицинской манипуляции, медицинская организация, осуществляющая медицинскую деятельность и имеющая соответ-

¹ Федеральный закон от 05.07.1996 № 86-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности» // Российская газета. 12.07.1996. № 130.

ствующую лицензию на подобные манипуляции. Также к субъектам генно-инженерных правоотношений относятся и третьи лица, привлекаемые для осуществления гражданского оборота запатентованных способов в данной области. Так как результат в генно-инженерной деятельности имеет особые риски для биобезопасности, государство является контролирующим субъектом в аспекте обязательного лицензирования¹, а также при осуществлении контроля за перемещением генетических материалов.

В целом действующее законодательство² носит достаточно расплывчатые формулировки по вопросам регулирования генной инженерии человека, что при бурном развитии указанной деятельности вызывает острую потребность в разработке специального правового регулирования генной инженерии человека (генотерапии), не ставя его наравне с генной инженерией растений и животных. При этом следует делать акцент на этических основах проведения испытаний с геномом человека. Также в целях биобезопасности считаем необходимым установление запрета на предоставление генетической информации иностранным организациям.

Рассматривая вопрос ответственности в области генно-инженерной деятельности, мы можем выделить ответственность за нарушение законодательства РФ в области генно-инженерной деятельности³. В первую очередь данная ответственность предусматривается в статье 12 ФЗ «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности», в соответствии с которой на юридические лица и граждан, которые осуществляют генно-инженерную деятельность, действиями или бездействиями которых был причинен вред работникам организации, осуществляющей генно-инженерную деятельность, населению, окружающей среде возлагается ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации.

При анализе административного законодательства, в частности статьи 6.3.1 КОАП (введенной только в 2016 году), которая предусматривает ответственность за нарушение, выразившееся в использовании генно-инженерно-модифицированных организмов и (или) продукции, полученной с

1 Постановление Правительства РФ от 16.04.2012 № 291 (ред. от 23.09.2016, с изм. от 08.12.2016) «О лицензировании медицинской деятельности (за исключением указанной деятельности, осуществляемой медицинскими организациями и другими организациями, входящими в частную систему здравоохранения, на территории инновационного центра».

2 В том числе федеральный закон от 03.12.2008 № 242-ФЗ (с изм. от 17.12.2009) «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» // Российская газета. 09.12.2008. № 251.

3 Федеральный закон от 05.07.1996 № 86-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности» // Российская газета. 12.07.1996. № 130.

применением таких организмов или содержащей такие организмы, которые не прошли государственную регистрацию, или срок действия свидетельства о государственной регистрации которых истек, либо в использовании генно-инженерно-модифицированных организмов не в соответствии с целями, для которых они зарегистрированы, либо в нарушении специальных условий использования генно-инженерно-модифицированных организмов, в том числе при производстве конкретного вида продукции, мы можем видеть, что ответственность предусматривается только в отношении продукции, созданной в результате генно-инженерной деятельности, что относится к сфере промышленности (объектам животного и растительного мира).

Никакой ответственности в области биомедицинской генно-инженерной деятельности в действующих административном и уголовном законодательствах не предусматривается.

Вопрос репродуктивных технологий тесным образом связан с генной инженерией, но регулирование отношений в этой сфере мы можем найти только в законе № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», где данному вопросу посвящена только одна статья 55.

Вспомогательные репродуктивные технологии представляют собой методы лечения бесплодия, которые позволяют осуществить зачатие и раннее развитие эмбрионов вне материнского организма (в том числе с использованием донорских и (или) криоконсервированных половых клеток, тканей репродуктивных органов и эмбрионов, а также суррогатного материнства). Самым распространенным методом лечения на сегодняшний день является экстракорпоральное оплодотворение (ЭКО).

Более подробное регулирование вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ) сформулировано в Приказе Министерства здравоохранения РФ № 107н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению».

Мужчина и женщина, как состоящие, так и не состоящие в браке, а также одинокая женщина имеют право на применение вспомогательных репродуктивных технологий при наличии обоюдного информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство¹. Помимо согласия и в случае оказания данной медицинской помощи на возмездной основе между пациентами и медицинской организацией заключается договор, по своему содержанию регулируемый нормами договора возмездного оказания услуг (глава 39 ч. 2 ГК РФ). Соответственно, возникают правоотно-

1 Приказ Минздрава России от 30.08.2012 № 107н (ред. от 11.06.2015) «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» // Российская газета, спецвыпуск. 11.04.2013. № 78/1.

ношения гражданско-правового характера с участием нескольких субъектов: муж, жена (одинокая женщина), медицинская организация. Законодательство также допускает использование в репродуктивных технологиях клеток не только супругов, но и клеток донора (особенно в случаях, когда пациентом является одинокая женщина).

Также вышеуказанный документ предлагает оформление договора о донорстве между донором и медицинской организацией, что предполагает возможность использования конструкции договора возмездного оказания услуг. Но если предметом договора на оказание услуг является какое-либо действие, то в случае договорного донорства предметом (целью) договора будет являться биологический материал.

Возникает вопрос: какие именно правоотношения возникают в процессе донорства половых клеток и можем ли мы отнести биоматериал (генетический материал человека) к объектам вещного права, в особенности когда мы говорим о донорских эмбрионах?

Договоры донорства уже много лет присутствуют в коммерческой медицинской практике медицинских организаций, специализирующихся на репродуктивных технологиях. Хотя правовое регулирование данных договорных отношений в гражданском законодательстве и отсутствует, стороны прибегают к принципу свободы договора. В соответствии с предметом договора донор за вознаграждение передает медицинской организации биологический материал, при этом отказываясь в договоре от дальнейших родительских прав и обязанностей на детей, родившихся в результате использования данного биоматериала. В том же договоре может быть прописана дальнейшая судьба биоматериала (донорство, криоконсервация, утилизация), в том числе неиспользованного в процессе оказания медицинской помощи.

Объектом рассматриваемых донорских правоотношений нам видится действие по использованию донорских клеток. В категорию использования в аспекте донорских правоотношений могут входить следующие действия: передача клеток, хранение (криоконсервация) клеток, оплодотворение клеток, утилизация клеток.

Говоря об ответственности в донорско-репродуктивной биомедицинской деятельности, следует отметить, что ни административной, ни уголовной ответственности действующим российским законодательством в данной сфере не предусматривается.

Так, например, статья 120 УК РФ предусматривает только состав преступления, выраженный в принуждении к изъятию органов или тканей человека для трансплантации¹, что относится к ответственности в другом

1 Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.

виде донорства – органов и тканей человека, не регулирующим донорство репродуктивных клеток человека.

В статье 127.1 УК РФ предусматривается ответственность за любые сделки (в том числе купля-продажа) в отношении человека, что также не подходит в качестве применения в исследуемой нами области.

Возможно, единственным публично-правовым способом защиты прав доноров и реципиентов пока является ответственность, предусмотренная за отказ в предоставлении гражданину информации, непосредственно затрагивающей его права и свободы, либо предоставление неполной или заведомо ложной информации, если эти деяния причинили вред (ст. 140 УК РФ), а также ответственность за незаконное осуществление медицинской деятельности (ст. 235 УК РФ)¹.

В особенности хочется отметить отсутствие ответственности за использование биоматериалов человека в коммерческой, а также в исследовательской деятельности при проведении опытов и экспериментов с эмбрионами. Как отмечают многие авторы, значимость данного вопроса для правовой науки определена потенциальной способностью эмбриона стать человеком. При учете достижений медицинской науки и совершенствования семейно-правового регулирования в российском и европейском праве дискуссионными остаются вопросы об определении объема правосубъектности эмбриона, о его статусе и степени его правовой защиты². Сложно говорить об ответственности, когда даже процесс медицинской деятельности во вспомогательных репродуктивных технологиях (при экстракорпоральном оплодотворении) содержит явные пробелы в регулировании, при исследовании которого невозможно отследить дальнейшую судьбу эмбрионов после их разморозки³.

Проведенный анализ ответственности в сфере биомедицинских технологий приводит нас к выводу, что единственным регулятором ответственности на сегодняшний день выступает гражданско-правовой договор. Данное обстоятельство, учитывая особую важность биомедицинской сферы, дает нам основание полагать, что гражданско-правового регулирования ответственности будет недостаточно, так как во многом биомедицинская сфера затрагивает публичные интересы, и нарушения в данной области могут представлять собой общественную опасность или приносить обществу вред.

1 Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.

2 Гландин С.В. О статусе эмбриона человека в свете права на уважение личной и семейной жизни в европейском и российском праве // Закон. 2014. № 4. С. 136-141.

3 Приказ Минздрава России от 30.08.2012 № 107н (ред. от 11.06.2015) «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» // Российская газета, спецвыпуск. 11.04.2013. № 78/1.

Отсутствие четкого правового регулирования биомедицинской деятельности влечет такие правовые последствия как отсутствие возможности привлечения к ответственности субъектов правоотношений, возникающих в биомедицинской деятельности, что требует дальнейшей научной и законодательной разработки.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 05.07.1996 № 86-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности» // Российская газета. 12.07.1996. № 130.
2. Федеральный закон от 03.12.2008 № 242-ФЗ (с изм. от 17.12.2009) «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» // Российская газета. 09.12.2008. № 251.
3. Федеральный закон от 05.07.1996 № 86-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности» // Российская газета. 12.07.1996. № 130.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25, Ст. 2954.
5. Постановление Правительства РФ от 16.04.2012 № 291 (ред. от 23.09.2016, с изм. от 08.12.2016) «О лицензировании медицинской деятельности (за исключением указанной деятельности, осуществляемой медицинскими организациями и другими организациями, входящими в частную систему здравоохранения, на территории инновационного центра».
6. ВП-П8-2322. Комплексная программа развития биотехнологий в Российской Федерации на период до 2020 года (утв. Правительством РФ 24.04.2012 № 1853п-П8) // Документ опубликован не был.
7. Приказ Минздрава России от 30.08.2012 № 107н (ред. от 11.06.2015) «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» // Российская газета, спецвыпуск. 11.04.2013. № 78/1.
8. Гландин С.В. О статусе эмбриона человека в свете права на уважение личной и семейной жизни в европейском и российском праве // Закон. 2014. № 4. С. 136–141.

Фатхутдинова Г.Д.,

генеральный директор ООО «Юрфинэксперт»

Гражданско-правовая ответственность за нарушение прав потребителей в банковской сфере

В статье дается анализ положений законодательства Российской Федерации и судебной практики о гражданско-правовой ответственности за нарушение прав потребителей в банковской сфере. В частности, анали-

зируется применение таких мер ответственности, как взыскание убытков и компенсация морального вреда. Выявлены проблемы правового регулирования и правоприменения при взыскании ущерба потребителю при осуществлении денежного перевода без согласия клиента или в случае нарушения правил информирования об оспоренной операции. В отношении компенсации морального вреда делается вывод об отсутствии каких-либо специальных правовых средств помимо тех, что применяются в отношении потребителей в целом. Проблема определения размера морального вреда актуальна и для потребительских банковских отношений и требует определения конкретных сумм на законодательном уровне или разъяснений Верховного Суда Российской Федерации.

Ключевые слова: защита прав потребителей; банковские правоотношения; моральный вред; убытки.

В настоящей статье хотелось бы уделить внимание возмещению убытков и компенсации морального вреда.

По мнению Верховного Суда РФ, при определении причиненных потребителю убытков суду в соответствии с п. 3 ст. 393 Гражданского кодекса РФ следует исходить из цен, существующих в том месте, где должно было быть удовлетворено требование потребителя, на день вынесения решения, если Законом или договором не предусмотрено иное¹.

Как можно видеть из статьи 15 Гражданского кодекса РФ, законодатель разделяет убытки на реальный ущерб и упущенную выгоду.

Взыскание реального ущерба в пользу потребителей банковских услуг при нарушении их прав, как правило, не вызывает вопросов в судебной практике².

Много нареканий со стороны банков в части возмещения ущерба потребителю вызывают нормы из ч. 11–16 ст. 9 нового Федерального закона № 161-ФЗ «О национальной платежной системе». По мнению Роспотребнадзора, указанные нормы сводятся к обязанности оператора по переводу денежных средств возместить клиенту сумму операции, совершенной без согласия клиента или в случае нарушения правил информирования клиента об оспоренной операции (транзакции)³.

1 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» // Российская газета. 2012. № 156.

2 См. например: Апелляционное определение Московского областного суда от 04.03.2015 по делу № 33-4768/2015; Апелляционное определение Новосибирского областного суда от 31.03.2015 по делу № 33-2784/2015; Кассационное определение суда Еврейской автономной области от 20.05.2011 № 33-230/2011 // Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

3 Информация Роспотребнадзора «Об изменениях в порядке оказания платежных услуг» // Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

Однако, по мнению суда, «пункт 15 содержит аналогичное закрепленному в законодательстве о защите прав потребителей правило о том, что в случае, если оператор по переводу денежных средств исполняет обязанность по уведомлению клиента – физического лица о совершенной операции в соответствии с частью 4 настоящей статьи и клиент – физическое лицо направил оператору по переводу денежных средств уведомление в соответствии с частью 11 настоящей статьи, оператор по переводу денежных средств должен возместить клиенту сумму указанной операции, совершенной без согласия клиента до момента направления клиентом – физическим лицом уведомления, если не докажет, что клиент нарушил порядок использования электронного средства платежа, что повлекло совершение операции без согласия клиента – физического лица»¹. В свою очередь, по мнению Банка России, порядок уведомления клиентом кредитной организации, предусмотренный пунктом 11 статьи 9 Закона № 161-ФЗ, может быть конкретизирован в заключаемом между ними договоре в зависимости от используемого электронного средства платежа и сроков уведомления кредитной организацией клиента о совершенных операциях.

При этом установленный пунктом 11 статьи 9 Закона № 161-ФЗ максимальный срок уведомления клиентом кредитной организации (не позднее дня, следующего за днем получения от оператора по переводу денежных средств уведомления о совершенной операции) способствует заинтересованности клиента в сохранении электронного средства платежа и исключению нарушений порядка его использования.

Частью 15 статьи 9 Закона № 161-ФЗ установлено, что если оператор по переводу денежных средств исполняет обязанность по уведомлению клиента – физического лица о совершенной операции в соответствии с частью 4 указанной статьи и клиент – физическое лицо направил оператору по переводу денежных средств уведомление в соответствии с частью 11 данной статьи, оператор по переводу денежных средств должен возместить клиенту сумму указанной операции, совершенной без согласия клиента до момента направления клиентом – физическим лицом уведомления. При этом в указанном случае оператор по переводу денежных средств обязан возместить сумму операции, совершенной без согласия клиента, если не докажет, что клиент нарушил порядок использования электронного средства платежа, что повлекло совершение операции без согласия клиента – физического лица.

При этом необходимость защиты прав гражданина как экономически слабой стороны в правоотношениях между кредитной организацией и

1 Постановление Президиума Алтайского краевого суда от 17.11.2015 по делу № 44г-48/2015 // Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

клиентом была подтверждена Конституционным Судом Российской Федерации в Постановлении от 23 февраля 1999 года № 4-П¹.

К числу обстоятельств, свидетельствующих о нарушении клиентом порядка использования электронного средства платежа, суды относят например небрежное хранение, использование карты, в том числе сообщение данных о карте третьим лицам². При отсутствии подобных нарушений со стороны клиента и при условии соблюдения срока уведомления согласно ч. 11 ст. 15 Федерального закона № 161-ФЗ «О национальной платежной системе», суды удовлетворяют требования потребителей о взыскании убытков по несанкционированному списанию денежных средств³. При этом суды помимо упомянутых норм руководствуются также и ст. 29 Закона РФ «О защите прав потребителя»⁴.

Но, как отмечают ученые, при взыскании убытков в виде упущенной выгоды не все так просто. Так, «доказывание того, что именно неуплаченные вовремя деньги принесли именно такой доход, крайне затруднено; для этого нужно обладать специальными знаниями о том, как работает финансовая организация, где и на каких условиях она размещает деньги. Такими знаниями ее клиент, конечно, не обладает»⁵.

И действительно, практически во всех рассмотренных случаях суды отказывали потребителям во взыскании упущенной выгоды с банков⁶. Да и требования о взыскании упущенной выгоды при исках о защите прав потребителей банковских услуг встречаются довольно редко.

Договор с участием потребителя об оказании банковских услуг может сам по себе содержать условие об ответственности сторон договора. Такие условия должны соответствовать императивным нормам действующего законодательства. Показательным является следующее замечание суда:

1 Информация Банка России «Ответы на вопросы, связанные с применением отдельных норм Федерального закона от 27 июня 2011 года № 161-ФЗ «О национальной платежной системе». // Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

2 Апелляционное определение Хабаровского краевого суда от 07.10.2015 по делу № 33-6253/2015 // Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

3 Апелляционное определение Иркутского областного суда от 05.08.2015 по делу № 33-6961/2015 // Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

4 Апелляционное определение Верховного суда Республики Татарстан от 10.08.2015 по делу № 33-11755/2015 // Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

5 Защита прав потребителей финансовых услуг / М.Д. Ефремова, В.С. Петрищев, С.А. Румянцев и др.; отв. ред. Ю.Б. Фогельсон. М.: Норма, Инфра-М, 2010. 368 с. С. 21.

6 См. например: Апелляционное определение Магаданского областного суда от 23.12.2014 по делу № 2-4118/2014, 33-1064/2014, Апелляционное определение Красноярского краевого суда от 28.01.2015 по делу № 33-733/2015 // Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

«Как было указано выше, ссылка заявителя на подзаконные акты не может означать возможность несоблюдения императивных положений ГК РФ, Закона о введении в действие части 2 Гражданского кодекса Российской Федерации, а также Закона о защите прав потребителей.

По пункту 7 оспариваемого постановления суд пришел к выводу, что административный орган правомерно признал нарушающим права потребителя содержание пункта 8.6 Условий выпуска и обслуживания кредитной карты, которым предусмотрено, что «ответственность банка перед клиентом ограничивается документально подтвержденным реальным ущербом, возникшим у клиента в результате неправомерных действий банка. Ни при каких обстоятельствах банк не несет ответственности перед клиентом за какие-либо косвенные, побочные или случайные убытки (в том числе упущенную выгоду), даже в случае, если он был уведомлен о возможности их возникновения» в силу следующего.

Административный орган пришел к выводу, что пункт 8.6 ограничивает ответственность банка за неправомерные действия только реальным ущербом, не учитывая права потребителя на возмещение убытков в полном объеме, что является нарушением части 2 статьи 13 Закона о защите прав потребителей и части 4 статьи 401 ГК РФ»¹.

Согласно п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 1994 г. № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда»², под моральным вредом понимаются нравственные или физические страдания, причиненные действиями (бездействием), посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага (жизнь, здоровье, достоинство личности, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна и т. п.), или нарушающими его личные неимущественные права (право на пользование своим именем, право авторства и другие неимущественные права в соответствии с законами об охране прав на результаты интеллектуальной деятельности) либо нарушающими имущественные права гражданина.

Относительно доказывания причинения морального вреда по делам о защите прав потребителей банковских услуг можно отметить замечание Верховного Суда РФ, согласно которому по смыслу Закона о защите прав потребителей сам факт нарушения прав потребителя презюмирует обя-

1 Постановление Шестого арбитражного апелляционного суда от 13.09.2013 № 06АП-4307/2013 по делу № А37-588/2013 // Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

2 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.1994 № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» (ред. от 06.02.2007) // Российская газета. 1995. № 29.

занность ответчика компенсировать моральный вред и отказ в удовлетворении требования о компенсации морального вреда не допускается¹. Кроме того, в силу п. 45 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.06.2012 г. № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» при решении судом вопроса о компенсации потребителю морального вреда достаточным условием для удовлетворения иска является установленный факт нарушения прав потребителя.

И как было отмечено Конституционным судом РФ, прямая обязанность компенсации морального вреда, причиненного действиями (бездействием), нарушающими имущественные права гражданина, в случаях, предусмотренных законом, закреплена в пункте статьи 1099 ГК Российской Федерации. В целях дополнительной правовой защиты потребителя как слабой стороны в правоотношении упрощенный порядок компенсации морального вреда установлен статьей 15 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей». Презюмировав сам факт возможности причинения такого вреда, законодатель освободил потерпевшего от необходимости доказывания в суде факта своих физических или нравственных страданий².

Как видно из судебной практики, суды, как правило, взыскивают моральный вред в пользу потребителей банковских услуг³.

Отдельным остается вопрос о размере морального вреда, подлежащего взысканию в пользу потребителя. Так, согласно ст. 15 Закона РФ «О защите прав потребителей», компенсация морального вреда осуществляется независимо от возмещения имущественного вреда и понесенных потребителем убытков.

Из разъяснений, содержащихся в п. 45 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей», размер компенсации морального вреда определяется судом независимо от размера возмещения имущественного вреда, в связи с чем размер денежной компенсации, взыскиваемой

1 Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 26.06.2015) // Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

2 Определение Конституционного Суда РФ от 16.10.2001 № 252-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Щигорца Владимира Ивановича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 151 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

3 См. например: Апелляционное определение Верховного суда Республики Башкортостан от 24.11.2015 по делу № 33-20856/2015; Апелляционное определение Красноярского краевого суда от 30.11.2015 по делу № 33-13107/2015; Апелляционное определение Самарского областного суда от 23.11.2015 по делу № 33-13111/2015 // Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

в возмещение морального вреда, не может быть поставлен в зависимость от стоимости товара (работы, услуги) или суммы подлежащей взысканию неустойки. Размер присуждаемой потребителю компенсации морального вреда в каждом конкретном случае должен определяться судом с учетом характера причиненных потребителю нравственных и физических страданий исходя из принципа разумности и справедливости.

На сегодняшний день сложно сказать, какой размер морального вреда подлежит взысканию по искам о защите прав потребителей банковских услуг. О том, что единого мнения по поводу размера взыскиваемого морального вреда нет и у судов, давно пишут в прессе¹ и в юридической литературе². Таким образом, можно привести лишь статистику Роспотребнадзора по этому поводу. По поданным Роспотребнадзора, искам в пользу потребителей за 2014 год было присуждено 15,1 млн руб., в том числе 536 тыс. руб. в качестве компенсации морального вреда³.

В части размера присужденных сумм морального вреда по банковским услугам можно привести данные Роспотребнадзора за 2012 год⁴ (72 решения и определения, вынесенные судами в 2012 г. по делам о защите прав потребителей, в которых Управление Роспотребнадзора по Пензенской области принимало участие). Вынесены решения о возмещении потребителям денежных средств на общую сумму 1346,6 тыс. руб., из них размер компенсации морального вреда составил 67,0 тыс. руб. В сфере предоставления банковских услуг по 10 делам – 208,2 тыс. руб., моральный вред – 10,0 тыс. руб.

Таким образом, на наш взгляд, несмотря на всю трудность финансового определения морального вреда, сделать это необходимо на уровне Верховного Суда РФ как для защиты прав потребителей, так и для защиты лиц, к которым подобные иски предъявляются.

Таким образом, на основании изложенного можно сделать следующие выводы:

в целом в правоприменительной практике не возникает проблем при взыскании реального ущерба в пользу потребителей банковских услуг, кроме как при взыскании ущерба потребителю при осуществлении денеж-

1 Наталья Козлова. Цена обиды. Российская газета. Федеральный выпуск № 6824 (253) // URL: <http://www.rg.ru/2015/11/10/vs.html> (Дата обращения: 19.01.2016).

2 Кузнецова О.В. Возмещение морального вреда: практическое пособие. М.: Юстицинформ, 2009. 152 с.

3 Доклад Роспотребнадзора «О состоянии защиты прав потребителей в финансовой сфере в 2014 году» // URL: http://rosпотребнадзор.ru/deyatelnost/zpp/?ELEMENT_ID=3899 (Дата обращения: 19.01.2016).

4 О компенсации морального вреда при рассмотрении судами дел о защите прав потребителей // URL: http://58.rosпотребнадзор.ru/rss_all/-/asset_publisher/Kq6/content/id/189125 (Дата обращения: 19.01.2016).

ного перевода без согласия клиента или в случае нарушения правил информирования об оспоренной операции. Данная проблема порождается отсутствием императивного правового регулирования конкретного порядка уведомления потребителя о совершенных операциях и наличием отсылки к договору между потребителем и исполнителем банковской услуги, что в свою очередь приводит к частому навязыванию потребителям невыгодных, неудобных или неясных условий такого уведомления, что в конечном итоге приводит к несвоевременному обнаружению потребителем факта правонарушения и невозможностью взыскать ущерб с исполнителя банковских услуг.

В отношении взыскания морального вреда при нарушении прав потребителей банковских услуг отсутствуют какие-либо специальные правовые средства помимо тех, что применяются в отношении потребителей в целом, а именно презумпции морального вреда. Проблема определения размера морального вреда актуальна и для потребительских банковских отношений и требует определения конкретных сумм на законодательном уровне или разъяснений Верховного Суда Российской Федерации.

Список литературы:

1. Доклад Роспотребнадзора «О состоянии защиты прав потребителей в финансовой сфере в 2014 году» [Электронный ресурс]. Опубликовано на официальном сайте Роспотребнадзора. URL: http://rosпотребнадзор.ru/deyatelnost/zpp/?ELEMENT_ID=3899 (Дата обращения: 19.01.2016).
2. Защита прав потребителей финансовых услуг / М.Д. Ефремова, В.С. Петрищев, С.А. Румянцев и др.; отв. ред. Ю.Б. Фогельсон. М.: Норма, Инфра-М, 2010. 368 с.
3. Информация Банка России «Ответы на вопросы, связанные с применением отдельных норм Федерального закона от 27 июня 2011 года № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» [Электронный ресурс] // Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Информация Роспотребнадзора «Об изменениях в порядке оказания платежных услуг» [Электронный ресурс] // Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Кузнецова О.В. Возмещение морального вреда: практическое пособие. М.: Юстицинформ, 2009. 152 с.
6. Наталья Козлова. Цена обиды. Российская газета. Федеральный выпуск № 6824 (253) [Электронный ресурс] // URL: <http://www.rg.ru/2015/11/10/vs.html> (Дата обращения: 19.01.2016).
7. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации

26.06.2015) [Электронный ресурс] // Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

8. О компенсации морального вреда при рассмотрении судами дел о защите прав потребителей [Электронный ресурс] // URL: http://58.rospotrebnadzor.ru/rss_all/-/asset_publisher/Kq6/content/id/189125 (Дата обращения: 19.01.2016).

Хамидуллин М.Т.,

начальник юридического отдела филиала акционерного общества «Татэнерго» Казанские тепловые сети

О некоторых вопросах ответственности потребителя по договору теплоснабжения

Автором проведен анализ нормативной базы и теоретических исследований, касающихся вопросов ответственности сторон договора теплоснабжения. Изложены собственные взгляды на основания ограничения ответственности потребителя.

Ключевые слова: договор; энергоснабжение; теплоснабжение; ответственность; убытки; неустойка.

В настоящее время проблема ответственности сторон в рамках отдельных видов договорных обязательств становится все более актуальной. Не являются исключением и вопросы ответственности сторон договора теплоснабжения.

Договор теплоснабжения является разновидностью договора энергоснабжения и регулируется в рамках § 6 гл. 30 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ). Нормы указанного параграфа предусматривают только одну форму ответственности – возмещение убытков. При этом в договоре энергоснабжения ответственность является ограниченной. В случаях неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательств по договору энергоснабжения сторона, нарушившая обязательство, обязана возместить другой стороне только реальный ущерб (п. 1 ст. 547 ГК РФ).

По мнению А.Ю. Руфф, основная причина отступления от принципа полного возмещения убытков в сторону установления ограничений имущественной ответственности заключается в том, что в настоящее время многие виды хозяйственной деятельности (к таковым относятся и деятельность по снабжению потребителей тепловой энергией) связаны с опасностью причинения убытков, размеры которых могут многократно превосходить финансовые возможности субъекта предпринимательской деятельности. Ограничение ответственности обусловлено также фактическим неравенством сторон договора теплоснабжения. Поэтому законода-

тель, учитывая монопольное положение теплоснабжающей организации на рынке, установил ограниченную ответственность потребителя, исходя из принципа защиты прав экономически более слабой стороны¹.

Иное основание ограничения ответственности потребителя приводит М.В. Ясус. По его мнению, у естественных монополий более высокая ставка прибыли, существующая в силу их доминирующего положения на рынке, компенсирует ограничение ответственности потребителей энергии перед ними².

Если основания ограничения ответственности энергоснабжающей организации, приводимые А.Ю. Руфф, не вызывают возражений, поскольку подобного мнения придерживались также разработчики ГК РФ³, то с выводами вышеуказанных авторов об основаниях ограничения ответственности абонента сложно согласиться.

Если ограничение ответственности потребителя вызвано соображениями защиты слабой стороны, то как в таком случае объяснить, что правовое регулирование ряда публичных договоров с участием потребителя предусматривает возложение на него полной ответственности по возмещению убытков, в то время как противоположная сторона договора пользуется привилегией ограничения его ответственности возмещением только реального ущерба. Так, в частности, ограниченной является ответственность перевозчика за утрату, недостачу и повреждение (порчу) груза или багажа (п. 2 ст. 795 ГК РФ), тогда как отправитель (пассажир) возмещает убытки в полном объеме.

Кроме того, теплоснабжение является преимущественно убыточным видом деятельности, в связи с чем вряд ли можно говорить о сверхприбылях теплоснабжающей организации, покрывающей возможные убытки⁴.

Ограничение ответственности потребителя по договору энергоснабжения реальным ущербом связано со спецификой правового регулирования договора энергоснабжения, устанавливающего обязанность потребителя не только по оплате принятой энергии, но также по содержанию и эксплуатации энергопринимающего и иного оборудования.

Абонент обязан обеспечивать надлежащее техническое состояние и безопасность эксплуатируемых энергетических сетей, приборов и оборудо-

1 Руфф А.Ю. Санкции за нарушение обязательств по договору теплоснабжения // Законодательство и экономика. 2015. № 1. С. 22.

2 Ясус М.В. Проблемы ограниченной ответственности по договору энергоснабжения // Законодательство и экономика. 2001. № 10. С. 37.

3 Блинкова Е.В. Ответственность по договору снабжения товарами через присоединенную сеть: ограниченная, полная или повышенная? // Юрист. 2004. № 8.

4 Никифоров О. Производство тепла превратилось в России в одну из самых проблемных и неэффективных отраслей ТЭК // Газета «Экономика» Интернет-версия. URL: http://www.ng.ru/economics/2017-02-06/100_heatingprobl.html.

дования, соблюдать установленный режим потребления энергии, а также немедленно сообщать энергоснабжающей организации об авариях, о пожарах, неисправностях приборов учета энергии и об иных нарушениях, возникающих при пользовании энергией (п. 1 ст. 543 ГК РФ).

Надлежащее исполнение договора энергоснабжения связано с эксплуатацией и содержанием обеими сторонами договора сложного технического оборудования, в связи с чем, исполнение условий договора о качестве и количестве энергии зависит не только от энергоснабжающей организации, но и от потребителя. Эксплуатация технических устройств и оборудования связана с высокой вероятностью выхода его из строя и возможностью причинения убытков. Учитывая сказанное, как представляется, целью установления ограниченной ответственности потребителя по договору энергоснабжения, является стремление законодателя соблюсти паритет в отношениях сторон договора. В случае возложения на потребителя одинаковой с энергоснабжающей организацией обязанности по эксплуатации энергетического оборудования, установление ограниченной ответственности потребителя и уравнивание его в вопросах ответственности с энергоснабжающей организацией, представляется более чем последовательным шагом законодателя.

Специфика договора теплоснабжения требуют более детальной регламентации отношений сторон. В связи с этим законодатель отдает приоритет специальным нормам перед общими. В соответствии с п. 1 ст. 548 ГК РФ правила, предусмотренные об энергоснабжении, установленные ст. ст. 539–547 ГК РФ, применяются к отношениям, связанным со снабжением тепловой энергией через присоединенную сеть, если иное не установлено законом или иными правовыми актами.

Специальное правовое регулирование договорных отношений между теплоснабжающей организацией и потребителем осуществляется Федеральным законом от 27.07.2010 №190-ФЗ «О теплоснабжении» (далее – Закон о теплоснабжении).

Условия об ответственности сторон договора теплоснабжения являются существенными. Согласно п. 5 ч. 8 ст. 15 Закона о теплоснабжении договор теплоснабжения должен определять ответственность потребителей за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств по оплате тепловой энергии (мощности) и (или) теплоносителя, в том числе обязательств по их предварительной оплате, если такое условие предусмотрено договором.

Как представляется, данная норма является анахронизмом и свидетельствует об излишней правовой регламентации отношений сторон договора теплоснабжения.

В частях 9.1–9.4 ст. 15 Закона о теплоснабжении предусмотрена обязанность потребителя, допустившего просрочку оплаты тепловой энергии,

уплатить теплоснабжающей организации законную неустойку, размер которой зависит от категории, к которой относится потребитель. Для ряда потребителей (население и организации, осуществляющие управление многоквартирными домами) установлена прогрессивная шкала неустойки, размер которой тем больше, чем продолжительнее период просрочки.

С учетом того, что размер законной неустойки не может быть уменьшен соглашением сторон, а ее увеличение не требует особого указания об этом в законе, представляется, что нормы Закона о теплоснабжении о включении ответственности потребителя за просрочку оплаты в качестве существенного условия в договор теплоснабжения утратили свою актуальность.

Список литературы:

1. Блинкова Е.В. Ответственность по договору снабжения товарами через присоединенную сеть: ограниченная, полная или повышенная? // Юрист. 2004. № 8.
2. Никифоров О. Производство тепла превратилось в России в одну из самых проблемных и неэффективных отраслей ТЭК // Газета «Экономика» Интернет-версия. URL: http://www.ng.ru/economics/2017-02-06/100_heatingprobl.html.
3. Руфф А.Ю. Санкции за нарушение обязательств по договору теплоснабжения // Законодательство и экономика. 2015. № 1. С. 22.
4. Ясус М.В. Проблемы ограниченной ответственности по договору энергоснабжения // Законодательство и экономика. 2001. № 10. С. 37.

Хисамутдинова А.В.,
старший преподаватель кафедры
гражданского права Казанского филиала РГУП, к.ю.н.

Неустойка в действующем законодательстве

Неустойка является важнейшей специальной мерой гражданско-правовой ответственности, которая регулируется как нормами гражданского законодательства, так и нормами семейного, трудового, жилищного, налогового законодательства. По правовой природе неустойка является способом обеспечения исполнения обязательства и формой гражданско-правовой ответственности. В зависимости от основания возникновения различают законную и договорную неустойку, при этом расчет законной неустойки, определенный различными отраслями права, неодинаков. Положения ст. 333 ГК РФ, предусматривающие уменьшение неустойки по мотиву ее явной несоразмерности последствиям нарушения обязательств, могут быть применимы практически ко всем общественным отношениям. Однако уменьшение по данному мотиву неустойки за несвоевременную

уплату алиментов не допускается, поскольку неустойка, предусмотренная семейным законодательством, является специальной мерой семейно-правовой ответственности, гарантирующей осуществление прав нуждающихся членов семьи на получение содержания.

Ключевые слова: гражданско-правовая ответственность; законодательство; неисполнение обязательства; нарушение; неустойка; применение.

Гражданское законодательство предусматривает ряд специальных мер гражданско-правовой ответственности, важнейшей из которых является уплата неустойки. Согласно ст. 330 ГК РФ¹ неустойка представляет собой определенную законом или договором денежную сумму, которую должник обязан уплатить кредитору в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства, в частности, в случае просрочки исполнения.

Как отмечает Б.М. Гонгало, неустойка стимулирует исполнение обязательства, и в случае неисполнения должником своих обязанностей эта ее функция оказывается нереализованной. Только после этого можно рассуждать об убытках, рассматривать вопрос о гражданско-правовой ответственности в форме взыскания неустойки и о соотношении этой формы ответственности с другой формой – возмещением убытков². Таким образом, он разграничивает неустойку как способ обеспечения исполнения обязательства и взыскание неустойки как меру ответственности³.

Правовая природа неустойки неоднозначна: с одной стороны, она является способом обеспечения исполнения обязательства, с другой – формой гражданско-правовой ответственности, поэтому нормы о неустойке в ГК РФ содержатся как в главе 23 «Обеспечение исполнения обязательств», так и в главе 25 «Ответственность за нарушение обязательств».

В.В. Витрянский, анализируя неустойку как форму гражданско-правовой ответственности, указал, что основанием взыскания неустойки является правонарушение, совершив которое лицо должно нести дополнительные имущественные потери. Кроме того, кредитор не вправе требовать уплаты неустойки, если должник не несет ответственности за нарушение обязательства. И, наконец, обязанность должника уплатить неустойку обеспечивается государственным принуждением, о чем свидетельствует включение взыскания неустойки в число предусмотренных ст. 12 ГК РФ способов защиты гражданских прав⁴.

1 ФЗ РФ «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ с изм. и доп.)» // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

2 Гонгало Б.М. Учение об обеспечении обязательств. Вопросы теории и практики. М.: Статут, 2004. С. 65.

3 Там же. С. 54.

4 Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга третья: Договоры о выполнении работ и оказании услуг. М.: Статут, 2003. С. 661.

Неустойка классифицируется по различным критериям. Законодатель в ст. 394 ГК РФ по соотношению с убытками различает штрафную, исключительную, альтернативную и зачетную неустойки. Например, за нарушения при оказании жилищно-коммунальных услуг наиболее часто применяется штрафная неустойка, которая дает возможность кредитору получить с должника сумму, превышающую причиненные ему убытки. При исключительной неустойке кредитор может требовать с должника только уплаты неустойки, но не взыскания убытков. Альтернативная неустойка позволяет кредитору по своему выбору взыскать либо неустойку, либо убытки. Случаи применения альтернативной неустойки практически не встречаются, так как кредиторы рассматривают условие о ней как невыгодное.

В силу зачетной неустойки кредитор имеет право требовать взыскание установленной неустойки и, кроме того, возмещение убытков в части, не покрытой ею, то есть в конечном счете сумму убытков в полном объеме. Этот вид неустойки имеет значение общего правила. Применение зачетной неустойки в полной мере способствует восстановлению имущественного положения кредитора, существовавшего до нарушения его прав.

В зависимости от основания возникновения различают законную и договорную неустойку.

Условия применения договорной неустойки определяются по усмотрению сторон. Статьей 331 ГК РФ предусмотрено, что соглашение о неустойке должно быть совершено в письменной форме независимо от формы основного обязательства под страхом его недействительности.

Примером законной неустойки, встречающейся в действующем законодательстве, может служить неустойка, предусмотренная п. 14 ст. 155 ЖК РФ¹, ст. 236 ТК РФ², ч. 2 ст. 115 СК РФ³, ст.ст. 23, 23.1, п. 5 ст. 28, ст. 30 и 31 Закона РФ «О защите прав потребителей»⁴ и п. 21 ст. 12 Закона об ОСАГО⁵. Но, следует отметить, что кредитор вправе не взыскивать неустойку, даже если соответствующая возможность предусмотрена законом. Например, при взыскании в судебном порядке квартплаты кредиторы не всегда выставляют жильцам требования о взыскании неустойки в виде пени.

1 ФЗ «Жилищный кодекс Российской Федерации» от 29.12.2004 № 188-ФЗ (с изм. и доп.) // СЗ РФ. 2005. № 1 (часть 1). Ст. 14.

2 ФЗ «Трудовой кодекс Российской Федерации» от 30.12.2001 № 197-ФЗ (с изм. и доп.) // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.

3 ФЗ «Семейный кодекс Российской Федерации» от 29.12.1995 № 223-ФЗ (с изм. и доп.) // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

4 ФЗ РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей (с изм. и доп.)» // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1992. № 15. Ст. 766.

5 ФЗ от 25.04.2002 № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» (с изм. и доп.) // СЗ РФ. 2002. № 18. Ст. 1720.

Штраф и пеня – предусмотренные в законодательстве разновидности неустойки, отличающиеся по способу исчисления. Штраф представляет собой однократно взыскиваемую сумму, которая нередко выражается в виде процентов и пропорциональна заранее определенной величине. Распространенным является и определение размера штрафа в твердой сумме. Его выгодно установить, если пострадавшей стороне важен сам факт допущенного нарушения или неисполнения обязательства, а не нарушение срока его исполнения. Пеня – это неустойка, исчисляемая непрерывно, нарастающим итогом в процентах от суммы долга и, как правило, за каждый день просрочки. Следует отметить, что неустойка в виде пени весьма востребована, поскольку она предусмотрена Законом «О защите прав потребителей», который широко применяется.

Указанным п. 14 ст. 155 ЖК РФ предусмотрено применение пени к гражданам, которые нарушают платежную дисциплину, то есть несвоевременно и (или) не полностью вносят плату за жилое помещение и коммунальные услуги. Данной нормой предусмотрен размер пени в размере одной трехсотой ставки рефинансирования Центрального банка Российской Федерации, действующей на день фактической оплаты, от невыплаченной в срок суммы за каждый день просрочки, начиная с тридцать первого дня, следующего за днем наступления установленного срока оплаты. В последующем же, начиная с девяносто первого дня, следующего за днем наступления установленного срока оплаты, размер пени установлен в размере одной стотридцатой ставки рефинансирования Центрального банка Российской Федерации, действующей на день фактической оплаты, от невыплаченной в срок суммы за каждый день просрочки. Таким образом, законодатель определил максимально допустимый размер пени и императивно указал, что увеличение установленного размера пени не допускается.

Статьей 236 ТК РФ предусмотрено, что при нарушении работодателем установленного срока соответственно выплаты заработной платы, оплаты отпуска, выплат при увольнении и (или) других выплат, причитающихся работнику, работодатель обязан выплатить их с уплатой процентов (денежной компенсации) в размере не ниже одной сто пятидесятой действующей в это время ключевой ставки Центрального банка Российской Федерации от невыплаченных в срок сумм за каждый день задержки, начиная со следующего дня после установленного срока выплаты по день фактического расчета включительно.

В силу п. 2 ст. 115 СК РФ при образовании задолженности по вине лица, обязанного уплачивать алименты по решению суда, виновное лицо уплачивает получателю алиментов неустойку в размере одной второй процента от суммы невыплаченных алиментов за каждый день просрочки.

Законами «О защите прав потребителей» и «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств»

также императивно установлены размеры пени, подлежащие взысканию в пользу потребителей с лиц, нарушивших обязательства.

В соответствии со ст. 333 ГК РФ суд наделяется правом уменьшения размера неустойки в тех случаях, когда подлежащая уплате неустойка явно несоразмерна последствиям нарушения обязательства. В соответствии с п. 73 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств»¹ доводы ответчика о невозможности исполнения обязательства вследствие тяжелого финансового положения, наличия задолженности перед другими кредиторами, наложения ареста на денежные средства или иное имущество ответчика, отсутствия бюджетного финансирования, неисполнения обязательств контрагентами, добровольного погашения долга полностью или в части на день рассмотрения спора, выполнения ответчиком социально значимых функций, наличия у должника обязанности по уплате процентов за пользование денежными средствами (например, на основании статей 317.1, 809, 823 ГК РФ) сами по себе не могут служить основанием для снижения неустойки. При этом согласно разъяснениям, содержащимся в п. 72 указанного Постановления, размер неустойки за просрочку денежного обязательства не может быть уменьшен ниже средних ставок банковского процента по вкладам физических лиц, существующих в соответствующие периоды просрочки в месте жительства кредитора или месте его нахождения, если кредитором является юридическое лицо.

Несмотря на то, что гражданским законодательством предусмотрено право суда на уменьшение неустойки, однако при рассмотрении дел о взыскании алиментов с учетом разъяснений, данных в п. 25 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.10.1996 г. № 9 «О применении судами Семейного кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел об установлении отцовства и о взыскании алиментов»², предусмотренная п. 2 ст. 115 СК РФ ответственность лица, обязанного уплачивать алименты по решению суда, за несвоевременную уплату алиментов (уплата неустойки, возмещение убытков) наступает в случае образования задолженности по вине плательщика алиментов. Такая ответственность не может быть возложена на плательщика, если задолженность по алиментам образовалась

1 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 5.

2 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.10.1996 г. № 9 «О применении судами Семейного кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел об установлении отцовства и взыскании алиментов» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1997. № 1.

по вине других лиц, в частности, в связи с несвоевременной выплатой заработной платы, задержкой или неправильным перечислением алиментных сумм банками и т. п.

Таким образом, должник может быть освобожден от ответственности за несвоевременную выплату алиментов лишь в случае представления доказательств, что такая задолженность образовалась по вине других лиц – не являющихся участником алиментных правоотношений.

В этой связи хочется отметить, что по данной категории дел размер неустойки, взыскиваемой с должника, иногда оказывается в несколько раз превышающей общую сумму задолженности по алиментам, что, по нашему мнению, нельзя признать обоснованным.

Так, например, при рассмотрении иска М. к З. о взыскании неустойки за невыплату алиментов на содержание несовершеннолетнего ребенка суд установил, что постановлением судебного пристава-исполнителя о расчете задолженности по алиментам определена задолженность ответчика по алиментам за период с 01.10.2013 года по 30.09.2015 год в размере 394 888 рублей 89 копеек, что признано обоснованным и определением судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РТ¹.

Согласно материалам дела, З. периодически производил уплату алиментов, однако в размере, не достаточном для погашения задолженности.

В связи с отсутствием доказательств, подтверждающих наличие объективных препятствий к своевременной выплате алиментов на содержание дочери, суд пришел к выводу о том, что задолженность по алиментам образовалась по вине самого ответчика и взыскал с него в пользу истицы неустойку за неуплату алиментов на содержание несовершеннолетнего ребенка за период с 01.10.2013 года по 30.09.2015 года в размере 1 031 536 рублей 32 копейки, что почти в три раза превышает саму задолженность по алиментам.

В Обзоре судебной практики по делам, связанным с взысканием алиментов на несовершеннолетних детей, а также нетрудоспособных совершеннолетних детей, утвержденном Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 13 мая 2015 года², отмечается, что правильной являются позиции судов, которые признавали несостоятельными доводы ответчиков, которые ссылались на явную несоразмерность неустойки последствиям нарушения обязательств по своевременной уплате алиментов и просили суд уменьшить размер неустойки, применив положения ст.

1 Решение по гражданскому делу № 2-193/16-6 // Архив мирового судьи судебного участка № 6 по Ново-Савиновскому судебному району г. Казани за 2016 г.

2 Обзор судебной практики Верховного Суда РФ от 13 мая 2015 г. «По делам, связанным с взысканием алиментов на несовершеннолетних детей, а также нетрудоспособных совершеннолетних детей» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 7.

333 ГК РФ. Указывается, что суды правильно учитывали соответствующие разъяснения, содержащиеся в Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за третий квартал 2012 года, утвержденном Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 26 декабря 2012 года, о том, что особенности алиментных обязательств исключают возможность применения ст. 333 ГК РФ к возникающей в соответствии с п. 2 ст. 115 СК РФ ответственности должника за их ненадлежащее исполнение. Неустойка, установленная п. 2 ст. 115 СК РФ, является специальной мерой семейно-правовой ответственности, гарантирующей осуществление прав нуждающихся членов семьи на получение содержания, и взыскивается в виде фиксированного размера взимаемых за каждый день просрочки процентов. Уменьшение неустойки положениями ст. 115 СК РФ не предусмотрено.

Однако вышеуказанный пример судебной практики, наглядно показывающий, что размер неустойки в несколько раз превышает сумму задолженности, приводит к выводу, что правила ст. 333 ГК РФ следовало бы применять и к неустойке, предусмотренной семейным законодательством. Считаю, что в данном случае сумма взыскиваемой неустойки может быть уменьшена, в то же время она не должна превышать общий размер задолженности.

Список литературы:

1. Российская Федерация. Законы. Гражданский кодекс РФ [Текст]: [федер. закон РФ: часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ с изм. и доп.] // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Российская Федерация. Законы. Жилищный кодекс РФ [Текст]: [федер. закон РФ от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ с изм. и доп.] // Собрание законодательства РФ. 2005. № 1 (часть 1). Ст. 14.
3. Российская Федерация. Законы. Семейный кодекс РФ [Текст]: [федер. закон РФ от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ с изм. и доп.] // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16.
4. Российская Федерация. Законы. Трудовой кодекс РФ [Текст]: [федер. закон РФ от 30 декабря 1991 г. № 197-ФЗ с изм. и доп.] // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.
5. Российская Федерация. Законы. О защите прав потребителей [Текст]: [закон РФ от 07 февраля 1992 г. № 2300-1 с изм. и доп.] // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1992. № 15. Ст. 766.
6. Российская Федерация. Законы. Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств [Текст]: [закон РФ от 25 апреля 2002 г. № 40-ФЗ с изм. и доп.] // Собрание законодательства РФ. 2002. № 18. Ст. 1720.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса

- Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» [Текст] // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 5.
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.10.1996 г. № 9 «О применении судами Семейного кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел об установлении отцовства и взыскании алиментов» [Текст] // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1997. № 1.
 9. Обзор судебной практики «По делам, связанным с взысканием алиментов на несовершеннолетних детей, а также на нетрудоспособных совершеннолетних детей» [Текст] // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 7.
 10. Решение по гражданскому делу № 2-193/16-6 [Текст] // Архив мирового судьи судебного участка № 6 по Ново-Савиновскому судебному району г. Казани за 2016 г.
 11. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга первая: Общие положения: Издание 2-е / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский. М.: Статут, 2003. 848 с.
 12. Гонгало Б.М. Учение об обеспечении обязательств. Вопросы теории и практики / Б.М. Гонгало. М.: Статут, 2004. 222 с.

Шавалиева Д.Р.,

ст. преподаватель кафедры гражданского права Казанского филиала РГУП

Ответственность в ипотечных правоотношениях

В статье анализируется проблема понимания гражданско-правовой ответственности. Исследуется обращение взыскания на предмет залога как ответственность участника ипотечных правоотношений.

Ключевые слова: гражданско-правовая ответственность; ответственность должника; ответственность залогодержателя; ответственность залогодателя; обращение взыскания.

Responsibility in the mortgage relations

The article analyzes the problem of understanding civil liability. Investigation of foreclosure on the subject of pledge as a liability of a participant in mortgage legal relations is investigated.

Keywords: civil liability; liability of debtor; liability of the mortgagee; the liability of the mortgagor; foreclosure.

Вопрос о понятии гражданско-правовой ответственности является дискуссионным. Существует множество точек зрения относительно содержания данного понятия. Во многом это обусловлено отсутствием легального определения данного понятия в гражданском законодательстве, а

также, как отмечает В.В. Витрянский, с различными целями исследования проблематики гражданской ответственности¹.

В цивилистической доктрине гражданско-правовую ответственность принято понимать как форму государственного принуждения. Так, например, В.В. Витрянский пишет, что гражданско-правовая ответственность представляет собой форму государственного принуждения². В.П. Грибанов рассматривает гражданско-правовую ответственность как форму государственного принуждения, связанную с применением санкций имущественного характера в целях восстановления нарушенных прав участников гражданского оборота³. Е.А. Суханов определяет, что гражданско-правовая ответственность как форма государственного принуждения состоит в применении санкций, перелагающих на правонарушителя невыгодные имущественные последствия его поведения и направленных на восстановление его имущественных прав⁴. Н.Д. Егоров говорит о применении санкций, которые налагают на нарушителя дополнительные обязанности или лишают принадлежащие ему права⁵.

Вместе с тем в науке существует иное понимание ответственности. В частности, В.Н. Даниленко, изучая вопрос гражданской ответственности, исследует позицию Н.С. Малеина о гражданско-правовой ответственности как о наказании, «наказание – это и есть ответственность»; позицию С.Н. Брагусь о гражданско-правовой ответственности как об исполнении обязательства, «юридическая ответственность есть исполнение обязанности на основе государственного или приравненного к нему общественного принуждения»; позицию М.С. Строговича, В.А. Тархова и др. о юридической ответственности как о позитивной и ретроспективной ответственности, выражаемой в осознании обязанным лицом необходимости неуклонного исполнения своего долга перед самим собой и обществом; позицию Л.С. Явича и др. об ответственности как об особом виде ответственности, выделяя его охранительный характер. Исследовав все обозначенные позиции, В.Н. Даниленко приходит к выводу, что гражданско-правовая ответственность возникает, существует и реализуется в рамках особого обязательственного правоотношения ответственности (как вид охранитель-

1 Брагинский М.И. Договорное право. Книга первая: Общие положения / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский. М.: Статут, 2005. 607 с.

2 Там же. 607 с.

3 Российское гражданское право: учебник; в 2 т. Т. 1: общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / отв. ред. Е.А. Суханов. М.: Статут, 2011. 443 с.

4 Там же. 445 с.

5 Гражданское право: учеб. В 3-х т. Т. 1 / отв. ред. А.П. Сергеев, Ю.К. Толстой. М.: ТК ВЕЛБИ, Проспект, 2007. 664 с.

ного), по которому у кредитора возникает право требования возмещения причинённого ущерба, а у должника – обязанность его возмещения¹.

О проблеме определения понятия юридической ответственности пишет А.Б. Бабаев. Исследуя проблемы гражданско-правовой ответственности, он выделяет также ответственность (1) как взятые в динамике правовые отношения между правонарушителем и государственными органами; (2) как реакцию на правонарушение; (3) как реализующую особую обязанность отвечать; (4) как юридическую обязанность соблюдения и исполнения требований, предусмотренных нормой права и другие. Не ставя определенной цели дать наиболее удачную дефиницию ответственности, автор вполне обоснованно и логично говорит о гражданско-правовой ответственности как о последствии нарушения субъективного гражданского права и (или) охраняемого законом элемента гражданского правопорядка (законного интереса в его сохранении)².

В большом юридическом словаре гражданско-правовая ответственность определена как вид юридической ответственности: установленные нормами гражданского права юридические последствия неисполнения или ненадлежащего исполнения лицом своих обязанностей, что связано с нарушением субъективных гражданских прав другого лица. Гражданская ответственность заключается в применении к правонарушителю (должнику) в интересах другого лица (кредитора) либо государства установленных законом или договором мер воздействия, влекущих для него отрицательные последствия имущественного характера – возмещение убытков, уплату неустойки (штрафа, пени), возмещение вреда³.

Говоря об ответственности по договору об ипотеке (залог недвижимого имущества), нельзя не сказать о данном институте. Надо отметить, что еще в римском праве существовали различные способы исполнения обязательства. Вместе с тем именно залог, а именно историческая его форма – ипотека – позволил заменить личную ответственность должника на имущественную ответственность. В современном понимании обеспечение залогом – это устанавливаемая в обеспечение основного обязательства акцессорное обязательство, которое служит дополнительной гарантией получения удовлетворения имущественных требований кредитора.

Поскольку в ипотечных правоотношениях различают отношения между кредитором и должником (основное обязательство) и отношения между залогодержателем и залогодателем (акцессорное обязательство), то,

1 Даниленко В.Н. Гражданско-правовая ответственность: проблемы понятия и содержания // Вестник СГУПС. Выпуск 18. С. 60–66.

2 Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В.А. Белова. М.: Издательство Юрайт, 2009. С. 867–869.

3 Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева. М.: Инфра-М, 2008.

соответственно, необходимо различать ответственность по основному и акцессорному обязательствам. В части 1 статья 50 ФЗ об ипотеке¹ устанавливается ответственность в виде обращения взыскания на имущество в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обеспеченного ипотекой обязательства, в частности, неуплатой или несвоевременной уплатой суммы долга полностью или в части, если договором не предусмотрено иное. Кроме того, в соответствии с частью 1 статьи 3 ФЗ об ипотеке, ипотека обеспечивает уплату залогодержателю сумм, причитающихся ему в возмещение убытков и / или в качестве неустойки (штрафа, пени) вследствие неисполнения, просрочки исполнения или иного ненадлежащего исполнения обеспеченного ипотекой обязательства (предусмотренные статьями 393, 395, 405 ГК РФ² нормы об ответственности за нарушение обязательства). При этом ответственность залогодателя наступает за действия (бездействия) третьего лица – должника, поскольку должник и залогодатель могут не совпадать в одном лице. В этом раскрывается суть залога как установление имущественной ответственности по обязательствам должника.

Ответственность кредитора наступает за совершение действий или бездействий, которые впоследствии могут стать причиной задержки погашения задолженности или иного исполнения основного обязательства. Такие нарушения являются условием признания вины кредитора и дают право должнику требовать возмещения причиненных убытков.

Об ответственности залогодержателя можно говорить лишь в рамках статьи 344 ГК РФ и только применительно к залого недвижимого имущества, при котором предмет залога был передан залогодержателю. В таком случае залогодержатель отвечает за полную или частичную утрату или повреждение переданного ему предмета залога. Но поскольку имущество, на которое установлена ипотека, остается у залогодателя в его владении и пользовании, то говорить об ответственности залогодержателя в ипотечных правоотношениях не приходится.

Ответственность залогодателя определяются пунктами 1 и 4 статьи 50 ФЗ об ипотеке. Здесь необходимо отметить следующее. Во-первых, последствия для залогодателя в виде обращения взыскания на предмет залога наступают за неисполнение или ненадлежащее исполнение обеспеченного обязательства. В том случае, если должник и залогодатель не совпадают в одном лице, то необходимо говорить, что имущественная ответственность залогодателя наступает без его вины. Во-вторых, правовые последствия

1 Федеральный закон от 16 июля 1998 г. № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)» // СЗ РФ от 20 июля 1998 г. № 29. Ст. 3400.

2 Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ Часть первая // Российская газета от 8 декабря 1994 г. № 238–239.

наступают за следующие действия (бездействия) залогодателя, а именно непредупреждение залогодержателя обо всех известных ему к моменту государственной регистрации договора правах третьих лиц на предмет ипотеки; при грубом нарушении залогодателем правил пользования заложенным имуществом, правил содержания или ремонта заложенного имущества; обязанности принимать меры по сохранению имущества, а также при нарушении обязанностей по страхованию заложенного имущества или при необоснованном отказе залогодержателю в проверке заложенного имущества; при отчуждении имущества, заложенного по договору об ипотеке. Совершение указанных действий (бездействий) залогодателем дают залогодержателю право требовать досрочного исполнения обязательства, а при неисполнении данного требования – обратиться взыскание на предмет залога. Ответственность залогодателя наступает за собственное действие (бездействие) и независимо от надлежащего либо ненадлежащего исполнения обеспечиваемого ипотекой обязательства. Нужно отметить, что при привлечении к ответственности в данном случае отсутствует такое основание юридической ответственности, как вред, поскольку указанные выше действия (бездействия) залогодателя не причиняют вред, а лишь могут стать причиной наступления имущественного вреда. Это позволяет говорить о том, что данная мера в виде отращения взыскания на предмет залога по существу является скорее способом охраны имущественных прав кредитора-залогодержателя с целью предупреждения их нарушения.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно прийти к выводам:

В науке гражданского права отсутствует единое понимание гражданско-правовой ответственности, вместе с тем преобладает понимание о гражданско-правовой ответственности как о форме государственного принуждения, применяемого с целью восстановления прав участников гражданского оборота.

Обращение взыскания на предмет залога являются мерой гражданско-правовой ответственности, применяемой в ипотечных правоотношениях за неисполнение и ненадлежащее исполнение основного обязательства должником и за действие (бездействие) залогодателя, независимо от надлежащего либо ненадлежащего исполнения обеспечиваемого ипотекой обязательства. В последнем случае обращение взыскания на предмет залога выступает способом охраны имущественных прав залогодержателя.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ Часть первая // Российская газета от 8 декабря 1994 г. № 238–239.
2. Федеральный закон от 16 июля 1998 г. № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)» // СЗ РФ от 20 июля 1998 г. № 29. Ст. 3400.

3. Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева. М.: Инфра-М., 2008. 858 с.
4. Брагинский М.И. Договорное право. Книга первая: Общие положения / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский. М.: Статут, 2005.
5. Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В.А. Белова. М.: Издательство Юрайт, 2009. С. 867–869.
6. Гражданское право: учеб. В 3-х т. Т. 1 / отв. ред. А.П. Сергеев, Ю.К. Толстой. М.: ТК Велби, Проспект, 2007. 784 с.
7. Даниленко В.Н. Гражданско-правовая ответственность: проблемы понятия и содержания // Вестник СГУПС. Выпуск 18.
8. Российское гражданское право: учебник; в 2 т. Т. 1: общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / отв. ред. Е.А. Суханов. М.: Статут, 2011. 958 с.

ПРОБЛЕМЫ НОРМАТИВНОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ САНКЦИЙ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССУАЛЬНОМ, ЭКОЛОГИЧЕСКОМ И ТРУДОВОМ ПРАВЕ

Андреева Т.С.,

секретарь судебного заседания Вахитовского районного суда г. Казани,
Долотина Р.Р.,
заведующий кафедрой гражданского процессуального права Казанского
филиала РГУП, к.ю.н., доцент

Актуальные вопросы судебной защиты отдельных социально-трудовых прав граждан

Рассматриваются ключевые моменты, которые необходимо учесть при обращении с иском о нарушении трудового права.

Ключевые слова: трудовые споры; защита трудовых прав; решение суда; суть спора; работник; работодатель; правовая позиция.

Andreeva T.S., Dolotina R.R.

Actual issues of judicial protection of certain social and labor rights of citizens

Key points that should be taken into account when dealing with a claim for a violated labor law are considered.

Keywords: labor disputes; protection of labor rights; court decision; essence of the dispute; employee; employer; legal position.

В соответствии со ст. 2 Конституции Российской Федерации человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита этих прав и свобод являются обязанностью государства.

В ст. 352 Трудового кодекса Российской Федерации каждому гарантируется право защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом.

В качестве основных способов защиты трудовых прав и свобод Трудовой кодекс Российской Федерации закрепляет следующие: самозащита работниками трудовых прав, защита трудовых прав и законных интересов работников профессиональными союзами, государственный контроль (надзор) за соблюдением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, судебная защита.

Одно из наиболее значимых мест в защите трудовых прав граждан и юридических лиц имеет судебная защита.

Трудовые споры разделены на определенные категории: о восстановлении на работе, о взыскании заработной платы, об обязанности заключить трудовой договор, об установлении факта трудовых отношений, о возмещении ущерба, причиненного при исполнении трудовых обязанностей и др.

В каждой категории трудовых споров скрывается огромное количество нюансов, которые необходимо учитывать, обращаясь в суд с иском о нарушении трудового права. К примеру, если гражданин заявляет о том, что он работал в организации, и хочет восстановиться на работе в связи с несправедливым увольнением, он должен предоставить доказательства того, что он действительно вступал в трудовые отношения. Это могут быть как официальные документы – трудовая книжка, трудовой договор или заявление о приеме на работу, так и свидетельские показания о допуске к работе. В противном случае суд не сможет установить трудовые отношения и восстановить гражданина на работе, как это сделал Санкт-Петербургский городской суд.

Суть спора, о котором идет речь, заключается в том, что гражданин обратился в суд с иском о признании факта трудовых отношений с работодателем и признании увольнения незаконным. Гражданин просил восстановить его на работе в прежней должности и внести соответствующие изменения в трудовую книжку. Основанием для этого должен был послужить тот факт, что гражданин работал в коммерческой организации докером на складе в морском порту. В один день без объяснения причин у него изъяли пропуск и не допустили к дальнейшей работе. При этом трудовой договор с гражданином заключен не был, приказ о приеме на работу не издавался, запись в трудовую книжку не вносилась.

Решением суда первой инстанции в удовлетворении заявленных требований гражданину было отказано. Санкт-Петербургский городской суд в апелляционном определении согласился с выводами судей и оставил решение суда первой инстанции без изменений.

Судьи указали, что из правовой позиции Конституционного Суда РФ, изложенной в определении от 19 мая 2009 года № 597-О-О, следует, что суды общей юрисдикции, разрешая споры об установлении факта трудовых отношений и признавая отношения, сложившиеся между работодателем и работником либо трудовыми, либо гражданско-правовыми, должны исходить не только из наличия (или отсутствия) тех или иных документов (гражданско-правовых договоров, штатного расписания и т.п.), но и устанавливать, имелись ли в действительности признаки трудовых отношений, указанные в статье 15 Трудового кодекса РФ и статье 56 Трудового кодекса РФ.

Этими нормами определено, что трудовые отношения – это отношения, основанные на соглашении между работником и работодателем о личном выполнении работником за плату трудовой функции. Это может быть работа по должности в соответствии со штатным расписанием, профессии, специальности с указанием квалификации или выполнение конкретного вида работы. При этом работник должен подчиняться правилам внутреннего трудового распорядка при обеспечении работодателем условий труда,

предусмотренных трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами и трудовым договором. Кроме того, трудовым договором является соглашение между работодателем и работником, в котором работодатель обязуется предоставить работнику работу по обусловленной трудовой функции, обеспечить условия труда, предусмотренные трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, своевременно и в полном размере выплачивать работнику заработную плату, а работник обязуется лично выполнять определенную этим соглашением трудовую функцию, соблюдать правила внутреннего трудового распорядка.

Как следует из правовой позиции Верховного Суда РФ, изложенной в постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 2 от 17 марта 2004 года, если трудовой договор не был оформлен надлежащим образом, однако работник приступил к работе с ведома или по поручению работодателя или его уполномоченного представителя, то трудовой договор считается заключенным. Однако в спорной ситуации дела истец не представил бесспорных доказательств выполнения своих трудовых обязанностей в качестве работника коммерческой организации с соблюдением правил трудового распорядка, определением круга должностных обязанностей и установлением размера заработной платы, режима труда и отдыха, работодателем.

Кроме того, если работник собирается установить факт своих трудовых отношений с работодателем и восстановится на работе, он должен помнить о сроке исковой давности. Если он обратится в суд позже, чем через месяц после увольнения без уважительных причин, суд не будет иметь оснований для восстановления срока исковой давности и откажет в удовлетворении исковых требований.

Работодателю, к примеру, важно помнить о том, что Конституционный Суд РФ признал соответствующей Конституции РФ норму статьи 396 Трудового кодекса РФ. В соответствии с этой нормой решение суда о восстановлении на работе незаконно уволенного работника или о восстановлении на прежней работе работника, незаконно переведенного на другую работу, подлежит немедленному исполнению. Работодатели несут ответственность за задержку исполнения таких судебных решений в виде выплаты работнику заработной платы за весь период задержки.

Рассмотрим пример, в котором гражданка РФ обратилась с жалобой в Конституционный Суд РФ. В этой жалобе она хотела оспорить конституционность статьи 396 Трудового кодекса РФ, которая предусматривает, что судебное решение о восстановлении на работе незаконно уволенного работника подлежит немедленному исполнению. При этом при задержке работодателем исполнения такого решения суда, принявший решение, должен вынести определение о выплате работнику среднего заработка или разницы в зарплате за все время задержки исполнения решения суда. Как

считает заявительница, данная норма по своему смыслу допускает немедленное исполнение судебного решения о восстановлении на работе незаконно уволенного работника без одновременной выплаты, начисленной ко дню его увольнения заработной платы и среднего заработка за период вынужденного прогула. Это нарушает право на свободу труда и не соответствует статье 19 Конституции РФ и статье 46 Конституции РФ.

Конституционный Суд РФ в определении от 22 января 2014 г. № 23-О не нашел оснований для принятия этой жалобы к рассмотрению. Судьи отметили, что, как следует из новелл статьи 210 ГПК РФ, которые имеют общепринятый характер, судебное решение приводится в исполнение только после вступления его в законную силу. Однако из этого правила предусмотрены исключения. В статье 211 ГПК РФ и статье 396 ТК РФ предусмотрено немедленное исполнение судебных решений о восстановлении на работе. Это направлено на защиту прав работников, нарушенных незаконным увольнением, а также на их скорейшее восстановление в прежнем статусе. Следовательно, оспариваемая норма не может рассматриваться как нарушающая конституционные права граждан¹.

Вопросы, касающиеся трудовых споров, всегда были и остаются по сегодняшний день актуальными. Это связано с тем, что большая часть граждан Российской Федерации состоит в трудовых отношениях, данные отношения являются основополагающими и весьма динамичными, так как материальная составляющая граждан формируется именно посредством трудовых отношений. Ввиду различных факторов права и свободы как работников, так и работодателей зачастую оказываются нарушенными, что подразумевает необходимость их защиты. Благодаря развитию хозяйственной жизни общества, появлению новых видов собственности, развиваются и трудовые отношения, которые не всегда складываются с учетом интересов обеих сторон. Кроме того, с переходом на рыночный путь развития экономики в нашей стране государство перестало быть единственным работодателем. В связи с этим встал насущный вопрос – обеспечение исполнения законодательства о труде и защиты прав как работников, так и работодателей. Государство посредством нормативных правовых актов осуществляет ряд функций в указанных отношениях, защищая более слабую сторону – работника и поддерживая более сильную, например, поддержка малого бизнеса с целью развития экономики страны, а в отношении трудовых отношений – увеличения рабочих мест.

1 <http://ppt.ru/> Дата обращения: 21.11.2017.

Аутлева Р.В.,

судья Арбитражного суда Республики Адыгея,
доцент кафедры гражданского и арбитражного процесса
Адыгейского государственного университета, к.ю.н.**Отдельные проблемы взыскания неустойки в арбитражном процессе**

Участники экономического оборота, вступая в правоотношения и заключая соответствующие договоры, пользуются предусмотренным действующим законодательством правом и повсеместно включают условия о неустойке. Однако зачастую ставить вопрос о применении этих условий к должнику, не исполнившему обязательства, приходится в судебном порядке. Очевидно, что суды при разрешении этого вопроса в каждом конкретном случае обязаны учитывать специфику правоотношений и характер охраняемого государством блага. В противном случае институт неустойки, выступающий гарантией исполнения обязательства по возмещению вреда, причиненного повреждением здоровья, может не достигать своей цели¹. При этом надо отметить, что именно судебная практика выявляет немало актуальных вопросов применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о неустойке, требующих анализа. В недавнем прошлом одним из обсуждаемых был вопрос уменьшения неустойки в судебном порядке.

В настоящее время интересной представляется проблематика применения рассматриваемых правовых норм при рассмотрении споров с участием бюджетных учреждений и органов государственной власти. Согласно ч. 4 ст. 34 Федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 № 44-ФЗ в контракт включается обязательное условие об ответственности заказчика и поставщика (подрядчика, исполнителя) за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств, предусмотренных контрактом. Таким образом, условие об ответственности сторон государственного или муниципального контракта является существенным – при его отсутствии контракт считается незаключенным².

1 Определение Конституционного Суда РФ от 10.01.2002 № 11-О «По жалобам граждан Бузулуцкой Антонида Михайловны, Егоровой Зинаиды Ивановны, Марченко Александра Владимировича, Мокрышева Владимира Андреевича, Педана Виктора Андреевича и Семенищева Ивана Тимофеевича на нарушение их конституционных прав статьей 333 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2002. № 4.

2 Джиоева Е.Г. Особенности гражданско-правовой ответственности сторон по государственному и муниципальному контракту // Российская юстиция. 2016. № 12. С. 5–8.

Остановимся на отдельных подходах судебной практики к разрешению споров о взыскании неустойки с должников, исполняющих свои обязательства за счет средств бюджета.

Достаточно часто встречаются споры о взыскании неустойки по договорам или государственным контрактам, распространяющим свое действие на отношения, возникшие до даты подписания соответствующего договора. Как должен поступить суд при оценке положений о неустойке в таком договоре, если заявлено требование о ее взыскании. Сразу отметим, что некоторое время назад в судебной практике можно было встретить прямо противоположные друг другу примеры разрешения таких требований. И, надо сказать, каждый подход получал развернутое обоснование в актах судов апелляционной инстанции. Так, например, в деле № А01-747/2016, суд апелляционной инстанции отклонил довод о том, что контракт был заключен 29.02.2016 и у ответчика не имелось законных оснований для оплаты счетов непосредственно за январь 2016 ввиду несостоятельности, и оставил в силе решение суда первой инстанции, взыскавшего неустойку за период, предшествующий дате подписания договора. Суд апелляционной инстанции подчеркнул, что согласно протоколу разногласий к государственному контракту стороны установили, что контракт вступает в силу с даты подписания его сторонами, распространяет свои действия на отношения, фактически возникшие с 01.01.2016 и действует по 31.05.2016. Договор вступает в силу и становится обязательным для сторон с момента его заключения. Стороны вправе установить, что условия заключенного ими договора применяются к их отношениям, возникшим до заключения договора (п. 1, 2 ст. 425 ГК РФ). Довод апелляционной жалобы о том, что ответчик, являющийся получателем бюджетных средств, не имел законного основания для распоряжения бюджетными средствами, апелляционным судом отклонен, т.к. наличие заключенного и неоспоренного контракта обязывает ответчика исполнять обязательства по оплате в соответствии с условиями контракта.

В то же время в деле № А01-991/2016 суд апелляционной инстанции сделал иной вывод, указав, что неустойка как форма гражданско-правовой ответственности за нарушение обязательств не может применяться в период, когда обязательство еще не возникло. В соответствии с пунктом 1 статьи 432 ГК РФ договор считается заключенным, если между сторонами, в требуемой в подлежащих случаях форме, достигнуто соглашение по всем существенным условиям договора. Существенными являются условия о предмете договора, условия, которые названы в законе или иных правовых актах как существенные или необходимые для договоров данного вида, а также все те условия, относительно которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение. Контракт был подписан сторонами 28.03.2016, следовательно, с этой даты считается заключенным.

Соответственно, обязанность ответчика по оплате потребленной энергии за периоды, предшествующие дню заключения договора, на которые стороны распространили действие договора, возникла только после заключения договора. Кроме того, по мнению суда апелляционной инстанции, к спорным правоотношениям подлежит применение нормы части 8 статьи 103 Закона о контрактной системе, в соответствии с которой контракты, информация о которых не включена в реестр контрактов, не подлежат оплате, за исключением договоров, заключенных в соответствии с пунктами 4, 5, 23, 42, 44 и 45, пунктом 46 (в части контрактов, заключаемых с физическими лицами) части 1 статьи 93 Закона о контрактной системе. Сам по себе факт распространения действия спорного договора на период с 01.01.2016 в силу выраженного в пункте 6.6 контракта соглашения сторон не означает, что обязанность сторон по исполнению условий контракта возникла ранее дня его заключения в силу следующего. Согласно пунктам 1, 2 статьи 425 ГК РФ договор вступает в силу и становится обязательным для сторон с момента его заключения, при этом стороны вправе установить, что условия заключенного ими договора применяются к их отношениям, возникшим до заключения договора, если иное не установлено законом или не вытекает из существа соответствующих отношений. В силу правовой позиции, выраженной в пункте 6 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 11.01.2002 № 66 «Обзор практики разрешения споров, связанных с арендой», достижение сторонами соглашения о применении к их отношениям, сложившимся до заключения договора, условий договора не означает, что непосредственная обязанность по их исполнению возникла у должника ранее заключения самого договора, ввиду чего отсутствуют основания для вывода о нарушении договорных обязательств в период существования фактических отношений, а соответственно, отсутствуют основания для взыскания договорной неустойки за период, предшествовавший заключению договора. Данные разъяснения носят общий характер, поскольку основаны на толковании норм первой части ГК РФ и не связаны со спецификой исключительно арендных правоотношений. В силу изложенного до дня заключения контракта обязательство по оплате тепловой энергии не возникло. Со дня его возникновения срок его исполнения определяется условиями контракта.

Однако, несмотря на логически выстроенные выводы, постановление апелляционной инстанции по делу № А01-991/2016 было отменено Арбитражным судом Северо-Кавказского округа. Суд кассационной инстанции поддержал решение суда первой инстанции и подчеркнул, что, распространив условия контракта от 28.03.2016 на период с 01.01.2016, стороны подтвердили наличие в спорный период договорных отношений.

Кроме того, определением Верховного Суда Российской Федерации от 30.01.2017 оставлено в силе решение от 05.02.2016 по делу № А27-

21020/2015, которым взыскана неустойка за период, предшествующий заключению договора. Тем самым, казалось бы, определена практика разрешения таких споров, подчеркнуто, что неустойка подлежит взысканию по спорам, где стороной выступает бюджетное учреждение или государственный орган.

Однако анализ судебных актов обнаруживает примеры, где делается вывод о недопустимости взыскания неустойки с бюджетополучателей ввиду отсутствия в их действиях по ненадлежащему исполнению обязательств по оплате вины. Так, например, постановлением Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 11.03.2017 по делу № А53-30980/2016, отменившем решение суда первой инстанции о взыскании законной неустойки, письма ответчика, содержащие сообщения истцу о том, что он не может взять на себя бюджетные обязательства при отсутствии бюджетных средств по целевой статье на оплату коммунальных услуг, указание на сообщение главному распорядителю средств федерального бюджета о сложившейся ситуации, а также на возможность заключения нового контракта и оплату за потребленную тепловую энергию после выделения дополнительного финансирования, положены в основу вывода об отсутствии вины ответчика в просрочке платежей по контракту. При таких обстоятельствах, по мнению апелляционного суда, отсутствуют основания для удовлетворения требований в части взыскания законной неустойки. С такими выводами трудно согласиться, ведь согласно правовой позиции ВАС РФ, изложенной в пункте 8 Постановления Пленума ВАС РФ от 22.06.2006 № 21, недофинансирование учреждения со стороны собственника его имущества само по себе не может служить обстоятельством, свидетельствующем об отсутствии вины учреждения, и, следовательно, основанием для освобождения его от ответственности по пункту 1 статьи 401 ГК РФ. Исходя из основополагающих принципов гражданского законодательства, установленных в статье 1 ГК РФ, признания равенства участников регулируемых гражданским законодательством правоотношений и обеспечения восстановления нарушенных прав, суд полагает, что кредитор, надлежащим образом исполнивший свое обязательство, вправе рассчитывать на компенсацию его имущественных потерь в результате ненадлежащего исполнения должником обязательства. Очевидно, что ни один из участников правоотношений не может находиться в преимущественном положении.

Еще одним вопросом, требующем внимания при рассмотрении споров о взыскании неустойки по государственным контрактам в связи с неисполнением бюджетополучателями обязательств по оплате оказанных услуг, является вопрос конкуренции общих норм, регламентирующих государственные закупки, и специальных норм, например, определяющим оплату коммунальных ресурсов.

Остановимся на выводах, сформулированных Верховным Судом Российской Федерации, поддержавшим суд первой инстанции и отменившим судебные акты Седьмого арбитражного апелляционного суда и Арбитражного суда Западно-Сибирского округа, в постановлении по делу № 304-ЭС16-17144. В соответствии со статьей 8 ГК РФ гражданские права и обязанности вытекают из договоров и иных сделок, из актов государственных органов и органов местного самоуправления, из судебного решения, в результате приобретения имущества по основаниям, допускаемым законом, вследствие неосновательного обогащения, иным основаниям, предусмотренным действующим законодательством. Согласно пункту 1 статьи 525 ГК РФ поставка товаров для государственных или муниципальных нужд осуществляется на основе государственного или муниципального контракта на поставку товаров для государственных или муниципальных нужд, а также заключаемых в соответствии с ним договоров поставки товаров для государственных или муниципальных нужд. К отношениям по поставке товаров для государственных или муниципальных нужд применяются правила о договоре поставки (статьи 506–522), если иное не предусмотрено правилами настоящего Кодекса. К отношениям по поставке товаров для государственных или муниципальных нужд в части, не урегулированной настоящим параграфом, применяются иные законы (пункт 2 статьи 525 ГК РФ). Согласно пункту 1 статьи 2 Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» законодательство Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд основывается на положениях Конституции Российской Федерации, Гражданского кодекса Российской Федерации, Бюджетного кодекса Российской Федерации и состоит из настоящего Федерального закона и других федеральных законов, регулирующих отношения, указанные в части 1 статьи 1 настоящего Федерального закона. Нормы права, содержащиеся в других федеральных законах и регулирующие указанные отношения, должны соответствовать настоящему Федеральному закону. В силу части 5 статьи 34 Закона о контрактной системе в случае просрочки исполнения заказчиком обязательств, предусмотренных контрактом, с него могут быть взысканы пени за каждый день просрочки в размере одной трехсотой действующей на дату уплаты пеней ставки рефинансирования Центрального банка Российской Федерации от неуплаченной в срок суммы. 5 декабря 2015 года вступил в силу Закон № 307-ФЗ, в соответствии с которым в Федеральный закон от 31.03.1999 № 69-ФЗ «О газоснабжении в Российской Федерации», Федеральный закон от 26.03.2003 № 35-ФЗ «Об электроэнергетике», Федеральный закон от 07.12.2011 № 416-ФЗ «О водоснабжении и водоотведении» и Закон о теплоснабжении внесены измене-

ния в части установления законной неустойки за просрочку исполнения потребителем обязательства по оплате потребленной энергии в размере одной стотридцатой ставки рефинансирования Центрального банка Российской Федерации, действующей на дату уплаты пеней, от невыплаченной в срок суммы. Действие положений Закона о теплоснабжении в редакции Закона № 307-ФЗ распространяется на отношения, возникшие из заключенных до дня вступления в силу настоящего Федерального закона договоров теплоснабжения (статья 8 Закона № 307-ФЗ). Исключение по размеру неустойки Законом № 307-ФЗ установлено лишь для отдельных групп потребителей (товариществ собственников жилья, жилищных, жилищно-строительных и иных специализированных кооперативов, созданных в целях удовлетворения потребностей граждан в жилье, управляющих организаций, приобретающих энергию для целей предоставления коммунальных услуг), с которых неустойка может быть взыскана в более низком размере – в размере одной трехсотой ставки рефинансирования Центрального банка Российской Федерации от неуплаченной в срок суммы. К их числу органы государственной власти и местного самоуправления, государственные и муниципальные предприятия и учреждения не отнесены. Положения Закона о газоснабжении, Закона об электроэнергетике, Закона о водоснабжении и водоотведении и Закона о теплоснабжении, в редакции Закона № 307-ФЗ, носят специальный характер по отношению к Закону о контрактной системе, поскольку последний устанавливает общие особенности участия органов государственной власти и местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений и предприятий в гражданско-правовых отношениях именно в целях повышения эффективности осуществления закупок, обеспечения гласности и прозрачности размещения заказов, добросовестной конкуренции, предотвращения коррупции и других злоупотреблений. Однако нормами Закона о контрактной системе специфика отношений в сфере энергоснабжения и конкретные особенности исполнения договоров в данной сфере не учитываются. Указанная позиция по применению законодательства отражена в Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2016), утвержденном Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 19.10.2016. Следовательно, при расчете неустойки, подлежащей взысканию по государственному (муниципальному) контракту, заключенному в целях удовлетворения государственных (муниципальных) нужд в энергоснабжении, следует руководствоваться положениями Закона о теплоснабжении в редакции Закона № 307-ФЗ. Таким образом, Верховным Судом Российской Федерации сформулирована правовая позиция о применении специальных норм, касающихся взыскания неустойки в противовес общим нормам законодательства о контрактной основе.

В заключение остановимся еще на одном постановлении Верховного Суда Российской Федерации, закрепившем правовые выводы, имеющие значение в рассматриваемой нами проблеме взыскания неустойки с бюджетных учреждений и государственных органов. В определении от 12.10.2017 по делу № 305-ЭС17-10359 Верховный Суд Российской Федерации еще раз обратил внимание на правовой подход, сформулированный в Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2016), утвержденном Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 06.07.2016 (раздел «Обязательственное право», вопрос № 2), согласно которому не может служить основанием для отказа в иске о взыскании суммы санкции за неисполнение или ненадлежащее исполнение денежного обязательства ее неправильная правовая квалификация истцом, обосновывающим свое требование пунктом 1 статьи 395 ГК РФ, в то время как законом или соглашением сторон на этот случай предусмотрена неустойка; в этом случае суд вправе взыскать проценты в пределах суммы неустойки, подлежащей взысканию в силу закона или договора. С учетом этих разъяснений, истец вправе требовать взыскания с ответчика – службы охраны, несвоевременно внесшей плату за услуги по содержанию и текущему ремонту общего имущества в многоквартирных домах, процентов в размере, не превышающем неустойку, установленную частью 14 статьи 155 ЖК РФ.

Подводя итог проведенному анализу актуальной судебной практики, отметим, что Верховный Суд Российской Федерации последовательно поддерживает правовые позиции, касающиеся необходимости надлежащего исполнения обязательств по оплате всеми субъектами экономических отношений и недопустимости преимущественного положения одной из сторон несмотря на источник финансирования ее деятельности, сформулированные ранее. Из рассмотренных правовых позиций следует, что неустойка как форма гражданско-правовой ответственности подлежит применению ко всем без исключения субъектам правоотношений, допустивших ненадлежащее исполнение обязательств. Это и характеризует уровень судебной защиты, который в свою очередь является основным показателем правового характера государства и демократичности общества¹.

1 Дзыбова С.Г., Парасюк Е.А. К вопросу о содержании института судебной защиты прав и свобод человека и гражданина в правовом государстве // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 10. С. 19.

Боронина И.Ю.,
директор ООО «КИФА»

О некоторых особенностях применения мер юридической ответственности за нарушение правового режима охранных зон населённых пунктов

В данной статье рассмотрена проблема нарушений экологического и земельного законодательства, в частности, нарушений требований в сфере оборота земель с особыми условиями использования территории и земель, находящихся в охранной зоне. Рассмотрены также острые проблемы в сфере нарушения прав собственников земельных участков, попавших в охранные зоны. Затронута проблема отсутствия процессуальных норм при наличии материальных, когда обязательные для исполнения требования существуют, а ответственность за их несоблюдение не прописана. Нет самостоятельных составов административных правонарушений, предусматривающих административную ответственность за нарушения правового режима ряда охранных зон линейных объектов. Эти и другие вопросы в данном контексте требуют немедленного решения.

Boronina I.Y.

About some features of application of legal responsibility measures for violation of a legal regime of settlements conservation zones

In this article, the problem of violations of the ecological and land legislation is considered. In particular, problems with violations of requirements in the sphere of land turnover with special conditions of use of the territory and the lands which are in the conservation zone. In addition, some acute problems in the sphere of violation of the rights of owners of the land plots, which got to conservation zones, are considered. The issue of lack of procedural rules is touched, in the presence of material when obligatory for execution requirements exist and responsibility for their non-compliance is not registered. There are no independent structures of the administrative offenses providing administrative responsibility for violations of a legal regime of a number of conservation zones of linear objects. These and other questions in this context require the immediate solution.

Особый интерес для автора представляют земли населенных пунктов, т.к. именно установление и нарушение границ охранных зон на землях данной категории несет наибольший ущерб как собственнику объекта охранной зоны, так и собственнику участка. Итак, существует несколько составляющих, включающих в себя наступление юридической ответственности за экологическое преступление в целом:

– противоправное действие или бездействие;

– вредный результат этого действия или бездействия, выразившийся в неблагоприятных последствиях: порча земель, загрязнение водных объектов, морской среды, атмосферы, уничтожение и повреждение лесов;

– наличие причинной связи между действиями и наступившим вредом (объективный элемент состава);

– вина нарушителя конкретных правовых норм (субъективный элемент состава).

Обязательно должна быть установлена причинно-следственная связь между совершенным деянием и наступившими вредными последствиями или возникновением угрозы причинения существенного вреда окружающей среде и здоровью людей.

В РФ предусмотрено несколько форм юридической ответственности за нарушение правового режима охранных зон населённых пунктов: дисциплинарная, административная, уголовная, гражданско-правовая (имущественная) ответственность.

Гражданско-правовая ответственность за нарушение правового режима охранных зон населённых пунктов

Речь идет о возмещении убытков пользователям природных ресурсов (собственникам, владельцам, арендаторам и др.) Предусмотрена ст. 15, 16, 329, 1064 и другими статьями ГК РФ. Например, в последнее время все чаще нарушаются права граждан, чьи земельные участки включаются в состав охранных зон, у собственников земельных участков, землепользователей, землевладельцев и арендаторов не изымаются, но в их границах может быть введен особый режим их использования, ограничивающий или запрещающий те виды деятельности, которые несовместимы с целями установления зон. Компенсации чаще всего составляют незначительные суммы, а то и вовсе не выплачиваются. Эта проблема требует серьезного подхода и поиска решений.

Дисциплинарная ответственность за нарушение правового режима охранных зон населённых пунктов

Применяется за совершенные дисциплинарные проступки при исполнении работниками экологического контроля и другими лицами своих трудовых обязанностей. Мерами взысканий могут быть: замечание, выговор, увольнение с работы (ст. 192 ТК). Различают общую и специальную дисциплинарную ответственность.

Административная ответственность за нарушение правового режима охранных зон населённых пунктов

Дисциплинарная и административная ответственность различаются: по характеру правонарушений, за которые наступает та или иная ответственность; по субъектам, имеющим право налагать взыскания; по кругу лиц, которые могут быть привлечены к ответственности, а также по видам применяемых к ним мер взыскания. За дисциплинарные проступки штраф

не налагается. Административная же ответственность может выражаться в форме штрафа.

Уголовная ответственность за нарушение правового режима охранных зон населённых пунктов

Уголовная ответственность наступает только за уголовно наказуемые действия или бездействие, которые предусмотрены УК РФ. Это статьи, имеющие непосредственное отношение к экологическим правонарушениям. Во-первых, преступления, приводящие к авариям, разрушениям, загрязнениям окружающей среды, эпидемиям и другим вредным для здоровья людей и окружающей среды последствиям. Характеризуются рядом нормативно-правовых актов, например ФЗ об охране окружающей среды, ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях», ФЗ «О радиационной безопасности населения» и т. д. Преступление характеризуется неосторожной или прямой (умышленной) виной по отношению к вредным последствиям. Уголовно наказуемое деяние и административный проступок отличаются обстоятельствами, характеризующими состав экологического правонарушения, последствий противоправного деяния, размера нанесенного вреда и причиненного ущерба.

При всем многообразии форм юридической ответственности на сегодняшний день нет самостоятельных составов административных правонарушений, предусматривающих административную ответственность за нарушения правового режима ряда охранных зон линейных объектов, например охранных зон объектов электросетевого хозяйства, охранных зон объектов по производству электрической энергии, охранных зон газопровода. Кроме того, особо остро стоит защита прав собственников земельных участков, на которых зарегистрировали охранную зону. Данные участки у собственников, землепользователей, землевладельцев и арендаторов не изымаются, однако в их границах вводится особый режим их использования, ограничивающий или запрещающий те виды деятельности, которые несовместимы с целями установления зон. В данном вопросе законодателю необходимо учесть интересы и права как собственников земельных участков, попавших в охранную зону, так и собственников самого объекта охраны.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «Об охране окружающей среды» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2017) // Собрание законодательства РФ. 14.01.2002. № 2.
2. Федеральный закон от 23 июня 2014 года № 171-ФЗ «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации».

3. Земельный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 25 октября 2001 года № 136-ФЗ. Белокрылова Е.А. Правовое обеспечение экологической безопасности, Ижевск, 2010.
4. Экологическое право: учебник / под ред. С.А. Боголюбова. Э40 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт; ИД Юрайт, 2011. 482 с. (Основы наук).
5. Комментарий к Градостроительному кодексу Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 190-ФЗ (постатейный) (отв. ред. Н.Н. Мельников) (Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2017).

Воробьев В.В.,

доцент кафедры гражданского права Приволжского филиала РГУП, к.ю.н.

Вопросы правового регулирования трудовых отношений в современной России

Статья посвящена проблемным вопросам правового регулирования трудовых отношений, которые затрудняют защиту прав и интересов работников и требуют скорейшего разрешения.

Ключевые слова: трудовое право; правовое регулирование; трудовые споры; вопросы применения законодательства.

Прошло более пятнадцати лет с момента, как Трудовой кодекс Российской Федерации вступил в законную силу. Этот достаточно продолжительный период позволил выявить ряд упущений и недостатков основного закона о труде, оставляя целый ряд проблемных вопросов трудового законодательства в целом. Так, Трудовой кодекс РФ содержит около пятидесяти отсылок к различным положениям, правилам и инструкциям, которые должны быть установлены, разработаны или определены Правительством Российской Федерации. К сожалению, до сих пор далеко не все положения нашли отражения в соответствующих нормативных актах. Так, до сих пор, не определен порядок, в котором профсоюзы (ст. 370 ТК РФ) должны принимать участие в разработке проектов подзаконных нормативных правовых актов, устанавливающих государственные нормативные требования охраны труда, а также согласовывать их. Этот порядок должен быть определен Правительством РФ. Также до настоящего времени нет четкости в вопросах установления размера районного коэффициента и порядка его применения для расчета заработной платы работников организаций, расположенных в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, которые также должны быть установлены Правительством Российской Федерации. На основании Закона РФ от 19.02.1993 № 4520-1 «О государственных гарантиях и компенсациях для лиц, работаю-

щих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях»¹ мы до сих пор не имеем четкого положения и вынуждены использовать различные иные подзаконные акты², что, конечно же, не добавляет ясности в решаемые вопросы.

Имеются и другие вопросы в сфере действия Трудового кодекса Российской Федерации. Так, пункт 3 части 1 статья 81 ТК РФ содержит такое основание для расторжения трудового договора, как «несоответствие работника занимаемой должности или выполняемой работе вследствие недостаточной квалификации, подтвержденной результатами аттестации». Часть вторая этой же статьи говорит: «Порядок проведения аттестации (пункт 3 части первой настоящей статьи) устанавливается трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права, локальными нормативными актами, принимаемыми с учетом мнения представительного органа работников». Но до сих пор нет единых требований проведения аттестации работников для коммерческих и иных частных организаций. Конечно, для отдельных категорий работников имеются положения. Так, Указом Президента РФ от 01.02.2005 № 110 определены правила проведения аттестации государственных гражданских служащих Российской Федерации³, также, например, приказом Минтранса России от 11.07.2012 № 231 были утверждены правила: о порядке и сроках проведения аттестации работников железнодорожного транспорта, производственная деятельность которых связана с движением поездов и маневровой работой на железнодорожных путях общего пользования, а также порядок формирования аттестационной комиссии⁴, но общих правил проведения аттестации, которые могли быть приняты с учетом мнения представительного органа работников и использованы в любой коммерческой организации, до сих пор нет.

Кстати, нет четкости и с понятием представительный орган работников. Когда в организации имеется профсоюз, этот вопрос обычно не стоит, но когда профсоюза нет, работодатель, как правило, принимает локальные акты, никого не спрашивая и ни с кем своего решения не согласовывая. А такие действия явно противоречат правилам принятия локальных норма-

1 См.: Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 16. Ст. 551.

2 См.: Информационное письмо Департамента по вопросам пенсионного обеспечения Минтруда РФ от 09.06.2003 № 1199-16, Департамента доходов населения и уровня жизни Минтруда РФ от 19.05.2003 № 670-9, ПФ РФ от 09.06.2003 № 25-23/5995 «О размерах районных коэффициентов, действующих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, для рабочих и служащих непромышленных отраслей, установленных в централизованном порядке» // Бюллетень Минтруда РФ. 2003. № 9.

3 См.: Собрание законодательства РФ. 2005. № 6. Ст. 437.

4 См.: Российская газета № 206 от 07.09.2012.

тивных актов, особенно там, где требуется учесть мнение представительного органа работников и приводит это к нарушению прав работников (например, при установлении ненормированного рабочего дня ст. 101 ТК РФ).

На практике не используется положение статьи 31 Трудового кодекса РФ, которая говорит: «В случаях, когда работники данного работодателя не объединены в какие-либо первичные профсоюзные организации или ни одна из имеющихся первичных профсоюзных организаций не объединяет более половины работников данного работодателя и не уполномочена в порядке, установленном настоящим Кодексом, представлять интересы всех работников в социальном партнерстве на локальном уровне, на общем собрании (конференции) работников для осуществления указанных полномочий тайным голосованием может быть избран из числа работников иной представитель (представительный орган).

Наличие иного представителя не может являться препятствием для осуществления первичными профсоюзными организациями своих полномочий», а статья 32 ТК РФ определяет, что «работодатель обязан создавать условия, обеспечивающие деятельность представителей работников, в соответствии с трудовым законодательством, коллективным договором, соглашениями».

Но все это не дает ответа на вопрос «Должен ли работодатель при принятии локальных нормативных актов, когда требуется согласовать решение с представительным органом работников, созвать работников на собрание и создать такой орган?», ведь он обязан принимать решение с учетом мнения такого органа и, кроме того, обязан создать условия для этого. Наше мнение: работодатель должен организовать общее собрание и создать такой орган, но однозначного ответа в Трудовом кодексе РФ нет.

Хромает в трудовом законодательстве Российской Федерации и понятийный аппарат. Хотя, надо отдать должное законодателю, в июне 2006 года Федеральным законом № 90-ФЗ многие вопросы были сняты. Например, появилось понятие «перевод на другую работу» и была определена категория «перемещение» (ст. 72.1 ТК РФ), отсутствие которых долгое время создавало немало проблем и позволило в настоящее время не только разграничить эти ситуации, а также провести четкое отличие перевода от изменения условий трудового договора, которое не должно затрагивать трудовую функцию работника.

Но вопросы тем не менее остались и даже появились новые. Так, на наш взгляд, неоправданно произошло смешение понятий «оплата труда» и «заработная плата» (ст. 129 ТК РФ), поскольку заработная плата – это категория, определяющая конкретное вознаграждение за труд работника в зависимости от различных условий, а оплата труда все-таки представляет собой («с учетом действующего закона – представляло раньше» – автор)

правоотношение по назначению (начислению) работнику заработной платы с учетом правил и нормативов, действующих в организации.

Остались в трудовом законодательстве и понятия, расшифровка которых вызывает споры в связи с отсутствием законодательного или иного официального толкования. Например, «аморальный проступок», за совершение которого пункт 8 части 1 статьи 81 ТК РФ предусматривает увольнение работника, осуществляющего воспитательные функции. Закон определяет, что это проступок не совместим с продолжением данной (т.е. воспитательной) работы, но нигде, ни в законодательстве об административной ответственности, где имеется такой состав, как «вовлечение несовершеннолетнего в употребление пива и напитков, изготавливаемых на его основе, спиртных напитков или одурманивающих веществ» (ст. 6.10 Кодекса РФ об административных правонарушениях), ни в различных кодексах чести и кодексах профессиональной этики, не дается понятие «аморальный проступок». Не дает разъяснения и Постановление Пленума Верховного суда РФ № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации»¹. Конечно, широко используют неофициальные виды толкования, говоря, что «аморальным считается проступок, противоречащий общепринятым нормам и правилам (появление в общественных местах в нетрезвом состоянии, нецензурная брань, драка, поведение, унижающее человеческое достоинство, и т. д.)»². Но каждый юрист понимает, что, когда речь идет о привлечении к юридической ответственности – в данном случае дисциплинарной в виде увольнения – неправомерно опираться на толкование, которое нельзя признать официальным.

Среди прочих вопросов, которые ставит трудовое законодательство РФ, хотелось бы отметить отсутствие четких правил и порядка перевода работника на работу в другую местность вместе с работодателем. Точнее сказать, когда работник дал письменное согласие и перевод состоялся, вопросов, как правило, не возникает, а вот когда работник еще не решил соглашаться или нет – то на вопрос «Сколько времени у него есть подумать и какие действия должен совершить работодатель?» ответа нет. Это приводит к ситуациям, когда предприятие уезжает, а работник остается или вообще без документов, или с трудовой книжкой без записи об увольнении³. Также в Трудовом кодексе РФ до сих пор нет ответа на другой вопрос: в течении какого времени и в каком порядке работники, отказавшиеся от продолжения работы в связи со сменой собственника имущества организации, изменения подведомственности либо реорганизации предприятия

1 См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. Июнь. 2004. № 6.

2 См.: Путеводитель по кадровым вопросам. Расторжение трудового договора. Подготовлен специалистами АО «КонсультантПлюс».

3 Консультация эксперта 2012. Правовая система «КонсультантПлюс».

(ст. 75 ТК РФ), должны быть уволены по пункту 6 часть 1 статьи 77 ТК РФ? Конечно, применяя аналогию закона и используя положения той же статьи 75 ТК РФ, вопрос об увольнении должен быть разрешен не позднее трех месяцев с момента регистрации права собственности, но возникает вопрос: «Может ли работник в качестве подтверждения своего отказа, при наличии письменного заявления, в тот же день прекратить работу? И вообще закон не определяет обязательного письменного заявления, может ли он заявить о своем отказе устно и прекратить выход на работу. Как должен поступить работодатель в данной ситуации? На этот вопрос законодатель также ответа не дает.

На наш взгляд, необоснованно и то, что законодатель при установлении понятия «трудовой договор» (ст. 56 ТК РФ) убрал указанное ранее в КЗоТе РСФСР понятие «контракт». Тем самым законодатель разорвал связь этих категорий, подчеркнул особую природу контракта, что позволило отдельным авторам тут же заявить, что контракт не несет в себе элементов трудовых отношений, а является административным актом. По мнению отдельных авторов, «государственное управление в административном праве рассматривается в широком смысле: не только как властная исполнительно-распорядительная деятельность государственных органов, но и как внутриорганизационная деятельность в аппаратах самих государственных органов. Следовательно, государственно-управленческие отношения подразделяются на внешние отношения, складывающиеся между государственными органами, а также их служащими и различными объектами, не входящими в систему исполнительной власти (гражданами, общественными объединениями, государственными и негосударственными организациями), и внутриаппаратные (внутриорганизационные, внутрисистемные) отношения, опосредующие формирование системы органов исполнительной власти, их взаимодействие между собой, организацию службы в государственных органах, формы и методы внутриаппаратной работы»¹. С этим категорически нельзя согласиться, т.к., основываясь на этом делении управленческих отношений, представители науки административного права подразделяют на две основные группы и отношения в сфере государственной службы. «В первую группу включаются отношения между государственными органами, государственными служащими и управляемыми ими внешними социальными объектами, во вторую – отношения по поводу организации и прохождения самой государственной службы, складывающиеся внутри государственного аппарата. В науке административного права эти отношения получили наименование соответ-

1 См.: например: Бахрах Д.Н. Административное право России: учеб. М., 2009. С. 18.

ственно «внешних» и «внутренних» служебных (государственно-служебных) отношений»¹.

Автором ранее уже отмечалось, что нельзя деятельность государственных служащих полностью отрывать от трудовых отношений, и не случайно статья 11 ТК РФ определяет, что трудовое законодательство распространяет свое действие на регулирование отношений государственных гражданских служащих и что необоснованно в статье 11 ТК РФ забыта государственная правоохранительная служба². Кроме того, мы наблюдаем, что на международном уровне понятия «трудовой договор» и «контракт» продолжают рассматривать совмещенно. Примером может служить Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 25.01.2012 № 4 «О Порядке проведения конкурса, заключения трудового договора (контракта), его продления и расторжения»³.

Примером отсутствия определенности в разъяснении отдельных понятий мы встречаем в Разделе V «Время Отдыха», где в статье 107 перечислены виды времени отдыха и среди прочих назван: «ежедневный (междусменный) отдых», а далее по тексту кодекса мы это понятие больше не встречаем. И, что неоправданно, в этом вопросе основополагающим остается Постановление СНК СССР от 24.09.1929 «О рабочем времени и времени отдыха в предприятиях и учреждениях, переходящих на непрерывную производственную неделю», в котором пункт 11 говорит, что «продолжительность ежедневного отдыха (между сменами и т. п.) работников предприятий и учреждений во всяком случае должна быть вместе со временем обеденного перерыва, не менее двойной продолжительности времени работы в предшествующий отдыху рабочий день (смену)»⁴, на базе которого в настоящее время существует большое количество ведомственных нормативных актов, правда не всегда сохранивших указанный норматив. Так, Приказом МПС РФ от 05.03.2004 № 7 «Об утверждении Положения об особенностях режима рабочего времени и времени отдыха, условий труда отдельных категорий работников железнодорожного транспорта, непосредственно связанных с движением поездов»⁵, установлено в абзаце 3 пункта 6, что «время непрерывного отдыха между сменами должно составлять не

1 См.: Гусев А.В. Внутренние и внешние отношения государственной гражданской службы // Российский юридический журнал. 2012. № 3. С. 65–74.

2 См.: Воробьев В.В. Вопросы применения трудового законодательства к служебно-трудовым отношениям в ОВД // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России № 2 (13). 2010. С. 150–154.

3 Официальный сайт Комиссии Таможенного союза <http://www.tsouz.ru/>

4 См. <http://legalacts.ru/doc/postanovlenie-snk-sssr-ot-24091929-red-ot> (дата обращения: 15 ноября 2017).

5 См.: Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти № 24 от 14.06.2004.

менее 12 часов...». Но, что интересно, это положение вместе со всем абзацем, Решением Верховного Суда РФ от 19.01.2006 № ГКПИ05-1506 было признано недействующим со дня вступления в законную силу решения суда, но Определением Верховного Суда РФ от 16.03.2006 № КАС06-57 из указанного решения исключено указание о признании недействующим абзаца 3 пункта 6 в части первого предложения¹. А это только подтверждает необходимость четкой регламентации вопроса междусменного отдыха.

Еще одним белым пятном трудового законодательства России является статья 373 ТК РФ, которая определяет возможность участия Государственной инспекции труда в разрешении споров об увольнении, в частности в статье сказано: «Государственная инспекция труда в течение десяти дней со дня получения жалобы (заявления) рассматривает вопрос об увольнении и в случае признания его незаконным выдает работодателю обязательное для исполнения предписание о восстановлении работника на работе с оплатой вынужденного прогула». При этом статья 382 ТК РФ не относит Государственную инспекцию труда к органам по разрешению индивидуальных трудовых споров, а Постановление Правительства РФ от 01.09.2012 № 875 «Об утверждении Положения о федеральном государственном надзоре за соблюдением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права»², предметом федерального государственного надзора в сфере труда выделяет «соблюдение работодателями в процессе осуществления ими своей деятельности требований трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, в том числе полноты и своевременности выплаты заработной платы, соблюдения государственных нормативных требований охраны труда, а также выполнение предписаний об устранении выявленных в ходе осуществления федерального государственного надзора в сфере труда нарушений и о проведении мероприятий по предотвращению нарушений обязательных требований и по защите трудовых прав работников» и не дает полномочий по решению вопросов о восстановлении на работе, хотя в ст. 83 ТК РФ мы тоже встречаем пункт 3 «восстановление на работе работника, ранее выполнявшего эту работу, по решению государственной инспекции труда или суда», что, конечно же, не добавляет ясности в данной сфере. На практике, Государственные инспектора переадресуют вопросы о восстановлении на работе в суд т.к. в большинстве ситуаций, как правило, имеет место спор и госорган не имеет в своих полномочиях права проводить разбирательство спора, а только может осуществлять контроль в области применения конкретных норм трудового законодательства. Отметим, что и ст. 193 ТК РФ устанавли-

вает: «Дисциплинарное взыскание может быть обжаловано работником в государственную инспекцию труда и (или) органы по рассмотрению индивидуальных трудовых споров», а одним из видов взыскания является увольнение.

Таким образом, требуется внесение дополнений в Трудовой кодекс, а также специальный закон и официальное расширение полномочий Государственной инспекции труда, которые разрешили бы данную коллизию права и тогда могла бы стать применима статья 383 ТК РФ, которая определяет, что «особенности рассмотрения индивидуальных трудовых споров отдельных категорий работников устанавливаются настоящим Кодексом и иными федеральными законами».

Конечно же, это далеко не все спорные вопросы трудового законодательства, но даже обозначенные проблемы показывают необходимость дальнейшего совершенствования трудового законодательства.

Список литературы:

1. Закона РФ от 19.02.1993 № 4520-1 «О государственных гарантиях и компенсациях для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 16. Ст. 551.
2. Указ Президента РФ от 01.02.2005 № 110 «Об утверждении правил проведения аттестации государственных гражданских служащих Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2005. № 6. Ст. 437.
3. Постановление Правительства РФ от 01.09.2012 № 875 «Об утверждении Положения о федеральном государственном надзоре за соблюдением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 37. Ст. 4995.
4. Постановление СНК СССР от 24.09.1929 «О рабочем времени и времени отдыха в предприятиях и учреждениях, переходящих на непрерывную производственную неделю» // <http://legalacts.ru/doc/postanovlenie-snk-sssr-ot-24091929-red-ot> (дата обращения: 15 ноября 2017).
5. Информационное письмо Департамента по вопросам пенсионного обеспечения Минтруда РФ от 09.06.2003 № 1199-16, Департамента доходов населения и уровня жизни Минтруда РФ от 19.05.2003 № 670-9, ПФ РФ от 09.06.2003 № 25-23/5995 «О размерах районных коэффициентов, действующих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, для рабочих и служащих непромышленных отраслей, установленных в централизованном порядке» // Бюллетень Минтруда РФ. 2003. № 9.

1 См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. Февраль, 2007. № 2.

2 Собрание законодательства РФ. 2012. № 37. Ст. 4995.

6. Приказ Минтранса России от 11.07.2012 № 231 «Об утверждении Порядка и сроков проведения аттестации работников железнодорожного транспорта, производственная деятельность которых связана с движением поездов и маневровой работой на железнодорожных путях общего пользования, а также порядок формирования аттестационной комиссии» // Российская газета. № 206 от 07.09.2012.
7. Приказ МПС РФ от 05.03.2004 № 7 «Об утверждении Положения об особенностях режима рабочего времени и времени отдыха, условий труда отдельных категорий работников железнодорожного транспорта, непосредственно связанных с движением поездов» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти № 24 от 14.06.2004.
8. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 17 марта 2004 № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» // Бюллетене Верховного Суда Российской Федерации. Июнь, 2004. № 6.
9. Определением Верховного Суда РФ от 16.03.2006 № КАС06-57 // Бюллетень Верховного Суда РФ. Февраль, 2007. № 2.
10. Бахрах Д.Н. Административное право России: учебник. М., 2009.
11. Воробьев В.В. Вопросы применения трудового законодательства к служебно-трудовым отношениям в ОВД // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России № 2 (13). 2010. С. 150-154.
12. Гусев А.В. Внутренние и внешние отношения государственной гражданской службы // Российский юридический журнал. 2012. № 3. С. 65-74.

Воронцова И.В.,

профессор кафедры гражданского процессуального права
Казанского филиала РГУП, д.ю.н., доцент

Проблемы ответственности должника в исполнительном производстве

В настоящей статье исследованы проблемы ответственности должника в условиях действия принятого Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации 17 ноября 2015 года № 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства». Дается анализ действующих норм, регулирующих данный вопрос, а также постановлений Конституционного

Суда РФ. В заключении упомянуты проекты федеральных законов, направленных на разрешение сложившейся ситуации.

Ключевые слова: должник; взыскатель; исполнительное производство; единственное жилье; взыскание; арест; запрет на совершение регистрационных действий.

Постановлением Пленума Верховного суда РФ от 17 ноября 2015 года № 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства»¹ разъясняется ряд вопросов, связанных с процедурами исполнения судебных решений. Один из пунктов является чрезмерно важным, так как затрагивает право собственности единственно пригодного для постоянного проживания жилья самого должника и членов его семьи.

Согласно п. 43 указанного постановления арест в качестве обеспечительной меры либо запрет на распоряжение могут быть установлены на перечисленное в абзацах втором и третьем части 1 статьи 446 ГПК РФ имущество, принадлежащее должнику-гражданину. Например, арест в качестве обеспечительной меры принадлежащего полностью или в части должнику-гражданину жилого помещения, являющегося единственно пригодным для постоянного проживания самого должника и членов его семьи, равно как и установление запрета на распоряжение этим имуществом, включая запрет на вселение и регистрацию иных лиц, сами по себе не могут быть признаны незаконными, если указанные меры приняты судебным приставом-исполнителем в целях воспрепятствования должнику распорядиться данным имуществом в ущерб интересам взыскателя.

Незаконные – значит не соответствует закону. Данное положение не согласовано со ст. 446 ГПК РФ. Согласно ч. 1 ст. 446 ГПК взыскание по исполнительным документам не может быть обращено на жилое помещение (его части), если для гражданина-должника и членов его семьи, совместно проживающих в принадлежащем помещении, оно является единственно пригодным для постоянного проживания помещением, за исключением отдельных случаев, указанных в той же статье. Несмотря на то, что речь в данной статье идет об обращении взыскания на данное имущество, тем не менее она всегда толковалась и правоприменителем и Конституционным судом однозначно: в данной статье перечислено имущество на которое нельзя ни накладывать арест ни устанавливая запрет совершения реги-

¹ Постановление Пленума Верховного суда РФ от 17 ноября 2015 года № 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 1.

страционных действий (постановления от 12 июля 2007 года № 10-П, от 14.05.2012 № 11-П; определения от 4 декабря 2003 года № 456-О¹ и др.).

Правовые позиции КС РФ сводятся к следующему:

Конституция Российской Федерации, провозглашая признание, соблюдение и защиту прав и свобод человека и гражданина обязанностью государства (статья 2), гарантирует каждому свободу экономической деятельности, право иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами, защите указанных прав и свобод, в том числе судебную защиту, реализуемую на основе равенства всех перед законом и судом (статья 8, статья 19, части 1 и 2; статья 35, части 1 и 2; статья 45, часть 1; статья 46, часть 1).

По смыслу статей 8 (часть 2), 35 (часть 1), 45 (часть 1), 71 (пункты «в», «д», «о») и 76 (часть 1) Конституции Российской Федерации, право собственности, включая основания и порядок его приобретения, перехода и утраты, а также объем и границы правомочий по владению, пользованию и распоряжению имуществом, регулируется федеральным законом. Содержание данного регулирования, как следует из статей 1, 2, 15 (часть 4), 17 (части 1 и 2), 18, 19, 34 (часть 1) и 35 (части 2 и 3) Конституции Российской Федерации, не может определяться федеральным законодателем произвольно: отношения собственности в Российской Федерации должны регламентироваться в соответствии с принципами правового государства, на основе юридического равенства и справедливости и исходя из того, что право собственности, равно как и все другие права и свободы человека и гражданина, признается и гарантируется в Российской Федерации согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией Российской Федерации.

Право собственности и иные имущественные права – в силу статей 7, 15 (часть 2), 17 (часть 3), 19 (части 1 и 2), 46 и 55 (части 1 и 3) Конституции Российской Федерации и исходя из общеправового принципа справедливости – подлежат защите на основе соразмерности и пропорциональности, с тем

1 Постановление Конституционного Суда РФ от 12.07.2007 № 10-П «По делу о проверке конституционности абзаца третьей части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В.В. Безменова и Н.В. Калабуна // Собрание законодательства. 23.07.2007. № 30. Ст. 3988; Постановление Конституционного Суда РФ от 12.07.2007 № 10-П «По делу о проверке конституционности положения абзаца второго части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Ф.Х. Гумеровой и Ю.А. Шикунова // Собрание Законодательства РФ. 21.05.2012. № 21. Ст. 2967; Определение Конституционного Суда РФ от 04.12.2003 № 456-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Октябрьского районного суда города Ижевска о проверке конституционности абзацев первого и второго пункта 1 статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации».

чтобы был обеспечен баланс прав и законных интересов всех участников гражданского оборота – собственников, кредиторов, должников; возможные ограничения федеральным законом прав владения, пользования и распоряжения имуществом, свободы предпринимательской деятельности и свободы договоров также должны отвечать требованиям справедливости, быть адекватными, пропорциональными, соразмерными, носить общий и абстрактный характер, не иметь обратной силы и не затрагивать существо данных конституционных прав, т.е. не ограничивать пределы и применение соответствующих конституционных норм; сама же возможность ограничений и их характер должны обуславливаться необходимостью защиты конституционно значимых ценностей, включая достойную жизнь и свободное развитие человека, обеспечение которых составляет обязанность государства, а также право каждого на жилище (статья 7; статья 40; статья 56, часть 3, Конституции Российской Федерации).

Выраженные в Конституции Российской Федерации общепризнанные принципы неприкосновенности собственности и свободы договора, предполагающие равенство, автономию воли и имущественную самостоятельность участников гражданско-правовых отношений, недопустимость произвольного вмешательства кого-либо в частные дела, обуславливают свободу владения, пользования и распоряжения имуществом, включая возможность отчуждать свое имущество в собственность другим лицам, передавать им, оставаясь собственником, права владения, пользования и распоряжения имуществом и вместе с тем необходимость соотношения принадлежащего лицу права собственности с правами и свободами других лиц. Это означает, в частности, что собственник вправе по своему усмотрению совершать в отношении принадлежащего ему имущества любые действия, если они не противоречат закону и иным правовым актам и не нарушают права и законные интересы других лиц; соответственно, предполагается и возможность исполнения собственником своих гражданско-правовых обязательств за счет принадлежащего ему имущества, в том числе относящегося к объектам недвижимости.

То, что произошло с принятым постановлением Пленума ВС РФ от 15.11.2017, – это появление квазисудебного права и нарушение всей иерархии источников права. Как постановление Пленума ВС РФ может противоречить ФЗ, постановлениям КС и даже Конституции РФ?

Нужно отметить также то, что в целом остается непонятным замысел Верховного Суда, когда он объясняет это целью воспрепятствования должнику распорядиться данным имуществом в ущерб интересам взыскателя. А какие есть способы распорядиться своим единственно пригодным для постоянного проживания жильем (которое не может быть взыскано) во вред взыскателю? Ответ однозначный: с этой целью никак. Но может быть другая цель, и такие случаи практике известны. Речь идет о том, что долж-

ник может иметь целью продать свое имущество, для того чтобы расплатиться с долгом и приобрести себе жилье меньшей площади. Но тут встречается непреодолимое препятствие: взыскатель в качестве подстраховки и дабы не утратить последнюю возможность не снимет арест, а должник соответственно не продаст. Должник остается с невыплаченным долгом, о котором постоянно думает, но сделать ничего не может, а взыскатель без возможности его взыскания. Взыскатель впоследствии будет ставить вопрос о пользовании чужими денежными средствами и обращаться за индексацией и таким образом увеличивать долг должника.

Тут можно также увидеть нарушение прав других лиц. Так, если речь идет о запрете совершения регистрационных действий, то, соответственно, в этой ситуации могут быть затронуты права несовершеннолетних детей, которым в соответствии с вложенным в строительство данного единственно пригодного для постоянного проживания жилья материнским капиталом должны быть выделены доли. Таким образом, арест или запрет на совершение регистрационных действий является препятствием в процедуре наделения долями детей. А это прямое нарушение федерального законодательства.

Кроме того, можно также представить себе и нарушение прав других проживающих совместно с должником лиц (родители, бабушки, дедушки и др.), которые хотят разделить имущество и разъехаться.

Также указанное разъяснение ВС РФ может спровоцировать и другие очевидные крайности в жизненных ситуациях. Например, гражданину Б. в рамках уголовного судопроизводства дали условный срок с дополнительным наказанием в виде возмещения ущерба, причиненного преступлением в установленный судом срок. Гражданин Б. всеми силами пытается в этот срок возместить этот ущерб. В связи с неимением иных средств, желанием осужденного является решить вопрос с обменом своего единственного, но возможно вполне просторного жилья. Однако препятствие в виде ареста или запрета совершить регистрационные действия непреодолимо. Остается одно совершенно безрассудное руководство разъяснениями ВС, которые, не оставляя в этом случае выбора осужденному, «отправляют» его исправляться в места лишения свободы. При этом в итоге ни одна из сторон не остается удовлетворенной.

Справедливости ради следует отметить, что эта проблема не остается незамеченной, однако и продуктивных результатов на сегодняшний день крайне мало. В комитете Государственной Думы по госстроительству и законодательству 24 октября 2017 года был отклонен законопроект об обращении взыскания на единственное жилье должника. Данная версия признана недоработанной и не учитывающей многие связанные с данной проблемой вопросы. Более актуальная версия готовится Правительством РФ. Согласно положениям данного проекта федерального закона будет

разрешено обращать взыскание на единственное жилье, если его площадь в два или более раза превышает норму, установленную в регионе. При реализации должнику будет выделена сумма для покупки нового в соответствии с нормой.

В данном случае должен быть разработан очень грамотный механизм, который позволит разрешить ситуацию таким образом, чтобы она учитывала интересы обеих сторон. В настоящее время данное разъяснение является неудовлетворительным и приводит к неблагоприятным последствиям участников (лиц, участвующих в деле) гражданских процессуальных правоотношений.

Список литературы:

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 12.07.2007 № 10-П «По делу о проверке конституционности положения абзаца второго части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Ф.Х. Гумеровой и Ю.А. Шикунова» // Собрание Законодательства РФ. 21.05.2012. № 21. Ст. 2967.
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 12.07.2007 № 10-П «По делу о проверке конституционности абзаца третьего части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В.В. Безменова и Н.В. Калабуна» // Собрание законодательства. 23.07.2007. № 30. Ст. 3988.
3. Определение Конституционного Суда РФ от 04.12.2003 № 456-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Октябрьского районного суда города Ижевска о проверке конституционности абзацев первого и второго пункта 1 статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации».
4. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 17 ноября 2015 года № 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 1.

Всеволодов С.А.,

судья Вахитовского районного суда г. Казани в отставке

Некоторые вопросы о санкциях к судьё

В настоящей работе рассмотрены проблемы, связанные с ответственностью судей и санкциями, применяемыми к ним. Проанализированы отдельные правовые нормы по этой тематике. На основе проведенного исследования автором предлагается совершенствование законода-

тельства об ответственности судей и гражданского процессуального законодательства.

Ключевые слова: статус судьи; дисциплинарные взыскания судей; предложения по совершенствованию законодательства.

Полагаем, что настоящая статья – лишь небольшая частичка в уточнении формулировки понятия «статус судьи» как научной категории, так и для уточнения законодательства. «Действующее законодательство о судебной власти не дает единого представления ни о системе судейских должностей, ни об объеме полномочий по каждой из судейских должностей. Порядок продвижения лиц, замещающих государственную должность судьи, по карьерной лестнице судейских должностей не регламентирован». Такую позицию выразил д.ю.н. Г.Т. Ермошин в своей диссертации «Статус судьи в Российской Федерации»¹. Согласимся с ней. Понятие «статус судьи» охватывает понятие об ответственности судьи за те или иные нарушения как права, так и морали. Относится ли суд и судья к субъектам процессуальной ответственности и возможно ли применение санкций к судье? Права и обязанности суда и судьи в процессе относительно хорошо описаны в российских процессуальных кодексах. Исходя из того, что в науке процессуального права суд давно признан обязательным субъектом процессуальных правоотношений, а все субъекты имеют очерченный процессуальным законом круг прав и обязанностей, поэтому, полагаем, ответственность судей должна быть зафиксирована и в процессуальных кодексах, и в законах, регулирующих наделение граждан статусом судьи, подтверждением этого статуса при новом назначении, при исполнении должностных обязанностей судьи и при отрешении от службы. Поэтому считаем, что суд и судья, осуществляющий отправление правосудия, относится к субъектам процессуальной ответственности. Если ответственность суда хоть как-то обозначена законом, то относительно ответственности судьи такого сказать нельзя, поэтому считаем, что и процессуальный, и материальный закон должны предусматривать возможные санкции к судье и суду и основания для их применения. В гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – ГПК РФ) прямого указания на санкции, которые могут применяться к суду и в частности к судье за допущенные им процессуальные правонарушения (например, за нарушение судье – правил принятия заявления при решении вопроса о подведомственности и/или подсудности дела; за нарушение сроков рассмотрения дела и изготовления решения в окончательной форме; за не опубликование решения в сети Интернет и т.п.) практически не приведено. Они зафиксированы лишь опосредованно,

1 Ермошин Г.Т. Статус судьи в Российской Федерации. М., 2016. С. 7 // http://www.rgup.ru/rimg/files/_ДИССЕРТАЦИЯ_Г.Т._ЕРМОШИН.pdf.

например, путем отмены состоявшегося судебного акта и принятия иного решения, возможности вынесения в адрес судьи частного определения судом вышестоящей инстанции. Полагаем, что при исследовании понятия «санкция» в отношении суда и судьи и возможности ее применения нельзя отождествлять понятия «суд» и «судья». Суд – это, прежде всего, орган государственной власти, а судья – лишь представитель этого органа, наделенный соответствующими полномочиями.

Поддержим мнение правоведов Г.И. Молева и Г.В. Молевой в высказанной ими в работе «Общетеоретические аспекты процессуальной ответственности»: «Несомненно, что ответственность за нарушение обязанностей службы для судей должна быть даже строже, чем для других лиц, ввиду особой важности, возложенной на них функции. Вместе с тем она должна быть организована по отношению к судьям таким образом, чтобы самостоятельность их действий в области отправления правосудия не потерпела ни малейших ограничений, иначе подвергнется испытанию судейское беспристрастие»¹.

Поэтому, считаем, следует признать, что не только суд, но и составляющие его судьи, занимающие должности действующих судей, должны относиться к субъектам процессуальной ответственности и к ним могут быть применены соответствующие персональные санкции.

Ответственность суда установлена, например, в Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации в статье 62, которая предусматривает такую санкцию для суда как возможность ускорения рассмотрения дела.

Считаем, что при ускорении рассмотрения дела и при взыскании компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок должны следовать персональные санкции к такому судье, которые следовало бы предусмотреть и в законе Российской Федерации от 26 июня 1992 года № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации»³ (далее – Закон № 3132), и в Федеральном законе от 30.04.2010 № 68-ФЗ (ред. от 19.12.2016) «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок»⁴ (далее – ФЗ № 68),

1 Молев Г.И., Молева Г.В. Общетеоретические аспекты процессуальной ответственности // Известия ПГПУ им В.Г. Белинского. 2012. № 28. С. 128–133 (С. 132).

2 Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 29.07.2017 с изм. и доп., вступ. в силу с 10.08.2017) // Российская газета. 20.11.2002. № 220.

3 Закон РФ от 26.06.1992 № 3132-1 (ред. от 28.12.2016) «О статусе судей в Российской Федерации» // Российская газета. 29.07.1992. № 170.

4 Федеральный закон от 30.04.2010 № 68-ФЗ (ред. от 19.12.2016) «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» // Российская газета. 04.05.2010. № 94.

например, возможность передачи на рассмотрение компетентной квалификационной коллегии судей персонального дела такого судьи для применения норм, предусмотренных статьёй 12.1 Закона № 3132.

Нормы о возмещении вреда, причиненного судом участникам процесса, т.е. об ответственности собственно суда как органа государственной власти, не зафиксировано в процессуальном законодательстве, а указывается в другом законодательстве, как, например, в Гражданском кодексе РФ¹ (статьи 1070, 1100), она развита известными Постановлениями Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. № 11-П² и от 16 июня 2009 г. № 9-П³. Полагаем, в процессуальные кодексы следовало бы включить указания на возможную материальную ответственность суда и судьи как должностного лица, представляющего суд, в частности, за подобное нарушение действующего процессуального законодательства. Такую норму можно было бы включить в статью 6 ГПК РФ и другие кодексы (УПК РФ, Ко РФ об АП, КАС РФ), где она была бы примером санкции для суда и судьи.

Но санкции, которые можно применить, относятся в целом к ответственности органа власти – суда. А о персональной ответственности судей говорится в законе № 3132 «О статусе судей в Российской Федерации», где в статье 12.1 указаны основания применения санкций к судье, которые могут быть за процессуальные и непроцессуальные нарушения: «1. За совершение дисциплинарного проступка, то есть виновного действия (бездействия) при исполнении служебных обязанностей либо во внеслужебной деятельности, в результате которого были нарушены положения настоящего Закона и (или) кодекса судейской этики, утверждаемого Всероссийским съездом судей, что повлекло умаление авторитета судебной власти и причинение ущерба репутации судьи, на судью, за исключением судьи Конституционного Суда Российской Федерации, может быть наложено дисциплинарное взыскание в виде:

1) замечания;

1 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 28.03.2017) // Собрание законодательства РФ. 29.01.1996. № 5. Ст. 410.

2 Постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2000 № 11-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова» // Российская газета. 04.07.2000. № 128.

3 Постановление Конституционного Суда РФ от 16.06.2009 № 9-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 24.5, 27.1, 27.3, 27.5 и 30.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, пункта 1 статьи 1070 и абзаца третьего статьи 1100 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 60 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан М.Ю. Карелина, В.К. Рогожкина и М.В. Филандрова» // Российская газета. 03.07.2009. № 121.

2) предупреждения;

3) досрочного прекращения полномочий судьи».

Сам по себе «ущерб репутации судьи» это уже санкция.

В статье 192 Трудового кодекса РФ¹ дается понятие «дисциплинарный проступок». Это «есть неисполнение или ненадлежащее исполнение работником по его вине возложенных на него трудовых обязанностей». Аналогично понятие «дисциплинарный проступок» трактуется в науке трудового права, так же и в административном, и уголовном праве. Обычно взыскание налагается всегда в порядке подчиненности работодателем.

Поскольку суд – это третья ветвь госвласти, а власть по Конституции РФ принадлежит народу, следовательно, народ является работодателем для судей. Однако для судей в качестве работодателя выступают органы государственной власти, представляющие народ России или ее субъекта – Президент РФ, Совет Федерации Федерального Собрания РФ или иные должностные лица и органы власти в субъектах РФ, оформляющие и назначающие граждан на соответствующую должность судьи. Служебные требования к судье прописаны в процессуальных кодексах и в указанных выше законах РФ. Полагаем, только законодательные требования к судье и его поведению следует относить к дисциплинарным предписаниям и запретам в его поведении на службе и в быту. По действующему законодательству не органы госвласти назначают взыскания судьям, а квалификационные коллегии в соответствии с подпунктом 8 пункта 2 статьи 17 и подпунктом 8 пункта 2 статьи 19 Федерального закона от 14.03.2002 № 30-ФЗ (ред. от 02.06.2016) «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации»² (далее – ФЗ № 30).

Поэтому, полагаем, из пункта 1 статьи 12.1 Закона № 3132 следует исключить слово «дисциплинарный».

Всероссийский съезд судей – это высший орган судейского сообщества, а квалификационная коллегия – это орган судейского сообщества, формируемый из судей, представителей общественности и Президента РФ в соответствии со статьями 3, 6, 11 ФЗ №30. Они в чистом виде не относятся к понятию «работодатель» для судей, значит и утвержденный Всероссийским съездом судей Кодекс судейской этики нельзя отнести в чистом виде к дисциплинарным требованиям, устанавливаемым «работодателем». Это корпоративное требование самих судей к самим себе.

1 Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2017) // Российская газета. 31.12.2001. № 256.

2 Федеральный закон от 14.03.2002 № 30-ФЗ (ред. от 02.06.2016) «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» // Российская газета. 19.03.2002. № 48.

Дисциплинарный проступок по общепризнанным трактовкам возможен только на службе и в связи со службой. В случае с судьей, наверное, трудно отнести к дисциплинарному проступку действие судьи вне исполнения им своих должностных обязанностей судьи. Но Кодекс судейской этики охватывает и дисциплину, и мораль, которыми должен руководствоваться судья не только на службе.

Полагаем, правоведа в статье 12.1 закона № 3132 увидели изъян – взыскания на судью могут быть наложены за совершение не дисциплинарного проступка.

Возникает вопрос: возможно ли исполнение судьей норм о дисциплине во внеслужбное время? Большая часть, полагаем, ответит, что это невозможно. Поведение судьи во внеслужбное время – это поведение в быту.

Поэтому следует разделить и уточнить основания для привлечения судей к ответственности за деяния, совершенные в служебное и во внеслужбное время, и развести их по отдельным частям статьи 12.1 или по различным абзацам части 1 статьи 12.1 Закона № 3132.

Имеющиеся в законе № 3132 взыскания для судей можно было бы дополнить другими взысканиями, которые предусмотрены действующим законодательством и применяются к государственным и военнослужащим, к лицам, замещающим государственные должности. Например:

2.1) предупреждение о неполном должностном соответствии.

Такое предупреждение о неполном должностном соответствии должно быть более строгим взысканием, нежели обычное предупреждение судье. И оно может налагаться на судью за просчеты в его профессиональной деятельности. А обычное предупреждение может налагаться за действия судьи во внеслужбное время и за поведение хотя и на службе, но не при исполнении процессуальной деятельности;

2.2) лишение присвоенного(ых) почетного(ых) звания(й) и/или ведомственной(ых) награды(наград).

Само название этого взыскания говорит само за себя и направлено на обращение внимания судьи на его дисциплину, и оно должно быть связано с его профессиональной деятельностью;

2.3) понижение в присвоенном судье квалификационном классе.

Это взыскание имеет целью снижение материального благосостояния судьи за совершенный им дисциплинарный проступок. Полагаем, что понижение в квалификационном классе не должно допускаться в класс, который не предназначен для судей суда соответствующего уровня.

Как ни странно, но эти меры дисциплинарного воздействия послужат в большей степени защите самих судей от применения к ним такой крайней санкции, как досрочное прекращение полномочий судьи, которая ныне широко применяется в судебной системе, если судить по публикациям в юридической прессе и на сайте Верховного Суда РФ.

Полагаем, что в Законе № 3132 в статье 12.1 в ее части 2 должно быть указание на возможность применения санкций (или взысканий) к судье за совершение им проступка, которое имело место при исполнении им служебных обязанностей при принятии решения по административному, гражданскому или уголовному делу, которые были признаны незаконными и послужили основанием для взыскания денежных средств с Российской Федерации в возмещение материального и/или морального вреда, что повлекло умаление авторитета судебной власти и причинению ущерба репутации судьи, что предусмотрено пунктом 1 статьи 12.1 Закона № 3132.

Из сообщений СМИ известно, что судьи не за нарушения процедуры принятия судебных решений, а из-за собственной «разговорчивости» как в ходе процесса, так и вне его, когда судьи нравочают участников процесса и когда эти речи судьи вызывают сомнения в объективности, справедливости и беспристрастности судьи, а значит, и суда. Тогда возникают проблемы у судей в квалификационных коллегиях, например, случай, описанный в Интернете в правовом издании «ПравоRU» в статье «Судье-воспитателю сделали замечание»¹ с судьей И.Щ. Пашуком. Но «разговорчивость» в ряде случаев не связана с неправильным поведением судьи, а вытекает из нормы закона, которая должна быть либо отменена, либо тщательнее прописана. Например, в части 1 статьи 193 ГПК ПФ говорится о том, что «после принятия и подписания решения суд ... объявляет решение суда. Затем председательствующий устно разъясняет содержание решения суда, порядок и срок его обжалования, а также объявляет о наличии особого мнения судьи и разъясняет лицам, участвующим в деле, право и срок ознакомления с особым мнением судьи».

Полагаем, в ряде случаев «разговорчивость» судей обусловлена этим указанием на необходимость разъяснения решения суда по окончании оглашения решения по делу. Полагаем, при наличии в ГПК РФ специальной нормы, предусматривающей право суда разъяснить свое решение (статья 202), где прописано, что «в случае неясности решения суда, принявший его, по заявлению лиц, участвующих в деле, судебного пристава-исполнителя вправе разъяснить решение суда, не изменяя его содержания». Поэтому из содержания ч. 1 ст. 193 ГПК следует исключить указание на возможность устного разъяснения содержания решения суда. Соответственно, тогда возможность применения санкции к судье за «разговорчивость» в процессе в отношении судьи будет более предметна и обоснована.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 28.03.2017) // Собрание законодательства РФ. 29.01.1996. № 5. Ст. 410.

¹ Меркулова С. Судье-воспитателю сделали замечание // <https://pravo.ru/story/view/105390>.

2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 29.07.2017 с изм. и доп., вступ. в силу с 10.08.2017) // Российская газета. 20.11.2002. № 220.
3. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2017) // Российская газета. 31.12.2001. № 256.
4. Закон РФ от 26.06.1992 № 3132-1 (ред. от 28.12.2016) «О статусе судей в Российской Федерации» // Российская газета. 29.07.1992. № 170.
5. Федеральный закон от 30.04.2010 № 68-ФЗ (ред. от 19.12.2016) «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» // Российская газета. 04.05.2010. № 94.
6. Федеральный закон от 14.03.2002 № 30-ФЗ (ред. от 02.06.2016) «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» // Российская газета. 19.03.2002. № 48.
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2000 № 11-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно - процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова» // Российская газета. 04.07.2000. № 128.
8. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.06.2009 № 9-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 24.5, 27.1, 27.3, 27.5 и 30.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, пункта 1 статьи 1070 и абзаца третьего статьи 1100 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 60 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан М.Ю. Карелина, В.К. Рогожкина и М.В. Филандрова» // Российская газета. 03.07.2009. № 121.
9. Ермошин Г.Т. Статус судьи в Российской Федерации. М., 2016. С. 7 // http://www.rgup.ru/rimg/files/_ДИССЕРТАЦИЯ_Г.Т._ЕРМОШИН.pdf.
10. Меркулова С. Судье-воспитателю сделали замечание // <https://pravo.ru/story/view/105390/>
11. Молев Г.И., Молева Г.В. Общетеоретические аспекты процессуальной ответственности // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. 2012. № 28. С. 128-133.

Гайфутдинова Р.З.,

доцент кафедры гражданского права и гражданского процесса
Набережночелнинского института (филиала) Казанского (Приволжского)
федерального университета, к.ю.н.

Особенности обращения взыскания на морские суда в исполнительном производстве

В статье рассмотрены отличительные особенности при обращении взыскания на морские суда по сравнению с другим недвижимым имуществом. Освещены вопросы о порядке ареста, залога и ипотеки морских судов.

Ключевые слова: обращение взыскания; исполнительное производство; морские суда; морской залог; арест морского судна.

Недвижимое имущество занимает особое место как в жизни, так и в обеспечении условий предпринимательской деятельности организаций и индивидуальных предпринимателей. Право частной собственности охраняется законом (п. 1 ст. 35 Конституции РФ). Никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда (п. 3 ст. 35 Конституции РФ), поэтому при обращении взыскания на недвижимое имущество законом «Об исполнительном производстве», а также Гражданским кодексом РФ (ГК РФ) и иными нормативно-правовыми актами наряду с общепринятыми предусмотрены и особые правила.

При обращении взыскания необходимо учитывать особенности классификации вещей в гражданском праве. Прежде всего это движимое и недвижимое имущество. К недвижимым вещам, согласно п. 1 ст. 130 ГК РФ, относятся земельные участки, участки недр и все, что прочно связано с землей, то есть объекты, перемещение которых без несоразмерного ущерба их назначению невозможно, в том числе здания, сооружения, объекты незавершенного строительства. К недвижимым вещам относятся также подлежащие государственной регистрации воздушные и морские суда, суда внутреннего плавания. Законом к недвижимым вещам может быть отнесено и иное имущество.

Из данного определения видно, что все недвижимые объекты подразделяются на две группы: объекты, являющиеся недвижимостью по своей природе, и объекты, отнесенные к недвижимости по закону. К недвижимости по закону относятся воздушные и морские суда, суда внутреннего плавания, несмотря на то, что данные объекты являются движимыми по природе. Они отнесены к недвижимости как по причине высокой стоимости и необходимости регулирования их оборота, так и потому, что

они являются движущимися участками территории, находящимися под юрисдикцией РФ¹.

Особенностью объектов, отнесенных к недвижимости по закону, является и тот факт, что государственная регистрация подобных недвижимых вещей осуществляется по особым правилам, закрепленным, как правило, в отдельных подзаконных нормативно-правовых актах, кодексах и транспортных уставах. Особый порядок государственной регистрации права в данном случае объясняют тем фактом, что «у такого рода объектов отсутствуют объективно присущие недвижимым объектам признаки, и государственная регистрация, таким образом, становится конститутивным признаком»². Таким образом, посредством государственной регистрации права законодатель распространил правовой режим, установленный для недвижимости, на соответствующие виды движимого по природе имущества³.

Согласно ФЗ от 02.10.2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» обращение взыскания в целом на имущество должника представляет собой «изъятие имущества и (или) его принудительную реализацию либо передачу взыскателю»⁴.

В силу своего предназначения морские суда активно перемещаются, в том числе пересекая границу РФ, что обуславливает наличие отличительных особенностей обращения взыскания на указанные объекты по сравнению с другим недвижимым имуществом. Таким образом, особую значимость здесь имеют нормы международного права. Согласно ст. 1207 ГК РФ на воздушные суда, морские суда, суда внутреннего плавания, космические объекты, подлежащие государственной регистрации, право собственности и иные вещные права определяются по праву страны, где эти суда и объекты зарегистрированы. В арбитражный суд по месту их государственной регистрации предъявляются иски о правах на морские и воздушные суда, суда внутреннего плавания, космические объекты согласно ч. 2 ст. 38 АПК РФ.

Кодекс торгового мореплавания РФ (КТМ РФ) определяет судно как самоходное или несамоходное плавучее сооружение, используемое для

1 Гайфутдинова Р.З. Исполнительное производство: обращение взыскания на недвижимое имущество. М.: Издательство: Статут, 2016. 158 с. ISBN: 5835413025 ISBN-13(EAN): 9785835413027.

2 Захарова А.Е. Понятие недвижимости по российскому гражданскому праву // Объекты гражданского оборота: сборник статей / отв. ред. М.А. Рожкова. М., 2007. С. 395-418.

3 Постатейный комментарий к Федеральному закону «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» // Под ред. П.В. Крашенинникова. М., 2001. С. 51.

4 Об исполнительном производстве: федер. закон от 02.10.2007 г. № 229-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 41. Ст. 4849.

перевозки и иных целей. Ст. 12 КТМ РФ определяет, что суда могут находиться в собственности граждан и юридических лиц, в собственности РФ и субъектов РФ, а также в собственности муниципальных образований. Морские суда с ядерными энергетическими установками могут находиться в собственности только РФ. Таким образом, не любой субъект права может быть собственником морского судна. Собственник судна вправе по своему усмотрению совершать в отношении судна любые действия, не противоречащие закону и другим НПА РФ и не нарушающие права и интересы других лиц, в том числе отчуждать судно в собственность другим лицам, передавать им, оставаясь собственником права владения, пользования и распоряжения судном, устанавливая ипотеку судна и обременять его другими способами, а также распоряжаться им иным образом (ст. 13 КТМ РФ). В соответствии с п. 1 ст. 14 КТМ РФ собственник судна вправе передать его доверительному управляющему по договору доверительного управления судном на срок, не превышающий 5 лет для осуществления управления судном за вознаграждение в интересах собственника, за исключением тех судов, которые находятся в хозяйственном ведении или оперативном управлении и которые не могут быть переданы в доверительное управление. Такая передача судна подлежит обязательной государственной регистрации в государственном судовом реестре или судовой книге.

Каждое морское судно обладает определенной национальностью, которая состоит в исключительной юрисдикции государства, флаг которого несет судно в открытом море. Таким образом, под национальностью судна понимается его принадлежность к определенному государству, которая удостоверяется регистрацией судна. При этом судну выдаются соответствующие документы, которые дают ему право плавать под этим флагом. Соответственно, судно должно подчиняться законам того государства, флаг которого указан.

Особый порядок установлен для ареста судна. На международном уровне арест морских судов по предъявленным морским требованиям регулируется Международной конвенцией от 10.05.1952 г. об унификации некоторых правил, касающихся ареста морских судов. Статья 6 данной Конвенции гласит, что правила процедуры, касающейся ареста судна, подачи заявления для получения решения, на основании которого судно может быть арестовано, а также все процессуальные вопросы, возникающие в связи с арестом, регулируются законом Договаривающегося Государства, в котором арест был наложен или сделано заявление о наложении ареста¹.

1 Гайфутдинова Р.З. Исполнительное производство: обращение взыскания на недвижимое имущество. М.: Издательство: Статут, 2016. 158 с. ISBN: 5835413025 ISBN-13(EAN): 9785835413027.

Арестом судна согласно п. 1 ст. 388 КТМ РФ является любое задержание или ограничение в передвижении судна во время нахождения его в пределах юрисдикции РФ, осуществляемые на основании постановления суда, арбитражного суда или уполномоченного законом налагать арест третейского суда по морским делам для обеспечения морского требования (определено в ст. 389 КТМ РФ), за исключением задержания судна, осуществляемого для приведения в исполнение решения суда, арбитражного суда или третейского суда, вступившего в законную силу.

Согласно п. 2 ст. 388 КТМ РФ арест судна возможен только по морскому требованию. И даже если морское требование, по которому наложен арест на судно, подлежит рассмотрению в суде или арбитраже другого государства в соответствии с юрисдикционной оговоркой или арбитражной оговоркой, предусмотренными соответствующим договором или иным образом, судно может быть арестовано для получения обеспечения.

Арест морского судна ставится в прямую зависимость от наличия морского требования, которое связано либо напрямую с самим судном, его эксплуатацией, либо с зарегистрированной ипотекой судна или зарегистрированным обременением судна того же характера.

Судно освобождается от ареста только на основании постановления суда, арбитражного суда или указанного выше третейского суда при предоставлении достаточного обеспечения в приемлемой форме.

Особенностью в части обременения морского судна является возможность морского залога, возникающего в силу закона. Помимо КТМ РФ морской залог и ипотека судов регламентированы Международной конвенцией о морских залогах и ипотечках.

Согласно ст. 368 КТМ РФ преимущественному удовлетворению перед требованиями, вытекающими из обязательств, обеспеченных зарегистрированной ипотекой судна, подлежат требования, обеспеченные морским залогом на судно в соответствии с п. 1 ст. 67 КТМ РФ. При этом преимущественному удовлетворению перед указанными требованиями, обеспеченными морским залогом на судно, подлежат требования, связанные с принудительной продажей севшего на мель или затонувшего судна, подъем которого осуществляется администрацией морских портов в целях обеспечения безопасности мореплавания или защиты от загрязнения морской среды (п. 3 ст. 386 КТМ РФ)¹.

Требования, которые обеспечиваются морским залогом на судно, указаны в ст. 367 КТМ РФ и все они напрямую связаны с эксплуатацией судна. Перечень этих требований почти полностью совпадает с перечнем из ст. 4

Международной конвенции о морских залогах и ипотечках, за исключением того, что в отличие от указанной Конвенции согласно подп. 5 п. 1 ст. 367 КТМ РФ речь идет о реальном ущербе, причиненном при эксплуатации судна в результате утраты или повреждения иного имущества, чем перевозимые на судне грузы, контейнеры и вещи пассажиров.

Особенностью морского залога судна является то, что он, за исключением принудительной продажи судна, продолжает обременять судно независимо от перехода права собственности на судно, изменения его регистрации или смены флага судна (ст. 370 КТМ РФ). Таким образом, при принудительной продаже морского судна морской залог на него прекращается.

В отношении морского судна также возможна его ипотека, которая устанавливается в целях обеспечения денежного обязательства договором собственника судна или строящегося судна (залогодателя) и кредитора (залогодержателя). Регистрация такой ипотеки производится в соответствии со ст. 376, 377 КТМ РФ (п. 1 ст. 374 КТМ РФ). При рассмотрении споров, связанных с ипотекой судов, суды руководствуются в том числе нормами ГК РФ и Закона об ипотеке (ссылаясь на подп. 5 п. 1 ст. 5 последнего). Таким образом, при обращении взыскания на заложенные морские суда действует порядок обращения взыскания на заложенное недвижимое имущество, регламентированный ГК РФ и Законом об ипотеке, но с учетом следующих специальных норм.

Преимущественно перед требованиями, обеспеченными ипотекой строящегося судна, удовлетворяются только требования, вытекающие из права удержания судостроительной или судоремонтной организации, указанные в п. 4 ст. 386 КТМ РФ.

В случае если две или более ипотек зарегистрированы на одно и то же судно или строящееся судно, очередность удовлетворения требований, вытекающих из обязательств, обеспеченных ипотекой, между собой определяется датой их регистрации, т. е. ипотека, зарегистрированная ранее, имеет приоритет перед ипотекой, зарегистрированной позднее. Соответственно, ипотеки, зарегистрированные в один день, имеют одинаковую силу. Указанная очередность может быть изменена соглашением залогодателя и залогодержателя, которое подлежит регистрации в Государственном судовом реестре, Российском международном реестре судов, реестре маломерных судов или реестре строящихся судов.

Органом регистрации невозможно исключение судна из Государственного судового реестра, Российского международного реестра судов или реестра маломерных судов либо права собственности на строящееся судно из реестра строящихся судов, если только все зарегистрированные ипотеки судна или строящегося судна предварительно не удовлетворены либо не получено в письменной форме согласие всех залогодержателей. Данное правило не распространяется на случаи принудительной продажи

1 Гайфутдинова Р.З. Исполнительное производство: обращение взыскания на недвижимое имущество. М.: Издательство: Статут, 2016. 158 с. ISBN: 5835413025 ISBN-13(EAN): 9785835413027.

судна или строящегося судна в соответствии со ст. 385, 386 КТМ РФ. В случае если такое исключение обязательно, за исключением случаев добровольной продажи, орган государственной регистрации судна должен направить залогодержателям уведомление о предстоящем исключении судна или права собственности на строящееся судно из соответствующих реестров для принятия залогодержателями надлежащих мер по защите своих интересов.

Согласно п. 5 ст. 386 КТМ РФ в случае принудительной продажи судна или строящегося судна компетентный орган по просьбе покупателя выдает документ, удостоверяющий, что продано судно или строящееся судно, не обремененные никакими ипотеками (за исключением тех, которые приняты на себя покупателем с согласия залогодержателей). Органы, осуществившие регистрацию ипотеки судна или строящегося судна, обязаны исключить из соответствующего реестра судов или реестра строящихся судов все зарегистрированные на судно или строящееся судно ипотеки (за исключением тех, которые приняты на себя покупателем) при представлении вышеуказанного документа.

Таким образом, отличительной особенностью при обращении взыскания на морские суда по сравнению с другим недвижимым имуществом является то, что в силу своего предназначения указанные объекты активно перемещаются, в том числе пересекая границу Российской Федерации. Арест морского судна ставится в прямую зависимость от наличия морского требования, которое либо напрямую связано с самим судном, его эксплуатацией, либо с зарегистрированной ипотекой судна или зарегистрированным обременением судна того же характера.

Список источников:

1. Гайфутдинова Р.З. Исполнительное производство: обращение взыскания на недвижимое имущество. М.: Издательство: Статут, 2016. 158 с. ISBN: 5835413025 ISBN-13(EAN): 9785835413027.
2. Захарова А.Е. Понятие недвижимости по российскому гражданскому праву // Объекты гражданского оборота: сборник статей / отв. ред. М.А. Рожкова. М., 2007. С. 395–418.
3. Постатейный комментарий к Федеральному закону «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» // Под ред. П.В. Крашенинникова. М., 2001. С. 51.
4. Об исполнительном производстве: федер. закон от 02.10.2007 г. № 229-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 41. Ст. 4849.

Демидов Н.В.,

доцент кафедры трудового права и права социального обеспечения НИ Томского государственного университета, кафедры теории права ТУСУР, доцент кафедры гражданского права Западно-Сибирского филиала РГУП, к.ю.н., доцент

Дисциплинарное увольнение по трудовому праву 1990-х гг.

Последние десятилетия существования советского государства характеризовались нарастающей неэффективностью общественной организации труда. Апелляция к нематериальным стимулам, уравнильное распределение благ между работниками, сверхцентрализация нормативного регулирования социально-трудовых отношений вызывали все более деструктивные последствия.

В 1990 г. С.А. Иванов дал категорическую характеристику отрасли советского трудового права: «В настоящее время советское трудовое право находится в состоянии кризиса. Оно не справляется со своими задачами, сформулированными в Основах законодательства Союза ССРСР и союзных республик о труде»¹.

Сложности реализации позднесоветского законодательства о труде были вызваны, прежде всего, системным характером кризиса в народном хозяйстве. Неслучайно меры, предпринимавшиеся в это время в целях повышения эффективности регламентации общественного производства, часто лишь усугубляли ситуацию. Таковы введение денежного штрафа за прогул, выделение в качестве самостоятельного основания увольнения появление на работе в нетрезвом состоянии, норма о предварительном характере согласия профсоюза на высвобождение работника, закрепление специального основания увольнения совместителя.

По представлениям большинства трудовиков, прежде всего, требовалось усиление частноправовых начал, предоставление большей свободы работнику и работодателю. Следовало расширить цивилистические начала, уйти от административистской парадигмы, довлевшей над советским трудовым правом. При этом надлежало найти оптимальный баланс интересов сторон трудового договора, избежать несправедливого доминирования работодателя в силу его экономического превосходства.

Принципиальным шагом в новой трудовой политике стало принятие федерального закона от 25.09.1992 г. № 3543-1 «О внесении изменений и дополнений в Кодекс законов о труде РСФСР»². Новая редакция КЗоТ

1 Иванов С.А. Кризис советского трудового права // Советское государство и право. 1990. № 7. С. 39–40.

2 Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 14. Ст. 712.

была нацелена на демократизацию трудовых отношений, устранение накопленных в советский период недочетов.

Либеральная монетаристская модель перехода к рынку ориентировалась на ослабление государственного вмешательства в экономику. Этот подход распространился и на отношения увольнения по инициативе работодателя. Так, отменялось право работодателя уволить работника в связи с направлением по постановлению суда в лечебно-трудовой профилакторий (п. 4 ст. 254 КЗоТ РСФСР 1971 г.). Устанавливалось, что в большинстве случаев увольнение может производиться без согласия профсоюза, вопреки прежней ст. 35 КЗоТ РСФСР. С 1992 г. согласование требовалось только в случае увольнения невиновного работника.

Технически несовершенным являлось сочетание в одной правовой норме категорий «нетрезвое состояние» и «состояние опьянения», также преодоленное лишь в 2001 г.

В условиях обновления экономического уклада возник очевидный пробел в регламентации расторжения трудового договора за хищение, совершенное по месту работы. В стране с многообразием форм собственности работодатель не имел возможности прекратить трудовое отношение с работником, совершившим хищение частного имущества на производстве. Необходимость обеспечить дисциплину труда и обычный здравый смысл вынуждали работодателей применять данную норму к работникам негосударственных организаций. Суд, исходя из буквального толкования закона, признавал такие действия противоправными.

Юристы-практики периода 1990 гг. подчеркивали, что «в результате не продуманных действий законодателей на предприятиях с частной формой собственности работник-расхититель чувствует свою полную безнаказанность, а работодатель не только бессилён в защите своих интересов, но и не может навести элементарный порядок в трудовом коллективе»¹.

Под влиянием научной критики претерпели изменения специальные основания увольнения. Так, по советскому трудовому праву допускалось высвобождение лица с особым трудовым статусом за однократное грубое нарушение трудовых обязанностей. Проступок не закреплялся в законе, его квалификация как грубого носила оценочный характер. Категории работников указывались в подзаконном акте, приложении № 1 к Положению о порядке рассмотрения трудовых споров². Отныне по данному основанию могли быть уволены лишь руководитель предприятия, учре-

1 Петров И., Воронова Н. Театр абсурда или неадекватность законодателей? // Человек и труд, 1999. № 4. С. 53.

2 Указ Президиума Верховного Совета СССР от 20.05.1974 г. «Об утверждении положения о порядке рассмотрения трудовых споров» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1974. № 31. Ст. 469.

ждения, организации (филиала, представительства, отделения и другого обособленного подразделения) и его заместители.

Основным мотивом изменений стали потребности работодателя в повышении производительности труда, в эффективном распоряжении наемной рабочей силой. Другим фактором вводимых новелл стал негативный опыт, накопленный в позднем советском трудовом праве. В то же время советский институт высвобождения работника по инициативе работодателя сохранил свою конструкцию и лишь уточнялся и дополнялся в 1990-е годы.

Список литературы:

1. Иванов С.А. Кризис советского трудового права // Советское государство и право. 1990. № 7. С. 39–47.
2. Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 14. Ст. 712.
3. Петров И., Воронова Н. Театр абсурда или неадекватность законодателей? // Человек и труд, 1999. № 4. С. 53.

Дыжова А.А.,

профессор кафедры правовых дисциплин Могилевского института Министерства внутренних дел Республики Беларусь, к.с.-х.н., доцент

Особенности применения санкций

в природоресурсном законодательстве Республики Беларусь

В статье дается характеристика основных особенностей применения санкций, применяемых к нарушителям законодательства в области охраны окружающей среды и природопользования. Дается статистический анализ санкций, примененных при выявлении нарушений природоохранного законодательства в сфере лесопользования, правил ведения охотничьего хозяйства и охоты, а также правил ведения рыболовного хозяйства и рыболовства.

Ключевые слова: природоресурсное законодательство; правонарушения; возмещение вреда; причинение вреда; окружающая среда; санкции; рациональное природопользование; охрана окружающей среды.

Строгое соблюдение природоохранного законодательства в Республике Беларусь является одним из основных условий обеспечения экологической безопасности и рационального использования природных ресурсов. Применение санкций при нарушении норм экологического права является одной из основных мер пресечения правонарушений в области природопользования, а также обязанность виновного возместить вред, нанесенный объектам окружающей среды с целью их дальнейшего восста-

новления. Санкция представляет собой элемент правовой нормы, предусматривающий неблагоприятные последствия для лица, нарушившего правила, содержащиеся в такой норме¹. Санкция представляет собой меру воздействия на правонарушителя. Различают уголовно-правовые санкции, налагаемые по решению суда; административно-правовые; дисциплинарно-правовые; гражданско-правовые. Рассмотрим более подробно виды санкций, применяемых в природоресурсном законодательстве.

Санкции, применяемые в экологическом праве, определяются особенностями и размерами вреда, причиненного объектам окружающей среды. Так, в ст. 1 Закона «Об охране окружающей среды» дается определение экологического вреда: «вред, причиненный окружающей среде, а также вред, причиненный жизни, здоровью и имуществу граждан, в том числе индивидуальных предпринимателей, имуществу юридических лиц и имуществу, находящемуся в собственности государства, в результате вредного воздействия на окружающую среду»². Законодательством также оговаривается, что в обязанности граждан входит возмещение вреда, причиненного их действиями окружающей среде (ст. 12 Закона). С целью сохранения благоприятной окружающей среды и обеспечения экологической безопасности государством установлено строгое нормирование в области охраны окружающей среды с целью регулирования воздействия хозяйственной и иной деятельности на экологические объекты. Так, нормативами качества окружающей среды являются: нормативы предельно допустимых концентраций химических и иных веществ; нормативы предельно допустимых физических воздействий; нормативы предельно допустимых концентраций микроорганизмов³. Любые нарушения указанных нормативов влекут к ответственности. Важным является и тот факт, что привлечение лиц к ответственности и применения к нарушителям санкций не освобождает их от возмещения вреда, причиненного окружающей среде (ст. 99 Закона).

В том случае, если субъекты хозяйствования в ходе своей деятельности наносят вред объектам окружающей среды, она может быть приостановлена или запрещена государственными органами, которые осуществляют контрольно-надзорные функции в области рационального природопользования и охраны окружающей среды.

1 Большая советская энциклопедия. [Электронный ресурс]. 2017. Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Большая_советская_энциклопедия. Дата доступа: 04.10.2017.

2 Об охране окружающей среды: Закон Республики Беларусь, 26 ноября 1992 г., № 1982-ХІІ (с изм. и доп.) // КонсультантПлюс: Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2017.

3 Об охране окружающей среды: Закон Республики Беларусь, 26 ноября 1992 г., № 1982-ХІІ (с изм. и доп.) // КонсультантПлюс: Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2017.

Тот вред, который будет нанесен окружающей среде, возмещается в полном объеме добровольно или по решению суда. Факт причинения вреда должен быть зафиксирован в акте об установлении факта причинения вреда окружающей среде. Согласно ст. 101 Закона «Об охране окружающей среды» факт причинения вреда, установленный государственным органом, не подлежит доказыванию, однако с целью опровержения его могут быть представлены доказательства. Требования о возмещении вреда связанного с загрязнением окружающей среды может не предъявляться, если размер возмещения такого вреда не превышает трех базовых величин (в настоящее время одна базовая величина составляет 23 белорусских рубля). Размер возмещения вреда, который был причинен окружающей среде, определяется в соответствии с таксами, которые установлены Президентом Республики Беларусь, а в том случае, если размеры такс не определены законодательными актами, исходя из фактических затрат, необходимых для восстановления нарушенного состояния окружающей среды, при этом учитываются понесенные убытки и упущенная выгода.

В соответствии с Положением о порядке исчисления размера возмещения вреда, причиненного окружающей среде, и составления акта об установлении факта причиненного вреда окружающей среде от 17 июля 2008 г. № 1042 размер возмещения вреда, причиненного окружающей среде, исчисляется по следующей формуле:

$$C = T \times P_i \times K_u \times B,$$

где C – размер возмещения вреда, причиненного окружающей среде, в белорусских рублях;

T – таксы, установленные указами Президента Республики Беларусь от 8 декабря 2005 г. № 580 и от 24 июня 2008 г. № 348, в базовых величинах за одну тонну, один килограмм, тысячу кубических метров, один квадратный метр, один гектар, один экземпляр;

P_i – количественный показатель: массы; объема в тысячах куб. метров; площади земель, в квадратных метрах, гектарах; количества в экземплярах;

K_u – соответствующие коэффициенты, установленные указами Президента Республики Беларусь от 8 декабря 2005 г. № 580 и от 24 июня 2008 г. № 348;

B – значение базовой величины, установленное на дату составления акта об установлении факта причинения вреда окружающей среде, в белорусских рублях¹.

1 Об утверждении Положения о порядке исчисления размера возмещения вреда, причиненного окружающей среде, и составления акта об установлении факта причиненного вреда окружающей среде: Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 17 июля 2008 г. № 1042 (с изм. и доп.) // КонсультантПлюс: Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2017.

Согласно Постановлению Совета Министров Республики Беларусь от 20.07.2001 № 1073 «О взыскании стоимости незаконно добытой древесины и иной лесной продукции при невозможности их изъятия у юридических и физических лиц» установлены таксы для исчисления взыскания стоимости незаконно добытой древесины и иной лесной продукции при невозможности их изъятия у юридических и физических лиц. Так, за каждую новогоднюю ель размер взыскания составляет одну базовую величину, за каждый кубический метр пней – две базовых величины, за каждый килограмм дикорастущих ягод, грибов и орехов – одна базовая величина, за каждую тонну сена – пять базовых величин¹.

Экологическое законодательство устанавливает случаи, когда предусмотрено возмещение потерь и убытков, вызванных правомерными действиями природопользователей. Так, при изъятии или временном занятии земель сельскохозяйственного или лесохозяйственного назначения для целей, не связанных с ведением сельского или лесного хозяйства, предполагаемые землепользователи или собственники должны возместить потери сельскохозяйственного или лесохозяйственного производства².

Исковая давность на требования о возмещении вреда, причиненного окружающей среде, не распространяется. Однако требования, предъявленные по истечении трех лет со дня установления факта причинения вреда, удовлетворяются не более чем за три года, предшествовавшие предъявлению иска о возмещении вреда, причиненного окружающей среде.

Основу экологической ответственности составляет экологическое нарушение. Данным видом нарушения является противоречащее существующему экологическому законодательству поведение человека, независимо от того, какую цель он при этом преследует, которое причиняет вред окружающей природной среде либо может реально создать такую угрозу³.

Юридическая ответственность порождается неправомерными действиями и регулируется нормами уголовного, административного, гражданского, трудового законодательства. Законодательство предусматривает ряд оснований, которые освобождают виновных полностью или частично от определенных видов ответственности:

1 О взыскании стоимости незаконно добытой древесины и иной лесной продукции при невозможности их изъятия у юридических и физических лиц: Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 20.07.2001 № 1073 (с изм. и доп.) // КонсультантПлюс: Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2017.

2 Кодекс Республики Беларусь о земле: Закон Республики Беларусь, 23 июля 2008 г., № 425-3 (с изм. и доп.) // КонсультантПлюс: Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2017.

3 Цыпарков, Н.Г. Экологическое право: учебно-методический комплекс. Минск: Изд-во МИУ, 2004. 206 с. С. 52.

1. Если совершенное эколого-правовое нарушение является малозначительным, то предусматривают нормы административного и уголовного кодексов Республики Беларусь. Под малозначительностью понимается относительно безвредное для общества и природы деяние, которое, однако, подпадает под признаки соответствующего экологического правонарушения. Например, незаконная порубка веток кустарника может быть малозначительным административным проступком, влекущим за собой освобождение виновного от административной ответственности.

2. Если экологическое правонарушение совершено в особых условиях, в которых невозможно было выполнить свои обязанности без оказания вреда природной среде. Таковыми являются, например, совершение правонарушения в состоянии крайней необходимости (например, для локализации очага лесного пожара пришлось сделать вырубку леса с целью создания просеки, при этом стоимость вырубленного леса значительно ниже, чем леса, который мог погибнуть в ходе пожара).

3. Если нарушена процедура привлечения к ответственности, которая выражается в двух основных формах: нарушение правил сбора и оформления доказательств по делу об экологическом правонарушении; нарушение процессуального порядка рассмотрения дела об экологическом правонарушении.

4. Если экологическое правонарушение совершили лица, которые в соответствии с законодательством освобождены от ответственности. К данной категории относят невменяемых правонарушителей, а также лиц, которые освобождены от наказания по законодательству.

Отметим, что дела об экологическом нарушении могут быть прекращены уже на стадии процесса рассмотрения с передачей материалов для принятия мер общественного воздействия или без таковых, если обнаружилось отсутствие обстоятельств, являющихся обязательным основанием привлечения к эколого-правовой ответственности.

В зависимости от вида применяемых санкций экологические правонарушения могут быть уголовными, административными, гражданско-правовыми, дисциплинарными.

Административная ответственность означает применение компетентными органами и должностными лицами в установленном порядке административных взысканий к нарушителям, которые в силу совершения ими противоправных действий (или бездействий) в сфере использования природных ресурсов и охраны окружающей среды нанесли ей вред. Конкретные составы административных экологических правонарушений устанавливаются в Кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях (Глава 15 «Административные правонарушения»).

ния против экологической безопасности, окружающей среды и порядка природопользования»¹).

Мерами административного взыскания за нарушение экологической безопасности, окружающей среды и порядка природопользования являются: предупреждение, штрафные санкции, лишение специального права, принудительное приостановление или прекращение деятельности субъекта хозяйствования, конфискация или возмездное изъятие предмета, явившегося орудием совершения правонарушения, изъятие непосредственных объектов административного правонарушения, незаконно добытых при осуществлении природопользования.

Экологические преступления наносят наибольший ущерб природной среде, поэтому являются самыми опасными как для окружающей среды, так и здоровью человека, тем самым нарушая основополагающее конституционное право гражданина на благоприятную окружающую среду, в связи с чем ответственность за их совершение закреплена в Уголовном кодексе Республики Беларусь.

К уголовной ответственности привлекаются лица, виновные в нанесении значительного ущерба природной и окружающей среде, в деянии которых содержатся признаки общественной опасности. Основанием привлечения к уголовной ответственности является совершение лицом преступления. Преступлениями против экологической безопасности и природной среды признаются совершенные умышленно или по неосторожности общественно опасные деяния, причинившие или которые могут причинить вред земле, водам, недрам, лесам, животному и растительному миру, атмосфере и другим природным объектам. Конкретные составы экологических преступлений установлены в главе 26 Уголовного кодекса Республики Беларусь «Преступления против экологической безопасности и природной среды». Отметим и тот факт, что в отличие от других видов преступлений, где крупным размером ущерба признается размер ущерба на сумму в двести пятьдесят и более раз превышающую размер базовой величины, установленный на день совершения преступления, особо крупным – в тысячу и более раз превышающую размер такой базовой величины, то в зависимости от объекта посягательства, крупным и особо крупным размером при совершении экологических преступлений, являются не только данные размеры базовых величин.

Так, крупным размером ущерба в статьях 275 (Загрязнение леса) и 277 (Незаконная порубка деревьев и кустарников) Уголовного кодекса призна-

1 Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях: Кодекс Республики Беларусь, 21 апреля 2003 г., № 194-З (с изм. и доп.) // КонсультантПлюс: Беларусь Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2017.

ется размер ущерба на сумму, в восемьдесят и более раз превышающую размер базовой величины, установленный на день совершения преступления.

Крупным размером ущерба в статьях 281 (Незаконная добыча рыбы или других водных животных) и 282 (Незаконная охота) Уголовного кодекса признается размер ущерба на сумму, в сорок и более раз превышающую размер базовой величины, установленный на день совершения преступления, особо крупным – в сто и более раз превышающую размер такой базовой величины¹.

Гражданско-правовой ответственностью признается основанное на законе имущественно-правовое воздействие на нарушителя, выражающееся в лишении его определенных имущественных прав или возложении на него имущественных обязанностей. По общему правилу привлечение граждан к административной и уголовной ответственности не освобождает нарушителя от возмещения ущерба, причиненного его противоправными действиями. Правила возмещения ущерба определены ст.ст. 14, 15 Гражданского кодекса Республики Беларусь, где отмечается, что вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный организации, подлежит возмещению лицом, причинившим вред, в полном объеме². Вред, подлежащий возмещению, включает в себя ущерб, убытки и упущенную выгоду. Ущерб – реальные потери, уменьшения в природной среде. Убытки – неполученные доходы от использования природного объекта, расходы на восстановление нарушенного состояния природного объекта. Причинивший вред освобождается от его возмещения, если докажет, что вред причинен не по его вине. Вред, причиненный правомерными действиями, подлежит возмещению лишь в случаях, предусмотренных законом.

В соответствии со ст. 102 Закона «Об охране окружающей среды» вред, причиненный жизни, здоровью и имуществу граждан, имуществу юридических лиц и имуществу, находящемуся в собственности государства, в результате воздействия на окружающую среду, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред, в соответствии с гражданским законодательством Республики Беларусь³.

1 Уголовный кодекс Республики Беларусь: Кодекс Республики Беларусь, 9 июля 1999 г., № 275-З (с изм. и доп.) // КонсультантПлюс: Беларусь Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2017.

2 Гражданский кодекс Республики Беларусь: Закон Республики Беларусь, 7 декабря 1998 г., № 218-З (с изм. и доп.) // КонсультантПлюс: Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2017.

3 Об охране окружающей среды: Закон Республики Беларусь, 26 ноября 1992 г., № 1982-ХІІ (с изм. и доп.) // КонсультантПлюс: Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2017.

Меры дисциплинарного воздействия к нарушителям трудовой дисциплины устанавливает трудовое законодательство. Дисциплинарная ответственность работников за нарушение экологического законодательства является одним из видов юридической ответственности, которая предусмотрена законодательством за неправомерное поведение как работника, так и нанимателя. Как и любая другая ответственность, дисциплинарная ответственность имеет свои меры наказания и свой порядок применения. В Трудовом кодексе Республики Беларусь нет четкого понятия дисциплинарной ответственности. Это понятие устанавливается как следствие совершения дисциплинарного проступка.

В экологических отношениях дисциплинарная ответственность может применяться в том случае, когда соблюдение природоохранных норм входит в трудовые обязанности работника. За нарушение трудовой дисциплины наниматель может применять к нарушителю следующие виды дисциплинарных взысканий: замечание, выговор, увольнение, а также иные формы правового воздействия (лишение премий и т. д.).

Необходимо отметить, что при рассмотрении дел о нарушении природоохранного законодательства необходимо обеспечить всестороннее и полное изучение обстоятельств совершенных противоправных действий с учетом наступивших последствий и размера нанесенного вреда окружающей среде, не допустить необоснованного освобождения виновных от ответственности, а также в обязательном порядке, в полном размере возмещения вреда, причиненного объектам окружающей среде.

Список литературы:

1. Большая советская энциклопедия. [Электронный ресурс]. 2017. Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Большая_советская_энциклопедия. Дата доступа: 04.10.2017.
2. Об охране окружающей среды: Закон Республики Беларусь, 26 ноября 1992 г., № 1982-ХІІ (с изм. и доп.) // КонсультантПлюс: Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2017.
3. Об утверждении Положения о порядке исчисления размера возмещения вреда, причиненного окружающей среде, и составления акта об установлении факта причиненного вреда окружающей среде: Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 17 июля 2008 г. № 1042 (с изм. и доп.) // КонсультантПлюс: Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2017.
4. О взыскании стоимости незаконно добытой древесины и иной лесной продукции при невозможности их изъятия у юридических и физических лиц: Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 20.07.2001 № 1073 (с изм. и доп.) // КонсультантПлюс:

- Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2017.
5. Кодекс Республики Беларусь о земле: Закон Республики Беларусь, 23 июля 2008 г., № 425-З (с изм. и доп.) // КонсультантПлюс: Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2017.
 6. Цыпарков, Н.Г. Экологическое право: учебно-методический комплекс. Минск: Изд-во МИУ, 2004. 206 с.
 7. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях: Кодекс Республики Беларусь, 21 апреля 2003 г., № 194-З (с изм. и доп.) // КонсультантПлюс: Беларусь Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2017.
 8. Уголовный кодекс Республики Беларусь: Кодекс Республики Беларусь, 9 июля 1999 г., № 275-З (с изм. и доп.) // КонсультантПлюс: Беларусь Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2017.
 9. Гражданский кодекс Республики Беларусь: Закон Республики Беларусь, 7 декабря 1998 г., № 218-З (с изм. и доп.) // КонсультантПлюс: Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2017.

Евсикова Е.В.,

ст. преподаватель кафедры административного и финансового права
Крымского филиала РГУП, к.ю.н.

Некоторые аспекты привлечения к административной ответственности за правонарушения в области охраны окружающей среды и природопользования

В статье раскрываются некоторые аспекты привлечения к административной ответственности за правонарушения в области охраны окружающей среды и природопользования, на основе проведенного анализа автор выносит свои предложения по усовершенствованию административно-делiktного законодательства Российской Федерации в данной сфере.

Ключевые слова: экологическое правонарушение; административная ответственность за правонарушения в области охраны окружающей среды и природопользования; санкции.

Поскольку 2017 год объявлен в Российской Федерации Годом экологии, а экологическое направление как приоритетное заложено в недавно утверждённую Стратегию научно-технологического развития России, что

неоднократно подчеркивалось и в выступлениях Президента РФ¹, вопросы предупреждения экологических правонарушений являются особенно актуальными, в связи с чем изучение отдельных аспектов привлечения к административной ответственности за правонарушения в области охраны окружающей среды и природопользования представляет значительный научный и практический интерес.

Предупреждение правонарушений в области охраны окружающей среды и природопользования, т.е. экологических правонарушений, занимает ведущее место в механизме правового обеспечения экологической безопасности, которая является одним из элементов системы национальной безопасности РФ в целом².

Отметим, что Стратегия экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденная указом Президента РФ 19 апреля 2017 года³, предусматривает, что совершенствование законодательства в области охраны окружающей среды и природопользования, а также институциональной системы обеспечения экологической безопасности, является одним из приоритетных направлений решения основных задач в области обеспечения экологической безопасности.

Вместе с тем в механизме правового обеспечения экологической безопасности, охраны окружающей среды и природопользования важную роль играют меры административного принуждения и, в частности, меры административной ответственности за совершение экологических правонарушений, выраженные в системе административных наказаний, предусмотренных КоАП РФ и законами субъектов РФ, как средство борьбы с экологическими правонарушениями и их предупреждения.

В теории административно-деликтного права под административным экологическим правонарушением понимается «общественно-вредное, противоправное, виновное действие или бездействие физического или юридического лица, посягающее на отношения в сфере охраны окружающей среды, рационального природопользования и обеспечения экологической безопасности, причиняющее экологический вред или создаю-

1 Заседание Государственного совета по вопросу об экологическом развитии Российской Федерации в интересах будущих поколений [Дата размещения ресурса: 27 декабря 2016 года / Время размещения ресурса: 15:10]. Москва, Кремль [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/53602/>

2 Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://base.garant.ru/71296054/>

3 Указ Президента РФ от 19.04.2017 № 176 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215668/71330e43fc48d840d45e7c44eb8e184f03207692/

щее угрозу причинения такого вреда, за совершение которого Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ)¹ или законами субъектов Российской Федерации установлена административно-правовая ответственность»².

Таким образом, составы административных правонарушений в области охраны окружающей среды и природопользования, а также ответственность за их совершение закреплены в главе 8 КоАП РФ, а также в административно-деликтном законодательстве субъектов РФ.

Правовое обеспечение является исходным моментом организации предупреждения и профилактики правонарушений, в том числе в сфере охраны окружающей среды и природопользования. При этом важно обеспечение системного характера мер по совершенствованию правовых основ профилактики данной категории правонарушений, их соответствие стратегическим установкам и приоритетам в этой области с учетом сложившейся административно-деликтной ситуации и тенденций ее развития³.

Так, согласно статистическим данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, в 2016 году в суды общей юрисдикции поступило:

– 2156 дел об административных правонарушениях, предусмотренных ст.ст. 8.2; 8.3 КоАП РФ (Несоблюдение экологических и санитарно-эпидемиологических требований при обращении с отходами производства и потребления или иными опасными), привлечено к ответственности 1378 лиц, из которых юридических лиц – 689, должностных лиц – 249, индивидуальных предпринимателей – 150, иных физических лиц – 290; применено наказание в виде предупреждения – 21, штрафа – 1151, приостановления деятельности – 206, всего наложено штрафов на сумму – 48 945 801 руб., из которых взыскано или уплачено добровольно 13 789 300руб.;

– 1057 дел об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 8.17 КоАП РФ (Нарушение регламентирующей деятельность во внутренних морских водах, в территориальном море, на континентальном шельфе, в исключительной экономической зоне Российской Федерации или открытом море требований или условий лицензии), привлечено к ответственности 722 лица, из которых: юридических лиц – 109, должностных лиц – 145, индивидуальных предпринимателей – 6, иных физических

1 Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (с изменениями и дополнениями). [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://base.garant.ru/12125267/1/#block_1000.

2 Яковлева Е.А. Проблемы административно-правовой ответственности за экологические правонарушения (на примере Байкальской природной территории): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.14. Тюмень, 2010. С. 8.

3 Евсикова Е.В. Правовые основы профилактики административных правонарушений в Республике Крым // Евразийский юридический журнал. 2016. № 8 (99). С. 148.

лиц – 512; применено наказание в виде предупреждения – 8, штрафа – 764 (в качестве дополнительного – конфискация – 94), всего наложено штрафов на сумму – 306 840 022 руб., из которых взыскано или уплачено добровольно – 27 244 286 руб.;

– 36801 дело об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 8.37 КоАП РФ (Нарушение правил охоты, правил, регламентирующих рыболовство и другие виды пользования объектами животного мира), привлечено к ответственности 30813 лиц, из которых: юридических лиц – 347, должностных лиц – 145, индивидуальных предпринимателей – 21, иных физических лиц – 30300; применено наказание в виде предупреждения – 21, штрафа – 29317, лишения специального права – 1475 (в качестве дополнительного – конфискация – 11548), всего наложено штрафов на сумму – 91 846 087 руб., из которых взыскано или уплачено добровольно – 32 290 234 руб.¹

Таким образом, в качестве наказаний за экологические правонарушения санкции статей главы 8 КоАП РФ предусматривают предупреждение, штраф, приостановление деятельности (основные наказания), а также конфискацию в качестве дополнительной меры по отдельным составам правонарушений. В то же время если штраф, приостановление деятельности и конфискация в качестве наказаний являются разумными средствами предупреждения экологических правонарушений, отвечающих требованиям принципа соразмерности наказания совершенному деянию, то предупреждение в качестве наказания представляется весьма сомнительным и малоэффективным.

В то же время анализ санкций статей главы 8 КоАП РФ свидетельствует о том, что в большинстве случаев санкции статей предусматривают незначительные суммы штрафов, которые фактически не несут какой-либо существенной финансовой нагрузки на лицо и, как следствие, не выполняют такие функции наказания, как карательная и предупредительная.

Кроме того, проблема привлечения к административной ответственности за совершение экологических правонарушений по статьям главы 8 КоАП РФ, предусматривающим незначительные суммы штрафов или предупреждение в качестве наказания, заключается в том, что в большинстве случаев по таким составам инспекторы контролирующих органов просто не хотят составлять протоколы, что подтверждается и данными судебной статистики – отсутствие дел об административных правонарушениях, санкции которых предусматривают незначительные размеры штрафов.

1 Основные статистические показатели деятельности судов общей юрисдикции за 2016. Данные судебной статистики. Судебный Департамент при Верховном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>.

Отметим, что некоторые ученые-административисты выступают против «ужесточения» размера санкций административно-правовых норм, ссылаясь на то, что такой подход приближает административную ответственность к уголовной, что увеличение размеров административных штрафов как вида административного наказания не может и не должно иметь целью удовлетворение финансовых интересов государства, поскольку указанные факторы очень негативно сказываются на общеправовой теории юридической ответственности, а также отраслевых доктринах и нормативно-правовой основе каждого из видов юридической ответственности¹.

Другие, напротив, указывают на низкий размер административных штрафов как на основную причину административных экологических правонарушений, поскольку «размеры административных штрафов следовало бы соотносить с реальными размерами имущественного ущерба, наносимого в результате нарушения законодательства в области охраны окружающей среды и природопользования. Увеличение размера административного штрафа должно касаться специального субъекта административно-правовой ответственности»².

По нашему мнению, увеличение размеров административных штрафов за правонарушения в области охраны окружающей среды и природопользования по отдельным статьям главы 8 КоАП РФ не только для специальных субъектов, но и для общих субъектов, т.е. граждан, является объективной необходимой предупредительной мерой, которая позволит добиться снижения количества административных правонарушений в указанной сфере и будет направлена не столько на удовлетворение финансовых интересов государства, сколько на достижение таких целей административного наказания, как общая и частная превенция, исходя из понимания административного наказания как предусмотренной КоАП РФ меры административной ответственности, применяемой судьей, иным уполномоченным органом или должностным лицом к физическому или юридическому лицу, совершившему административное правонарушение, состоящей в установлении в отношении этого лица определенных ограничений (запретов, лишений) имущественного, личного или организационного характера либо в оказании на него властного морально-психологического воздействия с целью его правового воспитания, предупреждения совершения им, а также другими лицами новых аналогичных или иных административных право-

1 Рогачева О.С. Эффективность норм административно-деликтного права: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. 12.00.14. Воронеж, 2012. С. 4.

2 Яковлева Е.А. Проблемы административно-правовой ответственности за экологические правонарушения (на примере Байкальской природной территории): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.14. Тюмень, 2010. С. 9.

нарушений, и влекущей возникновение у указанных лиц временного состояния административной наказуемости¹.

Поскольку административно-правовая ответственность представляет собой не только систему административных наказаний за административные правонарушения, формально выраженных в институте административно-правовой ответственности (в объективном смысле), но выступает субъективной юридической обязанностью лица, совершившего административное правонарушение, понести административное наказание. Таким образом, административная ответственность за экологические правонарушения является составной частью юридической ответственности, при этом ее особенности обусловлены спецификой объекта посягательства².

Меры административной ответственности и правила их применения, устанавливаемые законодательством об административных правонарушениях, должны не только соответствовать характеру правонарушения, его опасности для защищаемых законом ценностей, но и обеспечивать учет причин и условий его совершения, а также личности правонарушителя и степени его вины, гарантируя тем самым адекватность порождаемых последствий для лица, привлекаемого к административной ответственности, тому вреду, который причинен в результате административного правонарушения, не допуская избыточного государственного принуждения и обеспечивая баланс основных прав индивида (юридического лица) и общего интереса, состоящего в защите личности, общества и государства от административных правонарушений³.

В силу чего предлагается увеличение размера штрафных санкций как для граждан, так и для должностных и юридических лиц по отдельным статьям КоАП РФ, а именно: 8.1; 8.2; 8.3; 8.4; 8.5; 8.6; 8.13; 8.14; 8.15; 8.16; 8.22; 8.23; 8.25; 8.28; 8.29; 8.30; 8.31; 8.32; 8.34; 8.35; 8.36; 8.37; 8.39; 8.40.

1 Кorsaкова Н.А. Назначение административных наказаний : автореф. дисс. канд. юрид. наук 12.00.14. Челябинск, 2011. С. 8.

2 Яковлева Е.А. Проблемы административно-правовой ответственности за экологические правонарушения (на примере Байкальской природной территории): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук 12.00.14. Тюмень, 2010. С. 18.

3 Постановление Конституционного Суда РФ от 25.02.2014 № 4-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 7.3, 9.1, 14.43, 15.19, 15.23.1 и 19.7.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с запросом Арбитражного суда Нижегородской области и жалобами обществ с ограниченной ответственностью "Барышский мясокомбинат" и "ВОЛМЕТ", открытых акционерных обществ "Завод "Реконд", "Эксплуатационно-технический узел связи" и "Электрон-комплекс", закрытых акционерных обществ "ГЕОТЕХНИКА П" и "РАНГ" и бюджетного учреждения здравоохранения Удмуртской Республики "Детская городская больница № 3 "Нейрон" Министерства здравоохранения Удмуртской Республики» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_159544/

Так, например, ч. 2 ст. 8.37 КоАП РФ предусматривает административную ответственность за нарушение правил, регламентирующих рыболовство в виде административного штрафа для граждан в размере от 2000 до 5000 руб.; для должностных лиц – от 20000 до 30000 руб.; для юридических лиц – от 100 000 до 200 000 руб., в качестве дополнительного наказания для всех субъектов правонарушения предусмотрена конфискация судна и других орудий добычи (вылова) водных биологических ресурсов. Анализ статистических данных показывает, что конфискация в качестве дополнительного наказания применяется далеко не всегда, меньше, чем в половине случаев (от общего количества дел, поступивших в суды общей юрисдикции). В то же время основной мерой наказания по данной категории правонарушений выступает именно административный штраф.

Так, например, предлагается предусмотреть в ч. 2 ст. 8.37 КоАП РФ в виде административного штрафа для граждан в размере от 5000 до 10000 руб.; для должностных лиц – от 30000 до 50000 руб.; для юридических лиц – от 150 000 до 300 000 руб., с конфискацией судна и любых (разрешенных либо запрещенных) орудий добычи (вылова) водных биологических ресурсов, поскольку, согласно правилам рыболовства, есть как разрешенные, так и запрещенные орудия для добычи (вылова) водных биоресурсов. При этом с учетом положений п. 4 ст. 3.7 КоАП РФ административное наказание в виде конфискации судна и орудия совершения административного правонарушения (орудия добычи (вылова) водных биоресурсов) может быть назначено только собственнику такого имущества.

При этом следует иметь в виду, что в силу положений ч. 2 ст. 3.7 КоАП РФ конфискация разрешенных орудий рыболовства не может быть применена к правонарушителям – физическим лицам (как имеющим, так и не имеющим статуса индивидуального предпринимателя), если на основании имеющихся в материалах дела фактических данных, а также представленных в судебное заседание доказательств будет установлено, что рыболовство для этих лиц является основным законным источником средств к существованию¹.

В то же время при привлечении к административной ответственности по данной категории дел возникают проблемные вопросы в случае, если в ходе разрешения дела собственник судна и других орудий совершения правонарушения (в том числе разрешенных или запрещенных орудий добы-

1 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 ноября 2010 г. № 27 «О практике рассмотрения дел об административных правонарушениях, связанных с нарушением правил добычи (вылова) водных биологических ресурсов и иных правил, регламентирующих осуществление промышленного, прибрежного и других видов рыболовства» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1698324/>

чи (вылова) водных биоресурсов) установлен не был. По нашему мнению, в данной ситуации суд должен руководствоваться ч. 3 ст. 3.7 КоАП РФ, предусматривающей, что «не является конфискацией изъятие из незаконного владения лица, совершившего административное правонарушение, орудия совершения или предмета административного правонарушения: подлежащих в соответствии с федеральным законом возвращению их законному собственнику; изъятых из оборота либо находившихся в противоправном владении лица, совершившего административное правонарушение, по иным причинам и на этом основании подлежащих обращению в собственность государства или уничтожению» и п. 1 ч. 3 ст. 29.10 КоАП РФ, предусматривающим, что в постановлении по делу об административном правонарушении должны быть решены вопросы об изъятых вещах и документах, если в отношении их не может быть применено административное наказание в виде конфискации, при этом вещи и документы, не изъятые из оборота, подлежат возвращению законному владельцу, а при неустановлении его передаются в собственность государства в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Таким образом, при рассмотрении данной категории дел следует учитывать, что если в ходе разрешения дела собственник судна и других орудий совершения правонарушения (в том числе разрешенных или запрещенных орудий добычи (вылова) водных биоресурсов) установлен не был, то суда, орудия совершения правонарушения, в том числе разрешенные или запрещенные орудия добычи (вылова) водных биоресурсов, подлежат безвозмездному изъятию.

На основе проведенного анализа в целях повышения качества судебной практики рассмотрения дел о привлечении к административной ответственности за правонарушения в сфере охраны окружающей среды и природопользования предлагается внесение изменений в Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 ноября 2010 года № 27 «О практике рассмотрения дел об административных правонарушениях, связанных с нарушением правил добычи (вылова) водных биологических ресурсов и иных правил, регламентирующих осуществление промышленного, прибрежного и других видов рыболовства»¹ (далее – Постановление), а именно:

1. В связи с тем, что объектом посягательства в статьях 8.16, 8.17, 8.37 КоАП РФ выступают кроме общественных отношений, связанных с ры-

боловством, общественные отношения, связанные с добычей «выловом» водных биологических (живых) ресурсов, предлагается следующая редакция названия постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 октября 2012 г. № 22 «О практике рассмотрения дел об административных правонарушениях, связанных с нарушением правил и требований в сфере рыболовства и сохранения водных биологических ресурсов»;

2. С учетом изменения названия предлагается абз. 1 п. 1 Постановления изложить в следующей редакции: «При рассмотрении дел об административных правонарушениях, связанных с нарушением правил и требований в сфере рыболовства и сохранения водных биологических ресурсов, необходимо учитывать, что объектом посягательства данной категории правонарушений выступают общественные отношения в области рыболовства, а также сохранения водных биологических ресурсов (далее – водных биоресурсов), которые регулируются в том числе».

3. Предлагается альтернативная формулировка абз. 1 п. 3 Постановления: «при квалификации правонарушения судам следует учитывать такой факультативный признак объективной стороны, как место совершения административного правонарушения. При совершении правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 8.16 – это внутренние морские воды, территориальное море, континентальный шельф и (или) исключительная экономическая зона Российской Федерации; при совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 8.17, помимо обозначенных территорий, местом совершения правонарушения также будет являться открытое море».

4. При внесении изменений в п. 11 Постановления следует применить формулировку указанного пункта: «Исходя из п. 4 ст. 3.7 административное наказание в виде конфискации судна и иных орудий совершения административного правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 8.17, а также в виде конфискации судна и других орудий совершения правонарушения (в том числе разрешенных или запрещенных орудий добычи (вылова) водных биоресурсов), предусмотренного ч. 2 ст. 8.37, может быть назначено только собственнику такого имущества. Если в ходе разрешения дела собственник судна и иных орудий совершения административного правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 8.17, а также собственник судна и других орудий совершения правонарушения (в том числе разрешенных или запрещенных орудий добычи (вылова) водных биоресурсов) установлен не был, то суда, орудия совершения правонарушения, в том числе разрешенные или запрещенные орудия добычи (вылова) водных биоресурсов, подлежат безвозмездному изъятию...» и дальше по тексту проекта.

Таким образом, система административных наказаний за правонарушения в области охраны окружающей среды и природопользования явля-

1 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 ноября 2010 г. № 27 «О практике рассмотрения дел об административных правонарушениях, связанных с нарушением правил добычи (вылова) водных биологических ресурсов и иных правил, регламентирующих осуществление промышленного, прибрежного и других видов рыболовства» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1698324/>

ется важным и необходимым средством обеспечения экологической безопасности Российской Федерации в целом и в ее субъектах в частности. Однако административно-деликтный инструментарий данного правового института не всегда используется правоприменителем, в том числе в силу коллизий и пробелов в административно-деликтном законодательстве, а дальнейшее усовершенствование реализации данного вида юридической ответственности следует проводить посредством дальнейшего развития норм административно-деликтного законодательства с учетом наработок и достижений науки административно-деликтного права и наработанной практики в данной сфере.

Список литературы:

1. Заседание Государственного совета по вопросу об экологическом развитии Российской Федерации в интересах будущих поколений. Дата размещения ресурса: 27 декабря 2016 года. Время размещения ресурса: 15:10. Москва, Кремль [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/53602/>
2. Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://base.garant.ru/71296054/>
3. Указ Президента РФ от 19.04.2017 № 176 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215668/71330e43fc48d840d45e7c44eb8e184f03207692/
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://base.garant.ru/12125267/1/#block_1000.
5. Яковлева Е.А. Проблемы административно-правовой ответственности за экологические правонарушения (на примере Байкальской природной территории): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук 12.00.14. Тюмень, 2010. 27 с.
6. Евсикова Е.В. Правовые основы профилактики административных правонарушений в Республике Крым // Евразийский юридический журнал. 2016. № 8 (99). С. 148–150.
7. Основные статистические показатели деятельности судов общей юрисдикции за 2016. Данные судебной статистики. Судебный Департамент при Верховном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.cdpr.ru/index.php?id=79>.
8. Рогачева О.С. Эффективность норм административно-деликтного права: Автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук. 12.00.14. Воронеж, 2012. 50 с.

9. Корсакова Н.А. Назначение административных наказаний: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук 12.00.14. Челябинск, 2011. 27 с.
10. Постановление Конституционного Суда РФ от 25.02.2014 № 4-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 7.3, 9.1, 14.43, 15.19, 15.23.1 и 19.7.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с запросом Арбитражного суда Нижегородской области и жалобами обществ с ограниченной ответственностью "Барышский мясокомбинат" и "ВОЛ-МЕТ", открытых акционерных обществ "Завод "Реконд", "Эксплуатационно-технический узел связи" и "Электронкомплекс", закрытых акционерных обществ "ГЕОТЕХНИКА П" и "РАНГ" и бюджетного учреждения здравоохранения Удмуртской Республики "Детская городская больница № 3 "Нейрон" Министерства здравоохранения Удмуртской Республики» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_159544/
11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 ноября 2010 г. № 27 «О практике рассмотрения дел об административных правонарушениях, связанных с нарушением правил добычи (вылова) водных биологических ресурсов и иных правил, регламентирующих осуществление промышленного, прибрежного и других видов рыболовства» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1698324/>

Загидуллин М.Р.,

доцент кафедры экологического, трудового права и гражданского процесса Казанского (Приволжского) федерального университета, к.ю.н.

Развитие института юридической ответственности в судебном (гражданском) процессе в средневековой Руси

В статье дается исторический анализ развития судебного процесса и юридической ответственности в нем в средневековой Руси. Исследуются процессуальные нормы таких источников права того периода, как Закон Русский, Русская Правда, Псковская и Новгородская Судные грамоты, Судебник Ивана III 1497 г., Судебник царя Ивана IV 1550 г., Соборное Уложение 1649 года. В каждом из указанных источников автором выявлены процессуальные нормы, виды процессуальных нарушений и меры ответственности за них. Делается вывод о том, что в XVII веке сформировалась достаточно подробная система норм, регулирующих процессуальный порядок рассмотрения споров, а также определяющих ответственность за

его нарушение как уголовного-правового характера, так и имущественно-го характера.

Ключевые слова: юридическая ответственность; гражданский процесс; Средние Века.

История и эволюция цивилистического судебного процесса в качестве неотъемлемой части русского права берет свое начало с периода древнерусского права середины первого тысячелетия. Гражданское процессуальное право наряду с общим гражданским правом существовали в виде устных применявшихся на практике норм обычного права, действующих в форме сказаний, песен, поговорок, пословиц и проч. В работах, посвященных анализу мифологии древних славян, отражено, что уже в те времена были сформированы основные понятия, относящиеся к суду и судопроизводству¹. Как отмечает в своих трудах профессор Д.Я. Малешин, устная кодификация норм обычного права впервые была письменно упомянута в русско-византийских договорах 911 и 944 гг., обозначаясь в них под термином Закон Русский². Также о влиянии народных обычаев на появление процессуальных форм говорит и профессор А.Ф. Клейнман³. В процессе становления государственности, появления письменных источников права судопроизводство представляло собой двойственную систему, в которой, с одной стороны, действовал княжеский суд, применяющий преимущественно письменные нормы, установленные княжеской властью, а с другой стороны, существовал общинный (народный или вечевого) суд, руководствующийся в первую очередь нормами устного обычного права⁴. Период становления государственности на Руси характеризуется становлением письменных источников права. Модель судопроизводства, установленная сборником правовых норм Русская правда, облекшим существовавшие обычаи в форму закона, при этом еще не знала различий между гражданским и уголовным процессом. Судебная власть князей с образованием удельной системы увеличивала свои объемы, в период возматерившей независимости удельных князей от князя великого решения их взаимных дел происходили по большей части на основании договоров, которые они

1 Кулыгин В.В. От Пути Прави к Русской Правде: этапы правогенеза восточно-славянского этноса // Правоведение. 1999. № 4. С. 11–17. С. 17.

2 Малешин Д.Я. Самобытность российского гражданского процесса. Начало // Вестник Российского университета дружбы народов. М.: Изд-во РУДН, 2010. № 1. С. 11–22. С. 14.

3 Клейнман А.Ф. Учебник гражданского процесса для студентов заочных юридических вузов (М., 1939–1940) // Клейнман А.Ф. Избранные труды. Т. II. Краснодар, 2009. 816 с. С. 189–190.

4 См. Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М., 1993. 432 с. С. 37.

заклучали между собой и с великим князем. М.М. Михайлов в своих трудах, посвященных истории образования и развития русского гражданского судопроизводства, отмечает, что в этих договорах уже упоминается о подсудности в делах, подсудных разным ведомствам, о третейском суде, а также о предоставлении права князей передавать дело третейского суда на окончательное решение великому князю¹.

Судные грамоты, в частности Псковская и Новгородская, более четко описывали порядок судебного процесса. Так, судопроизводство было усовершенствовано следующим образом: словесная форма судебного процесса облекается ими постепенно в письменные формы, законную форму обрел обычай миролюбивого завершения спора, учреждались судебные инстанции для пересмотра дел, преобразована была организация судебных мест. Интересным будет отметить, что с обвиняемого, кроме судебных пошлин, взыскивались также штрафы за «несправедливое домогательство о суде», что, несомненно, придавало судопроизводству характер справедливой охраны прав², что также можно рассмотреть как пример применения юридической ответственности в судебном процессе. В.В. Момотов также отмечает, что Псковская судная грамота усиливала государственный контроль за судебным процессом, запрещая сторонам ходить на суд с «помочью», т. е. с кругом сторонников, которые могли повлиять на ход процесса психологическим давлением большинства, своими криками и возгласами³. М.Ф. Владимирский-Буданов также упоминал о данном обычае, именуемым «наводка» (т. е. «приведение с собой в «судницу» толп приятелей, которые парализовали работу суда»⁴), за подобные действия Новгородская судная грамота также устанавливала юридическую ответственность для сторон, в частности в виде штрафа.

Несмотря на то, что норм о становлении юридической ответственности в цивилистическом процессе в источниках древнерусского права почти не содержалось, порядок судебного процесса, бывший единым как для гражданских, так и для уголовных дел, постепенно усложнялся, усовершенствовался, и уже на этапе реализации положений судных и уставных грамот берет начало отделение гражданского судопроизводства от уголовного.

В дальнейшем Судебник Ивана III 1497 г. развил положения Русской Правды, вообрал в себя действующие судные и уставные грамоты, которые по сути были дополнены, исправлены и тем самым внесли единообразие

1 Михайлов М.М. Избранные произведения / ред.: Д.Х. Валеев, М.М. Михайлов. М.: Статут, 2014. 312 с. (Классика гражданского процесса). С. 55.

2 См. подробнее: там же. С. 44.

3 Момотов В.В. Формирование русского средневекового права в IX–XIV вв.: монография. М.: Зерцало-М, 2003. 416 с. С. 342.

4 Владимирский-Буданов М.В. Обзор истории русского права. Киев, Спб., 1909. 800 с. С. 585.

в разобщенную в различных областях государства систему. Судебник 1497 г. внес единство в формальную часть судебного процесса и обогатил его новыми формами¹.

Применительно к вопросу юридической ответственности в судебном процессе интересным будет отметить, что в период формирования административно-судебного аппарата Московского государства в законодательстве появляется ответственность за нарушения против правосудия, в частности в Судебнике 1497 г. помимо установления запрета для судей брать тайные посулы (вознаграждения), отказывать в правосудии либо решать дела, исходя из своих личных выгод, в статье 67 был установлен запрет для свидетелей (послухов) давать заведомо ложные показания². При этом Судебник 1497 г. еще не содержит соответствующих санкций для лиц, осуществляющих правосудие, за нарушение установленных в нем запретов. В то же время он является актом, одним из первых устанавливающим в статье 68 ответственность за неподчинение лицам, осуществляющим правосудие: «А которые имуть опришние у поля стояти, и околичему и диаку тех отслати прочь. А не пойдут опришнии люди прочь, и околичему и диаку на тех велети исцово доправити и с пошлинами да велети их дати на поруку да поставити перед великим князем»³. Таким образом, посторонние люди, не подчинившиеся удалиться с места проведения судебного поединка, подвергались взысканию суммы иска с судебными пошлинами и передавались на поруки и подлежали великокняжескому суду.

Судебник царя Ивана IV 1550 г. является продолжением первого Судебника 1497 г., на момент его принятия судебная практика определила пробелы и недостатки имеющейся судебной системы и требовала их восполнения. Так, Судебник 1550 г., опираясь на предшествующий Судебник, с учетом судебной практики и действующих законов, развил процессуальную форму судопроизводства, а также стал богаче по материально-правовому содержанию.

В Судебник 1550 года было внесено уже 10 статей, содержащих санкции за должностные преступления, это были виды материальной и уголовной ответственности, применяемой к судьям и должностным лицам, совершившим нарушения против государственной службы и правосудия. Так, статья 3 Судебника гласила: «Если боярин, околичий, дворецкий, или дьяк получают взятку и вынесут неправое решение и это подтвердится,

1 См. подробнее: Михайлов М.М. Избранные произведения / ред.: Д.Х. Валеев, М.М. Михайлов. М.: Статут, 2014. 312 с. (Классика гражданского процесса). С. 48.

2 Судебник 1497 года // Российское законодательство X–XX веков. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М., 1985.

3 Там же.

вся тяжесть ответственности ложится на указанных судей, и они уплачивают истцу всю сумму иска и возвращают в тройном размере все судебные издержки, понесенные истцом. Наказание взяточникам по усмотрению Государя». При этом за неправосудное решение, вынесенное неумышленно, на судей ответственность не налагалась: «Если боярин, околичий, дворецкий, казначей или дьяк примет решение без надлежащего разбора дела в суде, или выдаст правую грамоту, решение признается недействительным. При этом судьи ответственности не несут, а истец может передать дело в суд на новое рассмотрение и все полученное с него вернуть назад» (статья 2). Статья 4 содержала наказание за умышленное искажение списка, представлявшего собой протокол судопроизводства: «Если дьяк подделает список или дело запишет не так, как было на суде, без ведома боярина или дворецкого или казначея, и подтвердится, что он брал взятку, то на него налагается штраф, удовлетворяющий истца, и он должен быть боярином посажен в тюрьму». Также была установлена ответственность за внесение в бессудную грамоту неправильной записи: «Если подьячий подпишет документ неправильно без ведома дьяка за взятку, его наказывать торговой казнью и бить кнутом» (статья 5). В статье 6 устанавливалась уголовная ответственность за клевету на судей: «Если кто-либо сознательно ложно обвинит боярина, околичного, дворецкого, казначея, дьяка или подьячего и подтвердится, что он солгал, этого клеветника сверх того наказывать торговой казнью, бить кнутом и посадить в тюрьму». В статье 34 в свою очередь содержалось наказание за неподтверждение жалобы против суда: «если выяснится, что жалобщик солгал, его наказывать торговой казнью и посадить в тюрьму». За лжесвидетельство и злостную клевету статьей 59 устанавливалась смертная казнь. Хотя вышеуказанные виды ответственности прямым образом не разграничивались, однако можно говорить, что применялась разная ответственность: уголовного и административного характера и материального характера. Материальная ответственность в виде, например, возмещения судебных издержек в тройном размере, вполне может рассматриваться и как процессуальная. Примечательно также, что видны зачатки принципа независимости судей и освобождения их от ответственности за неумышленно принятые неверные решения.

Дальнейшее развитие законодательства до принятия Соборного Уложения 1649 года состояло в издаваемых верховной властью грамотах – судебных и уставных о суде, которые подробнее развивали положения Судебников с учетом местных особенностей, и на практике к Судебнику стали обращаться лишь в тех случаях, когда местная судная или уставная грамота не содержала в себе указаний и правил для разрешения того или иного дела. Стали учащаться случаи злоупотребления в системе судебного управления, наместники и иные должностные лица своим управлением,

судом и взиманием сверх меры причиняли убытки местному населению, а жители в свою очередь зачастую не соглашались идти на суд, не выдавали должностным лицам виновных, поступало много жалоб царю, и привело это к дальнейшему преобразованию судебного управления.

Эти преобразования продолжают собой развитие разграничения дел уголовных и гражданских, когда одновременно развивается и понятие подсудности. Уголовные дела отделяются от гражданских, поступают в отдельное ведомство. Иван IV установил для уголовного судопроизводства отдельные учреждения и определил круг их ведомства, судить предписано было губным старостам по губным и уставным грамотам и наказным спискам. При них должны были находиться целовальники, выбранные из жителей, для присутствия на суде. Судебные гражданские учреждения после многочисленных жалоб на наместников бояр, волостителей и других лиц были также преобразованы царем в 1555 году, жители сами должны были выбирать себе старост или судей. Также при старостах должны были находиться жители, выбранные для присутствия на суде, земские дьячки (ведущие запись дел), доводчики (доставлявшие подсудимых в суд отдававшие их на поруки) – все эти лица избирались жителями.

Соборное Уложение 1649 года, отражая переход от сословно-представительной монархии к абсолютизму, закрепляя законодательно правовой статус царя, устанавливая полностью государственную судебную систему и регламентируя две формы судебного процесса (состязательную и розыскную), также уделяло большое внимание вопросам судопроизводства. В Уложении по сравнению с Судебниками 1497 и 1550 гг. ужесточалась ответственность за преступления против судебной власти, уголовная ответственность была предусмотрена за неправомерные действия против суда, лжеприсягу, за ложное обвинение судьи в неправильности ведения дела.

За умышленное вынесение неправосудного решения для судей были установлены следующие санкции: «А будет который боярин или околичей, или думной человек, или дьяк, или иной какой судья, исца или ответчика по посулом, или по дружбе, или по недружбе правого обвинит, а виноватого оправит, а същется про то допряма, и на тех судьях взяти исцов иск втрое, и отдать исцу, да и пошлины и пересуд и правой десяток възяти на государя на них же. Да за ту же вину у боярина, и у околичего, и у думного человека отняти честь. А будет который судья такую неправду учинит не из думных людей, и тем учинити торговая казнь, и въпередь им у дела не быти» (С. 97). Тюремное наказание предусматривалось за ложное обвинение судей во взяточничестве, а также для тех, кто взял «посул на судью без судейского ведома». Жестоко наказывалось умышленное искажение материалов судебного дела «и дьяку за то учинити торговая казнь, бити кнутом, и во дьяцех не быти, а подьячего казнити, отсеци рука, а дело

велеть написать, как истец и ответчик в суде говорили, и вершити то дело по суду» (С. 98).

Также в Уложении прописывались ограничения свидетельских показаний. Так, статья 172 устанавливала запрет свидетельствовать по слуху, статья 177 запрещала допрашивать жену против мужа, иные статьи главы 10 Уложения содержали правила, согласно которым ценность свидетельских показаний зависела от социального статуса свидетеля (см., например, ст. 178). В судебном процессе был введен судебный список, в котором протоколировалось судоговорение. За подлог в документах и искажение записей судебного дела для должностных лиц устанавливалась ответственность в виде телесных наказаний (ст.ст. 12, 13).

Уложение в статьях 105 и 106 предписывало сторонам и прочим участникам процесса соблюдать вежливость в судебных речах и порядок во время судоговорения, вести себя смиренно как в отношении судей, так и в отношении друг друга, нарушители подвергались различным наказаниям в основном уголовно-правового характера, в зависимости от степени нарушения (за бесчестие словом – плата за бесчестие и тюремное заключение, за обиду рукою – наказание вдвое, за удар – телесное наказание, за убийство на суде – смертная казнь и уплата долгов убитого). За отказ ответчика отвечать перед судом по иску он обвинялся без каких-либо судебных разбирательств, и с него взыскивалась, указанная истцом сумма иска (ст. 101). Если же истец в своем прошении цену иска не указал, то отказ ответчика отвечать перед судом для него ответственности не влек, истцу в данном случае предписывалось подать новое прошение с указанием суммы иска (ст. 102).

Отдельно в Уложении оговаривались последствия неявки в суд в установленный срок. Так, тяжущийся, не явившийся к сроку, обвинялся без суда (ст. 108) и по данному делу запрещалось давать вновь суд (ст. 110). Устанавливался недельный срок для явки к суду, после истечения которого истец лишался права иска (кроме дел крепостных, т. е. дел, которые могли быть решены по документам), а ответчик же навсегда освобождался от этого иска (ст. 109). Указом от 4 ноября 1653 года (Т. I, № 109) данное правило Уложения изменилось, за неявку в суд в установленный срок истцов или ответчиков по каким бы то ни было причинам было постановлено не обвинять, а взыскивать с них проести и волокиты по Уложению по гривне в день. В дальнейшем судными статьями от 11 ноября 1685 года был установлен новый срок для явки суду – месяц, общим последствием неявки снова признавалось обвинение или лишение иска с дополнительным взысканием проестей и волокит за целый месяц. Данное правило относилось к исковым делам и не касалось дел вотчинных и поместных, лишь Указ от 22 февраля 1686 года (Т. II, № 1165) предписал: «в поместных и вотчинных делах отписывать в казну у тяжущихся части имения, если они, дав поруч-

ную запись явиться к суду в срок или прислать крепости на срок, ни сами не явятся, ни крепостей не вышлют»¹.

Таким образом, можно отметить, что в XVII веке сформировалась достаточно подробная система норм, регулирующих процессуальный порядок рассмотрения споров, а также определяющих ответственность за его нарушение как уголовного-правового, так и имущественного характера.

Список литературы:

1. Владимирский-Буданов М.В. Обзор истории русского права. Киев, Спб., 1909. 800 с.
2. Клейнман А.Ф. Учебник гражданского процесса для студентов заочных юридических вузов (М., 1939–1940) // Клейнман А.Ф. Избранные труды. Т. II. Краснодар, 2009. 816 с.
3. Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М., 1993. 432 с.
4. Кулыгин В.В. От Пути Прави к Русской Правде: этапы правогенеза восточнославянского этноса // Правоведение. 1999. № 4. С. 11–17.
5. Малешин Д.Я. Самобытность российского гражданского процесса. Начало // Вестник Российского университета дружбы народов. М.: Изд-во РУДН, 2010. № 1. С. 11–22.
6. Михайлов М.М. Избранные произведения / ред.: Д.Х. Валеев, М.М. Михайлов. М.: Статут, 2014. 312 с. (Классика гражданского процесса).
7. Момотов В.В. Формирование русского средневекового права в IX–XIV вв.: монография. М.: Зерцало-М, 2003. 416 с.
8. Судебник 1497 года // Российское законодательство X–XX веков. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М., 1985.

Каразанова О.О.,

преподаватель кафедры гражданского процессуального права
Приволжского филиала РГУП

Меры процессуального принуждения (санкции): понятие и виды

В статье рассмотрен вопрос о существовании процессуальной ответственности и иных мер принуждения в гражданском судопроизводстве, рассмотрены понятие и виды гражданской процессуальной ответственности, а также иные меры процессуального принуждения.

Ключевые слова: процессуальная ответственность; принудительные меры; меры процессуальной защиты; санкции.

¹ См. подробнее: Михайлов М.М. Избранные произведения / ред.: Д.Х. Валеев, М.М. Михайлов. М.: Статут, 2014. 312 с. (Классика гражданского процесса). С. 224.

Вопрос о существовании процессуальной ответственности и иных мер принуждения является, пожалуй, одним из наиболее дискуссионных вопросов в науке гражданского процесса.

Принудительные меры в гражданском судопроизводстве условно можно разделить на две самостоятельные группы. Первая – это меры процессуальной ответственности, т. е. гражданские процессуальные санкции. Вторая группа принудительных мер, не связанных с ответственностью, – это меры процессуальной защиты. Настоящая статья посвящена рассмотрению этих санкций.

Итак, первая группа имеет своим содержанием меры процессуальной ответственности. Гражданская процессуальная ответственность в первую очередь сводится к наступлению неблагоприятных последствий для правонарушителя. В самом общем виде в теории права процессуальная ответственность определяется как «элементарное ухудшение процессуального положения субъекта процессуальных отношений вследствие применения к нему мер пресечения более репрессивного характера»¹.

Традиционным является определение юридической ответственности с учетом дополнительного обременения и отрицательной оценки личности правонарушителя. Дополнительное обременение, в свою очередь, имеет юридический характер и открывает возможности для применения более строгих мер для ответственности. Так, например, нарушение порядка в зале судебного заседания может повлечь за собой для нарушителя дополнительное обременение в виде предупреждения (ч. 1 ст. 159 ГПК РФ). Если лицо продолжает нарушать порядок после предупреждения, то для него может последовать обременение более «репрессивного» характера – нарушитель удаляется из зала судебного заседания на все время заседания или на его часть (ч. 2 ст. 159 ГПК РФ).

В Гражданском процессуальном кодексе РФ можно увидеть также случаи, когда дополнительное обременение предстает как лишение процессуального права, обладание которым является неким благом для лица, участвующего в деле. Например, удаление из зала судебного заседания за повторное нарушение порядка представляет собой лишение или ограничение права на личное участие в судебном заседании.

Что касается отрицательной оценки личности лица, совершившего правонарушение, то она в любом случае сопряжена с квалификацией его действий или бездействий в качестве гражданского процессуального правонарушения. Так, например, суд, установив, что лицо систематически противодействует правильному и своевременному рассмотрению дела, может взыскать в пользу другой стороны компенсацию за фактически по-

¹ Лукьянова Е.Г. Теория процессуального права. М., 2003. С. 223.

терянное время (ст. 99 ГПК РФ), но подобное взыскание невозможно без указания в определении суда на то, в чем конкретно выразилось затягивание процесса, почему суд расценивает эти действия как умышленные, чем обусловлен размер компенсации и т. д.

Следует также отметить, что в процессуальной науке выделяют категорию позитивной гражданской процессуальной ответственности. Под позитивной процессуальной ответственностью понимают необходимость вести себя в соответствии с интересами правосудия, а также общую обязанность добросовестно исполнять процессуальные обязанности и использовать предоставленные процессуальные права¹. Однако теория позитивной ответственности критикуется многими теоретиками-процессуалистами, которые считают, что в данном случае происходит подмена юридических понятий понятиями, которые имеют социальное или психологическое значения, например, такими как ответственное отношение к своим обязанностям, долг, совесть и т. д.

Таким образом, можно прийти к выводу о том, что гражданская процессуальная ответственность – это особая разновидность мер гражданского процессуального принуждения, которая реализуется в специальном процессуальном порядке. Выражается она в том, что субъекты гражданских процессуальных правоотношений в обязательном порядке подвергаются правовому обременению после совершенного им правонарушения.

Переходя к вопросу относительно видов гражданской процессуальной ответственности, хотелось бы отметить, что в процессуальной науке по-разному трактуется состав мер такой ответственности. Наиболее признанной классификацией мер гражданской процессуальной ответственности является классификация их на меры имущественного и неимущественного характера.

К имущественным мерам гражданской процессуальной ответственности чаще всего относят: судебный штраф, взыскание компенсации за потерю времени, взыскание судебных расходов.

Судебный штраф налагается судом за совершение процессуальных правонарушений в случаях и в порядке, установленном в ГПК РФ. Так, например Кодекс предусматривает штрафы при совершении следующих процессуальных правонарушений:

- нарушение правопорядка в зале судебного заседания (ч. 3 ст. 159 ГПК РФ);
- нарушение мер по обеспечению иска (ч. 2 ст. 140 ГПК РФ);
- неявка без уважительных причин по вызову суда свидетеля, эксперта, специалиста, переводчика (ч. 2 ст. 168 ГПК РФ);

1 Бутнев В.В. Гражданская процессуальная ответственность. Ярославль, 1999. С. 44.

– уклонение переводчика от явки в суд или от надлежащего исполнения своих обязанностей (абз. 2 ч. 4 ст. 162 ГПК РФ);

– утрата должностным лицом исполнительного документа (ст. 431 ГПК РФ) и т. д.

В настоящее время в литературе высказывается мнение, что штрафная ответственность устанавливается за более широкий круг процессуальных правонарушений. В частности, это неизвещение суда лицом, участвующим в деле, о причинах неявки в судебное заседание, различные формы злоупотреблений процессуальными правами и др.¹

Взыскание компенсации за фактическую потерю времени осуществляется со стороны, которая недобросовестно заявила неосновательный иск или систематически противодействовала своевременному рассмотрению и разрешению дела в пользу другой стороны (т. 99 ГПК РФ).

Если говорить о взыскании судебных расходов, то в обычной ситуации само по себе взыскание таких расходов не является мерой гражданской процессуальной ответственности. Однако в случаях недобросовестного обращения в суд взыскание расходов уже может рассматриваться как мера процессуальной ответственности. Так, например, в соответствии со ст. 146 ГПК РФ, ответчик после вступления в законную силу решения, которым в иске отказано, вправе требовать возмещения убытков, причиненных ему мерами по обеспечению иска, принятыми по просьбе истца.

К неимущественным мерам гражданской процессуальной ответственности относятся объявление предупреждения, удаление из зала судебного заседания и т. д. Многие процессуалисты расширенно трактуют состав таких мер, относя к ним принудительный привод, отказ в принятии искового заявления, оставление заявления без рассмотрения, вынесение заочного решения, отказ в восстановлении пропущенного процессуального срока и др. И.М. Зайцев объединил подобные меры гражданской процессуальной ответственности в группу мер ответственности в виде неблагоприятных процессуально-правовых последствий незаконной деятельности, относя к ним, в частности, вынесение судом неблагоприятного для той или иной стороны решения². На наш взгляд, подобная расширенная трактовка не всегда является оправданной. При таком подходе получается, что все судебное разбирательство сплошь состоит из различных процессуальных правонарушений, которые пресекаются мерами процессуальной ответственности. Кроме того, трудно сказать, что истец, допустив, например, ошибки при составлении искового заявления, совершил правонарушение. Суд, вынося определение об оставлении искового заявления без движения, понуждает

1 Юдин А.В. Гражданское процессуальное правонарушение и ответственность. СПб, 2009. С. 39–81.

2 Викут М.А., Зайцев И.М. Гражданский процесс России. М., 1999. С. 124.

истца к исполнению процессуальной обязанности по надлежащему оформлению искового заявления. Определение об оставлении заявления без движений не содержит никакой отрицательной оценки личности и признаком дополнительного обременения не обладает. Как образно отметил Е.В. Васьковский, «процессуальные действия представляют собой только средства, которыми стороны могут воспользоваться с целью защиты своих прав в процессе и которые необходимы для достижения этой цели так же, как необходимо, например, землепашцу посеять зерна, чтобы взошел хлеб. Нельзя, однако, назвать эту необходимость обязанностью и сказать, что землепашец юридически обязан производить посевы: его побуждает к этому только собственный интерес, но не станут принуждать органы государственной власти»¹.

Вторая группа принудительных процессуальных мер – это меры гражданской процессуальной защиты, а в теории права по отношению к таким мерам используется термин «меры защиты». Данные меры не имеют характера ответственности, несмотря на их принудительный характер. Разграничение мер процессуальной ответственности и мер защиты проводится по нескольким основаниям. В первую очередь они различаются по основанию применения. Так, ответственность наступает за правонарушение при наличии вины, а меры защиты могут применяться независимо от вины. Во-вторых, различие проводят по функциональному назначению. Так, меры ответственности направлены на наказание виновных и предупреждение правонарушений, а меры защиты – на обеспечение неприкосновенности прав и ликвидацию последствий нарушения. Похожее разделение мер ответственности и мер защиты поддерживается отраслевыми науками.

В юридической литературе встречаются различные классификации мер гражданской процессуальной защиты.

Мы остановимся на рассмотрении классификации по предметному и функциональному признакам. Данная классификация, на наш взгляд, охватывает все возможные меры гражданской процессуальной защиты в гражданском процессе. Начнем с отказа в совершении процессуального действия, которое лицо требует совершить от суда. Такая мера является самой действенной и позволяет пресечь всевозможные попытки совершить правонарушение. Так, на пример, суд отказывается принимать признание стороной обстоятельств, на которых другая сторона основывает свои требования или возражения в случаях, когда есть основания полагать, что признание совершено под влиянием обмана, насилия, угрозы, добросовестного заблуждения или в целях сокрытия действительных обстоятельств дела (ч. 3 ст. 68 ГПК).

1 Васьковский Е.В. Учебник гражданского процесса. М., 1917. С. 168.

Вторая группа мер процессуальной защиты – это совершение судом процессуального действия против гражданского процессуального правонарушения. Например, в случае, когда при рассмотрении дела в суде возникает спор по поводу подлога доказательства, суд может предложить сторонам предоставить другие доказательства или назначить проведение экспертизы (ст. 186 ГПК РФ).

Третья группа мер процессуальной защиты – это ограничение процессуальных прав лиц при рассмотрении дела. Одной из наиболее популярных мер в данной группе можно считать установление предельного срока совершения процессуальных действий судом и участниками процесса.

Наибольшее число примеров ограничения процессуальных прав можно найти в арбитражном процессуальном законодательстве.

Так, арбитражный суд вправе отказать в удовлетворении заявления или ходатайства в случае, если они не были своевременно поданы лицом, участвующим в деле, вследствие злоупотребления своим процессуальным правом и явно направлены на срыв судебного заседания, затягивание судебного процесса, воспрепятствование рассмотрению дела и принятию законного и обоснованного судебного акта, за исключением случая, если заявитель не имел возможности подать такое заявление или такое ходатайство ранее по объективным причинам (ч. 5 ст. 159 АПК РФ), истец в арбитражном процессе ограничен в праве отказаться от иска в суде кассационной инстанции (ч. 2 ст. 49 АПК РФ), если лицо признало обстоятельства дела, то такие обстоятельства не проверяются судом апелляционной инстанции (ч. 4 ст. 268 АПК РФ) и т. д.

Ограничения процессуальных прав можно найти и в гражданском процессе, их не так много, но они есть. И здесь наиболее значимым ограничением можно считать ограничение права лиц предоставлять доказательства в суде апелляционной инстанции (абз. 2 ч. 2 ст. 327.1 ГПК РФ).

Наступление неблагоприятных последствий, не являющихся мерами гражданской процессуальной ответственности, – еще одна группа мер, и принудительных характер данной группы состоит в том, что лицо лишается возможности претендовать на определенный результат в силу избрания им определенной модели процессуального поведения. В данной группе можно выделить защитные меры, связанные с ненаступлением ожидаемого правового результата (отказ в принятии искового заявления, возвращение искового заявления, прекращение производства по делу и т. д.), и меры, связанные с наступлением определенного результата (рассмотрение дела в заочном производстве, рассмотрение дела по имеющимся в деле доказательствам, принудительное проведение экспертизы и т. д.).

Гражданские процессуальные фикции, как группа мер процессуальной защиты, отличаются от других мер тем, что «юридические последствия (в

данном случае привлечение к ответственности) закон связывает с заведомо несуществующими обстоятельствами»¹.

Процессуальных фикций в гражданском процессе можно найти много, классическим примером фикции можно считать ст. 117 ГП РФ, в которой установлено что адресат, отказавшийся принять судебную повестку или иное судебное извещение, считается извещенным о времени и месте судебного разбирательства или совершения отдельного процессуального действия.

Другой разновидностью данной меры является признание факта установленным или опровергнутым. Так, в соответствии с ч. 3 ст. 79 ГПК РФ установлено, что при уклонении стороны от участия в экспертизе, непредставлении экспертам необходимых материалов и документов для исследования и в иных случаях, если по обстоятельствам дела и без участия этой стороны экспертизу провести невозможно, суд в зависимости от того, какая сторона уклоняется от экспертизы, а также какое для нее она имеет значение, вправе признать факт, для выяснения которого экспертиза была назначена, установленным или опровергнутым.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что меры гражданской процессуальной ответственности и меры процессуальной защиты тесно связаны друг с другом и могут применяться в гражданском процессе как самостоятельно, так и комбинированно.

3 октября 2017 года Пленум Верховного суда РФ² обсудил и одобрил проекты изменений в процессуальные законы, которые затронули и меры процессуальной ответственности. Так, в ГПК РФ появятся санкции на случай, если участник судебного заседания будет нарушать правила выступления в заседании. Если участник дела будет говорить не по делу, ему будут ограничивать время выступления. Если участник самовольно нарушит последовательность выступлений, дважды не подчинится требованиям судьи, будет выражаться грубо или оскорбительно – суд будет вправе лишить его слова. Повторное нарушение порядка в судебном заседании будет грозить нарушителю выдворением из зала заседаний – на время или до конца разбирательства. А за неуважение к суду будут предусмотрены штрафы. Многие полагают, что такие меры позволят поддерживать порядок в заседании, однако суды не должны применять их произвольно, есть

1 Викит М.А., Зайцев И.М. Гражданский процесс России. М., 1999. С. 124.

2 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 03.10.2017 № 30 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта Федерального закона «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // <https://www.consultant.ru/law/hotdocs/51087.html>

опасения, что судебное заседание станет формальным, и вместо доводов сторон судья будет больше уделять внимание соблюдению процессуальных правил.

Список литературы:

1. Бутнев В.В. Гражданская процессуальная ответственность. Ярославль, 1999.
2. Викит М.А., Зайцев И.М. Гражданский процесс России. М., 1999.
3. Васильковский Е.В. Учебник гражданского процесса. М., 1917.
4. Гальперин М.А. Ответственность в современном гражданском судопроизводстве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб, 2009.
5. Лукьянова Е.Г. Теория процессуального права. М., 2003.
6. Новиков А.Г. Гражданская процессуальная ответственность: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002.
7. Юдин А.В. Гражданское процессуальное правонарушение и ответственность. СПб, 2010.

Марков С.М.,

доцент кафедры философии Дальневосточного государственного
медицинского университета, к.ю.н., доцент,

Шарапова А.О.,

студентка 3-го курса стоматологического факультета
Дальневосточного государственного медицинского университета

**«Третейская / медиативная» природа споров
в российском здравоохранении и примирительная
процедура их разрешения (точка зрения философа и стоматолога)**

Медицинская медиация – это альтернативное разрешение конфликтов (споров) в сфере здравоохранения через досудебные, судебные и внесудебные процедуры, которая в России практически неизвестна. Предлагается: 1) легализовать медицину, в частности стоматологию, в качестве субъекта малого и среднего бизнеса (МСБ), 2) создать институт бизнес-омбудсменов в здравоохранении и МСБ.

Ключевые слова: медицинское право; медицинская медиация; конфликт; третейский спор; стратегия; корпорация; малый и средний бизнес; бизнес-омбудсмен; здравоохранение.

Markov S.M., Sharapova A.O.

**«Arbitration / Mediation» nature of disputes in Russian
health care and conciliatory procedure for their resolution
(Point of view of the philosopher and dentist)**

Medical Mediation – this is an alternative resolution of conflicts (disputes) in the health service through the pre-trial, judicial and extra-judicial procedures,

which is almost unknown in Russia. It is proposed: 1) to legalize the medicine, in particular dentistry, as the subject of small and medium business (SMB), 2) to create an institute of business ombudsman in health care and SMB.

Keywords: medical mediation and law; conflict; dispute; strategy; corporation; small and medium business; business ombudsman; health care.

Природу третейских / медиативных споров мы, пожалуй, начнем разбирать с анализа «Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в России на период до 2030 года». Этот юридический документ затрагивает почти все гражданское российское общество. В своей статье мы хотели бы представить свое видение проблемы, так как, на наш взгляд, юридическая теория и практика гражданского правосудия существуют именно для гражданского общества, в том числе для философов и медиков.

Пятый принцип Стратегии утверждает создание и внедрение «гарантированных и стабильных правил игры»¹ для всех субъектов малого и среднего бизнеса (далее – МСБ), в том числе, надеемся, в сфере урегулирования и разрешения конфликтов (споров) в медицине. Их регулятором должен выступить государственный институт в лице акционерного общества «Федеральная корпорация по развитию малого и среднего предпринимательства» (далее – Корпорация). Но вот что интересно, в Стратегии и проектах Корпорации отсутствует медицина и здравоохранение, в частности, стоматология, как в других странах (США, ЕС, Китай, Индия, Китай, Бразилия, ЮАР, Южная Корея), на которые ссылается Стратегия. Их нет даже в методологии Стратегии. Это значит, что мы изначально исключаем самые высокие показатели высокотехнологичной отрасли МСБ, а также возможность медицины, в частности стоматологии, принять участие даже в отдаленной перспективе в освоении 25-ти триллионного государственного субсидирования. В том числе исключается из методологии льготное субсидирование дальневосточной медицины (стоматологии).

А теперь о главном. В методологическом дискурсе Стратегии мы не обнаружили конфликтогенных факторов, а priori сопровождающих МСБ (чем-то он напоминает идеальный проект Платона). Но конфликты – это норма современной жизни, т. е. конфликт есть «нормальное со-бытие МСБ», а не исключение из правил. Значит, надо учиться с ними уживаться, как это делают в тех странах, на которые ссылается Стратегия.

С каждым годом сфера разрешения конфликтов при помощи медиации становится все шире и шире. Если раньше медиация разрешала в основном семейные конфликты, то теперь это и гражданские, и трудовые, и

экономические правоотношения и даже образовательная сфера не осталась в стороне. Но, к сожалению, до сих пор не каждый гражданин России знает, и многие, возможно, даже и не слышали о медиации, а кто-то и вовсе думает что медиация – это род нейролингвистических упражнений. Поэтому уточним свое понимание медиации через ссылку на статью С.М. Маркова. Медиация – это не государственный, т.е. институт гражданского общества, альтернативной миссией которого является урегулирование различных конфликтов (споров) через посредничество, переговоры, арбитраж, третейский суд, мировой суд, товарищеский или суд чести, мини-суд (нечто вроде корпоративного суда), частный трибунал, омбудсмен. Ядром всех альтернативных способов разрешения споров выступают переговоры и медиация¹.

Процедура медиации в медицине – слабое звено в российском институте альтернативного разрешения споров (далее – АРС) и юридических исследованиях. Об этом свидетельствуют, например, лишь две статьи, опубликованные в журнале «Медицинское право» за период с 2010 по 2017 гг., т. е. после вступления в силу ФЗ о медиации. Да и те посвящены третейскому суду, а не медиации (В.Г. Куранов, 2011; О.Ю. Афанасьева, А.В. Малюков, А.Н. Морозов, 2012). К этому перечню можно добавить статью А.И. Воронова «Медиация в системе здравоохранения – особенности применения» (Владивосток, 2016). Есть и другие публикации, но не значительные. Это обусловлено рядом специфических причин, в том числе и правового характера.

Во-первых, медицинская деятельность сама по себе сложна как правовая категория, так как включает в себя разнообразную профессиональную деятельность по оказанию медицинской помощи, проведению медицинских экспертиз, осмотров и освидетельствований. Этико-правовые коллизии затрагивают и профессиональную деятельность, связанную с трансплантацией (пересадкой) органов и (или) тканей, обращением донорской крови и (или) ее компонентов в медицинских целях, суррогатное материнство, смена пола и др.

Во-вторых, препятствуют развитию процедур медиации в здравоохранении трудности в приведении сторон конфликта к миру, носящие психологический, экономический и правовой характер. Это выражается в следующем.

С одной стороны, несмотря на внедрение института информированного добровольного согласия в правовое регулирование и практику медицинской деятельности России, отношения патернализма между врачом и

1 Стратегия развития малого и среднего предпринимательства в России на период до 2030 года / Распоряжение правительства РФ от 02.06.2016 г. № 1083-р / URL: КонсультантПлюс (дата обращения 27.03. 2017).

1 Марков С.М. Медиация как социокультурная модель модернизации российской правовой системы (на примере Иркутска) // Известия Иркутского госуниверситета. Сер. Политология. Религиоведение. 2011. № 2 (7). С. 103, 107.

пациентом по-прежнему фактически преобладают. Информированное добровольное согласие зачастую на деле рассматривается как индульгенция для медицинских работников, как некий щит на пути претензий со стороны пациента.

С другой стороны, пациент усвоил, что в конфликтных ситуациях он имеет право прибегнуть к механизму Закона о защите прав потребителей, который дает удобную для пациента формулу «клиент всегда прав», тем более пострадавшая сторона имеет безусловное право на возмещение вреда через суд. Как считает, С.И. Помазкова, использование публично-правовых институтов пациентом рассматривается как единственно возможный способ разрешения конфликта, к тому же наиболее экономичный¹.

Стоматология одной из первых почувствовала на себе влияние коммерческих отношений. Конфликтность в стоматологии гораздо выше, чем в других отраслях медицины, и это отнюдь не является странным. К профессионально-отраслевым особенностям стоматологических конфликтов относятся: более дифференцированная структура медицинского коллектива, чем в других областях медицины; психологическое состояние пациента перед приемом у стоматолога (болевого синдром сопровождается практически все стоматологические манипуляции); высокое разнообразие платных услуг. Сегодня взаимоотношения пациентов и врачей имеют этическую и правовую регламентацию, однако суть этой регламентации далеко не всегда известна и понятна и пациентам, и врачам. Так, на сайте правительства Хабаровского края специально для МСБ представлена информация о процедуре медиации, но во многих субъектах России она отсутствует.

Отметим, на наш взгляд, ситуации возможных медиативных решений для врачей: а) конфликт между Вами и взрослым пациентом; б) конфликт между Вами и пациентом-ребенком; в) конфликт между Вами и родителями ребенка; г) конфликт между Вами и руководством; д) конфликт между Вами и сотрудниками; е) конфликт между Вами и Вашей семьей; ж) конфликт между Вами и социумом.

Говоря о значимости института эффективного разрешения споров (третейского суда / медиации в медицине) в современном мире, в том числе для территории Сибири и Дальнего Востока, отметим, что все шире и чаще возникают конфликты в медицине, связанные с неправильным (по мнению пациента) лечением, неудовлетворенностью его результатами, несвоевременностью, недостаточным лекарственным обеспечением². Эти

1 Помазкова С.И. Проблемы применения процедур медиации при урегулировании и разрешении споров в сфере медицинской деятельности // Российский судья. 2014. № 10. С. 9–12.

2 Лильин Е.Т., Доскин В.А., Батышева Т.Т., Глазкова С.В. Проблемы медиации в современной медицине // Детская и подростковая реабилитация. 2013. № 2 (21). С.12–13.

конфликты и другие подобные, на наш взгляд, возможно урегулировать через медицинскую медиацию. Перечислим наиболее популярные причины возникновения конфликтов между врачами и пациентами. На самом первом месте стоит низкая грамотность и уровень культуры населения, далее идут недостатки в работе поликлиники, негативное отношение пациентов к медицинскому персоналу, низкая обеспеченность лекарствами, чрезмерная загруженность врачей, создание в СМИ негативного образа медицинского работника, и последнее место занимает недостаточная компетентность медицинского персонала. Как отметил В.В. Путин в своем послании Федеральному собранию, проблемы в здравоохранении сохраняются: россияне сталкиваются с очередями, врачи перегружены, у некоторых не хватает квалификации для работы с современным оборудованием¹. Таким образом, конфликтность в медицине признается на самом высоком уровне. А каким способом решаются медицинские конфликты у наших соседей, т. е. в Китае?

Для наглядности рассмотрим лишь один пример конфликтной ситуации в медицине Китая. В 2014 году в больницу попал гражданин КНР Лю Моу из уезда Таньчжоу, у которого было многочисленное число ножевых ранений. Из-за несчастного случая в процессе оказания помощи у него поднялось давление, что привело к последующей гибели. После чего члены семьи погибшего были возмущены и потребовали у больницы компенсацию в размере более 300000 юаней. Между руководством медучреждения и родственниками погибшего было проведено несколько обсуждений размера компенсации, но сторонам так и не удалось договориться.

Для ускорения разрешения конфликта перед полным разладом между сторонами в конфликт в качестве медиатора вступили юридическая контора и управление здравоохранения уезда, которые вновь организовали встречу сотрудников больницы и родственников погибшего.

На данной встрече они оказывали успокоение родственникам погибшего и терпеливо объясняли обеим сторонам юридические права и обязанности, связанные с этим делом, что в итоге повлекло за собой договоренность между сторонами, которые к тому же подписали письменное соглашение об урегулировании конфликта. Это дело является одним из многочисленных примеров проведения процедуры медиации в сфере медицины в одном из городов Китая².

1 Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 01.12.2016 «Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию». URL: КонсультантПлюс (дата обращения: 14.03.2017).

2 Осуществление стандартизации процесса медиации в медицинской сфере в КНР [Электронный ресурс] URL: <http://www.cn-healthcare.com/article/20150107/content-467982.html> (дата обращения: 15.11.2016).

Согласно китайскому источнику, основными задачами медиации в медицине являются: а) разрешение споров между пострадавшими или членами его семьи с медицинской организацией, б) поддержание предоставления медицинских услуг в обычном порядке, в) докладывание о процессе медиации и спорах между больницей и пациентами вышестоящим органам¹.

Как нам представляется, конфликтогенный потенциал медицины, в том числе дальневосточной, как социального института проявляется на всех уровнях общественной жизни. Вместе с тем в настоящее время практически отсутствует или недостаточно осмысливается сущность конфликта в системе здравоохранения.

Как считают авторы статьи «Управление конфликтной ситуацией в медицинской организации», изучение современных представлений о роли и многоаспектном содержании конфликта, стратегии поведения в конфликте, обучение навыкам конструктивного разрешения конфликтов и эффективного поведения в конфликтных ситуациях, повышение психологической культуры врача-специалиста актуальны для успешной реализации профессиональной деятельности и самосовершенствования специалистов здравоохранения².

Примирительная процедура, или «полюбовное разрешение» споров, как говорят швейцарские и французские медиаторы и юристы в области третейского (арбитражного) суда, например, Жан А. Мириманофф в статье «Гибридные формы разрешения споров»³, а медиатор-философ С.М. Марков в работе «Медиация – альтернативный метод разрешения конфликтов (споров)», этапы альтернативного разрешения споров выделяют следующим порядком:

Добровольное согласие всех участников конфликта на внесудебное (неюридическое) рассмотрение сути и причин настоящего конфликта.

Добровольный отказ всех участников конфликта от каких-либо предварительных условий и добровольное желание рассматривать данную проблему за столом переговоров.

Изучение посредником представленных материалов и информации, уяснение сути и причин конфликта (подготовка к переговорам).

1 Применение медиации в разрешении споров в медицине (КНР) [Электронный ресурс] URL: <http://wapwenku.baidu.com/view/5d3fd2ccccbfff121dc36838uid=> (дата обращения 07.12.2016).

2 Ступак В.С., Подворная Е.В., Свередюк М.Г. Управление конфликтной ситуацией в медицинской организации // Здравоохранение Дальнего Востока. 2014. № 1 (59). С. 18, 21.

3 Мириманофф Ж. Гибридные формы разрешения споров // Третейский суд. 2016. № 6 (108). С. 150–164.

Выяснение позиций и интересов каждой стороны по спорным проблемам и разработка плана (проекта) будущих переговоров (подготовка к переговорам).

Вступление. Медиатор быстро представляет участников переговоров, кратко разъясняет присутствующим ситуацию и определяет правила игры (начало переговоров).

Медиатор излагает примерную повестку дня, время, место, состав участников, их полномочия, примерные сроки окончания переговоров.

Вступительное слово участников. Участники переговоров или их полномочные представители излагают медиатору свой взгляд на проблему. Медиатор выслушивает каждого выступающего, уточняет, оценивает, смягчает острые акценты, указывает на преимущества и т. п. (основная часть переговоров).

Вырабатывает совместно со всеми несколько альтернативных вариантов решения проблемы. Помогает в обсуждении представленных альтернативных вариантов, публично и убедительно раскрывая их достоинства и недостатки.

Из альтернативных вариантов помогает выбрать наиболее приемлемый (то есть работающий) и показывает способы его реализации. Медиатор помогает выбрать взаимоприемлемое решение, но наилучший вариант отбирают участники переговоров. Медиатор обязательно его тестирует (оценивает).

Достижение мирового соглашения или примирения на основе отобранных заранее критериев. Обязательно его закрепляют в письменной или устной форме (окончание переговоров).

Медиатор и основные участники медиации оценивают достигнутое соглашение (завершающий этап переговоров).

Закрепляют в письменном или устном виде план реализации достигнутого соглашения¹.

И самое главное, медиация / третейское разрешение споров предполагает возникновение и развитие в гражданском обществе доверия (Ф. Фукуяма) и понимания (М.К. Мамардашвили) в контексте «всеобщения». Это важно, ибо без доверия и понимания нет и быть не может, как говорил в своих знаменитых лекциях-беседах периода 1988–1990 годов великий русский философ Мераб Константинович Мамардашвили, социальной коммуникабельности и «со-общности» между субъектами социума. Иными словами, для нас природа медиации / третейского суда в трактовке древнегреческих мыслителей-«физиков» – это доверие и понимание между субъектами социума.

1 Марков С.М. Медиация – альтернативный метод разрешения конфликтов (споров) // Вестник ХГАЭП. 2010. № 3. С. 57.

В своей короткой статье мы предлагаем: 1) легализовать медицину, в частности стоматологию, в качестве субъекта МСБ, 2) включить ее в методологию Стратегии, 3) внедрить (проинформировать) МСБ об АРС (третейском суде / медиации), 4) создать при Корпорации сектор (институт) бизнес-омбудсменов, как это было сделано в тех странах, на которые ссылается Стратегия, 5) создать на базе ведущих медицинских вузов Дальнего Востока и Сибири учебно-методический центр по подготовке переговорщиков в области медицинской медиации.

Список литературы:

1. Лилин Е.Т., Доскин. В.А., Батышева Т.Т., Глазкова С.В. Проблемы медиации в современной медицине // Детская и подростковая реабилитация. 2013. № 2 (21). С. 12–15.
2. Марков С.М. Медиация – альтернативный метод разрешения конфликтов (споров) // Вестник ХГАЭП. 2010. № 3. С. 42–59.
3. Марков С.М. Медиация как социокультурная модель модернизации российской правовой системы (на примере Иркутска) // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Политология. Религиоведение. 2011. № 2 (7). С. 102–112.
4. Мириманофф Ж. Гибридные формы разрешения споров // Третейский суд. 2016. № 6 (108). С. 150–164.
5. Помазкова С.И. Проблемы применения процедур медиации при урегулировании и разрешении споров в сфере медицинской деятельности // Российский судья. 2014. № 10. С. 9–12.
6. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 01.12.2016 «Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию» URL: КонсультантПлюс (дата обращения: 14.03. 2017).
7. Стратегия развития малого и среднего предпринимательства в России на период до 2030 года / Распоряжение правительства РФ от 02.06.2016 г. № 1083-р. URL: КонсультантПлюс (дата обращения: 27.02. 2017).
8. Ступак В.С., Подворная Е.В., Свередюк М.Г. Управление конфликтной ситуацией в медицинской организации // Здравоохранение Дальнего Востока. 2014. № 1 (59). С. 18–22.
9. Осуществление стандартизации процесса медиации в медицинской сфере в КНР [Электронный ресурс] URL: <http://www.cn-healthcare.com/article/20150107/content-467982.html> (дата обращения: 15.11.2016).
10. Применение медиации в разрешении споров в медицине КНР [Электронный ресурс] URL: <http://wapwenku.baidu.com/view/5d3fd2cccbbf121dc36838uid=> (дата обращения: 07.12.2016).

Тимошенко А.В.,

преподаватель кафедры гражданского процессуального права
Северо-Кавказского филиала РГУП

Процессуальные санкции в деятельности суда по истребованию и оценке доказательств по гражданским делам

В статье рассматривается актуальный и дискуссионный вопрос о наличии процессуальных санкций в деятельности суда при рассмотрении заявлений и ходатайств об истребовании доказательств. Анализируются проблемы оценки судом относимости истребуемого доказательства.

Ключевые слова: процессуальные санкции; истребование доказательств; оценка доказательства; относимость; гражданское судопроизводство.

Рассмотрение и разрешение гражданских дел в судах имеет своей целью защиту прав и законных интересов граждан и организаций. Право человека и гражданина на судебную защиту закреплено в международно-правовых, внутригосударственных законодательных актах.

Во всех законах закреплено право граждан на судебную защиту в форме предъявления иска или жалобы. Защите подлежат любые права и свободы, а также охраняемые законом интересы¹.

Но наряду с предоставленным правом на судебную защиту у лица возникает обязанность не злоупотреблять предоставленными правами, то есть не допускать осуществление прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, равно как и действия лица в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом). Указанный запрет на злоупотребление правом закреплен нормами статьи 10 Гражданского кодекса РФ и распространяет свое действие в том числе на гражданские процессуальные правоотношения.

Гражданская процессуальная ответственность за злоупотребление предоставленными лицам правами предусмотрена частью 2 статьи 10 Гражданского кодекса РФ², в соответствии с которой «в случае несоблюдения требований, предусмотренных пунктом 1 статьи 10 Гражданского кодекса РФ, суд, арбитражный суд с учетом характера и последствий допущенного злоупотребления отказывает лицу в защите принадлежащего ему права

1 Шакарян М.С. Избранные труды / Вступительная статья д-ра юр. наук, проф. МГЮА А.Т. Боннера и доц. М.Э. Мирзоян. СПб.: Издательский дом Р.Асланова «Юридический центр», 2014. С. 802.

2 Часть первая Гражданского кодекса Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 5 декабря 1994 г. № 32 ст. 3301.

полностью или частично, а также применяет иные меры, предусмотренные законом».

Таким образом, законодатель предусмотрел гражданско-процессуальные санкции к недобросовестному лицу, злоупотребляющему своими правами, в виде отказа судом в защите принадлежащего лицу права полностью или частично.

Под злоупотреблением процессуальными правами принято понимать особую форму гражданского процессуального правонарушения, т. е. умышленные недобросовестные действия участников гражданского процесса, сопровождающиеся нарушением условий осуществления субъективных процессуальных прав и совершаемые лишь с видимостью реализации таких прав, сопряженные с обманом в отношении известных обстоятельств дела, в целях ограничения возможности реализации или нарушения прав других лиц, участвующих в деле, а также в целях воспрепятствования деятельности суда по правильному и своевременному рассмотрению и разрешению гражданского дела, влекущие применение мер гражданского процессуального принуждения¹.

Суд сильно ограничен в возможностях влияния на недобросовестное поведение стороны, что в свою очередь позволяет заинтересованному лицу разными способами затягивать разбирательство дела, препятствовать принятию неблагоприятного для себя судебного решения и совершать иные противоправные действия в сфере гражданского судопроизводства.

Н.А. Чечина отмечает, что добросовестное поведение каждой стороны в процессе обеспечивает нормальную деятельность суда и всех участвующих в процессе лиц, способствует выяснению материальной (объективной) истины в каждом деле и одновременно с этим гарантирует возможность осуществления процессуальных прав другой стороны, обеспечивает ее интерес в скором и правильном рассмотрении дела»².

Противодействие злоупотреблениям процессуальными правами рассматривается в качестве национальной проблемы российского правосудия³.

В настоящем исследовании нами предпринята попытка раскрыть наличие санкций для лица, злоупотребляющего процессуальными правами

1 Юдин А.В. Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве: Автореф. ... д-ра юрид. наук. СПб, 2009. С. 16.

2 Чечина Н.А. Гражданские процессуальные отношения. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1962. С. 32.

3 Оптимизация гражданского правосудия России / (С.Л. Дегтярев и др.); предисловие В.Ф. Яковлева; под ред. В.В. Яркова. М.: Волтерс Клувер, 2007. С. VII. Путь к закону: Исходные документы, пояснительные записки, материалы конференций, варианты проекта ГПК, новый ГПК РФ / Под ред. М.К. Треушниковой. М., 2004. С. 79.

на этапе предоставления и истребования доказательств при рассмотрении судами гражданских дел.

Часть 1 статьи 67 Гражданского процессуального кодекса РФ¹ гарантирует сторонам гражданского процесса всестороннюю, полную и объективную оценку доказательств судом. Ни социальное положение сторон гражданского процесса, ни уровень их материальной обеспеченности не имеют для суда никакого значения. Равноправие проявляется в равной возможности представлять суду доказательства обстоятельств, на которые ссылаются стороны гражданского процесса. При этом частью 1 статьи 17 Гражданского кодекса РФ провозглашена способность иметь гражданские права и нести гражданские обязанности в равной мере за всеми гражданами. Суд исследует все обстоятельства гражданского дела всесторонне и полно.

До рассмотрения гражданских дел в первой инстанции суд обязан провести подготовку дела к судебному разбирательству, провести судебное разбирательство дела по существу, по результатам которого вынести законный и обоснованный итоговый судебный акт по делу. В каждой стадии роль суда сводится к установлению фактических обстоятельств дела, правильному применению материальных и процессуальных норм, вынесению законного и обоснованного судебного решения.

Установление фактических обстоятельств дела осуществляется судом первой инстанции с момента принятия искового заявления до вынесения итогового судебного акта по делу.

А.Т. Боннер считает, что рассмотрение и разрешение гражданских дел невозможно без сложной и многогранной деятельности лиц, участвующих в деле, и суда по представлению, собиранию, исследованию и оценке доказательств². По его мнению, итогом этой деятельности должно стать верное знание суда о фрагментах действительности, имеющих юридическое значение по обстоятельствам конкретного дела.

Законодатель закрепил право суда предложить сторонам и другим лицам, участвующим в деле представить недостающие доказательства. В необходимых случаях, к примеру, если представление недостающих доказательств для этих лиц затруднительно по объективным причинам, суд по их ходатайству оказывает содействие в истребовании доказательств.

Требования к ходатайству об истребовании доказательств изложены в части 2 статьи 57 Гражданского процессуального кодекса РФ, которые сводятся к изложению ходатайствующей стороной о том, какое относимое к делу доказательство необходимо предоставить в материалы дела и по ка-

1 Федеральный закон от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 46.

2 Боннер А.Т. Избранные труды: в 7 т. Т. V. проблемы теории судебных доказательств. М.: Проспект, 2017. С. 9.

ким уважительных объективных причинам сторона не имеет возможности предоставить запрашиваемое доказательство самостоятельно.

Нормы статьи 57 Гражданского процессуального кодекса РФ не содержат указания на то, какие причины являются объективными, уважительными причинами невозможности самостоятельно предоставить истребуемые доказательства.

Ходатайство об истребовании доказательств должно быть занесено в протокол судебного заседания, который является письменным доказательством соблюдения заявителем процессуальных норм по истребованию доказательств в суде проверочных инстанций.

Судебная практика выработала основные признаки объективных причин самостоятельно предоставить истребуемое доказательство. Объективными причинами могут быть: отказ в предоставлении документов, полученный лицом, участвующим в деле от органов государственной власти, коммерческих организаций, физических лиц, равно как непредставление запрашиваемой информации в срок, указанный в запросе, или наличие оригинала доказательства у спорящей стороны.

Таким образом, если суд установит отсутствие объективности причин не предоставления доказательств, в ходатайстве об истребовании стороне будет отказано.

По сути, последствия отсутствия уважительных причин самостоятельного получения стороной доказательства является санкцией за злоупотребление процессуальным правом, которое направлено на соблюдение принципа равноправия и состязательности сторон. В ином случае, пользуясь положениями части 1 статьи 169 ГПК РФ – «Отложение разбирательства дела» по основаниям необходимости представления или истребования дополнительных доказательств или 216 ГПК РФ – «Право суда приостановить производство по делу» по причине направления судебного поручения, не исключены осложнения процесса приостановлением или отложением судебного заседания соответственно.

Для удовлетворения судом ходатайства об истребовании доказательств необходимо указать в ходатайстве, какие обстоятельства, имеющие значение для правильного рассмотрения и разрешения дела, могут быть подтверждены или опровергнуты истребуемым доказательством (ч. 2 статьи 57 ГПК РФ).

Правило относимости доказательств означает, что суд принимает только те из представленных доказательств, которые имеют значение для дела (ст. 53 ГПК).

Следовательно, лица, заявляющие ходатайство об истребовании доказательств по делу, должны раскрыть суду насколько данное доказательство относится к фактам, которые следует установить по делу.

При этом перед судом стоит сложная задача об оценке истребуемого доказательства, о содержании которого ему известно только от ходатайствующей стороны.

Статья 67 ГПК РФ предписывает суду устанавливать относимость доказательств непосредственно, следовательно, вопрос о принятии доказательств может решиться не ранее, чем в момент их представления суду.

В пунктах 7 и 11 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 июня 2008 г. № 11 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству» Верховный суд РФ разъяснил, что «судья должен выяснить, какими доказательствами стороны могут подтвердить свои утверждения, какие трудности имеются для представления доказательств; разъяснить, что по ходатайству сторон и других лиц, участвующих в деле, суд оказывает содействие в сборе и истребовании доказательств (ч. 1 ст. 57 ГПК РФ); судья оказывает содействие в истребовании доказательств (в частности, письменных) от организаций (ч.ч. 1 и 2 ст. 57, п. 9 ч. 1 ст. 150 ГПК РФ)»¹.

На практике же суд, рассматривая ходатайство об истребовании доказательств, вынужден без исследования содержания самого доказательства, опираясь лишь на мнения сторон, установить наличие критерия относимости истребуемого доказательства по делу и тем самым придать ему доказательственную силу. Санкцией за отказ сторон в раскрытии критерия относимости истребуемого доказательства является отклонение судом заявленного ходатайства. При этом ошибки суда в оценке истребуемого доказательства по критерию относимости при рассмотрении ходатайства могут быть устранены проверочными судебными инстанциями.

Например, судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, отменяя решение Центрального районного суда г. Сочи от 16 сентября 2015 года и апелляционное определение судебной коллегией по гражданским делам Краснодарского краевого суда от 19 ноября 2015 года, в определении от 20 сентября 2016 г. № 18-КГ16-106 указала на нарушение судами норм статей 56, 57. Суд отменил судебные акты в виду того, что запрашиваемое стороной доказательство – копия инвентарного дела по квартире – является относимым по делу доказательством, имеющим для дела существенное значение. И невозможность запрашиваемой стороны получить самостоятельно истребуемое доказательство подтверждает неправомочность вынесения отмененных судебных актов. Верховный Суд РФ указал, что суд первой инстанции не оказал содействие в истребовании письменных доказательств, тем самым нарушил право

1 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 июня 2008 г. № 11 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 9.

ответчиков на доказывание в суде в целях справедливого рассмотрения и разрешения дела.

При рассмотрении другого дела Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации определением от 14 февраля 2017 г. № 9-КГ16-21 отменила апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Нижегородского областного суда от 12 апреля 2016 по следующим основаниям. Суд кассационной инстанции установил нарушение требований закона, поскольку суды первой инстанции оставили без внимания ходатайство стороны об истребовании документов, подтверждающих существенные обстоятельства дела.

Таким образом, неисполнение сторонами обязанности по раскрытию критерия относимости истребуемого доказательства ведут к применению процессуальной санкции в виде отклонения судом заявленного ходатайства.

Проверка вышестоящими инстанциями правильности выводов суда первой инстанции об отказе в истребовании доказательств может быть осуществлена только при соблюдении определенных требований.

Статья 321 Гражданского процессуального кодекса РФ «Пределы рассмотрения дела в суде апелляционной инстанции» предусматривает обязанность суда апелляционной инстанции рассмотреть дело в пределах доводов, изложенных в апелляционной жалобе, представлении и возражениях относительно жалобы, представлении.

Требования к апелляционной жалобе установлены в статье 322 Гражданского процессуального кодекса РФ, среди прочих – обязанность апеллянта указать перечень прилагаемых к жалобе документов. Податель апелляционной жалобы, пользуясь предоставленным ему статьей 322 ГПК РФ правом на приложение документов, зачастую приобщает к материалам дела новое доказательство, не исследованное и не оцененное судом первой инстанции.

Суд апелляционной инстанции вынужден принять к рассмотрению апелляционную жалобу, поскольку отказ в принятии апелляционной жалобы по мотиву предоставления новых доказательств гражданским процессуальным правом не предусмотрен.

В качестве санкции за злоупотребление правом, а именно отказа апеллянта от предоставления относимого доказательства в суд первой инстанции, суд апелляционной инстанции вправе в силу положений статьи 327 ГПК РФ не принимать новое доказательство и не подвергать его судебной оценке.

Исключение из указанного правила составляют случаи, когда апеллянт докажет невозможность предоставления нового доказательства в суде первой инстанции по уважительным причинам.

Аналогичное положение предусмотрено статьей 390 Гражданского процессуального кодекса РФ, согласно которой суд кассационной инстанции в силу не вправе принимать новые доказательства, которые не были предметом оценки в суде первой инстанции.

Указанная оговорка законодателя обусловлена, прежде всего, тем обстоятельством, что главная функция проверочной инстанции – проверка законности и обоснованности решения суда первой инстанции путем проверки всех материалов дела¹. Правильность установления фактических обстоятельств судом первой инстанции вышестоящий суд может проверить, оценивая и исследуя имеющиеся в деле доказательства.

Однако, выходя за пределы полномочий, проверочная судебная инстанция с целью установления «объективной истины» нарушает основные принципы гражданского судопроизводства – состязательности и равноправия сторон, предусмотренные статьей 12 Гражданского процессуального кодекса РФ.

По нашему мнению, суд не может быть скован нормой статьи 57 ГПК РФ, как предписывающей истребовать относимые доказательства, на основании одних предположений лиц, участвующих в деле. Суду должны быть предъявлены доказательства относимости истребуемого документа, поскольку сторона может как злоупотреблять принадлежащим ей правом, так и добросовестно заблуждаться, в то же время исключить указанный принцип из правила об истребовании доказательств означало бы предоставление возможности сторонам затягивать процесс и заявлять необоснованные ходатайства.

С целью исключения возможности отмены судебного решения по основаниям нарушения принципов состязательности суд первой инстанции будет вынужден удовлетворить ходатайство об истребовании доказательства, которое, по мнению лиц, участвующих в деле, может иметь значение для дела.

При этом, как отмечает А.В. Юдин, «...особенно удручает беспомощность суда, не умеющего противостоять подобным проявлениям, а подчас и не имеющего правовой возможности для противостояния»².

Таким образом, предусмотренные санкции за злоупотребление лицами, участвующими в деле, процессуальными правами в виде отказа в судебной

1 Попова Ю.А. Некоторые проблемы пересмотра судебных актов вышестоящими судебными инстанциями / сб. науч. статей: Современные проблемы гражданского процессуального (судопроизводственного) права России. Краснодар: КубГАУ, 2012. С. 311.

2 Юдин А.В. Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве: Автореф. ... д-ра юрид. наук. СПб, 2009. С. 17.

защите зачастую имеют лишь регламентивный характер, не дающий возможность суду в полной мере соблюсти принципы правосудия.

Выходом из данного положения может явиться изменение нормы части 2 статьи 57 ГПК РФ, которая могла быть дополнена положениями о необходимости не только указать, какие обстоятельства являются существенными для дела, но и предусмотреть обязанность ходатайствующего лица предъявить суду доказательства относимости истребуемого доказательства.

Хайрутдинова Л.З.,

ведущий специалист-эксперт (юрисконсульт) юридического отдела ГУ – Отделения ПФР по Республике Татарстан, преподаватель кафедры гражданского процессуального права Казанского филиала РГУП

Ответственность за невыплату пенсий, пособий, заработной платы, стипендии и др.

Рассматривается возможность привлечения к уголовной и административной ответственности за невыплату заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат. Изучаются причины введения в Уголовный кодекс РФ статьи о невыплате заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат.

Ключевые слова: пенсия; пособие; заработная плата; ответственность.

Khayrutdinova L.Z.

The responsibility of non-payment wage, pension, scholarship allowance and other payments

The opportunity of bringing to criminal and administrative responsibility for non-payment of wage, pension, scholarship, allowance and other payments is being considered. The introduction of the article of non-payment wage, pension, scholarship, allowance and other payments into the RF Criminal Code is under study.

Keywords: pension; allowance; salary; liability.

Всеобщая Декларация прав человека 1948 г. заложила основу международного нормативного регулирования права на вознаграждение за труд. Пункт 2 статьи 23 Декларации устанавливает, что «каждый человек, без какой-либо дискриминации, имеет право на равную оплату труда за равный труд». При этом в пункте 3 указанной статьи отмечается, что «каждый работающий имеет право на справедливое и удовлетворительное вознаграждение, обеспечивающее достойное человека существование для него самого и его семьи и дополняемое при необходимости другими средствами социального обеспечения».

Основной целью государственного социального обеспечения граждан Российской Федерации является обеспечение государственных гарантий и их материальной поддержки, в том числе в случае возникновения непредвиденных жизненных ситуаций.

В соответствии с частью 2 статьи 7 Конституции Российской Федерации установлено, что охрана труда и здоровье людей, гарантированный минимальный размер оплаты труда, обеспечение государственной поддержки семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, развитие систем социальных служб, государственных пенсий, пособий и иных гарантий социальной защиты.

Кроме того, в статье 39 Конституции РФ гарантировано социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, для воспитания детей и в иных случаях, установленных законом, и, соответственно, является жизненно важным правомочием личности.

Социальное обеспечение предоставляется в виде денежных выплат (пенсий, пособий, компенсаций, субсидий и др.), социальных услуг или в натуральной форме, например, «социальный пакет». Денежные выплаты преобладают среди видов социального обеспечения, это обусловлено их универсальным характером использования как средства оплаты любых товаров, работ, услуг. Российское законодательство предусматривает значительное количество денежных выплат в рамках социального обеспечения. Наряду с пенсиями, пособиями, компенсациями в последние годы появились новые виды денежных выплат по системе социального обеспечения (жилищные субсидии, дополнительное материальное ежемесячное обеспечение и другие).

Социальные выплаты (пенсия, пособия и т. д.) в большинстве случаев являются единственным источником средств к существованию для нуждающегося гражданина, их невыплата или задержка выплат влекут его неспособность приобрести в необходимом количестве и ассортименте продукты питания, лекарства и т.п., т. е. лишает его возможности поддерживать минимальный жизненный уровень, что, в свою очередь, отрицательно сказывается на здоровье человека и ставит под угрозу его жизнь, влечет определенные физические страдания.

Вместе с тем следует отметить, что нарушение конституционных прав граждан в области социального обеспечения и трудовых отношений в последнее время составляет значительную часть правонарушений, об этом свидетельствует статистика обращений к Уполномоченному по правам человека РФ и жалоб на нарушение прав граждан, рассматриваемых Конституционным Судом РФ, в связи с чем государство принимает определенные меры по их сокращению, в том числе мерами уголовно-правового воздействия.

Российское законодательство кроме уголовной ответственности предусматривает административную и гражданскую ответственность за правонарушения, связанные с непредставлением гражданам социальных выплат, заработных плат, стипендий и т. д.

Для защиты конституционных прав граждан на оплату труда, выплату страховых пенсий и иных выплат Федеральным законом от 15 марта 1999 г. № 48-ФЗ в Уголовный кодекс РФ (далее – УК РФ) была введена статья 145.1, устанавливающая уголовную ответственность за невыплату заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат¹.

Принятие данного федерального закона явилось необходимой реакцией государственных органов на широко распространившуюся практику длительной задержки выплаты заработной платы, пенсий, стипендий в Российской Федерации, создавшую экономическую и социальную напряжённость в обществе. Так, при анализе статистических данных число осужденных по статье 145.1 УК РФ в 2014 г. составило 126 человек, в 2015 г. – 146 человек, в 2016 г. – 225 человек. Динамика количества осужденных по преступлению, предусмотренному статьей 145.1 УК РФ, указывает, что в 2015 г. количество осужденных по сравнению с 2014 годом увеличилось на 15,9 %, а в 2016 г. по сравнению с 2015 г. на 54,1 %.

При этом необходимо отметить, что разграничения статистических данных, касающихся привлечения к уголовной ответственности за невыплату заработной платы, пособий и иных выплат, отсутствуют.

В связи с тем, что нарушение в конституционных прав и свобод человека и гражданина в области социального обеспечения и трудовых отношений составляет значительную часть правонарушений, государство предпринимает определенные шаги по их сокращению, в том числе и мерами уголовно-правового воздействия.

Ежегодное увеличение количества осужденных по ст. 145.1 УК РФ обусловлено многочисленными причинами, в том числе и экономическими.

В результате совершения такого преступления существенно нарушается экономическая деятельность государства, вследствие чего причиняется значительный материальный ущерб интересам общества и государства.

Кроме того, статьей 5.41 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) установлена ответственность в виде административного штрафа за непредоставление на безвозмездной основе услуг по погребению, невыплату социального пособия на погребение супругу, близким родственникам, иным родственникам, законному представителю умершего или иному лицу, взявшему на себя обязанность осуществить погребение умершего². При этом хотелось бы

отметить, что других составов за невыплату пенсий, пособий и других социальных выплат Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях не предусматривает, а имеющиеся нормы носят фрагментарный характер, поскольку их нельзя применять в случаях непредоставления других видов социального обеспечения в денежной форме.

Исходя из вышеизложенного, меры административной и уголовной ответственности носят пресекательный и карательный характер, которые призваны только наказать виновных в совершении противоправных деяний, но не компенсируют гражданам неблагоприятные финансовые последствия, связанные с несвоевременной выплатой причитающихся им пенсий, пособий и других социальных выплат.

Вместе с тем общественная опасность преступления, предусмотренного статьей 145.1 УК РФ, и правонарушения, предусмотренного статьей 5.41 КоАП РФ, проявляется в негативном влиянии на экономическую основу государства, недоверии работодателю и влечет трудовые конфликты.

Таким образом, привлечение к уголовной и административной ответственности за невыплату заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат обусловлено необходимостью защиты гарантированных конституционных прав, снижения социальной напряженности в обществе и уменьшения трудовых конфликтов между работниками и работодателями.

1 Российская газета. 17.03.1999. № 50.

2 Собрание законодательства РФ. 2002. № 1(ч. 1). Ст. 1.

ЮРИДИЧЕСКИЕ САНКЦИИ И МЕРЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРИНУЖДЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ И ПРОЦЕССЕ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Артюшина О.В.,

доцент кафедры уголовного права Казанского юридического
института МВД России, к.ю.н.

Анализ санкций ст. 110.1 и 151.2 УК РФ

Автором анализируются наказания, предусмотренные за склонение к совершению самоубийства и вовлечение несовершеннолетних в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего, с учетом изменений, внесенных в УК РФ Федеральным законом от 29 июля 2017 года № 248-ФЗ. На основе оценки характера и степени их общественной опасности в сравнении со смежными преступлениями вносятся предложения по совершенствованию санкций соответствующих уголовно-правовых норм.

Ключевые слова: жизнь человека; суицид; несовершеннолетний; наказание; справедливость; общественная опасность.

В Федеральном законе от 7 июня 2017 года № 120-ФЗ¹ представлено концептуальное решение вопроса об установлении уголовной ответственности за склонение к совершению самоубийства; содействие совершению самоубийства; организацию деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства, и вовлечение несовершеннолетних в совершение действий, представляющих опасность для жизни. Представляется, что данные новеллы способны восполнить пробельность уголовного закона в этой сфере. При этом вызывают сомнения санкции новых статей и их адекватность характеру и степени общественной опасности деяний.

Актуальность темы обусловлена также вниманием законодателя к наказаниям, предусмотренным за совершение данных деяний. Спустя два месяца после их криминализации Федеральным законом от 29.07.2017 № 248-ФЗ² санкции соответствующих норм были значительно усилены, а ка-

1 См.: О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению: Федеральный закон от 7 июня 2017 г. № 120-ФЗ // Российская газета. 2017. 9 июня. URL: <https://rg.ru/2017/06/09/uk-dok.html> (дата обращения: 15.06.2017).

2 См.: О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29.07.2017 № 248-ФЗ // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» (Версия Проф) (дата обращения: 16.09.2017).

тегории изменены: 1) в ч. 2 ст. 110 УК РФ – от тяжкой до особо тяжкой; 2) в ч. 4 ст. 110.1 УК РФ – от средней тяжести до тяжкой, в части 5 этой статьи – от тяжкой до особо тяжкой; 3) в ч. 1 ст. 110.2 УК РФ – от средней тяжести до тяжкой, а в ее части 2 – от тяжкой до особо тяжкой. При этом наказание, предусмотренное в ст. 151.2 УК РФ, осталось прежним.

В литературе справедливо подчеркивается, что «наказуемость должна зависеть от характера и степени общественной опасности преступления»¹. Анализируя санкции в ст. 110.1 УК РФ, следует обратить внимание на то, что в части 1 данной статьи устанавливается ответственность за склонение к совершению самоубийства, а в части 2 – за содействие совершению самоубийства. При этом, на наш взгляд, общественная опасность склонения (как специального вида подстрекательства) выше, чем содействия. При склонении действия виновного возбуждают в другом лице желание совершить преступление, а при содействии виновное лицо действует уже при наличии сформированного у суицидента желания совершить самоубийство. Следовательно, наказание за склонение должно быть строже, чем наказание за содействие.

Кроме того, по степени общественной опасности склонение более соответствует доведению до самоубийства, нежели чем содействию (менее опасный способ компенсируется более опасной формой вины – прямым умыслом), поэтому, на наш взгляд, устанавливать ответственность за доведение и склонение следовало бы в одной статье, а за содействие – в другой. Следовало бы также момент окончания склонения определить так же, как в составе доведения до самоубийства, а случаи недостижения виновным желаемого результата в виде самоубийства другого человека или покушения на самоубийство оценивать как неоконченное преступление со ссылкой на ст. 30 УК РФ.

Анализируя санкцию ст. 151.2 УК РФ, вряд ли можно согласиться с тем, что предусмотренное в ч. 1 наказание до одного года лишения свободы соответствует характеру и степени общественной опасности деяния. Все-таки помимо основного объекта – интересов несовершеннолетнего – здесь также выделяется весомый дополнительный объект – жизнь человека. Кроме того, санкция данной нормы противоречит общей логике и системе построения санкций в статьях главы 20 УК РФ об ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в совершение противоправных действий. Думается, что общественная опасность вовлечения несовершеннолетних в совершение действий, представляющих опасность для жизни, соответствует общественной опасности вовлечения несовершеннолетних в со-

1 Иншаков С.М., Казакова В.А. Методологические подходы к наказуемости преступлений в ракурсе современной уголовной политики // Уголовное право. 2016. № 1. Справочная правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.10.2016).

вершение преступления (в ч. 1 ст. 150 УК РФ предусмотрено до пяти лет лишения свободы) и уж точно выше общественной опасности вовлечения несовершеннолетних в совершение антиобщественных действий (в ч. 1 ст. 151 УК РФ предусмотрено наказание до четырех лет лишения свободы).

Вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы:

1. Обнаруживается несоответствие установленных в законе наказаний за совершение преступлений, предусмотренных ст.ст. 110.1 и 151.2 УК РФ, их характеру и степени общественной опасности.

2. В целях совершенствования уголовного законодательства Российской Федерации в русле обеспечения задачи охраны прав личности и реализации принципа справедливости предлагается внести в УК РФ следующие изменения:

2.1. В связи с равной общественной опасностью деяний привести наказание за склонение к совершению самоубийства в соответствие с наказанием, предусмотренным за доведение до самоубийства. Для этого следовало бы, как ранее отмечалось, изложить ст. 110 УК РФ в новой редакции¹, а в ст. 110.1 УК РФ привести соответствующие изменения.

2.2. На основании наличия дополнительного объекта в виде жизни человека в составе преступления, предусмотренного ст. 151.2 УК РФ, усилить предусмотренное законом наказание, изменить категорию данного преступления с небольшой до средней тяжести, а санкции в частях статьи изложить по примеру ст. 150 УК РФ.

Список литературы:

1. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению: Федеральный закон от 7 июня 2017 г. № 120-ФЗ // Российская газета. 2017. 9 июня. URL: <https://rg.ru/2017/06/09/uk-dok.html> (дата обращения: 15.06.2017).
2. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29.07.2017 № 248-ФЗ // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» (Версия Проф) (дата обращения: 16.09.2017).
3. Иншаков С.М., Казакова В.А. Методологические подходы к наказуемости преступлений в ракурсе современной уголовной политики

¹ См.: Артюшина О.В. Новеллы УК РФ о противодействии деятельности, направленной на побуждение несовершеннолетних к суицидальному поведению // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. Т. 7. № 3 (29). С. 88. DOI: 10.24420/KUI.2017.3(29).7374.

// Уголовное право. 2016. № 1. Справочная правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.10.2016).

4. Артюшина О.В. Новеллы УК РФ о противодействии деятельности, направленной на побуждение несовершеннолетних к суицидальному поведению // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. Т. 7. № 3 (29). С. 85–92. DOI: 10.24420/KUI.2017.3(29).7374.

Багаудинов К.Ф.,

руководитель Азнакаевского межрайонного следственного отдела
Следственного управления Следственного комитета РФ
по Республике Татарстан

Прекращение досудебного соглашения о сотрудничестве в механизме уголовно-процессуальной ответственности

В статье рассмотрены отдельные вопросы прекращения прокурором досудебного соглашения о сотрудничестве.

Ключевые слова: досудебное соглашение о сотрудничестве; полномочия прокурора; полномочия следователя; прекращение досудебного соглашения о сотрудничестве.

В уголовно-процессуальном законодательстве предусмотрены определенные механизмы уголовно-процессуальной ответственности, которые реализуются в связи с нарушением тех или иных норм закона. Одним из видов уголовно-процессуальной ответственности является решение прокурора о прекращении досудебного соглашения о сотрудничестве, заключенного с обвиняемым, подозреваемым. Ответственность наступает за неисполнение обвиняемым, подозреваемым, условий и обязательств предусмотренных в досудебном соглашении о сотрудничестве.

В целом в науке не оспаривается договорной характер досудебного соглашения о сотрудничестве в уголовном судопроизводстве. Но в отличие от гражданско-правовых договоров, в досудебном соглашении о сотрудничестве преобладают публичные начала. При возникновении конфликта, противоречия между публичными и частными началами в рамках досудебного соглашения о сотрудничестве решение принимается, как правило, исходя из публичных начал, в публичных интересах. В этом состоит главная особенность досудебного соглашения о сотрудничестве в системе других договоров.

При этом предметом досудебного соглашения о сотрудничестве не могут быть обязательства стороны обвинения об изменении обвинения в сторону смягчения, об изменении квалификации содеянного и другие.

Таких возможностей российское законодательство не предусматривает. Предъявление обвинения, его объем, квалификация содеянного – все эти вопросы никак не связаны с досудебным соглашением о сотрудничестве.

В научных публикациях обращается внимание на отсутствие в ст. 317.3 УПК РФ прямого указания на обязательства прокурора, что ведет к пониманию соглашения лишь как смягчающего наказание обстоятельства и противоречит вытекающему из норм УПК РФ представлению о досудебном соглашении о сотрудничестве как процессуальном договоре. По мнению О.В. Климановой, прокурор способен принять на себя соответствующие обязательства и гарантировать исполнение соответствующих норм УПК РФ в части положительных последствий исполнения обвиняемым соглашения о сотрудничестве¹.

Полагаем, что прокурор не принимает на себя никаких обязательств и не может давать никаких гарантий, заключая досудебное соглашение о сотрудничестве. Нельзя и невозможно прописывать в досудебном соглашении о сотрудничестве какие-то обязательства со стороны прокурора. Все условия, особенно заключения и реализации досудебного соглашения изложены в уголовно-процессуальном законе, прокурор разъясняет и применяет эти нормы.

Кроме этого, могут быть случаи, когда реализация досудебного соглашения о сотрудничестве прекращается в силу причин и обстоятельств, которые объективно не видны из материалов уголовного дела (поступление оперативной информации, раскрытие преступления другим путем и т. д.).

Далее прокурор не может предвидеть, как пройдет рассмотрение уголовного дела в суде. Может случиться так, что ситуация в суде кардинально изменится и особый порядок не может быть применен. С этой точки зрения также невозможно принятие прокурором на себя каких-либо обязательств.

При принятии прокурором решения о прекращении досудебного соглашения о сотрудничестве он должен ознакомиться с материалами уголовного дела. Прямого такого требования закон не содержит, но это вполне очевидно. Ведь невозможно сделать вывод о том, что обвиняемый не исполнил взятые на себя обязательства, нарушающие условия досудебного соглашения о сотрудничестве, не ознакомившись с материалами уголовного дела. Тем более на это может обратить внимание сторона защиты.

Например, и.о. прокурора г. Москвы прекратил досудебное соглашение о сотрудничестве с обвиняемым С. со ссылкой на то, что он нарушил условия досудебного соглашения. Адвокат обжаловал решение прокурора в

1 Климанова О.В. Досудебное соглашение о сотрудничестве: правовая природа, договорные характеристики и проблемы квалификации преступлений: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2017. С. 9–10.

суд, указав в том числе и о том, что при принятии решения прокурор не ознакомился с материалами уголовного дела – об этом не было сведений в деле. Суд отклонил жалобу, указав: «... из постановления следует, что прокурором материалы уголовного дела рассмотрены¹».

Полагаем, что более убедительными были бы справка прокурора об изучении им дела либо сопроводительные документы об истребовании прокурором дела.

При проверке выполнения обвиняемым условий досудебного соглашения о сотрудничестве прокурор должен изучить:

- материалы уголовного дела по обвинению лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве;
- материалы уголовного дела (уголовных дел) по обвинению его соучастников, если имело место выделение уголовных дел;
- материалы уголовных дел, возбужденных по результатам сотрудничества с обвиняемым;
- результаты и материалы оперативно-розыскной деятельности, проводившейся в рамках сотрудничества с обвиняемым;
- материалы проверки сообщений о преступлениях, выявленных в результате сотрудничества с обвиняемым.

Последние могут быть как в виде возбужденных уголовных дел, так и в виде материалов об отказе в возбуждении уголовного дела.

Отдельные авторы считают, что при наличии возражений со стороны подозреваемого или обвиняемого расторжение досудебного соглашения о сотрудничестве не может быть произведено прокурором. Такое решение должно приниматься исключительно в судебном порядке².

Полагаем, что такое предложение противоречит самой роли суда в уголовном судопроизводстве. Рассмотрение таких споров неизбежно втянет суд в оценку доказательств, что является недопустимым.

Пунктом 1.16 Приказа Генерального прокурора РФ от 15 марта 2010 г. № 107 «Об организации работы по реализации полномочий прокурора при заключении с подозреваемыми (обвиняемыми) досудебных соглашений о сотрудничестве по уголовным делам» прокурорам предписано при получении сведений о несоблюдении обвиняемым, подозреваемым досудебного соглашения о сотрудничестве (сообщение заведомо ложных сведений, отказ от участия в следственных действиях, оперативно-розыскных ме-

1 Апелляционное постановление Московского городского суда от 5 марта 2014 г. по жалобе адвоката Сагдиева Э.А. [Электронный ресурс]. Режим доступа из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 16.10.2017).

2 Иванов А.А. Теоретические и организационно-правовые аспекты реализации института досудебного соглашения о сотрудничестве в российском уголовном процессе: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2013. С. 11.

роприятиях и др.) выносить постановление о прекращении досудебного соглашения о сотрудничестве, а в случае их поступления при выполнении требований ст. 221 УПК РФ – постановление об отказе во внесении представления, предусмотренного ст. 317.5 УПК РФ; копии указанных документов с разъяснением порядка обжалования направлять обвиняемому и его защитнику, уголовное дело при изложенных обстоятельствах направлять в суд для рассмотрения в общем порядке.

Указанный пункт приказа и изложенные в нем предписания прокурорам были обжалованы в Верховный Суд РФ. Заявитель К. при этом указал, что в рамках расследования уголовного дела, по которому он проходил обвиняемым, с ним было заключено досудебное соглашение о сотрудничестве. На одном из этапов расследования постановлением прокурора досудебное соглашение о сотрудничестве было прекращено в связи с поступившим от руководителя следственного органа сообщением о том, что им была скрыта преступная роль конкретного лица. Постановление было вынесено в отсутствие обвиняемого и защитника, без предоставления стороне защиты права дать пояснения по поводу поступившей информации о якобы нарушении досудебного соглашения о сотрудничестве, без предоставления возможности привести доказательства в поддержку позиции стороны защиты. Указанное постановление было обжаловано заявителем в Калининский районный суд Санкт-Петербурга, постановлением которого со ссылкой на оспариваемую норму оно было оставлено без удовлетворения.

Верховный Суд РФ в удовлетворении заявления К. о признании частично недействующим пункта 1.16 Приказа Генерального прокурора РФ от 15 марта 2010 г. № 107 отказал и одновременно дал важные разъяснения. Верховный Суд РФ указал, что закрепленное в пункте 1.16 приказа положение о вынесении прокурором постановления о прекращении досудебного соглашения о сотрудничестве при получении сведений о несоблюдении обвиняемым досудебного соглашения о сотрудничестве полностью согласуется с соответствующими нормами УПК РФ, в частности, с ч. 5 ст. 317.4. Оспариваемое положение не нарушает право обвиняемого на защиту.

Важным представляется и вывод Верховного Суда РФ о том, что закрепленное частью 5 статьи 317.4 УПК РФ право прокурора вынести постановление об изменении или о прекращении досудебного соглашения о сотрудничестве в совокупности с частью 4 ст. 7 УПК РФ подразумевает, что такое постановление должно быть законным, обоснованным, мотивированным, принятым на основании проведенной проверки данных о несоблюдении подозреваемым (обвиняемым) досудебного соглашения о сотрудничестве, которые могут быть положены в основу указанного постановления.

Следовательно, до принятия решения о прекращении досудебного соглашения о сотрудничестве прокурором должна быть проведена проверка

данных о несоблюдении подозреваемым (обвиняемым) условий досудебного соглашения о сотрудничестве. Недостаточно только одного сообщения следователя, руководителя следственного органа о несоблюдении условий досудебного соглашения, об их нарушении – прокурор должен провести и другие проверочные действия (получить объяснения, истребовать дополнительные сведения, документы и др.). Принятию такого решения должно предшествовать и ознакомление прокурора с материалами уголовного дела, в особенности с теми документами, доказательствами, с которыми связано прекращение соглашения.

Обратим внимание и на другие выводы Верховного Суда РФ, в частности, о том, что вынесение прокурором постановления о прекращении досудебного соглашения о сотрудничестве не препятствует подозреваемому (обвиняемому) ходатайствовать о дополнительном его допросе, в том числе по обстоятельствам, изложенным в постановлении. Соответственно, и прокурор в ходе проводимой им проверки вправе опросить обвиняемого по существу сведений о нарушении им условий досудебного соглашения о сотрудничестве, представленных следователем или руководителем следственного органа¹.

Безусловно, данные правовые позиции Верховного Суда РФ должны быть приняты во внимание прокурором при принятии решения о прекращении досудебного соглашения о сотрудничестве.

Если прокурор не вынес представление об особом порядке проведения судебного заседания, в уголовном деле должно быть другое процессуальное решение прокурора, аннулирующее ранее заключенное досудебное соглашение о сотрудничестве.

Например, по уголовному делу привлекались пятеро обвиняемых, с четырьмя из них прокурор заключил досудебное соглашение о сотрудничестве, с одним обвиняемым досудебное соглашение не заключалось. Уголовные дела лиц, с которыми заключались досудебные соглашения о сотрудничестве, в отдельное производство не выделялись. В конечном счете, прокурор не вынес представление об особом порядке проведения судебного заседания и направил уголовное дело для рассмотрения в общем порядке, очевидно, исходя из того, что один из обвиняемых досудебное соглашение не заключал. При этом в уголовном деле, направленном в суд, отсутствовало постановление прокурора о прекращении досудебного соглашения о сотрудничестве. В таком виде уголовное дело поступило в суд. Государственный обвинитель в суде не смог внятно объяснить и выразить позицию прокурора, а лишь сослался на положения закона. Подсудимые и

1 См.: Решение Верховного Суда РФ от 1 ноября 2016 г. № АКПИ16-878 [Электронный ресурс]. Режим доступа из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 16.10.2017).

их адвокаты утверждали, что они свои обязательства в рамках заключенных досудебных соглашений полностью исполнили.

При таких обстоятельствах суд возвратил уголовное дело прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом. При этом суд указал, что допущенное прокурором нарушение закона, выражающееся в невнесении в суд представления при отсутствии другого процессуального решения, аннулирующего досудебное соглашение о сотрудничестве, не дает суду возможности правильно определить форму судопроизводства по уголовному делу. Отсутствие представления прокурора исключает разрешение вопроса о форме судопроизводства по делу¹.

Таким образом, если прокурор не внес представление об особом порядке проведения судебного заседания и вынесения судебного решения, то он должен предоставить суду другое решение, в котором бы указывалось на неисполнение обвиняемым своих обязанностей, принятых по досудебному соглашению о сотрудничестве и, соответственно, на аннулирование данного соглашения.

Список литературы:

1. Апелляционное постановление Московского городского суда от 5 марта 2014 г. по жалобе адвоката Сагдиева Э.А. [Электронный ресурс]. Режим доступа из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 16.10.2017).
2. Иванов А.А. Теоретические и организационно-правовые аспекты реализации института досудебного соглашения о сотрудничестве в российском уголовном процессе: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2013. 25 с.
3. Климанова О.В. Досудебное соглашение о сотрудничестве: правовая природа, договорные характеристики и проблемы квалификации преступлений: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2017. 28 с.
4. Определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ № 66-010-41 от 14.04.2010 [Электронный ресурс]. Режим доступа из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 16.10.2017).
5. Решение Верховного Суда РФ от 1 ноября 2016 г. № АКПИ16-878 [Электронный ресурс]. Режим доступа из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 16.10.2017).

¹ Определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ № 66-010-41 от 14.04.2010 [Электронный ресурс]. Режим доступа из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 16.10.2017).

Беляев М.В.,

заместитель председателя Верховного Суда Республики Татарстан, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Казанского филиала РГУП, к.ю.н.

Ответственность суда за принятие решений в уголовном процессе

В статье рассматриваются вопросы, касающиеся различных видов ответственности суда за принятие решений в ходе уголовного судопроизводства. Анализируется ответственность суда за вынесение законного, обоснованного, справедливого и мотивированного решения, делается вывод о том, что при вынесении решения суд оценивает степень его возможной устойчивости при проверке в судах вышестоящих инстанций, а также перспективы оценки данного решения Европейским Судом по правам человека.

Ключевые слова: судебное решение; суд; уголовное судопроизводство; законность; обоснованность; справедливость; мотивированность приговора.

Судебные решения, принимаемые при производстве по уголовным делам, отражают весь ход процесса, познавательную, логическую, мыслительную деятельность суда по установлению фактических обстоятельств и юридической квалификации. Судебные решения являются своего рода квинтэссенцией всего процесса, его итогом, результируют деятельность суда и иных участников уголовного судопроизводства.

Судебные решения являются способом реализации судебной власти посредством уголовного судопроизводства в каждом конкретном уголовном деле. Вынося судебное решение, суд в каждом случае, в каждом уголовном деле, при разрешении каждого, даже самого мелкого вопроса олицетворяет собой судебную власть. В условиях информационного общества, развития и внедрения в судебную систему новейших информационных технологий, открывающих доступ к большинству решений, вынесенных судами, и осуществлению таким образом социального контроля за данной сферой, степень ответственности суда за вынесение каждого из решений неуклонно возрастает. И эта ответственность не может рассматриваться в контексте лишь отдельного уголовного дела. Совокупность судебных решений, принятых по уголовным делам и, в первую очередь, – итоговых, разрешающих уголовное дело по существу, решений о применении наиболее строгих мер пресечения, а также решений об условно-досрочном освобождении, в их оценке обществом определяет эффективность судебной системы в общественном сознании, транспарентность и предсказуемость правосудия в целом.

Огромное общественное значение судебных решений в их совокупности, в том числе и решений, принимаемых в ходе уголовного судопроизводства, предопределяет и социальные требования к каждому из них,

которые лишь отчасти находятся в сфере правового регулирования: судебные решения должны приниматься своевременно и быть предсказуемыми. Своевременность предполагает разумный подход к соблюдению сроков при производстве процессуальных действий и принятии процессуальных решений. В условиях отсутствия конкретизации периода времени, необходимого для рассмотрения уголовных дел по существу, соблюдение разумных сроков и своевременное принятие решений представляются очень важными.

Предсказуемость судебных решений базируется на таком требовании к ним, как обоснованность. Выводы суда, положенные в основу судебного решения, должны соответствовать фактическим обстоятельствам дела, вытекать из них, не являться неожиданными, соответствовать судебной практике по аналогичным делам.

Определяя характер ответственности суда за принятие решений, можно условно можно выделить следующие виды ответственности:

- социальная – ответственность суда перед обществом либо за репутацию судебной власти в глазах населения;
- моральная – ответственность суда за судьбу каждого подсудимого, справедливость принятого решения и назначенного наказания;
- уголовная – за вынесение заведомо неправосудного решения (ст. 305 УК РФ);
- ответственность в уголовно-процессуальном праве – вынесение незаконного, необоснованного, несправедливого решения влечет его отмену судом вышестоящих инстанций.

Оставляя за рамками выступления социальную, моральную и уголовную ответственность, остановлюсь более подробно на последней.

В уголовном процессе суд фактически отвечает за все действия и решения должностных лиц, ответственных за производство по делу на предшествующих досудебных этапах. Прямого указания на это закон не содержит, однако системное толкование норм уголовно-процессуального закона и вся логика процесса приводят именно к этому выводу. Обязанность суда разрешить уголовное дело по существу и вынести по нему законное, обоснованное и справедливое решение это подразумевают.

Законный приговор не может быть постановлен по результатам незаконного предварительного расследования либо незаконного рассмотрения в суде. Это вытекает из смысла уголовно-процессуального закона и находит свое отражение в положениях п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ и Постановлении Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2003 г. № 18-П¹. В данном

1 Постановление Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2003 г. № 18-П по делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан // СПС «КонсультантПлюс».

постановлении указано, что суд как орган правосудия должен обеспечивать в судебном разбирательстве соблюдение требований, необходимых для вынесения правосудного решения по делу, и принимать меры к устранению препятствующих этому обстоятельств.

Это означает, что суд должен убедиться в законности предварительного расследования, устранить выявленные нарушения. Чаще всего речь может идти о необходимости признания недопустимыми доказательств, полученных с существенным нарушением закона, которые могут повлиять на исход дела.

Обоснованность приговора и иного судебного решения означает, что оно должно соответствовать фактическим обстоятельствам уголовного дела. И в случае, если эти обстоятельства не установлены должным образом, суд, по сути, должен это восполнить. Возникает дилемма: с одной стороны, суд не должен восполнять неполноту расследования, должен стремиться к исполнению арбитражной роли, разрешая спор сторон обвинения и защиты, с другой – несет ответственность за вынесение по делу обоснованного решения, в основе которого лежит установление фактических обстоятельств дела. Безусловный приоритет в данном случае приобретает необходимость полноценного установления обстоятельств дела. В условиях публичного уголовного процесса, когда суд выносит приговор именем государства, пассивная роль суда в установлении обстоятельств дела может иметь место только в условиях, когда стороны на высоком профессиональном уровне исполняют свои обязанности (в первую очередь, когда фактические обстоятельства дела установлены надлежащим образом).

Справедливость судебного решения – самая сложная субстанция, поскольку понимание содержания справедливости находится в плоскости не только правового регулирования, но также в общественном сознании. В соответствии с разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ приговор суда может считаться законным, обоснованным и справедливым, если он соответствует требованиям не только УПК РФ, но и требованиям международно-правовых актов (Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 года и Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года) и постановлен по результатам справедливого судебного разбирательства. Между тем требования ЕСПЧ к справедливому судебному разбирательству, порой весьма своеобразным образом толкующих положения ст. 6 Европейской Конвенции, не всегда имеют четкие границы, определяются с учетом обстоятельств каждого конкретного дела с позиций соблюдения разумного баланса между публичными интересами и интересами конкретного лица. Справедливый приговор не может быть постановлен по результатам несправедливого судебного разбирательства, а справедливость судебного разбирательства подразумевает справедливость всего процесса в целом, начиная с первых

принудительных действий в отношении лица, фактически заподозренного в совершении преступления. В случае выявления несправедливости, допущенной в ходе досудебного производства, суд должен принять соответствующие меры и устранить её. При этом суд должен убедиться не только в справедливости собственно уголовно-процессуальных действий, но и в соблюдении законодательства об оперативно-розыскной деятельности: отсутствии провокации преступления, излишних контрольных закупок и т. д.

Мотивированность судебного решения – особая категория, которая в последние годы наполняется новым содержанием. Как правило, вышестоящие суды отменяют судебное решение, если в нем оставлен без внимания хотя бы один довод стороны (обычно стороны защиты) либо ответ на этот довод недостаточно мотивирован.

В полной мере осознавая степень ответственности за вынесение законного, обоснованного, справедливого и мотивированного решения, судьи, как правило, при вынесении решения прогнозируют степень его устойчивости в вышестоящих судебных инстанциях при апелляционной, кассационной и надзорной проверках и принимают во внимание все вышеуказанные обстоятельства.

Реалии сегодняшнего дня заключаются в том, что требования, предъявляемые к судебным решениям, находятся не только в тексте УПК РФ, но также и разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ, правовых позициях Конституционного Суда РФ. Немаловажное значение для определения содержания судебных решений играет сложившаяся судебная практика, а также решения ЕСПЧ. Принимая решение, суд должен также его оценивать с точки зрения возможной отмены не только судами вышестоящих инстанций, но и с позиций ЕСПЧ, оценивающего соблюдение основных прав и свобод личности, предусмотренных Европейской Конвенцией, в ходе уголовного судопроизводства. Это означает, что судьи должны знать основные позиции ЕСПЧ по ключевым вопросам уголовного процесса и применять их при рассмотрении уголовных дел.

В ряде случаев эти решения не всегда для нас очевидны. Так, например, в деле Моисеев против России (2008)¹ ЕСПЧ указал, что заявитель предстал перед жизненно важным судом в состоянии пониженной физической и моральной сопротивляемости из-за изнурительной транспортировки. Он содержался в изоляторе, транспортировался и находился в суде в чрезвычайно стесненных условиях, без должного доступа к естественному освещению и воздуху. Заявитель не мог читать или писать, поскольку находился в суде в таком крохотном пространстве со столь многими другими

1 Решение ЕСПЧ по делу «Моисеев против России» от 9 октября 2008 г. Жалоба № 62936/00 // СПС «КонсультантПлюс».

заклученными. Страдания и безысходность, которые должен был чувствовать заявитель в связи с бесчеловечными условиями транспортировки и содержания, несомненно, ухудшали его способность к сосредоточению и интенсивной умственной деятельности в часы, непосредственно предшествующие судебным заседаниям. Известно, что ему оказывала помощь группа адвокатов, которые могли делать заявления от его имени. Тем не менее, принимая во внимание характер поднимаемых во время судебного разбирательства вопросов и их близкую связь со сферой компетенции заявителя, Суд считает, что его возможность эффективно инструктировать адвокатов и консультироваться с ними имела первостепенную важность. Совокупное воздействие вышеуказанных условий и недостаточность возможностей исключали какую-либо вероятность заблаговременной подготовки защиты заявителем. Вышеуказанные обстоятельства были признаны нарушением права на защиту в контексте права на справедливое судебное разбирательство.

Таким образом, в уголовном процессе суд фактически отвечает за все действия и решения должностных лиц, ответственных за производство по делу, на предшествующих досудебных этапах. Обязанность суда разрешить уголовное дело по существу и вынести по нему законное, обоснованное и справедливое решение это подразумевает.

Список литературы:

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2003 г. № 18-П по делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан // СПС «КонсультантПлюс».
2. Решение ЕСПЧ по делу «Моисеев против России» от 9 октября 2008 г. Жалоба № 62936/00 // СПС «КонсультантПлюс».

Бурганов Р.С.,

ст. преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин
Казанского филиала РГУП, к.ю.н.

Судебный штраф как разновидность санкции в российском уголовном праве и процессе

Статья посвящена судебному штрафу как иной мере уголовно-правового характера, его месту среди институтов уголовного и уголовно-процессуального права. В статье на основании законодательства и материалов судебной практики ставятся проблемы применения судебного штрафа, предлагаются пути их разрешения.

Ключевые слова: судебный штраф; иные меры уголовно-правового характера; освобождение от уголовной ответственности; уголовно-правовые санкции.

В развитии отраслей криминального цикла в России наметился ряд тенденций. К таким можно, в частности, отнести:

- криминализацию деяний, ранее не являвшихся преступлениями и появившихся благодаря техническому прогрессу;
- ужесточение ответственности за некоторые преступления;
- приведение процессуальных норм в соответствие с реалиями сегодняшнего дня;
- либерализацию и гуманизацию уголовного и уголовно-процессуального законодательства;
- развитие альтернативных и упрощенных видов уголовного судопроизводства.

Последнее ознаменовалось такими событиями, как появление особого производства при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением, особого порядка уголовного судопроизводства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, появление дознания в сокращенной форме. Последним среди таких событий было появление в российском уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве межотраслевого института судебного штрафа.

В чем же цель введения такого института в российскую правовую систему? Нам представляется, что цели следующие:

- сокращение числа лиц, имеющих или имевших судимость. Неоднократно отмечалось, что в России огромное число таких лиц¹. Это влияет не только на их возможность участия в общественной жизни, но и на карьеру их детей, повышает социальную напряженность и чувство отторжения обществом;
- сокращение срока содержания под стражей;
- облегчение нагрузки на исправительные учреждения;
- процессуальная экономия, экономия времени и ресурсов суда и следственных органов;
- получение доходов с целью хотя бы в какой-то части возместить расходы на проведение предварительного расследования и судебного разбирательства;
- и, наконец, судебный штраф важен тем, что больше нацелен не на суровость наказания, а на его неизбежность.

1 См.: например В. Радченко пишет, что четверть взрослого мужского населения имело или имеет судимость // Хорошо сидим. <https://tg.ru/2008/09/02/radchenko.html>.

Как писал Ч. Беккариа, не в жестокости, а в неизбежности наказания заключается один из наиболее эффективных способов предупредить преступления. А как следствие этого – и в бдительности властей, и в строгости неумолимых судей, которая, однако, лишь при мягком законодательстве становится полезной добродетелью. Неизбежность наказания, даже умеренного, всегда производит более сильное впечатление, чем страх подвергнуться самому суровому наказанию, если при этом существует надежда на безнаказанность¹.

В целом подход законодателя представляется нам разумным и обоснованным, упрощенные производства будут развиваться, их перечень будет расширяться, на необходимость этого указывает и зарубежная практика.

Что является базой для правоприменителя при применении судебного штрафа? В настоящее время базой для этого являются:

- статья 76.2 УК РФ;
- глава 15.2 УК РФ «Судебный штраф»;
- ст. 25.1 УПК РФ;
- глава 51.1 УПК РФ «Производство о назначении меры уголовно-правового характера при освобождении от уголовной ответственности»;
- Постановление Пленума Верховного суда РФ № 56 от 29.11.2016, которым внесены изменения в ряд постановлений Пленума ВС РФ, касающихся в частности судебного штрафа.

Судебная статистика. Изменения в законодательство, касающиеся судебного штрафа, если судить по практике и статистике их применения, были встречены судьями и юридическим сообществом с воодушевлением. Суды активно стали применять эту меру.

Приведем данные судебной статистики за первое полугодие 2017 года. Как следует из данных Судебного департамента, в первом полугодии 2017 года было возвращено дел в связи с отказом в удовлетворении ходатайства о прекращении уголовного дела и назначении уголовно-процессуальной меры судебного штрафа – 268.

Всего прекращено уголовных дел с назначением судебного штрафа по ходатайствам о прекращении с назначением судебного штрафа – 5 725. При этом всего было прекращено 92 167 дел².

Поступило 203 ходатайства об отмене постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования и назначенного судебного штрафа, из них удовлетворено 123, отказано в 34, прекращено производство по 46 ходатайствам.

Сумма назначенного судом судебного штрафа по прекращенным уголовным делам (ст. 76.2, 104.4 УК РФ, 25.1 УПК РФ) за первое полугодие

1 <http://libcoln.com/book/62e6cfbe-2c4f-4bf6-87e9-0a98196f88ae#XIX>.

2 <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4152>.

2017 года составила 116 255 336 руб., то есть средняя сумма штрафа составила немногим более 20 000 руб.

Соответственно, есть широкая практика применения судебного штрафа.

С учетом природы судебного штрафа на основании анализа судебных решений мы выявили ряд проблем при применении судебного штрафа.

Проблема подтверждения вины подозреваемого, обвиняемого или подсудимого.

Дело в том, что суд, применяя судебный штраф, может не исследовать в полном объеме доказательств вины обвиняемого. В соответствии с п. 25.3 Постановления Пленума № 56 при изучении представленных материалов и рассмотрении ходатайства судья должен убедиться в том, что выдвинутое в отношении лица подозрение или предъявленное лицу обвинение в совершении преступления небольшой или средней тяжести обоснованно, подтверждается доказательствами, собранными по уголовному делу, и в материалах содержатся достаточные сведения, позволяющие суду принять итоговое решение о прекращении уголовного дела или уголовного преследования и назначении подозреваемому, обвиняемому меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа.

Суд не может заслушивать свидетелей, потерпевших, задавать вопросы эксперту, специалисту и т. д., не может выяснить все без исключения обстоятельства дела. Он исследует материалы дела лишь на бумаге.

Данная проблема вытекает из вопроса о необходимости установления объективной истины по делу. Подходы к решению этой проблемы наметились разные.

Так, В.В. Кальницкий указывает, что аналогом для деятельности судьи, рассматривающего ходатайство о прекращении уголовного дела, должно быть не судебное заседание в досудебном производстве, не получившее развитой процедуры, а производство в суде первой инстанции, регламентированное разделом IX УПК РФ. Автор полагает, что судья должен иметь право осуществить предварительный формальный контроль материалов уголовного дела, поступившего с ходатайством о прекращении, и предлагает вариант полного исключения прикосновения органов расследования (даже в части возбуждения перед судом ходатайства) к решению о прекращении уголовного дела или уголовного преследования с назначением судебного штрафа¹.

Зарубежная практика содержит немало примеров и вариантов до практически полного отказа от установления объективной истины по делу.

1 См.: Кальницкий В.В. Порядок прекращения судом уголовного дела (преследования) в связи с назначением судебного штрафа // Законодательство и практика. 2016. № 2.

Процедуры упрощенного производства действуют во многих государствах. Так, во французском уголовном процессе есть процедура «Comparution immédiate». Возможность ее применения во многом зависит от того, были ли задержан преступник на месте преступления и на нем имеются доказательства преступления. В этом случае полиция может немедленно проинформировать прокурора. После этого прокурор может инициировать процедуру немедленного судебного разбирательства. Она возможна если: подозреваемый согласен с ее применением, преступление не предусматривает наказание на срок свыше 2 лет тюремного заключения; достаточно доказательств по делу; дело готово к немедленному разбирательству. Эта процедура невозможна, если подозреваемый несовершеннолетний или совершил политическое преступление. Если прокурор избирает именно эту процедуру, то подозреваемый должен быть доставлен в суд в этот же день. Если это невозможно, то преступник может быть задержан не более, чем на 5 дней. Проведенное в 2008 году исследование «Лионского совета за соблюдение прав» установило, что средняя продолжительность составила 31 минуту на человека. Средний срок наказания в виде тюремного заключения составил 6 месяцев¹.

2. Право на ходатайство о применении судебного штрафа обвиняемому и подсудимому и их защитникам не предоставлено.

Проанализированные нами судебные постановления свидетельствуют, что сторона защиты часто заявляет ходатайство о применении судебного штрафа и суды рассматривают его и удовлетворяют. Так, по уголовному делу по обвинению М. в совершении преступления, предусмотренного пунктом «г» части 2 статьи 158 УК РФ, в судебном заседании адвокат Г. заявил ходатайство об освобождении М. от уголовной ответственности с применением судебного штрафа. Прокурор А. не возражал, обвиняемая М. поддержала ходатайство. Постановлением от 11 августа 2017 года уголовное дело в отношении М. было прекращено².

Другая позиция сформулирована в апелляционном постановлении Московского областного суда от 04 июля 2017 г. по делу № 22-4551/2017 при рассмотрении апелляционной жалобы адвоката Бугеовой О.А. на приговор Серпуховского городского суда Московской области от 22 мая 2017 г. В жалобе адвокат Б. указала, в частности, что судом неправомерно отказано в удовлетворении ходатайств, заявленных стороной защиты о прекращении уголовного дела в отношении М. в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, поскольку все законные основания для этого у суда, по мнению адвоката, имелись. Суд отказал в удовлетворении жалобы, указав, в частности, что доводы адвоката о не-

1 https://fr.wikipedia.org/wiki/Comparution_imm%C3%A9diate.

2 Сайт Вахитовского районного суда г. Казани. Дело № 1-312/2017.

обходимости прекращения уголовного дела в порядке ст. 25.1 УПК РФ не могут быть рассмотрены судом апелляционной инстанции, поскольку не основаны на законе. Согласно данной нормы закона, прерогатива подачи такого ходатайства возлагается на следователя с согласия руководителя следственного органа либо дознавателя с согласия прокурора, или судом по собственной инициативе, в случаях, предусмотренных ст. 76.2 УК РФ. Как усматривается из материалов дела, указанными в данной норме закона лицами ходатайства не заявлялись¹.

Полагаем, что законодатель должен внести изменения в УПК РФ, указав подозреваемого, обвиняемого, подсудимого и его защитника в качестве лиц, обладающих правом заявить ходатайство о применении судебного штрафа. В настоящее время формулировка УПК РФ формально выражает равенство сторон судопроизводства. Законодатель своей формулировкой оставляет инициативу применения судебного штрафа суду. Последний как независимый арбитр по этическим мотивам не всегда решится взять на себя активную роль участника судопроизводства, который по своей инициативе прекращает уголовное дело и освобождает лицо от наказания. Предлагаемые изменения позволят избежать несогласованностей в судебной практике.

3. Законодатель предоставил суду широкую свободу усмотрения.

Суд может выбирать размер штрафа, может выбирать между основаниями прекращения. Суд может применить судебный штраф независимо от мнения потерпевшего и государственного обвинителя. Так, по уголовному делу в отношении О. Собинский городской суд Владимирской области, оставляя без изменения приговор мирового судьи, указал, что в суде первой инстанции защитником было заявлено ходатайство о прекращении уголовного дела и назначении меры уголовно-правового характера в отношении Орлова А.Ф. Последний поддержал заявленное ходатайство, был согласен на прекращение уголовного дела и назначение меры уголовно-правового характера, согласен на выплату судебного штрафа в установленный судом срок. Судом в постановлении указано, что государственный обвинитель не возражал против удовлетворения ходатайства защитника. Вместе с тем обязательного согласия прокурора для назначения меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа не требуется. Мнение потерпевшего должно иметь значение только по вопросам о возме-

1 http://sudact.ru/regular/doc/8IfkK25bfbLc/?page=2®ular-doc_type=®ular-court=®ular-date_from=01.11.2016®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=®ular-workflow_stage=20®ular-date_to=15.11.2017®ular-area=®ular-txt=%D1%81%D1%83%D0%B4%D0%B5%D0%B1%D0%BD%D1%8B%D0%B9+%D1%88%D1%82%D1%80%D0%B0%D1%84&_=1510779125591®ular-judge=&snippet_pos=500#snippet

нии материального ущерба, о способах заглаживания неимущественного вреда (морального и физического), их приемлемости и размере возмещения. Закон не связывает с мнением потерпевшего решение судом вопроса о прекращении дела с применением судебного штрафа¹.

Саратовский областной суд пришел к выводу, что при определении возможности применения судебного штрафа способы заглаживания вреда определяются не потерпевшим, а судом. 16 февраля 2017 года в открытом судебном заседании суд рассмотрел уголовное дело по апелляционной жалобе представителя потерпевшего Б. на постановление Балашовского районного суда Саратовской области от 6 декабря 2016 года по уголовному делу в отношении П. Отказывая в удовлетворении жалобы, суд указал, что доводы апелляционной жалобы о том, что способы заглаживания вреда по аналогии со ст. 76 УК РФ должны были определяться потерпевшим по настоящему делу, не основаны на законе, поскольку в отличие от ст. 76 УК РФ, где обвиняемый для прекращения уголовного дела должен заглаживать вред именно потерпевшему, ст. 76.2 УК РФ такого указания не содержит, а требует заглаживания вреда, причиненного преступлением².

4. Конкуренция оснований для прекращения уголовного дела

Освобождение от уголовной ответственности с назначением меры уголовно-правового характера в виде штрафа является одним из оснований для освобождения от уголовной ответственности, которое может применить суд. При этом у суда есть возможность выбирать одно из оснований для прекращения уголовного дела или уголовного преследования.

А.А. Давлетов указывает, что новая ст. 76.2 УК РФ выступает в качестве общей нормы, охватывающей все указанные основания освобождения от уголовной ответственности³.

К особенностям рассматриваемого основания для освобождения от уголовного преследования относятся:

1 http://sudact.ru/regular/doc/yPXRk6PC4nxK/?regular-txt=%D0%9E%D1%80%D0%BB%D0%BE%D0%B2®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=®ular-doc_type=®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court=%D0%A1%D0%BE%D0%B1%D0%B8%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9+%D0%B3%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B4%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9+%D1%81%D1%83%D0%B4+%28%D0%92%D0%BB%D0%B0%D0%B4%D0%B8%D0%BC%D0%B8%D1%80%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F+%D0%BE%D0%B1%D0%BB%D0%B0%D1%81%D1%82%D1%8C%29®ular-judge=&_=1511984841596&snippet_pos=196#snippet

2 <https://rospravosudie.com/court-saratovskij-oblastnoj-sud-saratovskaya-oblast-s/act-554430356/>

3 См.: Давлетов А.А. Новое особое производство в уголовном процессе – прекращение уголовных дел с назначением судебного штрафа // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2017. № 3 (52). С. 163–169.

- по этому основанию уголовное дело и уголовное преследование прекратить может только суд;
- оно допускается только с согласия подозреваемого (обвиняемого);
- оно допускается только при признании им вины;
- оно возможно, если лицо впервые совершило преступление небольшой или средней тяжести;
- возможно только при условии заглаживания причиненным преступлением вреда. Возможно применение штрафа и при неоконченном преступлении и в формальных составах;
- возможно при наличии потерпевшего и при его отсутствии. Законодатель не устанавливает такого ограничения, что существенно расширяет возможность применения судебного штрафа;
- возможно по инициативе органов предварительного расследования или суда.

Возникает вопрос: какое из оснований прекращения уголовного дела или уголовного преследования имеет приоритет? Ведь зачастую они пересекаются и суд может применить одно из нескольких. Пленум ВС РФ дал разъяснение по этому вопросу. На основании п. 25.5 Постановления Пленума Верховного суда № 56 суд принимает решение об удовлетворении ходатайства при отсутствии обстоятельств, препятствующих освобождению лица от уголовной ответственности, и назначению ему меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. К таковым Пленум относит, в частности, то, что уголовное дело или уголовное преследование должно быть прекращено по иным основаниям, например, за отсутствием события или состава преступления в связи с истечением срока давности уголовного преследования.

Исходя из этого представляется, что суд должен приводить в постановлениях о применении судебного штрафа мотивы, по которым он не применяет других оснований для прекращения уголовного дела или уголовного преследования.

По мере применения норм о судебном штрафе возникают другие проблемы. К таким можно отнести возможность назначения штрафа о части предъявленного обвинения (по нескольким эпизодам), возможность назначения штрафа при совершении преступления группой лиц в отношении нескольких лиц и каков порядок доказывания по остальным лицам, возможность сложения судебных штрафов, зачет и учет при назначении наказания по совокупности преступлений и приговоров и др. Полагаем, эти проблемы будут со временем разрешены в судебной практике.

Подводя итог, отметим, что судебный штраф, по существу, является:

- санкцией в пользу государства за понесенные процессуальные расходы и нанесенный преступлением ущерб;

- не только основанием для освобождения от уголовной ответственности, но и иной мерой уголовно-правового характера, не являясь при этом наказанием.

Гусарова М.В.,

ст. преподаватель кафедры уголовного права
Казанского юридического института МВД России, к.ю.н.

Санкции за половые преступления по УК РФ

В представленной статье исследуются санкции норм об ответственности за преступления, посягающие на половую неприкосновенность и половую свободу. Особое внимание автор обращает на юридико-технические изъяны конструирования санкций указанных норм и предлагает пути к их разрешению.

Ключевые слова: санкции за половые преступления; половая неприкосновенность; половая свобода; действия сексуального характера.

Половая свобода и половая неприкосновенность личности в качестве объектов уголовно-правовой охраны предусмотрены правовыми нормами, расположенными в статьях 131–135 главы 18 Уголовного кодекса Российской Федерации. В последние годы в указанные нормы, в том числе их санкции, законодателем неоднократно вносились изменения (на основании Федерального закона от 25 июня 1999 г. № 92-ФЗ, от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ, от 21 июля 2004 г. № 73-ФЗ, от 27 июля 2009 г. № 215-ФЗ, от 27 декабря 2009 г. № 377-ФЗ, от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ, от 29 февраля 2012 г. № 14-ФЗ, от 28 декабря 2013 г. № 380-ФЗ и др.).

Данные изменения главным образом были продиктованы необходимостью повышения защиты несовершеннолетних от половых преступлений путем усиления уголовной ответственности. Так, на основании Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 14-ФЗ введено примечание к статье 131 УК РФ, согласно которому к преступлениям, предусмотренным пунктом «б» части четвертой статьи 131 «Изнасилование» и пунктом «б» части 4 статьи 132 «Насильственные действия сексуального характера» УК РФ, относятся деяния, подпадающие под признаки преступлений, предусмотренных частями 3–5 статьи 134 «Половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста» и частями 2–4 статьи 135 «Развратные действия» УК РФ, совершенные в отношении лица, не достигшего двенадцатилетнего возраста, поскольку такое лицо в силу возраста находится в беспомощном состоянии. Таким образом, юрисдикция норм, предусмотренных пунктом «б» части 4 статьи 131 и пунктом «б» части 4 статьи 132 УК РФ, существенно расширилась и в настоящее время включает в себя деяния, составляющие добровольное

половое сношение, иные действия сексуального характера и развратные действия, совершенные в отношении лица, не достигшего двенадцатилетнего возраста.

Указанными мерами законодатель значительно усилил уголовную ответственность за совершение половых преступлений в отношении лица, не достигшего двенадцатилетнего возраста, отнеся данные деяния к категории особо тяжких преступлений.

В целом санкции норм, предусмотренные частями 1–4 статей 131 «Изнасилование» и 132 «Насильственные действия сексуального характера» УК РФ, предусматривают в качестве альтернативного основного наказания лишение свободы на определенный срок и в качестве дополнительных наказаний лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью и ограничение свободы. Частями 5 статей 131 и 132 УК РФ предусмотрено два альтернативных вида основного наказания: лишение свободы на определенный срок и пожизненное лишение свободы; в качестве дополнительного вида наказания предусмотрено лишение права занимать определенную должность или заниматься определенной деятельностью.

Размер и вид наказаний, определенных санкциями различных частей в статьях 131 и 132 УК РФ, схожи и предусматривают отнесение преступлений, предусмотренных частями 1 и 2 статей 131 и 132 УК РФ, к категории тяжких преступлений, а деяний, предусмотренных частями 3, 4, 5 этих же норм – к категории особо тяжких преступлений. Так, части 4 ст. 131 и 132 УК РФ предусматривают лишение свободы на срок от двенадцати до двадцати лет, части 5 указанных норм – лишение свободы на срок от пятнадцати до двадцати лет или пожизненное лишение свободы. Представляется, что подобное ужесточение санкций за совершение преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности является бессистемным и неоправданным. Простое убийство (часть 1 статьи 105 УК РФ), для сравнения, предполагает наказание в виде лишения свободы на срок от шести до пятнадцати лет, квалифицированный вид убийства (часть 2 статьи 105 УК РФ) – лишение свободы на срок от восьми до двадцати лет. Таким образом, путем сопоставления санкций указанных норм, в том числе минимального срока наказания в виде лишения свободы, следует заключить, что совершение ряда деяний против половой неприкосновенности и половой свободы личности может повлечь более строгое наказание, нежели убийство личности. Безусловно, с изложенной позицией законодателя трудно согласиться в связи с тем, что жизнь человека представляет большую ценность, что прямо следует из структуры построения особенной части уголовного кодекса Российской Федерации. В литературе имеются аналогичные мнения, высказанные различными авторами. Так, В.В. Чепуров отмечает, что преступные деяния, посягающие на жизнь че-

ловека, в ряде случаев менее опасны, чем посягающие на половую свободу и половую неприкосновенность личности, что не соответствует объективным реалиям¹.

Дополнительно следует отметить, что включение примечания в главу 18 УК РФ, содержание которого изложено выше, породило ситуацию, что под столь высокие санкции подпадает большой спектр деяний, имеющих сексуальную направленность и совершенных в отношении лица, не достигшего двенадцатилетнего возраста. Не умаляя значимости повышения защиты от посягательств на половую неприкосновенность и половую свободу личности, особенно совершаемые в отношении малолетних, полагаем разумным привести санкции рассматриваемых норм в определенную систему в зависимости от важности объекта уголовно-правовой охраны.

Статья 133 УК РФ предусматривает ответственность за понуждения к действиям сексуального характера. Деяние, предусмотренное частью первой указанной нормы, относится к категории преступлений небольшой тяжести, деяние, предусмотренное частью второй, – к категории преступлений средней тяжести. Санкция, указанная в части 1 статьи 133 УК РФ, предполагает существенную вариативность и представлена следующими видами наказания: штрафом, обязательными работами, исправительными работами, принудительными работами и лишением свободы на срок до одного года. Часть 2 статьи 133 УК РФ предусматривает в качестве альтернативных основных видов наказания принудительные работы и лишение свободы на срок до пяти лет, в качестве дополнительного вида наказания – лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Исходя из санкций, предусмотренных статьей 133 УК РФ, следует, что рассматриваемое деяние менее общественно опасно среди всех преступлений, предусмотренных главой 18 УК РФ, и, соответственно, по правилам расположения норм в рамках глав особенной части уголовного кодекса от наиболее общественно опасных деяний к менее опасным преступлениям должно располагаться завершающим составом. В целях же наибольшей эффективности наказания, предусмотренного статьей 133 УК РФ, в литературе высказано мнение о целесообразности исключения из ч. 2 ст. 133 УК РФ наказания в виде принудительных работ и определения наказания в виде лишения свободы с обозначением нижнего предела от трех лет². Вместе с тем необходимо отметить, что на практике

1 Чепуров В.В. Спорные моменты построения санкций за изнасилование и насильственные действия сексуального характера, совершенные при отягчающих обстоятельствах (ч. 5 ст. 131 и ч. 5 ст. 132 УК РФ) // Российский следователь. 2012. № 21. С. 17.

2 Степанова О.Ю. Спорные моменты дифференциации уголовной ответственности за сексуальные преступления в отношении детей и подростков // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 2. С. 181.

указанная норма применяется крайне редко, в связи с чем коррекция санкции данной нормы в настоящее время не является необходимой мерой.

Возникают вопросы и при анализе санкций статьи 134 «Половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста». Так, часть первая указанной нормы предусматривает ответственность за половое сношение с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, а часть вторая данной нормы – за совершение мужеложства или лесбиянства с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста. По части 1 статьи 134 УК РФ наказание в виде лишения свободы предусмотрено на срок до четырех лет, по части второй – на срок до шести лет. Таким образом, исходя из сопоставления указанных санкций, следует, что законодатель по-разному определил степень общественной опасности добровольного полового сношения и актов мужеложства и лесбиянства в рамках ст. 134 УК РФ. Применительно к статьям 131 и 132 УК РФ наблюдается иная позиция законодателя: общественная опасность изнасилования (ст. 131 УК РФ) соответствует общественной опасности насильственных действий сексуального характера, в том числе мужеложству и лесбиянству (ст. 132 УК РФ).

В части назначения наказания за деяния, предусмотренные ст. 134 УК РФ, следует отметить, что оно назначается, как правило, в виде лишения свободы на небольшой срок условно. На этот счет авторы справедливо отмечают, что репрессивный потенциал ряда уголовно-правовых предписаний, предусматривающих ответственность за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, является недостаточно высоким¹.

Таким образом, следует констатировать произошедшее существенное реформирование норм, в том числе их санкций, о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности, что, с одной стороны, заслуживает положительных отзывов в части касаясь повышения защиты потерпевших, и, с другой стороны, свидетельствует о некоторой бессистемности указанных нововведений. В настоящее время необходимо привести санкции, предусмотренные за совершение преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности, в определенную систему с санкциями, предусмотренными главой 16 «Преступлений против жизни и здоровья» УК РФ, в зависимости от важности объекта уголовно-правовой охраны.

Список литературы:

1. Ситникова А. Преступления сексуального характера: интерпретация норм и применение // Уголовное право. 2013. № 2.

1 Ситникова А. Преступления сексуального характера: интерпретация норм и применение // Уголовное право. 2013. № 2. С. 7.

2. Степанова О.Ю. Спорные моменты дифференциации уголовной ответственности за сексуальные преступления в отношении детей и подростков // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 2. 178–182.
3. Чепуров В.В. Спорные моменты построения санкций за изнасилование и насильственные действия сексуального характера, совершенные при отягчающих обстоятельствах (ч. 5 ст. 131 и ч. 5 ст. 132 УК РФ) // Российский следователь. 2012. № 21. С. 16–18.

Закирова Э.Ф.,

доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Казанского филиала РГУП, к.ю.н., доцент

Эффективность применения санкций за преступления, посягающие на трудовые права граждан

В статье рассматриваются вопросы эффективности применения уголовно-правовых санкций за преступления, посягающие на трудовые права граждан. Предлагается шире применять такой вид наказания, как лишение права занимать определенную должность или заниматься определенной деятельностью, увеличить размеры штрафов.

Ключевые слова: уголовно-правовая санкция; эффективность применения уголовно-правовых санкций; преступления, посягающие на трудовые права граждан.

В уголовно-правовой науке уделяется достаточно много внимания проблеме эффективности уголовно-правовых санкций. Авторы монографии «Эффективность правовых норм» указывают, что «эффективность правовых норм в значительной мере зависит от качества, достоинств их структурных элементов. Несомненно, что индивидуализация качеств различных структурных элементов правовых норм имеет большое познавательное и практическое значение. Такой подход способствует выявлению причин недостаточной эффективности правовых норм и принятию научно обоснованных решений, направленных на совершенствование законодательства. В частности, изменив неудачную диспозицию или санкцию правовой нормы, можно значительно повысить эффективность последствий»¹.

Эффективность уголовно-правовой санкции может совершенствоваться в процессе правоприменения и нормотворчества. Эффективность уголовно-правовых санкций в процессе правоприменения связана с эффективностью назначенного уголовного наказания, целью которого является:

1 Эффективность правовых норм / Кудрявцев В.Н., Никитинский В.И., Самоценко И.С., Глазырин В.В. и др. М., 1980. С. 25.

1) достижение социальной справедливости; 2) исправление осужденного; 3) предупреждение совершения новых преступлений¹.

Характеристика видов наказаний, закрепленных в уголовно-правовых санкциях норм, устанавливающих ответственность за преступления, посягающие на трудовые права граждан (ст.ст. 143, 145, 145.1 УК РФ), позволяет выделить следующие их виды: штраф, обязательные работы, исправительные работы, принудительные работы, лишение свободы, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Указанные виды наказаний закрепляются в рассматриваемых санкциях, в различных сочетаниях, что позволяет говорить о возможности альтернативного уголовно-правового воздействия на лиц, привлекаемых к уголовной ответственности по преступлениям, посягающим на трудовые права граждан, для достижения целей уголовного наказания.

Анализ санкций всех статей УК РФ, предусматривающих ответственность за преступления, посягающие на трудовые права граждан (ст.ст. 143, 145, 145.1 УК РФ), свидетельствует о том, что по всем рассматриваемым составам преступлений в качестве основного наказания предусмотрен штраф. С позицией законодателя следует согласиться, поскольку данные преступления имеют имущественный характер. Размеры данного вида наказания сконструированы в данных статьях, как правило, с указанием только верхнего предела санкции, что позволяет суду по своему усмотрению, отталкиваясь от нижних пределов наказания, указанного в общей части УК РФ, назначить наказание. Существенный разрыв между нижним и верхним пределами имеет место и в иных наказаниях, предусмотренных санкциями рассматриваемых составов преступлений. Данный аспект не всегда говорит об эффективности уголовно-правовых санкций и возможности достижения через их применение целей уголовного наказания. Кроме того, область перекрытия размеров соответствующих видов наказаний, указанных в частях рассматриваемых статей, свидетельствует о том, что наличие квалифицирующего признака в действиях субъекта преступления может и не найти отражения в назначенном наказании. Так, например, за совершение деяния, предусмотренного ч. 2 ст. 145.1 УК РФ «Полная невыплата заработной платы и иных выплат», предусмотрено наказание в виде штрафа в размере от ста до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет, а по ч. 3 ст. 145. УК РФ за то же деяние, повлекшее иные тяжкие последствия, – штраф в размере от двухсот до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до трех лет.

1 Рыбина А.В. Проблемы построения санкций и эффективность их применения за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ или их аналогов: дис. ... к.ю.н. Краснодар, 2005. С. 160.

Применительно к составу невыплаты заработной платы или иных выплат к иным тяжким последствиям могут быть отнесены самоубийство потерпевшего или членов его семьи, оставление потерпевшего без средств к существованию и, как следствие этого, выселение из квартиры вследствие задолженности, тяжелое заболевание потерпевшего или членов его семьи, отчисление из учебного заведения в связи с финансовой задолженностью, невыплата заработной платы всему коллективу организации и т. д. Соответственно, по ч. 2 и ч. 3 ст. 145.1 УК РФ лицу, совершившему преступление, может быть назначено наказание в виде штрафа в размере от двухсот до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до трех лет. Именно такой предел соответствует области перекрытия указанного размера наказания. С учетом характера наступления иных тяжких последствий, в результате невыплаты заработной платы и иных выплат целесообразно увеличить нижний и верхний пределы наказания в виде штрафа по ч. 3 ст. 145.1 УК РФ.

Другой вид наказания, который может быть назначен за совершение преступлений, посягающих на трудовые права граждан, – лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. В составе преступления «нарушение правил охраны труда» данный вид наказания назначается в качестве дополнительного вида наказания наряду с лишением свободы, а в составе «невыплата заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат» в качестве дополнительного наказания.

В составе необоснованного отказа в приеме на работу или необоснованного увольнения беременной женщины или женщины, имеющей детей в возрасте до трех лет, данный вид наказания не предусмотрен в санкции статьи. Согласно ч. 3 ст. 47 УК РФ наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью может назначаться в качестве дополнительного вида наказания и в случаях, когда оно не предусмотрено соответствующей статьей Особенной части УК РФ в качестве наказания за соответствующее преступление, если с учетом характера и степени общественной опасности совершенного преступления и личности виновного суд признает невозможным сохранение за ним права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

Полагаем, что для повышения эффективности уголовно-правовых санкций за преступления, посягающие на трудовые права граждан, необходимо шире применять такой вид наказания, как лишение права занимать определенную должность или заниматься определенной деятельностью. Указанный вид наказания имеет целью предотвратить возможность гражданам, использующим предоставленные им полномочия в сфере тру-

довых отношений, занимать соответствующие должности в соответствующих организациях или заниматься определенной деятельностью.

Другим моментом, свидетельствующим об эффективности уголовно-правовой санкции за преступления, посягающие на трудовые права граждан, является применение указанных санкций к лицу, совершившему преступления этого вида. Проанализированы 35 решений судов апелляционной инстанции, которыми были отменены или изменены приговоры судов по делам о преступлениях названного вида. Часть приговоров была отменена по основаниям несправедливости, причем как в связи с тяжестью, так и в связи с мягкостью назначенного наказания, другая часть была изменена в связи с необходимостью изменения размера наказания в сторону усиления либо в связи с необходимостью изменения квалификации деяния.

Список литературы:

1. Рыбина А.В. Проблемы построения санкций и эффективность их применения за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ или их аналогов: дис. ... к.ю.н. Краснодар, 2005. С. 160.
2. Эффективность правовых норм / Кудрявцев В.Н., Никитинский В.И., Самощенко И.С., Глазырин В.В. и др. М., 1980. С. 25.

Иванов В.В.,

аспирант УВО «Университет управления «ТИСБИ»,
юрисконсульт ООО «Кредитор»

Правовое положение защитника в уголовном процессе в странах следственной процессуальной модели

В статье поднимается вопрос значимости, правового регулирования и объема прав защитника (адвоката) в уголовном процессе стран со следственной процессуальной моделью с целью их анализа, выделения лучшего и перенятия на российскую «почву».

Ключевые слова: уголовный процесс; международное право; уголовный процесс Германии; уголовный процесс Франции; адвокат; защитник; правовое положение защитника; следственная процессуальная модель.

Наиболее значительную роль в развитии современного уголовного процесса как представитель следственной модели играет Федеративная Республика Германия. В Германии термин «адвокат» относится к профессиональному независимому консультанту, который одновременно выступает в качестве представителя по различным правовым вопросам, в том

числе в контексте судопроизводства. Следует отметить, что в Германии адвокат должен быть членом Ассоциации адвокатов.

Интересной особенностью статуса адвоката в Германии является то, что в Германии нет специального экзамена для получения статуса адвоката, поскольку предполагается, что адвокат функционирует в системе и в соответствии с законами федеральной Республики Германия.

Также в Германии нет специального образования и экзамена для получения статуса судьи, поскольку считается, что судья должен иметь такую же широкую подготовку, как и любой адвокат. Таким образом, только после получения высшего юридического образования заявитель допускается до стажировки. Чтобы получить статус адвоката, необходимо получить юридическое образование, пройти стажировку и пройти общий экзамен.

Законом определено, что стажировка должна проводиться в нескольких органах на протяжении двух-трех месяцев в каждом: суд по гражданским делам, суд по уголовным делам или прокуратура, адвокатское учреждение, иное место (организация, органы местного самоуправления, ассоциации и т. д.). Это позволяет получить широкое представление о специфике всех видов юридической деятельности и наиболее полно составить представление о будущей работе. В течение стажировки кандидат получает государственное жалование.

После прохождения этой стажировки кандидат допускается до сдачи общего экзамена, успешное прохождение которого позволяет претендовать как на должность судьи, так и на получение статуса адвоката. Считается, что именно наличие квалификации, позволяющей отправлять правосудие, наиболее полно подтверждает компетенцию, что является важной гарантией для граждан, получающих юридическую помощь.

Процедурно получение статуса адвоката в ФРГ связано с обращением в определенный суд обычной юрисдикции и вышестоящий земельный суд судебного округа, что фактически означает привязанность в осуществлении своей деятельности адвокатом на определенной территории. Вместе с тем одновременно с получением соответствующего допуска адвокат получает членство и в палате адвокатов на данной территории.

Если смотреть более широко, возвращаясь к теме работы, то нельзя не сказать, что для Германии характерно преобладающее выражение уголовно-процессуального права в форме системы нормативных актов как классическому представителю своей правовой семьи. До сегодняшнего дня считаются действующими Закон о судостроительстве и уголовно-процессуальный кодекс (уложение), принятые в 1877 году. За превышающую столетие историю их редакция изменялась и было внесено множество дополнений. Закон о судостроительстве действует в редакции от 9 мая 1975 года. УПК ФРГ испытал на себе сильное влияние кодекса Наполеона 1808 г., однако в редакции 1987 года предусматривает качественно новую систе-

му производства по уголовным делам. Среди других нормативных источников можно назвать Закон о судьях от 19 апреля 1982 г., Закон о борьбе с нелегальной торговлей наркотиками и другими проявлениями организованной преступности 1992 г., Распоряжение об организации и порядке деятельности прокуратуры от 12 марта 1975 г.¹

Кроме законодательства, источником права в Германии считаются решения Федерального конституционного суда и других высших судебных учреждений. Судебная практика как форма выражения права имеет значение и при применении закона, и особенно в случае обнаружения неточностей или пробелов в законодательстве².

Для производства по уголовным делам в судебной системе ФРГ выделяются четыре звена.

Первое звено составляют участковые суды. Участковый судья единолично рассматривает: 1) дела частного обвинения, 2) дела по проступкам (в том числе в порядке упрощенного производства), 3) по предложению прокурора – дела по преступлениям, наказание за которые не может превышать одного года лишения свободы. Дела по преступлениям, санкция за которые ограничена тремя годами лишения свободы, рассматриваются судом шеффенов в составе участкового судьи и двух шеффенов или двух профессиональных судей и двух шеффенов. Все члены суда действуют единой коллегией без разделения полномочий. На предварительном расследовании участковый судья выполняет функции судьи-дознателя, осуществляя некоторые следственные действия, а также разрешая вопросы о применении мер принуждения.

Вторым звеном судебной системы являются уголовные палаты судов земли, которые могут действовать в качестве суда первой или апелляционной инстанции. По первой инстанции они рассматривают все дела, не отнесенные к подсудности участковых судов или высших судов земли (санкция по которым превышает три года лишения свободы или производство связано с помещением в психиатрическую больницу). Дела по первой инстанции рассматривает либо уголовная палата суда земли, выступающая в качестве суда присяжных, либо большая уголовная палата суда земли. Суд присяжных состоит из трех профессиональных судей и двух шеффенов, действующих единой коллегией без разделения полномочий³. Суду присяжных подсудны дела по преступлениям, связанным с созданием опасности для жизни людей. Остальные дела рассматриваются большой пала-

1 О характеристике источников уголовно-процессуального права см.: Решетников Ф.М. Указ. соч. С. 56–57; Филимонов Б.А. Уголовный процесс ФРГ. М., 1974. С. 3–21.

2 См.: Решетников Ф. М. Указ. соч. С. 49.

3 Боботов С.В. Буржуазная юстиция. С. 73.

той по уголовным делам¹. Она же служит апелляционной инстанцией для приговоров суда шеффенов, вынесенных в участковом суде. Апелляции на приговоры участковых судей, вынесенные единолично, рассматриваются малой палатой по уголовным делам в составе председательствующего и двух шеффенов.

Третьим звеном судебной системы служат сенаты по уголовным делам Высших судов земли, которые выполняют функции судов первой, апелляционной и кассационной инстанций. По первой инстанции они рассматривают дела особой значимости и сложности, в том числе ряд государственных преступлений. Уголовные сенаты рассматривают кассационные и апелляционные жалобы на приговоры нижестоящих судов, если жалоба принесена не по мотивам нарушения федеральных законов.

Судебную систему возглавляет Верховный федеральный суд ФРГ, который является единственным общегосударственным учреждением в системе общих судов. Присутствие по уголовным делам (сенат) Верховного федерального суда рассматривает кассационные жалобы на приговоры высших судов земель (вынесенные ими при разбирательстве дела по первой инстанции), а также на приговоры судов присяжных и больших палат судов земли (если они не подлежат кассационному обжалованию в высший суд земли). Верховный федеральный суд может пересмотреть также дело по вновь открывшимся обстоятельствам. С 1969 года в его компетенцию не входит разбирательство дел по первой инстанции².

Как было отмечено выше, германский уголовный процесс имеет значительное сходство с французским. Более того, до 1975 года предварительное расследование в нем производилось по французской модели в форме полицейского дознания и предварительного следствия, осуществляемого судебным следователем. Однако для большей рационализации производства предварительное следствие было отменено в связи с дублированием на нем расследования полиции и прокурора. В настоящее время расследование осуществляет полиция под руководством прокурора, а судебный следователь (участковый судья-дознатель) принимает в нем лишь эпизодическое участие, связанное с принятием важнейших решений по делу и легализацией доказательств.

По УПК ФРГ обязанность проведения расследования лежит на прокуроре. Прокуратура организована как иерархическая система при общих судах всех уровней. При Верховном федеральном суде уголовное преследование осуществляет генеральный федеральный прокурор и подчиненные ему федеральные прокуроры, подотчетные министру юстиции ФРГ. Аналогичную структуру имеет прокуратура земель, подчиняющаяся ми-

1 Решетников Ф. М. Указ. соч. С. 60.

2 Боботов С.В. Буржуазная юстиция. С. 73.

нистру юстиции земли. После возбуждения уголовного дела прокурором по большинству уголовных дел расследование осуществляет полиция. При этом функция прокурора сводится к решению вопроса о дальнейшей судьбе дела: направлении на доследование, прекращении уголовного преследования или передаче в суд. По наиболее важным и сложным делам прокурор сам осуществляет расследование, а полиция обязана исполнять его указания по производству процессуальных и иных действий.

Производимое полицией или прокурором предварительное расследование не имеет детально регламентированной процессуальной формы и осуществляется розыскным порядком. Такое расследование трудно отличимо от оперативно-розыскной деятельности. Более того, многие негласные оперативно-розыскные мероприятия регламентированы уголовно-процессуальным кодексом ФРГ, которые вправе применять полиция по судебному разрешению.¹ Полицейское расследование во многом осуществляется внепроцессуально. В связи с этим в немецкой теории уголовного процесса выделяются строгое и свободное доказывание. Первое связано с судебной деятельностью и имеет процессуальную регламентацию. Второе применяется в основном полицией и не связано с процессуальной формой².

Деятельность полиции носит подготовительный для судебного доказывания характер. Она связана с отысканием носителей информации, которые после их процессуального собирания – легализации – могут стать доказательствами по делу. Таким образом, в результате деятельности полиции и прокурора не появляются судебные доказательства. Протоколы, составленные полицией, не могут быть оглашены в судебном разбирательстве. Одним из способов легализации данных полицейского расследования служит допрос полицейских в суде в качестве свидетелей.

При необходимости легализации данных предварительного расследования полиция обращается в участковый суд. Судья-дознатель (обязанности которого выполняет участковый судья) по ходатайству прокуратуры (или защиты) проводит отдельные следственные действия. При этом он не принимает дело к своему производству, а значит, и не несет ответственности за результаты уголовного преследования, то есть остается независимым от обвинительной функции. Такие следственные действия проводятся в состязательной форме – при участии в судебном заседании представителей сторон. Составленные в результате следственных действий протоколы имеют доказательственное значение и могут быть использованы при разбирательстве дела по существу. Например, на судебном следствии

1 Филимонов Б. А. Основы теории доказательств в германском уголовном процессе. М., 1994. С. 149, 155–156.

2 Филимонов Б.А. Указ. соч. С. 23–35.

при отказе подсудимого от признания вины оглашается протокол его судейского допроса на предварительном расследовании, в котором он давал признательные показания.

Другие относящиеся к функции юстиции вопросы на предварительном расследовании также отнесены к компетенции судьи-дознателя. Для избрания меры пресечения в виде содержания под стражей прокурор или должностное лицо полиции обращается к участковому судье. Последний выдает (или отказывает в выдаче) письменный ордер на арест в зависимости от наличия «серьезного подозрения». Германское уголовно-процессуальное право различает три вида подозрения: простое (необходимое для возбуждения уголовного дела), достаточное (обуславливающее возбуждение публичного обвинения в суде) и серьезное (обосновывающее арест обвиняемого).

Срок досудебного ареста не должен превышать шести месяцев, но возможно его продление высшим земельным судом. В исключительных случаях прокурор или полиция может арестовать подозреваемого без ордера. Однако арестованный должен быть доставлен к судье безотлагательно для санкционирования меры пресечения. Участковый судья вправе избрать более легкую меру пресечения при наличии к тому оснований. Кроме того, арестованный на досудебных стадиях обвиняемый имеет право возбудить ходатайство о судебном рассмотрении вопроса об аннулировании ордера на арест или об его приостановлении. Другими словами, германское уголовно-процессуальное право знает процедуру, аналогичную хабеус корпус. Таким образом, решение вопроса о мере пресечения происходит в состязательной форме.

Во всех процессуальных действиях, производимых участковым судьей-дознателем, вправе участвовать защитник. Защитник вступает в процесс до первого допроса подозреваемого. Подозреваемому должны быть разъяснены его права, в том числе в совершении какого преступления он подозревается, право не отвечать на вопросы и право на помощь адвоката. В ФРГ существует Федеральная ассоциация адвокатов, обеспечивающая бесплатную или льготную юридическую помощь малоимущим. В составе Федеральной ассоциации адвокатов находятся коллегии адвокатов при Верховном федеральном суде и при высших судах земель. Каждый адвокат в коллегии образует свое бюро при том суде, где он практикует¹.

В уголовно-процессуальном регулировании предварительного расследования особое место занимают правила допустимости доказательств. В ФРГ существует ряд запретов доказывания, которые делятся на две группы. К первой из них относится запрещение установления определенных фактических обстоятельств (связанных, например, с государственной

1 Решетников Ф.М. Указ. соч. С. 65.

тайной) и использования определенных источников доказательств (например, свидетельский иммунитет). Вторую группу составляют запреты использования в уголовном процессе незаконно полученных средств доказывания, например, показаний обвиняемого. Тем не менее данное положение не является жестким правилом об исключении доказательств, полученных с нарушением процессуальной формы. Доказательства признаются недопустимыми, если они существенно нарушают «правовую сферу» обвиняемого¹.

Интересной представляется практика германского уголовного процесса по использованию в качестве доказательств сообщений секретных источников оперативно-розыскной деятельности. Такое использование возможно двумя способами: 1) путем допроса сотрудника полиции о том, что ему известно со слов секретного агента, остающегося для суда анонимным; 2) путем допроса самого секретного осведомителя без раскрытия участникам процесса его личности. Заметим, что для состязательного процесса оба эти способа неприемлемы, поскольку первый из них нарушает принцип непосредственности, а второй – принцип равенства сторон. Этим, в частности, объясняется ограниченность использования сведений секретных источников лишь некоторой категорией дел.

По окончании предварительного расследования при наличии «достаточного подозрения» прокурор передает дело в суд. В германском уголовном процессе прокурор наделен правом отказаться от передачи дела в суд в определенных случаях, например, когда обвиняемый или его близкие сами серьезно пострадали от преступления.

Судебное производство по уголовным делам в Германии складывается из предания обвиняемого суду, судебного разбирательства и обжалования приговоров.

Судебное разбирательство состоит из двух частей: подготовительной и собственно судебного разбирательства. Вторая часть распадается на судебное следствие, прения сторон, последнее слово подсудимого, постановление и провозглашение приговора. Процессуальный порядок судебного разбирательства в уголовном процессе ФРГ в целом аналогичен французскому. Однако следует отметить ряд его особенностей.

При подготовке судебного разбирательства до начала судебного следствия могут быть проведены осмотры, допросы свидетелей и экспертов, если их явка на заседание невозможна. Такие следственные действия проводятся судьей по поручению. При их производстве вправе присутствовать стороны, а протоколы во всех случаях им предъявляются².

1 Филимонов Б.А. Указ. соч. С. 65–68.

2 Филимонов Б.А. Основы теории доказательств в германском уголовном процессе. С. 104.

Судебное следствие начинается с допроса подсудимого, что рассматривается, как его привилегия представить суду свою версию по инкриминируемому деянию прежде, чем будут рассмотрены другие доказательства.

Председательствующий в судебном заседании также имеет большие дискреционные полномочия, в том числе и в отыскании истины. Он начинает исследование доказательств, после чего предлагает подсудимому сделать свои замечания. Такое же право имеют и другие относящиеся к сторонам участники. Защита и обвинение имеют право на допрос только тех свидетелей, которые были вызваны по их ходатайству.

В судебном разбирательстве обязательно участие прокурора. В то же время в некоторых случаях слушание дела может проводиться в отсутствие подсудимого (особенно при упрощенном порядке производства).

В свою очередь, потерпевший участвует в суде в трех формах: в качестве частного обвинителя, сообвинителя или гражданского истца. Если потерпевший выступает в роли частного обвинителя и прокурор не вступил в дело, то обвиняемый имеет право до начала прений сторон возбудить встречное обвинение.

Выслушав последнее слово подсудимого, суд иногда и без удаления в совещательную комнату выносит приговор. Уголовный процесс ФРГ знает четыре вида приговоров: обвинительный, оправдательный, о назначении мер безопасности и исправления (например, помещение подсудимого в медицинское учреждение), о прекращении дела¹.

В уголовном процессе ФРГ выделяются две формы обжалования не вступивших в законную силу приговоров: апелляция и ревизия (кассация).

Одной из характерных черт уголовного процесса Германии выступает развитое производство в упрощенном порядке, распространяющееся на 70 % дел от их общего количества.

Производство в упрощенном порядке носит название «приказа о наказании». Оно осуществляется участковым судьей по малозначительным преступлениям (уголовным правонарушениям), наказание за которые не превышает трех месяцев лишения свободы. Прокурор на основе данных дознания либо полиция обращается к участковому судье с проектом приказа о наказании. Судья в порядке письменного производства в отсутствие обвиняемого принимает одно из следующих решений: отклоняет ходатайство в связи с неподтверждением достаточного подозрения, назначает судебное разбирательство или немедленно издает приказ о наказании. Приказ о наказании вступает в законную силу и приобретает значение приговора, если обвиняемый в течение семи дней после ознакомления с ним не принесет своих возражений. В противном случае назначается судебное разбирательство по общим правилам.

1 Филимонов Б.А. Уголовный процесс ФРГ. С. 59–60.

Таким образом, производство в порядке «приказа о наказании» приближается к наложению административного взыскания. Однако предоставление обвиняемому права согласиться или не согласиться с приказом вносит в процесс состязательное начало, уравнивая обвинителя и обвиняемого.

В теории отмечаются три достоинства приказа о наказании по сравнению с другими формами упрощенного производства: 1) обвиняемому в незначительном деянии более выгодно подчиниться по месту своего жительства требованию о легком взыскании, чем подвергнуться тяготам судебного разбирательства, связанным с необходимостью явки в суд; 2) значительная дешевизна и быстрота производства; 3) экономия судебных ресурсов для более важных и сложных уголовных дел¹.

Таким образом, мы можем обозначить некоторые выводы:

Одним из важнейших элементов состязательности является формальное равенство сторон. На практике прокуратура обладает большим весом, чем сторона защиты.

Защитник допускается к участию в деле с момента первого вызова обвиняемого к следственному судье, имеет право участвовать во всех допросах и очных ставках.

Сторона защиты вправе знать все улики обвинения, она обладает всей полнотой прав по заявлению ходатайств. Однако следственный (розыскной) характер уголовного процесса все же сказывается на состязательности, приводя к ущемлению прав обвиняемого, когда адвокат все же вынужден ходатайствовать перед следствием о получении доступа к материалам дела или для участия в следственных действиях. Немаловажным аспектом является упрощенное производство, где суд играет следственную роль, определяя не степень доказанности вины, взвешивая доказательства представленные сторонами, а вынося сухое решение на основании исчерпывающего перечня представленных следствием бумаг, даже в отсутствие обвиняемого.

Кошкин А.В.,

доцент кафедры уголовного права юридического факультета
Воронежского государственного университета, к.ю.н.

Санкция уголовно-правовой нормы как элемент системы уголовного законодательства

В статье рассмотрены санкции уголовно-правовых норм как элементы системы уголовного закона, проанализированы их основные виды, делает-

1 Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства: В 2 т. Т. 2. СПб., 1996. С. 500.

ся вывод о нелогичности и рассогласованности системы уголовно-правовых санкций современного уголовного законодательства.

Ключевые слова: санкция; уголовно-правовая норма; система, наказание.

Одной из задач российского уголовного законодательства является предупреждение преступлений (ч. 1 ст. 2 УК РФ)¹. В целях наиболее эффективной реализации (осуществления) данной задачи необходим определенный комплекс специфических «мер». Особое положение среди таких «мер», на наш взгляд, занимают санкции уголовно-правовых норм, поскольку от способа их формирования (конструкции) зависит достижение указанной задачи, эффективность применения всего уголовного законодательства и, в частности, достижение целей, стоящих перед уголовным наказанием, так как именно наказание выступает основной мерой государственного принуждения.

Санкция – это всегда неотъемлемый обязательный элемент правовой нормы, в котором закреплены последствия соблюдения или несоблюдения требований (предписаний) закона.

В юридической литературе наиболее распространенной является точка зрения, в соответствии с которой санкция уголовного права понимается как «штрафная санкция или санкция-наказание, так как она отражает неблагоприятные последствия для лица, совершившего преступление, в результате чего изменяется его правовой статус и появляются новые обязанности»². Иначе говоря, это «карательная часть» правовой нормы.

Однако в доктрине уголовного права имеет место и несколько иной подход к определению санкции: «санкция может отражать не только негативные последствия, но и позитивные, т. е. поощрения, в результате чего имеют место так называемые поощрительные санкции», например, предписания уголовного закона о необходимой обороне, крайней необходимости, освобождении от уголовной ответственности и наказания и т. д.³

Санкция в уголовном праве всегда выступает инструментом государственного воздействия на лицо и закрепляет конкретные меры государственного принуждения, которые должны быть (могут быть) применены к лицу, нарушившему требования уголовного закона. Основной такой ме-

1 Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.07.2017). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

© Кошкин А.В., 2017.

2 См., например: Шуба Е.С. Понятие и виды санкций в уголовном праве Российской Федерации // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2016. № 2. С. 23 и др.

3 См., например: Тихонова С.С., Киселева И.А., Фроловичев Я.В. Модель санкции за преступления определенной категории: теория и законодательная практика // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2014. № 2 (17). С. 131.

рой, на что уже было выше нами указано, является уголовное наказание. Следует отметить, что такие категории, как «наказание» и «санкция», не являются тождественными, поскольку, во-первых, по своему содержанию это различные правовые явления и, во-вторых, наказание – это всего лишь один из видов государственного принуждения, которое может быть применено к виновному лицу. Санкция же представляет собой законодательную оценку степени общественной опасности деяния, т. е. «осуществляет» дифференциацию ответственности за конкретное противоправное деяние.

Обращаясь к понятию уголовно-правовой санкции, будет целесообразным привести точку зрения А.П. Козлова, который сформулировал определение рассматриваемой категории исходя из ее признаков. Он писал, что «санкция – это часть уголовно-правовой нормы, носящей государственно-принудительный характер, качественно-количественный характер и представляющий собой формально-определенную объективно-субъективную модель мер уголовно-правового воздействия, применяемых к лицам, совершившим преступление»¹.

Проанализировав данное понятие, мы приходим к выводу о том, что мера государственного принуждения (воздействия), применяемая к субъекту, является качественным показателем уголовно-правовой санкции, а размер этой меры – количественным показателем. Как известно, в «состав» уголовно-правовой санкции включены различные виды наказаний – основные и дополнительные (качественный показатель) с установленным «размером», т. е. определенными рамками, в которых правоприменителю предоставляется возможность выбора «размера» уголовного наказания (количественный показатель).

Помимо понятия уголовно-правовой санкции, хотелось бы обратить внимание на ее виды и правила конструирования. Многие ученые² справедливо отмечают, что на сегодняшний день данная проблема имеет не только теоретическое, но и большое практическое значение. В частности, И.С. Завгородняя подчеркивает, что законодатель не всегда соблюдает правило о том, что санкция должна соответствовать тяжести общественно опасного деяния и быть согласованной с санкциями за совершение аналогичных преступлений³. По ее мнению, «в УК РФ немало санкций, которые

1 Козлов А.П. Уголовно-правовые санкции. Проблемы построения, классификации и измерения. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1989. С. 17.

2 См., например: Тихонова С.С. Наказание как базовая мера государственного принуждения в уголовном праве: конструирование единичных и альтернативных санкций // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2012. № 3. С. 58–61.

3 Завгородняя И.С. Проблемы построения санкций за тяжкие и особо тяжкие преступления против личности // Юристъ-Правоведъ. 2008. № 3. С. 56.

сконструированы таким образом, что «до подлинной справедливости еще далеко»¹. Мы полностью разделяем данную точку зрения и считаем, что в санкции не должно быть предусмотрено более трех видов наказаний, соизмеримых между собой по тяжести. Нельзя, например, чтобы за одно и то же преступление уголовный закон предусматривал только два наказания, сильно отличающихся друг от друга по строгости, например, штраф и лишение свободы.

Итак, как уже ранее было нами отмечено, основной мерой государственного принуждения выступает уголовное наказание. Следовательно, далее виды уголовно-правовых санкций будут нами рассмотрены исходя из качественного и количественного показателей наказания, содержащихся в санкции.

Одним из видов санкций являются абсолютно-определенные – устанавливают один вид наказания и его точный размер. Однако в ныне действующем уголовном законе такие санкции отсутствуют. Они имели место в УК РСФСР, но при этом их количество было ограничено². На наш взгляд, наличие подобного вида санкций в современном уголовном законодательстве свидетельствовало бы о полной несправедливости как в отношении лица, совершившего общественно опасное деяние, так и в отношении потерпевшего.

На сегодняшний день в УК РФ имеют место только относительно-определенные санкции – «называют» вид наказания и его размеры («рамки»). Санкции данного вида могут предусматривать как низший, так и высший предел наказания или только высший предел. В последнем случае низший предел наказания в статье (части статьи) не указывается – он предусмотрен в соответствующей статье Общей части УК РФ.

Уголовно-правовые санкции, не имеющие высшего предела, в действующем уголовном законе отсутствуют. При этом в уголовном законодательстве многих зарубежных государств санкции подобного рода можно встретить. Как правило, они имеют соответствующее назначение и занимают особое положение в системе уголовного законодательства. Как полагает А.А. Трефилов, данные конструкции предусмотрены законодателем в целях устрашения населения³.

По мнению В.Г. Татарникова, «выделение наиболее опасных преступлений достигается путем установления в санкции верхнего и нижнего пре-

1 Там же.

2 См.: Евлоев Н.Д. Санкции в составах преступлений, совершенных по неосторожности // Общество: Экономика, политика, право. 2011. № 1. С. 97.

3 См.: Трефилов А.А. Конструирование санкций в нормах уголовного права России и зарубежных стран // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2011. № 6. С. 88.

дела, в результате чего конструкция является вполне логичной»¹. Однако во многих случаях законодатель, внося «бессистемные» изменения в действующий уголовный закон, нарушает данную логику, вследствие чего, на наш взгляд, отдельные положения законодательства не согласуются между собой и могут привести к «несправедливости» при назначении судом наказаний.

Наряду с вышерассмотренными видами уголовно-правовых санкций, в юридической литературе анализируются также абсолютно-неопределенные санкции, в которых нет указания ни на конкретный вид уголовного наказания, ни на его пределы или размер. Как отмечает Т.В. Непомнящая, это «позволяет правоприменителю выбрать любой вид государственного принуждения в пределах нижнего и верхнего размера, установленных Общей частью уголовного закона»². Однако санкции данного вида в УК РФ отсутствуют. Представляется, что их наличие практически абсолютизировало бы роль российских судов как правоприменителей.

Затрагивая вопрос относительно формирования абсолютно-неопределенных санкций с исторической точки зрения, необходимо отметить, что такие санкции ранее существовали и приводили не только к абсолютизации роли органов, применяющих наказание, но и зачастую даже к злоупотреблениям с их стороны. Например, В.К. Дуюнов отмечал, что «в период действия Судебника 1497 г. и судебника 1550 г. не существовало никаких гарантий прав личности, санкции представляли широкий простор судейскому произволу, довольно часто назначался максимум определенного вида наказания, нередко за одно преступление назначался набор наказаний»³.

Классифицировать уголовно-правовые санкции можно также по такому основанию, как наличие в них одного или нескольких видов основных наказаний. Следовательно, относительно-определенные санкции могут быть двух видов: сложные (альтернативные) и простые или единичные (безальтернативные). Простые предусматривают один вид основного наказания, подлежащий применению в конкретном случае. Сложные уголовно-правовые санкции дают правоприменителю выбор одного наказания из нескольких основных. Разновидностью сложных санкций являются кумулятивные санкции, которые наряду с основным наказанием предусматривают применение одного или нескольких дополнительных наказаний. При

1 Татарников В.Г. Санкция уголовно-правовой нормы как показатель характера и степени общественной опасности преступления против личности // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2014. № 1. С. 258.

2 Непомнящая Т.В. Назначение уголовного наказания: теория, практика, перспективы. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2006. С. 118.

3 Дуюнов В.К. Проблемы уголовного наказания в теории, законодательстве и судебной практике. Курск: РОСИ, 2000. С. 201.

этом стоит подчеркнуть то обстоятельство, что дополнительные наказания могут носить как факультативный, так и обязательный характер.

Помимо указанных выше, в ныне действующем УК РФ, как отмечается в юридической литературе¹, имеют место так называемые квалифицированные (усиленные) и особо квалифицированные (особо усиленные) санкции. «Данные санкции отражают усиление карательных функций государства и мер государственного принуждения за совершение преступлений при соответствующихотягчающих обстоятельствах, т. е. за совершение квалифицированных и особо квалифицированных преступлений»².

Исходя из вышеизложенного, мы приходим к выводу, что санкции – это важный и необходимый элемент уголовно-правовой нормы. Они имеют особое значение в уголовно-правовой политике российского государства, поскольку любое государство заинтересовано в создании (формировании) такой системы уголовно-правовых санкций, которая может сыграть большую роль в усилении эффективности борьбы с преступностью (предупреждении преступности). Однако на сегодняшний день системе уголовно-правовых санкций присущи такие качества, как нелогичность и рассогласованность, обусловленные, прежде всего, отсутствием четких правил их конструирования, поэтому данная тематика в юридической литературе обладает значительной популярностью и в связи с этим требует дальнейшего исследования.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.07.2017). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Дуюнов В.К. Проблемы уголовного наказания в теории, законодательстве и судебной практике / В.К. Дуюнов. Курск: РОСИ, 2000. 277 с.
3. Евлоев Н.Д. Санкции в составах преступлений, совершенных по неосторожности / Н.Д. Евлоев // Общество: Экономика, политика, право. 2011. № 1. С. 97–104.
4. Завгородняя И.С. Проблемы построения санкций за тяжкие и особо тяжкие преступления против личности / И.С. Завгородняя // Юристы-Правоведь. 2008. № 3. С. 56–59.
5. Козлов А.П. Уголовно-правовые санкции. Проблемы построения, классификации и измерения / А.П. Козлов. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1989. 171 с.

1 См. подробнее: Тихонова С.С., Фроловичев Я.В. Способы конструирования усиленных санкций: теория и законодательная практика (гл. 25–34) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 10: в 2 ч. Ч. 2. С. 191–194.

2 Тихонова С.С., Фроловичев Я.В. Указ. соч.

6. Непомнящая Т.В. Назначение уголовного наказания: теория, практика, перспективы / Т.В. Непомнящая. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2006. 781 с.
7. Татарников В.Г. Санкция уголовно-правовой нормы как показатель характера и степени общественной опасности преступления против личности / В.Г. Татарников // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2014. № 1. С. 256–260.
8. Тихонова С.С. Модель санкции за преступления определенной категории: теория и законодательная практика / С.С. Тихонова, И.А. Киселева, Я.В. Фроловичев // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2014. № 2 (17). С. 130–134.
9. Тихонова С.С. Наказание как базовая мера государственного принуждения в уголовном праве: конструирование единичных и альтернативных санкций / С.С. Тихонова // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2012. № 3. С. 58–61.
10. Тихонова С.С. Способы конструирования усиленных санкций: теория и законодательная практика (гл. 25–34) / С.С. Тихонова, Я.В. Фроловичев // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 10: в 2 ч. Ч. 2. С. 191–194.
11. Трефилов А.А. Конструирование санкций в нормах уголовного права России и зарубежных стран / А.А. Трефилов // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2011. № 6. С. 85–91.
12. Шуба Е.С. Понятие и виды санкций в уголовном праве Российской Федерации / Е.С. Шуба // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2016. № 2. С. 23–25.

Кузьмин Ю.А.,

ст. преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова»

Юридические санкции и иные меры уголовно-правового характера в современном мире

В статье рассматриваются вопросы относительно сущности, смысла и значения юридических, а именно уголовно-правовых, санкций и иных мер уголовно-правового характера, действующих в России, а также мер уголовно-правового характера, действующих на территории зарубежных государств.

Ключевые слова: уголовное право; уголовно-правовые санкции; наказание; меры; альтернативные наказанию; другие меры уголовно-правового характера.

Современная юриспруденция определяет санкцию как меру наказания (кару) правонарушителей, т. е. меру юридической ответственности. Существование юридической ответственности без санкции немыслимо, она не может ни возникать, ни осуществляться – настолько их взаимосвязь органична и естественна.

Юридические санкции представляют из себя разновидность правоохранительных мер. Уникальность санкций заключается в том, что в них предусмотрены меры наказания для правонарушителей. Именно карательная сущность позволила выделить юридические санкции из всего многообразия предусмотренных правом определенных мер защиты, имеющих различные основания и предполагающие различные цели их применения¹.

Наказание – это принудительно осуществляемые средством воздействия меры со стороны государства, применяемые к лицам, признанным виновными в совершении преступлений. Наказание – это специфическое социальное последствие преступления. Следуя данной логике, принудительно реализуются соответственно и сами санкции, которые предусматривают наказание. Данное обстоятельство часто служит основанием для отождествления таких понятий, как санкция, мера наказания и, естественно, мера принуждения со стороны государства.

Если рассуждать исключительно в уголовно-правовой плоскости, то с уголовно-правовыми санкциями бок о бок находятся так называемые иные меры уголовно-правового характера. Собственно, иные меры уголовно-правового характера – довольно общее обозначение мер, принимаемых государством по отношению к тем лицам, кто признан судом виновными в совершении преступления, но которые не являются наказанием. Формулировка «иные меры уголовно-правового характера» представляется нам не совсем удачной (хотя это лишь авторская позиция). В разных странах мира данные меры носят иное название (а может быть, имеют и несколько иную смысловую нагрузку), например, в бывших югославских республиках, Алжире, Афганистане, Боливии, Бразилии, Гватемале, Гондурасе, Исландии, Испании, Камеруне, Колумбии, Коста-Рике, Кот-д'Ивуаре, Кубе, Ливане, Марокко, Мексике, Молдове, Никарагуа, Панаме, Перу, Португалии, Румынии, Сальвадоре, Сан-Марино, Таиланде, Турции, Уругвае, Чили) – это

¹ Кузьмин Ю.А., Максимов Н.В. Актуальные проблемы противодействия коррупционной преступности // Актуальные проблемы юридической науки: теория и практика: сборник материалов VIII Международной научно-практической конференции. 2014. С. 45.

«меры безопасности», в Германии и Греции – «меры исправления и безопасности», в Италии – «меры безопасности (административные)», в Венгрии, Нидерландах, Парагвае, Швейцарии, Эфиопии – «меры», в Австрии – «предупредительные меры», в Польше – «уголовные меры», в Дании и Норвегии – «иные правовые последствия (наказуемого деяния)», в Судане – «меры надзора и исправления», в Эстонии – «иные меры воздействия», в Армении, Казахстане, Туркменистане – «иные меры уголовно-правового воздействия», в Узбекистане – «другие меры правового воздействия (Узбекистан)»; в Грузии – «уголовные меры иного вида», в Монголии – «иные меры уголовной ответственности».

Разумеется, дело не в синонимах и не в еще каких-либо филологических премудростях. Под всеми этими формулировками подразумевается общее название комплекса мер, принимаемых каждым из вышеперечисленных государств в отношении тех лиц, кто совершил преступления, но которые в силу действующего в этих государствах закона не считаются наказанием. Но тем не менее все же более удачным нам представляется датско-норвежская трактовка «иные правовые последствия (наказуемого деяния)».

Уголовное законодательство России основано на принципиальных положениях Конституции РФ, а также общепризнанных принципах и нормах международного права, относящихся к исполнению наказаний и обращению с осужденными¹. В нормах этих отраслей в значительной мере реализуются положения международных и европейских стандартов, установленных в Минимальных стандартных правилах ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийских правилах) 1990 г., Минимальных стандартных правилах ООН, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинских правилах) 1985 г. и др.

Рассматривая в качестве основной задачи снижение числа осужденных к тюремному заключению, указанные стандарты ориентируют на более широкое применение наказаний, не связанных с реальным лишением свободы, и мер, альтернативных наказанию. Как справедливо указывает Ханс-Йорг Альбрехт, переполненность тюрем – достаточно серьезная проблема, которая существует на протяжении многих десятилетий в разных государствах², поэтому, решая данную проблему, государство сразу «убивает нескольких зайцев»: не нужно тратить на содержание исправительных

1 Кузьмин Ю.А., Перепелкин В.И. Профилактика преступлений, совершаемых в состоянии алкогольного опьянения // Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики: сборник материалов V Международной научно-практической конференции, посвященной Дню юриста. С.Б. Верещак (отв. ред.). 2015. С. 343.

2 Непомнящая Т.В. Иные меры уголовно-правового характера: понятие, юридическая природа, система // Правоприменение. 2017. Т. 1. № 1. С. 116.

учреждений, создавать в этих учреждениях рабочие места и, следовательно, платить людям зарплату, к тому же это хороший способ продемонстрировать гуманность и др.

Во многом именно поэтому уголовное законодательство большинства государств и романо-германской, и англосаксонской правовых семей предусмотрело возможность применения по отношению к лицам, совершившим преступные деяния, не только наказаний, но и иных мер уголовно-правового характера. При этом рассматриваемые меры являются весьма распространенными в судебной практике, особенно условное осуждение. Так, в 2016 г. условно с применением потребности ст. 73 УК РФ в Российской Федерации были осуждены 25,4 % от общего числа осужденных, т. е. практически каждый четвертый осужденный.

Большинство ученых – представителей науки уголовного права считает, что иные меры уголовно-правового характера образуют вполне самостоятельный институт уголовного права¹. При этом закрепление данного института на законодательном уровне связывают с принятием потребности Федерального закона от 27.07.2006 № 153-ФЗ, в соответствии с которым раздел VI УК РФ «Принудительные меры медицинского характера» был переименован в раздел «Иные меры уголовно-правового характера» и до недавнего времени включал две главы: «Принудительные меры медицинского характера» и 15.1 «Конфискация имущества». Но с принятием Федерального закона от 03.07.2016 № 323-ФЗ раздел VI УК РФ 13 был дополнен гл. 152 «Судебный штраф», и сегодня раздел VI УК РФ «Иные меры уголовно-правового характера» включает три разновидности вышеобозначенных мер.

Любая иная мера уголовно-правового характера, как и наказание, является мерой государственного принуждения. Применение данных мер связано с определенными правоограничениями и возложением на осужденного дополнительных обязанностей, которые, надо отметить, не являются такими уж обременительными по сравнению с уголовным наказанием². В отличие от уголовного наказания иные меры уголовно-правового характера:

- не включены в перечень видов наказаний;
- не указаны в санкциях норм Особенной части УК РФ;

1 Маркелов А.Г. Идея разумного компромисса при сокращенной форме дознания в доказывании по уголовным делам // Вестник Воронежского института МВД России. 2016. № 3. С. 132.

2 Максимов Н.В. Нормативно-правовые аспекты соблюдения конституционных положений в ходе криминалистической регистрации // Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики: сборник материалов III Международной научно-практической конференции. 2013. С. 333.

– не сопряжены с существенным ограничением правового статуса осужденных¹.

Таким образом, иные меры уголовно-правового характера – это предусмотренные в уголовном законодательстве меры, применяемые к лицам, совершившим преступления. Основанием потребности применения таких мер является признание лица виновным в совершении преступления. Уголовное наказание является основной формой реализации уголовной ответственности. Однако уголовная ответственность не исчерпывается наказанием, она может быть реализована и посредством других (иных) мер уголовно-правового характера.

Как уже отмечалось, сегодня законодатель относит к иным мерам собственно уголовно-правового характера принудительные меры медицинского характера, конфискацию имущества и судебный штраф².

Система иных мер уголовно-правового характера находит свое закрепление в национальном законодательстве путем фиксации исчерпывающего перечня данных мер. Тем не менее в большинстве стран СНГ четкий перечень иных мер уголовно-правового характера отсутствует. Даже в России, несмотря на выделение в УК РФ «собственного» раздела «Иные меры уголовно-правового характера», содержащего положения о принудительных мерах медицинского характера, конфискации имущества и судебный штраф, к иным мерам относятся еще как минимум принудительные меры воспитательного воздействия (в отношении несовершеннолетних), регламентация которых осуществляется в совсем другом разделе УК. А если вспомнить старый добрый УК РСФСР, то он содержал такой вид наказания, как «общественное порицание» (ст. 33 УК РСФСР), которое заключалось в публичном выражении судом порицания виновному лицу с доведением об этом в необходимых случаях до сведения общественности через печать или иным способом, что, на наш взгляд, сродни «последнему предупреждению», имеющему, безусловно, огромное превентивное значение. Также имел место институт освобождения от уголовной ответственности с передачей на поруки. Как говорится, все новое – это хорошо забытое старое. Возможно, в не столь отдаленном будущем уважаемый отечественный законодатель обратит свое внимание на историко-правовой опыт представителей советской школы права и воспользуется их мудростью.

1 Маркелов А.Г. Специфика доказывания отдельных категорий уголовных дел требует расширения перечня случаев назначения и производства судебных экспертиз // Актуальные проблемы уголовно-процессуальной политики Российской Федерации. Омская юридическая академия. 2013. С. 108–112.

2 Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.08.2017) // Собрание законодательства Российской Федерации. 17 июня 1996. № 25. Ст. 2954.

В современных различных государствах выделяют следующие меры уголовно-правового характера:

– принудительные меры медицинского характера (в бывших югославских республиках, Австрии, Алжире, Бразилии, Великобритании, Гватемале, Германии, Гондурасе, Испании, Италии, Колумбии, Кот-д'Ивуаре Кубе, Молдове, Никарагуа, Норвегии, Парагвае, Перу, Польше, Португалии, России, Румынии, Сальвадоре, Сан-Марино, США, Судане, Таиланде, Турции, Уругвае, Чехии, Швейцарии, Эстонии);

– запрет заниматься определенной профессиональной деятельностью (в бывших югославских республиках, Алжире, Боливии, Германии, Испании, Кот д'Ивуаре, Парагвае, Польше, Португалии, Румынии, Таиланде, Турции);

– специальная конфискация имущества (в бывших югославских республиках, Алжире, Венгрии, Кот-д'Ивуаре, Молдове, Норвегии, Польше, России, Румынии, Турции, Чехии, Эстонии);

– установление надзора (в Боливии, Бразилии, Венгрии, Гватемале, Германии, Гондурасе, Италии, Колумбии, Кот-д'Ивуаре, Никарагуа, Норвегии, Панаме, Парагвае, Сальвадоре, Сан-Марино, США, Турции, Уругвае);

– поручительство о хорошем поведении (в Боливии, Великобритании, Гватемале, Гондурасе, Кот-д'Ивуаре, США, Таиланде, Уругвае);

– лишение водительских прав (в бывших югославских республиках, Германии, Испании, Панаме, Парагвае, Польше, Португалии);

– выдворение иностранцев с территории государства (в бывших югославских республиках, Гондурасе, Испании, Италии, Кот д'Ивуаре, Молдове, Румынии, Сан-Марино, Турции);

– высылка (в Бразилии, Гватемале, Гондурасе, Испании, Италии, Кот-д'Ивуаре, Норвегии, Румынии, Таиланде);

– запрещение посещать определенные места (в Бразилии, Гватемале, Гондурасе, Италии, Кот-д'Ивуаре, Панаме, Парагвае, Швейцарии);

– воспитательные меры в отношении несовершеннолетних (в странах СНГ, Бразилии, Гондурасе, Испании, Италии, Кубе, Молдове, Никарагуа, Сан-Марино, Судане, Турции, Уругвае, Чехии, Эстонии);

– помещение в сельскохозяйственную колонию или иное исправительно-трудовое учреждение (в Боливии, Бразилии, Гватемале, Гондурасе, Италии, Колумбии);

– превентивное или продленное заключение (в Австралии, Боливии, Германии, Великобритании, Новой Зеландии, Норвегии, Парагвае, США);

– запрет потребления спиртных напитков (в Ираке, Ливане, Норвегии, Панаме);

– закрытие учреждения (в Алжире, Кот-д'Ивуаре).

Как мы видим, меры уголовно-правового характера в мире представлены довольно разнообразно. Мы выражаем надежду, что со временем в

отечественном уголовном кодексе найдется место как для некоторых из ныне действующих в мировой практике «других» мер уголовно-правового характера, так и из имевших место в недавнем прошлом, поскольку именно в них, как мы считаем, главным образом имеет место быть превентивная функция уголовного законодательства.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // Собрание законодательства Российской Федерации. 17 июня 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Кузьмин Ю.А., Максимов Н.В. Актуальные проблемы противодействия коррупционной преступности // Актуальные проблемы юридической науки: теория и практика: сборник материалов VIII Международной научно-практической конференции. 2014. С. 45–47.
3. Кузьмин Ю.А., Перепелкин В.И. Профилактика преступлений, совершаемых в состоянии алкогольного опьянения // Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики: сборник материалов V Международной научно-практической конференции, посвященной Дню юриста. С.Б. Верещак (отв. ред.). 2015. С. 343–347.
4. Максимов Н.В. Нормативно-правовые аспекты соблюдения конституционных положений в ходе криминалистической регистрации // Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики: сборник материалов III Международной научно-практической конференции. 2013. С. 331–335.
5. Маркелов А.Г. Идея разумного компромисса при сокращенной форме дознания в доказывании по уголовным делам // Вестник Воронежского института МВД России. 2016. № 3. С. 132–135.
6. Маркелов А.Г. Специфика доказывания отдельных категорий уголовных дел требует расширения перечня случаев назначения и производства судебных экспертиз // Актуальные проблемы уголовно-процессуальной политики Российской Федерации. Омская юридическая академия. 2013. С. 108–112.
7. Непомнящая Т.В. Иные меры уголовно-правового характера: понятие, юридическая природа, система // Правоприменение. 2017. Т. 1. № 1. С. 114–121.

Лукомская А.С.,

доцент кафедры уголовного процесса и правоохранительной деятельности
Удмуртского государственного университета, к.ю.н.

Функции мер защиты прав потерпевшего в уголовном процессе

В публикации выделяется понятие мер защиты прав потерпевшего в уголовном процессе, формируются их виды и функции. Автор приходит к

выводу о том, что меры защиты прав и интересов потерпевшего в уголовном процессе представляют собой комплекс правовых средств, необходимых для обеспечения функционирования закрепленных в уголовно-процессуальном законодательстве предписаний, предупреждения незаконного и необоснованного ограничения прав и свобод потерпевшего, обеспечения его безопасности

Ключевые слова: *восстановительная функция; превентивная функция; функция обеспечения безопасности; меры защиты; права и интересы; потерпевший; участник уголовного судопроизводства.*

Актуальность исследования мер защиты потерпевшего в уголовном судопроизводстве России обоснована провозглашением в Конституции РФ¹ прав и свобод человека высшей ценностью. Защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступления, является не только назначением уголовного судопроизводства, но и вектором совершенствования норм уголовно-процессуального законодательства. Потерпевший от преступления отстаивает в уголовном процессе свой интерес и поэтому нуждается в системе мер защиты.

Защиту прав потерпевшего в уголовном судопроизводстве можно рассмотреть в нескольких направлениях как:

- принцип (назначение) уголовного судопроизводства, который означает, что в ее содержании заключены основные гарантии комплекса фундаментальных конституционных прав;
- совокупность процессуальных средств и (или) действий участников уголовного судопроизводства со стороны защиты;
- функция в уголовном процессе;
- уголовно-процессуальная деятельность, осуществляемая при посягательстве на права, свободы и законные интересы личности, их ограничении или возникновении реальной угрозы их нарушения;
- уголовно-процессуальная деятельность по обеспечению безопасности участников уголовного процесса, содействующих правосудию.

Меры защиты прав потерпевшего, предусмотренные уголовно-процессуальным законом, отличаются друг от друга по содержанию (юридическому и материальному), процессуальной форме, основанию применения. В связи с этим можно классифицировать меры защиты потерпевшего на следующие виды:

¹ Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ).

а) реализация прав через фактические действия и решения потерпевшего как участника уголовного процесса, носящие признаки самозащиты нарушенных преступлением прав;

б) меры обеспечительного процессуального воздействия на участника уголовного процесса, на которого возложена юридическая обязанность;

в) меры охранительного воздействия, направленные на обеспечение безопасности потерпевшего от преступления в уголовном процессе.

Выделим функции мер защиты потерпевшего: регенеративную (восстановительную), превентивную, функцию обеспечения безопасности потерпевшего.

Восстановительная функция мер защиты потерпевшего проявляется как реакция на нарушение его прав в уголовном процессе. Такое нарушение может быть прямым и опосредованным. Последнее представляется как нарушение права в результате: уголовно-процессуального правонарушения, нарушения уголовно-процессуального закона, противоправных деяний, неисполнения возложенной уголовно-процессуальным законом обязанности, следственной и (или) судебной ошибки и др.

В рамках восстановительной функции уголовно-процессуальных мер защиты потерпевшего их применение связано с понуждением участника уголовного процесса к исполнению возложенной на него законом, но не исполненной обязанности.

Классическим примером восстановительной функции мер защиты потерпевшего в уголовном судопроизводстве является реализация его права на обжалование действий (бездействий) и решений дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, органа дознания, следователя, прокурора и суда.

Превентивная функция мер защиты в уголовном судопроизводстве проявляется в необходимости своевременно выявить уклонение участника от исполнения возложенной на него уголовно-процессуальным законодательством обязанности, а также снизить риск незаконного и необоснованного ограничения прав и свобод, в том числе потерпевшего. Например, ст. 160.1 УПК РФ¹ содержит норму об обязанности следователя, дознавателя по факту причинения преступлением имущественного вреда принять меры по установлению имущества подозреваемого, обвиняемого либо лиц, которые в соответствии с законодательством РФ несут ответственность за вред, причиненный подозреваемым, обвиняемым, стоимость которого обеспечивает возмещение причиненного имущественного вреда, и по наложению ареста на данное имущество.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 № 174-ФЗ.

УПК РФ предусмотрены меры защиты, обеспечивающие безопасность потерпевшего: предъявление лица для опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознаваемым потерпевшего (ч. 8 ст. 193 УПК РФ); невключение в протокол следственного действия данных о личности потерпевшего, его представителя (ч. 9 ст. 166 УПК РФ) и др.

Положения ч. 2 ст. 186 УПК РФ предусматривают возможность применения мер защиты в случае возникновения угрозы совершением насилия, вымогательства и других преступных действий потерпевшему или его близким родственникам, родственникам, близким лицам указанных лиц. Защита в этом случае осуществляется с помощью производства контроля и записей телефонных и иных переговоров по письменному заявлению потерпевшего или судебному решению.

Меры защиты, имеющие целью обеспечение безопасности системно представлены в ФЗ от 20.08.2004 № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства»¹.

Таким образом, можно сформулировать ряд выводов:

Система мер защиты потерпевшего в уголовном судопроизводстве России представляет собой регламентированный нормами уголовно-процессуального законодательства комплекс правовых средств, необходимых для обеспечения функционирования закрепленных в уголовно-процессуальном законодательстве предписаний, предупреждения незаконного и необоснованного ограничения прав и свобод потерпевшего, обеспечения его безопасности.

Можно выделить функции мер защиты потерпевшего в уголовном судопроизводстве: регенеративную (восстановительную), превентивную, функцию обеспечения безопасности потерпевшего.

Меры защиты могут быть применены с момента принятия решения о признании лица потерпевшим, путем вынесения дознавателем, следователем, судьей соответствующего постановления или определения суда.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ).
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 № 174-ФЗ.
3. Федеральный закон от 20.08.2004 № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства».

¹ Федеральный закон от 20.08.2004 № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства».

Мазуренко П.Н.,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Казанского филиала
РГУП, к.ю.н., доцент

Особенности санкций за преступления против здоровья населения

На примере реальных уголовных дел рассматривается необходимость смягчения наказаний для лиц, причастных к обороту наркотических средств и психотропных препаратов, но не представляющих повышенной общественной опасности.

Ключевые слова: оборот наркотиков; сбыт наркотиков; причастность к преступлению; сроки лишения свободы; приговор суда.

В последние десятилетия отношение государства к обороту наркотиков сильно изменилось. Раньше государство не стремилось переполнять исправительные учреждения молодыми людьми, лишь косвенно причастными к обороту наркотиков. Затем была объявлена война наркомафии, создан ФСКН (Федеральная служба Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков, упразднена в 2016 году) и началось... За последние 10 лет количество преступников, которые осуждены за преступления, связанные с наркотиками, увеличилось более чем в два раза. Таковы данные статистики Федеральной службы исполнения наказания. Сейчас за решеткой находится 138 тысяч таких осужденных. Всего в учреждениях ФСИН 627 702 человека – то есть наркоманы и продавцы наркотиков составляют треть от всех осужденных¹.

К сожалению, как часто бывает в России, благие намерения привели к обратному результату. На сегодняшний день, хотя уже нет ФСКН, можно сказать, что большая часть осужденных за незаконный оборот наркотиков – это люди, осужденные за причастность к обороту наркотиков, а не за реальный сбыт или хранение. Большинство из них даже не держали в руках наркотики, не состояли ни в какой организованной группе, не занимались сбытом, а просто общались или жили вместе с реальными сбытчиками. В основном это молодые люди до 30 лет. При этом они зачастую осуждаются на сроки от 5 лет лишения свободы и выше за действия, не представляющие высокой общественной опасности (фактически за недонесение о преступной деятельности других лиц: мужа, сожителя, соседа по комнате, друга и т. д.) либо становятся жертвами провокаций со стороны правоохранителей.

Приведу примеры реальных уголовных дел, приговоры по которым уже вступили в законную силу. Так, приговором Чистопольского городского суда гр. Г. 1989 г.р. осуждена по ч. 1 ст. 30, п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ, п. «г»

¹ https://life.ru/t/%D0%B7%D0%B4%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B2%D1%8C%D0%B5/988144/chislo_osuzhdionnykh_za_prodzhu_narkotikov_vyroslo_za_10_liet_vdvoe.

ч. 4 ст. 228.1 УК РФ, и ей назначено наказание в виде лишения свободы на срок 10 лет 1 месяц. При этом осужденная ранее не привлекалась к уголовной или административной ответственности, вела законопослушный образ жизни, закончила вуз, работала по специальности, наркотики не употребляла. У нее появился молодой человек, с которым они стали жить вместе. Как она узнала позднее, он употреблял наркотики, был судим, занимался сбытом наркотиков. За неделю до свадьбы он был задержан. Молодой человек доказывал, что девушка не имела отношения к распространению наркотиков, была категорически против наркотиков, просила его бросить их употреблять (и он ей обещал это сделать после свадьбы), но, будучи близким ему человеком, не смогла сообщить о его преступных действиях в правоохранительные органы. Сначала Г. проходила в качестве свидетеля, а затем оказалась обвиняемой. Гр. Г. была избрана мера пресечения в виде подписки о невыезде, и она больше года ждала суда. При вынесении приговора суд посчитал вину Г. полностью доказанной, Итог известен: 10 лет 1 месяц лишения свободы.

Второй случай. Приговором Советского районного суда г. Казани гр. С. 1995 г.р. был осужден по ст. 30 ч. 1, ст. 228.1 ч. 3 п.п. а, б; ст. 30 ч. 1, ст. 228.1 ч. 4 п.п. а, г УК РФ, и ему назначено наказание в виде 5 лет 6 месяцев лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима (что является довольно мягким наказанием по данным статьям). Как усматривается из материалов уголовного дела, С. за компанию с другом, с которым снимал квартиру, пошел забирать курительную смесь, упакованную в пачку из-под сигарет, которую тот заказал через интернет. Когда друг забрал эту пачку, они были задержаны. При этом друг успел выбросить пачку, и у них не было обнаружено ничего запрещенного. Сам С. наркотики не употреблял, учился в вузе, работал, ранее к уголовной или административной ответственности не привлекался. Расследование и рассмотрение дела продолжалось более 1,5 лет. Все это время С. находился под подпиской о невыезде, продолжал учиться и работать. Суд счел доказанным его участие в сбыте наркотиков, совершенным организованной группой.

Мы не ставим под сомнение законность данных судебных решений. Это дело защиты. В то же время, с нашей точки зрения, просто необходимо принять неотложные меры по снижению количества молодых людей, ранее не судимых, положительно характеризующихся, не представляющих повышенной опасности для общества, но осужденных на большие сроки лишения свободы за причастность к обороту наркотиков. Ведь давно известно, что эффективность наказания определяется не его строгостью, а его неотвратимостью. Иначе через несколько лет Россия получит огромное количество неспособных к работе, жизни и социальной адаптации людей.

Список литературы:

1. Рыкова А. Число осужденных за продажу наркотиков выросло за 10 лет вдвое // https://life.ru/t/%D0%B7%D0%B4%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B2%D1%8C%D0%B5/988144/chislo_osuzhdiennykh_za_prodzhu_narkotikov_vyroslo_za_10_liet_vdvoie.
2. Архив Советского районного суда г. Казани.
3. Архив Чистопольского городского суда Республики Татарстан.

Максимов Н.В.,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Чувашского
государственного университета имени И.Н. Ульянова

Права потерпевшего как форма уголовно-процессуальной санкции на стадии предварительного расследования

В статье определено, что целью санкций является совершенствование уголовно-процессуальных отношений, восстановление нарушенных прав и обеспечение осуществления ответственности в связи с неспособностью органов предварительного расследования обеспечить надлежащим образом защиту нарушенных прав потерпевших.

Ключевые слова: потерпевший; досудебное производство; участник уголовного процесса; законодательная корректировка.

Санкции являются правом потерпевшего и выражаются только в формах, свойственных этим правомочиями. Система прав потерпевшего в России достаточно прогрессивна, хорошо развита и детализирована, но практика показывает, что активно пользуются этой системой менее трети потерпевших¹. Необходима правильная компоновка этих прав в систему, востребованную потерпевшим. Следует дополнительно стимулировать, заинтересовывать потерпевшего на активное участие в уголовном судопроизводстве – разъяснением преимуществ такого участия, оптимизацией существующих правил и процедур, введением дополнительных преференций.

Интересы потерпевшего от преступления в досудебном производстве в полной мере могут быть реализованы в стадии предварительного расследования, являющейся основной стадией досудебного производства. В

1 Максимов Н.В., Маркелов А.Г., Саливаров В.Я. Некоторые проблемы соблюдения прав и законных интересов потерпевшего в компромиссных процедурах уголовного судопроизводства России // Сборник научных трудов по материалам всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) «Трансформация социальных систем: проблемы и поиски путей решения» / Отв. за вып. Т.Н. Потапова. 2017. С. 440-442.

этой стадии пострадавший (заявитель), получая статус потерпевшего, приобретает и обширные права, используя которые данное лицо, способно отстаивать свои права и законные интересы, как полноправный участник уголовного процесса¹.

Для реализации любого из интересов потерпевшего важно обеспечить надлежащее информирование данного участника о ходе производства по уголовному делу, о принятых ключевых решениях. Однако в действующем УПК РФ по данному вопросу имеют место определенные недостатки².

В уголовно-процессуальном кодексе РФ необходимо конкретно прописать перечень тех процессуальных документов, копии которых должны в обязательном порядке направляться потерпевшему, и перечень решений, о которых потерпевший должен лишь уведомляться, а также установления права потерпевшего на получение по его запросу копий всех процессуальных документов, затрагивающих его интересы.

Так, думается, что решение о направлении уголовного дела по подследственности является важным документов для потерпевшего. Если у него такая информация будет отсутствовать, то потерпевший не сможет реализовать многие свои права (право на заявление ходатайств, право на представление доказательств и др.). В то же время направление потерпевшему копии постановления о таком решении особого смысла не имеет, т.к. следователь, дознаватель не определяют лицо, которому будет передано дело. В соответствии с ч. 5 и ч. 6 ст. 152 УПК РФ это отнесено к полномочиям руководителя следственного органа или прокурора, поэтому вполне достаточным будет уведомить потерпевшего о таком решении, использовав право на получение уведомления в соответствии с ч. 2 ст. 42 УПК РФ.

Более востребованным для потерпевшего является решение о принятии к своему производству дознавателем, следователем ранее возбужденного уголовного дела, поскольку знание этого решения позволит потерпевшему увидеть, что уголовное дело дошло до адресата, и уяснить, кто продолжит расследование и к кому следует обращаться по вопросам участия в процессе в рамках предварительного расследования³.

1 Максимов Н.В. Нормативно-правовые аспекты соблюдения конституционных положений в ходе криминалистической регистрации // Сборник материалов III Международной научно-практической конференции: «Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики». 2013. С. 331-335.

2 Кузьмин Ю.А. Социальная и уголовно-правовая превенция преступлений в Российской Федерации // Итоги научно-исследовательской деятельности 2016: изобретения, методики, инновации сборник материалов XVII международной научно-практической конференции. 2016. С. 423-425.

3 Маркелов А.Г. Новый доказательственный компромисс в уголовном процессе России: «Заплати и спи спокойно» // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. Т. 7. № 2 (28). С. 105-108.

К числу недостатков правового регулирования направления потерпевшему копий процессуальных документов, по нашему мнению, необходимо отнести и то, что в перечне копий постановлений, которые вправе получать потерпевший, отсутствует копия постановления о возобновлении производства по уголовному делу, поскольку это решение является не менее важным, нежели другие решения, отражающие движение дела. Потерпевший должен не просто быть уведомлен об этом решении, но и знать о том, какие конкретно причины послужили основанием для возобновления уголовного дела либо отпали основания для его приостановления (установлено лицо, совершившее преступление; обнаружен и задержан объявленный в розыск подозреваемый, обвиняемый и т. д.), либо для производства дополнительных следственных действий, либо в связи с отменой постановлений о приостановлении вышестоящим субъектом правового регулирования деятельности следователя, дознавателя. Основания возобновления производства по уголовному делу характеризуют уровень достижения потерпевшим своих интересов и поэтому значимы для него.

Таким образом, несмотря на значительный объем прав потерпевшего в стадии предварительного расследования, многие из них либо сформулированы недостаточно полно, либо носят декларативный характер и не имеют необходимых взаимосвязей с нормами, гарантирующими и обеспечивающими их реализацию. Причем в большинстве случаев для устранения имеющихся недостатков требуется не разъяснение правоприменителям норм права, а законодательная корректировка последних. При этом отдельные интересы потерпевшего без внесения изменений в действующий УПК РФ реализовать чрезвычайно сложно, что негативно сказывается на процессуальной активности лиц, обладающих данным процессуальным статусом.

Список литературы:

1. Кузьмин Ю.А. Социальная и уголовно-правовая превенция преступлений в Российской Федерации // Итоги научно-исследовательской деятельности 2016: изобретения, методики, инновации сборник материалов XVII международной научно-практической конференции. 2016. С. 423–425.
2. Максимов Н.В., Маркелов А.Г., Саливаров В.Я. Некоторые проблемы соблюдения прав и законных интересов потерпевшего в компромиссных процедурах уголовного судопроизводства России // Сборник научных трудов по материалам всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) «Трансформация социальных систем: проблемы и поиски путей решения» / Отв. за вып. Т.Н. Потапова. 2017. С. 440–442.
3. Максимов Н.В. Нормативно-правовые аспекты соблюдения конституционных положений в ходе криминалистической регистрации // Сборник материалов III Международной научно-практиче-

ской конференции: «Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики». 2013. С. 331–335.

4. Маркелов А.Г. Новый доказательственный компромисс в уголовном процессе России: «Заплати и спи спокойно» // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. Т. 7. № 2 (28). С. 105–108.

Мальшева Ю.Ю.,

заведующий кафедрой уголовного права и криминологии

Казанского филиала Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), к.ю.н., доцент

Преступления, совершаемые путем обмана по уголовному кодексу Российской Федерации по состоянию на август 2017 года

Статья посвящена исследованию преступлений, совершаемых путем обмана в Уголовном кодексе 1996 г. Автор рассматривает шестьдесят четыре преступления, включающие обман как обязательный признак преступления.

Ключевые слова: обман; уголовное право; преступления, совершаемые путём обмана.

На сегодняшний день, учитывая новейшие изменения в Уголовном кодексе России на 1 августа 2017 года, мы имеем шестьдесят четыре преступления, совершаемые путем обмана, предусмотренных ст. 127.1 (Торговля людьми); ст. 128.1 (Клевета); ст. 140 (Отказ в предоставлении гражданину информации); ст. 141 (Воспрепятствование осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий); ст. 142 (Фальсификация избирательных документов, документов референдума); ст. 142.1 (Фальсификация итогов голосования); ст. 150 (Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления); ст. 153 (Подмена ребенка); ст. 159 (Мошенничество); ст. 159.1 (Мошенничество в сфере кредитования); ст. 159.2 (Мошенничество при получении выплат); ст. 159.3 (Мошенничество с использованием платежных карт); ст. 159.5 (Мошенничество в сфере страхования); ст. 159.6 (Мошенничество в сфере компьютерной информации); ст. 165 (Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием); ст. 170 (Регистрация незаконных сделок с недвижимым имуществом); ст. 170.1 (Фальсификация единого государственного реестра юридических лиц, реестра владельцев ценных бумаг или системы депозитарного учета); ст. 170.2 (Внесение заведомо ложных сведений в межевой план, технический план, акт обследования, проект межевания земельного участка или земельных участков либо карту-план территории); ст. 171.1

(Производство, приобретение, хранение, перевозка или сбыт товаров и продукции без маркировки и (или) нанесения информации, предусмотренной законодательством Российской Федерации); ст. 172.1 (Фальсификация финансовых документов учета и отчетности финансовой организации); ст. 173.1 (Незаконное образование (создание, реорганизация) юридического лица); ст. 173.2 (Незаконное использование документов для образования (создания, реорганизации) юридического лица); ст. 176 (Незаконное получение кредита); ст. 181 (Нарушение правил изготовления и использования государственных пробирных клейм); ст. 185 (Злоупотребления при эмиссии ценных бумаг); ст. 185.1 (Злостное уклонение от раскрытия или предоставления информации, определенной законодательством Российской Федерации о ценных бумагах); ст. 185.2 (Нарушение порядка учета прав на ценные бумаги); ст. 185.3 (Манипулирование рынком); ст. 185.5 (Фальсификация решения общего собрания акционеров (участников) хозяйственного общества или решения совета директоров (наблюдательного совета) хозяйственного общества); ст. 186 (Изготовление, хранение, перевозка или сбыт поддельных денег или ценных бумаг); ст. 187 (Неправомерный оборот средств платежей); ст. 193.1 (Совершение валютных операций по переводу денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации на счета нерезидентов с использованием подложных документов); ст. 195 (Неправомерные действия при банкротстве); ст. 196 (Преднамеренное банкротство); ст. 197 (Фиктивное банкротство); ст. 198 (Уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с физического лица); ст. 199 (Уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с организации); ст. 199.2 (Соккрытие денежных средств либо имущества организации или индивидуального предпринимателя, за счет которых должно производиться взыскание налогов и (или) сборов); ст. 200.1 (Контрабанда наличных денежных средств и (или) денежных инструментов); ст. 200.2 (Контрабанда алкогольной продукции и (или) табачных изделий); ст. 205.6 (Несообщение о преступлении); ст. 207 (Заведомо ложное сообщение об акте терроризма); ст. 217.2 (Заведомо ложное заключение экспертизы промышленной безопасности); ст. 226.1 (Контрабанда сильнодействующих, ядовитых, отравляющих, взрывчатых, радиоактивных веществ, радиационных источников, ядерных материалов, огнестрельного оружия или его основных частей, взрывных устройств, боеприпасов, оружия массового поражения, средств его доставки, иного вооружения, иной военной техники, а также материалов и оборудования, которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, средств его доставки, иного вооружения, иной военной техники, а равно стратегически важных товаров и ресурсов или культурных ценностей); ст. 229.1 (Контрабанда наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов, растений, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, инструментов или

оборудования, находящихся под специальным контролем и используемых для изготовления наркотических средств или психотропных веществ); ст. 233 (Незаконная выдача либо подделка рецептов или иных документов, дающих право на получение наркотических средств или психотропных веществ); ст. 237 (Соккрытие информации об обстоятельствах, создающих опасность для жизни или здоровья людей); ст. 238.1 (Обращение фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и оборот фальсифицированных биологически активных добавок); ст. 285.3 (Внесение в единые государственные реестры заведомо недостоверных сведений); ст. 287 (Отказ в предоставлении информации Федеральному Собранию Российской Федерации или Счетной палате Российской Федерации); ст. 292 (Служебный подлог); ст. 292.1 (Незаконная выдача паспорта гражданина Российской Федерации, а равно внесение заведомо ложных сведений в документы, повлекшее незаконное получение гражданства Российской Федерации); ст. 298.1 (Клевета в отношении судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, судебного пристава); ст. 303 (Фальсификация доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности); ст. 305 (Вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта); ст. 306 (Заведомо ложный донос); ст. 307 (Заведомо ложные показания, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод); ст. 322.2 (Фиктивная регистрация гражданина Российской Федерации по месту пребывания или по месту жительства в жилом помещении в Российской Федерации и фиктивная регистрация иностранного гражданина или лица без гражданства по месту жительства в жилом помещении в Российской Федерации); ст. 322.3 (Фиктивная постановка на учет иностранного гражданина или лица без гражданства по месту пребывания в жилом помещении в Российской Федерации); ст. 326 (Подделка или уничтожение идентификационного номера транспортного средства); ст. 327 (Подделка, изготовление или сбыт поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей, бланков); ст. 327.1 (Изготовление, сбыт поддельных марок акцизного сбора, специальных марок или знаков соответствия либо их использование); ст. 327.2 (Подделка документов на лекарственные средства или медицинские изделия или упаковки лекарственных средств или медицинских изделий); ст. 339 (Уклонение от исполнения обязанностей военной службы путем симуляции болезни или иными способами) УК РФ 1996 г.

Учеными в области уголовного права высказаны различные мнения относительно понятия «обмана».

Обман – это умышленное искажение действительного положения вещей, сознательная дезинформация контрагента, преднамеренное введение его в заблуждение относительно определенных фактов, обстоятельств

с целью побудить его по собственной воле, фальсифицированной ложными сведениями или умолчанием об истине, передать имущество обманываемому. Обман – это осознанное сокрытие или искажение истины, совершенные в устной или письменной форме либо посредством умолчания путем действия или бездействия при наличии вытекающей из закона или договора обязанности действовать.

Ложные сведения могут вноситься в документы путем материального и интеллектуального подлога. Такими способами могут быть собственно внесение в подлинный документ записей, не соответствующих действительности, при этом документ сохраняет признаки и реквизиты настоящего, однако вносимые в него данные (например, текст) являются ложными; подделка документа, которая состоит в изготовлении (составлении) полностью подложного документа, при этом подделывается весь документ, как по форме, так и по содержанию; фальсификация документа (частичная подделка), т. е. внесение искаженных сведений в подлинный документ путем, например, уничтожения или исправления части текста, отдельных слов или цифр любым приемом.

Следовательно, в русском языке обман и ложь – близкие по смыслу понятия, означающие неправду, измышления, выдаваемые за истину, намеренное возбуждение в другом лице неверного представления. С точки зрения русского языка эти слова являются синонимами, то есть выражают одно и то же понятие и считаются тождественными или близкими по своему значению. Такое сходство рассматриваемых понятий в лингвистике не случайно. Ведь ложь и обман – разновидности психического воздействия на сознание человека.

Психическое воздействие есть активное влияние на сознание и волю другого лица, совершенное либо в целях склонения этого лица к определенному поведению, либо в иных целях или по другим мотивам. Психическое воздействие подразделяется на виды: сообщение, уговоры, обещания, просьбы, дача советов, требования. Подкуп, соблазнение, принуждение, возбуждение чувства мести, зависти или низменных побуждений, угрозы, наконец, ложь и обман.

Как представляется, категория «ложь» рассматривается законодателем как более широкое понятие, чем обман. С юридической точки зрения понятие лжи, в отличие от других видов психического воздействия, содержит три обязательных признака. Один из признаков лжи – это искажение истины (дезинформация) как результат поведения лжеца. Второй признак рассматриваемого понятия – это заведомое, преднамеренное искажение истины (неправда, выдаваемая за истину). Лживые действия (в том числе слова) есть разновидность рационального поведения. Лжец осознанно дезинформирует других лиц, преследуя какие-либо цели. Отсюда ошибочное искажение истины не является ложью, следовательно, обманом. Как заме-

тил И.Я. Фойницкий: «Ошибочно считающий свое свидетельство истинным находится в состоянии заблуждения. Сознательно удостоверяющий неверный факт совершает ложь или обман»¹. Наконец, третий признак, образующий понятие лжи и характеризующий, как и второй признак, ее субъективную сторону, – это введение другого лица в заблуждение. Путем лжи виновный стремится вызвать у потерпевшего ошибочные представления об окружающей действительности. Ложь направлена на введение другого лица в заблуждение.

Исходя из вышеизложенного, можно дать следующее общее понятие лжи. Ложь – это преднамеренное искажение истины с целью ввести другое лицо (или других лиц) в заблуждение.

Ложь может совершаться безотносительно к будущему поведению потерпевшего – жертвы лжи. Она может использоваться без намерения склонить другое лицо к совершению какого-либо действия или воздержанию от его совершения. Обязательное наличие такого намерения превращает ложь в обман. Поэтому не всякая ложь является обманом, но любой обман есть ложь и необходимо включает в себя все признаки лжи. Для того чтобы ложь «переросла» в обман, необходимо наличие еще одного признака. Содержание последнего выражается во введении конкретного лица в такое заблуждение, которое побуждает его совершить действие (бездействие) в интересах обманщика. Отсюда обман – это такая ложь, которая обязательно направлена на склонение другого лица к совершению действия (бездействия), выгодного (значимого) для обманщика; это ложь, которая имеет своей целью возбудить у другого лица желание (решимость) действовать определенным образом. Как писал Г.Е. Колоколов, обманом может быть признаваемо лишь такое искажение истины, в силу которого другое лицо вопреки своей действительной воле побуждается к определенному виновным действию. Также он утверждал, что необходимой составной частью обмана является посредствующая деятельность потерпевшего, но для того чтобы такое последствие было отнесено к деятельности виновного, нужно, чтобы виновный создал или укрепил в уме потерпевшего ошибку, определившую его деятельность. Аналогичное суждение по данному вопросу высказано и Р.А. Сабитовым. По его мнению, обман всегда рассчитан на ответное поведение, т. е. обманывают, главным образом, не столько для того, чтобы ввести в заблуждение, сколько для того, чтобы склонить обманываемого к определенному поведению².

Воздействие обманщика на волю потерпевшего осуществляется опосредованно – через сознание потерпевшего. При обмане воля потерпевше-

1 Фойницкий И.Я. Курс уголовного права: Часть Особенная. Посягательства личные и имущественные. СПб., 1871. С. 253.

2 Сабитов Р.А. Обман как средство совершения преступления. Омск, 1980. С. 8.

го не нарушается, тем более не подавляется, так как обманутого заставляют верить, что с ним поступают в соответствии с правом, согласно закону. Поэтому совершение какого-либо действия (бездействия) со стороны потерпевшего в интересах обманщика внешне носит как бы добровольный характер, связано с наличием внешне выраженной, казалось бы безупречной внутренней воли.

Обман есть по сути своей противоправное посягательство на волю. Он способствует искажённому формированию воли. В этой связи необходимо различать волеизъявление как видимое выражение воли, в действительную (внутреннюю) волю. Лицо, находящееся под влиянием обмана, совершает действие (бездействие) вопреки своей действительной воле, так как его волеизъявление сформировалось под воздействием обстоятельств, искажающих истинную волю лица. Другими словами, его волеизъявление не соответствует его внутренней воле. Поэтому «добровольность» совершения какого-либо действия со стороны обманутого является только кажущейся, ибо обманутый действует на основе воли, подверженной воздействию обмана, то есть не действительной, а мнимой воли. Действие в интересах обманщика совершается с пороком воли обманутого, с неправильным формированием его внутренней воли.

Итак, обман предполагает совершение обманутым лицом действий (бездействия) в интересах обманщика или указанных им лиц.

Склонение другого лица к определенному поведению становится возможным в силу того, что обман создает или укрепляет в сознании потерпевшего ошибку о наличии оснований для этого. Посредством обмана потерпевший соглашается совершить действие, ошибочно полагая, что на нем лежит обязанность или что совершение указанного обманщиком действия является выгодным для него. Для того чтобы сформировать в сознании другого лица ложные представления об основаниях возникновения, изменения или прекращения отношений, обманщики манипулируют «фактами». Это один из обязательных признаков обмана.

Под фактом понимаются сведения о ком или о чем-либо: лице, предмете, действии или событии. Факт – это жизненное обстоятельство прошлого или настоящего; событие, уже состоявшееся или происходящее; явление действительности, существовавшее или существующее. О значении фактов в жизни людей И.П. Павловым замечено следующее: «Факты в тысячу раз важнее слов. Если вы понимаете факты, вы понимаете все»¹. Именно это обстоятельство используется обманщиком с тем, чтобы, ссылаясь на мнимые «факты», склонить другое лицо к определенному поведению. Обман есть ложь, которая основывается на несуществующих фактах.

1 Павлов И.П. Физиология. М., 1970.

Содержание обмана состоит в искажении фактов (например, в утверждении о фактах, отсутствующих в действительности, или отрицании фактов, имеющих место в действительности) или умолчании о каких-либо жизненных обстоятельствах, знание о которых удержало бы потерпевшего от совершения акта поведения, значимого для обманщика.

«Где проходит граница между правдой и ложью? Может ли ложь быть во благо, а правда во вред? Вся история цивилизации свидетельствует о том, что любая крайность в сфере человеческих взаимоотношений противоестественна и зачастую носители «абсолютной истины» оказываются на поверку гнусными обманщиками. Да и обман как таковой имеет тысячи разнообразных оттенков – от добродетельного до злонамеренного» – так излагает свои мысли в книге «Психология лжи и обмана» доктор биологических наук, психофизиолог Ю.В. Щербатых¹.

Следует отметить, что классификации обмана будут сильно различаться в зависимости от подхода, то есть от того, с какой стороны мы рассматриваем сам обман. Если мы выберем коммуникативный подход – то есть подойдем к обману как к передаче ложной информации, то сможем вычленив чистую ложь, полуправду, ложь по умолчанию и т. п. Подобного подхода придерживается московский психолог В.В. Знаков, который выделяет в отдельные категории неправду, ложь и обман. При этом он относит обман к такой разновидности полуправды, из которой реципиент должен сделать ошибочные выводы. Такое определение вполне корректно, однако оно не затрагивает нравственные стороны человеческого общения.

По нашему мнению, заслуживает внимания классификация обмана, представленная Ю.В. Щербатых, где основное внимание обращается на то, кто в основном извлекает пользу из ложного обещания.

Мы различаем следующие виды обмана. 1. Обман в отношении личности (обман в лице), под которым понимается сообщение обманщиком ложных сведений о самом себе, своем соучастнике либо иных лицах. Так, оформление пенсии за выслугу лет путем представления в органы социальной защиты населения подложных документов, содержащих несоответствующие действительности сведения о трудовом стаже по выполнению определенной профессиональной деятельности, и получение необоснованно назначенной пенсии содержит признаки мошенничества, совершенного путем обмана в отношении личности. Равным образом мошеннический обман в лице заключало в себе содеянное Рачковым, который, имея на руках чистые бланки доверенности и накладных, подписанных руководством кооператива «Созвездие», где он раньше работал, обманым путем получил в ассоциации «Архангельскмолпром» 3840 кг сливочного масла, которое реализовал, а деньги присвоил.

1 Щербатых Ю.В. Психология лжи и обмана. Ростов-на-Дону, 2012.

2. Обман в отношении предмета (обман в предмете), который можно определить как заведомое искажение сведений о существовании, тождестве, количестве или качестве предмета, о цене предмета и пр. Так, передача «денежной куклы» (вместо денег закамуфлированных бумажных свертков) в счет заранее обусловленной доплаты за автомашину сверх комисионной стоимости следует считать мошенническим обманом в предмете. Приведем еще один пример. Ф., жительница Казани, организовала прибыльный бизнес для себя: скупая в республике Марий Эл срубы, обещала построить роскошные домики и бани для казанцев. Клиенты платили мошеннице авансом, Ф. же привозила срубы для домов и бани, но строить она даже не собиралась. С последних клиентов мошенница взяла предоплату, но не привезла и срубов.

3. Обман относительно иных обстоятельств действительности (действий, событий и др.), который заключается в заведомом искажении истинны относительно совершения или несовершения тех или иных действий, наступления или ненаступления определенных событий и пр. Например, такую разновидность обмана можно усмотреть в содеянном Шадриним, который, работая фельдшером в наркологическом кабинете поликлиники, создавал видимость у пациентов и их родственников, что за медикаменты и лечение необходимо внести особую плату, а полученные путем мошенничества деньги обращал в свою пользу.

Исходя из вышеизложенного, под обманом как способом совершения преступлений следует понимать сообщение ложных сведений или сокрытие фактов, направленное на введение другого лица в заблуждение и склонение последнего к совершению действия (бездействия) в интересах обманщика.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс РФ по состоянию на август 2017 г. М., «ЮРИСТЪ», 2017.
2. Фойницкий И.Я. Курс уголовного права: Часть Особенная. Посяательства личные и имущественные. СПб., 1871. С. 253.
3. Сабитов Р.А. Обман как средство совершения преступления. Омск, 1980. С. 8.
4. Павлов И.П. Физиология. М., 1970.
5. Щербатых Ю.В. Психология лжи и обмана. Ростов-на-Дону, 2012.

Маркелов А.Г.,

доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова, к.ю.н., доцент

Домашний арест в уголовном судопроизводстве

как компромиссная санкция: проблемы и возможные пути разрешения

В рассматриваемой статье анализируется мера пресечения в виде домашнего ареста и представляется как компромиссная санкция при производстве по отдельным категориям уголовных дел. В целях расширения сферы применения домашнего ареста как меры пресечения в уголовном судопроизводстве авторы делают выводы о необходимости дальнейшей разработки процессуального порядка избрания и применения указанной меры пресечения.

Ключевые слова: санкция; компромисс; уголовное судопроизводство; меры пресечения; домашний арест.

Идея введения различных санкционных и компромиссных форм и инструментов в последнее время остаются весьма актуальными и очень важными в повседневной жизни, становятся предметом все более пристального внимания и отношения со стороны государства. Так, «В.В. Путин в своем Послании к Федеральному собранию Российской Федерации особо обратил внимание на «декриминализацию ряда статей Уголовного кодекса и перевода преступлений, не представляющих большой общественной опасности, в разряд административных правонарушений»¹, тем самым обозначил важность предложенных государством компромиссных решений для реализации и обеспечения конституционных гарантий обеспечения прав и свобод граждан в уголовном судопроизводстве»².

Такой компромиссной формой в современном уголовном судопроизводстве является санкционная мера пресечения в виде домашнего ареста, избираемая по отдельным категориям уголовных дел, при невозможности применения иной, более мягкой меры пресечения. Согласно официальным статистическим данным, «следователи в 2016 году на 2,6 % реже, чем в 2015-м, ходатайствовали о заключении подозреваемых / обвиняемых под стражу и значительно чаще (на 31,3 %) – о помещении под домашний арест или о том, чтобы выпустить фигуранта под залог (на 2 % больше ходатайств). При этом суды, согласно той статистике, на 25 % чаще применяли меру пресечения в виде домашнего ареста, чем в позапрошлом году

1 Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ // Российская газета. 04.12.2015. № 6846.

2 Маркелов А.Г. Идея разумного компромисса при сокращенной форме дознания в доказывании по уголовным делам // Вестник Воронежского института МВД России. 2016. № 3. С. 132-135.

(6101 удовлетворенное ходатайство против 4566 в 2015 году). Всего удовлетворили 90,2 % «прошений» следствия о помещении в СИЗО, 88 % – под домашний арест, а также 84 % ходатайств о залоге. Кроме того, многократно (в 26 раз) по сравнению с 2015 годом участились случаи замены ранее избранной меры пресечения на домашний арест»¹.

Для российского правоприменителя избрание подобной санкционной меры пресечения в виде домашнего ареста – действие (решение) новое. Федеральным законом от 07 декабря 2011 года № 420-ФЗ в УПК РФ введена новая компромиссная мера пресечения в виде домашнего ареста². Мера пресечения в виде домашнего ареста применяется на основании ст. 107 УПК РФ, а контроль за ее исполнением осуществляется уголовно-исполнительной инспекцией (далее – УИИ) с 22 марта 2016 года на основании приказа Министерства юстиции РФ, МВД России, Следственного комитета РФ, ФСБ России и Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков от 11 февраля 2016 года № 26/67/13/105/56 «Об утверждении Порядка осуществления контроля за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением ими наложенных судом запретов и (или) ограничений»³.

Основным недостатком нормативно-правовых актов, касающихся меры пресечения в виде домашнего ареста, является то, что сотрудникам УИИ вменяются только контрольные функции при исполнении домашнего ареста, а конкретные меры реагирования в случае нарушений со стороны подсудимого не предусматриваются.

При исполнении данной меры пресечения УИИ возникает ряд проблем, решение которых возможно только при выработке эффективных механизмов⁴ взаимодействия контролирующего органа Управления федеральной службы исполнения наказания России (далее – УФСИН) со следственными органами, прокуратурой и судом.

1 Судебная статистика: назначать домашний арест стали на 25 % чаще // <https://pravo.ru/news/view/137790/> (Дата обращения: 20 сентября 2017 года).

2 Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в ред. ФЗ от 29 июля 2017 года № 251-ФЗ) // Российская газета. 22.12.2001. № 249.

3 Приказ Министерства юстиции РФ, МВД России, Следственного комитета РФ, ФСБ России и Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков от 11 февраля 2016 г. № 26/67/13/105/56 «Об утверждении Порядка осуществления контроля за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением ими наложенных судом запретов и (или) ограничений» // Зарегистрировано в Минюсте России 22.03.2016 № 41497.

4 Максимов Н.В. О необходимости указания конкретного роста лица при составлении на него информационно-поисковой карты // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2017. № 1 (30). С. 354-358.

Не секрет, что для любого нововведения требовалось время, а также определенный опыт, который нарабатывается, в том числе путем проб и ошибок. Тем более если это касается работы разных ведомств.

На начальном этапе применения данной меры у сотрудников УИИ возникали проблемы из-за низкого качества вынесенных судебных решений, т. е. в постановлении суда изложенные ограничения указаны неконкретно либо указаны так, что механизм контроля реализовать просто невозможно. В другом случае в постановлении суда о продлении срока применения меры пресечения обвиняемой по ее ходатайству разрешены ежедневные прогулки на открытом воздухе продолжительностью в течение одного часа под контролем контролирующего органа, тогда как график и порядок проведения таких прогулок не был определен.

Другой пример. Обвиняемому было разрешено покидать жилище на время работы, но не указано точное время. Либо наоборот – не разрешено покидать квартиру в ночное время, тогда напрашивается вопрос: а днем значит можно? Служебная переписка по уточнению возникающих вопросов продолжалась неделями, а то и месяцами, причем не всегда приводила к правильному их разрешению. Конечно, для лиц, преступивших закон, это была очередная возможность использовать любые просчеты законодательства в своих целях, зачастую преступных.

Бывали и казусы. Так, одному лицу, наложив домашний арест, был одет электронный браслет и ограничены координаты его пребывания. В данном случае это была комната в общежитии коридорного типа, где места общего пользования находились на определенном расстоянии. Естественно при первой же попытке выйти «по нужде» система сработала. Пришлось сотрудникам УИИ выходить в следственные органы и суд с ходатайством об увеличении радиуса движения обвиняемого. Другая ситуация: несовершеннолетнему было определено не общаться с одноклассником, по совместительству – поделником, в разгаре учебного года. Причем запретить ему посещать школу было нельзя – нарушалось право на обучение.

Несомненно, при исполнении данной меры пресечения возникает ряд проблемных вопросов¹. Одним из них является своевременность получения инспекциями информации о том, что в отношении конкретного лица вынесено постановление об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста, ведь важнейшая составляющая профилактики совершения преступлений – это именно своевременность реагирования.

В постановлении или определении суда об избрании домашнего ареста в качестве меры пресечения указываются конкретные ограничения, кото-

1 Максимов Н.В., Кузьмин Ю.А. Проблема истины при вероятностном выводе судебной экспертизы // Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики сборник материалов 4-й Междунар. науч.-практ. конф. 2014. С. 406-409.

рым подвергается подозреваемый или обвиняемый. Суд с учетом данных о личности подозреваемого или обвиняемого и фактических обстоятельств при избрании домашнего ареста в качестве меры пресечения может ему запретить и (или) ограничить: выход за пределы жилого помещения, в котором он проживает; общение с определенными лицами; отправку и получение почтово-телеграфных отправлений; использование средств связи и информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

В следственно-судебной практике встречается и такое: судья выносит постановление об избрании меры пресечения домашнего ареста в нерабочее время (уже после убийства всех сотрудников по домам, авто на прикол, сдачи путевых листов и т. д.) и требует немедленной доставки к месту в другой город лица, к которому применили домашний арест. Может быть поэтому, среди сотрудников УИИ бытует мнение, что домашний арест – это не мера пресечения, а мера поощрения для подозреваемого или обвиняемого¹.

Сотрудниками УИИ ежедневно проводится мониторинг по выявлению и предупреждению² фактов нарушений подозреваемыми (обвиняемыми) нахождения в месте исполнения меры пресечения. Контроль осуществляется по средствам телефонной связи и посещения на дому. В орган дознания, орган предварительного следствия, а также в суд подозреваемый или обвиняемый доставляется сотрудниками или даже одним сотрудником УИИ на служебном автотранспорте. Следует учесть такой важный момент – личный состав УИИ в основном женщины, а это может спровоцировать подозреваемого или обвиняемого на другие «подвиги». При этом отдел исполнения наказаний при осуществлении исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста столкнулся с проблемами, такими как отсутствие специальных средств, обеспечивающих безопасность сотрудников при доставке подозреваемых и обвиняемых. Также не в достаточной мере отрегулированы правовые основы применения специальных средства в таких случаях³.

1 Данные, полученные при проведении экспресс-опроса судей судов Чувашской Республики и сотрудников СУ СК РФ по Чувашской Республике в период с ноября 2016 г. по август 2017 г.

2 Кузьмин Ю.А., Перепелкин В.И. Профилактика преступлений, совершаемых в состоянии алкогольного опьянения // Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики сборник материалов V Международной научно-практической конференции, посвященной Дню юриста. С.Б. Верещак (отв. ред.). 2015. С. 343–347.

3 Маркелов А.Г. Специфика доказывания отдельных категорий уголовных дел требует расширения перечня случаев назначения и производства судебных экспертиз // Актуальные проблемы уголовно-процессуальной политики Российской Федерации / Омская юридическая академия. 2013. С. 108–112.

Следственно-судебная практика исполнения судебных решений об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста показывает наличие ряда проблем. Судами не всегда учитывалось значительное удаление места исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста от органа дознания или предварительного следствия, что препятствовало обеспечению доставления лица, а также контролю за ним. Назначая меру пресечения в виде домашнего ареста, не всегда учитывается возможность применения к подозреваемому или обвиняемому оборудования СЭМПА¹ – основного средства контроля. Имели случаи, когда в отношении лиц, находящихся под домашним арестом, оборудование СЭМПА было затруднено из-за отсутствия электричества и сотовой связи.

Другая проблема – это организация информационного обмена между правоохранительными органами при осуществлении контроля за лицами, находящимися под домашним арестом, и контроля за соблюдением запрета на использование средств связи и сети Интернет в связи с развитием беспроводных технологий и появлением «Wi-Fi». Проконтролировать исполнение таких запретов затруднительно, а иногда и практически невозможно, если лицо, которое находится под домашним арестом, проживает с семьей или иными людьми.

Кстати, совершенно ничего не оговаривается по сообщениям при запрете пользования Интернетом и телефонной связью в совместном приказе Минюста РФ, МВД РФ, СК РФ, ФСБ и ФСКН от 11.02.2016 № 26/67/13/105/56.

При использовании в деятельности УИИ электронных средств контроля и наблюдения возникают проблемы организационного характера, которые связаны с недостаточным организационным обеспечением внедрения некоторых электронных средств наблюдения к ограничению свободы, возмещения лицами, находящимися под домашним арестом, материального ущерба, причиненного ими своими неправомерными действиями при использовании электронных средств наблюдения.

Любое средство персонального контроля: браслет электронный, стационарное контрольное устройство, мобильное контрольное устройство, ретранслятор, персональный «трекер» является материальной ценностью. В случае, когда лицо, находящееся под домашним арестом, скрывается вместе со средством персонального контроля, законодательно не урегулировано возмещение материального вреда УИИ, так как в гражданском процессе необходимо предъявить досудебную претензию человеку, объявленному в розыск.

Наиболее востребованным средством контроля является электронный браслет. Ремешок этого прибора представляет собой электрическую цепь,

1 Система электронного мониторинга подконтрольных лиц. Далее – СЭМПА.

если его разомкнуть несанкционированно, на пульт мониторинга УИИ поступит сигнал тревоги. Работает браслет по принципу сотового телефона – внутри находится «SIM-карта», однако она не фиксируется и периодически выпадает из разъема.

Между тем работа этих отслеживающих устройств вызывает много нареканий из-за низкого качества. Еще в 2013 году эксперты НИИ космического приборостроения признали, что любой арестант может легко разобрать и снять с себя устройства при помощи ножниц или плоскогубцев, а контролирующий его сотрудник этого даже не заметит. Тогда же эксперты пришли к выводу, что браслет чувствителен к окружающей среде. От влаги контакты замка браслета быстро окисляются, прибор это расценивает, как попытку расстегнуть замок, и подает сигнал тревоги. На практике лицам, находящимся под домашним арестом, приходится в душе заматывать ногу водонепроницаемой пленкой, а потом мыть отдельно, иначе браслет выйдет из строя.

В числе причин недостаточно эффективного применения СЭМПА следующие: невысокий уровень подготовки сотрудников, выполняющих функции администратора и оператора системы; проблемы, связанные с технической недоработкой средств надзора; формальный подход к применению СЭМПА, обусловленный наличием плановых показателей; неисполнение филиалами ФКУ УИИ указаний ФСИН России.

В настоящее время возникла потребность во введении в структуру УИИ соответствующего подразделения по использованию СЭМПА, в котором должны работать специалисты соответствующего профиля. Кроме того, следует принять меры по обеспечению своевременного снятия тревожных сообщений (не реже трех раз в сутки) и недопущению формального снятия тревожных сообщений; активизации работы по возмещению ущерба, поскольку в отдельных регионах возмещено менее 1 % ущерба либо он не возмещен совсем (на практике возникают затруднения с доказыванием умышленной порчи оборудования); обеспечению сохранности оконечного оборудования СЭМПА (за период эксплуатации было утеряно 495 его единиц, прежде всего мобильных контрольных устройств); организации начальниками ФКУ УИИ прикрепления охранных зон, запретных зон или ограничений режима ко всем подконтрольным лицам в соответствии с требованиями приговоров.

Определенные проблемы правового характера возникают и при исполнении меры пресечения в виде домашнего ареста. Несмотря на достаточно подробно регламентированные нормами УПК РФ порядок и основания для избрания меры пресечения в виде домашнего ареста, данная мера пресечения все еще является практически непригодной для избрания в отношении подозреваемых (обвиняемых) ввиду отсутствия четко прописанного в законе порядка и механизма его исполнения.

Данная мера пресечения является наряду с заключением под стражу наиболее суровой среди предусмотренных действующим законодательством. В ч. 10 ст. 107 УПК РФ закрепляет: «Контроль за нахождением подозреваемого или обвиняемого в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением им наложенных судом запретов и (или) ограничений осуществляется федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим правоприменительные функции, функции по контролю и надзору в сфере исполнения уголовных наказаний в отношении осужденных. В целях осуществления контроля могут использоваться аудиовизуальные, электронные и иные технические средства контроля, перечень и порядок применения которых определяются Правительством РФ»¹.

Во-первых, выполнение контроля по домашнему аресту у сотрудника УИИ занимает большое количество времени, притом что у него есть еще и основные обязанности (работа с условно-осужденными, регистрация осужденных к ограничению свободы и т. д.). Таким образом, в отдаленных районных центрах не хватает штата сотрудников по контролю исполнения домашнего ареста.

Во-вторых, УИК РФ, являющийся нормативно-правовым актом, регламентирующим деятельность органов исполнительной власти, осуществляющих функции по контролю и надзору в сфере исполнения уголовных наказаний в отношении осужденных, не содержит в настоящий момент норм, регламентирующих механизм исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста. Иных нормативно-правовых актов, регламентирующих порядок исполнения данной меры пресечения, также нет. Исполнение решения суда по избранию меры пресечения в виде домашнего ареста происходит на основе внутриведомственных актов УФСИН России. То есть основы и особенности механизма исполнения данного решения (например, посещение два раза в неделю лица, к которому применен домашний арест, осуществление двух звонков в неделю по контролю нахождения указанного лица дома) регулируются не основами федерального законодательства, а внутриведомственными актами УФСИН России.

Несмотря на трудности, возникающие при применении меры пресечения в виде домашнего ареста, сотрудниками уголовно-исполнительной инспекции применяются максимально возможные средства и способы для

1 Постановление Правительства РФ от 18 февраля 2013 г. № 134 «О порядке применения аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля, которые могут использоваться в целях осуществления контроля за нахождением подозреваемого или обвиняемого в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением им наложенных судом запретов и (или) ограничений» // Собрание законодательства Российской Федерации от 25 февраля 2013 г. № 8 ст. 838.

осуществления контроля за лицами находящимися под домашним арестом и как следствие.

Отмечается положительная динамика в решении возникающих проблем при применении меры пресечения в виде домашнего ареста. Увеличение случаев применения меры пресечения в виде домашнего ареста является одним из факторов гуманного отношения государства к людям, преступившим закон.

Необходимо дальнейшее совершенствование действующего законодательства, иных правовых актов в сфере исполнения уголовно-исполнительными инспекциями меры пресечения в виде домашнего ареста, актуальность взаимодействия с субъектами правоотношений, складывающихся в процессе исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста, соблюдении прав, обязанностей и законных интересов подозреваемых или обвиняемых, в отношении которых избрана мера пресечения в виде домашнего ареста.

Несмотря на возникновение при исполнении домашнего ареста множества вопросов и проблемных ситуаций, избрание и применение такой меры пресечения в виде домашнего ареста в современном обществе должно только приветствоваться, являясь санкционной и компромиссной формой уголовно-процессуальной деятельности по уголовным делам.

Список литературы:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в ред. ФЗ от 29 июля 2017 года № 251-ФЗ) // Российская газета. 22.12.2001. № 249.
2. Судебная статистика: назначать домашний арест стали на 25 % чаще // <https://pravo.ru/news/view/137790/> (Дата обращения: 20 сентября 2017 года).
3. Приказ Министерства юстиции РФ, МВД России, Следственного комитета РФ, ФСБ России и Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков от 11 февраля 2016 г. № 26/67/13/105/56 «Об утверждении Порядка осуществления контроля за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением ими наложенных судом запретов и (или) ограничений» // Зарегистрировано в Минюсте России 22.03.2016 № 41497.
4. Постановление Правительства РФ от 18 февраля 2013 г. № 134 «О порядке применения аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля, которые могут использоваться в целях осуществления контроля за нахождением подозреваемого или обвиняемого в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением им наложенных судом запретов и (или)

- ограничений» // Собрании законодательства Российской Федерации от 25 февраля 2013 г. № 8 ст. 838
5. Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ // Российская газета. 04.12.2015. № 6846.
 6. Кузьмин Ю.А., Перепелкин В.И. Профилактика преступлений, совершаемых в состоянии алкогольного опьянения // Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики сборник материалов V Международной научно-практической конференции, посвященной Дню юриста. С.Б. Верещак (отв. ред.). 2015. С. 343-347.
 7. Маркелов А.Г. Идея разумного компромисса при сокращенной форме дознания в доказывании по уголовным делам // Вестник Воронежского института МВД России. 2016. № 3. С. 132-135.
 8. Маркелов А.Г. Специфика доказывания отдельных категорий уголовных дел требует расширения перечня случаев назначения и производства судебных экспертиз // Актуальные проблемы уголовно-процессуальной политики Российской Федерации / Омская юридическая академия. 2013. С. 108-112.
 9. Максимов Н.В. О необходимости указания конкретного роста лица при составлении на него информационно-поисковой карты // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2017. № 1 (30). С. 354-358.
 10. Максимов Н.В., Кузьмин Ю.А. Проблема истины при вероятностном выводе судебной экспертизы // Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики сборник материалов 4-й Междунар. науч.-практ. конф. 2014. С. 406-409.

Мингалимова М.Ф.,

ст. преподаватель кафедры прокурорского надзора за оперативно-розыскной деятельностью и участия прокурора в уголовном судопроизводстве Казанского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры РФ

Влияние смягчающих обстоятельств на выбор меры и вида наказания по уголовным делам

В статье рассматриваются особенности назначения наказания с учетом смягчающих обстоятельств и основания для его снижения в суде апелляционной инстанции.

Ключевые слова: наказание; смягчающие обстоятельства; суд; специальные правила назначения наказания.

Вопросы пересмотра назначенного наказания в суде апелляционной инстанции приобретают в последнее время все большую актуальность. И связано это, прежде всего, с пристальным подходом правоприменителей к данному вопросу.

Основаниями для пересмотра приговора в суде апелляционной инстанции могут служить как жалоба участников уголовного судопроизводства (осужденного, потерпевшего, адвоката и др.), так и представление прокурора.

Изучение судебной практики показало, что наиболее распространенными основаниями для снижения уголовного наказания в сторону смягчения являются: 1) изменение объема обвинения в сторону уменьшения; 2) первичный или вторичный учет смягчающих обстоятельств; 3) исключение из приговора ссылки на погашенные судимости; 4) исключение из приговора обстоятельств, отягчающих наказание, как необоснованно признанных таковыми.

В случае снижения ранее назначенного наказания суд апелляционной инстанции в соответствии с требованиями главы 45.1 УПК РФ принимает решение о внесении изменений в постановленный ранее приговор суда путем вынесения апелляционного определения или апелляционного постановления.

При этом как в судебной практике, так и в действующем уголовном законодательстве, отсутствуют четкие пределы снижения наказания с указанием конкретных сроков, что приводит к непредсказуемости результатов рассмотрения уголовного дела в суде 2 инстанции.

Так, апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Татарстан от 14 июля 2017 года изменен приговор Набережночелнинского городского суда, которым гр. З. осужден по ч. 1 ст. 228.1 УК РФ (незаконный сбыт наркотических средств) к лишению свободы на срок 5 лет с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима¹.

Судом установлено, что 12 января 2017 года в г. Набережные Челны в рамках проверочной закупки гр. З. незаконно сбыл сотруднику полиции наркотическое средство (марихуану) общей массой не менее 0,95 гр. Осужденный, не согласившись с вынесенным приговором, обжаловал его и указал на свою непричастность к совершенному преступлению. Кроме того, в апелляционной жалобе гр. З. сообщил о допущенных нарушениях уголовно-процессуального закона при производстве следственных действий.

1 Архив Набережночелнинского городского суда Республики Татарстан за 2017 г.: уголовное дело № 1-432/2017.

По результатам рассмотрения уголовного дела суд апелляционной инстанции пришел к выводу об обоснованности осуждения гр. З. и правильности квалификации по ч. 1 ст. 228.1 УК РФ, но все же снизил назначенное наказание. Как указано в определении суда, при назначении наказания судам в соответствии с ч. 3 ст. 60 УК РФ наряду с характером и степенью общественной опасности преступления, данными о личности виновного, обстоятельствами, смягчающими и отягчающими наказание, также надлежит учитывать влияние назначенного наказания на исправление осужденного и условия жизни его семьи (например, возможную утрату членами семьи осужденного средств к существованию в силу возраста, состояния здоровья). При этом могут быть приняты во внимание и фактические семейные отношения.

Городским судом при рассмотрении уголовного дела по существу в качестве обстоятельств, смягчающих наказание, признаны отсутствие судимостей, совершение преступления впервые, положительная характеристика, постоянное место работы, наличие на иждивении у гр. З. родителей-пенсионеров, имеющих инвалидность, то есть все те смягчающие обстоятельства, которые не предусмотрены ч. 1 ст. 61 УК РФ. При этом суд апелляционной инстанции в своем определении указал на формальный учет городским судом обстоятельств, смягчающих наказание, которые фактически не учтены при определении срока наказания гр. З. При таких обстоятельствах наказание снижено с 5-и до 4-х лет лишения свободы.

Таким образом, вторичный учет ранее уже установленных и признанных таковыми смягчающих обстоятельств существенным образом внес коррективы в назначенное наказание, тем самым приблизил возможность гр. З. к условно-досрочному освобождению из мест лишения свободы.

Наличие по делу смягчающих обстоятельств может явиться основанием не только для существенного снижения верхнего предела санкции инкриминируемой статьи Особенной части УК РФ, но и выступить возможностью для прекращения уголовного дела и освобождения от уголовной ответственности. Речь идет как о прекращении уголовных дел в связи с примирением сторон и деятельным раскаянием, так и в связи с назначением судебного штрафа (ст.ст. 76, 76.1, 76.2 УК РФ). В перечисленных случаях суд выносит постановление о прекращении уголовного дела.

Между указанными основаниями освобождения от уголовной ответственности имеются схожие черты. Во-первых, лицо должно совершить преступление впервые либо же имеющиеся судимости должны быть погашены, а правовые последствия сняты. Во-вторых, совершенное преступление должно быть отнесено к категории небольшой или средней тяжести. В-третьих, лицо должно предпринять меры по заглаживанию причиненного преступлением вреда. Отметим, что обязательным условием прекращения уголовного дела по вышеуказанным основаниям является получение со-

гласия на это лица, совершившего преступление. В противном случае суд продолжает рассмотрение уголовного дела с проведением всех обязательных процедур судебного разбирательства: судебным следствием, прениями сторон и последним словом подсудимого.

Если первое и второе основание носят объективный характер, то наличие третьего основания зависит напрямую от поведения виновного и оценки суда. При этом степень возмещения вреда оценивает исключительно суд. Отсутствие по делу потерпевшей стороны не ограничивает суд от принятия решения об освобождении от уголовной ответственности и назначения судебного штрафа. Однако возникает резонный вопрос: каков же механизм дачи оценки степени заглаживания вреда, если совершенное преступление носит не материальный характер и не относится к преступлениям корыстной направленности? Таким образом, в рассматриваемом случае по делу отсутствует мнение потерпевшей стороны.

Заглаживание вреда, причиненного потерпевшему, или иные действия, направленные на возмещение материального ущерба и (или) морального вреда, содержится в перечне части 1 статьи 61 УК РФ и законодательно предусмотрено в качестве обязательного смягчающего обстоятельства, наличие которого позволяет суду при выборе меры и вида наказания применить специальные правила его назначения по правилам ст. 62 УК РФ. В таком случае суд обязан назначить наказание, срок или размер которого не будет превышать двух третей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ. Единственным условием кроме наличия по делу указанного смягчающего обстоятельства является отсутствие отягчающих наказание обстоятельств.

Согласно пункту 31 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» под действиями, направленными на заглаживание вреда, причиненного потерпевшему, следует понимать оказание в ходе предварительного расследования или судебного производства по уголовному делу какой-либо помощи потерпевшему и иные меры, направленные на восстановление нарушенных в результате преступления прав и законных интересов потерпевшего.

В соответствии с пунктом 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 (ред. от 29.11.2016) «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» обещания, а также различного рода обязательства лица, совершившего преступление, возместить ущерб или заглаживать вред в будущем не являются обстоятельствами, дающими основание для освобождения этого лица от уголовной ответственности.

В судебной практике встречаются случаи, когда к заглаживанию вреда, причиненного преступлением, правоприменители относятся поверхностно и без достаточных оснований принимают решения о смягчении наказания либо же об освобождении от уголовной ответственности.

Постановлением Кировского районного суда г. Казани от 12 апреля 2017 года уголовное дело, возбужденное в отношении местного жителя гр. Л. по ч. 1 ст. 228 УК РФ (незаконное хранение наркотических средств), прекращено в связи с назначением ему меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа в размере 5 тыс. руб.¹ Основанием для принятия решения об освобождении от уголовной ответственности явились: отсутствие судимостей, совершение преступления небольшой тяжести. Обратив внимание хотелось бы на категорию, связанную с заглаживанием вреда. В данном случае суд указал, что гр. Л. свою вину по предъявленному обвинению признал полностью, раскаялся в содеянном, обязался в дальнейшем не совершать преступлений, тем самым совершил действия, направленные на заглаживание причиненного преступлением вреда. Спорным представляется вывод суда о том, что обещание не совершать в будущем противоправных деяний может быть отождествлено с заглаживанием вреда, причиненного преступлением. Кроме того, при рассмотрении дела суд первой инстанции указал, что при определении размера судебного штрафа он учитывает общие начала назначения наказания, указанные в ч. 3 ст. 60 УК РФ, в том числе смягчающие обстоятельства и личность виновного. И это при том, что судебный штраф не является уголовным наказанием. Тогда как законодатель в ст. 104.5 УК РФ указал, что размер судебного штрафа определяется с учетом тяжести совершенного преступления и имущественного положения лица. К обстоятельствам, смягчающим наказание по делу в отношении гр. Л., суд отнес полное признание вины, раскаяние в содеянном, наличие инвалидности у матери и у бабушки.

Государственный обвинитель, не согласившись с принятым решением, обжаловал вынесенное постановление, указав, что после задержания гр. Л. отказался пройти медицинское освидетельствование, не принял активных действий, направленных на оказание содействия органу дознания в изобличении лица, незаконно сбывшего ему наркотическое средство, признание вины в совершении преступления не свидетельствует о его чистосердечном раскаянии и не снижает степень общественной опасности совершенного преступления. Сторона обвинения в представлении настаивала на том, что гр. Л. «уклоняется от явки в военный комиссариат, на момент совершения преступления не имел официального места работы, трудоустроился за неделю до судебного разбирательства, поэтому характеристика с места работы не может быть признана объективной. Совместное про-

1 Архив Кировского районного суда г. Казани за 2017 г.: уголовное дело 1-164/17.

живание с матерью и престарелой бабушкой, являющимися инвалидами второй группы, не помешали гр. А. находиться в ночное время вне места постоянного проживания и участвовать в незаконном обороте наркотических средств».

Несмотря на обоснованные доводы государственного обвинителя, апелляционным постановлением Верховного Суда Республики Татарстан представление прокурора оставлено без удовлетворения, а решения суда первой инстанции – без изменения.

Таким образом, суд апелляционной инстанции поддержал позицию районного суда в части назначения штрафа не как меры уголовного наказания, а как меры уголовно-правового воздействия. Данное решение, на наш взгляд, носит спорный характер, а выводы суда по вопросу выявленных смягчающих обстоятельств являются сомнительными.

Как установлено законодателем, специальные правила назначения наказания по ст. 62 УК РФ применяются судами при наличии смягчающих обстоятельств, предусмотренных пунктами «и» и (или) к ч. 1 ст. 61 УК РФ и отсутствии отягчающих обстоятельств. Только в случае соблюдения указанных требований возможно смягчить максимальную санкцию статьи на 1/3.

Наличие смягчающих обстоятельств означает признание тех или иных обстоятельств таковыми с обязательным указанием мотивированного суждения суда в описательно-мотивировочной части приговора.

Изучение судебной практики показывает, что зачастую суды и без признания соответствующих обстоятельств смягчающими применяют положения ст. 62 УК РФ, что существенным образом смягчает наказание и улучшает положение осужденного.

Приговором Кировского районного суда г. Казани от 23 марта 2017 года гр. Я. осужден по ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ (покушение на незаконный сбыт наркотических средств в крупном размере, совершенное группой лиц по предварительному сговору, с использованием информационно-телекоммуникационных сетей) к лишению свободы на срок 8 лет 6 месяцев со штрафом в размере 50 тыс. руб. Поскольку инкриминируемое преступление гр. Я совершил в период испытательного срока по предыдущему приговору по ч. 2 ст. 228 УК РФ, окончательное наказание ему было назначено по правилам ч. 5 ст. 74, ст. 70 УК РФ в виде лишения свободы на срок 9 лет 6 месяцев со штрафом в размере 50 тыс. руб. с отбыванием в исправительной колонии строгого режима¹.

В качестве смягчающих обстоятельств суд первой инстанции указал признание вины, раскаяние, явку с повинной, положительную характе-

ристику с последнего места работы, наличие ряда заболеваний. Спорным является суждение суда о наличии по делу явки с повинной, если гр. Я. был задержан в рамках проведения оперативно-розыскного мероприятия (проверочная закупка). Если бы не задержание на месте совершения преступления, сомнительно, что гр. Я, являясь сбытчиком наркотиком, явился бы добровольно в правоохранительные органы сообщить о своей преступной деятельности.

В описательно-мотивировочной части приговора суд указал, что при определении меры наказания он учитывает, что «гр. Я. как в ходе предварительного, так и в ходе судебного следствия, давал стабильные, последовательные показания, чем в немалой степени способствовал раскрытию преступления. Кроме того, хотя гр. Я. в рамках проведенной проверочной закупки и не имел реальной возможности распорядиться наркотическими средствами, однако он значительно облегчил сотрудникам полиции задачу отыскания закладок. Указанные обстоятельства в совокупности дали возможность суду применить при назначении наказания правила ст. 62 УК РФ даже при отсутствии признанного в качестве смягчающего обстоятельства активного способствования раскрытию преступления. В данном случае на лицо противоречие законодательного требования и правоприменительного толкования норм Общей части УК РФ по вопросу обстоятельств, смягчающих наказание, и применения специальных его правил.

В заключении хотелось бы отметить, что вопросы назначения наказания всегда будут носить актуальный характер, поскольку связаны, в первую очередь, с реализацией основополагающих принципов уголовного права: законности и справедливости.

Вектор современной уголовной политики в России неуклонно движется в сторону либерализации с целью уменьшения не только количества осужденных, находящихся в местах лишения свободы, но и сокращения в целом количества осужденных лиц по стране. Достаточно вспомнить, что неуплата алиментов, нанесение побоев, неквалифицированная кража (мелкое хищение), относящиеся к категории наиболее совершаемых преступлений, с недавних пор отнесены к категории административных правонарушений. Самое главное, за постоянной гонкой усовершенствования гуманного подхода к нарушителям закона нельзя допустить нарушения принципов равенства граждан и справедливости, поскольку, в первую очередь, от совершенных преступлений страдают потерпевшие, чьи права и законные интересы должно защищать государство.

1 Архив Кировского районного суда г. Казани за 2017 г.: уголовное дело № 1-131/2017.

Патшина Т.А.,

ассистент кафедры уголовно-правовых дисциплин Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова

Арест как вид уголовно-правовой санкции

В статье рассматриваются вопросы относительно сущности и обоснованности применения ареста как вида уголовно-правовой санкции в России.

Ключевые слова: арест; уголовное право; уголовно-правовые санкции; наказание.

Юридические санкции представляют собой разновидность правоохранительных мер. Уникальность санкций заключается в том, что в них предусмотрены меры наказания для правонарушителей. Именно карательная сущность позволила выделить юридические санкции из всего многообразия предусмотренных правом определенных мер защиты, имеющих различные основания и предполагающие различные цели их применения¹. Одной из таких санкций является арест как вид уголовного наказания, который заключается в содержании совершившего правонарушение и осужденного лица в условиях строгой изоляции от общества.

В уголовном праве России арест рассматривается как назначаемый в качестве одного из основных видов наказания (на срок от месяца до шести). Если происходит замена обязательных или исправительных работ арестом, то он может быть назначен на срок до одного месяца².

Наказанию в виде ареста не могут подвергаться: лица, которым ко времени совершения преступления не исполнилось восемнадцать лет (несовершеннолетние), беременные женщины и женщины, имеющие детей в возрасте до 14 лет.

Осужденные к аресту должны отбывать наказание в арестных домах по месту осуждения. Военнослужащие отбывают арест на гауптвахте.

Ввиду некоторых различий в правоограничениях, касающихся гражданских лиц и военнослужащих, некоторые авторы выделяют две разновидности ареста: гражданский и воинский.

Арест, по замыслу отечественного законодателя, должен был применяться в качестве наказания за преступления небольшой и средней тяже-

1 Кузьмин Ю.А., Максимов Н.В. Актуальные проблемы противодействия коррупционной преступности // Актуальные проблемы юридической науки: теория и практика Сборник материалов VIII Международной научно-практической конференции. 2014. С. 45.

2 Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // Собрание законодательства Российской Федерации. 17 июня 1996. № 25. Ст. 2954.

сти, альтернативного лишению свободы. Нормы об аресте должны были быть введены в действие федеральным законом по мере создания арестных домов, но не позднее 2006 года, однако и по сей день арестные дома так и не были созданы, а нормы об аресте не применяются¹.

Как правило, арест связан с кратковременным, но весьма серьезным («шоковым») по своему содержанию воздействием на осужденного. Факт пребывания в арестном доме призван оказать мощное исправительное воздействие на лицо, которое ранее не отбывало наказание в виде лишения свободы. С другой стороны, в уголовно-правовой теории имеется определенное критическое отношение к аресту, связанное с тем, что накладываемые на осужденных к этому виду наказания ограничения не соответствуют тяжести деяний, за которые планируется применять данный вид наказания².

Минюст России намерен в нынешнем году добиться упразднения уголовного наказания в виде ареста. Соответствующий законопроект был принят Госдумой в первом чтении еще в 2006 году и с тех пор пролежал в палате без движения. В октябре 2016 года законодательный комитет Государственной Думы Российской Федерации начал готовить его к рассмотрению в ключевом втором чтении.

Предусмотренное Уголовным и Уголовно-исполнительным кодексами наказание в виде ареста подразумевало строительство и содержание не менее 140 специальных арестных домов, что потребовало бы затрат в размере около 75 млрд руб., что, безусловно, ставит вопрос о целесообразности таких расходов (проще говоря, стоит ли овчинка выделки?).

При этом фактические условия отбывания ареста – более строгие, чем в тюрьме, где отбывают наказание лица, совершившие наиболее тяжкие преступления, а также переведенные из колоний за нарушение порядка отбывания наказания³. Осужденные к аресту должны содержаться в запираемых камерах, им запрещены свидания, посылки, передачи, они не привле-

1 Кузьмин Ю.А., Перепелкин В.И. Профилактика преступлений, совершаемых в состоянии алкогольного опьянения // Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики сборник материалов V Международной научно-практической конференции, посвященной Дню юриста. С.Б. Верещак (отв. ред.). 2015. С. 346.

2 Кузьмин Ю.А., Патшина Т.А. Актуальные проблемы обеспечения миграционной безопасности России // Правовые и нравственные аспекты обеспечения безопасности личности и государства на современном этапе политических и экономических санкций сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции: в 2 частях. Н.В. Хураскина (отв. редактор). 2016. С. 445.

3 Кузьмин Ю.А., Патшина Т.А. Латентная преступность // Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики. Сборник материалов III Международной научно-практической конференции. 2013. С. 325.

каются к оплачиваемому труду. Такое положение вступает в противоречие со статьей 44 УК РФ, согласно которой лишение свободы является более строгим наказанием, чем арест¹.

Законопроектом из УК, УИК и ряда других законодательных актов исключаются положения о наказании в виде ареста, а из КоАП – упоминание об арестных домах. Пора уже в России начинать применять те виды наказаний, которые будут преследовать главную, по нашему мнению, цель – исправление осужденного, который будет продолжать жить в нашем обществе. И хотя сравнительно малый срок данного вида наказания носит скорее профилактический характер и нацелен на будущее, он обязан «встряхнуть» оступившегося, чтобы тот в дальнейшем не совершал противозаконных поступков. Мы считаем, что такая кратковременная изоляция человека от общества не позволяет в полной мере положительно и эффективно влиять на его реальное исправление.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // Собрание законодательства Российской Федерации. 17 июня 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Кузьмин Ю.А. Социальная и уголовно-правовая превенции преступлений в Российской Федерации // Итоги научно-исследовательской деятельности 2016: изобретения, методики, инновации сборник материалов XVII международной научно-практической конференции. 2016. С. 423–425.
3. Кузьмин Ю.А., Максимов Н.В. Актуальные проблемы противодействия коррупционной преступности // Актуальные проблемы юридической науки: теория и практика. Сборник материалов VIII Международной научно-практической конференции. 2014. С. 45–47.
4. Кузьмин Ю.А., Патшина Т.А. Актуальные проблемы обеспечения миграционной безопасности России // Правовые и нравственные аспекты обеспечения безопасности личности и государства на современном этапе политических и экономических санкций сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции: в 2 частях. Н.В. Хураскина (отв. редактор). 2016. С. 444–447.
5. Кузьмин Ю.А., Патшина Т.А. Латентная преступность // Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики Сборник материалов III Международной научно-практической конференции. 2013. С. 324–327.
6. Кузьмин Ю.А., Перепелкин В.И. Профилактика преступлений, совершаемых в состоянии алкогольного опьянения // Актуальные

¹ Кузьмин Ю.А. Социальная и уголовно-правовая превенции преступлений в Российской Федерации // Итоги научно-исследовательской деятельности 2016: изобретения, методики, инновации сборник материалов XVII международной научно-практической конференции. 2016. С. 423.

проблемы юридической науки и правоприменительной практики сборник материалов V Международной научно-практической конференции, посвященной Дню юриста. С.Б. Верещак (отв. ред.). 2015. С. 343–347.

Перепелкин В.И.,

доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова, к.ю.н.

Условное осуждение как способ применения уголовно-правовой санкции

В статье рассматриваются вопросы относительно сущности, смысла и значения условного осуждения, освобождение от наказания. Авторская позиция состоит в том, чтобы термин «условное осуждение» заменить термином «условное освобождение от наказания», а нормы института «условное освобождение от наказания» поместить в главу 12 УК РФ «Освобождение от наказания».

Ключевые слова: уголовное право; уголовно-правовые санкции; наказание; условное осуждение; освобождение от наказания.

Институт условного осуждения в уголовном законодательстве России появляется сравнительно поздно – практически до конца XIX в. о нем законодатель даже не упоминает¹. Однако теоретические истоки условного осуждения как меры, смягчающие наказание за совершение преступления, стали формироваться во второй половине XVIII – начале XIX вв. в трудах государственных и общественных деятелей, публицистов, ученых.

Глубокие социально-экономические преобразования, проведенные в стране за последние годы, курс на либерализацию и гуманизацию общественных отношений, интеграция в международное сообщество, а также то обстоятельство, что широкое применение на протяжении многих прошедших лет наказания в виде лишения свободы не оказало какого-либо ощутимого влияния на результаты борьбы с преступностью, привели к переориентации всей системы уголовной юстиции в сторону существенного увеличения доли наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества². Именно поэтому проблема применения условного осуждения находится в центре внимания как отечественной, так и зарубежной

¹ Перепелкин В.И., Кузьмин Ю.А. Квартирные кражи: криминалистический и криминологический аспекты // *Oeconomia et Jus*. 2016. № 4. С. 636.

² Кузьмин Ю.А. Социальная и уголовно-правовая превенции преступлений в Российской Федерации // Итоги научно-исследовательской деятельности 2016: изобретения, методики, инновации сборник материалов XVII международной научно-практической конференции. 2016. С. 424.

уголовно-правовой науки. Свидетельством тому является обширнейшая юридическая литература, монографии, дискуссии, посвященные изучению данного института. Исключительная теоретическая и практическая значимость исследования условного осуждения не вызывает сомнения, поскольку этот институт является одним из эффективных средств борьбы с преступностью.

Практика применения института условного осуждения выявила ряд проблем в его законодательном урегулировании. В частности, назрела необходимость подробного анализа и разрешения вопроса о сущности, юридической природе условного осуждения и его месте в системе уголовно-правовых мер¹. Требуется изменения термин «условное осуждение», не отвечающий сущности и юридической природе данного института, и определение места норм, регулирующих применение данного института, в системе мер, закрепленных УК РФ. Необходимо дальнейшее исследование оснований и пределов применения условного осуждения. Не исследованы с достаточной полнотой возможности назначения условного осуждения ранее судимым лицам. Нуждаются в уточнении понятия испытательного срока, правильность установления срока его длительности, перечень назначаемых обязанностей, определение начала испытательного срока. Требуется искоренения противоречия и несовершенства УК РФ и УИК РФ, которые не могли не сказаться на деятельности органов правосудия и специализированных государственных органов, осуществляющих исправление осужденных².

Что же касается существующих разъяснений высших судебных инстанций, направленных на устранение спорных моментов в применении условного осуждения, то они вызывают справедливую критику ученых как противоречащие основным правовым принципам³.

1 Перепелкин В.И. К вопросу о криминалистической характеристике преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, совершаемых в Чувашской Республике // Социогуманитарные и правовые проблемы современного общества Материалы XVI межвузовской научной конференции. Чувашский филиал Московского гуманитарно-экономического института. 2015. С. 191.

2 Маслюк И.А., Кузьмин Ю.А. Обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства // Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики Сборник материалов III Международной научно-практической конференции. 2013. С. 339.

3 Максимов Н.В. Нормативно-правовые аспекты соблюдения конституционных положений в ходе криминалистической регистрации // Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики Сборник материалов III Международной научно-практической конференции. 2013. С. 331.

На наш взгляд, цели наказания являются производными от целей уголовной ответственности¹. Мы полагаем, что теоретически обоснованно определять цели наказания через призму целей уголовной ответственности. Поскольку наказание и ответственность не являются тождественными понятиями, они не совпадают и по их целям. Основной целью наказания является исправление осужденных.

Условное осуждение тесно связано с целью предупреждения преступлений. К сожалению, УК РФ 1996 г. и в отношении трактовки этой цели наказания сделал шаг назад. По УК РСФСР 1960 г. эта цель определяется как «предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами». В ч. 2 ст. 43 УК РФ 1996 г. наказание применяется в целях «предупреждения совершения новых преступлений»².

Как видим, УК 1960 г. прямо указывал, что применение наказания имеет своей целью общее и частное предупреждение преступлений (общую и частную превенцию). Этого не делает УК РФ 1996 года.

Наука же уголовного права и следственно-судебная практика акцентирует внимание на том, что применение наказания и по новому УК имеет своей целью общее и частное предупреждения. Законодатель «компенсировал» этот пробел, но лишь в УИК РФ³.

Цель частного предупреждения – предотвратить дальнейшую преступную деятельность осужденного. Она достигается не только тогда, когда начинается стадия исполнения наказания, в которой лицо зачастую оказывается в условиях режима, что лишает его возможности совершать новые преступления, но и путем устрашающего воздействия наказания на это лицо.

Кроме того, существует целый блок организационно-профилактических мер, возлагаемых на осужденного, а также механизмов обеспечения самого условного осуждения. Эти механизмы обеспечивают достижение цели частного предупреждения не только с позиции угрозы реального исполнения назначенного судом наказания, но также и посредством стимулирования законопослушного поведения со стороны условно осужденно-

1 Кузьмин Ю.А., Максимов Н.В. Актуальные проблемы противодействия коррупционной преступности // Актуальные проблемы юридической науки: теория и практика Сборник материалов VIII Международной научно-практической конференции. 2014. С. 45.

2 Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.08.2017) // Собрание законодательства Российской Федерации. 17 июня 1996. № 25. Ст. 2954.

3 Кузьмин Ю.А., Саливаров В.Я. Проблемы профилактики молодежного экстремизма // Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. Чебоксары. 2011. С. 349.

го¹. Не только устрашение карой способно удержать таких лиц от совершения новых преступлений, но и стимулирование их право послушного и желаемого для общества поведения.

Эти меры способны удержать от совершения преступлений и иных лиц. Таким образом осуществляется и цель общего предупреждения². Правовая природа исследуемого института условного осуждения состоит в условном освобождении виновного от реального назначенного приговором суда наказания при условии выполнения лицом возложенных на него обязанностей и соблюдении установленных ограничений в течение определенного испытательного срока, установленного приговором суда. Соответственно, нормы исследуемого института необходимо поместить в главу 12 Уголовного Кодекса РФ «Освобождение от наказания».

Таким образом, было бы более правильно и более грамотно с юридической точки зрения (это авторская позиция) термин «условное осуждение» заменить термином «условное освобождение от наказания». Нормы института «условное освобождение от наказания» поместить в главу 12 «Освобождение от наказания» Уголовного кодекса РФ.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // Собрание законодательства Российской Федерации. 17 июня 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Кузьмин Ю.А. Социальная и уголовно-правовая превенция преступлений в Российской Федерации // Итоги научно-исследовательской деятельности 2016: изобретения, методики, инновации сборник материалов XVII международной научно-практической конференции. 2016. С. 423-425.
3. Кузьмин Ю.А., Максимов Н.В. Актуальные проблемы противодействия коррупционной преступности // Актуальные проблемы юридической науки: теория и практика Сборник материалов VIII Международной научно-практической конференции. 2014. С. 45-47.
4. Кузьмин Ю.А., Перепелкин В.И. Профилактика преступлений, совершаемых в состоянии алкогольного опьянения // Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики сборник материалов V Международной научно-практической

1 Кузьмин Ю.А., Перепелкин В.И. Профилактика преступлений, совершаемых в состоянии алкогольного опьянения // Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики сборник материалов V Международной научно-практической конференции, посвященной Дню юриста. С.Б. Верещак (отв. ред.). 2015. С. 343.

2 Маркелов А.Г. Идея разумного компромисса при сокращенной форме дознания в доказывании по уголовным делам // Вестник Воронежского института МВД России. 2016. № 3. С. 132.

- конференции, посвященной Дню юриста. С.Б. Верещак (отв. ред.). 2015. С. 343-347.
5. Кузьмин Ю.А., Саливаров В.Я. Проблемы профилактики молодежного экстремизма // Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. Чебоксары. 2011. С. 349-352.
 6. Максимов Н.В. Нормативно-правовые аспекты соблюдения конституционных положений в ходе криминалистической регистрации // Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики Сборник материалов III Международной научно-практической конференции. 2013. С. 331-335.
 7. Маркелов А.Г. Идея разумного компромисса при сокращенной форме дознания в доказывании по уголовным делам // Вестник Воронежского института МВД России. 2016. № 3. С. 132-135.
 8. Маслюк И.А., Кузьмин Ю.А. Обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства // Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики Сборник материалов III Международной научно-практической конференции. 2013. С. 339-342.
 9. Перепелкин В.И. К вопросу о криминалистической характеристике преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, совершаемых в Чувашской Республике // Социогуманитарные и правовые проблемы современного общества Материалы XVI межвузовской научной конференции. Чувашский филиал Московского гуманитарно-экономического института. 2015. С. 189-192.
 10. Перепелкин В.И., Кузьмин Ю.А. Квартирные кражи: криминалистический и криминологический аспекты // Oeconomia et Jus. 2016. № 4. С. 63-69.

Саливаров В.Я.,

доцент Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова

Проблемы использования результатов оперативно-розыскных мероприятий в уголовном судопроизводстве России

Отсутствие должной аргументации порядка легализации оперативно-розыскной информации, их использования Уголовно-процессуальным кодексом РФ вызывает многочисленные жалобы в уголовном судопроизводстве России со стороны обвиняемых, подсудимых, осужденных и защитни-

ков, вплоть до их обращения в Конституционный Суд РФ и Европейский Суд по правам человека, что требует научного осмысления и разрешения.

Ключевые слова: оперативно-розыскные мероприятия (ОРМ); уголовно-процессуальный кодекс; осужденный; защитник; следователь; Конституционный Суд РФ; Европейский Суд по правам человека.

В раскрытии, расследовании тяжких, особо тяжких преступлений, в изобличении виновных, совершивших эти преступления, в назначении виновным справедливого наказания во многом зависит от качества проведенных оперативно-розыскных мероприятий, а также в их умении легализовать и превратить в доказательство¹.

В УПК РФ незаслуженно мало внимания уделяется вопросам производства ОРМ оперативными подразделениями правоохранительных органов, легализации информации в доказательство, что порождает множество жалоб в ходе предварительного следствия и судебного разбирательства².

Так, в ст. 89 УПК РФ лишь вскользь упоминается: «В процессе доказывания запрещается использование результатов оперативно-розыскной деятельности, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам Уголовно-процессуальным кодексом»³.

Как видно, содержание данной статьи слишком лаконично, неполно и потому вызывает множество вопросов, жалоб со стороны обвиняемого, подсудимого, осужденного, их защитников вплоть до их обращения в Европейский Суд по правам человека⁴.

Основными причинами, порождающими жалобы, являются:

1) ненадлежащее оформление уполномоченными лицами результатов оперативно-розыскных мероприятий при превращении их в доказательства;

1 Маркелов А.Г. Специфика доказывания отдельных категорий уголовных дел требует расширение перечня случаев назначения и производства судебных экспертиз // Актуальные проблемы уголовно-процессуальной политики Российской Федерации Омская юридическая академия. 2013. С. 108.

2 Кузьмин Ю.А., Перепелкин В.И. Профилактика преступлений, совершаемых в состоянии алкогольного опьянения // Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики сборник материалов V Международной научно-практической конференции, посвященной Дню юриста. С.Б. Верещак (отв. ред.). 2015. С. 344.

3 Максимов Н.В. О несовершенстве информационно-поисковой карты при заполнении данных внешнего облика регистрируемого лица // Оперативник (сыщик). 2017. Т. 50. № 1. С. 5.

4 Кузьмин Ю.А., Саливаров В.Я. Предупреждение неосторожных преступлений // Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики сборник материалов 4-й Междунар. науч.-практ. конф. 2014. С. 372.

2) некомпетентность должностных лиц, ведущих предварительное следствие, и сотрудников оперативного аппарата, а также отсутствие должной связи между ними при раскрытии и расследовании тяжких и особо тяжких преступлений;

3) производство ОРМ в отсутствие должных на то оснований¹;

4) отсутствие должного внимания судей на жалобы обвиняемых, подсудимых, осужденных, их защитников на незаконность проведенных ОРМ оперативными подразделениями правоохранительных органов².

В целях недопущения нарушений законности мы считаем:

1) проводить оперативно-розыскные мероприятия лишь в случаях, когда раскрывать преступление уголовно-процессуальными средствами не представляется возможным³;

2) применяемые оперативно-розыскные мероприятия должны отвечать требованиям соразмерности⁴ пределов вмешательства в личную жизнь граждан с общественной опасностью преступления;

3) внести изменения в Уголовно-процессуальный кодекс РФ в части проведения оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий по их легализации и превращению в доказательства⁵.

Список литературы:

1. Кузьмин Ю.А., Перепелкин В.И. Профилактика преступлений, совершаемых в состоянии алкогольного опьянения // Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики сборник материалов V Международной научно-практической

1 Федоров И.З., Саливаров В.Я. К вопросу о совершенствовании уголовно-процессуального института ограничения права личности на неприкосновенность жилища // Проблемы в российском законодательстве Сборник материалов VIII Международной научно-практической конференции, посвященной памяти академика В.Н. Кудрявцева. 2015. С. 351.

2 Маркелов А.Г. Идея разумного компромисса при сокращенной форме дознания в доказывании по уголовным делам // Вестник Воронежского института МВД России. 2016. № 3. С. 132.

3 Перепелкин В.И., Кузьмин Ю.А. Квартирные кражи: криминологический и криминологический аспекты // *Oeconomia et Jus*. 2016. № 4. С. 63.

4 Федоров И.З., Саливаров В.Я. Дознание в сокращенной форме как один из способов реализации принципа уголовно-процессуальной экономии // Конституция Российской Федерации – правовая основа устойчивого развития законодательства и российской государственности Сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 20-летию принятия Конституции Российской Федерации и Дню юриста. 2014. С. 187.

5 Саливаров В.Я., Кузьмин Ю.А. Диспозитивность, а также вопросы прекращения уголовного дела и уголовного преследования в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики сборник материалов 4-й Междунар. науч.-практ. конф. 2014. С. 44.

- конференции, посвященной Дню юриста. С.Б. Верещак (отв. ред.). 2015. С. 343–347.
2. Кузьмин Ю.А., Саливаров В.Я. Предупреждение неосторожных преступлений // Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики сборник материалов 4-й Междунар. науч.-практ. конф. 2014. С. 372–376.
 3. Маркелов А.Г. Идея разумного компромисса при сокращенной форме дознания в доказывании по уголовным делам // Вестник Воронежского института МВД России. 2016. № 3. С. 132–135.
 4. Маркелов А.Г. Специфика доказывания отдельных категорий уголовных дел требует расширения перечня случаев назначения и производства судебных экспертиз // Актуальные проблемы уголовно-процессуальной политики Российской Федерации Омская юридическая академия. 2013. С. 108–112.
 5. Максимов Н.В. О несовершенстве информационно-поисковой карты при заполнении данных внешнего облика регистрируемого лица // Оперативник (сыщик). 2017. Т. 50. № 1. С. 55–57.
 6. Перепелкин В.И., Кузьмин Ю.А. Квартирные кражи: криминалистический и криминологический аспекты // Oeconomia et Jus. 2016. № 4. С. 63–69.
 7. Саливаров В.Я., Кузьмин Ю. Диспозитивность, а также вопросы прекращения уголовного дела и уголовного преследования в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики сборник материалов 4-й Междунар. науч.-практ. конф. 2014. С. 440–444.
 8. Федоров И.З., Саливаров В.Я. Дознание в сокращенной форме как один из способов реализации принципа уголовно-процессуальной экономии // Конституция Российской Федерации – правовая основа устойчивого развития законодательства и российской государственности Сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 20-летию принятия Конституции Российской Федерации и Дню юриста. 2014. С. 187–195.
 9. Федоров И.З., Саливаров В.Я. К вопросу о совершенствовании уголовно-процессуального института ограничения права личности на неприкосновенность жилища // Пробелы в российском законодательстве Сборник материалов VIII Международной научно-практической конференции, посвященной памяти академика В.Н. Кудрявцева. 2015. С. 351–354.

Сафонов Э.Е.,

председатель Казанского гарнизонного военного суда, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Казанского филиала РГУП, к.ю.н.

Особенности применения судом санкций к военнослужащим, совершившим дисциплинарные проступки

В соответствии со ст. 28 Федерального закона «О статусе военнослужащих» военнослужащий или гражданин, призванный на военные сборы, привлекается к дисциплинарной ответственности за дисциплинарный проступок, то есть за противоправное, виновное действие (бездействие), выражающееся в нарушении воинской дисциплины, которое в соответствии с законодательством Российской Федерации не влечет за собой уголовной или административной ответственности. При этом вина военнослужащего или гражданина, призванного на военные сборы, при привлечении его к дисциплинарной ответственности должна быть доказана в порядке, установленном законом, и установлена решением командира или вступившим в законную силу постановлением судьи военного суда.

Рассмотрение военными судами дел, связанных с привлечением военнослужащих (граждан, призванных на военные сборы) к дисциплинарной ответственности, осуществляется в соответствии с Федеральным законом от 1 декабря 2006 г. № 199-ФЗ «О судопроизводстве по материалам о грубых дисциплинарных проступках при применении к военнослужащим дисциплинарного ареста и об исполнении дисциплинарного ареста».

Тем самым можно сказать, что военные суды рассматривают материалы о совершении военнослужащими (гражданами, призванными на военные сборы) грубых дисциплинарных проступков, за которые как мера наказания может быть применен дисциплинарный арест, – крайняя мера дисциплинарного воздействия, заключающаяся в содержании вышеуказанных лиц в условиях изоляции на гарнизонной либо войсковой (корабельной) гауптвахте.

При этом в соответствии с Федеральным законом «О статусе военнослужащих» как грубые дисциплинарные проступки могут рассматриваться следующие действия, не содержащие признаков уголовных преступлений и административных правонарушений: нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими, самовольное оставление воинской части (места военной службы) либо неявка в срок без уважительных причин на службу, уклонение от исполнения воинских обязанностей, нарушение специальных обязанностей по военной службе, уничтожение или порча военного имущества, его утрата или повреждение, нарушение правил обращения с оружием, боеприпасами, взрывчатыми веществами и иными материалами, представляющими повышенную опасность для окружающих, нарушение правил управления транспортными средствами, если

это причинило какой-либо вред здоровью человека или повреждение военного имущества, иные вредные последствия, исполнение обязанностей по военной службе в состоянии опьянения. Также к ним можно отнести совершение административных правонарушений, если в соответствии с КоАП РФ за их совершение военнослужащий может нести лишь дисциплинарную ответственность.

При наличии реального ущерба в результате совершенного дисциплинарного проступка, причинной связи между действием (бездействием) и ущербом, вины в причинении ущерба на военнослужащего может быть одновременно возложена материальная ответственность в соответствии с Федеральным законом «О материальной ответственности военнослужащих».

Военнослужащий, в отношении которого ведется производство по материалам о грубом дисциплинарном проступке, имеет право: давать объяснения, представлять доказательства, пользоваться юридической помощью защитника, в качестве которого может выступать адвокат, знакомиться по окончании разбирательства со всеми материалами о дисциплинарном проступке, обжаловать постановление суда о привлечении к ответственности. Военнослужащий, привлекаемый к дисциплинарной ответственности, не обязан доказывать свою невиновность, а неустранимые сомнения в его виновности должны толковаться в его пользу. Не допускается унижение его личного достоинства, причинение ему физических страданий и проявление по отношению к нему грубости.

Военнослужащий не может быть привлечен к дисциплинарной ответственности по истечении одного года со дня совершения дисциплинарного проступка, в том числе в случае отказа в возбуждении его уголовного дела или прекращении уголовного дела по обстоятельствам, содержащим признаки дисциплинарного проступка.

Привлечение военнослужащего к дисциплинарной ответственности за неисполнение обязанности по военной службе не освобождает его от исполнения указанной обязанности и возмещения вреда, причиненного ее неисполнением.

В качестве доказательств в производстве по материалам о грубом дисциплинарном проступке допускаются: объяснения военнослужащего, привлекаемого к дисциплинарной ответственности, и лиц, которым известны обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела; заключения и пояснения специалистов; документы; показания специальных технических средств и вещественные доказательства.

Производство по материалам о грубом дисциплинарном проступке, связанном с применением дисциплинарного ареста к военнослужащим, осуществляется в 3 этапа:

- 1) досудебное производство (разбирательство и рассмотрение командиром материалов);
- 2) судебное производство;
- 3) исполнительное производство (исполнение дисциплинарных взысканий).

При этом 1 и 3 этапы осуществляются командованием воинских частей, в которых проходят службу военнослужащие, привлекаемые к дисциплинарной ответственности. Полномочия командования регламентируются общевойсковыми уставами.

Гарнизонный военный суд может назначить дисциплинарный арест на срок до 30 суток за один или несколько грубых дисциплинарных проступков. Если грубым дисциплинарным проступком является административное правонарушение, то дисциплинарный арест может быть назначен, если КоАП РФ за его совершение предусмотрено наказание в виде административного ареста и его срок не может превышать срока административного ареста.

При назначении судом дисциплинарного взыскания учитываются характер дисциплинарного проступка, обстоятельства и последствия его совершения, форма вины, личность военнослужащего, совершившего дисциплинарный проступок, обстоятельства, смягчающие и отягчающие дисциплинарную ответственность. При этом судья военного суда, применяющий дисциплинарное взыскание, в зависимости от характера проступка, может не признать обстоятельство отягчающим дисциплинарную ответственность.

По результатам судебного рассмотрения материалов о грубом дисциплинарном проступке судьей гарнизонного военного суда могут быть приняты следующие решения: о назначении дисциплинарного ареста или об отказе в назначении дисциплинарного ареста и о возвращении материалов командиру воинской части.

Дисциплинарный арест за несколько грубых дисциплинарных проступков назначается путем поглощения менее строгого дисциплинарного взыскания более строгим либо путем частичного или полного сложения сроков ареста. В этом случае непрерывный срок нахождения военнослужащего под дисциплинарным арестом не должен превышать 45 суток.

В срок дисциплинарного ареста засчитывается срок задержания военнослужащего за совершение рассматриваемого дисциплинарного проступка.

Дисциплинарный арест не применяется к офицерам, к военнослужащим, не принявшим присягу, к военнослужащим женского пола и лицам, не достигшим 18-летнего возраста.

Дисциплинарный арест может быть исполнен только в отношении военнослужащего, который по состоянию здоровья может содержаться

на гарнизонной (войсковой) гауптвахте. При этом военнослужащие, арестованные в дисциплинарном порядке, должны содержаться отдельно от военнослужащих, осужденных к содержанию в дисциплинарной воинской части.

Во время отбывания дисциплинарного ареста военнослужащий не может быть исключен из списков личного состава части в связи с увольнением с военной службы, за исключением случая признания его военно-врачебной комиссией негодным к военной службе.

Время отбывания дисциплинарного ареста в срок военной службы не засчитывается.

Постановление судьи гарнизонного военного суда о назначении дисциплинарного ареста подлежит немедленному исполнению после его вынесения.

При наличии обстоятельств, вследствие которых исполнение дисциплинарного ареста невозможно в установленные сроки, судья гарнизонного военного суда может отсрочить исполнение постановления о дисциплинарном аресте на срок до 30 суток.

Соловьева С.В.,

заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин
филиала ФГБОУ ВО «АГУ» в г. Белореченске, к.ю.н.

Мотивы ненависти или вражды как отягчающее наказание обстоятельство: вопросы пределов наказания

В статье рассматриваются вопросы назначения наказания при наличии мотивов ненависти или вражды как отягчающего наказание обстоятельства.

Ключевые слова: мотив ненависти или вражды; отягчающее обстоятельство; наказание.

Мотив политической, идеологической, национальной, расовой или религиозной ненависти или вражда либо ненависти или вражды в отношении какой либо социальной группы закрепляется в Уголовном кодексе как квалифицирующий признак составов преступлений (ст.ст. 105, 111, 112, 115, 117, 119, 150, 213, 214, 244 УК РФ, примечание ст. 2821 УК РФ) и как отягчающее наказание обстоятельство (п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ).

Один и тот же признак закрепляется по-разному в Уголовном кодексе РФ, но и в том и другом случае мотивы ненависти или вражды являются отягчающими обстоятельствами. При этом, если признак закрепляется как квалифицирующий, он является обязательным элементом состава преступления, если признак закреплен как отягчающий наказания, то он

является основанием для усиления карательного воздействия наказания, но и в том и другом случае квалифицирующие признаки состава и отягчающие обстоятельства сближают такое свойство, как влияние, на размер и вид наказания.

Отягчающее обстоятельство по мотивам ненависти или вражды является мало распространенным и поэтому пенализационный эффект, как вид отягчающего фактора, будет зависеть от его содержания в конкретном преступлении и от вида преступления¹.

Отягчающие обстоятельства, предусмотренные ч. 1 ст. 63 УК РФ, являются по своей сути обстоятельствами дела, которые законодатель наделил особым свойством, а именно: влиять на размер избираемого судом наказания в сторону его отягощения, поэтому мотивы политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы следует рассматривать с позиции их влияния на определение меры назначения наказания.

В соответствии с общим положением ст. 60 УК РФ «Общие начала назначения наказания» и пунктом 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 октября 2009 г. № 20 «О некоторых вопросах судебной практики назначения и исполнения уголовного наказания»,² отягчающими наказание обстоятельствами признаются субъективные или объективные признаки состава преступления, влияющие на характер и степень общественной опасности совершенного преступления в сторону отягчения назначенного наказания.

Таким образом, учитывая отягчающие наказание обстоятельства, суд в пределах санкции статьи назначает более суровое наказание (т. е. либо более строгое из числа предусмотренных санкцией статьи, либо наибольший верхний предел наиболее сурового наказания из числа предусмотренных санкцией статьи).

Для того чтобы суд мог учесть мотивы политической, идеологической, национальной, расовой или религиозной ненависти или вражды либо мотивы ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы как отягчающее наказание обстоятельство, данный мотив надлежит установить в совершенном деянии. Если мотив ненависти или вражды не является обязательным признаком состава, следовательно, будет устанавли-

1 Соловьева С.В. Преступления, совершаемые по мотивам ненависти или вражды: вопросы квалификации, пенализации и назначения наказания: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2014. С. 148.

2 О некоторых вопросах судебной практики назначения и исполнения уголовного наказания: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 октября 2009 г. № 20 // Российская газета. 2009. 11 ноября.

ливаться только в случаях, если характер совершенного деяния (объективные и субъективные признаки) будет явно указывать на данный мотив.

Но при решении судом вопроса об уголовной ответственности виновного решающее значение будут иметь признаки состава преступления, а не наличие отягчающих обстоятельств. Суд назначит наказание в пределах, предусмотренных санкцией статьи, содержащей признаки данного состава, то есть он сможет назначить только те виды и размеры наказаний, которые законодатель установил для данного состава преступления.

Таким образом, при наличии мотивов ненависти или вражды как отягчающего обстоятельства суд в пределах санкции статьи назначит более суровое наказание. Более четких критериев назначения наказания при наличии данного отягчающего обстоятельства или их совокупности нет. В Уголовном кодексе не содержится положения о том, какой вид, предел или размер наказания должен быть назначен при наличии того или иного отягчающего обстоятельства.

Причем в пределах санкции статьи назначается более суровое наказание при наличии как одного отягчающего обстоятельства, так и нескольких отягчающих обстоятельств.

Некоторые авторы¹ указывают, что факт наличия отягчающих обстоятельств не означает, что суд должен назначить более строгое наказание. Следует не согласиться с данным утверждением. Каким образом тогда суд должен учесть при назначении наказания отягчающее обстоятельство? Только путем назначения более строгого размера или более сурового наказания?

Выйти за пределы санкции статьи при назначении наказания при наличии отягчающего обстоятельства мотива ненависти или вражды суд может только в случае, если имела место совокупность преступлений или наказание назначено по совокупности приговоров.

Назначить более суровое наказание (более строгий вид) из числа предусмотренных за совершенное преступление при наличии отягчающего обстоятельства мотива ненависти или вражды суд, в соответствии с общим правилом ст. 60 УК РФ, может при условии, если менее строгий вид наказания не сможет обеспечить достижение цели наказания.

Таким образом, назначение наказания при наличии отягчающего обстоятельства мотивов ненависти или вражды находится в области судебного усмотрения, более четких критериев назначения наказания УК РФ не предусматривает.

1 Дядькин Д.С. Теоретические основы назначения уголовного наказания: алгоритмический подход. СПб, 2006. С. 288; Становский М.Н. Назначение наказания. СПб, 1999. С. 238.

В любом случае, для того чтобы суд учел мотив ненависти или вражды как отягчающее обстоятельство, необходимо, чтобы этот признак существенно повышал степень общественной опасности совершенного деяния. Так как мотив ненависти или вражды содержит альтернативные признаки, достаточно установления хотя бы одного из признаков мотивов ненависти или вражды¹.

Следует обратить внимание на тот момент, что отягчающие обстоятельства могут являться основанием для неприменения некоторых положений Общей части УК РФ, относящихся к категории преступлений и правил назначения наказаний. Уголовный кодекс предусматривает следующие случаи, когда отягчающие обстоятельства являются основанием для неприменения положений Общей части.

Во-первых, при назначении наказания по правилам ст. 62 УК РФ («Назначение наказания при наличии смягчающих обстоятельств») наличие отягчающих обстоятельств является условием неприменения положений этой нормы.

Назначение наказания при наличии смягчающих обстоятельств, предусмотренных пунктами «и» и «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ (явка с повинной, активное содействие раскрытию и расследованию преступления, изобличению и уголовному преследованию других соучастников преступления, розыску имущества, добытого в результате преступления, оказание медицинской и иной помощи потерпевшему, добровольное возмещение имущественного ущерба и морального вреда и иные действия, направленные на заглаживание вреда), не осуществляется по правилам ч. 1 ст. 62 УК РФ при наличии отягчающих обстоятельств.

Во-вторых, при наличии отягчающих обстоятельств не применяются правила назначения наказания ч. 2 ст. 62 (при наличии досудебного соглашения о сотрудничестве) УК РФ о максимальном пределе назначаемого наказания («срок или размер наказания не могут превышать половины максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания»).

При этом уголовным законом также не определяется, какая совокупность отягчающих обстоятельств будет достаточной для неприменения положений ч. 1, ч. 2 ст. 62 УК РФ, которой определяется максимальный предел назначения наказания при наличии указанных в уголовной норме смягчающих обстоятельств.

Достаточно одного отягчающего обстоятельства, мотива ненависти или вражды, или, как указано в ч. 1, ч. 2 ст. 62 УК («отсутствие отягчающих обстоятельств»), их должно быть несколько (два и более).

1 Соловьева С.В. Преступления экстремисткой направленности: критерии определения и классификации // Проблемы юридической науки и практики. Краснодар, 2012. С. 280–286.

В-третьих, положения ст. 65 УК РФ, предусматривающей назначение наказания при вердикте присяжных заседателей о снисхождении, также содержат указания на отягчающие обстоятельства в контексте того, что они не учитываются при наличии вердикта присяжных о снисхождении.

В-четвертых, в соответствии с положением ч. 6 ст. 15 УК РФ суд не может изменить категорию преступления при назначении наказания при наличии отягчающих обстоятельств. Так же, как и в предыдущих случаях, законом не оговаривается, какая совокупность отягчающих обстоятельств будет считаться достаточной для неприменения положений ч. 6 ст. 15 УК РФ.

В заключение следует отметить, что мотивы ненависти или вражды как отягчающее наказание обстоятельство по общим правилам назначения наказаний УК РФ являются только условием для неприменения правил назначения наказания при наличии смягчающих обстоятельств или условием для неприменения положений ч. 6 ст. 15 Общей части УК РФ о переходе на одну категорию преступления ниже.

Несмотря на то, что статья 60 УК РФ содержит положение о необходимости обязательного учета смягчающих и отягчающих обстоятельств при назначении наказания, но Уголовный кодекс РФ не предусматривает правил назначения наказания при наличии отягчающих наказание обстоятельств, не предусматривает, как судом должны учитываться отягчающие обстоятельства и какая совокупность отягчающих обстоятельства будет являться достаточной для отягчения наказания.

Список литературы:

1. Соловьева С.В. Преступления, совершаемые по мотивам ненависти или вражды: вопросы квалификации, пенализации и назначения наказания: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2014. С. 195.
2. О некоторых вопросах судебной практики назначения и исполнения уголовного наказания: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 октября 2009 г. № 20 // Российская газета. 2009. 11 ноября.
3. Дядькин Д.С. Теоретические основы назначения уголовного наказания: алгоритмический подход. СПб, 2006. С. 288;
4. Становский М.Н. Назначение наказания. СПб, 1999. С. 238.
5. Соловьева С.В. Преступления экстремисткой направленности: критерии определения и классификации // Проблемы юридической науки и практики. Краснодар, 2012. С. 280–286.

Сундулов Ф.Р.,

профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Казанского филиала РГУП, д.ю.н., профессор

**Уголовно-правовая политика России
в сфере пенализации и депенализации**

В предлагаемой статье рассматриваются теоретически и практически значимые проблемы установления наказуемости в уголовном праве России. В ней обосновываются некоторые предложения по развитию уголовно-правовой политики в сфере пенализации и депенализации.

Ключевые слова: пенализация; депенализация; уголовно-правовая политика; уголовная ответственность.

Без обращения к уголовно-правовой политике в современной России невозможно уяснить сущность и логику многочисленных новаций в уголовном законодательстве. Чуть ли не каждый месяц принимаются Государственной Думой федеральные законы о его дополнении и изменении, которые не всегда носят системный и продуманный характер. Данное обстоятельство актуализирует ее исследование как целостного явления, определение ее сущности, принципов, основных направлений и средств реализации.

В литературе уголовно-правовая политика нередко обозначается как определенная государством стратегия и тактика борьбы с преступностью. Н.А. Беляев, анализируя советскую уголовно-правовую политику, в 1986 г. ее предметом признавал преступность¹. На наш взгляд, признание борьбы с преступностью основным предназначением уголовно-правовой политики в определенной мере смещает акценты в ее социально-политическом предназначении и суживает ее природу. Слово «борьба», скорее всего, предполагает практику широкого применения карательных мер в отношении лиц, совершивших преступление.

Сущность уголовно-правовой политики в условиях современной России заключается в определении сферы и основных направлений охраны наиболее важных социальных ценностей от преступных посягательств уголовно-правовыми средствами. А они могут и должны быть не только карательными, то есть сопряженными с наказанием, но и не карательными, собственно предупредительными, в том числе и стимулирующими позитивное поведение. В практическом плане уголовно-правовая политика определяет вектор деятельности как законодательных, так и правоприменительных органов по реализации охранительной, предупредительной и воспитательной функций уголовного права. В то же время не следует, на

¹ Беляев Н.А. Уголовно-правовая политика и пути ее реализации. Л.: Изд-во Ленинградск. ун-та, 1986. С. 27.

наш взгляд, сводить ее содержание к решению каких-то конкретных хотя и важных вопросов, например, установлению круга преступлений и видов наказаний, подлежащих применению к виновным в их совершении, оснований освобождения от уголовной ответственности и др. Поскольку речь идет о стратегии политики государства в сфере противостояния преступности, то здесь необходимо выделять именно стратегические ее направления. Таковыми, как нам представляется, выступают криминализация и декриминализация деяний, их пенализация и депенализация, осуществляемые с учетом системного осмысления всех сфер внутренней и внешней политики государства. А что касается установления оснований и принципов уголовной ответственности, определения, какие общественно опасные деяния признаются преступлениями, и регламентации видов наказаний и других мер уголовно-правового характера, то это все является прерогативой уголовного законодательства, а не уголовно-правовой политики как политической линии государства в сфере охраны прав и свобод человека и гражданина, наиболее важных устоев общества и государства от преступных посягательств уголовно-правовыми средствами.

Конечно, связь между уголовным законодательством и уголовно-правовой политикой не однолинейная, последняя не только пронизывает это законодательство, его задачи, принципы и институты, но и испытывает обратное влияние данных правовых установлений. Поскольку уголовно-правовая политика есть правовая политика государства, она должна осуществляться, как говорится, в правовом поле. Особенно важное значение для определения основных направлений и содержания уголовно-правовой политики имеют принципы и другие положения Конституции РФ.

В сфере противостояния преступности уголовно-правовая политика выступает в качестве составляющей уголовной политики государства, которая включает в себя уголовно-исполнительную и предупредительно-профилактическую политику.

Уголовно-правовая политика занимает доминирующее положение в системе уголовной политики, поскольку в ее рамках определяются наиболее принципиальные вопросы противостояния преступности (основание и принципы уголовной ответственности, криминализация и декриминализация деяний, их пенализация и депенализация и др.). В то же время нельзя не отметить, что все составляющие современной уголовной политики должны находиться в системном взаимодействии.

В этой связи обращает на себя внимание снижение предупредительно-профилактического эффекта действующего уголовного законодательства России по сравнению с советским периодом. Авторы УК РФ необоснованно, на наш взгляд, отказались от таких мер уголовно-правового воздействия, как условное осуждение с обязательным привлечением осужденного к труду и условное освобождение от отбывания лишения свободы с обя-

зательным привлечением осужденного к труду. Эти условные меры, предполагающие обязательный труд, надзор и контроль за поведением осужденных, обладают более существенным предупредительным эффектом, нежели условное осуждение в соответствии со ст. 73 УК РФ и условно-досрочное освобождение от отбывания наказания (ст. 79 УК РФ).

Введенные в УК РФ на основе Федерального закона, принятого в ноябре 2011 г., в качестве вида наказания принудительные работы также не могут быть признаны оптимальными. Это по существу повторение прошлого в худшем варианте.

Известно, что в последние десятилетия свыше одной трети от всех лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, осуждаются условно. Такая практика чрезмерно широкого применения условного осуждения объективно подрывает требование неотвратимости ответственности. Поэтому в УК РФ следовало бы предусмотреть два вида условного осуждения; например, регламентировать в ст. 73 условное осуждение за впервые совершаемые преступления небольшой и средней тяжести, а условное осуждение с обязательным привлечением осужденного к труду за тяжкие преступления, а также в отношении лиц, осуждавшихся ранее.

Подобную дифференциацию можно было осуществить и при досрочном освобождении от отбывания наказания; допустим, предусмотреть возможность условного освобождения от отбывания наказания с обязательным привлечением осужденных к труду, указанных в пп. «б», «в», «г», «д» ч. 3 ст. 79 УК РФ, по отбытии ими, соответственно, не менее одной трети, половины, двух третей, четырех пятых срока наказания, назначенного приговором суда.

Условное осуждение и условное освобождение с обязательным привлечением осужденного к труду, хотя они и именуется условными, тем не менее представляются достаточно реальными уголовно-правовыми мерами, поскольку заключают в себе существенные правоограничения, в том числе и угрозу реального применения лишения свободы. Благодаря этой угрозе в совокупности с рядом правоограничений они имели бы большее предупредительное значение, чем условное осуждение и условно-досрочное освобождение от отбывания наказания. Они бы более соответствовали природе и задачам уголовного законодательства по сравнению с принудительными работами. Принудительность труда вообще не должна отражать сущность наказания (трудом нельзя наказывать), а вот сочетание его с другими мерами уголовно-правового воздействия, на наш взгляд, вполне допустимо и целесообразно.

С этих позиций вообще возникает сомнение относительно целесообразности таких видов наказаний, как обязательные работы, исправительные работы и ограничение по военной службе. А в отношении последнего

его сомнительность усиливается еще потому, что служба в Вооруженных Силах РФ не совместима с отбыванием наказания и наличием судимости.

Уголовно-правовая политика современной России утратила универсальный характер в смысле отказа законодателя от апробированных в советский период форм участия представителей общественности в профилактике преступлений, осуществлении контроля за поведением лиц, совершивших преступления, и проведении с ними воспитательной работы. С этих позиций представляется целесообразным реанимировать положения УК РСФСР 1960 г. относительно осуществления контроля за поведением осужденных несовершеннолетних комиссиями по делам несовершеннолетних (ч. 1 ст. 44), о передаче условно осужденного общественной организации, трудовому коллективу или отдельному лицу, с их согласия, для проведения с ним воспитательно-предупредительной работы.

Как известно, в УК РСФСР 1960 г. предусматривались два вида освобождения от уголовной ответственности с привлечением общественных образований к исправлению виновных: в ст. 51 предусматривалось освобождение от уголовной ответственности с передачей дела в товарищеский суд, а в ст. 52 – освобождение от уголовной ответственности с передачей на поруки. Если отказ от первого следует признать вполне обоснованным, то этого нельзя признать относительно отказа законодателя от освобождения от уголовной ответственности с передачей виновного на поруки.

Во-первых, для применения данного вида освобождения от уголовной ответственности требовалось ходатайство общественной организации или трудового коллектива, что служило дополнительным критерием обоснованности его применения. Во-вторых, в отношении освобожденного от ответственности лица осуществлялась воспитательно-предупредительная работа. В-третьих, освобождение от уголовной ответственности с передачей виновного на поруки было условным, что усиливало предупредительный эффект этой меры уголовно-правового воздействия.

Отметим, что не во всех бывших союзных республиках отказались от данного вида освобождения от уголовной ответственности. Например, в ч. 1 ст. 47 УК Украины предусмотрено, что лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести и искренне раскаявшееся, может быть освобождено от уголовной ответственности с передачей его на поруки коллективу предприятия, учреждения или организации по их ходатайству при условии, что оно в течение года со дня передачи его на поруки оправдает доверие коллектива, не будет уклоняться от мер воспитательного характера и не будет нарушать общественный порядок¹. Было бы целесообразным заимствовать данную норму и УК РФ.

1 Уголовный кодекс Украины. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30418109.

Приходится констатировать: если в советский период чрезмерно преувеличивалась роль общественности в противостоянии преступности, то в настоящее время наблюдается в России другая крайность, а именно необоснованное игнорирование институтов гражданского общества в этой сфере.

Как известно, начиная с 1997 г., в России осуществляется активный процесс реформирования уголовного законодательства. Он представляется вполне естественным, поскольку задача создания советскими учеными и практиками нового Уголовного кодекса России, полностью соответствующего качественно иным историческим реалиям, вряд ли могла быть решена одномоментно. К тому же изменения в экономической, политической, социальной, гуманитарной сферах происходят, мы бы сказали, весьма стремительно. Отсюда и проистекают недочеты и недосказанности в УК РФ, в том числе попытка безоглядного отказа от ранее апробированных законодательных решений.

Концепция гуманизации уголовного законодательства, реализуемая государством, не может вызывать сомнений, но она должна осуществляться с учетом не менее важных и, мы бы сказали, классических постулатов современной уголовно-правовой политики – дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности и наказания.

Предпосылкой некоторых новаций в УК явилось и несовершенство законодательного регулирования отдельных его положений и институтов. К примеру, нельзя не поддержать распространение в 2010 г. отсрочки отбывания наказания и на мужчину, имеющего ребенка в возрасте до 14 лет и являющегося единственным родителем. Кроме того, законодатель придал определенную системность в регулировании этой отсрочки и условного осуждения, предусмотрев возможность сокращения срока отсрочки отбывания наказания и освобождения от него.

Следует отметить, что в течение двух десятилетий в науке обосновывалась целесообразность данных новаций, однако законодатель «упорно» игнорировал их. Это к слову об уровне инновационного подхода в области развития уголовного законодательства.

Некоторые изменения в УК РФ были вызваны новыми экономическими, социальными и политическими реалиями. Например, инфляционные процессы обусловили повышение минимального размера штрафа до 5 тысяч рублей.

Рост преступлений против половой неприкосновенности малолетних и несовершеннолетних и осознание в обществе повышенной их опасности обусловили повышение максимального срока наказания в виде лишения права занимать определенную должность или заниматься определенной деятельностью до 20 лет. По этому же подобию следовало бы предусмотреть такой же срок данного вида наказания и в санкциях норм, предусматри-

вающих ответственность за воспрепятствование законной предпринимательской или иной деятельности (ст. 169), злоупотребление полномочиями (ст. 201), злоупотребление полномочиями частными нотариусами и аудиторами (ст. 202), содействие террористической деятельности (ч. 2 ст. 2051), бандитизм (ч. 3 ст. 209), организацию преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней) (ч. 3 ст. 210), нарушение правил безопасности движения и эксплуатации транспорта (ст.ст. 263 и 264 УК), а также некоторые преступления против интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления.

Представим себе, «злостный взяточник» осуждается к штрафу в размере кратной суммы взятки (к тому же законодатель «озаботился» о нем, снизив срок лишения свободы до трех лет) с лишением права занимать должности в государственных органах и в органах местного самоуправления на срок в три года. По истечении этого срока он с учетом кумовства, протекционизма и коррупции вновь займет какую-то «хлебную» должность и продолжит заниматься тем же «ремеслом». А если бы срок данного наказания был пожизненным или хотя бы длительным, то многие бы носители должностных полномочий основательно задумались о последствиях своего преступного поведения. То же самое можно сказать и в отношении лиц, управляющих транспортным средством в состоянии опьянения, нарушающих правила безопасности движения или эксплуатации транспортных средств, которые повлекли многочисленные жертвы. Такого рода деяния должны, на наш взгляд, влечь пожизненное или длительное лишение права управлять транспортным средством.

Не все инновационные решения законодателя можно оценить однозначно. Если, допустим, заслуживает поддержки дополнение УК РФ составом посредничества во взяточничестве (ст. 2911). Хотя данную новеллу лишь условно можно назвать инновационной, поскольку она является возвратом к прошлому опыту (ст. 1741 УК РСФСР 1960 г.)

В то же время увеличение размера штрафа за коммерческий подкуп или взятку до 500 миллионов рублей вызывает вопросы. Если злостный взяточник, сколотивший миллиардное состояние, вполне может «откупиться» за свое деяние штрафом даже в этом размере, то мелкий или средней руки взяточник, впервые получивший «мзду», предпочтет лишение свободы штрафу в многомиллионную сумму. Как говорится, крупный взяточник в сенаторы, а мелкий в тюрьму.

Вызывает серьезные сомнения Федеральный закон от 7 марта 2011 г. № 26-ФЗ, упразднивший указания о минимальном пределе лишения свободы и ряда других видов наказаний в санкциях многих норм Особенной части УК РФ. В некоторых нормах возможные пределы наказания определены чрезмерно широко. Например, по ч. 1 ст. 111 УК РФ суд может назначить наказание в виде лишения свободы от 2 месяцев до 8 лет, по ч. 2 – от 2

месяцев до 10 лет, по ч. 3 – от 2 месяцев до 12 лет, по ч. 4 – от 2 месяцев до 15 лет, а, скажем, за умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью суд может назначить лишение свободы от 2 месяцев до 5 лет. Выходит, формально за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего, суд может назначить менее продолжительный срок лишения свободы, чем его срок, предусмотренный в ч. 2 ст. 112 УК РФ за умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью при квалифицирующих обстоятельствах.

Необоснованно, на наш взгляд, предусмотрены широкие пределы сроков лишения свободы в некоторых санкциях за экономические преступления (ст.ст. 174, 1741, 179, 183 и др. УК РФ).

Конечно, такого рода санкции создают предпосылки для индивидуализации наказания при его назначения, максимального учета индивидуальной степени общественной опасности преступления, обстоятельств его совершения и индивидуальных свойств личности виновного. Однако они входят в противоречие с интересами дифференциации уголовной ответственности и наказания, поскольку пределы индивидуализации наказания не могут быть бесконечными, они не могут входить в противоречие с задачами уголовного законодательства, принципом справедливости и требованием единообразия судебной практики по уголовным делам. Только правильное установление соотношения в уголовном законодательстве дифференциации и индивидуализации ответственности и наказания может обеспечить успешное достижение их целей и, соответственно, решение стоящих перед уголовным законодательством задач.

Чрезмерно широкие пределы наказания неприемлемы для любого современного общества, в том числе и с высокой правовой культурой. Тем более они не могут быть признаны приемлемыми в России. Нередко уголовные дела рассматриваются с учетом «телефонного» или «денежного» права, подрывается в обществе фундаментальное требование социальной справедливости.

Несмотря на декларированную властями необходимость проведения при принятии законодательных и иных нормативных актов антикоррупционной экспертизы, Федеральный закон от 7 марта 2011 г. № 26-ФЗ такую экспертизу вряд ли прошел бы.

В рамках концепции либерализации и гуманизации уголовного законодательства следует рассматривать и Федеральный закон от 7 декабря 2011 г., в котором продолжена линия на расширение судебного усмотрения, сужение сферы применения наказания в виде лишения свободы и на декриминализацию некоторых деяний.

В принципе данную политическую линию нельзя не поддержать. Однако ее реализацию в этом Федеральном законе не во всех его положениях можно признать удовлетворительной.

Во-первых, ч. 5 ст. 531 УК РФ предусмотрены удержания из заработной платы осужденного к принудительным работам в доход государства в пределах от пяти до двадцати процентов. В то же время согласно ч. 2 ст. 605 УИК РФ обеспечение осужденных к принудительным работам одеждой, обувью и питанием должно осуществляться за счет их собственных средств. Как нам представляется, авторы этих нововведений не учли того, что осужденные к принудительным работам могут, как правило, привлекаться к неквалифицированным и низкооплачиваемым работам, поэтому большинство из них будет находиться в затруднительном материальном положении. Предусмотрев удержания из заработной платы этих осужденных в доход государства, законодатель не проявил системное видение социальных последствий применения данного вида наказания.

Кроме того, вызывает сомнения и само наименование этого вида наказания. Истории уголовного законодательства ряда государств, в том числе и России, были известны такие наказания, как каторга, то есть каторжные работы, ссылка на каменоломни и др., от которых человечество в последующем отказалось. Введение же в XXI веке «пещерного» по своему содержанию и наименованию наказания в виде принудительных работ, причем с акцентом на их самоокупаемость, означает возврат к прежней порочной практике наказания трудом. К тому же принудительные работы ассоциируются с принудительным трудом, который запрещен международным правом.

Во-вторых, нельзя, на наш взгляд, полностью согласиться и с редакцией ст. 761 УК РФ, предусматривающей освобождение от уголовной ответственности по делам о преступлениях экономической направленности. В ч. 1 допускается освобождение от нее лица, впервые совершившего преступление, предусмотренное статьями 198–199 УК, если ущерб, причиненный бюджетной системе РФ, возмещен в полном объеме. Она по существу лишена какого-либо предупредительного эффекта, поскольку фактически заявляется, что, пока не будешь изобличен, можешь не платить налоги, а если будешь изобличен в уклонении от их уплаты, то будешь освобожден от уголовной ответственности при возмещении ущерба бюджетной системе РФ.

Чтобы преодолеть эту парадоксальную ситуацию, следовало бы предусмотреть в ч. 1 ст. 761 УК РФ освобождение от уголовной ответственности при условии возмещения причиненного ущерба хотя бы в двухкратном размере. В принципе такой вид освобождения от уголовной ответственности можно было бы ввести и в отношении лиц, впервые совершивших преступления, предусмотренные ст.ст. 158, 159, 160, 164, 165, 167, 168 УК РФ при условии возмещения виновным причиненного ущерба в его кратном размере.

В-третьих, свидетельством игнорирования системного подхода к формированию уголовного законодательства может служить декриминализация в 2009 г. Клеветы и оскорбления, то есть исключение из УК РФ ст.ст. 129 и 130. Однако уголовная ответственность за клевету была вновь предусмотрена спустя шесть месяцев в ст. 128.1 УК РФ.

Казалось бы за исключением из УК ст. 129 должна была последовать и декриминализация оскорбления представителя власти (ст. 319). В таком подходе законодателя просматриваются попытки возврата к прошлому, то есть к первоочередной защите интересов государства, а не личности человека независимо от ее статуса. И вообще, в условиях политической борьбы в демократическом обществе нетрудно «доказать», что критика того или иного представителя власти является его оскорблением. Например, гражданин А. заявляет представителю власти Б., что он вор, живет на нетрудовые доходы, поскольку построил дворец с бассейном, сауной, зимним садом и другими благами цивилизации. Если даже этот представитель власти докажет, что дворец построен за счет средств своей жены, ведущей «успешный» бизнес, то можно ли утверждать, что его оскорбление причинило вред интересам управления?

Следовало бы, на наш взгляд, поступить иначе; исключить из УК РФ ст. 319 и сохранить уголовную ответственность за квалифицированные виды клеветы и оскорбления, в том числе и представителя власти.

Поскольку заявляется концепция инновационного развития общества, следует, на наш взгляд, отказаться от субъективного, конъюнктурного и кейсового подхода к модернизации уголовного законодательства, внесения в него каких-то «лоскутных» новаций. В принципиально изменившихся с начала 90-х годов XX столетия социально-экономических, гуманитарных и политических условий российского общества назрела необходимость разработки и принятия новой редакции Уголовного кодекса, в котором бы более основательно были реализованы процессы криминализации и декриминализации, систематизированы виды наказаний и санкции уголовно-правовых норм, основания освобождения от наказания или уголовной ответственности в целом.

В этих целях следовало бы на самом высоком уровне создать комиссию или комитет по разработке проекта Уголовного кодекса с привлечением ученых, апробированием его у зарубежных экспертов. Современному законодателю можно было бы использовать отечественный, мы бы сказали уникальный, опыт создания в течение 24 лет Уголовного Уложения России 1903 г.

Современная уголовно-правовая политика должна базироваться на таких уголовно-правовых решениях, которые бы естественным образом встраивались в систему мер противостояния преступности. Она не может осуществляться на основе разрозненных и «скоропалительных» новаций.

Такого рода «новацией» следует признать попытки регламентации уголовных проступков из преступлений небольшой тяжести, за которые предусматривались бы иные меры уголовно-правового характера в виде исправительных работ и штрафа. Если она будет реализована, то окончательно будет подорвана системность уголовного законодательства, в частности, в трактовке наказания и иных мер уголовно-правового характера.

Сундурова О.Ф.,
заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин
Казанского филиала РГУП, к.ю.н., доцент

Санкции и пределы уголовного наказания

Проблематике санкций в юридической литературе уделялось и уделяется значительное внимание. В статье рассматриваются некоторые вопросы, касающиеся исследования содержания санкций уголовно-правовых норм, обсуждается проблема применения ст. 10 УК РФ в судебной практике.

Ключевые слова: санкция; наказание; назначение наказания; обратная сила уголовного закона; пределы уголовного наказания.

Согласно ч. 1 ст. 60 УК РФ лицу, признанному виновным в совершении преступления, назначается справедливое наказание в пределах, предусмотренных соответствующей статьей Особенной части уголовного закона. Важное значение имеет правильное построение законодателем и правильное уяснение судом санкции, которая является указанием на ту меру воздействия, которая применяется судом к лицам, нарушающим требования уголовно-правового запрета. Значение санкции велико. Мы можем выделить нижние и верхние пределы санкции. Она содержит указание на весь спектр воздействия и содержит все допустимые виды наказания и их сроки. Обращаясь к санкции, суд видит, от какого наказания ему следует исходить как от исходного наказания.

В зависимости от вида санкции, ее содержания во многом зависят возможности суда по назначению наказания. Выделяют санкции относительно-определенные с минимальными и максимальными пределами, а также с указанием только максимального предела, альтернативные санкции. В таких санкциях, у суда больше возможности при выборе наказания с учетом конкретных обстоятельств по сравнению с единичными санкциями. На вид санкции влияет также наличие смягчающих и отягчающих обстоятельств. Если за совершение преступления предусмотрена возможность применения иных мер уголовно-правового характера, наличие смягчающих и отягчающих обстоятельств влияет не только на выбор наказания, но и на выбор формы реализации уголовной ответственности. В зависи-

мости от наличия в санкции наряду с основным наказанием дополнительного наказания выделяют: санкции только с основными видами наказания и санкции с основными и дополнительными наказаниями, которые называются кумулятивными санкциями. Кумулятивные санкции могут быть: с обязательным дополнительным наказанием и с необязательным назначением дополнительного наказания. УК РФ содержит наказания, которые в определенных случаях могут назначаться по усмотрению суда. Согласно ч. 3 ст. 47 УК РФ лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью может назначаться в качестве дополнительного вида наказания и в случаях, когда оно не предусмотрено соответствующей статьей Особенной части УК РФ в качестве наказания за соответствующее преступление, если с учетом характера и степени общественной опасности совершенного преступления и личности виновного суд признает невозможным сохранение за ним права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Еще одно уголовное наказание – лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград – не предусмотрено санкцией статьи Особенной части УК РФ, и суд может назначить это наказание при осуждении за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления с учетом личности виновного.

Согласно ч. 1 ст. 10 УК РФ уголовный закон, устраняющий преступность деяния, смягчающий наказание или иным образом улучшающий положение лица, совершившего преступление, имеет обратную силу, то есть распространяется на лиц, совершивших соответствующие деяния до вступления такого закона в силу, в том числе и на лиц, отбывающих наказание или отбывших наказания, но имеющих судимость.

В практике обсуждается проблема применения ст. 10 УК РФ. Органами предварительного следствия Яремчук обвинялся в клевете, то есть в распространении заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство других лиц. Преступление им было совершено в ноябре 1996 г., когда действовал УК РСФСР 1960 г., и содеянное им содержало признаки преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 130 этого УК. Военный суд Красноярского гарнизона дело по обвинению Яремчука рассмотрел 1 апреля 1997 г. и его действия квалифицировал по ч. 1 ст. 129 УК РФ, содержащей более мягкое наказание по сравнению с ч. 1 ст. 130 УК РСФСР (которая предусматривала наряду с другими видами наказания и лишение свободы до одного года), назначив наказание в виде штрафа в размере 60 минимальных размеров оплаты труда.

Военный суд Сибирского округа приговор оставил без изменения. Военная коллегия Верховного Суда РФ 17 февраля 1998 г., рассмотрев дело по протесту председателя Военной коллегии, изменила судебные решения, указав следующее. Суд при постановлении приговора допустил ошибку в

применении норм материального права. Правильно квалифицируя содеянное Яремчуком и назначая наказание в виде штрафа, суд вместе с тем не учел, что действовавший на момент совершения данного преступления закон (ч. 1 ст. 130 УК РСФСР) среди других видов наказания предусматривал штраф лишь в размере до двух минимальных размеров оплаты труда. Следовательно, санкция ч. 1 ст. 129 УК РФ (не предусматривающая помимо других видов наказания, не связанного с лишением свободы, и штраф в размере от пятидесяти до ста минимальных размеров оплаты труда) в части штрафа, согласно требованиям ст. 10 УК РФ, не может иметь обратной силы, так как ее применение ухудшает положение осужденного.

Поэтому Военная коллегия Верховного Суда РФ снизила Яремчуку наказание в виде штрафа до двух минимальных размеров оплаты труда¹.

Суд при изменении судебного решения исходил из обратной силы уголовного наказания. На наш взгляд, суд должен исходить из обратной силы санкции. Сравним две санкции: в одной наказание в виде штрафа в размере от пятидесяти до ста минимальных размеров оплаты труда, а в другой штраф в размере до двух минимальных размеров оплаты труда и лишение свободы на срок до одного года. Очевидно, что санкция, предусмотренная в ч. 1 ст. 129 УК РФ, является более мягкой, поскольку не содержит лишения свободы. Позиция судебной практики иная, вначале следует выбрать вид наказания, который мог бы назначаться по ч. 1 ст. 129 УК РФ и ч. 1 ст. 130 УК РСФСР, а потом применить ст. 10 УК РФ. В рассматриваемом примере суд исходил из того, что следует назначить наказание в виде штрафа, поэтому Военная коллегия при назначении Яремчуку наказание в виде штрафа снизила его до двух минимальных размеров оплаты труда.

Рассмотрим другой пример. Совершенное преступление было преступлением средней тяжести, предусматривало наказание в виде штрафа и лишения свободы до 4 лет. После изменения санкции размер штрафа увеличился, а срок лишения свободы сократился до 3 лет, и преступление стало относиться к категории небольшой тяжести. Имеет ли закон обратную силу? Категория преступления, как указано выше, изменена на более мягкую. Если исходить из судебной практики, то при назначении наказания в виде штрафа закон обратной силы не имеет, а при назначении наказания в виде лишения свободы закон имеет обратную силу. Мы считаем эту позицию неверной. Когда мы говорим об обратной силе уголовного закона, следует исходить из характеристики санкции. Если санкция не содержит лишения свободы, то она явно является мягче и должна иметь обратную силу.

1 См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 6.

Титов А.Н.,
адвокат, к.ю.н., доцент (г. Донецк)

Правонарушения и санкции в уголовном процессе Донецкой Народной Республики

В статье рассматривается комплекс теоретических и практических проблем, связанных с уголовно-процессуальными правонарушениями и санкциями за их совершение. Выяснено, что уголовно-процессуальное правонарушение является комплексным, за его совершение должны применяться санкции иной отраслевой принадлежности. Рассмотрены типичные уголовно-процессуальные правонарушения, которые совершаются на стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования. Установлено, что составы уголовно-процессуальных правонарушений должны быть определены в соответствующих материальных нормах уголовного, административного, гражданского права, дисциплинарного производства.

Ключевые слова: правонарушение; уголовно-процессуальное правонарушение; юридическая ответственность; санкция.

Под правонарушением (лат. transgressio, injuria, delictum) в теории права понимается «общественно вредное неправомерное (противоправное) виновное деяние (действие или бездействие) деликтоспособного лица, влекущее за собой юридическую ответственность»¹. Правонарушения являются общественно опасными, наносят ущерб правам граждан и публичным интересам, что находит свое юридическое выражение в противоправности. Это означает предусмотренность их нормами законодательства, установление и разрешение правовыми средствами, наступлением правовых последствий для субъекта совершения. Виновность – необходимый признак правонарушения, поскольку правонарушитель выбирает вредный вариант поведения, пренебрегая субъективными правами граждан, интересами общества, что свидетельствует о цели, неуважении или равнодушию к охраняемым законом ценностям и причинении или допущению социального ущерба. На этом основан структурный анализ правонарушения – объект, объективная сторона, субъект и субъективная сторона.

Уголовное судопроизводство предусматривает значительные ограничения прав и свобод человека, поэтому от законодателя требуется особенно тщательная регламентация этой отрасли права.

В условиях войны, развязанной лицами, совершившими государственный переворот на Украине, встал вопрос о действии законодательства на территории Донецкой Народной Республики (далее – ДНР). В связи с от-

1 Скакун О.Ф. Теорія держави і права (Енциклопедичний курс): підручник. Х.: Еспада, 2006. 776 с. С. 623.

сутствием законодательной базы на территории ДНР и необходимостью постоянного регулирования отношений между субъектами права 2 июня 2014 г. Совет Министров ДНР принял постановление № 9-1 «О применении законов на территории ДНР в переходный период». Этим документом установлено, что до принятия Законов ДНР, регулирующих отношения между субъектами права, Министерством и ведомствам ДНР надлежит применять Законы Украины или Законы других государств в частях, не противоречащих Декларации о суверенитете Донецкой Народной Республики, Конституции ДНР. Законы Украины или Законы других государств в частях, не противоречащих Декларации о суверенитете Донецкой Народной Республики, Конституции ДНР, подлежат утверждению Советом Министров Донецкой Народной Республики. Кроме того, был введен в действие на переходный период на территории ДНР Уголовно-процессуальный кодекс (далее – УПК) УССР от 28 декабря 1960 г. с изменениями до 2012 г. в частях, не противоречащих Декларации о суверенитете Донецкой Народной Республики, Конституции ДНР¹. Учитывая, что представители государственной власти Донецкой области получили из Киева приказ бежать из Донецкой области и вывозить государственное имущество и документы, работа судов на территории ДНР оказалась заблокирована. Соответственно, оказалось невозможным применение норм уголовно-процессуального законодательства, связанных с осуществлением судами функции судебного контроля в уголовном судопроизводстве. Генеральной прокуратурой ДНР было принято решение о применении на территории ДНР до принятия нового Уголовно-процессуального кодекса УПК УССР 1960 г. по состоянию до проведения т.н. «малой судебной реформы», т. е. на 12 июня 2001 г., когда суды еще не имели функции судебного контроля на досудебных стадиях уголовного процесса.

После того, как судебная система заработала, в постановление Совета Министров ДНР от 2 июня 2014 г. № 9-1 «О применении законов на территории ДНР в переходный период» были внесены изменения. Так, постановлением Совета Министров Донецкой Народной Республики от 10 января 2015 г. № 1-1 было установлено, что во время действия переходного периода на территории ДНР применяется УПК УССР от 28 декабря 1960 г. в редакции по состоянию на 12 июля 2001 г.² (фактически же 12 июля

1 О применении законов на территории ДНР в переходный период: постановление Совета Министров Донецкой Народной Республики от 2 июня 2014 года № 9-1 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dnr-online.ru/doc/dokumenty-sovetaministrov/postanovlenie-9-1-ot-02-06-2014g-o-primenenii-zakonov-na-territorii-dnr-v-perexodnyj-period/>

2 О внесении изменений в постановление Совета Министров Донецкой Народной Республики «О применении законов на территории ДНР в переходный период» № 9-1 от 02.06.2014 года: постановление Совета Министров Донецкой Народной Республики от 10 января 2015 года № 1-1 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://old.dnr-online.ru/wp-content/uploads/2015/03/PostanovN1_1_10012015.pdf.

2001 г. действовал УПК Украины в редакции от 29 июня 2001 г.). Однако при этом неурегулированным оказалось международное сотрудничество по уголовным делам, т.к. раздел 9, регламентирующий эти вопросы, был включен в УПК Украины только в 2011 г. Далее постановлением Совета Министров Донецкой Народной Республики от 22 июля 2015 г. № 13-13 определено, что до принятия УПК ДНР на территории Донецкой Народной Республики действует УПК УССР от 28 декабря 1960 г.: разделы 1-8 - по состоянию законодательства на 29 июня 2001 года; раздел 9 - по состоянию законодательства на 10 июля 2011 года¹ (т. е. добавлен раздел, посвященный международному сотрудничеству по уголовным делам).

Особенности правонарушений в уголовном судопроизводстве заключаются в том, что субъектами, совершающими их, могут быть как лица, наделенные властными полномочиями, так и те, которые их не имеют. Кроме этого, в результате совершения правонарушения могут нарушаться не только нормы УПК и законы Донецкой Народной Республики, но и соответствующие положения Конституции ДНР.

В действующем законодательстве Донецкой Народной Республики предусмотрена ответственность за преступления против правосудия, совершаемые с прямым умыслом (глава 31 Уголовного кодекса ДНР). Исходя из последствий, не менее общественно опасными являются неумышленные противоправные действия субъектов уголовно-процессуальных отношений, которые наносят ущерб правам личности и интересам правосудия. Учитывая это, предлагается дифференцировать их в зависимости от степени общественной опасности, дополнить уголовное и административное законодательство ДНР соответствующими составами правонарушений и предусмотреть ответственность за их совершение.

С учетом изложенного под уголовно-процессуальным правонарушением следует понимать общественно-опасное деяние, совершенное субъектом уголовно-процессуальных правоотношений, в нарушение требований УПК, законов, Конституции Донецкой Народной Республики, которые наносят ущерб правам и законным интересам участников процесса и влекут за собой ответственность за их совершение.

Действующий в ДНР УПК не содержит понятия уголовно-процессуального правонарушения (также как и УПК РФ). Данный Кодекс содержит такую меру обеспечения уголовного производства, как наложение денежного взыскания в случаях:

1 О внесении изменений в постановление Совета Министров Донецкой Народной Республики от 02.06.2014 г. № 9-1 «О применении законов на территории ДНР в переходный период»: постановление Совета Министров Донецкой Народной Республики от 22 июля 2015 года № 13-13 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://old.dnr-online.ru/wp-content/uploads/2015/03/PostanovN13_13_22072015.pdf.

1) если свидетель не явился без уважительных причин (ст. 70);
 2) на поручителя, если обвиняемый уклоняется от явки (ст.ст. 152, 153);
 3) на родителей, опекунов, попечителей в случае нарушения ими обязательств, связанных с передачей несовершеннолетнего обвиняемого им под надзор (ст. 436)¹.

УПК РФ также содержит нормы о применении денежного взыскания:

1) в случае неисполнения поручителем своих обязательств (ст. 103);
 2) к лицам, которым несовершеннолетний подозреваемый, обвиняемый был отдан под присмотр в случае невыполнения ими принятого обязательства (ст. 105);

3) к потерпевшему, свидетелю, гражданскому истцу, гражданскому ответчику, эксперту, специалисту, переводчику и (или) понятому в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом (ст. 111);

4) в случаях неисполнения участниками уголовного судопроизводства процессуальных обязанностей, предусмотренных настоящим Кодексом, а также нарушения ими порядка в судебном заседании (ст. 117);

5) к лицу, присутствующему в зале судебного заседания, при нарушении порядка в судебном заседании, неподчинении распоряжениям председательствующего или судебного пристава (ст. 258);

6) за неявку присяжного заседателя в суд без уважительной причины (ст. 333)².

По мнению В.Д. Чабанюка, наиболее научно обоснованной и имеющей практическое значение является классификация уголовно-процессуальных правонарушений в зависимости от их совершения на определенных стадиях уголовного судопроизводства (возбуждения уголовного дела, предварительного расследования и на судебных стадиях уголовного процесса)³.

На стадии возбуждения уголовного дела совершаются следующие уголовно-процессуальные правонарушения:

1) при принятии заявлений и сообщений о преступлениях (игнорирование заявлений и сообщений о преступлениях, укрытие преступлений от учета; отказ заявителю в принятии заявления и его регистрации; ре-

1 Кримінально-процесуальний кодекс України, затверджений Законом від 28 грудня 1960 року (за станом на 29 червня 2001 року) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/1001-05/ed20010629/print1477438105471933>.

2 Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/popular/upkrf/>

3 Чабанюк В.Д. Классификация уголовно-процессуальных правонарушений // Эволюция уголовного судопроизводства на постсоветском пространстве: материалы международной научно-практической конференции. Киев, 22–23 июня 2006 года: в 3 кн. К.: Университет экономики и права «Крок», 2006. Кн. 1. С. 196–200.

гистрация неполных данных, содержащихся в заявлениях и сообщениях о преступлении; незаконное направление заявлений и сообщений о преступлении в другие органы);

2) при проверке заявлений и сообщений о преступлении (незаконное производство следственных действий до возбуждения уголовного дела, нарушение сроков разрешения заявлений и сообщений о преступлениях, нарушение требований законодательства о способах проверки заявлений и сообщений о преступлениях);

3) при вынесении постановления о возбуждении уголовного дела (ошибочное определение оснований для возбуждения уголовного дела; неправильная уголовно-правовая квалификация, отсутствие в постановлении указания на поводы для возбуждения уголовного дела; несвоевременность принятия решения о возбуждении уголовного дела; вынесение постановления о возбуждении уголовного дела неуполномоченным на то лицом; начало производства по уголовному делу без вынесения постановления о его возбуждении);

4) при отказе в возбуждении уголовного дела (неправильное применение оснований; неувведомление заинтересованных лиц об отказе в возбуждении уголовного дела, неразъяснение им права на обжалование принятого решения).

На стадии предварительного расследования можно выделить следующие уголовно-процессуальные правонарушения:

1) при проведении следственных действий (безосновательное их проведение; неразъяснение прав участникам, отсутствие понятых, нарушение процессуального порядка проведения; фальсификация протоколов, проведение их без разрешения суда или согласия прокурора, проведение неуполномоченным на то лицом и непредусмотренными законом способами, допрос свидетелей, потерпевших, не достигших 14-летнего возраста, без участия педагога и др.);

2) нарушение права подозреваемого или обвиняемого на защиту (незаконное склонение к отказу от защитника; необеспечение участия защитника в деле; допуск к защите лиц, не имеющих на это право);

3) при предъявлении обвинения (беспочвенность формулировки обвинения; несвоевременность и неконкретность предъявленного обвинения; невручения копии постановления о привлечении в качестве обвиняемого, нарушение порядка предъявления обвинения; неразъяснение обвиняемому его прав; неразъяснение сущности предъявленного обвинения; отсутствие защитника при предъявлении обвинения и др.);

4) при применении мер принуждения (незаконность задержания подозреваемого в совершении преступления; незаконное заключение под стражу, нарушение сроков задержания и содержания под стражей);

5) при прекращении уголовных дел (неправильное определение оснований прекращения уголовного дела; ненаправление копии постановления о прекращении уголовного дела);

6) при приостановлении досудебного расследования (приостановление уголовного дела с объявлением лица, не признанного обвиняемым, в розыск);

7) безосновательное прекращение производства по делам по болезни обвиняемого при отсутствии соответствующих документов;

8) приостановление производства в связи с необходимостью проведения судебных экспертиз;

9) составление обвинительного заключения (неуказание в обвинительном заключении доказательств, подтверждающих предъявленное обвинение; изложение в обвинительном заключении обвинения, существенно отличающегося от формулировки, приведенной в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого, наличие разногласий между описательной частью обвинительного заключения – обстоятельствами дела, установленными следователем и резолютивной частью обвинения);

10) при окончании предварительного расследования (неознакомление обвиняемого и участников предварительного следствия с материалами дела; затягивание сроков ознакомления с материалами дела, необоснованное отклонение ходатайств защитников);

11) иные правонарушения (связанные с нарушением сроков расследования; односторонность или неполнота расследования; непривлечение к уголовной ответственности других лиц; неправильное объединение или выделение уголовных дел¹; невыполнение постановления о приводе подозреваемого, обвиняемого, свидетеля или потерпевшего; препятствование возмещению судебных расходов участникам процесса; необоснованное отклонение или рассмотрение с нарушением установленных сроков ходатайств участников процесса; невыполнение постановлений, законных требований, непредоставление информации на запросы прокурора, органов предварительного следствия и дознания, защитника).

Под юридической санкцией понимается часть нормы права, устанавливающая меры (вид и объем) государственного принуждения, применяемые в случае ее нарушения². Санкция – часть правовой нормы, которая обеспечивает осуществление ее диспозиции. Если говорить об уголовно-про-

1 Чабанюк В.Д. Классификация уголовно-процессуальных правонарушений // Эволюция уголовного судопроизводства на постсоветском пространстве: материалы международной научно-практической конференции. Киев, 22–23 июня 2006 года: в 3 кн. К.: Университет экономики и права «Крок», 2006. Кн. 1. С. 196–200.

2 Скакун О.Ф. Теорія держави і права (Енциклопедичний курс): підручник. Х.: Еспада, 2006. 776 с. С. 301–302.

цессуальных правонарушениях, то речь должна идти об охранительных санкциях. В санкции выражается неодобрительное отношение общества, государства, личности к нарушителям правовой нормы.

За совершение уголовно-процессуальных правонарушений следует предусмотреть уголовную, административную, дисциплинарную и гражданско-правовую ответственность. Таким образом, уголовно-процессуальное правонарушение является комплексным, за его совершение должны применяться санкции иной отраслевой принадлежности.

Исходя из того, что человек, его честь и достоинство признаются наивысшей социальной ценностью, предлагаем установить уголовную ответственность за незаконное возбуждение уголовного дела, применение меры пресечения в виде заключения под стражу, в том числе если они совершены по неосторожности в виде преступной небрежности.

Предлагается установить административную ответственность за нарушение порядка проведения следственных действий, в частности, неразъяснение прав участникам и присутствующим при проведении следственного действия, их проведение в необходимых случаях без присутствия понятых, допрос свидетелей, потерпевших, не достигших 14-летнего возраста, без участия педагога, нарушение порядка предъявления для опознания, отсутствие мотивированного постановления суда или санкции прокурора на проведение обыска, проведение следственных действий в случаях, предусмотренных законом, без участия переводчика, невручение заинтересованным лицам копии протоколов выемки, обыска, наложения ареста на имущество или постановления о привлечении в качестве обвиняемого.

Следует принять ведомственные нормативные акты, предусматривающие дисциплинарную ответственность за совершение несущественных правонарушений, не повлиявших на принятие процессуальных решений и получения недостоверных доказательств (отсутствие в протоколе следственного действия подписей присутствующих или его участников; отсутствие сведений о времени и месте проведения действия; неполнота разъяснения прав участникам следственных действий; неуказание в постановлениях о признании в качестве вещественного доказательства наименования предмета, документа; отсутствие ссылки в протоколах или постановлениях на соответствующие статьи законодательства).

Возмещение имущественного вреда и компенсация морального вреда, причиненного гражданину незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда, государством должно быть предусмотрено на законодательном уровне независимо от наличия реабилитационных решений по делу. Однако в ДНР такой закон еще не принят, а соответствующий Закон Украины не утвержден Советом Министров ДНР в порядке, предусмотренном постановлением от 2 июня 2014 г. № 9-1. Таким образом, материальная компенсация вреда, причиненного

гражданину незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда в ДНР, в настоящее время невозможна. Считаем, что этот вопрос должен быть разрешен законодателем в срочном порядке.

Кроме того, целесообразно закрепить в УПК ДНР сроки исполнения следователями и органами дознания указаний прокурора, а также предусмотреть перечень уголовно-процессуальных правонарушений, при совершении которых лицо, производящее дознание, или следователь устраняются прокурором от дальнейшего ведения предварительного расследования¹.

Считаем наличие в УПК норм, содержащих юридические санкции, нецелесообразным. Как указано в ст. 1 действующего в ДНР УПК, назначением Уголовно-процессуального кодекса является определение порядка производства по уголовным делам². Составы уголовно-процессуальных правонарушений должны быть определены в соответствующих материальных нормах уголовного, административного, гражданского права, дисциплинарного производства. Такие нормы будут бланкетными, в УПК следует предусмотреть, что за нарушение соответствующих правонарушений наступает установленная законодательством ответственность. Санкции вышеуказанных норм должны соответствовать общим правилам уголовного, административного, гражданского права, дисциплинарного производства.

Список литературы:

1. Скакун О.Ф. Теорія держави і права (Енциклопедичний курс): підручник / О.Ф. Скакун. Х.: Еспада, 2006. 776 с.
2. О применении законов на территории ДНР в переходный период: постановление Совета Министров Донецкой Народной Республики от 2 июня 2014 года № 9-1 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dnr-online.ru/doc/dokumenty-soveta-ministrov/postanovlenie-9-1-ot-02-06-2014g-o-primenenii-zakonov-na-territorii-dnr-v-perexodnyj-period/>
3. О внесении изменений в постановление Совета Министров Донецкой Народной Республики «О применении законов на территории ДНР в переходный период» № 9-1 от 02.06.2014 года: постановление Совета Министров Донецкой Народной Республики от 10 января 2015 года № 1-1 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://old.dnr-online.ru/wp-content/uploads/2015/03/PostanovN1_1_10012015.pdf.

1 Титов А.Н. Уголовно-процессуальные правонарушения на предварительном расследовании по законодательству Донецкой Народной Республики [Текст]. Вектор науки ТГУ. Серия: Юридические науки. 2016. № 3 (26). С. 110-113.

2 Кримінально-процесуальний кодекс України, затверджений Законом від 28 грудня 1960 року (за станом на 29 червня 2001 року) [Електронний ресурс]. Режим доступа: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/1001-05/ed20010629/print1477438105471933>.

4. О внесении изменений в постановление Совета Министров Донецкой Народной Республики от 02.06.2014 г. № 9-1 «О применении законов на территории ДНР в переходный период»: постановление Совета Министров Донецкой Народной Республики от 22 июля 2015 года № 13-13 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://old.dnr-online.ru/wp-content/uploads/2015/03/PostanovN13_13_22072015.pdf.
5. Кримінально-процесуальний кодекс України, затверджений Законом від 28 грудня 1960 року (за станом на 29 червня 2001 року) [Електронний ресурс]. Режим доступа: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/1001-05/ed20010629/print1477438105471933>.
6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/popular/upkrf/>
7. Чабанюк В.Д. Классификация уголовно-процессуальных правонарушений / В.Д. Чабанюк // Эволюция уголовного судопроизводства на постсоветском пространстве: материалы международной научно-практической конференции. Киев, 22–23 июня 2006 года: в 3 кн. К.: Университет экономики и права «Крок», 2006. Кн. 1. С. 196–200.
8. Титов А.Н. Уголовно-процессуальные правонарушения на предварительном расследовании по законодательству Донецкой Народной Республики [Текст] / А.Н. Титов. Вектор науки ТГУ. Серия: Юридические науки. 2016. № 3 (26). С. 110-113.

Тихонова С.С.,

заместитель декана юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (ННГУ) по научной работе, доцент кафедры уголовного права и процесса юридического факультета ННГУ, к.ю.н., доцент

Проблемы конструирования усиленных санкций статей Особенной части кодифицированного уголовного закона

В статье анализируются известные законодательной практике способы конструирования усиленных (особо усиленных санкций) статей особенной части УК РФ на базе обычных – с позиций изменения как основных, так и дополнительных видов наказаний. Автор предлагает методику использования соответствующих способов и ограничение по их использо-

ванию в зависимости от категории преступления, за которое конструируется санкция.

Ключевые слова: категория преступления; квалифицирующие признаки; классификация преступлений; наказание; основной состав; санкция.

Для уголовного права традиционным является понимание санкции как структурного элемента правовой нормы, предусматривающего негативные последствия ее нарушения – меру уголовной ответственности для нарушителя, чем и обеспечивается функциональное действие правовой нормы в целом. Рассматривая уголовно-правовую норму как сложную логическую конструкцию, не имеющую четко очерченных текстовых границ и не отождествляемую со статьей уголовного закона, представители уголовно-правовой науки справедливо указывают, что санкция нормы Особенной части уголовного права образуется санкцией статьи Особенной части кодифицированного уголовного закона и относящимися к ней предписаниями статей Общей части¹. В этой связи конструирование санкции статьи Особенной части кодифицированного уголовного закона рассматривается как особый прием законодательной техники, входящий в методику построения санкции уголовно-правовой нормы.

К сожалению, в настоящее время проблема конструирования санкций статей Особенной части кодифицированного отечественного уголовного закона является его своеобразной «ахиллесовой пятой». Не в последнюю очередь подобное положение вещей существует из-за отсутствия в уголовно-правовой науке единой методики построения санкций². В настоящей статье предлагается анализ известных российской законодательной практике способов конструирования усиленных (особо усиленных) санкций статей Особенной части УК РФ на базе обычных в целях выработки единого подхода к основаниям их использования.

«Идея справедливости санкции за деяние, запрещенное законом, обязывает законодателя выбрать санкцию, которая не только соответствует тяжести описанного в законе преступного действия, но и согласуется также с санкциями, предусмотренными за совершение других преступлений...»³. В частности, санкция статьи Особенной части кодифицированного

1 См., например: Иванчин А.В. Законодательная техника и ее роль в российском уголовном правотворчестве. М.: Юрлитинформ, 2011. С. 133–134.

2 См. подробнее: Тихонова С.С., Киселева И.А. Кокунов А.И. Техничко-юридическое конструирование единичных и альтернативных санкций статей Особенной части кодифицированного уголовного закона: постановка проблемы // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. № 1 (35). С. 82.

3 Панько К.К. Основные правила законотворчества в системе принципов уголовного права // Уголовно-правовые, пенитенциарные принципы и их реализация: правотворческий, правоприменительный уровни. Ч. 2: Матер. научно-практ. конф. Саратов, 28–29 марта 2005 г. Саратов: Изд-во СГАП, 2005. С. 26.

уголовного закона должна определяться соответствующей диспозицией, быть согласованной с ней. Это значит, что усиленные (особо усиленные) санкции, предусмотренные за квалифицированные (особо квалифицированные) виды преступлений, должны отражать усиление карательных функций государства за совершение преступления при наличии квалифицирующих (особо квалифицирующих) обстоятельств. Для этого при их конструировании законодателем должен быть учтен набор основных наказаний, предусмотренных в обычной санкции за простой вид преступления, квалифицируемый по основному составу.

Логика изменения качественной характеристики санкций при конструировании усиленных (особо усиленных) санкций на базе обычных – это логика соподчиненности¹.

Однако логика соподчиненности не означает, во-первых, обязательности изменения категории преступления. Ошибочной следует признать существующую в отечественной уголовно-правовой науке позицию, согласно которой основанием для классификации составов преступлений на основные и квалифицированные (особо квалифицированные) выступает деление преступлений на категории по степени тяжести². Сроки лишения свободы, определяющие принадлежность преступления к определенной категории (3 года – 5 лет – 10 лет), имеют достаточный разрыв для того, чтобы варьировать пределы наказуемости преступного деяния, не меняя категории преступления. Таким образом, категория преступления при переходе от простого к квалифицированным (особо квалифицированным) видам преступления может сохраняться либо изменяться. Однако изменение это представляется целесообразным не более чем на один порядок.

Во-вторых, логика соподчиненности обычной и усиленной (особо усиленной) санкций не означает связанности законодателя количеством и видами основных наказаний, которые предусмотрены в обычной санкции. Количество и виды основных наказаний могут быть изменены, но исключительно с целью усиления уголовной ответственности с учетом модели обычной санкции.

Очевидно, что в ходе построения санкций отечественный законодатель придерживается законодательской практики прошлых лет. Соответственно, изначально допущенные ошибки конструирования повторяются в процессе вторичного законотворчества. В этой связи представляется целесоо-

1 Щепельков В.Ф. Формально-логические проблемы толкования и конструирования задач и принципов УК // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование. Т. 2 / Отв. ред. В.М. Баранов. Н. Новгород: Изд-во НА МВД России, 2001. С. 281.

2 См.: Панько К.К. Методология и теория законодательной техники уголовного права России: монография. Воронеж, 2004. С. 110–111.

бразным обобщить существующие в законотворческой практике способы конструирования усиленных (особо усиленных) санкций, соответствующие логике соподчиненности, а также систематизировать данные способы и уточнить основания их применения.

1) Способ сохранения: виды основных наказаний, предусмотренные в обычной санкции, сохраняются в усиленной (особо усиленной) санкции. При применении данного способа дифференциация уголовной ответственности достигается не за счет манипуляций с основными видами наказаний, а за счет изменения их пределов.

Применение данного способа представляется допустимым в следующих случаях.

1. При конструировании на базе обычных санкций за преступления небольшой тяжести усиленных (особо усиленных) санкций за преступления небольшой тяжести либо средней тяжести.

2. При конструировании на базе обычных санкций за преступления средней тяжести усиленных (особо усиленных) санкций за преступления средней тяжести либо тяжких.

3. При конструировании на базе обычных санкций за тяжкие преступления усиленных (особо усиленных) санкций за тяжкие преступления либо особо тяжкие.

4. При конструировании на базе обычных санкций за особо тяжкие преступления усиленных (особо усиленных) санкций за особо тяжкие преступления.

2) Способ полной или частичной замены. При применении данного способа количество основных наказаний в обычной и усиленной (особо усиленной) санкции сохраняется, но меняется их качество.

2.1) Способ полной замены: все основные наказания, предусмотренные в обычной санкции, заменяются в усиленной (особо усиленной) санкции на более строгие виды.

Применение данного способа представляется допустимым только при конструировании на базе обычных санкций за преступления небольшой тяжести усиленных (особо усиленных) санкций за преступления небольшой тяжести либо средней тяжести. Конструирование на базе обычных санкций за преступления средней тяжести, тяжкие либо особо тяжкие преступления усиленных (особо усиленных) санкций с применением данного способа представляется невозможным ввиду обязательности наличия в соответствующих санкциях лишения свободы.

2.2) Способ частичной замены: более мягкие основные наказания, предусмотренные в обычной санкции, заменяются в усиленной (особо усиленной) санкции на более строгие виды.

Применение данного способа представляется допустимым в следующих случаях.

1. При конструировании на базе обычных санкций за преступления небольшой тяжести усиленных (особо усиленных) санкций за преступления небольшой тяжести либо средней тяжести.

2. При конструировании на базе обычных санкций за преступления средней тяжести усиленных (особо усиленных) санкций за преступления средней тяжести либо тяжких.

3. При конструировании на базе обычных санкций за тяжкие преступления усиленных (особо усиленных) санкций за тяжкие преступления либо особо тяжкие.

3) Способ расширения альтернативы: к основным наказаниям, предусмотренным в обычной санкции, в усиленной (особо усиленной) санкции в качестве альтернативы вводятся более строгие виды. При применении данного способа количество основных видов наказаний в усиленной (особо усиленной) санкции увеличивается.

Применение данного способа представляется допустимым в следующих случаях.

1. При конструировании на базе обычных санкций за преступления небольшой тяжести усиленных (особо усиленных) санкций за преступления небольшой тяжести либо средней тяжести.

2. При конструировании на базе обычных санкций за тяжкие преступления усиленных (особо усиленных) санкций за особо тяжкие преступления.

3. При конструировании на базе обычных санкций за особо тяжкие преступления усиленных (особо усиленных) санкций за особо тяжкие преступления.

4) Способ сужения альтернативы: более мягкие основные наказания, предусмотренные в обычной санкции, исключаются в усиленной (особо усиленной) санкции. При применении данного способа количество основных наказаний в усиленной (особо усиленной) санкции уменьшается.

Применение данного способа представляется допустимым в следующих случаях.

1. При конструировании на базе обычных санкций за преступления небольшой тяжести усиленных (особо усиленных) санкций за преступления небольшой тяжести либо средней тяжести.

2. При конструировании на базе обычных санкций за преступления средней тяжести усиленных (особо усиленных) санкций за преступления средней тяжести либо тяжких.

3. При конструировании на базе обычных санкций за тяжкие преступления усиленных (особо усиленных) санкций за тяжкие преступления.

Следует отметить, что применение способов конструирования усиленных (особо усиленных) санкций на базе обычных может быть комплексным. Однако в этом случае повышается рискоемкость конструирования.

Как уже отмечалось выше, усиленные санкции статей Особенной части кодифицированного уголовного закона, предусмотренные за квалифицированные виды преступлений, должны отражать усиление карательных функций государства за совершение преступления при наличии квалифицирующих обстоятельств. Для этого в случае, когда законодатель полностью или частично воспроизводит в усиленной санкции виды основных наказаний, предусмотренные в обычной санкции (установленной за совершение преступления с «простым» составом), ему следует обращать внимание на вид обычной санкции и, в частности, на то, был ли воспроизведенный вид основного наказания осложнен дополнительным (одним или несколькими). Аналогичным образом следует решать вопрос и о конструировании особо усиленных санкций на базе усиленных.

Способ конструирования сложных усиленных (особо усиленных) санкций, который может избрать законодатель в случае, если воспроизведенный вид основного наказания не был осложнен дополнительным (дополнительными) в обычной санкции, только один – так называемое «первичное дополнение», когда к основному наказанию, не снабженному дополнительным, присоединяется любое дополнительное наказание в любом статусе. Категорически недопустим обратный вариант, а именно «непоследовательность в описании дополнительных наказаний: подчас отсутствует о них упоминание в частях 2, 3 или 4 статьи, в то время как применительно к менее тяжелой разновидности состава (ч. 1 или 2) возможность применения таких наказаний предусматривается»¹.

Способов конструирования усиленных (особо усиленных) санкций, которые может избрать законодатель в случае, если воспроизведенный вид основного наказания был осложнен дополнительным (дополнительными) в обычной санкции, несколько. Ниже предложена авторская попытка их обобщения.

1) Сохранение видов дополнительных наказаний и их статуса. При применении данного способа дифференциация уголовной ответственности достигается не за счет манипуляций законодателя с видами дополнительных наказаний, присоединяемых к воспроизведенным в усиленной (особо усиленной) санкции основным наказаниям, а за счет изменения пределов дополнительных наказаний в сторону их увеличения. В этой связи категорически недопустимо, сохраняя вид и статус дополнительных наказаний, не менять в усиленной (особо усиленной) санкции и их размер, равно, как и менять его на меньший.

2) Сохранение видов дополнительных наказаний с усилением их статуса – с факультативного на обязательный. Следует помнить, что тяжесть

1 Кругликов Л.А. Сбои в конструировании санкций в уголовном законодательстве // Юридическая техника. 2008. № 2. С. 112.

сложных санкций зависит от обязательности или факультативности дополнительных видов наказаний, при наличии первой даже при неизменности самого дополнительного вида наказания санкции – более тяжкие. В этой связи категорически недопустим вариант, когда при сохранении дополнительного вида наказания, присоединенного к воспроизведенному основному наказанию, его статус в усиленной (особо усиленной санкции) меняется с обязательного на факультативный.

3) Полная или частичная замена видов дополнительных наказаний – с менее строгого на более строгий с сохранением их статуса. Категорически недопустим обратный вариант, когда более строгие дополнительные виды наказаний меняются в усиленной (особо усиленной) санкции на менее строгие. При применении данного способа общее количество дополнительных видов наказаний, присоединенных к воспроизведенному в усиленной (особо усиленной) санкции основному наказанию, сохраняется, полностью или частично меняются только их виды. При этом, если речь идет о частичной замене дополнительных видов наказаний, альтернативно присоединенных к одному основному наказанию, следует помнить, что логика уголовной ответственности в усиленной (особо усиленной) санкции предполагает, что в первую очередь подлежит замене наиболее мягкий вид дополнительного наказания, предусмотренный в обычной (усиленной) санкции.

4) Увеличение количества дополнительных видов наказаний. Следует оговориться: само по себе количество дополнительных видов наказаний, присоединяемых к одному основному, не является показателем усиления санкции. Необходимо учитывать не только их количество, но и их качество и статус. В этой связи возможны следующие способы «вторичного дополнения» усиленной (особо усиленной) санкции.

4.1) Увеличение количества обязательных дополнительных видов наказаний за счет введения любых дополнительных видов наказаний.

4.2) Расширение альтернативы факультативных дополнительных видов наказаний за счет введения более строгих видов. Однако категорически недопустим вариант, когда в усиленную (особо усиленную) санкцию к одному основному наказанию в качестве альтернативы присоединяется более мягкое дополнительное наказание.

5) Сокращение альтернативы факультативных дополнительных видов наказаний за счет исключения более мягких видов.

Выбор законодателем конкретного, наиболее целесообразного способа конструирования усиленной (особо усиленной) сложной санкции на базе обычной должен быть обусловлен видом самого преступления, а точнее – характеристикой личности типичного потенциального (если речь идет о первичном законодательстве) или реального (если речь идет о вторичном законодательстве – о внесении изменений и дополнений в текст действу-

ющего УК РФ) преступника, которая по инициативе законодателя может быть получена криминологами посредством обобщения массива уголовных дел (для случаев первичного законотворчества речь идет об уголовных делах по смежным преступлениям)¹. Так, еще П.П. Осипов предлагал соотносить санкции с типологией личности виновных, чтобы каждому типу личности соответствовал определенный набор наказаний². Разделяя его подход и считая именно криминологическую обоснованность уголовного закона показателем его справедливости,³ следует осуществлять при конструировании усиленных (особо усиленных) санкций целенаправленную выборку из существующей системы наказаний именно тех основных и дополнительных видов наказаний, которые способны оказать наиболее существенное влияние на личность типичного преступника, совершающего соответствующие преступления⁴.

Список литературы:

1. Иванчин А.В. Законодательная техника и ее роль в российском уголовном правотворчестве. М.: Юрлитинформ, 2011.
2. Комплексное изучение системы воздействия на преступность: методологические и теоретические основы / Под ред. П. П. Осипова. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978.
3. Кругликов Л.А. Сбои в конструировании санкций в уголовном законодательстве // Юридическая техника. 2008. № 2.
4. Панько К.К. Методология и теория законодательной техники уголовного права России: монография. Воронеж, 2004.
5. Панько К.К. Основные правила законотворчества в системе принципов уголовного права // Уголовно-правовые, пенитенциарные принципы и их реализация: правотворческий, правоприменительный уровни. Ч. 2: Матер. научно-практ. конф. Саратов, 28-29 марта 2005 г. Саратов: Изд-во СГАП, 2005.

1 См. подробнее: Тихонова С.С. Совершенствование качественной характеристики санкций статей Особенной части кодифицированного уголовного закона как перспективная задача правовой науки // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции: Сб. науч. тр. Вып. 9. Минск: Изд. центр БГУ, 2016. Т. 2. С. 296-297.

2 См.: Комплексное изучение системы воздействия на преступность: методологические и теоретические основы / Под ред. П.П. Осипова. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. С. 67-123.

3 Чечель Г.И., Иванов С.А. Современное понимание принципа справедливости в уголовном праве России // Российский криминологический взгляд. 2008. № 3. С. 199.

4 Тихонова С.С., Титушкина Е.Ю., Кокунов А.И. Криминологическое прогнозирование // Преступность, уголовная политика, закон / Под ред. А.И. Долговой. М.: РКА, 2016. С. 122-127.

6. Тихонова С.С., Киселева И.А. Кокунов А.И. Техничко-юридическое конструирование единичных и альтернативных санкций статей Особенной части кодифицированного уголовного закона: постановка проблемы // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. № 1 (35).
7. Тихонова С.С., Титушкина Е.Ю., Кокунов А.И. Криминологическое прогнозирование // Преступность, уголовная политика, закон / Под ред. А.И. Долговой. М.: РКА, 2016.
8. Тихонова С.С. Совершенствование качественной характеристики санкций статей Особенной части кодифицированного уголовного закона как перспективная задача правовой науки // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции: Сб. науч. тр. Вып. 9. Минск: Изд. центр БГУ, 2016. Т. 2.
9. Чечель Г.И., Иванов С.А. Современное понимание принципа справедливости в уголовном праве России // Российский криминологический взгляд. 2008. № 3.
10. Щепельков В.Ф. Формально-логические проблемы толкования и конструирования задач и принципов УК // Законодательская техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование. Т. 2 / Отв.ред. В.М. Баранов. Н. Новгород: Изд-во НА МВД России, 2001.

Уткин Д.В.,

доцент кафедры конституционного и административного права Воронежского государственного аграрного университета им. императора Петра I, к.ю.н., доцент

Предупредительные санкции в правоохранительной деятельности

В статье рассмотрены санкции, связанные с организационным обеспечением правоохранительной деятельности в процессе пресечения противоправных деяний и реализацией санкций карательного характера.

Ключевые слова: предупредительные санкции; государственное принуждение; правоохранительная деятельность.

В зависимости от характера мер государственного воздействия санкции подразделяются на карательные, предусматривающие меры ответственности, правовосстановительные, предполагающие восстановление прежнего положения вещей, и предупредительные, предусматривающие меры предупредительного воздействия. Предупредительные санкции направлены на недопущение противоправного поведения, а также связаны с организационным обеспечением правоохранительной деятельности в

процессе пресечения противоправных деяний и реализации санкций карательного характера.

Предупредительные санкции в правоохранительной деятельности разнообразны. Они выражаются в разных формах и подробно представлены в Уголовно-процессуальном кодексе РФ и Кодексе РФ об административных правонарушениях.

В Уголовно-процессуальном кодексе РФ закреплены меры процессуального принуждения, которые направлены на организационное обеспечение правоохранительной деятельности по пресечению противоправных деяний и реализации санкций карательного характера. Такими мерами являются: задержание подозреваемого, подписка о невыезде, личное поручительство, наблюдение командования воинской части, присмотр за несовершеннолетним обвиняемым, залог, домашний арест, заключение под стражу, обязательство о явке, привод, временное отстранение от должности, наложение ареста на имущество, денежное взыскание¹.

В Кодексе РФ об административных правонарушениях к предупредительным санкциям, являющимся мерами обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, отнесены: доставление; административное задержание; личный досмотр, досмотр вещей, досмотр транспортного средства, находящихся при физическом лице; осмотр принадлежащих юридическому лицу помещений, территорий, находящихся там вещей и документов; изъятие вещей и документов; отстранение от управления транспортным средством соответствующего вида; освидетельствование на состояние алкогольного опьянения; медицинское освидетельствование на состояние опьянения; задержание транспортного средства, запрещение его эксплуатации; арест товаров, транспортных средств и иных вещей; привод; временный запрет деятельности; залог за арестованное судно; помещение в специальное учреждение иностранных граждан, лиц без гражданства, подлежащих административному выдворению за пределы Российской Федерации. Анализ приведенных обеспечительных мер показывает, что их количество имеет тенденцию к увеличению и осложнению².

Целью применения предупредительных санкций является обеспечение законности и правопорядка посредством защиты основ конституционного строя, нравственности, жизни и здоровья граждан, обороны и безопасности государства.

1 Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 29.07.2017) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921; 2017. № 31 (ч. 1). Ст. 4800.

2 Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 29.07.2017) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1; 2017. № 31 (ч. 1). Ст. 4828.

Пресечение как правовая форма предупредительных санкций направлено на прекращение совершающегося правонарушения как со стороны физических, так и юридических лиц. Спектр мер пресечения достаточно многообразен, зависит от многих факторов, в том числе поведения субъекта правонарушения, профессиональной подготовленности и личностных качеств лица, применяющего такие меры. Их применение должно строго базироваться на положениях законов и подзаконных актов. Остановимся более подробно на некоторых предупредительных санкциях, имеющих важное значение в правоохранительной деятельности по пресечению неправомерных деяний.

Первой в перечне предупредительных санкций в административно-деликтном законодательстве предусмотрено доставление. Под таковой законодатель понимает принудительное препровождение физического лица в установленное для этого помещение для составления протокола об административном правонарушении. Законодатель определил круг лиц, которому предоставлено право доставления. Однако, несмотря на существующее в научной литературе мнение, до настоящего времени не предоставлено такого права, равно как и право личного досмотра, сотрудникам частных охранных предприятий на охраняемых ими объектах.

Среди мер пресечения затрагивает интересы большинства людей осуществление досмотров и осмотров: личный досмотр и досмотр вещей, находящихся при физическом лице (ст. 27.7 КоАП РФ); досмотр транспортного средства (ст. 27.9 КоАП РФ); осмотр принадлежащих юридическому лицу или индивидуальному предпринимателю помещений, территорий и находящихся там вещей и документов. Указанные выше действия могут осуществлять только лица, прямо указанные в законе (ст. 27.2, 27.3 КоАП РФ): должностными лицами органов внутренних дел (полиции), военнослужащими войск национальной гвардии Российской Федерации, должностными лицами таможенных органов, должностными лицами пограничных органов, военнослужащие и должностные лица органов и учреждений уголовно-исполнительной системы и другими.

Существует специализированный порядок осуществления личного досмотра физических лиц, который не должен допускать унижение чести и достоинства лица и направлен на предотвращение злоупотребления властью со стороны должностных лиц. При этом досмотр осуществляется в присутствии двух понятых, за исключением случаев, когда имеются достаточные основания полагать, что при физическом лице находится оружие или предметы, которые могут быть использованы в качестве оружия.

Среди наиболее распространенных предупредительных санкций выделяется досмотр транспортного средства (ст. 27.9. КоАП РФ). Он осуществляется в целях обнаружения орудий совершения либо предмета административного правонарушения. При этом законодатель не уточняет, данные

объекты относятся к совершаемому правонарушению, связанными с этими же объектами, или речь идет о пресечении иных административных правонарушений. Например, полиция остановила транспортное средство за нарушение скоростного режима. Является ли это основанием для проведения досмотра транспортного средства на предмет обнаружения в нем похищенных в соседнем магазине продовольственных товаров? В соответствии со ст. 27.1 «Меры обеспечения производства по делу об административном правонарушении» данный вид пресечения применяется только для составления протокола об административном правонарушении за превышение скоростного режима. При этом следует отметить, что в соответствии с Федеральным законом «О полиции» сотрудникам ГИБДД предоставлено право осуществлять с участием водителей или граждан, сопровождающих грузы, осмотр транспортных средств и грузов при подозрении, что эти транспортные средства используются в противоправных целях, с обязательным составлением акта осмотра транспортного средства (ст. 13 п. 20)¹.

При реализации предупредительных санкций как мер пресечения неправомерных деяний законодатель допускает применение физической силы, специальных средств и оружия. Так, сотрудникам полиции предоставлено право лично или в составе подразделения применять физическую силу в следующих случаях: для пресечения административных правонарушений; для доставления в служебное помещение территориального органа полиции, в помещение муниципального органа, в иное помещение лиц, совершивших административное правонарушение; для преодоления противодействия законным требованиям сотрудников полиции о прекращении противоправных действий (ст. 20 ФЗ «О полиции»). Кроме того, сотрудник полиции может применить и специальные средства для отражения нападения на граждан или сотрудников полиции, для пресечения административного правонарушения, для остановки транспортного средства, водитель которого не выполнил требование сотрудника полиции об остановке, для выявления лиц, совершивших противоправные действия, а также для защиты охраняемых объектов.

В настоящее время актуальной и недостаточно разработанной в науке является практика реализации различных форм предупредительных санкций. Представляется, что продуктивными были бы исследования предупредительных санкций в различных сферах государственной жизни, ориентируясь, например, на построение особенной части КоАП РФ, в которой составы правонарушений объединены по родовым объектам посягательств.

¹ О полиции: Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (в ред. от 29.07.2017) // Собрание законодательства. 2011. № 7. Ст. 900; 2017. № 31 (ч. I). Ст. 4821.

Список литературы:

1. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 29.07.2017) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921; 2017. № 31 (ч. I). Ст. 4800.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 29.07.2017) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1; 2017. № 31 (ч. I). Ст. 4828.
3. О полиции: Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (в ред. от 29.07.2017) // Собрание законодательства. 2011. № 7. Ст. 900; 2017. № 31 (ч. I). Ст. 4821.

Фатхуллин Р.Р.,

доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
Казанского филиала РГУП, к.ю.н., доцент

Роль и значение уголовно-правовых санкций в современной России

В статье автор рассматривает роль и значение уголовно-правовых санкций в современной России, уделяя особое внимание уголовно-правовым санкциям, предусматривающим неэффективность санкций при их применении.

Ключевые слова: уголовно-правовая санкция; преступность; наказание; уголовная ответственность.

Преступность будет существовать вечно, пока существует человеческое сообщество. Причем это не зависит от уровня социально-экономического развития общества и государства, а также и от других причин. К сожалению, в нашей жизни существует много причин и условий, способствующих к совершению преступлений.

В целом преступность в России по-прежнему остается одной из самых общественно значимых проблем. За несколько лет хоть и наблюдается снижение роста преступности, ситуация, на наш взгляд, остается напряженной.

Так, по сведениям Министерства внутренних дел России, в январе – сентябре 2017 года зарегистрировано 1551,6 тыс. преступлений, или на 6,9 % меньше, чем за аналогичный период прошлого года. Рост регистрируемых преступлений отмечен в 17 субъектах Российской Федерации, снижение – в 68 субъектах.

Больше половины 57,6 % расследованных преступлений совершено лицами, ранее совершавшими преступления, каждое третье 33,9 % – в состоянии алкогольного опьянения, каждое двадцать седьмое 3,7 % – несовершеннолетними или при их соучастии.

Удельный вес тяжких и особо тяжких преступлений, в числе зарегистрированных, увеличился с 21,5 % в январе – сентябре 2016 года до 21,8 % в январе – сентябре 2017 года.

В результате преступных посягательств погибло 22,4 тыс. человек (+ 1,1 %), здоровью 40,3 тыс. человек причинен тяжкий вред (+ 19,8 %).

Организованными группами или преступными сообществами совершено 10,8 тыс. тяжких и особо тяжких преступлений (+ 1,9 %), причем их удельный вес в общем числе расследованных преступлений этих категорий увеличился с 5,6 % в январе – сентябре 2016 года до 6,3 %.

Количество преступлений в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства увеличилось на 1,7 % и составило 12,0 тыс. преступлений по сравнению с аналогичным показателем прошлого года¹.

Таким образом, в борьбе с преступностью государство получает свое формальное выражение в нормах уголовного закона. В этих нормах закреплены задачи уголовного законодательства, законодательные сведения о преступности, наказуемости и определенных общественно опасных деяниях. Действующая власть должна поддерживать общественный порядок и безопасность общества и государства.

Для решения проблем с преступностью необходим разумный комплексный подход, изучение данного явления через призму различных отраслей науки путем тесного их взаимодействия. Непоследнюю роль в противодействии преступности играют нормы уголовного законодательства. От того, насколько эффективны и действенны уголовно-законодательные нормы, зависит стабильность в обществе и государстве.

Общепринято считать, что норма права определяется «в качестве исходящего от государства и охраняемого им общеобязательного (общего) правила поведения, которое предоставляет участникам общественного отношения данного вида юридические права и налагает на них юридические обязанности»².

К сожалению, в России существует достаточно примеров, когда наказание достаточно мягкое и не соответствует нанесенному ущербу от совершенного преступления, а также бывают случаи, когда наказание более суровое и не соответствует совершенному общественно опасному деянию. При этом все вынесенные решения судом были законными. Но общество в нашей стране восприняло эти решения как отсутствие справедливости и неэффективности наказания.

Таким образом, для защиты от преступности необходим целый ряд элементов, комплекс мер и мероприятий, среди которых особое положение занимают уголовно-правовые санкции. От того, каким образом сформиро-

1 Статистические данные МВД России. Сайт mvd.ru.

2 Алексеев С.С. Общая теория права. М.: Юрид. лит., 1982. Т. 2. С. 37.

вана санкция, зависит, будут ли достигнуты цели, которые ставятся перед уголовным наказанием. Именно уголовное наказание является основной мерой государственного принуждения.

А санкция – это в первую очередь неотъемлемый и существенный атрибут, который закрепляет последствия соблюдения или несоблюдения закона. Санкции играют центральную роль в охранительных нормах, обеспечивая при этом общественный порядок и безопасность в государстве. Необходимо отметить, что понятие санкция и наказание не могут считаться равнозначными, поскольку они определяют различные правовые явления, при этом наказание действует как один из видов государственного принуждения.

В научной литературе часто отмечается, что санкция может отражать не только негативные последствия, но и положительные, т. е. пропагандистские, приводящие к так называемым поощрительным санкциям. К числу поощрительных санкций некоторые авторы относят уголовно-правовые предписания об обстоятельствах, исключающих преступность деяния освобождение от уголовной ответственности и наказания¹.

На наш взгляд, А.П. Козлов более точно дал определение: «Санкция – это часть уголовно-правовой нормы, носящий государственно-принудительный характер, качественно-количественный характер и представляющей собой формально-определенную объективно-субъективную модель мер уголовно-правового воздействия, применяемых к лицам, совершившим преступление»².

При этом качественный показатель необходимо понимать как меру государственного принуждения, а количественный в свою очередь необходимо рассматривать как размер указанных в санкции мер принуждения.

Как правило, уголовно-правовая санкция формируется путем включения в нее различных видов наказаний как базового государственного воздействия (основных и дополнительных) и установления их размеров.

В свою очередь, уголовно-правовая санкция – это инструмент государственного воздействия на личность, она предусматривает меры государственного принуждения, которая может быть применена к лицу, совершившему преступление и нарушившему предписание закона³.

1 Тихонова С.С. Киселева И.А., Фроловичев Я.В. Модель санкции за преступления определенной категории: теория и законодательная практика // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2014. № 2 (17). С. 131.

2 Козлов А.П. Уголовно-правовые санкции. Проблемы построения, классификации и измерения. Красноярск: Издательство Краснояр. ун-та, 1989. С. 17.

3 Шуба Е.С. К вопросу альтернативности санкций в уголовном кодексе РФ // Высшая школа. 2016. № 7. С. 44.

Санкция описывает и закрепляет возможные меры государственного принуждения, в числе которых базовой, как было указано выше, является уголовное наказание.

В действующем уголовном кодексе Российской Федерации все санкции норм по своему составу подразделяются на сложные: кумулятивные (лишение свободы с конфискацией имущества); альтернативные (возможность выбирать одну из названных видов наказания). По степени определенности: относительно определенные, указывающие высший и низший пределы наказания (от двух до пяти лет лишения свободы).

Но в теории уголовного права продолжается дискуссия среди ученых по вопросу о целесообразности включения в Уголовный кодекс абсолютно определенных санкций. Так, А.А. Нечепуренко предлагает пересмотреть наказание за преступления и минимизировать разрыв между минимальными и максимальными размерами наказания в пределах одной санкции, указать в каждой санкции только один вид наказания, а в будущем вообще перейти совершенно к абсолютно определенным санкциям. Однако это предложение он делает с оговоркой, что введение абсолютно определенных санкций не имеет смысла без концептуального переосмысления роли всех уголовно-правовых институтов¹.

В данном дискуссионном вопросе мы разделяем точку зрения данного автора и считаем, что в настоящее время должны быть в уголовном законодательстве абсолютно определенные санкции. Так как эта мера вынужденная и необходимая в настоящее время. Это имеет фундаментальное значение, а именно создаст правовые предпосылки для осуществления справедливого уголовного наказания. Во-первых, это имеет воспитательное значение, т. е. позволяет преступнику четко понимать, за какое уголовное наказание понесет уголовную ответственность и в каком объеме. Во-вторых, будет реально соблюдаться принцип равенства перед законом. В-третьих, уголовное наказание будет соответствовать общественно опасному деянию.

В связи с этим предлагаем ввести абсолютно определенные санкции к таким видам преступления, которые в настоящее время вызывают большой резонанс в обществе. Такие преступления, как мошенничество, незаконный оборот оружия и наркотиков, коррупция, терроризм, убийство. Считаем, что это мера в настоящее время просто необходима и позволит сократить рост преступлений.

В заключение можно отметить, что уголовно-правовые санкции имеют огромное значение для государства. В первую очередь, государство должно быть заинтересовано и иметь такую систему уголовно-правовых санкций,

1 Нечепуренко А.А. Неотвратимость наказания как принцип уголовного права. Омск, 1996. С. 77.

которые способны эффективно предупреждать преступления. А введение в действующий уголовный закон абсолютно-определенных санкций в некоторые статьи Особенной части уголовного кодекса позволит поддерживать общественный порядок и безопасность в обществе и государстве.

Список литературы:

1. Алексеев С.С. Общая теория права. М.: Юрид. лит., 1982. Т. 2.
2. Козлов А.П. Уголовно-правовые санкции. Проблемы построения, классификации и измерения. Красноярск: Издательство Краснояр. ун-та, 1989. 3. Тихонова С.С. Киселева И.А., Фроловичев Я.В. Модель санкции за преступления определенной категории: теория и законодательная практика // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2014. № 2 (17).
3. Нечепуренко А.А. Неотвратимость наказания как принцип уголовного права. Омск, 1996.
4. Шуба Е.С. К вопросу альтернативности санкций в уголовном кодексе РФ // Высшая школа. 2016. № 7.

Хайдаров А.А.,

советник юстиции, профессор кафедры прокурорского надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности и участия прокурора в уголовном судопроизводстве Казанского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, к.ю.н., доцент

Актуальные проблемы уголовно-процессуальной ответственности должностных лиц органов дознания и предварительного следствия

В статье рассматривается проблема уголовно-процессуальной ответственности должностных лиц органов предварительного расследования при применении такой меры принуждения, как задержание. Автор настаивает на том, что должностное лицо органа предварительного расследования должно нести уголовную, уголовно-процессуальную и (или) иную ответственность лишь за те процессуальные действия, которые оно производило.

Ключевые слова: ответственность; процессуальный статус; фактическое задержание; личная ответственность участника уголовного процесса; фальсификация времени задержания

Вопрос об ответственности должностного лица или органа, осуществляющего процессуальную деятельность в ходе уголовного судопроизводства, тесно связан с его процессуальным статусом. Юридическая ответственность является одной из составляющих его процессуального статуса

любого участника уголовного судопроизводства. Данная точка зрения не оспаривается в литературе¹. Наряду с уголовной и дисциплинарной ответственностью должностных лиц (органов) в теории права выделяется уголовно-процессуальная, которая также рассматривается как элемент их процессуального статуса². Об уголовно-процессуальной ответственности в юридической литературе писали Л.Б. Алексеева, В.М. Ковалев, В.М. Корнуков, З.Ф. Коврига, Я.О. Мотовиловкер, П.С. Элькин, В.М. Корнуков.

За процессуальной деятельностью должностных лиц (органов) и суда (судьи) осуществляется ведомственный контроль, прокурорский надзор и судебный контроль. Так, в случае наличия правовых нарушений суд (судья), руководитель следственного органа, а в отдельных случаях прокурор в установленном законом порядке имеют право отменить незаконные и необоснованные постановления следователя (дознателя). Процессуальные нарушения должны быть совершены подконтрольным субъектом, в данном случае лично следователем (дознателем, должностным лицом органа дознания).

В теории уголовного права существует принцип личной ответственности, который означает, что лицо, совершившее преступление, отвечает лишь за то, что им совершено лично или охватывалось его умыслом. Принцип личной ответственности вполне применим для уголовно-процессуальной ответственности и других видов юридической ответственности. Лицо не должно нести ответственность за те действия, которые оно не совершало. Как можно нести ответственность за процессуальные действия, если ты не их совершал и не знал об их производстве другим участником уголовного процесса³.

Далее необходимо обратиться к тексту УПК РФ и проанализировать ряд его положений на предмет соответствия этим положениям.

Обращает на себя внимание положение п. 11 и п. 15 ст. 5 УПК РФ, где сказано, что задержание подозреваемого – это мера процессуального принуждения, применяемая органом дознания, дознавателем, следователем на срок не более 48 часов с момента фактического задержания лица по подозрению в совершении преступления. Момент фактического задержания является моментом производимого в порядке, установленном УПК РФ, фак-

1 Дармаева В.Д. Уголовно-процессуальный статус следователя: Автореф. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 6–8.

2 Сулейменова Г.Ж. Уголовно-процессуальная ответственность следователя: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1988. С. 15–16.

3 Хайдаров А.А. Проблема личной ответственности за производство процессуальных действий и принятие процессуальных решений в отечественном уголовном процессе // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2015. № 2 (20). С. 85.

тического лишения свободы передвижения лица, подозреваемого в совершении преступления.

В практической деятельности правоохранительных органов (МВД, СК, ФСБ и др.) лицо иногда задерживается до возбуждения уголовного дела в момент совершения преступления либо непосредственно после его совершения. В отдельных случаях может идти речь об уголовной ответственности за приготовление к совершению преступления (ч. 2 ст. 30 УК РФ), а задержание может быть произведено на этапе приготовления или покушения к совершению преступления.

Пункт 15 ст. 5 УПК нацеливает нас на то, что в случае задержания лица даже до возбуждения уголовного дела процессуальная деятельность по факту совершения преступления началась. Это идет в разрез с устоявшейся точкой зрения о невозможности применения мер процессуального принуждения до возбуждения уголовного дела. В теории уголовного процесса различают фактическое и юридическое задержание. Об этой проблеме было сказано достаточно на страницах литературы¹.

В настоящем докладе мы рассмотрим проблему уголовно-процессуальной ответственности при применении такой меры процессуального принуждения как задержание.

В следственной практике достаточно распространенными являются случаи, когда фактическое задержание и доставление осуществляют должностные лица органов дознания (сотрудники уголовного розыска, участковые уполномоченные полиции), а процессуальное оформление задержания – следователь (дознатель). В следственной практике при фактическом задержании органы дознания процессуальных документов не составляют, а ограничиваются передачей задержанного следователю в его кабинете. В отдельных случаях органы дознания составляют рапорт.

В связи с неурегулированностью вопроса о фактическом задержании и доставлении в УПК возникает множество вопросов. Например, какое время необходимо указывать в протоколе задержания. В практике нередки случаи, когда время фактического задержания, которое сообщается органами дознания следователю и самим задержанным, отличается. Зачастую следователь указывает время и дату, сообщенную органом дознания в устной форме, либо указывает время и дату, когда должностное лицо органа дознания доставило это лицо к следователю.

В судебной практике подозреваемые и их защитники жалуются в порядке ст. 125 УПК, однако доказать время фактического задержания у указанных участников уголовного судопроизводства не всегда получается.

Приведем такой пример.

1 Гайнов И.Д. Механизм реализации мер уголовно-процессуального принуждения: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 24 с.

Подозреваемый М. подал кассационную жалобу на незаконные действия следователя. В ней он просил постановление Орловского районного суда Орловской области от 24 июня 2010 года отменить, материал направить в тот же суд для разрешения жалобы по существу. В обоснование указывает, что он просил правильно оформить протокол задержания, а именно указать в нем фактическое время задержания, которое отличается от времени составления протокола на шесть часов.

В кассационном определении Судебной коллегии по уголовным делам Орловского областного суда от 3 августа 2010 года № 22 к-393 указано, что доводы М. о том, что фактически его задержали в 12 часов, а протокол задержания следователем был составлен только через шесть часов после задержания, являются несостоятельными, поскольку в представленном материале отсутствуют какие-либо данные, подтверждающие указанные обстоятельства¹.

Суды обоснованно не принимают сторону защиты, поскольку доказательства, подтверждающих время фактического задержания в материалах дела, не имеется, а он исходит из времени и даты, указанной в протоколе задержания.

Институт фактического задержания является важным правозащитным элементом в уголовном судопроизводстве России. Этот институт способен качественно защитить права и законные интересы подозреваемого на начальном этапе судопроизводства. В этой связи необходимо продолжить его изучение в целях выработки рекомендаций по совершенствованию правового механизма реализации этого института.

Фактическое задержание лица является процессуальным действием, которое должно облекаться в процессуальную форму. Из теории уголовного процесса известно, что любые процессуальные действия участников уголовно-процессуальной деятельности, будучи облеченными в форму процессуального документа, являются уголовно-процессуальными актами².

Акт фактического задержания лица органом дознания предполагает наличие у задержанного целого комплекса прав и обязанностей. Странно выглядит ситуация, когда акт задержания есть, а процессуального документа нет.

1 Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Орловского областного суда от 3 августа 2010 года № 22 к-393 // Доступ из ГАС РФ «Правосудие» (дата обращения: 12.10.2017).

2 Муратова Н.Д. Процессуальные акты органов предварительного расследования. Вопросы теории и практики. Казань: Изд-во Казанского университета, 1989. С. 7; Хайдаров А.А. Институт судебного поручения в уголовном процессе России // Российский следователь. 2014. № 12. С. 10–11.

Мы допускаем ситуацию, что времени на составление процессуальных документов у органа дознания в момент задержания лица до возбуждения уголовного дела может не быть, но ему ничего не мешает его составить после доставления этого лица к следователю.

Не совсем верно, когда фактическое задержание осуществляет одно должностное лицо, а процессуальные документы составляет другое. Возникает вопрос об уголовно-процессуальной ответственности за производство незаконных процессуальных либо иных действий по фактическому задержанию либо сопряженных с ним. Одним из основных спорных вопросов в данном случае является несоответствие времени (даты), указанном в протоколе задержания со слов органа дознания, и времени (даты) его фактического задержания.

В этой ситуации следователь не может и не должен отвечать за недобросовестные действия органа дознания, который сообщил неверные данные о времени и дате задержания лица. Так же как и не может следователь (дознатель) нести ответственность за незаконные действия органа дознания.

Данный вопрос является актуальным и потому, что время фактического задержания должно, вне всяких сомнений, учитываться в общем времени задержания. При опросе следователей (дознателей) на факультете повышения квалификации Казанского юридического института было установлено, что время и дату фактического задержания, даже если оно было произведено до возбуждения уголовного дела, они указывают после времени и даты вынесения постановления о возбуждении уголовного дела. Это можно рассматривать как серьезное нарушение прав и законных интересов лица, привлекаемого к уголовной ответственности. Основной причиной подобных нарушений прав задержанного следователя (дознателя) указывают правило о недопустимости применения мер процессуального принуждения до возбуждения уголовного дела.

В целях предупреждения конфликтов между следователями (дознателями) и органами дознания и повышения гарантий прав и законных интересов лица, привлекаемого к уголовной ответственности, предлагаем при задержании лица на месте совершения преступления либо непосредственно после его совершения до возбуждения уголовного дела органу дознания составлять протокол доставления, в котором в обязательном порядке должны найти отражение время, место и основания фактического задержания, а задержанный должен расписаться, подтвердив в том числе время своего задержания.

Протокол доставления следует рассматривать в качестве процессуального документа, который может быть составлен как до, так и после возбуждения уголовного дела.

Процессуальное задержание с моментом фактического задержания до возбуждения уголовного дела в этом случае будет выглядеть как двуединое процессуальное действие, каким оно, по сути, и является, состоящее из двух этапов с разделением ответственности. Должностное лицо органа дознания должно нести ответственность со времени фактического задержания лица и до момента передачи лица следователю. После передачи задержанного всю полноту ответственности должен нести следователь.

Подобное построение процесса повысит личную ответственность должностных лиц органа дознания, позволит предупредить фальсификацию процессуальных документов, а также способствовать снижению количества случаев незаконного и необоснованного задержания лиц, подлежащих привлечению к уголовной ответственности.

Следователям (дознателям) в их процессуальной деятельности следует избегать фактов отражения в составленных ими документах процессуальных действий фактически произведенных другими должностными лицами. Мы настаиваем на том, что производство любого процессуального действия должностным лицом либо органом должно облекаться в форму лично составленного процессуального документа с отражением в нем юридически важных фактов.

СОДЕРЖАНИЕ СУЩНОСТЬ И СОДЕРЖАНИЕ ЮРИДИЧЕСКИХ САНКЦИЙ И МЕР ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРИНУЖДЕНИЯ В ПРАВОВОЙ НАУКЕ И ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ

Валиев Р.Г.,	3
Санкции правовых норм как фактор актуализации правоприменительных дискреционных полномочий	3
Васильев П.В.,	8
О возможности понимания санкции в качестве правового последствия	8
Власенко В.Н., Михалева А.Е.,	14
К вопросу о правовом режиме санкций в отношении адвокатов и частно-практикующих юристов.....	14
Гумеров Л.А.,	19
Меры ответственности в правовом регулировании научной деятельности: общее и особенное.....	19
Здунова Д.И.,	25
Роль и значение поощрительных санкций	25
Ковалева В.В.,	31
Эффективность применения юридических санкций: возможность и действительность	31
Краснов Э.В.,	35
Правовая санкция и юридическая ответственность в правовом государстве	35
Купцова О.Б.,	41
Топические основания формулирования санкций норм права: постановка проблемы	41
Малько А.В., Нырклов В.В.,	44
Поощрительные санкции в праве и позитивная юридическая ответственность.....	44
Неяскин Д.С.,	56
Санкции исключительных норм: общетеоретические аспекты	56
Панченко В.Ю.,	60
О целевом критерии в правовых режимах реализации юридических санкций	60
Поддубный А.О.,	63
Принцип индивидуализации юридической ответственности	63

Рогожина С.Г.,	
Санкция как структурный элемент правовой нормы, общие вопросы теории	67
Рязанова М.Н.,	
Юридические санкции в древнерусском законодательстве	70
Сим А.В.,	
Ограничения и запреты в праве как юридические санкции	78
Скоробогатов А.В.,	
Санкция как форма правообразования	82
Степанова В.Е., Силантьева В.Ю.,	
Применение интегративного подхода к пониманию санкции	92
Суменков С.Ю.,	
Теоретические проблемы конструкции норм-исключений	100

ЮРИДИЧЕСКИЕ САНКЦИИ В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ КОНСТИТУЦИОННОГО, МЕЖДУНАРОДНОГО И АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА

Аксенов А.Б.,	
Международно-правовые санкции: правовая природа и практика применения	109
Багаутдинов Ф.Н.,	
Вопросы ответственности за незаконное вознаграждение в интересах юридических лиц (ст. 19.28 КоАП РФ)	116
Бакирова Г.Я.,	
Актуальные проблемы международного гуманитарного права	124
Гадельшина А.И.,	
Санкции за неисполнение решений органов конституционной юстиции в Российской Федерации	130
Гарифуллина А.Р.,	
К вопросу об исполнении решений органов конституционной юстиции	135
Давтян В.Р.,	
Санкция как элемент конституционно-правовой нормы	143
Дзыбова С.Г., Парасюк Е.А.,	
Закономерности конституционно-правовой ответственности в современном мире	149

Дивин И.М.,	
Концепция административной ответственности	157
Кривенкова М.В.,	
Определение соразмерности применения государством контрмер	160
Мезяев А.Б.,	
Международно-правовые проблемы санкций в отношении Корейской Народно-Демократической Республики	165
Мифтахов Р.Л.,	
Ужесточение и смягчение административной ответственности как способы достижения целей административного наказания (на примере санкций, устанавливаемых для юридических лиц)	169
Самович Ю.В.,	
К вопросу о санкциях в международном праве	176

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ САНКЦИЙ В ЧАСТНОПРАВОВОЙ СФЕРЕ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Аксенова О.В.,	
Категория «санкция» в римской правовой традиции	182
Архипов И.В.,	
Объекты гражданско-правовой защиты	188
Ахметзянова Г.Н.,	
Гражданско-правовая ответственность за нарушение денежного обязательства: практический аспект	195
Барышев С.А.,	
Компенсация как мера ответственности за нарушение исключительного права	200
Долинская В.В.,	
Особенности соотношения и распределения ответственности между юридическими лицами, их органами и членами органов юридических лиц	205
Иванова Т.В.,	
Некоторые виды скрытых санкций в отношениях малого и среднего бизнеса	214
Измайлов В.В.,	
Расторжение брака как способ охраны прав супругов	222

Каримуллина А.Э.,	
К вопросу о гражданско-правовой ответственности в правоотношениях, возникающих из договоров обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств.....	226
Карягина В.С.,	
Межотраслевые аспекты применения мер гражданско-правовой ответственности в жилищных правоотношениях	231
Ковалькова Е.Ю.,	
Особенности применения мер гражданско-правовой ответственности в сфере закупок по контрактной системе	244
Краснов А.В.,	
Понятие юридической санкции в современном методологическом контексте	252
Лакоценина Н.М.,	
Институт недействительности сделок и применение мер гражданско-правовой ответственности (дискуссионные аспекты)	259
Левушкин А.Н.,	
Отказ от семейно-правового договора и имущества после смерти супруга как односторонние волеизъявления, юридические факты и меры защиты семейных прав.....	270
Мальшева Е.Ю.,	
К вопросу о дифференциации МПР и выделении охранного МПР (цивилистический аспект)	275
Павлова О.Г.,	
Особенности семейно-правовых санкций в современной России.....	281
Савина Т.В.,	
Лишение права наследовать как основание признания недостойным наследником.....	284
Салиева Р.Н.,	
Особенности гражданско-правовых санкций в договорах о снабжении энергетическими ресурсами.....	291
Сергеева Е.С.,	
Санкции за нарушение условий корпоративного договора	298
Тагаева С.Н.,	
К проблеме семейно-правовых санкций	306

Татаренко Л.А.,	
К вопросу об ответственности в биомедицинской деятельности.....	312
Фатхутдинова Г.Д.,	
Гражданско-правовая ответственность за нарушение прав потребителей в банковской сфере.....	318
Хамидуллин М.Т.,	
О некоторых вопросах ответственности потребителя по договору теплоснабжения.....	326
Хисамутдинова Л.В.,	
Неустойка в действующем законодательстве	329
Шавалиева Д.Р.,	
Ответственность в ипотечных правоотношениях	336
ПРОБЛЕМЫ НОРМАТИВНОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ САНКЦИЙ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССУАЛЬНОМ, ЭКОЛОГИЧЕСКОМ И ТРУДОВОМ ПРАВЕ	
Андреева Т.С., Долодина Р.Р.,	
Актуальные вопросы судебной защиты отдельных социально-трудовых прав граждан	342
Аутлева Р.В.,	
Отдельные проблемы взыскания неустойки в арбитражном процессе .	346
Боронина И.Ю.,	
О некоторых особенностях применения мер юридической ответственности за нарушение правового режима охранных зон населённых пунктов.....	353
Воробьев В.В.,	
Вопросы правового регулирования трудовых отношений в современной России	356
Воронцова И.В.,	
Проблемы ответственности должника в исполнительном производстве	364
Всеволодов С.А.,	
Некоторые вопросы о санкциях к судье	369
Гайфутдинова Р.З.,	
Особенности обращения взыскания на морские суда в исполнительном производстве.....	377

Демидов Н.В.,	
Дисциплинарное увольнение по трудовому праву 1990-х гг.....	383
Дыжова А.А.,	
Особенности применения санкций в природоресурсном законодательстве Республики Беларусь.....	385
Евсикова Е.В.,	
Некоторые аспекты привлечения к административной ответственности за правонарушения в области охраны окружающей среды и природопользования	393
Загидуллин М.Р.,	
Развитие института юридической ответственности в судебном (гражданском) процессе в средневековой Руси.....	403
Каразанова О.О.,	
Меры процессуального принуждения (санкции): понятие и виды	410
Марков С.М., Шарапова А.О.,	
«Третейская / медиативная» природа споров в российском здравоохранении и примирительная процедура их разрешения (точка зрения философа и стоматолога)	417
Тимошенко А.В.,	
Процессуальные санкции в деятельности суда по истребованию и оценке доказательств по гражданским делам.....	425
Хайрутдинова Л.З.,	
Ответственность за невыплату пенсий, пособий, заработной платы, стипендии и др.	432

ЮРИДИЧЕСКИЕ САНКЦИИ И МЕРЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРИНУЖДЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ И ПРОЦЕССЕ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Артюшина О.В.,	
Анализ санкций ст. 110.1 и 151.2 УК РФ	436
Багаутдинов К.Ф.,	
Прекращение досудебного соглашения о сотрудничестве в механизме уголовно-процессуальной ответственности	439
Беляев М.В.,	
Ответственность суда за принятие решений в уголовном процессе	445

Бурганов Р.С.,	
Судебный штраф как разновидность санкции в российском уголовном праве и процессе	449
Гусарова М.В.,	
Санкции за половые преступления по УК РФ	457
Закирова Э.Ф.,	
Эффективность применения санкций за преступления, посягающие на трудовые права граждан	461
Иванов В.В.,	
Правовое положение защитника в уголовном процессе в странах следственной процессуальной модели	464
Кошкин А.В.,	
Санкция уголовно-правовой нормы как элемент системы уголовного законодательства.....	472
Кузьмин Ю.А.,	
Юридические санкции и иные меры уголовно-правового характера в современном мире	478
Лукомская А.С.,	
Функции мер защиты прав потерпевшего в уголовном процессе.....	484
Мазуренко П.Н.,	
Особенности санкций за преступления против здоровья населения.....	488
Максимов Н.В.,	
Права потерпевшего как форма уголовно-процессуальной санкции на стадии предварительного расследования	490
Мальшева Ю.Ю.,	
Преступления, совершаемые путем обмана по уголовному кодексу Российской Федерации по состоянию на август 2017 года	493
Маркелов А.Г.,	
Домашний арест в уголовном судопроизводстве как компромиссная санкция: проблемы и возможные пути разрешения	501
Мингалимова М.Ф.,	
Влияние смягчающих обстоятельств на выбор меры и вида наказания по уголовным делам.....	509
Патшина Т.А.,	
Арест как вид уголовно-правовой санкции.....	516

Перепелкин В.И.,	
Условное осуждение как способ применения уголовно-правовой санкции	519
Саливаров В.Я.,	
Проблемы использования результатов оперативно-розыскных мероприятий в уголовном судопроизводстве России.....	523
Сафонов Э.Е.,	
Особенности применения судом санкций к военнослужащим, совершившим дисциплинарные проступки.....	527
Соловьева С.В.,	
Мотивы ненависти или вражды как отягчающее наказание обстоятельство: вопросы пределов наказания.....	530
Сундуrow Ф.Р.,	
Уголовно-правовая политика России в сфере пенализации и депенализации	535
Сундуrowa О.Ф.,	
Санкции и пределы уголовного наказания	544
Титов А.Н.,	
Правонарушения и санкции в уголовном процессе Донецкой Народной Республики	547
Тихонова С.С.,	
Проблемы конструирования усиленных санкций статей Особенной части кодифицированного уголовного закона	555
Уткин Д.В.,	
Предупредительные санкции в правоохранительной деятельности	563
Фатхуллин Р.Р.,	
Роль и значение уголовно-правовых санкций в современной России	567
Хайдаров А.А.,	
Актуальные проблемы уголовно-процессуальной ответственности должностных лиц органов дознания и предварительного следствия.....	571
СОДЕРЖАНИЕ	577

Научное издание

Юридические санкции:

общетеоретические и отраслевые аспекты

Материалы V Всероссийской научно-практической конференции
с международным участием

Компьютерная верстка и макет Э.В. Голяшева
Корректор Г.Р. Хамзина

Издательство «Отечество»
420126, г. Казань, ул. Чистопольская, 27а
Подписано в печать 28.06.2018. Формат 64x80 1/16.
Бумага офсетная. Печать ризографическая.
Усл. печ. л. 35,98. Тираж 500. Заказ № 0307/1
Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии «Вестфалика» (ИП Колесов В.Н.)
420111, г. Казань, ул. Московская, 22. Тел.: 292-98-92
e-mail: westfalika@inbox.ru
